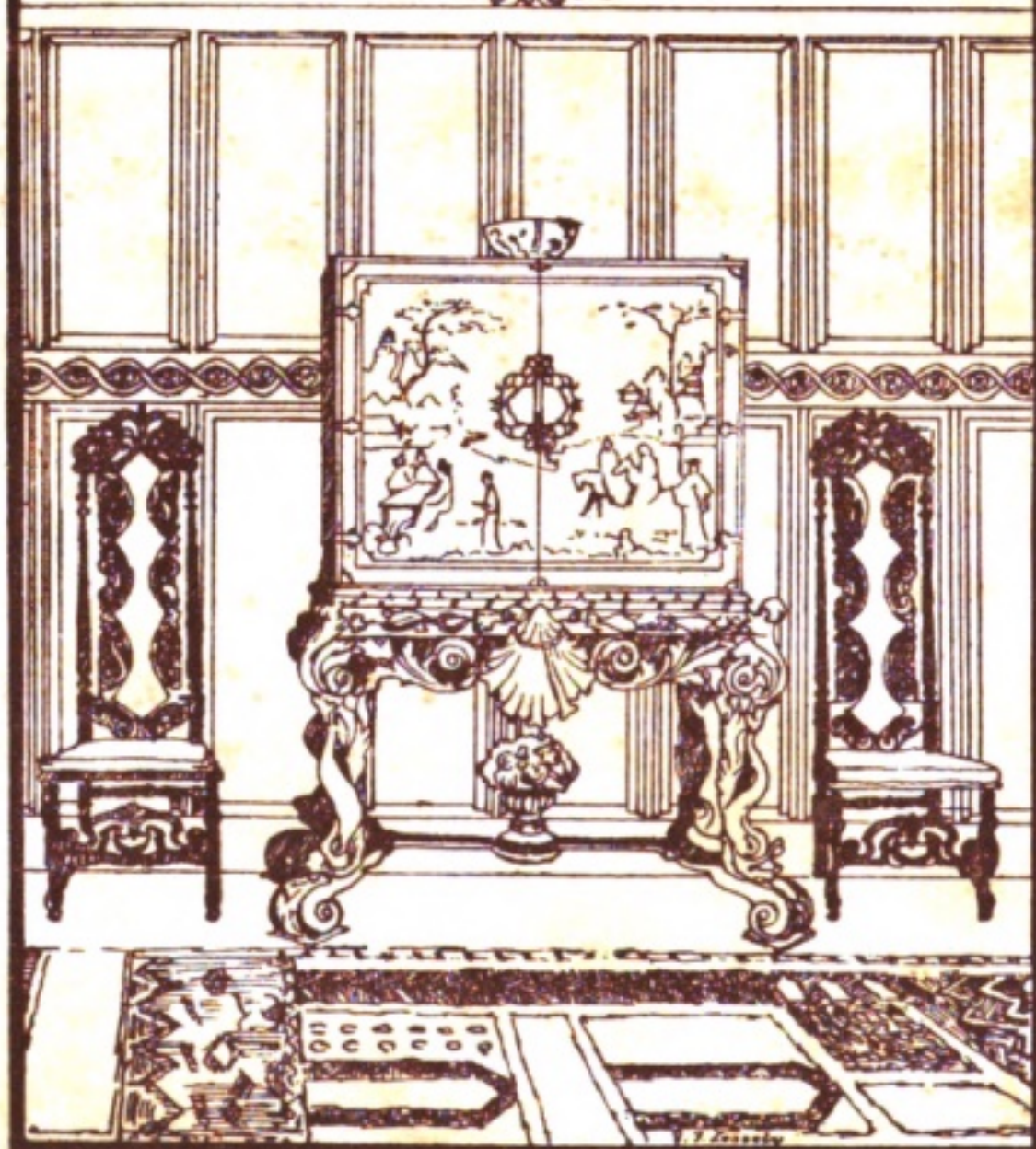

Ex Libris

W.E.D. Allen

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

ІЮЛЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Наброски изъ моей жизни. С. П. Зыкова.	3—38	IX. Отвѣтъ Ѳ. А. Маишеву. С. Зыкова.	106
II. М. X. Рейтернъ. (Биографическій очеркъ, составленъ А. Н. Куломанинымъ и гр. В. Г. Рейтернъ—бар. Ноалькенъ. Съ приложеніями изъ посмертныхъ записокъ М. X. Рейтерна).	39—55	X. Пребываніе Императора Александра I въ с. Грузино, Новгородскаго у., Новгородской г., 7 іюня 1810 г. П. А. Дашкова.	107—114
III. О посѣщеніи Императоромъ Александромъ III въ бытность его Великимъ Княземъ въ 1864 г. артезіанскаго колодца въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. А. А—хв.	56—58	XI. Изъ давно прошедшаго. (1876—1879). Л. Богачевского.	115—130
IV. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	59—62	XII. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера.	133—166
V. Изъ архива виленскаго генералъ-губернаторства. Къ родословію Скобелевыхъ. Сообщ. Ю. В. Татищевъ.	63—64	XIII. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 г.г. Сообщ. Е. Каменскій.	167—182
VI. Командировка дивизіона лейбъ-драгунъ въ Финляндію въ г. Вильманстрандъ въ лагерь финскихъ войскъ въ 1888 г. В. А. Ковалевскаго.	65—82	XIV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 10 декабря 1909 г. по 3 февраля 1910 г.	183—190
VII. Народная легенда. Е. Г.	83—85	XV. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
VIII. 15 писемъ адмирала Александра Ивановича Панфилова. Сообщила Е. А. Трутъ.	87—105	а) Какъ прежде собирались иногда историческіе матеріалы въ духовномъ вѣдомствѣ. Сообщ. Г. С. М.	86
		б) Къ исторіи русскаго флота. (Щельмо 1698 г. изъ Воронежа о кумпанетѣ погодскаго архієпископа). Сообщ. П. Суворовъ.	131—132
		XVI. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

Приложеніе: Портретъ графа Александра Ѳедоровича Ланжерона.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва и. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

Издание Великаго Князя Николая Михайловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ IV.

Этимъ выпускомъ заканчивается это прекрасное и художественно-исполненное изданіе. Свыше тысячи портретовъ воспроизведены для потомства, а нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ спасены, такъ какъ и теперь вскорѣ послѣ изданія оригиналы эти совсѣмъ исчезли.

Къ числу интересныхъ портретовъ въ IV выпускѣ находятся превосходно возсозданный Кипренскимъ портретъ Пушкина, дивный портретъ кн. П. А. Зубова во весь ростъ, работы Лампи, портреты: Ю. Я. Чаадаева, извѣстнаго сектанта Дубовицкаго, адмирала Ф. Ф. Ушакова, матери кн. Потемкина—Д. А. Потемкиной, извѣстнаго министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія кн. А. Н. Голицына, портретъ участника событія 11 марта 1801 г., кн. В. М. Яшвиля и много другихъ.

Дневныя записки о путешествіи руссійско-императорскаго посольства въ Персію въ 1816 и 1817 г.г., веденныя совѣтникомъ этого посольства Е. А. Соколовымъ.

Записки эти содержатъ описаніе событій по мѣсяцамъ съ октября 1816 г. по апрѣль 1817 г. Съ выѣздомъ посольства изъ Тифлиса 17 апрѣля и до его возвращенія въ Россію 15 октября 1817 г., записи подробно ведутся по днямъ. Особенно интересное описаніе пріема у Аббасъ-Мирзы и персидскаго шаха, а также изложеніе мѣръ, предпринятыхъ посломъ А. П. Ермоловымъ для поднятія престижа Россіи. Къ запискамъ предпослано интересное и обстоятельное предисловіе, составленное Александромъ Ермоловымъ.

И. Корниловъ. Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа. Изданіе второе, провѣренное и дополненное (посмертное). Выпускъ первый.

Авторъ состоялъ поочетелемъ Виленскаго учебнаго округа съ февраля 1864 г. по мартъ 1868 г. и собралъ служебную переписку по округу, руководящія распоряженія за это время и переписку съ разными лицами. Вся эта переписка чужда формализма: она дышетъ правдой. Видно по всему, что дѣло было живое, и что всѣ лица, принимавшіе участіе въ перепискѣ, „работали сердечно, съ одушевленіемъ, изъ любви къ дѣлу, плоды котораго для возбужденія русскаго народнаго духа, для возрожденія русской культуры и для возстановленія правъ русской народности были у всѣхъ на виду“. Книгу эту можно рекомендовать для прочтенія всѣмъ, кто интересуется исторіей нашей родины. Самъ авторъ говоритъ: „Давно пора русскимъ ученымъ заняться строгимъ и подробнымъ, безпристрастнымъ изученіемъ событій въ Западной Россіи и Царствѣ Польскомъ и происходящей тамъ вражды и кровавыхъ распрей польской шляхты съ русскимъ народомъ. Разработка и обнародованіе историческихъ матеріаловъ, относящихся къ такъ называемой Муравьевской эпохѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, обличать, наконецъ, правду, разсѣять вымыслы, заблужденія и клевету и дадутъ возможность и право произнести судъ и приговоръ надъ людьми и событіями, и приговоръ исторіи будетъ непременно въ пользу М. Н. Муравьева“.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двадцать вторая. Съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ. С.-Петербургъ. 1910 г.

Эта книга состоитъ изъ шести главъ, совершенно обработанныхъ покойнымъ Н. Барсуковымъ, и, отложенныхъ въ особый планъ съ надписью „Начало XXII книги“, которая издана братомъ покойнаго, Александромъ Барсуковымъ, при трогательномъ библейскомъ изреченіи: „Болѣзную о тебѣ, брате мой, красной ми зѣло“,—съ приложеніемъ превосходно составленнаго указателя (ключа) ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ.

Шесть главъ написаны на основаніи выдержекъ изъ воспоминаній Бориса Николаевича Чичерина, бывшаго профессоромъ безвременно скончавшагося Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и сопровождавшаго Цесаревича во время путешествій.

Чичеринъ увидѣлъ въ первый разъ своего будущаго слушателя въ началѣ сентября 1861 года.

„Онъ произвелъ на меня, пишетъ Чичеринъ, самое выгодное впечатлѣніе. Высокій, стройный, красивый, при этомъ умный, живой и привѣтливый, онъ могъ очаровать и привязать къ себѣ тѣхъ, кто къ нему подходилъ. Вся окружающая атмосфера дышала какимъ-то задумчивымъ и возвышеннымъ строемъ“.

Вскорѣ Чичеринъ началъ читать Великому Князю лекціи. По прошествіи нѣкотораго времени поочетель Наслѣдника, графъ Строгановъ, объявилъ, что надо назначить репетицію прочитаннаго.

„Задача была нелегкая, передаетъ Чичеринъ. Изложить кратко и ясно цѣлый рядъ ученій, болѣею частью съ философскимъ содержаніемъ, не всегда подхъ силу даже не совсѣмъ дюжинному уму. Любой студентъ надъ этимъ бы призадумался. А между тѣмъ, Великій Князь исполнилъ это такъ отчетливо, послѣдовательно и даже изящно, что ничего лучшаго нельзя было желать. И я, и присутствующій при репетиціи графъ Строгановъ остались въ полномъ восторгѣ. Мы тутъ же съ радостнымъ чувствомъ поздравили другъ друга. То же впечатлѣніе произвели на насъ и другія репетиціи. Самыя отвлеченныя

Графъ
Александръ Ѳеодоровичъ
Ланжеронъ

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СТ

“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поездка въ Самборъ“. **П. М. Ковалевского**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевского, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ф. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храевичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринъ“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. **Е. А. Рагозиной** — „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг.“. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г.“. Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія Д. Санглена, Леваковскаго, Семенова и др. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ

“

”

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Russische Starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1910.

ЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

Наброски изъ моей жизни¹⁾.

ятежъ въ Польшѣ, начавшійся въ началѣ 1863 года, разгорался все болѣе, несмотря ни на какія уступки со стороны русскаго правительства. Напротивъ, онъ усиливался по мѣрѣ дѣлаемыхъ уступокъ какъ съ гражданской, такъ и съ военной стороны. Намѣстники, кромѣ временно бывшаго Сухозанета, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, совершенно растерялись и, несмотря на многія указанія со стороны самого Государя, не исполняли Высочайшаго повелѣнія. Всѣ они находились подъ вліяніемъ поляковъ и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Велепольскаго, который, пользуясь оказаннымъ ему довѣріемъ, проектировалъ такія льготы Польшѣ, о которыхъ осталъная Россія и думать не могла. По этому проекту, сочиненному Велепольскимъ и утвержденному Государемъ, Польша фактически становилась независимою отъ Россіи. И все это утверждалось русскимъ правительствомъ, которое не видѣло или не хотѣло видѣть, что утвержденный проектъ велъ къ той же цѣли, къ какой стремились и мятежники. Къ счастью Россіи поляки не поняли или тоже, какъ и русскіе, не хотѣли понять игры Велепольскаго и, несмотря на дарованныя имъ милости, продолжали прежнія революціонныя безчинства.

Нельзя не отмѣтить при этомъ, что обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ въ Царствѣ Польскомъ извѣщались иностранныя государства, точно будто Польша не составляла нераздѣльной части Россіи и

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1910 г.

въ своихъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ дѣлахъ подлежала суду европейскихъ державъ. Не это ли заискиваніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ послужило поводомъ къ тѣмъ дипломатическимъ нотамъ, въ которыхъ съ такою безцеремонностью давались Россіи разные непрошенные совѣты.

Если можно только съ горечью говорить о томъ гражданскомъ строѣ, который господствовалъ въ Польшѣ, благодаря русскимъ намѣстникамъ, то не менѣе тяжело вспомнить о томъ униженіи, которому, благодаря тѣхъ же намѣстниковъ, подвергались войска.

Не было такихъ униженій и оскорбленій, которымъ бы не подвергались войска со стороны польскихъ мятежниковъ: на войска плевали одиночные люди, какъ это теперь происходитъ въ Финляндіи, поносили, оскорбляли цѣлыми толпами, дѣйствуя иногда оружіемъ, и убивали полицейскихъ. И все это войска выносили со злостью въ сердца, повинаясь властямъ, которыя ничего этого не хотѣли видѣть и не желали остановить безобразія. Но все это кончилось съ назначеніемъ графа Берга намѣстникомъ, а Н. А. Милютина начальникомъ гражданской власти.

Н. А. Милютинъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ и довѣреннымъ лицомъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. По удаленіи А. И. Левшина въ 1859 году Ланской представилъ Милютина на должность товарища. Однако Государь, хотя не зналъ Милютина лично, но слышалъ, что онъ слыветъ за либерала, долго не соглашался на это назначеніе. Государь слышалъ, будто Милютинъ страшный врагъ дворянъ и поборникъ крестьянскихъ интересовъ. Въ концѣ концовъ, однако Государь уступилъ Ланскому, назначивъ Милютина временно товарищемъ министра.

Принимая Милютина при вступленіи его въ должность, Государь не скрылъ отъ него, что въ обществѣ его считаютъ едва-ли не за революціонера и что, соглашаясь на его назначеніе, онъ желалъ дать ему возможность оправдаться въ этомъ нареканіи¹⁾. Конечно, распустивъ въ придворныхъ сферахъ такой слухъ о Милютинѣ могли тѣ лица, которыя стояли за крѣпостное право, за олигархію дворянства и за остзейскіе и польскіе порядки. На сторонѣ Милютина были только Абаза, Головинъ, Рейтернъ и князь Оболенскій. Правда, это было немного по числу, но за то на его сторонѣ была большая сила въ лицѣ умной Великой Княгини Елены Павловны, горячо сочувствовавшей всѣмъ благимъ начинаніямъ Царя-Освободителя. Она дѣятельно поддерживала Милютина, выражала ему

¹⁾ Татищевъ.

сочувствіе и оказывала свое покровительство. Неоднократно она заступалась за него передъ самимъ Государемъ.

Надо замѣтить, что она не совѣтовала Милютину принимать предлагаемое ему мѣсто. Того же мнѣнія держался и Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который былъ того мнѣнія, что во главѣ правительства въ Царствѣ Польскомъ долженъ быть не русскій, а полякъ.

По окончаніи своихъ работъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ Н. А. Милютинъ, со свойственнымъ ему умомъ и энергіею, принялся за реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Лѣтомъ 1863 года онъ былъ вызванъ изъ-за границы, и Государь, несмотря на отказъ съ его стороны, поручилъ ему огромной важности дѣло—введеніе въ Царствѣ Польскомъ капитальныхъ реформъ. При этомъ Императоръ Александръ Николаевичъ изложилъ Милютину свои главные мысли. Онъ говорилъ, что несмотря на примирительную систему, которой онъ постоянно держался, онъ окончательно убѣдился, что не достигнетъ примиренія между русскими и поляками, несмотря на всѣ уже сдѣланныя уступки. Поэтому остается одно только средство привлечь къ русскому престолу сердце польскихъ крестьянъ, ибо помѣщики и шляхта непримиримы, крестьяне же, несмотря на личную свободу, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, состоя въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ были водворены.

Отпуская Милютина, Государь изъявилъ ему милостивое довѣріе и сказалъ, что онъ предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій.

Результатъ Милютинскихъ дѣйствій, съ соизволенія Государя, выразился фактическимъ освобожденіемъ крестьянъ, съ надѣломъ ихъ землею, и дарованіемъ независимаго отъ помѣщиковъ суда и устройства учебной части. Всѣ руководящія статьи по этому вопросу, составленныя Гильфердингомъ, Кояловичемъ и Θεоктистовымъ, подъ непосредственною редакціею самого Милютина, тотчасъ же печатались въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и такимъ образомъ дѣлались достояніемъ публики, имѣвшей возможность оцѣнивать дѣйствія правительства.

Русское общество ожило и увидѣло, что правительство поняло наконецъ свое униженіе и рѣшилось принять энергическія мѣры для водворенія порядка въ краѣ, гдѣ благодаря Велепольскому и слабымъ намѣстникамъ, Царство Польское едва не отдѣлилось отъ Россіи на законномъ основаніи.

Но если въ Россіи были довольны дѣйствіями правительства, за границею поднялась цѣлая буря. Общественное мнѣніе, возбужденное прессою, негодовало и громко требовало вмѣшательства во вну-

тренія дѣла Россіи. Къ счастью, на этотъ разъ нашлись люди, отстаившіе честь и достоинство Россіи, съ соизволенія Государя, давшіе внушительный отпоръ Франціи и Англіи.

Принятіе ихъ предложеній равносильно было бы признанію за ними права вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла, отверженіе могло повести къ дипломатическому разрыву и даже къ войнѣ, какъ предупреждали о томъ русскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ. Възвѣсивъ обѣ случайности, Императоръ Александръ не колебался подчинить всѣ прочія соображенія сознанію державнаго достоинства Россіи. Прежде чѣмъ подписать: „быть посему“ на представленныхъ вице-канцлеромъ проектахъ отвѣтовъ на имя нашихъ представителей въ Лондонѣ, Парижѣ и въ Вѣнѣ, Государь перекрестился и, передавая ихъ князю Горчакову, твердо и рѣшительно произнесъ¹⁾: *Vogue la galère*.

Въ числѣ протестующихъ оказался и папа римскій. Онъ съ самаго начала возстанія въ Польшѣ проявилъ сочувствіе полякамъ и оказывалъ имъ всевозможныя поощренія. Наконецъ, онъ обратился съ личнымъ письмомъ къ Государю, въ которомъ жаловался на положеніе римско-католической церкви въ краѣ, на терпимыя ею притѣсненія и требовалъ для себя права непосредственно сноситься, внѣ всякаго правительственнаго контроля, съ мѣстными епископами, а для духовенства—возстановленія его вліянія на народное образованіе.

Императоръ Александръ отвѣчалъ римскому первосвященнику письмомъ, въ которомъ упрекамъ его противопоставилъ обвиненіе духовныхъ лицъ въ соучастіи въ мятежѣ, въ вызванныхъ имъ безпорядкахъ и даже въ совершенныхъ преступленіяхъ. „Этотъ союзъ пастырей церкви“, писалъ Государь, „съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу—одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій нашего времени. Ваше Святѣйшество должны не менѣе меня желать его прекращенія“. Письмо это заключалось слѣдующими словами Государя: „Я увѣренъ, что прямое соглашеніе моего правительства съ правительствомъ Вашего Святѣйшества, на основаніи заключеннаго между нами конкордата, вызоветъ желанный мною свѣтъ, при которомъ разсѣются недоразумѣнія, порожденныя ошибочными или злонамѣренными донесеніями, и не преуспѣетъ дѣло политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому и другимъ приходится обороняться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и заботливость моя о духовныхъ нуждахъ моихъ подданныхъ всѣхъ

¹⁾ Татищевъ.

исповѣданій служить залогомъ чувствъ, одушевляющихъ меня въ этомъ отношеніи“.

Въ числѣ другихъ вопросовъ Милютинъ коснулся весьма важнаго вопроса о католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, выяснилось, что во всѣхъ волненіяхъ и преступленіяхъ принимало дѣятельное участіе католическое духовенство; во многихъ костелахъ и монастыряхъ найдены были склады оружія и прокламацій. Въ виду этого рѣшено было закрыть тѣ изъ монастырей, которые существовали не на законномъ основаніи, вопреки каноническихъ правилъ.

Когда въ принципѣ вопросъ былъ конченъ, то, по желанію Н. А. Милютина, рѣшено было, не оглашая самаго рѣшенія правительства, приступить къ подготовленію общественнаго мнѣнія къ этому событію. Съ этою цѣлью составленіе статей поручено было Гильфердингу, Кояловичу и Оеоктистову. Статья Кояловича по поводу описанія дѣйствій извѣстнаго Кунцевича была представлена предварительно Государю. По этому случаю, я получилъ слѣдующую записку отъ Д. А. Милютина.

„Возвращая при семъ корректурный оттискъ статьи г. Кояловича съ двумя собственноручными отмѣтками Государя Императора, покорнѣйше прошу Васъ, Сергѣй Павловичъ, исправить всѣ тѣ мѣста, гдѣ прямо приписываются самому Папѣ неблаговидныя дѣйствія. Можно сказать совершенно то же самое, только избѣгнувъ наименованія Папы“.

Д. Милютинъ.

12 декабря.

По поводу той же статьи я получилъ слѣдующую записку отъ Н. А. Милютина.

„Позвольте обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь Сергѣй Павловичъ, съ покорнѣйшею просьбою, доставить мнѣ, если можно № 277 „Русскаго Инвалида“ (статью о Іосафатѣ Кунцевичѣ). Желательно бы объ этомъ господинѣ тиснуть статейку во французскихъ газетахъ, чѣмъ мы нынѣ занимаемся“.

Искренно преданный

Н. Милютинъ.

1 мая 1865 г.

Предстоящее закрытіе монастырей, какъ сообщилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ, требовало величайшей тайны. Рѣшено было, чтобы русская публика узнала объ этомъ событіи изъ газеты въ то утро,

когда въ ночь, въ Царствѣ Польскомъ уже свершалось закрытіе монастырей. Это очень озабочивало Николая Алексѣевича, и потому ему пришлось обратиться ко мнѣ съ разными личными указаніями и письмами. Такъ отъ 2 ноября онъ писалъ:

„Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Спѣшу препроводить къ Вамъ полученную изъ Варшавы и частью мною исправленную корректуру нашего отчета по польскому крестьянскому дѣлу. Нужно бы было еще одну корректуру для окончательнаго просмотра. Пожалуйста доставьте мнѣ ее, если можно въ двухъ экземплярахъ. При этомъ можно бы раздѣлить отчетъ на нѣсколько частей по числу № №, въ которые Вы его предназначаете. Впрочемъ, на этихъ дняхъ потребуется отпечатать весьма длинные оффиціальныя документы, о чемъ намъ необходимо предварительно условиться. Не признаете ли возможнымъ переговорить со мною на этихъ дняхъ. Между 12 и 3 часами я буду дома. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, требуетъ особенной тайны.

Надѣюсь до скораго свиданія“

Искренно преданный

Н. Милютинъ.

Сохраненіе въ тайнѣ вопроса о предстоящемъ закрытіи монастырей особенно озабочивало Н. А. Милютина потому, какъ объяснилъ онъ мнѣ, что нужно было предупредить появленіе какихъ бы то ни было слуховъ объ этомъ предметѣ, какъ здѣсь, такъ и въ заграничной прессѣ.

— Указы по этому случаю будутъ очень большіе; прибавьте къ тому разъяснительныя статьи, и Вы увидите, какъ трудно будетъ сохранить до времени тайну, если все это будетъ лежать въ наборѣ въ типографіи.

— Но все это можно приготовить заранѣе, не давая въ типографію всего матеріала разомъ. Я дамъ въ типографію матеріалъ безъ начала и безъ конца, а отчасти и безъ середины; когда же получу разрѣшеніе печатать, то будетъ набрано и напечатано и все остальное, отвѣчалъ я.

Такъ и было сдѣлано. Петербургская публика узнала объ этомъ событіи, когда въ Варшавѣ уже всѣ монастыри были закрыты и опечатаны.

Вмѣстѣ съ указами готовились и разъяснительныя редакціонныя статьи, которыя, по порученію Милютина, писалъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

По поводу ихъ Николай Алексѣвичъ 3 сентября писалъ:

„Вотъ исправленная статья, которую предполагается напечатать вмѣстѣ съ извѣстными оффиціальными актами. Не знаю, когда статсъ-секретаріатъ ихъ окончательно изготавить для печати, но полагаю, что это не замедлится.

Моя убѣдительная просьба: пустить эту статью тотчасъ по полученіи указовъ и доставить мнѣ хоть дюжину отдѣльныхъ оттисковъ. Если почему-либо это замедлится, то нельзя ли не позже воскресенья (вечеромъ) прислать мнѣ хотя корректуру прилагаемой статьи (экз. 3 или 4), такъ какъ въ понедѣльникъ у меня будетъ случай послать ее, для руководства, нѣкоторымъ заграничнымъ корреспондентамъ“.

Преданный
Н. Милютинъ.

3 сентября.

Опубликованіе этихъ документовъ было отсрочено, кажется, даже не одинъ разъ. По этому поводу я опять получилъ увѣдомленіе отъ Н. А. Милютина.

„Публикація извѣстныхъ документовъ отсрочивается, и дня ея опредѣлить еще не могу, тѣмъ тщательнѣе нужно соблюдать глубокую тайну, о чемъ убѣдительнѣйше прошу распорядиться по редакціи и типографіи.

Докладъ вѣроятно уже набирается, и я ожидаю корректуры. Сдѣлайте одолженіе увѣдомить меня, когда именно я могу рассчитывать на полученіе корректуры? Если же въ наборъ еще не отдано, то нельзя ли возвратить мнѣ оригиналы для исправленія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ.

Когда день для обнародованія будетъ окончательно избранъ, то я доставлю Вамъ статью А. Ө. Гильфердинга вмѣстѣ съ другими документами, вѣроятно въ срединѣ будущей недѣли.

Позвольте напомнить Вамъ мою просьбу: статью Гильфердинга, по отпечатаніи въ Инвалидѣ, доставить мнѣ, въ отдѣльныхъ оттискахъ въ количествѣ 500 экз. Что касается до оттисковъ другихъ документовъ, то объ этомъ я сообщу Вамъ особо.

Если Вамъ угодно будетъ переговорить со мною, то завтра утромъ буду дома“.

Искренно преданный
Н. Милютинъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій я получилъ отъ Д. А. Милютина записку: „Ожидаемые указы и приказы получены. Пожа-

луйста примите зависящія отъ Васъ мѣры къ своевременному напечатанію ихъ.

Не позабудьте о рескриптѣ?“

Въ то же время Дмитрій Алексѣевичъ писалъ мнѣ:

„Братъ проситъ Васъ, Сергѣй Павловичъ, прислать ему, если можно, сегодня же три оттиска статьи, приготовленной по поводу указовъ, такъ какъ есть случай отправить къ отъѣзжающимъ въ Парижъ, дабы статья эта скорѣе появилась въ „le Nord“ и другихъ доброжелательныхъ парижскихъ газетахъ“.

Д. Милютинъ.

6 сентября.

Опубликованіе указовъ о закрытіи монастырей въ Польшѣ произвело большой шумъ въ наполеоновской Франціи. Объ этомъ я былъ извѣщенъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ слѣдующею запискою:

„Указъ о закрытіи монастырей въ Польшѣ напечатанъ въ „Мониторъ“ въ совершенно искаженномъ видѣ. Прибывшіе изъ Петербурга № № газетъ, заключавшіе въ себѣ эти указы, были въ Парижѣ запрещены, такъ что „le Nord“ объявилъ, что не можетъ напечатать подлинныхъ указовъ. Всѣ французскія газеты получили mot d'ordre выставляютъ распоряженія Русскаго Правительства какъ новое насилие; „штатные“ монастыри названы couvents d'Etat, т. е. какъ бы казенными. Однимъ словомъ, французское правительство высказало при этомъ случаѣ въ полномъ блескѣ свои мошенническія и плутовскія способности. Новая эта продѣлка требуетъ немедленнаго обличенія. Не можетъ ли Евгеній Михайловичъ Теокистовъ написать статейку къ воскресенью? Братъ мой уже просилъ его къ себѣ сегодня вечеромъ; но я не знаю, можетъ ли онъ быть у него; а время дорого, такъ какъ въ понедѣльникъ не будетъ номера“.

Д. Милютинъ.

27 ноября.

Статья была уже готова, когда я на слѣдующій же день отъ Дмитрія Алексѣевича получилъ другую записку:

„Князь Горчаковъ убѣдительно проситъ остановить печатаніе статьи о продѣлкѣ „Монитера“ и другихъ французскихъ газетъ по поводу указа о монастыряхъ. Знаю, что такое позднее и внезапное измѣненіе принесетъ Вамъ не малое разстройство, но дѣлать нечего: причины, приводимыя княземъ Горчаковымъ, слишкомъ важны, чтобы не исполнить на сей разъ его желанія. Статья можетъ быть пригодится на другой № Инвалида“.

Д. Милютинъ.

28 ноября.

На основаніи указовъ было упразднено: 71 мужской монастырь съ 304 монахами, 11 женскихъ съ 14 монахинями, какъ не достигавшими опредѣленнаго церковными канонами числа монашествующихъ въ нихъ; за соучастіе въ мятежъ закрыто 39 мужскихъ монастырей съ 674 монахами; сверхъ того упразднены 4 уніатскія обители; затѣмъ осталось въ Царствѣ Польскомъ римско-католическихъ монастырей 45 мужскихъ съ 657 монахами и 38 женскихъ съ 535 монахинями.

Теперь Н. А. Милютину предстояло громадное дѣло покончить навсегда съ притязаніями папы.

Выше уже было сказано, что Императоръ Александръ и папа Піи IX обмѣнялись письмами, въ которыхъ Государь указывалъ папѣ на католическое духовенство, усиленно поддерживавшее мятежъ въ Польшѣ. Даже, когда мятежъ потухалъ, то папа приказалъ въ церквахъ торжественно молиться за Польшу, какъ за оплотъ католической вѣры противъ вторженія ереси и прося у Бога, чтобы она была освобождена отъ политическихъ бѣдствій. Весною 1864 года онъ въ коллегіи пропаганды произнесъ страстную рѣчь, въ которой вводитъ на Государя обвиненіе въ томъ, что католическая церковь подвергается преслѣдованію въ его владѣніяхъ, а католики гоненіямъ за то только, что они остаются вѣрными религіи Іисуса Христа.

Послѣ этой выходки папы нашъ посланникъ былъ отозванъ изъ Рима.

Окончательнымъ разрывомъ послужили поступки самого папы, которыми воспользовался Н. А. Милютинъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ Петербургскимъ кабинетомъ курія, не стѣсняясь, прибѣгала къ устрашенію, грозя возвѣститъ всему свѣту рядъ притѣсненій, которымъ якобы подвергается римско-католическая церковь въ Россіи... На это князь Горчаковъ отвѣчалъ: „Совѣсть Нашего Августѣйшаго Государя снимаетъ съ него нареканіе, будто онъ намѣренъ притѣснять католическую вѣру. Мы съ полнымъ спокойствіемъ будемъ ждать исполненія угрозы, которою заключается меморандумъ кардинала Антонелли“.

15-го декабря 1865 года на аудіенціи у папы, когда русскій повѣренный въ дѣлахъ баронъ Мейендорфъ на жалобы его свѣтѣйшества отвѣтилъ, что въ Польшѣ католицизмъ самъ отождествлялъ себя съ революціей, папа въ гнѣвѣ воскликнулъ: „я уважаю и почитаю Его Величество Императора, но не могу сказать того же о его повѣренномъ въ дѣлахъ, который, конечно, въ противность его воли, оскорбляетъ меня въ собственномъ моемъ кабинетѣ“.

Послѣдствіемъ этой сцены было приказаніе Мейендорфу объявить кардиналу-государственному секретарю, что въ виду словъ, сказанныхъ ему папою, его политическая миссія окончена, такъ какъ Государь Императоръ не можетъ оставить при Св. престолѣ представителя интересовъ Россіи, достоинство котораго не ограждено отъ враждебныхъ посягательствъ. Кардиналъ Антонелли отвѣчалъ, что со дня заявленія барона Мейендорфа и Римскій дворъ не признаетъ болѣе существованія Русской миссіи; что если папа не прислалъ ему еще паспорта для выѣзда, то потому только, что зналъ о намѣреніи его въ скоромъ времени оставить Римъ; что папа не приметъ назначеннаго Русскимъ дворомъ его преемника. Для окончанія этого вопроса князь Горчаковъ заявилъ: „въ виду того, что папа принялъ починъ разрыва, Государь Императоръ отстраняетъ отъ себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти отъ того послѣдствія“.

Николай Алексѣевичъ воспользовался этимъ, чтобы навсегда покончить съ конкордатомъ.

Въ концѣ 1866 г. въ совѣщаніи по этому поводу онъ такъ горячо отстаивалъ свою идею, что конкордаты 27 ноября 1866 года былъ уничтоженъ, но за то горячій споръ его стоилъ ему его жизни. По возвращеніи изъ засѣданія, съ нимъ сдѣлался ударъ, лишившій Россію умнаго, талантливаго и энергическаго русскаго государственнаго дѣятеля.

Со смертію Н. А. Милютина оставилъ свой постъ въ Царствѣ Польскомъ и ближайшій его сотрудникъ князь Черкасскій. Тогда въ русскомъ обществѣ возникли опасенія и нѣкоторое безпокойство. Явилось сомнѣніе и опасенія, что всѣ труды Милютина пропадутъ вслѣдствіе неустойчивости и постояннаго колебанія русской политики. Это настолько волновало русское общество, что правительство нашло необходимымъ заявить какъ въ Россіи, такъ и за границею, что не намѣрено измѣнять свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ и Сѣверо-Западнаго края, который долженъ сдѣлаться тѣмъ, что сдѣлала его исторія, то-есть существенно русскимъ, гдѣ народный православный элементъ, образуя громадное большинство населенія, долженъ пріобрѣсти принадлежащее ему преобладаніе.

Что касается до Царства Польскаго, то коренныя реформы, сдѣланныя Милютинымъ, не пропали; онѣ оставили глубокій слѣдъ и совершенно преобразовали администрацію Польши.

Выше уже сказано было, что до него былъ уже утвержденъ проектъ маркиза Велепольскаго, на основаніи котораго Польша получала свой Государственный Совѣтъ и совершенно самостоятельныя управленія, независимыя отъ русскаго правительства. Отъ этой фан-

тази́и маркиза Велепольскаго, который держалъ въ своихъ рукахъ всѣхъ бывшихъ намѣстниковъ Царства Польскаго, не осталось и слѣда. По проекту Милютина совершилось полное сліяніе отдѣльных частей управленія въ Польшѣ съ соотвѣтственными учрежденіями остальной Россіи. Такъ, вопреки проекту Велепольскаго, не осуществился польскій Государственный Совѣтъ; финансовыя дѣла перешли въ завѣдываніе министра финансовъ имперіи, почтовая часть въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а вмѣсто пяти прежнихъ губерній было образовано десять. Это сдѣлано было, какъ говорилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ, для того, чтобы губернаторъ могъ чуть не каждаго помѣщика знать лично.

Къ сожалѣнію, послѣ Муравьева и Кауфмана не нашлось, или, лучше сказать, не желали найти достойныхъ имъ преемниковъ, почему въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ, гдѣ дѣломъ руководили Потаповъ и Безакъ, русскіе люди и русское дѣло не въ авантажъ обрѣтались.

Каракозовскій выстрѣлъ 4-го апрѣля 1866 года взволновалъ всю Россію, онъ показалъ слабость администраціи какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Все общество востепенулось и во всеуслышаніе заявляло, что необходимо принять крутыя мѣры и изслѣдовать подробности этого гнуснаго покушенія на Царя-Освободителя. Конечно, для этого дѣла нуженъ былъ человѣкъ независимый, съ непреклонною волею и неутомимою энергіею. Искали и остановились на человѣкѣ, котораго еще такъ недавно поносили, на котораго еще вчера только сыпались клеветы всякаго рода и однимъ котораго приводило въ ярость придворную партію, среди которой видныя мѣста занимали князь Суворовъ, графъ Шуваловъ и Валуйевъ и другіе. Нельзя сказать, чтобы эти господа, долженствовавшіе, какъ государственные дѣятели, имѣть въ виду только интересы правительства, были солидарны между собою. Напротивъ, солидарность ихъ выражалась только въ ненависти къ Муравьеву.

Можно себѣ представить, каково было ихъ положеніе, когда председателемъ слѣдственной комиссіи былъ назначенъ тотъ самый Муравьевъ, котораго они почти наканунѣ только съ величайшими усиліями успѣли одолѣть, заставивъ его оставить Сѣверо-Западный край. Не было никакого сомнѣнія, что онъ не остановится ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, чтобы только радикально изслѣдовать дѣло, которое казалось весьма многихъ высокопоставленныхъ.

И дѣйствительно началось нѣчто въ родѣ чистки. Прежде всѣхъ ушелъ самъ шефъ корпуса жапдармовъ князь Долгоруковъ, настойчиво заявивъ Государю, что онъ не можетъ оставаться на своемъ

мѣстѣ, если не сумѣлъ уберечь своего Государя. Но, къ сожалѣнію, на свое мѣсто онъ рекомендовалъ графа П. А. Шувалова, который сталъ такимъ полновластнымъ хозяиномъ въ Россіи, что получилъ даже названіе Петра IV-го.

Но если для князя Долгорукова была трагедія, то князь Суворовъ сыгралъ большую комическую роль, которую князь Мещерскій описалъ весьма подробно и ярко изобразилъ характеръ государственнаго дѣятеля, когда-то бывшаго на отвѣтственномъ посту генераль-губернатора Остзейскаго края. Какую пользу для Россіи могъ принести подобный генераль-губернаторъ? Если дѣдъ князя Суворова выкидывалъ разные фарсы, будучи въ то же время непобѣдимымъ фельдмаршаломъ, то выходки его всегда имѣли какую-нибудь цѣль, и съ выходками этими должны были часто считаться люди, весьма высоко стоящіе. Совсѣмъ не то изображалъ изъ себя внукъ свѣтлѣйшаго. По словамъ князя Мещерскаго, близко стоящаго ко двору, онъ такъ описываетъ поведеніе Суворова послѣ покушенія Каракозова.

„Казалось бы, послѣ покушенія ему слѣдовало быть вездѣ, но только не между нами, пребывавшими при дворѣ; дѣйствительно, ему нельзя было не бросаться всюду, чтобы узнавать, хотя поздно, подробности печальнаго событія и причины, сдѣлавшія его возможнымъ. Но князь Суворовъ какъ будто объ этомъ и не подумалъ. Онъ явился во дворецъ разыгрывать комедію сентиментальности. Съ запасомъ носовыхъ платковъ въ карманѣ, онъ себя предназначилъ къ роли плакальщика; онъ плакалъ, подходя къ каждому встрѣчному, говоря по-французски: „вы всѣ веселитесь о спасеніи Государя, а я одинъ плачу, я, генераль-губернаторъ“. Съ такими же слезами онъ предсталъ предъ Государемъ Императоромъ и Государынею и затѣмъ, переходя въ другое настроеніе, принимался свидѣтельствовать свою преданность ругательствами на преступника. Эта комедія длилась нѣсколько дней. Ежедневно онъ прибѣгалъ въ комнаты молодыхъ великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей, и тамъ, ударяя себя въ грудь и проливая слезы, говорилъ съ какимъ-то паэосомъ про свою любовь къ Государю. Мало того, въ промежутки между посѣщеніями императорскихъ особъ, онъ забѣгалъ, по обыкновенію, къ камеръ-фрау Императрицы, и цѣлуя ей ручки, изливалъ ей въ душу свои слезы, свое горе, свои вѣрно-подданническія чувства. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Тѣ, которымъ онъ выплакивалъ свою душу, приходили къ Государю и къ Императрицѣ говорить про слезы князя Суворова съ умиленіемъ, а ему только этого и нужно было. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодованіемъ къ нему общественнаго мнѣнія, онъ въ царскихъ

ложахъ въ театрахъ въ присутствіи Государя, высовывался изъ нихъ, говорилъ громко, какъ бы желая сказать: „ругайте сколько хотите, а я все-таки генералъ-губернаторъ и ближайшій изъ приближенныхъ“.

И такъ противъ Муравьева образовалась цѣлая клика, изъ Шувалова, Валуева, Суворова и многихъ другихъ, не терпѣвшихъ даже имени его. Но случилось такъ, какъ это всегда бываетъ на Руси съ лицами, руководящими судьбами Россіи, что всѣ они задались не интересами Государя, а своими личными цѣлями, чтобы, пользуясь событіями, подставлять другъ-другу ножку. Общаго же между ними, кромѣ вражды къ Муравьеву, ничего не было. Только въ этомъ и сходились всѣ трое: Суворовъ, Шуваловъ и Валуевъ; въ остальномъ получался виннигретъ, ибо графъ Шуваловъ былъ противъ Суворова, Суворовъ противъ Муравьева и Шувалова, а Муравьевъ противъ Шувалова и Валуева.

„Назначеніе графа Шувалова шефомъ жандармовъ, говоритъ князь Мещерскій, разсердило князя Суворова только потому, что послѣдній съ элегантною и тонкою своею манерою его въ грошъ не ставилъ и давалъ ему сіе понимать; но когда состоялось назначеніе графа Муравьева, Суворова можно было заподозрить въ сумашествіи отъ бѣшенства; до того его поступки стали непристойны, по ребяческой злобѣ и по безтактности“.

„Такъ напримѣръ: онъ громко сталъ говорить полицейскимъ чинамъ, чтобы они не слушали Муравьева и не исполняли его требованій“.

Помогая графу Шувалову дѣйствовать противъ Муравьева, князь Суворовъ никакъ не подозрѣвалъ, что его союзникъ готовитъ ему совершенно неожиданный сюрпризъ. Вскорѣ послѣ своего назначенія шефомъ жандармовъ, графъ Шуваловъ сталъ указывать Государю на постъ Суворова, какъ совершенно лишній для Петербурга. Въ этомъ случаѣ много помогло Шувалову то обстоятельство, что розыски Муравьевской комиссіи показали, что канцелярія генералъ-губернатора была до нѣкоторой степени убѣжищемъ для многихъ скомпрометтированныхъ лицъ.

Цѣль графа Шувалова чрезъ нѣкоторое время была достигнута, а князь Суворовъ неожиданно для него самого съ царскою благодарностью получилъ небывалое назначеніе генералъ-инспектора всей пѣхоты; самое же генералъ-губернаторство въ Петербургѣ было упразднено.

Этотъ сюрпризъ, поднесенный единомышленникомъ, до такой степени поразилъ князя Суворова, что трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ, приближенный ко двору, повсюду, еще сегодня

кричавшій о своей преданности, на завтра оказался только комедіантомъ. Имъ по полученіи извѣщенія овладѣлъ припадокъ не только бѣшенства, но даже ненависти къ Государю, и, выйдя изъ комнаты въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ до того позабылся, что оставшіеся въ комнатѣ должны были его вывести на воздухъ, чтобы дать ему немного прійти въ себя и опомниться. Тутъ же онъ объявилъ, что бросаетъ Петербургъ и Государя и ѣдетъ въ свое Новгородское имѣніе, въ то самое, прибавилъ онъ, гдѣ жилъ его дѣдъ во время опалы при Павлѣ I ¹⁾.

Вмѣстѣ съ Суворовымъ ушли министръ народнаго просвѣщенія Головинъ и оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, вмѣстѣ которыхъ Шуваловымъ былъ взятъ Треповъ. Съ этими переменами вся правительственная власть перешла въ руки дуумвирата, Шувалова и Валуева, продолжавшаяся до удаленія послѣдняго, скрывавшаго отъ Государя голодъ въ Россіи и избличеннаго наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ. Съ замѣною Валуева Тимашевымъ Россія ничего не могла выиграть, ибо ни Шуваловъ, ни Тимашевъ, въ особенности первый, развѣ только на картѣ могли показать мѣсто, занимаемое Россіею, а далѣе, воспитанные на французскомъ языкѣ и не имѣющіе никакого понятія о пользахъ и нуждахъ Россіи, могли только вредить ей.

До какой степени была непримирима вражда между Муравьевымъ и Шуваловымъ, можетъ служить тотъ фактъ, что оба они совершенно нечаянно обнаружили свои взаимныя отношенія передъ двумя такими маленькими въ сравненіи съ ними личностями, какъ дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи Переяславцевъ и я, бывшій въ то время только полковникомъ.

— Сегодня я видѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ Муравьева,—сказалъ мнѣ при моемъ докладѣ Дмитрій Алексѣевичъ; онъ сказалъ мнѣ, что все, что будетъ подлежать обнародованію по дѣлу Каракозова, онъ будетъ тотчасъ же сообщать для „Русскаго Инвалида“. Позаботьтесь, чтобы не было какихъ-нибудь недоразумѣній. Вамъ было бы не лишнее повидаться съ нимъ.

— Онъ нѣсколько знаетъ меня; когда я былъ въ Могилевѣ, то по дѣламъ неоднократно мнѣ приходилось въ Вильнѣ получать разныя приказанія непосредственно отъ него—сказалъ я.—Но во всякомъ случаѣ, я ему представляюсь завтра же.

— Вамъ, конечно, передалъ Дмитрій Алексѣевичъ мое желаніе на счетъ печатанія въ газетѣ слѣдствія о преступномъ дѣлѣ?—спросилъ меня Муравьевъ, когда я къ нему явился.

¹⁾ Князь Мещерскій.

— Да, Ваше Сіятельство, я получилъ уже приказаніе.

— Ну, такъ когда будетъ нужно, я дамъ знать, а теперь я ничего не могу сказать; ждите моихъ приказаній.

И вотъ отъ времени до времени я являлся въ III отдѣленіе и просиживалъ въ пріемной комнатѣ, ожидая статьи для газеты. Сидѣлъ по большей части напрасно, потому что не послѣ каждаго засѣданія посылалъ Муравьевъ свѣдѣнія для газеты. Наконецъ насталъ послѣдній день, когда Муравьевъ занимался одинъ съ дѣлопроизводителемъ комиссіи оберъ-аудиторомъ Переяславцевымъ. Это было днемъ, если не ошибаюсь, часовъ около трехъ или четырехъ, когда Муравьевъ позвалъ меня.

— Я сейчасъ уѣзжаю, а вы останьтесь здѣсь, и какъ только онъ кончитъ,—при чемъ указалъ на Переяславцева, то вы тотчасъ же получите отъ него бумагу и привезете ко мнѣ. И знайте, полковникъ, что никто не долженъ видѣть ее; вы меня понимаете?—добавилъ онъ своимъ мягкимъ, но внушительнымъ голосомъ.

— Ваше Сіятельство, можете быть увѣрены, что ваше приказаніе будетъ въ точности исполнено.

Вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ.

По отъѣздѣ Муравьева, я остался въ той же залѣ, гдѣ писалъ Переяславцевъ, и при томъ, видя, какую важность Муравьевъ придавалъ этой бумагѣ, я сѣлъ какъ можно дальше и во все время писанія не проронилъ ни одного слова.

Чрезъ нѣсколько минутъ къ столу Переяславцева подошелъ Мезенцевъ и что-то началъ вполголоса говорить, а Переяславцевъ, съ нѣкоторыми жестами что-то возражать. Вслѣдъ затѣмъ Мезенцевъ ушелъ.

Меня очень подмывало любопытство, но я, конечно, ни слова не сказалъ и не спросилъ у Переяславцева о предметѣ его разговора съ Мезенцевымъ. Но секретъ этотъ открылся самъ собою.

Едва только Переяславцевъ окончилъ писать и готовъ былъ передать мнѣ пакетъ, какъ вошелъ Мезенцевъ, и, обратясь ко мнѣ, довольно рѣшительно сказалъ:

— Графъ Шуваловъ желаетъ предварительно прочесть.

— Но, Ваше Превосходительство, я получилъ категорическое и весьма строгое приказаніе графа Муравьева доставить непосредственно ему эту бумагу, минуя чьи бы то ни было руки.

Тогда Мезенцевъ, очевидно недовольный тою ролью, которую долженъ былъ сыграть по приказанію Шувалова передъ чиновникомъ и полковникомъ, маленькими людьми, случайно оказавшимися слушниками всемогущаго временщика, махнулъ рукой и удалился, а я тотчасъ же отправился къ Муравьеву.

Графа Муравьева я нашелъ уже послѣ его обѣда; онъ курилъ трубку и бесѣдовалъ съ Черевинымъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ну что, полковникъ, никто не смотрѣлъ бумагу?—спросилъ онъ меня, сдѣла я протянулъ руку, чтобы передать ему пакетъ.

— Никто, ваше сіятельство, ваше приказаніе было исполнено въ точности.

— А графъ Шуваловъ?

Признаюсь, я былъ очень радъ, что Муравьевъ такъ поставилъ этотъ весьма щекотливый для меня вопросъ, на который я смѣло могъ правдиво отвѣчать.

— И графу Шувалову неизвѣстно содержаніе бумаги.

Такъ какъ графъ Муравьевъ ничего болѣе меня не спрашивалъ, то я былъ очень радъ, что для меня не имѣлось вовсе надобности рассказывать о попыткахъ Шувалова узнать о содержаніи, какъ это выяснится ниже, окончательнаго вывода слѣдственнаго дѣла, составленнаго Муравьевымъ.

— Сегодня вы должны быть вечеромъ въ III отдѣленіи; я думаю, что это будетъ послѣдній разъ. Прощайте.

Въ тотъ же вечеръ я, конечно, явился въ пріемную и часа два сидѣлъ, какъ около 10 или 11 часовъ появился тутъ же дежурный флигель-адъютантъ Кавелинъ, о которомъ тотчасъ же доложили Муравьеву.

— Вотъ, полковникъ, возьмите, — сказалъ онъ мнѣ, передавая пакетъ, — и поѣзжайте съ флигель-адъютантомъ во дворецъ, я буду ждать вашего возвращенія.

Сѣлъ я съ Кавелинымъ въ дежурный флигель-адъютантскій экипажъ и помчался ко дворцу. Дойдя по корридолу до царскаго кабинета, я, будучи въ сюртукѣ и никакъ не ожидая призыва въ кабинетъ, передалъ пакетъ Кавелину, а самъ остался въ корридорѣ. Но Кавелинъ тотчасъ же вышелъ изъ кабинета и показалъ мнѣ, чтобы я вошелъ въ кабинетъ. Войдя въ него, я, чтобы заявить, что приказаніе Государя исполнено, щелкнулъ шпорами и остановился у дверей. Государь сидѣлъ спиною ко мнѣ за письменнымъ столомъ и читалъ присланное Муравьевымъ донесеніе. Не обративъ, конечно, никакого вниманія на меня, онъ, окончивъ чтеніе и не оборачиваясь ко мнѣ, протянулъ руку съ бумагою, сказавъ:—отдай Муравьеву.—Щелкнувъ вторично шпорами, я удалился. Не найдя Кавелина, вѣроятно удалившагося уже въ дежурную комнату, обратно я за отсутствіемъ извозчиковъ у Зимняго Дворца, большую часть дороги шелъ пѣшкомъ, чѣмъ задержалъ Муравьева, который, просмотрѣвъ бумагу, отдалъ ее мнѣ, сказавъ:

— Печатайте, полковникъ.

Это было въ послѣдній разъ, что я видѣлъ Муравьева.

Муравьевъ вѣшатель, муравьевскій галстукъ (т. е. висѣлица),— вотъ эпитеты, сыплющіеся на память человѣка, который вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ отстаивали для Россіи Сѣверо-Западный край и Польшу. Припомнимъ, что говорила Муравьеву покойная Императрица Марія Александровна, принимая его передъ отправленіемъ въ Сѣверо-Западный край. Это была Императрица вполнѣ русская, интересы которой были нераздѣльно связаны съ интересами Россіи и съ интересами ея супруга Царя-Освободителя. Видя отчаянное положеніе дѣла въ Польшѣ и не рассчитывая сохранить ее, она просила Муравьева отстоять для Россіи хотя этотъ край. И Муравьевъ это сдѣлалъ. Не взирая ни на придворныя интриги, ни на клеветы, онъ твердо и безбоязненно шелъ своею дорогою, побивая польскую крамолу и освобождая русское населеніе отъ польскаго рабства. Не его вина, что мы, по истеченіи 47 лѣтъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ видимъ то же преобладаніе поляковъ надъ русскими, тѣ же преслѣдованія литовцевъ и бѣлоруссовъ поляками, то же глумленіе надъ православіемъ среди воинствующаго католицизма.

Муравьевъ, правда, вѣшалъ, кого слѣдовало, но, уничтожая мятежъ, онъ въ то же время принималъ органическія мѣры, которыя въ его управленіи дали вздохнуть отъ панскихъ и католическихъ обидъ, какъ католическому, такъ и православному населенію. Если бы безъ всякихъ висѣлицъ, въ которыхъ никто уже не нуждался, была продолжена его система, а не система Потаповская, Валуевыхъ и прочихъ господъ, то теперь не пришлось бы говорить въ Государственной Думѣ о забитыхъ поляками русскихъ, которые донинѣ продолжаютъ слезно молить не отдавать ихъ въ жертву полякамъ и полякующимъ русскимъ.

Что касается жестокости Муравьева, то всѣхъ потерпѣвшихъ за его время было 9.361 человѣкъ, изъ которыхъ:

Подвергнуто смертной казни	128
Сослано въ Сибирь	972
Поселены въ Сибири	1.427
Отдано въ солдаты	348
Отданы въ арестантскія роты	864
Отправлено во внутреннія губерніи	1.529
Переселено на казенныя земли во внутреннія губерніи	4.096
Всего	9.361
Помилованы	9.229

Во Франціи послѣ іюньскаго возмущенія:

изгнано изъ Франціи	44.000 чел.
передано военному суду	253 „
сослано въ Алжиръ	12.000 чел.

Переворотъ 1851 года, по свидѣтельству Гранье де-Касаньяка, стоилъ:

ссылки въ Африку и Кайену	26.000 чел.
однихъ депутатовъ	66 „

Ассигновано на перевозку 4 мил. 200 тыс. франковъ.

Въ ложной характеристикѣ Муравьева не лишнимъ будетъ привести рассказъ, недавно напечатанный въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Рассказывается, какъ будто однажды онъ издалъ какое-то циркулярное распоряженіе, которое противорѣчило законамъ и было составлено въ его канцеляріи по какому-то недоразумѣнію, а имъ лично принято на вѣру и подписано. Всѣ уѣздные начальники, конечно, безъ всякихъ разсужденій принялись исполнять приказаніе, кромѣ одного Яновскаго, который дерзнулъ вернуть предписаніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ онъ считаетъ себя въ правѣ не исполнять приказанія грознаго генералъ-губернатора.

И вотъ по поводу этого случая происходитъ такая театральная сцена. Онъ, человѣкъ дѣла, не спящій по ночамъ, понуждающій всѣхъ подчиненныхъ къ скорой работѣ, вдругъ ради какого-то Яновскаго, отрываетъ отъ работы всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ, созываетъ ихъ всѣхъ въ Вильну и выступаетъ передъ ними въ роли актера дурного тона.

— Какъ вы думаете, господа: можно ли не исполнять моихъ приказаній и ослушаться меня?

Разумѣется, всѣ молчатъ, но, собравшись съ силами, говорятъ, что нельзя не исполнять.

Муравьевъ усмѣхнулся и разыгралъ слѣдующую сцену:

— Ну, такъ я вамъ покажу человѣка, который рѣшился на это. Всѣ молчали, и только каждый въ отдѣльности думалъ:

— Господи, сдѣлай такъ, чтобы этимъ дерзновеннымъ человѣкомъ оказался не я, а кто-нибудь другой.

— Полковникъ Яновскій,—громко сказалъ Муравьевъ.

Тотъ вышелъ впередъ. Это былъ высокій сѣдой мужчина, спокойно и съ сознаніемъ собственного достоинства смотрѣвшій прямо въ глаза Муравьеву.

— Вотъ онъ,—сказалъ Муравьевъ: полюбуйтесь.

— Ну, а какъ мнѣ нужно поступить съ нимъ по-вашему?

Уѣздные начальники облегченно вздохнули; горькая чаша ми-нула ихъ, виновный найденъ, пусть онъ и несетъ кару за свою продержость.

— Вы молчите? Вы не знаете? Ну, такъ я вамъ скажу. Полковникъ Яновскій, вашу руку; и съ этими словами Муравьевъ жметъ ему руку. Вотъ какъ я поступаю съ такими служаками. Благодарю васъ, полковникъ. Вы указали мнѣ на мою ошибку; ошибаться всякій смертный можетъ, вы не побоялись этого сдѣлать, вы истинный слуга Царю и Отечеству и бережете свое начальство, вотъ какъ надо служить, господа.

Всякій, сколько-нибудь не только знавшій Муравьева, но только слышавшій о немъ, прочтетъ этотъ анекдотъ съ улыбкою. Какимъ это образомъ старый полковникъ не понималъ положенія Муравьева и не имѣлъ никакого понятія о значеніи диктаторской его власти; какъ это онъ, оберегая Муравьева, говоритъ о законныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ? Въ то время была только одна законная власть — это судебная, все остальное было внѣ закона и зависѣло исключительно отъ Муравьева, которому Высочайшая власть давала право жизни и смерти; почему всякое его приказаніе подлежало немедленному и точному исполненію безъ всякихъ разсужденій. По характеру же своему онъ неспособенъ былъ разыграть подобный фарсъ съ уѣздными начальниками.

Во время польскаго возстанія было едва-ли только не три газеты, которыя горячо стояли за русское дѣло: „Московскія Вѣдомости“, московская газета „День“ и потомъ „Парусъ“ и „Русскій Инвалидъ“. Но всѣ эти газеты, кромѣ „Инвалида“, жестоко платились за свой патріотизмъ, получая отъ Валуева предостереженіе и, наконецъ, полное запрещеніе своихъ изданій. Даже „Московскія Вѣдомости“ могли продолжать свое существованіе благодаря Императору Александру II. Что же касается „Русскаго Инвалида“, то онъ, продолжая свое независимое существованіе, былъ постоянно въ газетѣ „Вѣсть“, поддерживаемой Валуевымъ, обвиняемъ во всѣхъ возможныхъ революціонныхъ преступленіяхъ: то „Инвалидъ“ возбуждалъ крестьянъ, пропагандируя Стеньку Разина, то газета волновала Остзейскій край, возбуждая латышей противъ бароновъ, то, наконецъ, она, не сочувствуя полякамъ, одобряла муравьевскія мѣры, принятыя имъ для успокоенія Сѣверо-Западнаго края.

Однако, не настало еще время закрыть „Русскій Инвалидъ“, и онъ не только продолжалъ свое существованіе, но даже нѣсколько расширилъ свою программу.

Занятый съ утра до поздней ночи работою, Дмитрій Алексѣвичъ одинъ день въ недѣлю, воскресенье, посвящалъ отдыху, собирая вечеромъ своихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ я болѣе часто встрѣчалъ: К. К. Грота, К. Д. Кавелина, Е. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Е. М. Θεоктистова, Н. Н. Обручева, сестру Дмитрія Алексѣвича, Марію Алексѣевну, и каждый разъ И. П. Арапетова.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, послѣ помѣщенія въ „Русскомъ Инвалидѣ“ статьи Гильфердинга о польскомъ вопросѣ, кто-то изъ бесѣдовавшихъ сказалъ:

— Все это очень хорошо, но жалко только, что всѣ серьезные доводы и разъясненія польскаго вопроса вліяютъ на не многочисленную публику. Статьи подобнаго рода должны быть пущены въ большомъ числѣ въ народъ, а для заграничной публики на иностранныхъ языкахъ.

— Статьи Гильфердинга и Кояловича дѣйствительно заслуживаютъ перевода на иностранные языки,—сказалъ Дмитрій Алексѣвичъ. А какъ вы, Сергѣй Павловичъ, справитесь съ этимъ дѣломъ?

— Справиться не трудно, но на это нужны средства, которыхъ нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

При прощаніи министръ, однако, вторично сказалъ: „Такъ вы подумайте, Сергѣй Павловичъ, о нашемъ разговорѣ“.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось быть у министра, который встрѣтилъ меня словами:

— Я говорилъ съ Государемъ по поводу нашего разговора въ воскресенье, и онъ одобрилъ наше предположеніе. Заготовьте докладъ.

Докладъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, можетъ быть важно развивать въ обществѣ вѣрныя и здравыя понятія о польскомъ вопросѣ, о характерѣ польскихъ стремленій, въ прошедшемъ и настоящемъ и объ образѣ дѣйствій польской революціонной пропаганды.

Извѣстно, что польская партія тратитъ огромныя средства на то, чтобы привлечь на свою сторону всѣ органы общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ, и что она организовала цѣлую, такъ сказать, фабрику извѣстій и статей, въ которыхъ на Россію изливаютъ потоки самой отвратительной клеветы. Замѣчательное нынѣ на западѣ раздраженіе противъ насъ по случаю польскихъ дѣлъ, очевидно, должно быть въ значительной степени приписано вліянію печати, сдѣлавшейся во Франціи и Англіи орудіемъ въ рукахъ поляковъ.

Нельзя не желать, чтобы Россія, по возможности, противодѣй-

ствовала этимъ усиліямъ польской революціонной партіи. Въ последнее время въ нашихъ газетахъ и журналахъ, особенно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Днѣ“, стали появляться довольно удачныя статьи, представляющія польскій вопросъ въ его истинномъ свѣтѣ. Но, къ сожалѣнію, все, что печатается у насъ по этому предмету, не находитъ переводчиковъ на иностранныя языки и остается неизвѣстнымъ Западной Европѣ, которая слышитъ, такимъ образомъ, лишь польскіе голоса въ русско-польскомъ спорѣ.

Необходимо постараться, чтобы это крайне невыгодное для насъ положеніе дѣла было, по возможности, устранено посредствомъ обнародованія въ Европѣ, какъ оригинальныхъ статей на иностранныхъ языкахъ по польскимъ дѣламъ, такъ и переводовъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ отношеніи произведеній русской печати. Независимо отъ сего, нужно было бы доставлять въ наши газеты возможно большее количество статей для разъясненія польскаго вопроса и распространять въ публикѣ, посредствомъ особыхъ книгъ и брошюръ, вѣрныя и основательныя свѣдѣнія, какъ объ историческихъ и этнографическихъ отношеніяхъ Польши и Западнаго края, такъ и объ остальныхъ потребностяхъ этого края, въ видахъ освобожденія тамъ русской народности отъ ига польскаго меньшинства.

Нельзя не думать, что при нѣкоторомъ сосредоточеніи и направленіи дѣла, подобнаго рода литературная дѣятельность могла бы получить болѣе обширныя размѣры и оказать намъ истинныя услуги. Для успѣха же такого предпріятія необходимо оказать ему извѣстное матеріальное пособіе, нужное для печатанія и вознагражденія авторовъ. Но въ то же время въ видахъ успѣха такого предпріятія надобно желать, чтобы участіе правительства въ этомъ случаѣ оставалось совершенно неизвѣстнымъ.

Если бы Ваше Императорское Величество соизволили одобрить высказанныя мысли, то на первый разъ было бы достаточно отпустить изъ государственнаго казначейства 10-ти тыс. рублей на извѣстное Вашему Императорскому Величеству употребленіе съ тѣмъ: 1-е, чтобы сумма эта расходовалась на печатаніе оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій и статей по польскому вопросу, на вознагражденіе авторовъ и переводчиковъ и издержки на распространеніе сочиненій; 2-е, чтобы выручка отъ продажи была назначаемая частью на изданіе новыхъ трудовъ по тому же предмету, частью же въ пользу авторовъ; и 3-е, отчеты въ употребленіи означенныхъ денегъ представлялись бы лично на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества“.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ послѣдовала слѣдующая резолюція: „Предположеніе это Высочайше одобрено и разрѣшено отпустить изъ государственнаго казначейства 10 тыс. рублей въ непосредственное мое распоряженіе на извѣстное Его Величеству употребленіе, о чемъ министръ финансовъ уже предваренъ“. 19-го іюня 1868 г.

Получивъ такое разрѣшеніе, редація для скорѣйшаго исполненія рѣшила издать отдѣльными брошюрами на русскомъ языкѣ слѣдующія статьи Гильфердинга, Кояловича и другихъ, уже напечатанныя въ „Русскомъ Инвалидѣ“:

1. За что борются русскіе съ поляками.
2. Князь Владиміръ Мономахъ и казакъ Богданъ Хмѣльницкій.
3. Встрѣча народности въ Западной Россіи съ русскою государственною и великорусскою народностью, по поводу народныхъ карауловъ въ Западной Россіи.
4. По поводу польскаго вопроса.
5. Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу.

Вслѣдъ затѣмъ были изданы отдѣльными брошюрами:

1. Люблинская унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., Кояловича.

2. Переводъ 3 т. Лелевеля, сдѣланный, подъ наблюденіемъ Гильфердинга, Кропотовымъ и Бобровскимъ.

3. Кіевъ, Москва и Варшава или повѣствованіе о кровной и кровавой связи Великой Руси съ Польшею чрезъ Малую Русь и Литву, — Разина.

Затѣмъ на иностранныхъ языкахъ были изданы слѣдующія брошюры:

Гильфердинга — The polish question or an appeal to the good sense of english men by a russian, англичанина Дейса — The polish question and general Mouravieff by an englishman и, наконецъ, Обручева — La restauration de la Pologne appréciée au point de vue de la science historique et ethnographique.

Но изданіе брошюръ на иностранныхъ языкахъ не достигало вполне своей цѣли. Было бы болѣе желательнымъ имѣть какой-нибудь періодическій органъ на иностранныхъ языкахъ, съ цѣлью, чтобы имъ пользовались заграничныя газеты. Услуги свои для этой цѣли предложилъ нѣкто баронъ Кене, служившій по придворному вѣдомству, если не ошибаюсь, въ Эрмитажѣ. По этому поводу онъ доставилъ въ редакцію слѣдующую записку ¹⁾:

¹⁾ Оригиналъ на французскомъ языкѣ.

„Общественное мнѣніе есть самое могущественное орудіе. Но общественнымъ мнѣніемъ руководить пресса.

Пресса не безгрѣшна; многіе изъ ея органовъ основаны на спекуляціи. Слѣдовательно, въ этихъ газетахъ можетъ появиться всякое сообщеніе, если оно будетъ оплачено; этимъ именно путемъ злонамѣренные люди успѣли возбудить противъ Россіи всю Европу.

Это всеобщее возбужденіе противъ Россіи было весьма опасно: Франція едва не воспользовалась этимъ, чтобы объявить намъ войну въ то время, когда мы не были подготовлены къ ней, и когда Англія, со своей стороны, едва не была вовлечена въ эту войну.

Правда, возбужденіе это было вызвано исключительно клеветой и ложью, совершенно не соответствующими истинѣ. Но вѣрно и то, что правда только тогда имѣетъ значеніе, когда ее высказываютъ и распространяютъ ее.

Подмѣтивъ это возбужденіе заграничной прессы еще въ 1861 г., когда оно производило, къ ущербу Россіи, неблагоприятное впечатлѣніе на публику, я предложилъ одному изъ нашихъ высшихъ сановниковъ подыскать въ Англіи и во Франціи надежныхъ и искусныхъ агентовъ, чтобы отражать удары, наносимые намъ нашими врагами, и распространить истину относительно Россіи и нашего правительства. Но въ то время дѣло это не устроилось.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіе зимы 1862—1863 гг., когда положеніе было опасное, я счелъ долгомъ сдѣлать все возможное, чтобы защитить правительство на страницахъ: „Morning Herald“ и „Evening Herald“, „Standard“, „Kreuz-Zeitung“ и прочихъ газетъ и просилъ кое-кого изъ родныхъ и друзей помочь мнѣ, но, дѣйствуя одинъ и при томъ, какъ частный человѣкъ, я не могъ многого сдѣлать, тогда какъ болѣе энергичное давленіе на прессу, при поддержкѣ со стороны правительства, могло бы значительно повліять на общественное мнѣніе за границею и избавило бы насъ отъ затраты милліоновъ на поспѣшное укрѣпленіе Кронштадта и приготовленія ко всѣмъ случайностямъ войны, которая угрожала намъ весною.

Я предложилъ нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ свои услуги и свою опытность, чтобы повліять на иностранную прессу, но лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 года на меня было возложено порученіе сдѣлать то, что я считалъ нужнымъ и полезнымъ сдѣлать еще зимою.

Мнѣ было поручено:

1) Подыскать возможно большее число органовъ печати, всевозможныхъ оттѣнковъ, а именно: консервативныхъ, либеральныхъ, клерикальныхъ, демократическихъ и т. п. газетъ, которыя могли бы служить намъ;

2) Приглашать надежныхъ и искусныхъ агентовъ; и

3) Организовать корреспонденціи, съ небольшими затратами газетъ.

Вслѣдствіе этого я посѣтилъ Германію, Англію, Бельгію, Францію, Женеву и часть Италіи, повидался болѣе чѣмъ съ двѣнадцатью корреспондентами и условился съ ними; всѣ они, по большей части друзья и родственники, которые почти безвозмездно распространяють правду о Россіи. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, я написалъ одинъ 167 статей и замѣтокъ, которыя всѣ были напечатаны въ различныхъ газетахъ, предоставившихъ свои столбцы къ нашимъ услугамъ.

Надобно сознаться откровенно, что мнѣ пришлось, за весьма немногими исключеніями, преодолѣть огромныя препятствія, такъ какъ общественное мнѣніе было уже до того возбуждено противъ Россіи, что приходилось нерѣдко пускать въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить самыхъ почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей въ томъ, что въ Россіи нѣтъ ни анархіи, ни возстанія, что поляки не что иное, какъ неблагодарные мятежники и что Государь Императоръ не только не тиранъ, но, напротивъ того, монархъ самый благожелательный, самый справедливый и самый великодушный въ мірѣ.

Наиболѣе благопріятные результаты достигнуты мною благодаря личному свиданію съ тѣми лицами, кои намъ нужны; эти свиданія должны бы повторяться время отъ времени, для того, чтобы въ изустной бесѣдѣ освѣдомлять нашихъ агентовъ о томъ, что дѣлается въ Россіи и, чтобы они могли дѣйствовать въ нашу пользу по убѣжденію.

Вырѣзки изъ написанныхъ мною статей находятся, частью въ прилагаемыхъ при семъ бумагахъ; я не имѣлъ возможности получить ихъ полностью.

Не легко было добиться того, чтобы всѣ эти статьи были напечатаны. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы быть напечатанными во французскихъ и итальянскихъ газетахъ, должны были появиться сначала въ Англіи; другія могли быть помѣщены въ англійскихъ газетахъ лишь какъ перепечатки изъ нѣмецкихъ газетъ. Словомъ, пришлось преодолѣть бездну затрудненій. Надобно быть лично знакомымъ съ „тиранами“ заграничной прессы, чтобы снискать ихъ довѣріе и пользоваться ихъ газетами. Мнѣ извѣстно, что литографированная корреспонденція, которую попытались вести помимо меня, не имѣла ни малѣйшаго успѣха.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, я предоставилъ всѣ данныя и всѣ необходимые документы въ распоряженіе того лица, ко-

торое возложило на меня эту миссію, и такъ какъ мнѣ было сказано, что мнѣ не придется болѣе этимъ заниматься, то я считаю свою миссію законченной.

Между тѣмъ, я узнаю отъ друзей, которые служили мнѣ посредниками, что организованная мною корреспонденція совершенно прекратилась, и такъ какъ я глубоко убѣжденъ въ необходимости освѣдомлять по-прежнему иностранную прессу о Россіи, то я съ величайшей готовностью предложилъ свои услуги Его Превосходительству г. военному министру, которому пришла счастливая мысль использовать „Русскій Инвалидъ“ въ качествѣ органа, служащаго посредникомъ между Россіею и иностранною прессою.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы прекратить завязанныя мною сношенія, я развилъ ихъ, и въ настоящее время число иностранныхъ газетъ, получающихъ наши статьи и распространяющихъ ихъ, доходитъ до пятидесяти двухъ, а именно:

1 въ Швеціи, 9 въ Англіи, 3 въ Голландіи, 2 въ Бельгіи, 3 во Франціи, 2 въ Швейцаріи, 6 въ Италіи, 3 въ Австріи, 3 въ Баваріи, 6 въ Пруссіи и 14 въ прочихъ нѣмецкихъ государствахъ.

Въ числѣ этихъ газетъ есть самыя вліятельныя въ мірѣ, какъ-то: Аугсбургская *Kreuz Zeitung*, Вѣнскія: *Botschafter* и *General-Correspondenz*, *Independence Belge*, *Constitutionnel*, Туринская *Opinione*, *Gazetta di Milano* и т. д. Но величайшей побѣдой нашего искуснаго Лондонскаго агента было заручиться содѣйствіемъ *Times*, таинственный редакторъ коего *the King Editor*, какъ его называютъ въ Англіи, переписывается съ нашимъ агентомъ каждую недѣлю.

Но для того, чтобы правильно поддерживать столь обширную корреспонденцію, необходимо учредить особое тайное бюро. Оно не должно состоять ни при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, ни при 3-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, ибо, въ такомъ случаѣ, его офиціальное существованіе перестало бы быть тайною, и его дѣятельность была бы бесплодна. Если же это бюро будетъ состоять при редакціи „Инвалида“, то о немъ будетъ извѣстно лишь его превосходительству г. военному министру и тѣмъ лицамъ, коихъ онъ пожелаетъ посвятить въ это дѣло и, слѣдовательно, дѣятельность бюро будетъ весьма плодотворна. Даже наши заграничные агенты не должны подозрѣвать, что главнымъ двигателемъ нашей корреспонденціи явится правительство.

Помимо литографированной корреспонденціи бюро должно разсылать газетамъ также важнѣйшія изъ спеціальныхъ корреспонденцій.

Всѣ замѣтки, рассылаемыя бюро, должны быть достовѣрны; единственною ихъ основою должна быть истина. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

онѣ должны быть разнообразны, точны, кратки и составлены со вкусомъ.

Расходы по содержанію такого бюро будутъ ничтожны по сравненію съ пользою, которую оно можетъ принести. Война можетъ обойтись намъ милліонъ въ день, не считая пролитой крови и пагубныхъ послѣдствій войны, между тѣмъ, какъ за ничтожную, по истинѣ, сумму въ 20.500 руб. въ годъ, можно пріобрѣсти и поддержать благотворное для насъ вліяніе на общественное мнѣніе за границей.

Если эта маленькая сумма будетъ ассигнована, то я ручаюсь, что число иностранныхъ газетъ, которыя будутъ защищать наше правое дѣло, дойдетъ къ концу года до 80, и этого числа будетъ достаточно, для того, чтобы склонить общественное мнѣніе въ нашу пользу“.

Записка барона Кене, представленная министру, была имъ передана мнѣ со словами.

— Разсмотрите это, Сергѣй Павловичъ, можетъ быть баронъ Кене и правъ, и вмѣсто брошюръ гораздо лучше выпускать періодически вѣрныя свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ. Надо придумать только способъ слѣдить за тѣмъ, чтобы иностранныя газеты перепечатывали наши сообщенія.

Баронъ Кене говоритъ, что контроль онъ беретъ на себя и будетъ доставлять вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ.

— Если это такъ, то составьте докладъ.

Исполняя приказанія военнаго министра, былъ составленъ слѣдующій докладъ:

Газеты и журналы нынѣ составляютъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій для достиженія политическихъ цѣлей. Каждая политическая партія въ Европѣ старается имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько органовъ печати и постоянно проводить свои воззрѣнія въ издаваемыхъ ею сочиненіяхъ, въ журналахъ и брошюрахъ. Денежныя средства, расходуемыя на этотъ предметъ, бываютъ огромны. Извѣстно, напримѣръ, что итальянское правительство во время министерства Кавура, для подготовленія общественнаго мнѣнія Европы въ пользу единства Италіи, израсходовало семь милліоновъ франковъ. Извѣстно также, что польская революціонная партія дѣлаетъ политическую печать однимъ изъ главныхъ орудій своей агитаціи.

Польскіе революціонеры, воспользовавшись тѣмъ невѣдѣніемъ, которое существовало въ европейской публикѣ относительно самыхъ главныхъ основъ нашего народнаго и государственнаго быта, не щадя средствъ на пріобрѣтеніе газетъ и журналовъ, успѣли привлечь на свою сторону общественное мнѣніе.

Самыя неопровержимыя истины о Россіи казались большинству европейской публики ложью, и самая наглая ложь о ней принималась за истину. Недовольствуясь этимъ, руководители польской революціи своими подпольными изданіями съ большою настойчивостью посягали на русское общественное мнѣніе, такъ что пытались возстановить противъ правительства даже простой народъ.

Выше уже было сказано объ изданіи брошюръ, а въ настоящемъ докладѣ предполагалось вмѣсто ихъ раздавать литографированный листокъ на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ подъ заглавіемъ „Correspondence Russe“. Заграничные корреспонденты обязаны бы были заботиться о помѣщеніи статей „Correspondence Russe“ въ иностранныхъ газетахъ и вырѣзки изъ этихъ газетъ, съ указаніемъ, откуда онѣ перепечатаны, присылать въ редакцію, которая ежегодно чрезъ военнаго министра представляла Государю на благоусмотрѣніе.

Редакціи, которыя перепечатывали статьи, были вначалѣ немногочисленны, а именно: только семь нѣмецкихъ, пять англійскихъ, три итальянскихъ, двѣ французскихъ и одна голландская. Но едва прошелъ годъ, и уже число это возросло въ сильной степени.

Вотъ, что въ концѣ 1864 года доносилъ министру баронъ Кене, на основаніи имѣвшихся въ редакціи документовъ ¹⁾).

„Иностранная пресса, столь враждебная Россіи въ прошедшемъ 1863 году, стала, въ настоящее время, сдержаннѣе, и мы можемъ похвастать тѣмъ, что этой, для насъ благопріятной переменѣ способствовала въ значительной степени литографированная корреспонденція „Инвалида“.

Корреспонденція эта ведется теперь вполнѣ правильно и систематично. Ея XXVІІІ номеръ появился на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Многочисленные письма нашихъ агентовъ удостоверяютъ, что наши листки, составляемые внимательно и талантливо, встрѣчаются вездѣ сочувственно.

Помимо этого, комиссія, на которую вашимъ превосходительствомъ возложено порученіе вліять на иностранную прессу, разослала нѣсколько брошюръ, которыя обратили на себя всеобщее вниманіе и всѣхъ заинтересовали.

Главная цѣль, преслѣдуемая этой корреспонденціей—освѣдомлять иностранную публику и въ особенности журналистовъ, о либеральныхъ намѣреніяхъ правительства Его Величества и указать на то, что Россія, съ самаго восшествія на престолъ Императора

¹⁾ Оригиналь на французскомъ языкѣ.

вступившая на путь цивилизаціи и прогресса, идетъ по этому пути неуклонно къ дальнѣйшему преуспѣянію. Добросовѣстное освѣдомленіе о томъ, что дѣлается у насъ—есть наилучшее средство для того, чтобы побороть вліяніе лживой и систематически враждебной намъ прессы.

Успѣхъ, достигнутый нами въ различныхъ странахъ, различенъ. Въ Германіи, гдѣ пресса, вообще говоря, хорошо освѣдомлена, наши сообщенія перепечатывались цѣликомъ или въ выдержкахъ, во множествѣ газетъ. Особенно большія препятствія пришлось преодолѣть въ Дрезденѣ,—средоточіи мятежныхъ поляковъ, и въ нѣкоторыхъ католическихъ городахъ. Но, благодаря искусству нашего Дрезденскаго агента, г. надворнаго совѣтника Аккермана, даже въ главной газетѣ, издаваемой въ этомъ городѣ, появились передовыя статьи, написанныя въ нашу пользу, и враждебный голосъ ультрамонтантскихъ органовъ не находитъ болѣе сочувствія даже среди католиковъ.

Въ общемъ болѣе или менѣе обширныя выдержки изъ нашихъ замѣтокъ появились въ 41 нѣмецкой газетѣ.

Въ Нидерландахъ, четыре главныя газеты, издаваемые въ Гаагѣ, Роттердамѣ и Амстердамѣ, подъ вліяніемъ корреспонденцій „Инвалида“, всегда были на нашей сторонѣ.

Въ Бельгіи въ нашу пользу высказывались иной разъ *Independence Belge* и часто *Etoile*.

Въ Стокгольмѣ на нашей сторонѣ *Dagblat Allehanda*, которая, за неимѣніемъ иныхъ источниковъ, черпала прежде свои свѣдѣнія изъ „Колокола“.

Въ Копенгагенѣ мы вошли въ сношенія съ *Berlinske Tidende*, которая всегда перепечатываетъ наши передовыя статьи.

Въ Италіи, благодаря таланту нашего агента, туринскаго профессора Летура, наши корреспонденціи имѣли успѣхъ у органовъ самыхъ различныхъ направленій, каковы „*Opinione*“,—органъ итальянскаго правительства „*Armonia*“,—ультрамонтанская газета, *Diritto*, демократическая газета, *Giornale de Triste*—органъ австрійскаго правительства.

Въ Миланѣ, баронъ Франко Мистрали, второй редакторъ лучшей Ломбардской газеты, „*Gazetta di Milano*“, съ которымъ у меня установились личныя отношенія, до того проникся сознаниемъ, что программа, которую мы себѣ поставили, правильна, что онъ задумалъ издавать независимую газету, которая сослужитъ намъ хорошую службу, снискавъ намъ симпатіи всѣхъ честныхъ людей могущественной Италіи, которая окажется современемъ крупной величиной, способной вліять на равновѣсіе европейскихъ державъ. Сбро-

сивъ съ себя пагубную опеку Франціи, Италія можетъ стать вѣрной союзницей Россіи.

Въ Римѣ, правительственный органъ „Osservatore“ нерѣдко черпалъ свѣдѣнія изъ нашихъ корреспонденцій, и наши отношенія прервались только послѣ извѣстной рѣчи папы къ кардиналамъ.

Bibliothèque universelle de Genève—серьезная газета, весьма распространенная не только въ Швейцаріи, но и во Франціи, редактируется образцово молодымъ докторомъ Эд. Фикомъ, который состоитъ также однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ. Въ этой газетѣ встрѣчается нѣсколько передовыхъ статей, написанныхъ на основаніи нашихъ сообщеній, онѣ не могли бы быть написаны лучше въ Петербургѣ.

Во Франціи мы привлекли на свою сторону „Constitutionel“—самый значительный органъ французской прессы. Я могу особенно похвалить любезностью главнаго редактора П. Лимайрака, съ которымъ я познакомился лично, и содѣйствіемъ помощника редактора г. Симона. Статьи „Constitutionel“ перепечатаны многими второстепенными газетами. Кромѣ того наши корреспонденціи использованы газетами „La Presse“, „La Nation“, „Le courrier du dimanche“ и т. д.

Въ Англіи наши корреспонденціи сообщаются регулярно восемнадцати газетамъ, изъ коихъ четырнадцать издаются въ Лондонѣ. Благодаря необыкновенной дѣятельности и усердію нашего Лондонскаго агента, лэди М. Стюартъ Малькольмъ, враждебное къ намъ отношеніе англійской прессы прекратилось; вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ ни одна статья, написанная польскими эмигрантами, столь многочисленными въ Лондонѣ, не была принята. Мы обязаны корреспонденціямъ „Инвалида“ тому, что лучшіе редакторы англійскихъ газетъ имѣютъ нынѣ болѣе правильный взглядъ на Россію и понимаютъ великодушныя намѣренія Его Императорскаго Величества. Многія изъ нашихъ статей перепечатаны въ „Times“, „Evening Herald“, „Standard“, „Morning Herald“ и въ другихъ газетахъ. Въ „Economist“, „Lloyde“, „Saturdi Rewiew“ и т. д. встрѣчаются статьи, напечатанныя на основаніи нашихъ замѣтокъ. Если припомнить, какова была англійская пресса не далѣе какъ лѣтомъ прошлаго года, если подумать о постоянныхъ интригахъ недовольныхъ поляковъ, которые и по сейчасъ стараются взволновать Англію съ цѣлью вызвать движеніе противъ Россіи, то достигнутые нами успѣхи покажутся весьма удовлетворительными.

Слѣдуетъ упомянуть также о стремленіи нашего агента; найдя въ одномъ частномъ журналѣ замѣтку, направленную противъ нашего правительства, лэди Малькольмъ, не теряя ни минуты, обра-

тилась къ редактору означенной газеты, чтобы помѣстить опроверженіе на эту статью и защитить правое дѣло Россіи. Непрестанно заботясь объ общихъ интересахъ Россіи и Англіи, лэди Малькольмъ успѣла добиться того, что въ „Morning Post“—газетѣ, которая была въ прошломъ году яркимъ органомъ польскихъ повстанцевъ, были помѣщены прилагаемыя при семъ двѣ статьи, появившіяся весьма кстати для того, чтобы успокоить умы въ Англіи.

Въ общемъ 82 газеты, издаваемые въ разныхъ странахъ, получили наши сообщенія непосредственно отъ насъ самихъ или чрезъ посредство другихъ лицъ и воспользовались ими.

Въ 1866 года „Correspondence Russe“ удалось приобрѣсти такое значеніе въ европейской журналистикѣ, что нельзя указать ни на одну изъ наиболѣе распространенныхъ французскихъ или нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ не перепечатывались бы еженедѣльно статьи, появляющіяся въ „Correspondence Russe“.

Въ этомъ отношеніи дѣйствительность далеко превзошла всѣ ожиданія редакціи. Хорошо зная, наприм., постоянную холодность въ отзывахъ о Россіи со стороны официальной французской газеты „Moniteur Universel“, встрѣчая еще недавно на его столбцахъ отзывы, непріязненные о Россіи, редакція „Инвалида“, не полагая имѣть успѣха въ непосредственномъ сношеніи съ редакціей „Moniteur'a“, не включала въ кругъ обязанностей своего парижскаго корреспондента заботиться о помѣщеніи тамъ своихъ корреспонденцій. Но въ теченіе 1864 и 1865 годовъ „Moniteur“ не только самъ перепечатывалъ всѣ руководящія статьи „Корреспонденціи“, но заимствовалъ изъ нея даже нѣкоторыя мелкія статьи, не имѣющія значенія свѣдѣнія, также только при томъ указывая на источникъ своихъ заимствованій.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что это было время важныхъ событій на востокѣ, и французскія газеты вообще не охотно говорившія объ этомъ предметѣ, перепечатывали, однако, всѣ статьи, въ которыхъ говорилось о восточныхъ дѣлахъ и объ отношеніи къ нимъ русскаго общественнаго мнѣнія.

„Correspondence“ издавалась секретнымъ образомъ, о чемъ было извѣстно князю Горчакову и графу Игнатьеву, и разсылалась она исключительно въ редакціи заграничныхъ газетъ. „Московскія Вѣдомости“, встрѣчая въ иностранныхъ газетахъ ссылки на „Correspondence“, называли ее какою-то подпольною газетою.

Статьями этими заинтересованъ былъ и князь Горчаковъ. Вслѣдствіе разговора по этому поводу съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ я получилъ однажды записку слѣдующаго содержанія:

„Покорнѣйше прошу немедленно прислать мнѣ вырѣзки статей изъ иностранныхъ газетъ, чтобы я могъ показать князю Горчакову, въ какой мѣрѣ „Инвалидъ“ имѣетъ вліяніе на иностранную прессу.

Д. Милютинъ“.

При свиданіи со мною министръ передалъ мнѣ слова князя Горчакова, сказавшаго:

— Я не ожидалъ такого большого успѣха.

Какъ ни охранялся секретъ, но онъ въ 1868 году дошелъ до свѣдѣнія наслѣдника цесаревича Александра Александровича. 11-го января министръ прислалъ мнѣ письмо гофмаршала двора наслѣдника цесаревича съ помѣткою на немъ:

„Прошу Сергѣя Павловича переговорить со мною по этому предмету“. Самое же письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь Дмитрій Алексѣевичъ.

Государь наслѣдникъ цесаревичъ, узнавъ, что при редакціи „Русскаго Инвалида“ издается извѣстная Вашему Высокопревосходительству русская корреспонденція, изволилъ изъявить желаніе получить это изданіе.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня для доклада Его Императорскому Высочеству, не изволите ли Вы признать возможнымъ сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе, чтобы корреспонденція эта, по мѣрѣ выхода ея, доставлялась Его Императорскому Высочеству.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Звенигородскій“.

На это письмо министръ отвѣчалъ:

„Милостивый Государь
Владиміръ Яковлевичъ.

На письмо Ваше отъ 11-го января за № 68 имѣю честь увѣдомить, что, считая за особенное удовольствіе исполнить желаніе Его Императорскаго Высочества, я уже отдалъ приказаніе Главному редактору газеты „Русскій Инвалидъ“, полковнику Зыкову, чтобы каждый номеръ выходящей еженедѣльно „Correspondence“ былъ доставляемъ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю долгомъ просить Васъ, Милостивый Государь, доложить Его Императорскому Высочеству, что выходящая по Высочайшему Государя Императора соизволенію при редакціи „Русскаго Инвалида“ „Correspondence“ составляетъ тайну и

*

разсылается исключительно въ однѣ только редакціи заграничныхъ газетъ съ цѣлью сообщенія о Россіи свѣдѣній, не искаженныхъ съ умысломъ или по незнанію Россіи. Доставляемый же нынѣ Государю Наслѣднику Цесаревичу экземпляръ есть единственный, посылаемый редакціею не за границу.

Примите увѣреніе въ почтеніи и преданности.

Д. Милютинъ“.

Но 1868 годъ былъ послѣднимъ годомъ независимаго существованія, какъ „Correspondence“, такъ и самаго „Русскаго Инвалида“. Уже съ 1863 года, когда рѣзко и смѣло газета выступала въ защиту русскихъ интересовъ, когда талантливыя статьи г.г. Бушена, Гильфердинга, Кояловича, Θεоктистова и другихъ обратили на себя вниманіе не только русской публики, но и вниманіе самого Императора, удостоивавшаго прочтенія ихъ въ корректурѣ и одобрявшаго ихъ для печати, въ крѣпостнической газетѣ „Вѣсть“, издававшейся Скарятинымъ и Юматовымъ, началась непрерывная клевета и брань на газету за ея направленіе. Но когда на верху власти очутились элегантныя графъ Шуваловъ, Тимашевъ и Валуевъ, то они пустили въ ходъ и элегантныя манеры. Тутъ дѣйствовали не бранью и клеветою, а искуснымъ способомъ лести, отъ которой въ результатѣ приходилось хуже клеветы. „Русскій Инвалидъ“ газета хорошая, говорили одни, но очень жалко, что статьи ея слишкомъ рѣзки; такія крайнія статьи не совсѣмъ удобны въ оффиціальномъ органѣ военнаго министерства; статьи „Русскаго Инвалида“ объ Остзейскомъ краѣ, говорили другія, были бы не безъ достоинствъ, если бы не были изображены въ такой формѣ, что возбуждаютъ неопредѣленныя надежды крестьянъ на собственность бароновъ. Такія статьи не должны быть въ правительственной газетѣ. Вообще весь тонъ газетныхъ статей „Русскаго Инвалида“, говорили третьи, весьма часто противорѣчитъ общимъ правительственнымъ взглядамъ на русскія событія, а между тѣмъ многими можетъ быть принятъ за взглядъ правительственный. Такая двойственность можетъ быть только вредною.

Подобныя отзывы о газетѣ начали слышаться на верху все чаще и чаще, и, наконецъ, цѣль была достигнута. Въ октябрѣ 1868 года я уже имѣлъ по этому поводу разговоръ съ министромъ, а 27 октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть съ 1869 года при главномъ управленіи по дѣламъ печати изданіе особой и единственной для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій оффиціальной газеты подъ наименованіемъ „Правительственный Вѣстникъ“ и затѣмъ, отнявъ всякій оффиціальный характеръ у газетъ, служившихъ оффиціальнымъ органомъ нѣкоторыхъ мини-

стерствъ и главныхъ управленій, подчинить ихъ на будущее время дѣйствию общихъ законовъ о печати.

И вотъ наступило время, когда вся печать очутилась подъ тяжелымъ прессомъ Шувалова и Валуева.

Однако, вопросъ о „Русскомъ Инвалидѣ“ не считался еще вполне разрѣшеннымъ; нѣкоторое время онъ былъ предметомъ разговора.

30 ноября я получилъ слѣдующую записку военного министра: „Сдѣлайте одолженіе, многоуважаемый Сергѣй Павловичъ, постарайтесь достать мнѣ гдѣ-нибудь одинъ или два № газеты „Moniteur de l'armée“ и, если можно,—свѣдѣнія о томъ, на какихъ основаніяхъ издается эта газета. Также желалъ бы имѣть по одному № нѣмецкихъ военныхъ газетъ.“

Д. Милютинъ“.

А вслѣдъ затѣмъ 4-го декабря другую:

„Государь Императоръ изволилъ возвратить мнѣ прилагаемые при семъ нумера газеты „Moniteur“, безъ всякаго приказанія; а потому я думаю, что не можетъ уже быть никакого сомнѣнія относительно прекращенія „Русскаго Инвалида“.“

Д. Милютинъ“.

Хотя рѣшеніе министра для редактора было въ порядкѣ вещей безапелляціонно, но Дмитрій Алексѣевичъ, по свойственной ему деликатности, обратился ко мнѣ, сказавъ:

— Не думаю, чтобы и для васъ было бы интересно вести газету, въ которой ничего не будетъ кромѣ приказовъ.

Тогда, по приказанію военного министра, въ газетѣ было объявлено, что съ 1869 года изданіе „Инвалида“ прекращается вовсе.

Казалось бы, что Шуваловъ и Валуевъ были вполне удовлетворены; независимая отъ ихъ произвола газета, портившая имъ кровь, переставала существовать, и никто изъ нихъ уже не услышитъ осужденія ихъ внутренней политики, поощрявшей все, кромѣ русскихъ интересовъ. Но и этого имъ казалось мало; имъ нужно было, чтобы газета военного министерства существовала, но отнынѣ была вполне безмолвною. Съ этою цѣлью былъ пущенъ слухъ, дошедшій куда слѣдовало, что прекращеніе „Инвалида“ очень огорчило членовъ Комитета о раненыхъ, и Государь приказалъ министру продолжать изданіе. Вопросъ этотъ былъ предложенъ военно-ученому комитету, который рѣшилъ присоединить газету къ „Военному Сборнику“, который редактировалъ П. К. Меньковъ.

Этимъ покончилъ свое существованіе Милютинскій „Русскій Инвалидъ“.

Въ память о немъ я не могу не сказать нѣсколько словъ.

Не буду говорить о томъ, рационально или нѣтъ поставлено было самое дѣло; естественно или нѣтъ было существованіе независимаго органа общественнаго мнѣнія, весьма часто болѣе или менѣе открыто противорѣчащаго видамъ того или другого изъ министерствъ; наконецъ, рационально ли, что оффиціальныя органы одного министерства косвенно осуждали дѣйствія другого. Обо всемъ этомъ можно говорить и даже спорить, но нельзя не сказать, что „Русскій Инвалидъ“ въ то время, на-ряду съ „Московскими Вѣдомостями“ и газетою „День“ и „Парусъ“, доколѣ двѣ послѣднія не были закрыты Вадуевымъ, принесъ безспорно немалую пользу русскому обществу. Онъ разъяснилъ истинныя отношенія къ польскому вопросу въ ущербъ польскимъ притязаніямъ, а талантливые государственные дѣятели привели въ исполненіе Высочайшую волю вторично, такъ сказать, присоединивъ Польшу къ Россіи. Въ вопросѣ остзейскомъ, несмотря на сильную поддержку балтійскихъ нѣмцевъ со стороны русской администраціи, голоса московскихъ газетъ и „Русскаго Инвалида“ имѣли большое вліяніе на русское общество, которое только изъ этихъ статей узнавало о тамошнихъ порядкахъ. А это было тѣмъ важнѣе, что противъ нихъ до тѣхъ поръ никто не смѣлъ говорить, а знавшій эти порядки и описавшій ихъ поплатился за то крѣпостью. Стоитъ только припомнить, что русскій генераль-губернаторъ Альбединскій получилъ выговоръ отъ какого-то остзейскаго герихта за то, что онъ осмѣлился написать въ этотъ герихтъ бумагу на русскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ. И русскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ русскаго Императора, безмолвно перенесъ это оскорбленіе.

И все это глумленіе надъ Россіею и русскими происходило, по словамъ тѣхъ же остзейцевъ, на основаніи какихъ-то, не то матрикулъ, не то договоровъ временъ Петра Великаго. Но благодаря Бога, Императоръ Александръ II умѣрилъ баронскій пылъ и ввелъ нѣкоторыя реформы.

Что касается до упрековъ газеты „Вѣсть“ и другихъ сановниковъ, что „Русскій Инвалидъ“ унижалъ дворянское сословіе и вооружалъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, то это сплошная ложь. Никогда „Русскій Инвалидъ“, вполне признавая всѣ заслуги русскаго дворянства, начиная съ освобожденія крестьянъ, не отзывался о немъ дурно или неуважительно. Только когда въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ заговорили, что правительство за освобожденіе крестьянъ должно дать дворянству исключительныя противъ другихъ сословій права, то есть создать олигархію, „Инвалидъ“ горячо возражалъ, разоблачая скрытыя тенденціи дворянства.

Съ преобразованиемъ „Инвалида“, лично я терялъ очень не много

въ матеріальномъ отношеніи, ибо во время своего редакторства я не пользовался никакими служебными преимуществами. Для меня было совершенно достаточно сознанія, что я рядовой работникъ въ рукахъ европейски образованнаго государственнаго человѣка, который горячо отстаивалъ при всякомъ случаѣ русское дѣло.

Можно быть увѣреннымъ, что если бы во главѣ государственныхъ дѣлъ стояли два такихъ человѣка, какъ двое братьевъ Милютиныхъ, то Россія не вынесла бы тѣхъ издѣвательствъ и униженій со стороны финляндцевъ, какимъ она подвергается нынѣ.

Въ 1864 году къ нападающимъ на „Русскій Инвалидъ“ присоединилась газета, вдохновленная Черняевымъ и Комаровымъ. Въ ней и въ нѣкоторыхъ журналахъ стали появляться статьи Оадѣева, огульно осуждавшія всѣ мѣры, предпріятыя Д. А. Милютинымъ, касавшіяся реформъ въ арміи. Это не имѣло бы никакого значенія, если бы во главѣ этой партіи не встало лицо съ большимъ военнымъ авторитетомъ, а именно фельдмаршалъ князь Барятинскій.

Вступивъ въ министерство, Д. А. Милютинъ горячо принялся за коренныя реформы, осуществленныя вполнѣ къ началу 1871 года, когда вся Россія была раздѣлена на 14 военныхъ округовъ. Новая организація военныхъ силъ и ихъ учрежденій, конечно, нашла, какъ это всегда бываетъ, какъ защитниковъ, такъ и противниковъ. По этому поводу военный министръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1864 году доносилъ:

„Совершившіяся въ послѣднее время по военной части преобразованія обняли собою такой обширный кругъ государственной дѣятельности и затронули столько интересовъ, что, при всемъ сочувствіи къ нимъ огромнаго большинства лицъ здраво мыслящихъ и опытныхъ, реформы эти не могли не имѣть и отъявленныхъ противниковъ. Утѣшительно однако то, что всѣ нареканія со стороны сихъ послѣднихъ либо обнаруживаютъ незнакомство съ сущностью и цѣлью совершившихся преобразованій, либо касаются тѣхъ именно недостатковъ нашей арміи, устраненіе которыхъ и должно быть со временемъ результатомъ предпріятыхъ реформъ. Толки эти неоднократно доходили до свѣдѣнія Вашего Величества, но осмѣливаюсь думать, что они не могли ни разу поколебать ¹⁾ въ Васъ, Государь, увѣренность, что военное министерство, дѣйствуя постоянно по непосредственнымъ Вашимъ указаніямъ, идетъ вѣрнымъ путемъ къ предположенной цѣли—всестороннему развитію и совершенствованію вооруженныхъ силъ Имперіи“.

Все это не имѣло бы никакого значенія, если бы во главѣ недо-

¹⁾ Противъ этихъ словъ Государь написалъ: „нѣтъ, не поколебали“. Татищевъ.

вольныхъ не стояло авторитетное лицо—фельдмаршалъ князь Барятинскій. И вотъ онъ почему-то вдругъ энергично при литературномъ содѣйствіи Черняева, Оадѣва, Комарова и газеты „Вѣсть“ началъ нападать на всю систему Милютина, при чемъ „Русскому Инвалиду“ пришлось вести не менѣе горячую полемику.

По мнѣнію князя Барятинскаго, новая система грозила едва-ли не гибелью Россіи. Для отвращенія этой опасности онъ испросилъ у Государя дозволенія представить на докладъ Милютина свои замѣчанія, не взирая на то, что положеніе было уже Высочайше утверждено и обнародовано.

Въ своей запискѣ князь Барятинскій перешелъ далеко за предѣлы вопроса, послужившаго къ ней поводомъ. Очертивъ характеръ дѣятельности, какъ военнаго министра, такъ и главнокомандующаго арміею въ военное время, фельдмаршалъ доказывалъ, что новымъ положеніемъ умалена власть и должность главнокомандующаго, поставленнаго имъ въ полную зависимость отъ центральнаго военнаго управленія, которое, являясь руководителемъ войны, получаетъ значеніе гофъ-кригсъ-рата, давно осужденнаго исторіею.

Однако, предсказанія князя Барятинскаго ни мало не оправдались, ибо первая случившаяся въ 1877 году турецкая война показала, что милютинская система вполне выдержала испытаніе во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ вполне удовлетворительно, августѣйшій главнокомандующій, если былъ въ чемъ-нибудь стѣсненъ, то отнюдь не гофъ-кригсъ-ратомъ, а военный министръ за осуществленіе тѣхъ реформъ, которыя образовали доблестныя войска, былъ награжденъ высокопочетнымъ орденомъ.

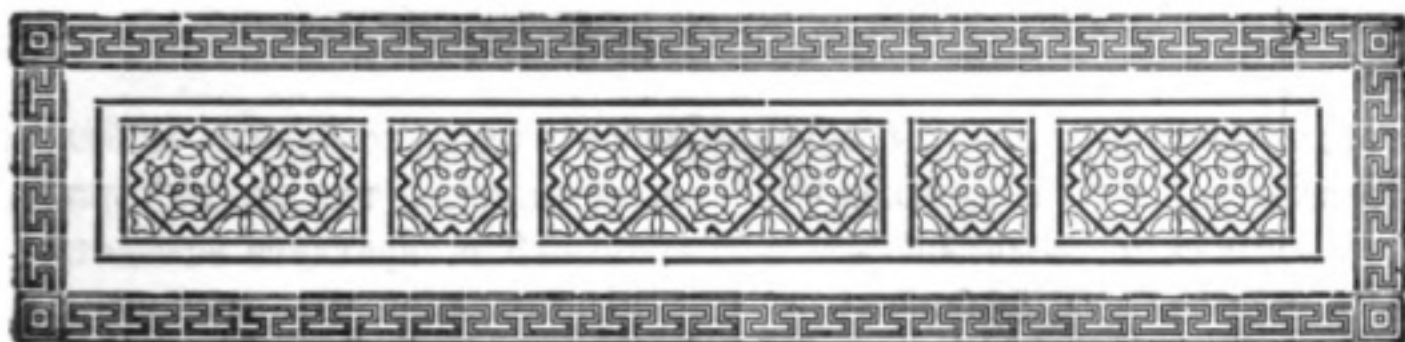
Но и записка князя Барятинскаго имѣла также свою исторію. Чтобы удовлетворить его, была по Высочайшему повелѣнію образована подъ предсѣдательствомъ графа Коцебу коммиссія изъ большихъ сановниковъ, разсуждавшая довольно долго о томъ, какія поправки можно ввести въ милютинскую систему. Но здѣсь вполне оправдался французскій афоризмъ, что *critique est aisée, mais l'art est difficile*. Ничего не выработавъ, коммиссія спокойно разошлась.

Разставаясь со мною, какъ съ редакторомъ, Дмитрій Алексѣвичъ проявилъ крайнюю степень вниманія и любезности, рѣшившись даже на передокладъ о моей наградѣ у Государя Императора.

— Мнѣ хотѣлось бы, Сергѣй Павловичъ, наградить Васъ виѣ правилъ и дать Владиміра 3 степени, минуя 4 степень; къ сожалѣнію, мнѣ это не удалось. Государь мнѣ сказалъ, что онъ не любитъ, когда обходятъ эту степень.

С. П. Зыковъ.

М. Х. Рейтернъ.

(Биографическій очеркъ, составленъ А. Н. Куломзинымъ и гр. В. Г. Рейтернъ—бар. Нолькенъ. Съ приложеніями изъ посмертныхъ записокъ М. Х. Рейтерна).

Въ библиографическомъ отдѣлѣ юньской книги „Русской Старины“ помѣщенъ краткій обзоръ біографическаго очерка М. Х. Рейтерна, бывшаго въ теченіе 16 лѣтъ министромъ финансовъ въ царствованіе Императора Александра II-го. Изложеніе политическихъ вѣяній передъ войной 1877—1878 г.г., разговоры Императора Александра II, написанное М. Х. Рейтерномъ въ его посмертныхъ запискахъ, преисполнено такого высокаго, историческаго интереса, что читатели не посѣтуютъ, если мы приведемъ изъ этихъ записокъ тѣ ихъ отдѣлы, которые касаются политики Россіи въ это время.

По словамъ М. Х. Рейтерна: „Государь ¹⁾ издавна со мной говорить о политикѣ. Онъ въ это время ²⁾ говорилъ со мной почти что каждый разъ и всегда безъ всякаго съ моей стороны повода...; казалось, что онъ радъ бывалъ случаю отвести душу (если можно такъ выразиться) съ человѣкомъ въ сочувствіи котораго своимъ мыслямъ онъ былъ увѣренъ“. II.

Пребываніе М. Х. Рейтерна въ Ливадіи въ октябрь м. 1876 года.

Въ августѣ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Варшаву и Ливадію, Государь нѣсколько разъ говорилъ со мною о политическихъ дѣлахъ. Онъ, какъ и прежде, весьма сильно выражалъ свою рѣшимость не давать Россію завлечь въ войну. Онъ не безъ горечи говорилъ объ агитаціи славянофильской—о желаніи нѣкоторыхъ лицъ выставлять не его представителемъ интересовъ Россіи.

Сентября 4-го я уѣхалъ въ деревню, а 13-го получилъ тамъ телеграмму, которою меня извѣщали о сущности порученія, возложеннаго на графа Сумарокова, къ чему присовокупляли, что если

¹⁾ Императоръ Александръ II.

II.

²⁾ Передъ войной 1877—78 г.г.

II.

отвѣтъ Австріи былъ бы неудовлетворителенъ, то будетъ мобилизовано до 200 т. войска. Это первый намекъ, что мы измѣнили свой взглядъ на политическое положеніе.—Я возвратился вслѣдствіе этого скорѣе, чѣмъ полагалъ, т. е. 20-го сентября. Въ воскресенье 24-го я получилъ приглашеніе въ Ливадію, уѣхалъ на другой же день и прибылъ въ Ливадію 1-го октября.

Государь меня тотчасъ принялъ и сказалъ мнѣ, что несмотря на его желаніе кончить дѣло мирнымъ путемъ, это по всему вѣроятію не удастся, и что слѣдуетъ готовить средства для войны. Я началъ было объяснять трудность веденія войны вообще и въ особенности въ годъ, экономически неблагоприятный. Государь, противъ своего обыкновенія, меня прервалъ словами, что нечего дѣлать, приказалъ переговорить съ другими и затѣмъ доложить ему. Изъ „другихъ“ я нашелъ князя Горчакова весьма воинственнымъ, Милютину крайне озабоченнымъ трудностями зимняго похода, графа Адлерберга весьма благоразумнымъ, но сдержаннымъ. Игнатъевъ говорилъ много, не всегда одинаково, но, кажется, клонился къ войнѣ. Общая атмосфера Ливадіи была крайне воинственна. Тогда я счелъ своимъ долгомъ изложить письменно и представить Государю (3-го октября) свое убѣжденіе, хотя и предвидѣлъ, что оно едва-ли будетъ раздѣляемо. Послѣ обѣда Государь меня подозвалъ и сказалъ мнѣ съ недовольнымъ видомъ: „Твоя записка ¹⁾ на меня произвела самое грустное впечатлѣніе, мы объ ней переговоримъ завтра въ совѣщаніи“. Зная, что на другой день предстоитъ мнѣ выдержать неприятную сцену, я далъ себѣ слово, что бы ни было, не горячиться и не отказываться отъ своихъ убѣжденій. На другой день собрались у Государя: Наслѣдникъ, Горчаковъ, Милютинъ, Адлербергъ, Игнатъевъ и я. Записку мою, какъ оказалось, кромѣ Государя читалъ одинъ Наслѣдникъ.

Государь сказалъ, что записка произвела на него самое грустное впечатлѣніе, что я порицаю всѣ реформы его царствованія, доказывая, что эти реформы ослабили Россію; что я вовсе не указываю на средства для веденія войны и предлагаю унижить Россію. Что этого ни онъ, ни сынъ его не допустятъ.

На это я сказалъ, что на реформы, составляющія славу царствованія Е. В., я положилъ не мало своего труда и даже своей инициативы и что считаю за величайшую честь и счастье, что могъ это сдѣлать; что реформы эти вызвали экономическое развитіе, которое будетъ остановлено войною, и что раззореніе будетъ громадное потому, что многое начато, и ничего еще не окрѣло. О средствахъ

¹⁾ Эта записка на печатана въ біографическомъ очеркѣ.

къ войнѣ я повторилъ вкратцѣ сказанное въ запискѣ. На это мнѣ Государь сказалъ: „Средства есть, но надобно умѣть ихъ достать“.

За симъ перешли къ другимъ занятіямъ, и въ этомъ засѣданіи было рѣшено послать Игнатьева въ Константинополь, мобилизовать часть арміи 1-го ноября, а въ началѣ декабря перейти границу, если на конференціи не примутъ нашихъ требованій. Послѣ обѣда Государь сказалъ мнѣ нѣсколько милостивыхъ словъ; и я отправился въ СПб.

Р.

СПб. 12-го октября 1876 г.

Различныя стадіи восточнаго вопроса въ теченіе зимы 1876—77 г.г.

С.-Петербургъ, 12-го ноября 1876 г.

Сегодня я въ первый разъ былъ съ докладомъ у Государя послѣ возвращенія его изъ Ливадіи, рѣчи, произнесенной имъ въ Москвѣ и повелѣнія о мобилизаціи войска. Я доложилъ ему, что въ воскресенье будетъ объявленъ стомилліонный заемъ и что онъ, несмотря на сочувствіе къ цѣли этой операціи, не будетъ покрытъ. Что для прикрытія этого факта гос. банкъ оставитъ за собою всю неподписанную сумму, т. е. въ сущности мы будемъ выпускать на наши военные расходы кредитные билеты, что 100 милл. на войну далеко недостаточно, такъ что мы наводимъ Россію кредитными билетами. Въ то же время размѣнный фондъ будетъ истощаться, потому что во время войны другого средства къ уплатѣ нашихъ купоновъ за границу не существуетъ; такимъ образомъ мы будемъ черезъ годъ имѣть огромную массу обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ и не будемъ уже, за истощеніемъ размѣннаго фонда, имѣть никакихъ средствъ къ уплатѣ нашихъ долговъ за границу. Я кончилъ тѣмъ, что если видишь два поѣзда, которые мчатся навстрѣчу другъ другу, то нетрудно предвидѣть результатъ. Государь выслушалъ меня внимательно, и я думаю, что слова мои произвели впечатлѣніе, ибо два министра, бывшіе послѣ меня, спрашивали, что я ему сказалъ.

Въ кн. Горчаковѣ, котораго я видѣлъ сегодня до доклада, и въ самомъ Государѣ я замѣтилъ перемѣну, т. е. оба, казались, болѣе миролюбивыми. Извѣстіе о слабой подпискѣ на заемъ кажется подействовало на Государя. По поводу пониженія вексельнаго курса, я замѣтилъ, что это должно еще усиливаться по мѣрѣ выпуска кредитныхъ билетовъ; что пониженіе вексельнаго курса обозначаетъ уменьшеніе ихъ цѣнности, такъ что тотъ денежный знакъ, которымъ мы должны (за неимѣніемъ звонкой монеты) вести войну, будетъ по мѣрѣ расходованія терять свою цѣнность, и что мы бу-

демъ принуждены прекратить военное дѣйствіе, потому-что наши деньги теряютъ платежную силу. Р.

С.-Петербургъ, 10-го декабря 1876 года.

Когда я вошелъ сегодня къ Государю, я его нашелъ весьма озабоченнымъ извѣстіемъ о назначеніи Мидхадъ-Паши вел. визи-ремъ и о появленіи въ Константинополь лорда Биконсфильда, интригующаго за спиною маркиза Сольсбури. Полагаютъ, что это предвѣщаетъ отказъ Турціи отъ принятія заключеній. Надобно сказать, что послѣднее время Государь былъ весьма расположенъ вѣрить въ мирный исходъ дѣла и даже сказалъ депутаціи отъ купечества, что войны вѣроятно не будетъ. Потомъ Государь спросилъ: „Мнѣ сказали, что ты чрезвычайно огорченъ моимъ пріемомъ въ Ливадіи; правда ли? Во всякомъ случаѣ въ моемъ намѣреніи не было тебя дурно принять“. Я отвѣтилъ: „Да, Государь, правда, Вы мнѣ сказали, что средства на веденіе войны есть, но надобно умѣть и хотѣть ихъ достать. Если послѣ пятнадцати лѣтъ моего управленія министерствомъ финансовъ, Вы не довѣряете ни моему умѣнію, ни моему хотѣнію, то я не могу не придти къ убѣжденію, что невозможно мнѣ пріобрѣсти Ваше довѣріе съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ уменьшившимися силами и при обстоятельствахъ, еще болѣе затруднительныхъ“. Государь: „Я не говорилъ, что средства есть, а что они должны быть, когда послѣ всего, что я сдѣлалъ для сохраненія мира, приходится вести войну“. Я: „Я убѣжденъ, что всѣ такъ называемыя средства сводятся окончательно къ выпуску кредитныхъ билетовъ, а послѣдствія этого Вамъ извѣстны. Они все болѣе будутъ обезцѣнены, и придется прекратить войну, за неимѣніемъ средствъ“. Государь повторилъ, что онъ убѣжденъ, что средства есть. Я: „Я не могу лицемѣрно говорить противъ своего убѣжденія,—возьмите другого министра финансовъ, который бы видѣлъ то, чего я не вижу, дѣло слишкомъ важно, чтобы оставить недоразумѣніе и начать войну, не зная, чѣмъ ее довести до конца“. (Тутъ вошелъ Наслѣдникъ). Государь: „Ты имѣешь опытъ и можешь сдѣлать лучше другихъ,—но всякій человѣкъ можетъ ошибаться,—отчего жъ тебѣ не выслушать то, что могутъ предложить другіе“. Я: „Вопросъ этотъ обсуждался въ комитетѣ финансовъ, я тамъ не слышалъ другихъ мнѣній, но если В. В. изволите мнѣ указать кого еще спросить, то я это исполню“. Тутъ Наслѣдникъ предложилъ Бабста и Бунге. Государь сказалъ, что онъ никого не знаетъ, но что можетъ быть Абаза, Грейгъ или Валуевъ укажутъ на кого-либо. За симъ онъ рѣшилъ спросить отъ

моего имени Бабста и Бунге, и если еще кто найдется, и представить мнѣ ему записку, которую потомъ разсмотрѣть въ комитетѣ финансовъ.

(Я думаю, что о моемъ неудовольствіи Государю сказалъ Горчаковъ; послѣ непріятной сцены въ Ливадіи я сказалъ Горчакову: „On ne quitte pas son poste au moment du danger,—il sera temps d'aviser quand on sera hors d'affaires“.—Недавно Горчаковъ вывѣдывалъ у меня, того ли я еще мнѣнія). Р.

С.-Петербургъ, 17-го декабря 1876 г.

Сегодня я читалъ Государю прилагаемую записку (для комитета финансовъ). Она составлена съ цѣлью, чтобы доказать¹⁾, что страна, въ настоящемъ ея положеніи, не имѣетъ возможности вести войну. Государь внимательно входилъ въ ея смыслъ и вспомнилъ слова графа Гурьева въ 1853 году, подтверждающія мой взглядъ. Послѣ засѣданія особаго совѣщанія, бывшаго послѣ моего доклада, онъ говорилъ со мной весьма милостиво.

С.-Петербургъ, 13-го февраля 1877 г.

Въ послѣднее время настроеніе Государя все болѣе и болѣе становилось мирнымъ, главнымъ образомъ, кажется, по тремъ причинамъ: 1) Онъ убѣдился, что война была бы пагубна для нашихъ финансовъ и экономического развитія; 2) радикальная перемѣна общественнаго мнѣнія, и 3) онъ сомнѣвается въ дѣйствительности союза трехъ Императоровъ и начинаетъ, наконецъ, подозрѣвать, что Бисмаркъ старается запутать насъ въ восточный вопросъ. При докладѣ 4-го февраля онъ мнѣ сказалъ, что теперь, кажется, можно надѣяться на миръ. Въ совѣщаніе 5-го февраля военный министръ принесъ записку, въ которой, сознавая, что война будетъ для финансовъ и экономического развитія пагубна, утверждаетъ, что мы не можемъ не начать войну, потому что иначе слова, сказанныя Государемъ въ Москвѣ, останутся безъ исполненія; что Россія, привыкшая руководиться словами Государя, перестанетъ имъ вѣрить, что духъ войска упадетъ и т. д. Впечатлѣніе, повидимому, было сильное. Государь задумался и потомъ прекратилъ засѣданіе, назначивъ продолженіе на сегодня, и сказалъ, что если кому угодно, то могутъ также написать записки. Я воспользовался этимъ и приготовилъ прилагаемую записку. Вчера, когда я вошелъ къ Государю съ докладомъ, онъ встрѣтилъ меня словами: „Я совершенно согласенъ съ Милютинымъ; въ жизни

¹⁾ Эта записка напечатана въ біографическомъ очеркѣ.

государствъ, какъ въ жизни частныхъ лицъ, есть минуты, когда надобно забыть все другое и отстоять свою честь“. Я: „Извините меня, Государь, но я думаю, что со времени московской рѣчи многое существенно измѣнилось. Тогда надобно было ожидать вскорѣ нападенія турокъ на Сербію и на Черногорію, впоследствии продолжено перемиріе, и теперь есть надежда на заключеніе мира между ними и Портою. Тогда вовсе не было соглашенія между державами, теперь оно есть. Тогда общественное мнѣніе наше казалось воинственнымъ, теперь только желаютъ упроченія мира. Вы въ Москвѣ сказали, что интересы Россіи для Васъ выше всего, и сами признаете, что война была бы для нихъ пагубна (онъ употребилъ это слово)“. Государь мнѣ отвѣтилъ съ явнымъ неудовольствіемъ: „Я вовсе не раздѣляю твоего мнѣнія“. Я: „Въ прошломъ засѣданіи Вы намъ позволили на письмѣ изложить свое мнѣніе“. Онъ взялъ записку и сказалъ вошедшему Наслѣднику: „Рейтернъ также написалъ записку, я ее тебѣ дамъ прочесть“.

Въ сегодняшнее засѣданіе въ первый разъ были приглашены Тимашевъ и Валуевъ, которымъ, оказывается, Государь вчера послалъ мою записку. Тонъ Государя былъ гораздо спокойнѣе и, казалось, что желалъ бы обойтись безъ войны. Военный министръ не говорилъ вовсе.

Обстоятельства, приведшія къ восточной войнѣ.

Государь вообще искренно миролюбивъ. Тяжелыя обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, оставили въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ бѣда крымской войны сломила твердую натуру его отца. Государю чрезвычайно тяжело было согласиться на условія Парижскаго трактата. Политическія и финансовыя послѣдствія крымской войны тяготѣли надъ нимъ почти десять лѣтъ по окончаніи ея. Въ послѣднее время къ этому прибавилось еще и то, что онъ, подъ вліяніемъ упадающаго здоровья, вообще потерялъ охоту къ дѣламъ, которыми занимался только изъ чувства долга. Государь придаетъ большое значеніе прецедентамъ. Ему казалось, что если, послѣ продолжительнаго мирнаго царствованія, наступитъ война, то онъ ее не доведетъ до конца, и подобно отцу не вынесетъ бремя.

Князь Горчаковъ также миролюбивъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ въ его политическія соображенія никогда не входила мысль объ употребленіи оружія. Еще весною 1876 года, передъ отъѣздомъ въ Эмсъ, онъ мнѣ говорилъ: „Pas un homme et pas un rouble“. Но князь Горчаковъ самолюбивъ; удачно сказанное слово онъ счи-

таетъ успѣхомъ. Къ этому надобно прибавить, что Горчаковъ вообще мало занимался восточными дѣлами, и его интересовали только европейскія. Въ восточныхъ дѣлахъ онъ вполне поддавался Игнатьеву, когда тотъ былъ директоромъ азіатскаго департамента, а потомъ Стремоухову.

Игнатьевъ и Стремоуховъ имѣли главное вліяніе на приготовленіе восточнаго вопроса къ взрыву. Они другъ друга ненавидѣли, и едва-ли былъ между ними сговоръ; но въ извѣстныхъ случаяхъ они другъ друга поддерживали. Я не утверждаю, что дѣятельность ихъ имѣла цѣлью возбужденіе восточнаго вопроса, но убѣжденъ, что она болѣе, чѣмъ что-либо, повела къ этому результату.

Вліяніе Стремоухова на восточный вопросъ состояло преимущественно въ выборѣ лицъ на должности консуловъ и агентовъ и въ направленіи ихъ дѣятельности.

Игнатьева роль чрезвычайно трудно опредѣлить. Въ официальныхъ депешахъ Игнатьева, представляемыхъ Государю, вовсе нѣтъ славянофильскаго направленія. Однѣ должны доказать вліяніе посла на Порту, а другія вліяніе его же на христіанскихъ подданныхъ Порты. Если судить объ Игнатьевѣ только по официальнымъ его депешамъ, то можно бы его считать только ловкимъ дипломатомъ, который успѣлъ войти въ довѣріе Порты и даже султана. Но этимъ нисколько не объясняется то положеніе въ общественномъ мнѣніи Россіи, которое Игнатьевъ занималъ. Вообще въ Россіи мало знаютъ нашихъ заграничныхъ представителей и довольно равнодушны къ ихъ дѣйствіямъ и достоинствамъ. Нельзя назвать ни одного нашего дипломата, о мнѣніяхъ о политикѣ котораго бы говорили, независимо или даже въ противоположность намѣреніямъ канцлера и даже Государя. Игнатьевъ составляетъ единственное исключеніе. Онъ положительно пользовался популярностью, имѣлъ связи съ разными кружками, на которые правительство смотрѣло недоброжелательно. Нельзя не удивляться его ловкости, что при этомъ ему удавалось удержаться, если не въ особой милости Государя, то все-таки посломъ и авторитетомъ въ восточныхъ дѣлахъ. Для Государя онъ былъ исполнителемъ его указаній, т. е. вовсе не славянофилъ, а публика его считала ревнителемъ славянскихъ идей. Игнатьевъ всегда старался убѣдить Государя и вообще всѣхъ въ томъ, что турецкое владычество клонится къ упадку отъ внутренней порчи и слабости, и что оно не можетъ противопоставить нападенію съ нашей стороны сколько-нибудь энергическаго противодѣйствія. Я думаю, что онъ въ этомъ былъ дѣйствительно убѣжденъ. Это мнѣніе Игнатьева имѣло большое вліяніе на рѣшеніе дѣла. Мнѣ извѣстно, что представители другихъ державъ въ Константинополѣ не раздѣляли этого взгляда.

Герцеговинское возстаніе началось лѣтомъ 1875 года. Осенью, по возвращеніи моемъ изъ-за границы и затѣмъ Государя изъ Ливадіи, я нашелъ Его Величество и Горчакова въ совершенной рѣшимости не давать этому дѣлу разростись до размѣровъ восточнаго вопроса. Въ теченіе всей зимы 1875—76 года они оба оставались въ этомъ намѣреніи. «Государя я находилъ тогда болѣе озабоченнымъ, чѣмъ Горчакова, который къ этому дѣлу относился довольно легко. Я выше привелъ его выраженіе: „*Pas un homme et pas un rouble*“. Онъ крѣпко надѣялся на союзъ трехъ Императоровъ, былъ убѣжденъ, что Англія ничего не можетъ и не захочетъ сдѣлать безъ континентальнаго союзника, и считалъ, согласіе Турціи на рѣшеніе трехъ Императоровъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію.

Между тѣмъ началась внутренняя агитація, сначала въ славянофильскихъ кругахъ, потомъ въ газетахъ, потомъ въ высшемъ обществѣ. Государю противна вообще всякая политическая агитація. Онъ ревниво оберегаетъ свою самодержавную власть отъ всякаго вмѣшательства. Въ этомъ единственно случаѣ онъ не запрещалъ и не останавливалъ. Это произвело разладъ между официальной политикой, которая оставалась миролюбивою, и предполагаемыми намѣреніями, о которыхъ публика здѣсь и за границею могла судить по внѣшнимъ признакамъ. Полагали, что Государь связанъ въ своей официальной политикѣ, но что онъ въ существѣ раздѣляетъ славянофильскія идеи и желаетъ войны. Вѣрнымъ тому доказательствомъ считали участіе, которое придворные принимали въ агитаціи. Они едва-ли доступны увлеченіямъ и, конечно бы, имъ не предавались, если бы думали, что это Государю не угодно. Примѣръ лицъ, приближенныхъ ко двору, имѣлъ огромное вліяніе на усиленіе агитаціи: кто слѣдовалъ просто модѣ, кому доставляло удовольствіе громко бранить политику правительства, полагая, что въ эту минуту это не только не опасно, а пожалуй, еще понравится, наконецъ, вожди славянофильской партіи сознательно пользовались обстоятельствами, чтобы раздувать огонь. Сочувствіе славянамъ безъ всякаго сомнѣнія существовало, но при попущеніи правительства и подъ вліяніемъ примѣра двора, было искусственно вздуто до размѣровъ, совершенно обманчивыхъ и не соотвѣтствующихъ дѣйствительности.

Это придавало нашимъ дѣйствіямъ двухсмысленный характеръ, порождало за границею недовѣріе къ нашимъ завѣреніямъ и отнимало у официальнаго правительства власть надъ собственными своими агентами и, слѣдовательно, возможность дѣйствовать успокоительно на христіанское населеніе Турціи. Наши агенты на

востокъ, исподволь подобранные Стремоуховымъ, смотрѣли на циркуляры и предписанія министерства иностранныхъ дѣлъ какъ на формальность, не выражающую настоящихъ намѣреній правительства. Такимъ образомъ министерство иностранныхъ дѣлъ потеряло всякое вліяніе на христіанское населеніе Турціи, — чтобы оно ни говорило и дѣлало, все считалось необходимою пока маскою, скрывающею завоевательные замыслы. Немыслимо, напр., чтобы Сербія рѣшилась объявить войну въ противность строгаго предостереженія, посланнаго ей отъ имени самого Государя, если бы она не была убѣждена, что имѣетъ здѣсь доброжелателей, которые выручатъ.

Я совершенно убѣжденъ, что въ то время, т. е. до второй половины 1876 года, Государь искренно желалъ покончить эти дѣла миролюбиво, и что агитація, сербская война, добровольцы и т. п. были ему въ душѣ противны. То же самое я думаю и о Горчаковѣ, хотя въ меньшей степени.

Я имѣлъ возможность объ этомъ судить, ибо Государь издавна со мною говоритъ о политикѣ. Онъ въ это время говорилъ со мною почти каждый разъ и всегда безъ всякаго съ моей стороны повода. Онъ часто употреблялъ чрезвычайно сильныя выраженія не только неодобренія, а можно сказать негодованія противъ сербовъ и здѣшнихъ славянофиловъ; казалось, что онъ радъ бывалъ случаю отвести душу (если можно такъ выразиться) съ человѣкомъ, въ сочувствіи котораго своимъ мыслямъ онъ былъ увѣренъ. Опять повторяю, что я совершенно убѣжденъ въ искренности миролюбивыхъ чувствъ Государя и въ полномъ его отвращеніи къ агитаціи, славянофильскимъ идеямъ и пр. Если онъ говорилъ со мною, то это было отъ полноты души. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было не допускать славянофильской агитаціи до размѣровъ, которые она приняла въ половинѣ 1876 года. Наши агенты на востокъ не оставались бы въ сомнѣніи относительно дѣйствительныхъ намѣреній правительства, другія державы и сама Турція не имѣли бы основанія сомнѣваться въ искренности завѣреній Государя. Была также полная возможность удерживать газеты и уменьшать этимъ способомъ распространеніе агитаціи въ публикѣ и народѣ. Тимашевъ всегда былъ къ этому готовъ. Я никогда не былъ поборникомъ стѣсненій печати и не прибѣгалъ къ нимъ ни для защиты своихъ мѣръ, ни для огражденія своей личности, но всякая система должна быть прилагается послѣдовательно; если правительство, которое преслѣдовало печать за нерасположеніе къ классическому образованію, не мѣшаетъ ей проповѣдывать войну съ Турціею, Англіею и Австріею, то изъ этого нельзя вывести другого заключенія какъ, что само правительство къ этой войнѣ идетъ и желаетъ возбудить народное сочув-

ствіе къ своей наступательной политикѣ. Однимъ словомъ, агитація могла разростись до размѣровъ, до которыхъ она дошла, только при допущеніи, со стороны правительства. До лѣта 1876 года, т. е. до отклоненія Англіею Берлинскаго меморандума, кн. Горчаковъ поддерживалъ Государя въ убѣжденіи, что дипломатическимъ путемъ будетъ достигнуто нѣкоторое улучшеніе положенія славянъ, дано удовлетвореніе симпатіямъ Россіи къ нимъ и, кромѣ того, пріобрѣтенъ въ Европѣ, дешевою цѣною, дипломатическій престижъ. Послѣ Берлинскаго свиданья Государь остался два мѣсяца за границею и вѣроятно не зналъ, что здѣсь дѣлается. Когда же онъ возвратился, то общее возбужденіе дошло уже до крайнихъ размѣровъ и остановить его было уже весьма трудно.

Государь оставался здѣсь еще около мѣсяца и нѣсколько разъ мнѣ повторялъ о своемъ намѣреніи кончить дѣло безъ войны,—но всѣ его рѣчи показывали внутреннюю борьбу и душевныя страданія; миролюбивыя выраженія говорились иногда тономъ какъ бы запальчиваго возраженія лицу, защищающему другое мнѣніе,—тогда какъ такого лица вовсе въ комнатѣ не было.

Въ Ливадію я пріѣхалъ 1-го октября и нашелъ Государя, какъ и кн. Горчакова, уже въ совершенно воинственномъ духѣ. Приблизенныя дамы говорили сіяющими лицами: *L'Empereur s'est mis à la tête du mouvement national* и т. п.; единогласность этихъ выраженій доказывала, что пароль дана свыше. Эти фразы дѣйствительно выражали происшедшій переворотъ. Государь оставался въ Ливадіи, окруженный небольшимъ числомъ лицъ, тянущихъ всѣ въ одну сторону, безъ сообщенія съ другими своими совѣтниками; онъ слышалъ одинъ только голосъ и видѣлъ одну только сторону. Можно сказать, что отголоски Россіи доходили до него только чрезъ славянофиловъ. Аксаковъ переписывался съ Милютинымъ и другими. Государь не выдержалъ и вдругъ бросился въ сторону, противоположную той, которой держался прежде. Онъ воодушевлялся какъ бы идеею освобожденія не только славянъ, но всѣхъ христіанъ и даже Іерусалима. Государь былъ, очевидно, въ лихорадочномъ возбужденномъ состояніи.

Подъ вліяніемъ ливадской атмосферы и измѣненнаго расположенія сдѣлано два шага, которые въ окончательномъ результатѣ рѣшили дѣло. Это мобилизація арміи и московская рѣчь. Мобилизація рѣшена въ совѣтѣ у Государя 4-го октября; произвести ее тогда же предполагалось 1-го ноября, съ тѣмъ, чтобы быть готовымъ перейти границу въ декабрѣ. На замѣчаніе, что едва ли удобно начать войну въ такое время года, отвѣчали, что, напротивъ, зимою нѣтъ лихорадокъ и т. п. На повѣрку, однако,

оказалось, что въ декабрѣ была въ Бессарабіи такая распутица, что походъ былъ бы крайне затруднителенъ. Мѣру эту я считаю роковою. Въ дипломатическомъ отношеніи она окончательнo закрыла возможность компромисса. Въ финансовомъ она имѣла послѣдствіемъ бесполезное израсходование 100 м. р. на содержаніе арміи на военной ногѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ и на столько уменьшила средства для веденія войны; наконецъ, въ военномъ отношеніи это было предостереженіе, данное Турціи, чтобы она готовилась къ отпору на Дунаѣ. Мы имѣли двѣ выгоды передъ Турціею: организацію, позволяющую скорѣе привести армію на военную ногу, и желѣзныя дороги, дающія возможность скорѣе ее подвезти къ границѣ. Отъ этихъ двухъ выгодъ мы безъ всякой пользы отказались. Если бы произвести мобилизацію съ половины марта до половины апрѣля и тотчасъ перейти границу, то турки при ихъ безпечности были бы взяты врасплохъ и едва ли бы имѣли въ Болгаріи превосходныя силы, какъ теперь оказалось.

Московская рѣчь рѣшена въ Ливадіи въ мое отсутствіе. Ее я считаю роковою потому, что она связала Государя какъ бы вопросомъ чести, какъ онъ самъ выражался впоследствии, когда уже наступило въ немъ отрезвленіе послѣ Ливадскаго упоенія. Отрезвленіе началось чуть не въ Москвѣ. Рѣчь была принята многочисленнымъ собраніемъ съ восторгомъ, вызываемымъ каждымъ заявленіемъ, обращеннымъ Государемъ лично къ своимъ подданнымъ, а тѣмъ болѣе патріотическимъ; но тогда же Государь съ своимъ тонкимъ тактомъ не могъ не замѣтить, что атмосфера Москвы, несмотря на то, что она центръ славянофильской агитаціи, не та, въ которой онъ находился въ Ливадіи. Съ окончаніемъ сербской войны, перемиріемъ, вырваннымъ у Порты нашими угрозами, увлеченіе публики быстро падало; люди, побуждаемые экономическими интересами, рѣшались уже громко высказываться въ пользу мира; эта реакція все болѣе увеличивалась, и зимою не оставалось почти слѣдовъ прежняго увлеченія. Въ трезвой петербургской средѣ Государь все болѣе и болѣе приходилъ въ прежнее свое мирное расположеніе; въ разговорахъ со мною онъ выражалъ неоднократно свое желаніе кончить дѣло миромъ. Въ декабрѣ онъ сказалъ публично депутаціи отъ купечества, что онъ надѣется, что войны не будетъ.

Я не буду говорить здѣсь объ обстоятельствахъ несчастной дипломатической кампаніи отъ перемирія между Турціею и Сербіею, которое безъ всякаго основанія мы не хотѣли имѣть шестимѣсячнымъ до протокола, отвергнутаго Турціею, но долженъ сказать то, что мнѣ извѣстно о личномъ вліяніи кн. Бисмарка на восточный

вопросъ. Князь Бисмаркъ давно, и при разныхъ случаяхъ, старался насъ, такъ сказать, натравить на поднятіе восточнаго вопроса. Когда утечетъ достаточно времени, чтобы открыть наши архивы послѣднихъ 6—7 лѣтъ изслѣдователямъ исторіи, то слѣды этого найдутся. Въ Австріи думаютъ, что его рука была съ самаго начала въ Герцеговинскомъ возстаніи; я не имѣю никакихъ тому доказательствъ, но не считаю этого невозможнымъ. Съ начала компликацій и до Берлинскаго свиданія (май 1876) кн. Бисмаркъ шелъ съ нами и Андраши, и я думаю, ближе къ нему, чѣмъ къ намъ. Отъ времени отвергнутія Англіею Берлинскаго меморандума до послышки Мантейфеля въ Варшаву, и потомъ до тѣхъ поръ, какъ кн. Горчаковъ изъ Ливадіи обратился къ нему, онъ былъ вообще сдержанъ; когда же, по возвращеніи Государя сюда, идеи болѣе миролюбивыя стали преобладать, то кн. Бисмаркъ всячески старался не допускать, чтобы дѣла уладились. Разговоры его съ нашимъ посломъ были таковы, что отъ нихъ не отказался бы ярый славянофилъ. Они клонились къ развитію шовинистскихъ страстей и замѣчательнымъ образомъ были рассчитаны на характеръ Государя. Бисмаркъ говорилъ о чести Россіи, объ упадкѣ духа въ арміи о вредѣ мирнаго исхода для монархическаго начала—и все это производило свой эффектъ. Съ той минуты какъ война была рѣшена, кн. Бисмаркъ опять сталъ сдержаннѣе.

Я объясняю все это слѣдующимъ образомъ: кн. Бисмаркъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли, сохранить и если можно еще ближе скрѣпить дружественныя связи между Германіею и Россіею Императора Александра II; запутать Россію въ неразрѣшимый восточный вопросъ такъ, чтобы она въ будущее царствованіе не имѣла бы ни желанія, ни возможности вмѣшиваться, невыгоднымъ для Германіи образомъ, въ европейскую политику.

Сентябрь 1877.

Октябрь 1878.

Оставленіе должности министра финансовъ.

Я отказался отъ должности министра финансовъ „по разстроенному здоровью“, какъ это у насъ принято. Это не было предлогомъ. Безсонница, нервность, раздражительность и желчность дѣлали всякое напряженіе ума, сношенія съ дѣловыми людьми, споры съ другими вѣдомствами, пренія въ совѣтѣ и комитетахъ невыносимо тяжелыми. Рѣдко я ложился спать безъ желанія болѣе не проснуться. Мысль, что можетъ быть придется кончить безчестіемъ, т. е. несостоятельностью, меня преслѣдовала. Но болѣзнь была не

единственная и даже не главная причина оставленія министерства, т. е., будь я здоровъ, я все-таки вышелъ бы. До отъѣзда Государя за границу весною 1876 года, интересы финансовые и экономическіе, повидимому, принимались въ расчетъ при рѣшеніяхъ политическихъ. Но вскорѣ послѣ возвращенія Государя я сталъ замѣчать, что эти интересы все болѣе и болѣе отходили на задній планъ. Сербская агитація, развивавшаяся во время отсутствія Государя, его и беспокоила, и сердила, и увлекала. Онъ чувствовалъ себя опереженнымъ и все болѣе и болѣе уносился потокомъ, пока, наконецъ, занялъ мѣсто во главѣ движенія. Апогей этого настроенія я нашелъ въ Ливадіи, куда пріѣхалъ 1-го октября 1876 года. Финансовые и экономическіе интересы какъ бы не существовали. Въ другомъ мѣстѣ я рассказалъ все, что я тамъ испыталъ. Когда я писалъ записку, которую я тамъ подалъ Государю, я зналъ, что она не могла не произвести непріятнаго впечатлѣнія: она слишкомъ рѣзко противорѣчила тогдашнему настроенію. Первая аудіенція тотчасъ по пріѣздѣ 1-го октября показала мнѣ, что Государь, такъ сказать, отвернулся отъ всего, что могло бы напомнить ему прежній его взглядъ, и въ особенности отъ соображеній финансовыхъ и экономическихъ; я зналъ, что онъ не дастъ мнѣ высказаться, и поэтому рѣшился писать, полагая, что онъ, хотя и разсердится, а прочтетъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ мнѣ Государемъ послѣ обѣда въ тотъ день, когда записка была ему подана, показали мнѣ, что онъ особенно и серьезно недоволенъ, и я до другого дня, когда назначенъ былъ совѣтъ, имѣлъ время обдумать вѣроятныя послѣдствія. Мнѣ никогда въ голову не входила мысль, что моя записка могла перемѣнить тогдашнее направленіе нашей политики, но я думалъ, что она дастъ поводъ къ преніямъ, и что услышится голосъ разсудка тамъ, гдѣ все спѣлось на ноты сентимента, что логика, вытѣсненная такъ называемымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, хотя нѣсколько войдетъ въ свои права. Я и теперь думаю, что вѣчто подобное могло бы случиться, если бы, напр., Государь, какъ это обыкновенно дѣлаетъ, приказалъ бы сообщить мою записку другимъ членамъ ежедневныхъ совѣщаній. Вѣроятно, никто не рѣшился бы прямо пристать къ моему мнѣнію, потому, что оно слишкомъ противорѣчило Государеву, но я думаю, что, видя, что я принимаю на себя и царскій гнѣвъ и непопулярность, нашлись бы такіе, которые были бы рады случаю охладѣть Государя, *mettre de l'eau dans son vin*: отрезвленіе пришло и такъ довольно скоро; оно началось тотчасъ послѣ Москвы, въ началѣ ноября, а въ декабрѣ было полное. Такое же преніе могло значительно ускорить оное и можетъ быть предупредить такое пагубное рѣшеніе, какъ

мобилизація въ началѣ зимы, и измѣнить тонъ Московской рѣчи. Мои ожиданія не оправдались, Государь моей записки никому, кромѣ Наслѣдника, не показавъ, разбора моихъ мнѣній не было, а было только лично для меня непріятное и даже оскорбительное отклоненіе. Ночью и утромъ передъ этимъ засѣданіемъ Совѣта, подъ впечатлѣніемъ гнѣвныхъ словъ, сказанныхъ мнѣ послѣ обѣда, я думалъ о томъ, какъ мнѣ встрѣтитъ бурю. Я рѣшился ни въ какомъ случаѣ не терять хладнокровія. (Мнѣ удалось это выдержать). Засимъ мнѣ представился личный вопросъ: просить ли увольненія? Это мнѣ сначала казалось самымъ естественнымъ и сообразнымъ съ моимъ характеромъ исходомъ. Полное пренебреженіе къ интересамъ, мнѣ ввѣреннымъ, интересамъ, которымъ я посвятилъ всю свою жизнь, не только оправдывало, но какъ бы требовало такого съ моей стороны поступка. Но тутъ навязывалась мнѣ мысль: что будетъ съ финансами? столькими экономическими интересами, развитію которыхъ я способствовалъ? Однимъ словомъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ думъ я пришелъ къ рѣшимости все перенести изъ любви къ своему дѣлу, къ отечеству и къ самому Государю, теперь гнѣвному, но прежде въ теченіе столь многихъ лѣтъ снисходительному и справедливому. Кто меня знаетъ, повѣритъ, что это рѣшеніе мнѣ стоило тяжелой борьбы, и можетъ быть я бы не въ силахъ былъ на немъ остановиться, если бы тогда же я не принялъ бы другое рѣшеніе, а именно оставить должность, какъ только миръ будетъ обезпеченъ; этимъ только я могъ сохранить уваженіе съ самому себѣ,—и впослѣдствіи это поддерживало меня въ теченіе 21 мѣсяца до окончанія Берлинскаго конгресса.

По мѣрѣ того какъ Государь, послѣ возвращенія изъ Ливадіи, приходилъ все болѣе въ прежнее свое мирное настроеніе, онъ становился ко мнѣ на прежнюю довѣрчивую и милостивую точку; это уже не измѣнилось до самаго конца; напротивъ, онъ мнѣ показывалъ какую-то особую мягкость, какъ бы человѣку, котораго надобно беречь. Зналъ ли Государь о моемъ намѣреніи уйти? Я думаю, онъ догадывался. Покупка дома, въ маѣ 1877 года, возбудила много толковъ, которые, вѣроятно, и доходили до него. Я никогда не говорилъ ему о себѣ, и когда онъ спрашивалъ о здоровьи, отвѣчалъ коротко. Государь въ прежнее время любилъ разспрашивать о финансовыхъ предпріятіяхъ на будущее.

Послѣ возвращенія его изъ арміи, онъ это дѣлалъ весьма рѣдко, и я всегда отвѣчалъ не въ первомъ лицѣ, т. е. не говорилъ: я думаю сдѣлать то или то, а, по моему мнѣнію, министру финансовъ будетъ предстоять необходимость сдѣлать то и то. Этотъ оттѣнокъ Государь, при тонкомъ своемъ тактѣ, вѣроятно, замѣтилъ. Но Государь знаетъ,

что никто не отказывается отъ занимаемой имъ должности, пока имѣетъ или надѣется пріобрѣсти его довѣріе. Говорятъ о своихъ недугахъ, объ усталости, объ отставкѣ,—но все это исчезаетъ, коль скоро онъ удостоитъ милостью. Поэтому Государь привыкъ смотрѣть на все это, какъ на кокетливое ломаніе, имѣющее цѣлью чего-либо добиться. Зная это, я и избѣгалъ разговоровъ о себѣ. Вѣроятно, что Государь, если и слышалъ о моемъ намѣреніи, думалъ: *il y pensera à deux fois*.

Въ среду 28 іюня я получилъ отъ Н. К. Гирса телеграмму изъ Царскаго Села о мирномъ исходѣ Берлинскаго конгресса. Вечеромъ того же дня я послалъ въ фельдъегерскую на имя Государя записку, которою просилъ увольненія. Въ пятницу 30 іюня, когда я вошелъ въ кабинетъ (въ Царскомъ Селѣ), Государь началъ съ того, что моя просьба ставить его въ затрудненіе, что я, пользуясь полнымъ его довѣріемъ, прошу объ увольненіи отъ такой важной должности, въ которой моя опытность и знаніе теперь особенно необходимы, что лучше бы мнѣ уѣхать на нѣкоторое время за границу, отдохнуть и осенью, если я не поправлюсь, подумать о томъ, что сдѣлать. Я отвѣтилъ, что, оставаясь министромъ финансовъ, я не рѣшился бы уѣхать, что обстоятельства слишкомъ серьезны, чтобы оставить министерство финансовъ безъ хозяина, что теперь начинается ликвидація войны, и затѣмъ придется медленно, шагъ за шагомъ, возвести опять то, что разрушено войною, что это во всякомъ случаѣ дѣло многолѣтнихъ усилій и которое не можетъ быть начато однимъ и продолжаемо другимъ. Тутъ я объяснилъ (совершенно по истинѣ), какъ мнѣ невыносимы усилія и работы по управленію министерствомъ, что я давно рѣшился уходить и этого не сдѣлалъ, потому, что считалъ вопросомъ чести во время войны о себѣ не думать, что благодарю Бога, что мнѣ удалось выдержать до конца, и что одна мысль о продолженіи меня ужасаетъ. „Я давно уже замѣтилъ, что тебѣ силы измѣняются“, сказалъ Государь. Я: Позвольте Васъ спросить, въ чемъ Вы это замѣтили. Государь: „Во время нашихъ совѣщаній я видѣлъ, какъ ты измѣнялся въ лицѣ“.

На прощанье Государь сказалъ мнѣ съ большимъ чувствомъ весьма милостивыя слова. Онъ былъ видимо тронутъ и я также.

Государь Наслѣдникъ также весьма милостиво со мной простился. Я забылъ сказать, что онъ вошелъ вскорѣ послѣ начала разговора. Общее впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ этой аудіенціи что Государь съ самаго начала рѣшился принять мою просьбу объ увольненіи, и что онъ уговаривалъ меня остаться только потому, что желалъ показать вниманіе старому и вѣрному слугѣ.

Я забылъ сказать, что во время разговора Государь выразилъ

желаніе, чтобы я преемнику своему сообщилъ свои мысли о финансахъ, на что я сказалъ, что мною еще въ 1877 году составлена пространная записка, какъ бы финансовое духовное завѣщаніе. Государь видимо удивился и впослѣдствіи спросилъ Грейга о времени составленія этой записки. Государь также выразилъ свое удовольствіе, узнавъ, что я зиму полагалъ провести въ С.-Петербургѣ.

Я думалъ, что Указъ о моемъ увольненіи послѣдуетъ въ началѣ слѣдующей недѣли, этого однако не было. Когда мы съ Грейгомъ ¹⁾ въ пятницу, 7 іюля, вошли въ кабинетъ, Государь мнѣ сказалъ: „Я подписалъ твое увольненіе и хотѣлъ самъ тебѣ отдать, прочти“.

Содержаніе грамоты и этотъ необыкновенный способъ врученія ея меня сильно тронули, и я могъ только сказать: Государь, я жалѣю, что у меня нѣтъ дѣтей, которымъ я могъ бы оставить этотъ документъ въ наслѣдство. Государь далъ мнѣ руку и сказалъ: „И каждое слово истинная правда“.

Высочайшій рескриптъ, врученный М. Х. Рейтерну лично Государемъ Императоромъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему статсъ-секретарю, члену Государственнаго Совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Михаилу Рейтерну.

Съ искреннимъ сожалѣніемъ снизойдя на просьбу вашу объ увольненіи васъ, по разстроенному трудами здоровью, отъ должности министра финансовъ, Мы вмѣняемъ Себѣ въ сердечный долгъ почтить благодарнымъ воспоминаніемъ доблестную дѣятельность вашу и особенно тѣ важныя услуги, которыя вы оказали Государству въ теченіе шестнадцатилѣтняго управленія министерствомъ финансовъ. Вы были призваны на постъ Министра въ трудное время, когда, вслѣдствіе недавно оконченной передъ тѣмъ войны и обширныхъ внутреннихъ преобразованій, требовались чрезвычайныя усилія, дабы вывести финансы Имперіи на путь правильнаго развитія.

Къ выполненію возложенной на васъ задачи, вы приступили съ твердою вѣрою въ будущность Россіи, съ ясно сознанною мыслью, что благосостояніе государственнаго хозяйства зиждется на богатствѣ народа и обусловливается увеличеніемъ производительныхъ силъ его. Рядомъ мѣръ, по указаніямъ Нашимъ, вами непосредственно или при ближайшемъ содѣйствіи вашемъ, настойчиво и неуклонно приведенныхъ въ исполненіе, достигнуты

¹⁾ Ген.-ад. Грейгъ, преемникъ М. Х. Рейтерна.

были замѣчательные результаты: въ нѣсколько лѣтъ построена обширная сѣтъ желѣзныхъ дорогъ; промышленное и торговое движеніе приняло небывалые дотолѣ размѣры; государственные доходы стали быстро возрастать и ежегодный избытокъ ихъ надъ расходами смѣнилъ прежніе хроническіе дефициты нашихъ бюджетовъ; наконецъ, кредитъ Государства, несмотря на увеличившуюся сумму обязательствъ казны, значительно возвысился и упрочился. Благодаря симъ успѣхамъ, страна могла вынести и огромныя тягости послѣдней войны съ непоколебленнымъ, и внутри и извнѣ, довѣріемъ къ ея силамъ. Признавая справедливымъ ознаменовать столь плодотворное по послѣдствіямъ, достославное служеніе ваше изъявленіемъ особеннаго Нашего ѡлаговленія, Мы пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашею Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Знаки сіи, свидѣтельствуя предъ лицомъ Россіи о государственныхъ заслугахъ вашихъ, да будутъ для васъ выраженіемъ и Нашей душевной признательности за неустомимо-ревностные, просвѣщенные, блестящими успѣхами отмѣченныя труды ваши на пользу Престола и Отечества.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію неизмѣнно благосклонны.

На подлинной Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Царскомъ Селѣ
7-го іюля 1878 года.

О посѣщеніи Императоромъ Александромъ III въ бытность его Великимъ Княземъ въ 1864 г. артезіанскаго колодца въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

Окончивъ въ 1863 году курсъ въ Горномъ Институтѣ съ чиномъ поручика, я былъ прикомандированъ къ артезіанскому колодцу, который бурился во дворѣ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, на Рижскомъ проспектѣ въ Петербургѣ. Работы эти производились горнымъ инженеромъ Н—мъ, подъ руководствомъ горнаго инженера подполковника Р—аго. Зимой того же года буровая скважина достигла наконецъ горизонта, съ котораго пошла артезіанская вода, и когда въ трубу, закрѣпляющую буровую скважину, была вставлена пробка съ трубою всего четыре дюйма въ діаметръ, то забилъ фонтанъ высотой въ нѣсколько сажень. Когда сталъ бить фонтанъ, ежедневно посѣщало артезіанскій колодецъ очень много различной публики и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 г. мы съ подполковникомъ Р—мъ каждый день съ самаго утра занимались въ конторкѣ при артезіанскомъ колодцѣ смѣтами на производство буровыхъ развѣдочныхъ работъ, кои предполагалось начать лѣтомъ того же года на Самарской лукѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣли тамъ въ ожиданіи Великаго Князя Николая Николаевича, о посѣщеніи коимъ артезіанскаго колодца мы были предупреждены, но не знали времени его посѣщенія. Я жилъ въ то время на Васильевскомъ О—вѣ, и такъ какъ отъ моей квартиры до артезіанскаго колодца было довольно далеко, то я съ утра, съ 8 часовъ, приходилъ на службу въ надлежащей формѣ; подполковникъ же Р—ій, жившій тамъ же, на Рижскомъ проспектѣ, приходилъ утромъ въ тужуркѣ, а затѣмъ около полудня ходилъ домой переодеваться въ надлежащую форму; такъ было и въ тотъ день, который я собираюсь описать. Едва мы сѣли съ подполковникомъ за работу, какъ входитъ сторожъ и докладываетъ:

— Ваше Высокоблагородіе, тамъ какіе-то два офицера пріѣхали и спрашиваютъ господъ инженеровъ показать имъ работы.

— Ну ихъ! скажи имъ, что г-да инженеры заняты, и имъ некогда показывать работы всѣмъ желающимъ ихъ посммотрѣть, а пускай смотрятъ на фонтанъ въ двери,—отвѣтилъ подполковникъ, продолжая свои занятія.

Тутъ я долженъ дать маленькое объясненіе: надъ буровой скважиной имѣлась буровая башня высотой около двѣнадцати сажень, въ передней стѣнкѣ которой имѣлись двери почти во всю ея вышину, раздѣленные по вертикали на нѣсколько створовъ; чтобы посѣщающая фонтанъ публика могла видѣть его, не входя въ буровую башню, эти двери были открыты до самаго верха, а чтобы публика чрезъ эти двери не могла входить внутрь башни, дверь была заколочена аршина на полтора рѣшеткой изъ деревянныхъ брусковъ; такъ вотъ чрезъ эти-то двери подполковникъ и предлагалъ смотрѣть на фонтанъ и пріѣхавшимъ въ то утро двумъ офицерамъ, о которыхъ доложилъ намъ сторожъ. Но проходитъ нѣсколько минутъ послѣ доклада о двухъ офицерахъ, какъ вбѣгаетъ къ намъ въ конторку нашъ буровой мастеръ и поспѣшно говоритъ:

— Ваше Выс-діе, у насъ на работахъ Великій Князь.

— Какой Великій Князь?

— Не могу знать-съ; я подхожу къ воротамъ и вижу—у воротъ стоитъ коляска и кучеръ съ медалью, я и спрашиваю кучера: кто это пріѣхалъ? а онъ мнѣ только отвѣтилъ, что Великій Князь, а какой не сказалъ, и я побѣжалъ скорѣе доложить Вамъ.

Такъ какъ мы ежедневно ожидали пріѣзда Великаго Князя Николая Николаевича, а ни о какомъ другомъ Великомъ Князѣ насъ не предупреждали, то мы и были увѣрены, что это пріѣхалъ Николай Николаевичъ. Подполковникъ мой, будучи въ тужуркѣ, крайне смутился и говоритъ мнѣ:

— Не могу же я явиться Великому Князю въ тужуркѣ, а потому возьмите вы, А. А., почетный рапортъ, каковой всегда лежалъ у насъ наготовѣ, и подайте его Великому Князю, а я утеку домой.

Взявъ рапортъ и выйдя изъ конторки и не видя никого, кромѣ сторожа и бурового мастера, я обращаюсь къ нимъ съ вопросомъ: гдѣ же Великій Князь? Мнѣ отвѣтилъ буровой мастеръ, что они наверху на башнѣ. Я бѣгу вверхъ по лѣстницѣ и нахожу на балкончикѣ ея Великаго Князя, только не Николая Николаевича, котораго я ожидалъ встрѣтить, а Александра Александровича съ генераломъ Арсеньевымъ. Когда я подалъ Великому Князю рапортъ

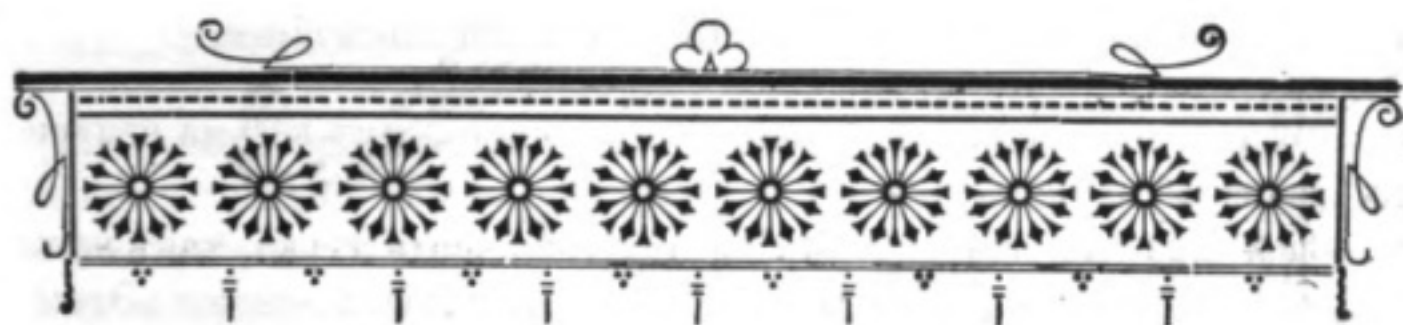
и извинился передъ нимъ, что, не зная о его прїѣздѣ, такъ долго не являлся къ нему, онъ говоритъ мнѣ смѣясь:

— А знаете, вашъ сторожъ не хотѣлъ насъ пускать и даже за ноги меня ухватилъ, когда я сталъ перелѣзать черезъ рѣшетку, говоря мнѣ очень строго: Вамъ сказано, что сюда нельзя, такъ что же лѣзете; на что я ему отвѣтилъ, что намъ-то можно.

Извинившись передъ Его Императорскимъ Высочествомъ за происшедшее недоразумѣніе, надъ которымъ онъ очень смѣялся, я предложилъ ему спуститься внизъ и осмотрѣть какъ инструменты, при помощи которыхъ была пройдена буровая скважина, такъ и коллекцію пройденныхъ скважиной породъ. Осмотрѣвъ все въ подробности, Его Высочество милостиво подалъ мнѣ на прощаніе руку и отбылъ, посмѣявшись еще разъ надъ тѣмъ, какъ сторожъ ухватилъ его за ноги и не хотѣлъ пускать въ буровую башню.

А. А—ХЪ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXVI ¹⁾.

Вока Лулу-ханумъ занимаетъ общество повѣствованіемъ о прожорливомъ мусульманинѣ, съѣвшемъ цѣлаго жаренаго барана въ магометанскомъ царствѣ небесномъ, я воспользуюсь случаемъ сказать нѣсколько словъ о бракахъ христіанокъ съ турками. Сужденія Элиме по этому предмету были справедливы и вѣрны. Мнѣ пришлось впослѣдствіи познакомиться въ Константинополѣ съ тѣми лицами, о которыхъ упоминала дочь Кіамиль-паши, а также и съ ихъ женами. Послѣднія считали себя вполне счастливыми, любили и были любимы своими мусульманскими супругами, оставаясь, съ ихъ же согласія, христіанками въ замужествѣ—турки, вообще, отличаются большою вѣротерпимостью, вопреки сложившимся о нихъ понятіямъ у западныхъ народовъ.

Дѣтей отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, согласно требованіямъ основного закона, воспитываютъ по Корану. Это обстоятельство не представляетъ трудностей и не вызываетъ осложненій въ семьѣ. До извѣстнаго возраста мать обязана учить ребенка самымъ необходимымъ изреченіямъ и правиламъ изъ священной книги, а остальное доканчиваютъ школы, улемы, имамы и другіе спеціалисты по образованію и воспитанію въ духѣ ислама.

Всѣ эти свѣдѣнія я почерпнула отъ многихъ гаремныхъ дамъ изъ иностранокъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1910 г.

По ихъ собственнымъ признаніямъ, живетъ имъ весьма недурно въ такой обстановкѣ.

Заслуживаетъ вниманія одна интересная черта турка, какъ мужа: на эту особенность, напоминая читателю, указала также Элиме, сватая меня за Тафти-бея.

Насколько такой супругъ безпощадно строгъ и ревниво требователенъ къ магометанкѣ, настолько же онъ уступчивъ и снисходителенъ къ женѣ-христіанкѣ.

Первую онъ лишаетъ элементарнѣйшихъ потребностей общественной жизни и благъ культуры; второй — онъ позволилъ бы многое, о чемъ турчанка и подумать не посмѣетъ, если бы надъ нимъ не тяготѣлъ неумолимый контроль фанатичныхъ охранителей точной буквы восточныхъ традицій. Къ таковымъ во главѣ большинства принадлежитъ все духовенство магометанъ.

Не препятствуя правовѣрнымъ брать иностранокъ въ гаремы, суровые ревнители старины, ея нравовъ и обычаевъ требуютъ при этомъ неуклоннаго исполненія всѣхъ постановленій Корана, до женщинъ относящихся.

Въ этой священной книгѣ законодатель удѣляетъ не мало вниманія послѣднимъ и до мельчайшихъ подробностей разъясняетъ имъ обязательныя правила благопристойности и хорошаго тона въ обществѣ.

По вѣрованію исламитовъ, душа женщины не имѣетъ загробной жизни и, покидая земную оболочку, подобно дыму, уносится вѣтромъ въ пространство, не достигая даже и до порога дверей, ведущихъ въ сады Магомета, расположенныхъ гдѣ-то тамъ, въ надзвѣздныхъ высотахъ — отсюда индифферентное отношеніе турка къ религіи жены-христіанки: все равно, молъ, обратится въ паръ, какъ и мусульманка. Въ силу того же соображенія, отъ женщинъ и не требуется особеннаго усердія въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Но чтобы онѣ не слишкомъ-то злоупотребляли столь выгоднымъ для земного существованія положеніемъ, пророкъ указалъ имъ на возможность проникнуть въ его резиденцію, хотя на довольно трудныхъ условіяхъ.

Для этого прежде всего надо заручиться протекціей мужа, который, по религіозному уставу, имѣетъ право ходатайства за супругу только безупречнаго поведенія, всю жизнь поступавшую сообразно съ волей и вкусами его.

Г л а в а XXVII.

Лулу кончила сказку, и я опять стала собираться домой. Но, нѣтъ! предстояла еще церемонія, которой надо было подчиниться.

Губернаторша приблизилась ко мнѣ съ какою-то молодою, но слишкомъ полною для своихъ лѣтъ женщиной и познакомила насъ.

Это и была Зера-ханумъ, бывшая второй кадыной султана, который и выдалъ ее замужъ съ хорошимъ приданымъ, какъ полагається въ такихъ случаяхъ, за офицера изъ собственной свиты, назначивъ его комендантомъ крѣпости на островѣ Хиосѣ.

Красотой она не блистала: рыхлая, плохо сложенная, съ огромными, круглыми глазами, выраженіе которыхъ напоминало ястреба, и съ многочисленными слѣдами разнообразныхъ косметикъ на лицѣ—все это, вмѣстѣ взятое, не говорило въ пользу изящнаго вкуса Абдуль-Азиса.

Что за причина была ея удаленія изъ гарема падишаха: надобла ли она повелителю или по интригамъ болѣе ловкой фаворитки—неизвѣстно. Но о бывшемъ супругѣ своемъ она говорила, какъ о совершенствѣ всѣхъ совершенствъ въ подлунномъ мірѣ.

Прежде всего, Зера чрезвычайно любезно пригласила меня посѣтить ее, обѣщая рассказать много интереснаго о прежнемъ своемъ житіи въ Дольма - Бахче. На мое счастье, она недурно говорила по-французски, а потому я охотно согласилась исполнить ея желаніе.

Элиме опять прилегла возлѣ меня, предлагая быть переводчицей, такъ какъ наступила очередь кадыни забавлять общество.

Бывшая фаворитка въ пламенныхъ выраженіяхъ описывала священную для нея особу падишаха, восхваляя его божескія качества, и клялась свѣтиломъ пророка, что ни одинъ смертный отъ начала вѣковъ не сумѣлъ бы придумать такихъ остроумныхъ и затѣйливыхъ развлеченій, какъ его величество Абдуль-Азисъ.

— Такъ, однажды—разсказывала она — Валиде-султанша позвала насъ, главныхъ женъ, къ себѣ на парадный обѣдъ. Мы нарядились не хуже англійской королевы.

Пришелъ также и самъ повелитель живущихъ на землѣ, подобно солнцу, согрѣвая всѣхъ.

Евнухи поспѣшно внесли громадное блюдо пилава изъ молодого козленка,—облизнулась она, а за ней и остальные,—но не успѣли еще поставить его на мѣсто, какъ вдругъ вся масса дымящагося риса колыхнулась, и оттуда съ громкимъ крикомъ вывалилось на скатерть что-то живое! Всѣ мы отъ ужаса хотѣли бѣжать; но султанъ тотчасъ же успокоилъ насъ. Смотримъ, и что же? На столѣ лежитъ и еле дышитъ нашъ крошечный карликъ, весь мокрый, обожженный паромъ и такой смѣшной: глаза склеились, а мордочка красная-красная, какъ у омара!—заливаясь неудержимымъ хохотомъ, закончила свое повѣствованіе Зера, и дружно вторили

ей турчанки, взвизгивая отъ восторга и прославляя мудрость падишаха.

— Какая жестокость!—невольно проговорила я съ отвращеніемъ.—И вамъ не жаль несчастнаго малютки?

— Чего жаль? — искренно удивилась Элиме; — онъ—карликъ, а султанъ знаетъ, кому что полагается.

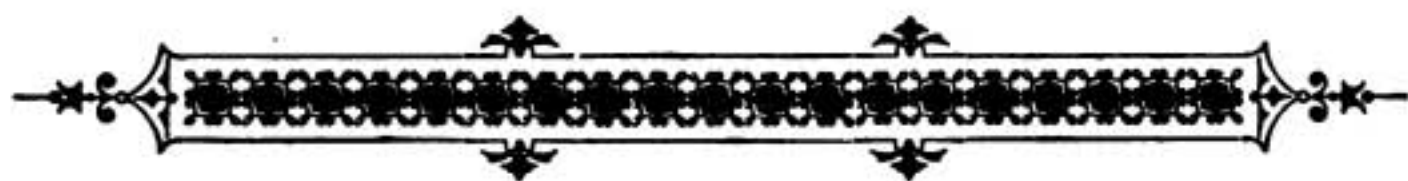
— Однако, надоѣли вы мнѣ съ вашими исторіями.—Лучше поѣдемъ домой,—разсердилась я.

— Ну, и собирайтесь, если вамъ скучно, а я еще хочу послушать о томъ, какъ однажды султанъ приказалъ негру откусить голову живому попугаю, и что послѣ этого случилось; но переводить больше не буду,—угрюмо замѣтила она и вся обратилась вслухъ, такъ какъ Зера-ханумъ продолжала рассказывать о приключеніяхъ изъ гаремной жизни на берегахъ Босфора.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ архива Виленскаго генералъ-губернаторства.

I.

КЪ РОДОСЛОВІЮ СКОБЕЛЕВЫХЪ.

(Донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ виленскаго гражданскаго губернатора, датированное ноябрѣмъ 1832 г. за № 899).

Частнымъ образомъ получивъ свѣдѣніе, что состоящій въ Ошмянскомъ Доминиканскомъ монастырѣ Іосифъ Скобелевъ (племянникъ г. генералъ-лейтенанта Скобелева) желаетъ поступить въ бѣлое духовенство и проситъ моего въ томъ ходатайства, отъ 6 числа сего ноября поручилъ я вновь назначенному въ Ошмянскій уѣздъ военному начальнику временнаго полицейскаго управленія отставному подполковнику Кастелянову, сближась съ монахомъ Скобелевымъ подъ предлогомъ, что можетъ ему содѣйствовать въ предстательствѣ у начальства о переводѣ его въ бѣлое духовенство, освѣдомился отъ самого его, какимъ случаемъ поступилъ онъ въ монахи р.-к. духовенства, тогда какъ родитель его долженъ быть греко-россійскаго исповѣданія.

Нынѣ подполковникъ Кастеляновъ доноситъ, что, какъ лично отъ монаха Іосифа Скобелева освѣдомился онъ, родитель его былъ маіоромъ россійскихъ войскъ, который, квартируя въ городѣ Вильнѣ, вступилъ въ законный бракъ съ дочерью помѣщика Сидоровича и при рожденіи у нихъ сына (настоящаго монаха) былъ онъ крещенъ находившимся тогда въ Вильнѣ архимандритомъ, имени коего не помнитъ, по смерти же отца оставался малолѣтнимъ и не болѣе 3-хъ лѣтъ былъ вывезенъ матерью изъ Вильны въ Свенцяны, гдѣ вторично окрещенъ по обряду р.-католической вѣры и послѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, поступилъ въ Полоцкое училище къ іезуитамъ, кои безпрерывно внушали ему вступить въ ихъ орденъ, но по случаю воспослѣдовавшаго въ Россіи упраздненія ордена іезуитовъ поступилъ въ училище, состоящее въ Волинѣ подъ присмотромъ ксендзовъ-доминикановъ, гдѣ по окончаніи наукъ вступилъ въ орденъ ксендзовъ-доминикановъ.

О чемъ Вашему Высокопревосходительству имѣю честь всепокорнѣйше донести съ такимъ присовокупленіемъ, что я не призналъ нужнымъ собирать дальнѣйшихъ справокъ и удостовѣреній, дабы не подать причины къ преждевременной огласкѣ настоящаго немаловажнаго по роду своему предмета, о которомъ обязываюсь испрашивать начальническаго разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства. Григорій Доппельмайеръ.

II.

1. М. В. Д. Особенная Канцелярія по цензурной части 20 февраля 1826 г. № 23. Г. Литовскому военному губернатору.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы по одному экземпляру всѣхъ литературныхъ, историческихъ и политическихъ изданій, какъ-то: журналовъ, вѣдомостей, альманаховъ, публичныхъ листковъ и проч. было прежде всего по выпускѣ изъ типографій доставляемо издателями оныхъ или, въ отсутствіе сихъ, самими содѣжателями типографій въ Особенную Канцелярію М-ва Вн. Дѣлъ съ надписаніемъ на конвертахъ „нужное“.

Сообщая Вашему Высокопревосходительству о такомъ Высочайшемъ повелѣніи, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, о учиненіи надлежащихъ распоряженій къ непремѣнному исполненію онаго.

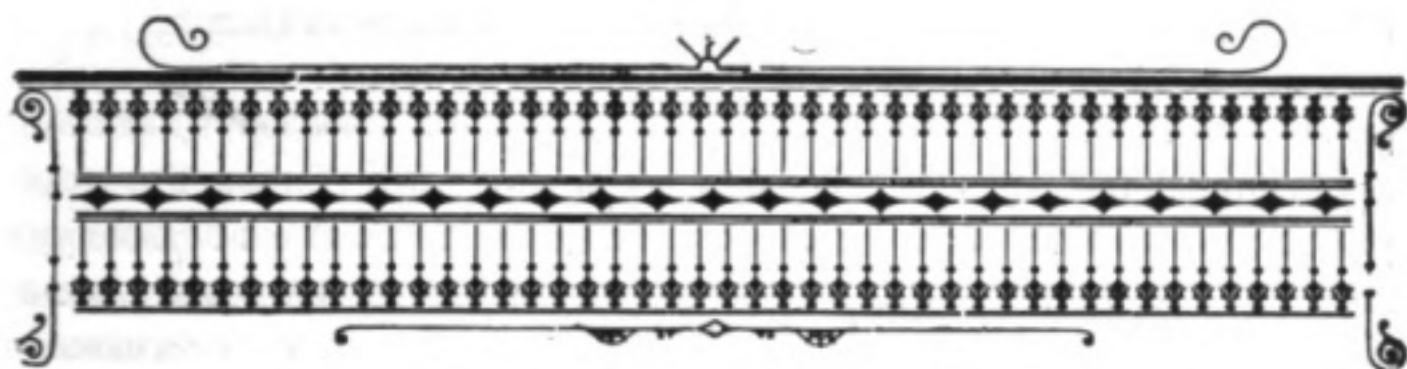
2. Та же Канцелярія. 13 мая 1826 г. № 101. Г. Литовскому военному губернатору.

Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что въ газетахъ, въ Россіи издаваемыхъ, помѣщаются статьи о политическихъ видахъ правительства нашего, столь же мало заслуживающія вѣроятія, сколь неосновательны слухи, изъ коихъ они почерпаются. Его Величество, находя таковыя статьи въ газетахъ нашихъ неприличными, Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ чрезъ г. начальника Главнаго Штаба своего о приказаніи цензурѣ принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская только тѣ сего рода, кои заимствуются изъ С.-Петербургскихъ Академическихъ газетъ или изъ „Journal de S.-Petersbourg“, издаваемого при М-вѣ Ин. Дѣлъ.

Такое Высочайшее Его И. В-ва повелѣніе честь имѣю сообщить Вашему Высокопревосходительству для учиненія надлежащихъ распоряженій къ непремѣнному онаго исполненію.

Сообщ. Ю. В. Татищевъ.

Командировка дивизиона лейбъ-драгунъ въ Финляндію въ г. Вильман- страндъ въ лагерь финскихъ войскъ въ 1888 году.

13 іюля 1888 г.

Хюва пейва? Юмаланда ху!
(Встрѣчное привѣтствіе финновъ).

Въ виду обострившихся теперь донельзя нашихъ отношеній съ Финляндіей, можетъ быть не безъинтересно будетъ читателю познакомиться съ прилагаемымъ небольшимъ воспоминаніемъ моимъ о двухъ-недѣльномъ, болѣе чѣмъ пріятно проведенномъ времени въ этой странѣ. Интеллигенція, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ея офицеровъ, солдаты да и крестьяне выказывали намъ тогда сильнѣйшую симпатію и радушіе, и объ возможности того случая, какъ напр. убійство русскаго генераль-губернатора Н. И. Б., происшедшаго значительно позже, тогда въ описываемое время двадцать одинъ годъ назадъ, странно бы было и подумать! Кто тутъ виновать, не мнѣ судить! Впрочемъ, спѣшу оговориться, что и въ то время, судя по слухамъ и даже газетамъ, въ нашихъ отношеніяхъ съ финляндцами не все было ладно. Слышно было о частыхъ столкновеніяхъ, доходившихъ до дракъ между студентами и русскими моряками въ Гельсингфорсѣ. Разсказывали даже, что финскій судъ приговорилъ одного русскаго надворнаго совѣтника, проживавшаго въ Финляндіи на дачѣ, какъ бы вы думали къ чему? выпоротъ!

Для исполненія этого приговора суда, будто, была послана въ департаментъ, гдѣ служилъ означенный надворный совѣтникъ, приглашенная бумага. Вышелъ громоносный скандалъ, финны же отписались тѣмъ, что у нихъ это произошло отъ незнанія русскаго языка, т. к. они надворнаго совѣтника приняли за дворника. Инте-

*

ресно, могло ли бы что-нибудь подобное у насъ произойти, если бы премьеръ-министромъ былъ бы у насъ прусскій Бисмаркъ, потерявшій бы конечно при этомъ отъ негодованія свои извѣстные три послѣдніе волоска на головѣ! Видимо за 21 годъ система славянской кротости и непротивленія злѣ по отношенію къ покоренной Финляндіи нашего правительства онагдила первую до нынѣшняго уже почти невыносимаго положенія.

Повторяю, что, несмотря на все только-что сказанное, мы лично тогда въ 1888 г. не испытали на себѣ и не замѣтили со стороны финновъ всѣхъ классовъ общества ни тѣни какого-либо недружелюбія или затаенной вражды, а скорѣе напротивъ того, — полное доброжелательство и радушіе. Во время турецкой кампаніи у финновъ собственныхъ войскъ былъ только одинъ гв. Финскій стрѣлковый баталіонъ, сформированный съ Севастопольской кампаніи, принимавшій участіе въ этой войнѣ, но очень кратковременное, т. к. его вернули съ Балкановъ на родину, по случаю будто образовавшейся у чиновъ этого баталіона тоски по родинѣ?! Затѣмъ послѣ войны въ 1883 г. было образовано опять таки изъ однихъ финновъ еще восемь армейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Всѣ эти баталіоны собирались въ лагерь подъ Вильманстрандомъ одинъ разъ въ три года. Кавалеріи при нихъ не было никакой, и вотъ, чтобы познакомить ихъ съ таковою, и состоялась командировка въ этотъ лагерь нашего дивизиона драгунъ.

Еще раннею весною 1888 г. прошелъ слухъ, что наши драгуны пойдутъ лѣтомъ въ Финляндію, но какіе эскадроны, на какой срокъ и вообще пойдутъ ли даже, все это невѣрно и въ точности было не извѣстно. Такая неизвѣстность продолжалась чуть ли не до кануна выступленія назначенныхъ перваго и второго эскадроновъ нашего полка, при чемъ 1-й эскадронъ выступилъ въ ту же ночь послѣ продолжительнаго смотра днемъ въ присутствіи германскаго Императора 12 іюля. Вотъ этотъ самый пріѣздъ и смотръ Императора германскаго Вильгельма и порождалъ неизвѣстность выступленія драгунъ въ Финляндію, начальству было не до того и все, за исключеніемъ встрѣчи, чествованія и проводовъ Вильгельма, затемнялось и отодвигалось на задній планъ. Зато лишь кончился смотръ кавалеріи въ присутствіи обоихъ Императоровъ, нашего и германскаго, какъ вспомнили и про Финляндію, и 1-й эскадронъ, не отдохнувъ послѣ смотра, въ ту же ночь отправился за 40 верстъ въ Петербургъ грузиться на Финляндскую желѣзную дорогу. На долю моего 2-го эскадрона выпала лучшая участь, т. к. онъ выступилъ, отдохнувъ день послѣ смотра, кромѣ того ночевалъ 13-го въ кавалергардскихъ казармахъ и лишь

14-го іюля утромъ нагружался въ вагоны Финляндской желѣзной дороги. Командировка наша улыбалась какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ нашимъ, т. к. гораздо пріятнѣе было провести намъ пятнадцать дней въ новой невѣдомой странѣ и обстановкѣ, чѣмъ бороздить за это время взадъ и впередъ все то же Красносельское военное поле и его окрестности. Эскадронъ мой въ самомъ радужномъ настроеніи выступилъ изъ д. Нижній, мѣста своей стоянки въ лагерь, въ пять часовъ по полудни. Интересно, руководствуясь какою грамматикою чухонская деревня наша называлась „Нижній“, название это было официально подписано и на досщечкѣ у входа въ деревню. Если деревня, то должна бы быть „Нижняя“, наконецъ „Нижнее“, но ужъ никакъ не „Нижній“. Пройдя военное поле, эскадронъ втянулся въ кажется единственную и безконечную улицу Краснаго Села, вызванные пѣсельники пѣли особенно дружно. Это вызвало кое-гдѣ вышедшихъ поглазѣть на впрочемъ уже пріѣвшуюся имъ картину проходящаго эскадрона, долговязыхъ кирасиръ. Налѣво у штаба нашей дивизіи вышелъ и нач-къ ея, нашъ добродушный старичекъ В. и вдругъ совершенно неожиданно поздоровался съ эскадрономъ словами: „здорово, молодцы гренадеры!“ Всѣ пришли въ недоумѣніе, тѣмъ не менѣе, солдаты, какъ всегда, отвѣтили на привѣтствіе дружно.

Смѣшать драгунъ съ гренадерами было болѣе, чѣмъ странно и непонятно, разница огромная и въ формѣ, и въ лошадяхъ, ихъ сортѣ и масти. Нескончаемая улица съ ея неказистыми, безпорядочными постройками селъ Проташинскаго и Павловскаго, изъ которыхъ собственно и составилось Красное Село, подъ конецъ порядочно-таки надоѣла намъ. Отъ военного поля до церкви идутъ еще красивыя и интересныя постройки различныхъ штабовъ, дворцовъ, а затѣмъ направо и налѣво тянутся не то кабаки, не то грязные постоянные дворы, и видно, что, кромѣ стоящихъ тутъ постоекъ кирасиръ, живутъ здѣсь какія-то темныя личности и живетъ большинство ихъ здѣсь лишь временно—лѣтомъ. Личности эти, какъ саранча насѣла на гвардейскіе полки, съ уходомъ которыхъ изъ лагеря и вся эта мразь оставляетъ свои грязныя конуры и перелетаетъ индѣ за недостаткомъ матеріала для эксплуатаціи. Подрядъ видны грязныя вывѣски разныхъ торгашей и ремесленниковъ, преимущественно евреевъ, портныхъ, сапожниковъ, часовщиковъ и т. п.

До знаменитой 11-й версты отъ Петербурга, гдѣ стоитъ сумасшедшій домъ, идти еще было сносно, потомъ же въ деревняхъ Автово, Тентелево, обратившихся съ возрастаніемъ Петербурга въ его предмѣстія, и до Триумфальныхъ воротъ, верстъ пять, мы двигались въ какомъ-то душномъ сѣромъ мракѣ, отъ пыли и чада на-

ходящихся здѣсь фабрикъ и заводовъ; до поливки же шоссе, какъ это дѣлается въ городѣ, деревенская администрація Автова и Тентелева, тогда еще не доросла. Особенно старается портить воздухъ огромный чугунно-литейный заводъ налѣво, внутренность котораго даже издалека представляется какимъ-то адомъ кромѣшнымъ; что-то безъ отдыха тамъ шумить, кипятъ и горить. Бѣдные рабочіе, чѣмъ только они дышатъ тамъ въ этомъ пеклѣ, когда и на улицѣ стоитъ іюльская духота, пыль и смрадъ большого города. За Триумфальными воротами начался уже порядокъ болѣе или менѣе благоустроеннаго города: мостовая подметена и полита, дышать стало легче. Вскорѣ появился полицейскій чинъ, ожидавшій, почему-то, по его словамъ, прихода эскадрона съ 3-хъ часовъ дня, а было это 11 часовъ вечера! Можно научиться терпѣнію! Чиновникъ этотъ ѣхалъ на извозчикѣ и указывалъ эскадрону путь, иначе, при нѣскольکو скудномъ лѣтнемъ освѣщеніи столицы и не твердомъ ея знаніи, мы бы не скоро добрались до своей цѣли—кавалергардскихъ казармъ.

Эскадронъ шелъ по городу не безъ эффекта, такъ какъ всякое встрѣчное намъ движеніе полицейскій пріостанавливалъ. Благодаря относительной темнотѣ, эскадронъ какъ бы утродился и протянулся по улицѣ такъ, точно ему и конца не было. Обыватели съ недоумѣніемъ смотрѣли, куда это, въ такое неурочное позднее время двигается конница. Солдаты мои тоже съ любопытствомъ таращили свои глаза на грандіозныя зданія столицы. Только около часу ночи, послѣ восьми-часового похода, мои драгуны слѣзли у кавалергардскихъ казармъ, что на Захарьевской. Здѣсь обязательный квартирмейстеръ кавалергардскаго полка, поручикъ Г., указалъ эскадрону конюшню и все необходимое, а заранѣе высланный кашеваръ хохолъ „Коврига“, приготовилъ уже сильно проголодавшимся солдатамъ улѣпченный ужинъ. На другой день, 14-го іюля, въ 8 часовъ утра, эскадронъ потянулся справа по три по Захарьевской, Литейной и т. д. къ Финляндскому вокзалу. Лошадей погрузили въ вагоны не болѣе, какъ въ полтора часа времени, артачившихся здоровенные молодцы драгуны мигомъ, чуть не на рукахъ, вносили въ вагонъ. Въ вагоны на Финляндской жел. дор. ставятъ лишь по 6-ти лошадей. На вагонахъ подписи уже не русскія. Съ одной стороны дверей написано *6 heresti*, а съ другой — *6 stare*, предоставляю лингвистамъ разобратъся, которая надпись по-шведски и которая по-фински, какъ можно догадаться. На Финляндскомъ же вокзалѣ, согласно совѣта, пришлось помѣнять на финскія нѣсколько русскихъ денегъ, марку давали за 43 копейки, это вмѣсто 25 коп.

Не слишкомъ ли церемонились мы съ финнами, если послѣд-

нихъ забавляло имѣть собственную монету, то пускай хоть имѣли бы и принудительный курсъ при размѣнѣ ея на русскую. Я впрочемъ плохой финансистъ и не знаю, осуществимо ли бы это было на практикѣ.

Въ 12 ч. 15 м. финскій кондукторъ въ европеизированной формѣ далъ свистокъ, и поѣздъ тронулся, повезъ онъ трехъ офицеровъ, 142 драгуна и 140 лошадей. Сначала за Петербургомъ слѣдовали извѣстныя дачныя мѣста и станціи: Удѣльная, Ланская, Озерки, но вскорѣ пошли уже станціи съ специфическими финскими названіями: Теріоки, Райвола и всяческія Ярви. Выданный намъ заранѣе подробный маршрутъ слѣдованія нашего воинскаго поѣзда съ точнымъ указаніемъ остановокъ и мѣстъ для водопоя лошадей оказался совершенно перепутаннымъ: гдѣ, напр., назначены водопои, поѣздъ почему-то почти не стоялъ на станціи и наоборотъ, причемъ ѣхавшій съ нами для порядка и всяческаго содѣйствія ротмистръ, комендантъ поѣзда, ни этому порядку, да ничему для насъ полезному совершенно не способствовалъ. Освѣдомленнымъ онъ оказался меньше нашего, по крайней мѣрѣ, онъ насъ же разспрашивалъ: „Вы не знаете, гдѣ будетъ большая остановка?“ или „Когда мы будемъ въ Выборгѣ?“ Своими не къ лицу фатоватыми манерами, а главное, небрежно обиднымъ обращеніемъ съ этими чухнами, какъ онъ называлъ поѣздную прислугу и чиновниковъ на станціяхъ, ротмистръ этотъ, конечно, не могъ способствовать зарожденію симпатіи къ намъ, русскимъ, со стороны финляндцевъ. Самая фizioномія нашего коменданта поѣзда отъ искренняго или напускного будированія имѣла такое выраженіе, какъ будто онъ все время нюхалъ что-то непріятное. На остановкахъ люди выпускались по сигналу трубача-ученика, хорошіе же трубачи остались при полку въ Красномъ Селѣ. Зато, я думаю, впервые Финляндія огласилась за нашъ проѣздъ такими фальшивыми звуками кавалерійской трубы! Трубачъ этотъ, послѣ нѣсколькихъ киксовъ или тщетныхъ попытокъ произвести желанный звукъ, наконецъ издавалъ его кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ, при чемъ, начавъ сигналъ въ одномъ тонѣ, обязательно оканчивалъ его въ другомъ. Разъ предательская труба сигналиста издала такой необыкновенный звукъ, что заставила заговорить даже извѣстнаго молчальника солдата Гусева, онъ сплюнулъ и изрекъ: „Ну и играетъ, чортъ!“ По приходѣ на станціи солдаты трудно было удержать въ вагонахъ, все это рвалось поглазѣть поближе на новое. Не меньшее любопытство написано было на мордахъ высунувшихся кое-гдѣ изъ не притворенныхъ дверей вагоновъ лошадей. Нѣкоторые глаза „Васекъ“, „Мишекъ“ и „Машекъ“, какъ обыкновенно ласкательно зовутъ своихъ лошадей вла-

дѣльцы ихъ, казалось, только-что не говорили: „А вѣдь любопытно, право!“ По бокамъ, однако, большею частью тянется очень однообразная лѣсистая мѣстность. Около семи часовъ вечера показались постройки Выборга, по-фински „Випури“.

Поѣздъ остановился, не доходя нѣсколькихъ сотенъ шаговъ до вокзала, вѣроятно, на запасномъ пути, такова уже обыкновенно участь воинскихъ поѣздовъ въ этомъ случаѣ, участь оставлять дорогу для публики почище. Офицерство наше бросилось на вокзалъ, чтобы успѣть поужинать, тѣмъ болѣе, что и поѣздъ, вмѣсто обѣщанныхъ 40 мин. маршрутомъ, стоялъ только 20 мин. На вокзалѣ, кромѣ холодной, правда, довольно обильной закуски, другого готового ничего не оказалось. Мы прилегли на закуску, стараясь непременно все выставленное съѣсть, по крайней мѣрѣ, чтобы было понятіе, какъ придется расплачиваться, а то гдѣ же запомнить, сколько каждый и именно чего взялъ кусочковъ изъ закуски, да и съ прислугою, ничего не понимающею по-русски, тоже не разговоришься. За всю закуску взяли семь марокъ, по курсу около 3-хъ рублей, что вышло вовсе недорого, такъ какъ насъ закусывало и хорошо закусило цѣлыхъ шесть человѣкъ. Отъ станціи Симола поѣздъ нашъ видимо оставилъ главный путь на Гельсингфорсъ и круто поплылъ на сѣверъ, а черезъ полтора часа, т. е. въ 9 час. 20 мин. вечера, подкатилъ къ деревянной платформѣ вокзала г. Вильманстранда, Красному Селу финскихъ войскъ. Кругомъ масса финскаго офицерства въ ихъ скромныхъ мундирахъ, множество дамъ. Встрѣчу и пріемъ сдѣлали намъ такой, что не знаешь, что дѣлать и какъ тутъ благодарить. Генералы представляются сами, финскіе солдаты не даютъ переносить вещи нашимъ драгунамъ, а сами ихъ подхватываютъ, дамы глядятъ выводимыхъ и немного очумѣвшихъ отъ путешествія въ вагонахъ лошадей нашихъ, а нѣкоторыхъ даже кормятъ сахаромъ. Всѣ мы, какъ офицеры, такъ и солдаты тотчасъ же приглашены къ столу. Особенно я радовался за своихъ солдатъ, вѣроятно, страшно проголодавшихся, такъ какъ ѣли они, даже обѣдали въ этотъ день еще въ Петербургѣ, въ семь часовъ утра, до выступленія изъ кавалергардскихъ казармъ для нагрузки въ поѣздъ. Время обѣда по необходимости было выбрано для нихъ далеко не аристократичное!

Выведенныхъ изъ вагоновъ лошадей привязали уже почти въ полной темнотѣ тутъ же у изгороди, при нихъ оставлено необходимое число драгунъ для присмотра, остальные всѣ направились къ тутъ же недалеко, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, разставленнымъ въ сосновой рошѣ войскового лагеря и положительно ломящимся отъ питій и яствъ столамъ. Столы для солдатъ освѣщены свѣчками,

покрыты скатертью и сервированы не по-нашему: тарелки мелкія, глубокія, чашки, вилки, ножи и ложки; на каждого драгуна отдѣльный сервизъ, словомъ, какъ говорится, „Европа, да и только!“ Известно, что, въ противность вышеописанному, наши, какъ крестьяне, такъ и солдаты хлебають по нѣсколько человѣкъ изъ одной миски, въ зависимости отъ величины ея и, кромѣ деревянной ложки, другихъ приспособленій для ѣды не употребляютъ. Угощеніе солдатамъ вышло на славу, подавалось: картофельный супъ, пироги, два мясныхъ блюда, пиво и водка. Одинъ старослужащій фельдфебель-финнъ, съ чаркой въ рукѣ, держалъ рѣчь, обращенную къ нашимъ драгунамъ, прииѣрно въ такихъ словахъ: „Ми рады молодцы-драгоны, что ви пріекали къ намъ. Ви будетъ показывать нашимъ молодымъ солдатамъ, какъ защищаться имъ противъ атакъ кавалеріи“... и еще что-то въ такомъ родѣ; затѣмъ, конечно, „пьемъ ваше здоровье!“ По настоящему и моему молодому вахмистру слѣдовало на рѣчь отвѣтить рѣчью, но гдѣ же было ему это исполнить, да еще экспромптомъ; я поспѣшилъ выручить его, крикнувъ, обращаясь къ своимъ драгунамъ: „За здоровье, братцы, молодецкаго финскаго войска, столь радушно встрѣтившаго насъ“. „Ура!“ „Ура“ подхвачено дружно. Впрочемъ, драгуны не менѣе дружно, но, къ сожалѣнію, совершенно несвоевременно гаркнули „ура“ за самихъ же себя, когда его провозгласилъ финскій фельдфебель въ концѣ своей рѣчи за драгунъ же, обращаясь къ своимъ финляндцамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что они, какъ и нужно было ожидать, изъ рѣчи фельдфебеля ровно ничего не поняли. Насъ, офицеровъ обоихъ эскадроновъ, тоже повлекли упитывать и упайвать въ офицерскій клубъ, расположенный тутъ же недалеко въ хорошенькомъ павильонѣ.

Симпатичный, слоноподобный первоприсутствующій генералъ N. усиленно приставалъ къ намъ, чтобы мы больше пили, говоря, что иначе онъ пожалуется нашему шефу, которому онъ обязанъ потомъ дать во всемъ отчетъ. „Вы знаете, господа, что я, сознаюсь откровенно, — говорилъ онъ, — и въ люди вышелъ потому, что умѣю хорошо пить; такихъ любятъ“. Красная, точно налитая виномъ, громадная туша бѣлокурого генерала и безъ его словъ свидѣтельствовала о его вкусахъ и увлеченіяхъ. Кстати, генералъ N. вспомнилъ былое время, когда онъ, будучи еще корнетомъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, стоявшаго тогда еще не въ Варшавѣ, а у насъ же, на Волховѣ, отбывалъ свой арестъ по сосѣдству съ расположеніемъ своего полка, въ штабѣ нашего полка. „Весь арестъ свой провелъ я, — говорилъ N., обращаясь къ намъ, — не выходя изъ-за карточнаго и закусочнаго стола; и я, какъ вашъ должникъ,

обязанъ теперь угощать васъ, насколько только это возможно“. Между прочимъ, какъ нарочно, составъ нашего наличнаго офицерства былъ тогда, кромѣ двухъ, самый трезвенный, начиная съ командира нашего дивизіона, милѣйшаго полковника Г., сохранившаго, можетъ быть благодаря этому, и въ сорокъ лѣтъ розовыя щеки, свѣжесть и невинность вкуса малаго ребенка, такъ какъ засыпалъ ежедневно со сладкими бульдегомами во рту и подъ подушкой. Придравшись къ тому, что эскадронъ пора и необходимо мнѣ вести лично на ночлегъ, я, однако, все-таки не ранѣе, какъ часа черезъ полтора вырвался изъ гостепріимнаго финляндскаго клуба. У солдатскихъ столовъ еще кое-кто изъ драгунъ, вѣроятно, дежурныхъ и дневальныхъ, не попавшихъ въ первую очередь угощаться, доужиновали. Прокричавъ еще „ура“ за гостепріимныхъ хозяевъ, несмотря на темноту (было 12 часовъ ночи), привычные драгуны живо поосѣдлали лошадей, и мы, по указанію любезнѣйшаго капитана Л., почти общаго знакомаго нашей молодежи, которую онъ, еще всѣмъ недавно, обучалъ стрѣлковому дѣлу въ кавалерійскомъ училищѣ,—потянулись съ громкими пѣснями по невѣдомымъ мѣстамъ къ невѣдомой стоянкѣ нашей. Направо и налево отъ дороги, недалеко за городомъ, тянутся маленькіе поселки, въ которыхъ, несмотря на темноту, уже замѣтны слѣды расположенной конницы: то былъ нашъ 1-й эскадронъ; кое-гдѣ видны кучки выгребеннаго изъ конюшенъ внаружу соломистаго конскаго навоза; на черномъ фонѣ неба чернѣются все-таки затѣйливыя вывѣски изъ соломы, въ которое подобіе хоругвей, на которыхъ условно красивыми кисточками обозначены №№ взвода и число расположенныхъ въ одной конюшнѣ лошадей. Пройдя около двухъ верстъ отъ города, эскадронъ разбился на двѣ части: одинъ полуэскадронъ пошелъ со всѣми офицерами въ д. Ювака, а другой—съ однимъ вахмистромъ, за неимѣніемъ офицерскихъ квартиръ, въ д. Куруламяки. Въ означенныхъ деревняхъ мы нашли уже все приготовленнымъ къ нашему приходу: для кухонъ сложены новыя печи; офицерскія квартиры вымыты и вычищены; все предусмотрено до мельчайшихъ подробностей; заготовлены дрова, доски, гвозди различной величины и даже уголь для самовара. Подобная предупредительность очень пріятно подѣйствовала на насъ, столь мало избалованныхъ въ этомъ отношеніи приѣмомъ нашихъ собственныхъ чухонъ въ лагерьъ подъ Краснымъ Селомъ. Способъ стройки у крестьянъ—такой же, какъ, на примѣръ, у колонистовъ - латышей въ Новгородской губерніи: поселки все небольшіе, живутъ хуторами, вмѣстѣ не болѣе двухъ-трехъ семействъ, что такъ подходитъ къ нелюдимости финскаго крестьянина. Между этими скучными поселками и развеселою, осо-

бенно въ праздникъ, широкою и длинною улицей русской деревни, съ шумящими на ней заведеніями, гармониками и хороводами дѣвокъ, ничего нѣтъ общаго. Здѣсь праздникъ узнается только потому, что кое-гдѣ изъ домовъ обывателей слышится гнусавое, точно похоронное, пѣнье псалмовъ.

Впрочемъ, финляндскій крестьянинъ тоже, говорятъ, много пьетъ, при чемъ дуетъ онъ чуть не голый спиртъ; но и вино его скучное, замкнутое, такъ сказать не экспансивное — ни крика, ни пѣсенъ, ни ругани; хотя пустить въ дѣло свой финскій ножъ онъ, говорятъ, долго не задумается. Интеллигенція, обыкновенно болѣе обезпеченная сравнительно съ крестьянами, и пьетъ больше ихъ; сколько уничтожается ею шведскаго пунша — говорятъ, уму непостижимо. Самое количество и разнообразіе возбуждающихъ жажду закусокъ, обыкновенно подаваемыхъ вездѣ въ Финляндіи, показываетъ, что финская нація умѣетъ пить и много пьетъ. У трехъ хозяевъ нашихъ, собственно и составляющихъ со своими семьями всю деревню Юваки, дома не выходятъ даже на дорогу, а построены нѣсколько въ сторонѣ отъ нея; кругомъ cadaго дома настроена цѣлая система сарайчиковъ всѣхъ калибровъ, обступившихъ точно дѣти свою мать. Архитектура строеній, впрочемъ это и не у однихъ мужиковъ, очень не затѣйлива: дома построены коробочками, съ мелкими крышами, безъ всякихъ выступовъ и балконовъ. Странно, что красота природы, хотя и угрюмоватая, совершенно не отразилась на развитіи у финляндскаго населенія архитектурнаго изящества.

Въ финскомъ народѣ, видимо, сравнительно съ нашимъ болѣе развито уваженіе къ законности и чужой собственности. Мнѣ случилось видѣть навѣшенные замки на животрепещущія, чуть не изъ жердочекъ сдѣланныя, подобія воротецъ въ такомъ же, даже не сплошномъ, заборѣ, что-то отдѣляющемъ. Низкій заборецъ этотъ можно было не только вездѣ перелѣзть, но даже и пройти въ его перерывахъ. Однако, замокъ виситъ, и если онъ ничего не запираетъ — значить, это не болѣе, какъ символъ, что проходить тутъ нельзя. Вѣроятно, и не проходятъ, иначе зачѣмъ же было вѣшать и самый замокъ. Въ будни жителей почти не видно — они бываютъ на работѣ. Въ праздники мы увидѣли всѣхъ нашихъ сѣверныхъ венгерцевъ (вѣдь, финны — одного съ нимъ племени: я видѣлъ и тѣхъ, и другихъ). Но, Боже мой, что за разница! Благодатный югъ первыхъ изъ того же племени сдѣлалъ чуть-ли не поголовныхъ красавцевъ, съ ихъ огненными черными глазами и молодецкими, быстрыми ухватками. Здѣсь же — почти сплошное безобразіе: угловатая черта лица, съ безжизненными, какъ у варенаго судака, глазами. Въ pendant къ этому, — конечно, и вялость во всѣхъ дви-

женіяхъ и ухваткахъ. Мужчины, вѣроятно, для того, чтобы еще болѣе походить на обезьянъ, выбриваютъ себѣ усы, баки и бороду, и, понятно, выбриваютъ не чисто и не очень часто, оставляя расти волосы лишь сзади, за щеками и подъ подбородкомъ. По-русски крестьяне говорятъ и понимаютъ очень мало; ихъ же прекрасная половина, какъ болѣе консервативная и болѣе сидящая дома—абсолютно по-русски ни гу-гу.

Очень интересны здѣсь книксены, дѣлаемые при привѣтствіяхъ финскими бабами. Откуда только онѣ переняли эти институтскія манеры?!

На другой день, облекшись въ парадную форму, отправились мы явиться по начальству и отвизитировать, по крайней мѣрѣ, старшихъ, т.-е. командировъ баталіоновъ. Всѣхъ по финляндскому выговору „патаљона“, баталіоновъ, девять, одинъ изъ нихъ гвардейскій, всѣ они стрѣлковые.

Армейскіе стрѣлковые баталіоны назывались по городамъ и губерніямъ, гдѣ они формируются и стоятъ, напр. Абоскій, Куопіоскій, Нюландскій и т. д. Баталіоны эти со всѣхъ концовъ Финляндіи собирались въ лагерь подъ Вильманстрандъ въ три года разъ. Говорятъ, во всей пересѣченной Финляндіи нашлось только подъ Вильманстрандомъ небольшое военное поле въ полторы версты длиною и въ полъ-версты шириною, пригодное для устройства лагеря и производства обученія для такого сравнительно большого количества, какъ 9 баталіоновъ пѣхоты, войскъ. Лагерь былъ расположенъ въ прекрасной сосновой рошѣ и щеголялъ своимъ порядкомъ и чистотою. На наше счастье мы почти никого дома не застали, т. к. всѣ въ это время обѣдали въ клубѣ, что значительно сократило наше время визитовъ. Затрудненіе главное представлялось въ томъ, что опрашиваемые солдаты ничего не понимали по-русски, спасибо подвернувшемуся тутъ финскому офицеру, адъютанту съ эксельбантами,—финскіе офицеры всѣ говорятъ по-русски,—который, во-первыхъ сообщилъ намъ фамиліи баталіонныхъ командировъ, фамиліи эти всѣ были въ родѣ: „Кремеръ, Бремеръ, Дремеръ“ и, конечно, уже Прокопе, фамилія, кажется, особенно излюбленная въ Финляндіи; во-вторыхъ, научилъ насъ спрашивать у солдатъ не командира, а примѣняясь къ финскому, произносить „комендѳръ“, тогда, молъ, только солдаты поймутъ насъ. Совѣтъ его намъ вполне пригодился. На другой же день эти комендѳры намъ отдали визитъ. За время нашего пребыванія въ Вильманстрандѣ финскіе офицеры положительно носили насъ на рукахъ, куда только не покажешься, начинаютъ усиленно угощать, а въ ресторанахъ не позволяли расплачиваться. Вскорѣ, однако, это ужасно надоѣло и стѣс-

няло до безконечности, порождая необходимость не выходить цѣлые дни изъ мундира и все расплачиваться визитами. Изъ чествованій, нами полученныхъ, а для меня не пьющаго, вѣрнѣе сказать, претерпѣнныхъ, особенно выдѣлился вечеръ, данный финскими офицерами, и вечеръ, данный артиллеристами русской бригады, т. к. у финновъ своей артиллеріи совсѣмъ не было. Вечеръ у финновъ былъ безъ дамъ съ исключительною цѣлью выпить. На вечерѣ выпито масса вина, произнесена масса рѣчей все больше по нашему адресу. Прекрасныя рѣчи говорилъ генералъ А., к—ръ гвардейскаго батальона, онъ академикъ и отлично владѣетъ русскимъ языкомъ, грудь его украшена офицерскимъ Георгіемъ за Хивинскую кампанію.

Какъ онъ попалъ въ послѣднюю, А. объяснилъ это тѣмъ, что онъ всегда стремился туда, гдѣ пахнетъ порохомъ, отъ себя прибавимъ, и гдѣ пахнетъ вѣроятно виномъ. Генер. А. своей колоссальною фигурой выдѣлялся среди финскаго офицерства, онъ умудрился почти всѣхъ ихъ перерости, хотя это было не такъ-то легко, т. к. между ними крупные люди не въ рѣдкость. А съ его бѣлыми, какъ ленъ, нѣсколько вьющимися волосами, голубыми глазами, розовыми пухлыми щеками и съ вообще весьма правильными чертами напоминалъ даже херувима. Рѣчь А. въ честь нашего полка сказала блестящую, тутъ была и кровь молодыхъ нашихъ офицеровъ, убитыхъ подъ Новачиномъ въ послѣднюю Турецкую кампанію на защищаемыхъ ими орудіяхъ, тутъ была и наша теперешняя блестящая служба въ мирное время, тутъ была и благодарность финскаго войска августѣйшему шефу нашему начальнику всей гвардіи, приславшему какъ особенную милость этому войску именно эскадроны своего полка. Говорилъ А. чуть не цѣлый часъ, говорилъ складно, увлекательно, выказавъ при томъ отличную память и основательное знаніе дѣйствиій гвардіи въ войну 1877—1878 гг. вообще, а нашего полка въ особенности. Своею рѣчью А. сумѣлъ настроить всю аудиторію, такъ что мы должны были вырасти въ глазахъ ея въ какихъ-то героевъ, становилось даже не ловко, т. к. взгляды и вниманіе присутствующихъ, а ихъ было болѣе сотни, были устремлены на нашу маленькую кучку изъ семи всего человѣкъ представителей нашего полка. Во время рѣчи наэлектризованные своимъ ораторомъ финны то и дѣло восторженно поддакивали ему возгласами „браво“! или „вѣрно“! а по окончаніи рѣчи бросились особенно сердечно пить за наше здоровье. Отвѣчалъ на рѣчь А. нарочно пріѣхавшій на этотъ день нашъ остзейскій нѣмецъ, командиръ, и, будучи старшимъ представителемъ нашего русскаго полка, говорилъ по-русски хуже всѣхъ ораторовъ, природныхъ финновъ, не говоря уже про Демосеена А. Свою не-

складную рѣчь командиръ нашъ уснащалъ по обыкновенію своими досадными вставками: э, э, э! а началъ рѣчь съ того, что онъ отказывается и не въ правѣ считать себя природнымъ драгуномъ, это, конечно, и вѣрно, но, казалось бы, въ данный моментъ лучше бы этого было не подчеркивать, а главное досадно то, что, сказавъ отвѣтную рѣчь, онъ этимъ отнялъ возможность произносить таковую нашему рѣчистому полковнику дивизионеру, который не преминулъ бы скрасить эту рѣчь, конечно, какимъ-нибудь экспромтнымъ стихомъ.

На финскомъ вечерѣ присутствовали оба брата графа Г. Одинъ изъ нихъ былъ самъ генераль-губернаторъ Финляндіи. Послѣдній одѣтъ былъ въ формѣ гвард. финскаго стрѣлковаго баталіона, хотя, кажется, никогда въ немъ не служилъ.

Генераль-губернаторъ, очень почтенный старый человѣкъ съ бѣлыми волосами и бородой, внимательно прослушивалъ всѣ рѣчи и тщательно ихъ записывалъ, будучи самъ стенографомъ.

Другой братъ генераль-губернатора изображалъ изъ себя совершенно согбенную высохшую развалину въ формѣ адмирала, и какъ это ни странно, развалина эта все время мурлыкала себѣ подъ носъ мотивчики изъ оперетокъ.

Корпусный к-ръ, природный, съ глазами на выкатѣ, бѣлокурый, могучій, тоже налитый шведскимъ пуншемъ, финнъ или шведъ, хотя и съ венгерской фамиліей. Этотъ былъ ужъ совсѣмъ не рѣчистъ и всякимъ рѣчамъ предпочиталъ усиленное опоражниваніе бокаловъ вина. Когда ему по его высокому по табели о рангахъ положенію приходилось сказать рѣчь, онъ былъ кратокъ: „Г.г., выпьемъ за здоровье такого-то или такихъ-то,“ затѣмъ гаркнетъ натужившись такъ, что при его комплекціи становилось страшно, чтобы ему не лопнуть; „ура!“ и сразу опрокинетъ бокалъ въ ротъ. На русскія рѣчи на этомъ финскомъ вечерѣ вообще очень не везло. Четыре рѣчи нашихъ старшихъ русскихъ артиллеристовъ были изъ рукъ вонъ плохи. Одному батарейному к-ру мѣшала говорить нестерпимая отрыжка и икота; тутъ уже не до рѣчи, другой батарейный предложилъ выпить за что-то русскую чашу, это въ финскомъ-то клубѣ и на финской посудѣ?! Сильно охмѣлившій толстый, артиллерійскій капитанъ предложилъ, для меня, по крайней мѣрѣ, уже совершенно непонятный, тостъ не то за трехъ дѣвушекъ, не то за трехъ дѣдушекъ финской арміи: „какого-то Гольфстрема, Кольдстрема и еще какого-то Стрема“?!

При чоканіи финляндцы вмѣсто Кавказскаго „Алаверды“ приговариваютъ неизмѣнно „скоу“. Можете представить, какъ они приставали къ намъ съ этимъ своимъ „скоу“. Вскорѣ на вечерѣ же

была получена отвѣтная телеграмма нашего августѣйшаго шефа: „Благодарю финскія войска за радушный пріемъ, сдѣланный моимъ дорогимъ драгунамъ“.

Не дурень былъ на вечерѣ городской бургомистръ, его штатскій костюмъ, на плотной, опять таки обильно, вѣроятно, вспоенной пивомъ и шведскимъ пуншемъ, фигурѣ съ наидобродушнѣйшей въ мірѣ, плоской и красной, фізіономіей, рѣзко бросился въ глаза среди исключительно однихъ военныхъ людей.

Едва произнесли въ рѣчи, сказанной по-русски въ честь его, его фамилію и должность, какъ бургомистръ нашъ превратился въ какое-то приторное блаженство, кажется, вотъ сейчасъ совсѣмъ растаетъ человѣкъ!

Кстати еще о понятливости финновъ. Достаточно было нашему полковнику, ища по городу за чѣмъ-то названнаго бургомистра, назвать его бурмистромъ, т.-е. въ сущности пропустить лишь одинъ слогъ „го“, чтобы никто его не понялъ. Это вышло повтореніе, смотри выше, относительно финскаго „комендѳра, вмѣсто русскаго почти вѣдь того же „командиръ“.

Ужинъ кончился въ два часа ночи, всѣхъ драгунъ при выходѣ финны качали.

На другой день, 15 іюля, въ микроскопической крѣпости производилось богослуженіе, шествіе на іорданъ и парадъ войскамъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Войска стояли шпалерами по узкой въ крѣпость дорогѣ, по которой проходила церковная процессія. Ближе къ маленькой и, конечно, единственной православной въ Вильманстрандѣ церкви, поставлены драгуны и православные, не понимающіе, однако, ни слова по-русски, изъ финскихъ баталіоновъ. Служилъ Выборгскій епископъ, рѣдкій по красотѣ и внушительности человѣкъ. За церемоніальный маршъ на парадѣ драгуны наши кромѣ, такъ сказать, шаблоннаго „спасибо“ генералъ-губернатора, заслужили и одобреніе публики, изъ среды которой слышались по-русски возгласы въ родѣ: „Ай да молодцы драгуны, видать, что гвардія“. Подобное особенно пріятно было слышать намъ, т. к. конкурировать въ пѣшемъ строю съ финской пѣхотой, замѣчательно вымуштрованной, было не такъ-то легко!

На другой день послѣ празднованія 900-лѣтія крещенія Руси эскадронъ долженъ былъ принять участіе въ ученіи съ финской пѣхотой. Передъ выступленіемъ вахмистръ доложилъ мнѣ, что люди здѣсь скучаютъ и ждутъ не дождутся, когда они вернутся въ Россію“. „Отчего?“ спрашиваю. Отвѣчаетъ: „Говядина очень плоха, какая-то постная!“ Вотъ такъ своеобразная оцѣнка страны лишь

со стороны получаемого въ ней въ пищу мяса! Я-то въ своей наивности предполагалъ, что они подобно мнѣ не налюбуются и не надивятся достаточно новой живописной страной, ея обитателями, особенно послѣ столь прискучившаго Краснаго Села и его окрестностей и нашихъ новгородскихъ болотъ, мѣста постоянной стоянки полка! По приходѣ на военное поле эскадронъ по числу выведенныхъ 2-хъ финскихъ баталіоновъ раздѣлился тоже на-двое. Предложено было эскадрону сдѣлать сначала небольшое ученье, чтобы познакомить финновъ съ видомъ кавалеристовъ. Затѣмъ разсыпанная цѣпь драгунъ проходила разными аллюрами сквозь разсыпанную же пѣхотную цѣпь. Потомъ начались тактическія ученія баталіоновъ, а драгунамъ предложено было производить при этомъ рядъ атакъ какъ на цѣпи, и ея поддержки, такъ и на сомкнутыя части боевого порядка баталіоновъ, то съ фронта, то съ фланга, то съ тылу.

Невозмутимо хладнокровные финны сразу освоились съ видомъ кавалеристовъ и совершенно спокойно встрѣчали конныя атаки драгунъ выдержанными залпами.

Для атакъ эскадронъ разбился, согласно желанію баталіонныхъ к-ровъ, руководившихъ ученіемъ, на четыре взвода, такъ что самостоятельными командирами взводовъ являлись не только младшіе офицеры, гдѣ они были, но и взводные унтеръ-офицеры, гдѣ таковыхъ не было; офицеровъ у меня всего было двое. Приходилось поэтому носиться мнѣ по всему военному полю и быть, такъ сказать, вездѣ-сущимъ, чтобы драгуны мои нигдѣ не ударили въ грязь лицомъ передъ финнами.

Попало же бѣднымъ лошадамъ нашимъ на этихъ финскихъ ученіяхъ; глядя на непрерывныя атаки взводовъ и запыхавшихся поэтому и покрытыхъ мыломъ лошадей, мое сердце, сердце эскадроннаго отвѣтственнаго командира, обливалось кровью, зная въ особенности строгія требованія нашего кавалерійскаго начальства относительно добраго состоянія тѣла строевыхъ лошадей. Пѣхота вообще имѣетъ, а финская и, тѣмъ болѣе того, имѣла, видимо, самыя слабыя понятія о выносливости лошадей и о томъ, что болѣе двухъ-трехъ атакъ подъ-рядъ, безъ большого отдыха, конница дѣлать не можетъ, иначе вѣдь можно перезапалить массу лошадей. Замѣтить к-мъ баталіоновъ, что лошадямъ слишкомъ тяжело производить такіе эксперименты, было какъ-то неловко, говоръ не позволялъ, да потомъ, пожалуй, финны аттестовали бы драгунъ недостаточно лихими и предприимчивыми!? Своими дѣйствіями и, особенно атаками, мы дали финнамъ въ 1888 г. въ Вильмандстрандскомъ лагерѣ совершенно фальшивое представленіе о дѣйствіяхъ конницы. Атака конницы, особенно на неразстроенную пѣхоту, ве-

дется, благодаря дѣйствительности ружейнаго огня, въ разстояніи 3-хъ и даже 4-хъ верстъ, въ Вильманстрандѣ же военное поле простирается не далѣе, какъ на 1¹/₂ версты. Атака ведется на роту, конечно, частью, не менѣе эскадрона, а тутъ она велась взводиками изъ 20 человѣкъ. Такъ какъ всѣ атаки были накороткѣ съ 600, 400 шаговъ и даже чуть-ли не съ мѣста, то лошади не могли развить при этомъ и хорошаго карьера (аллюра). Выходило только какое-то вредное для здоровья, тѣла и повода лошадей мотанье ихъ.

Разъ, послѣ подобной безпутной гонки эскадрона моего, въ теченіе чуть-ли не цѣлаго часа, подѣзжаю я къ старшему руководителю, баталіонному к-ру Бремеру или Кремеру, уже не помню, и спрашиваю, что еще прикажете дѣлать, полагая, что онъ уволить насъ домой, не тутъ-то было! К-ръ этотъ изрекъ безстрастнымъ голосомъ: „Теперь скоро кончаемъ, только сдѣлаемъ еще нѣсколько кавалерійскихъ атакъ на отступающую цѣпь, и довольно! Дѣло въ томъ, что подъ Вильманстрандомъ собрано было тогда 9 стрѣлковыхъ баталіоновъ или 36 ротъ, и на всю эту, сравнительно большую массу пѣхоты, назначено лишь два эскадрона кавалеріи, между прочимъ, даже на одну роту посылается въ атаку не менѣе эскадрона, финны же, по своей, конечно, и понятной на этотъ разъ пунктуальности и педантичности, желали предоставить каждой своей ротѣ практику въ дѣйствіяхъ противъ кавалеріи, отсюда объясненіе производства нами безчисленныхъ атакъ, тѣмъ болѣе, что ученій было за двѣ недѣли нашего совмѣстнаго участія съ финнами, включивъ праздники и маневръ, очень не много.

Команды у финновъ производились по-русски. Всѣ финскіе офицеры, какъ я уже говорилъ, свободно говорятъ и понимаютъ по-русски, да и не мудрено, большинство изъ нихъ служили раньше въ русскихъ войскахъ, а съ образованіемъ цѣлыхъ восьми своихъ новыхъ баталіоновъ, перешли сюда, здѣсь теперь можно было встрѣтить и бывшихъ гусаръ, уланъ, драгунъ и артиллеристовъ, все это поспѣшило съ образованіемъ новыхъ частей, повторяю я, перейти на родину и служить дома, хотя бы и въ непривычномъ и незнакомомъ доселѣ родѣ оружія, но лишь бы въ своемъ національномъ войскѣ. Вотъ у кого поучиться силѣ національнаго чувства!.. Положимъ, что и содержаніе офицеры финскихъ войскъ получали значительно большее, сравнительно съ русскими офицерами: к-ры баталіоновъ получали по 12 т. марокъ, поручики по 3 т. мар., остальные всѣ въ такомъ же родѣ.

При финляндской дешевизнѣ, содержаніе офицеровъ выходило очень приличное. Кромѣ того, пенсіонъ финскимъ офицеромъ вы-

служивался уже, начиная съ 15 лѣтъ дѣйствительной службы, у насъ же, какъ извѣстно, лишь съ 25 лѣтъ. Хотя, какъ говорили мнѣ, молодые офицеры могли попасть въ финскія войска не раньше, какъ прослуживши два года въ Россіи, но тогда, въ описываемое время, встрѣчалась молодежь, выпущенная въ нихъ прямо изъ финляндскаго кадетскаго корпуса. Думаю, что какъ первая мѣра, такъ, въ особенности вторая, грѣшила нецѣлесообразностью въ смыслѣ необходимости возможнаго обрусѣнія финскаго офицерства до поступленія его въ ряды собственныхъ финскихъ войскъ. Бѣда вся еще не въ финской національной идеѣ, а въ шведской, которую исповѣдуетъ вся интеллигенція страны, а въ томъ числѣ ея офицеры, идеѣ, значительно намъ болѣе враждебной, чѣмъ первая, составляющая достояніе лишь простого народа.

Шведская идея къ тому же находитъ себѣ поддержку и пропаганду недалеко, въ близъ лежащей отъ насъ сосѣдней, къ счастью нашему, хоть не первостепенной Европейской державѣ. Вотъ и тогда на своемъ вечерѣ сами финскіе офицеры показывали намъ шведскаго капитана генеральнаго штаба, одѣтаго, однако, предусмотрительно въ штатскомъ платьѣ, показывали, какъ своего завсегдатая и имѣющаго среди нихъ много друзей.

Финскіе солдаты въ *pendant* къ своимъ офицерамъ также прекрасно содержаны, всегда щеголевато одѣты и отлично кормлены, послѣднее не мудрено, такъ такъ финскому солдату отпускалось по 12 коп. приварочныхъ въ день въ то время, когда нашему отпускалось всего 4 коп., т. е. ровно втрое больше. Въ солдатское меню входитъ, напр., между прочимъ, картофель въ мундирахъ съ масломъ, съ селедкой или салакушкой.

Про вечеръ, данный русскими артиллеристами, скажу только, что это былъ вечеръ, какъ вечеръ; пили тамъ меньше, чѣмъ у финновъ, такъ какъ вечеръ былъ съ дамами и танцами. Между финскими дамами встрѣчались очень хорошенькія и даже нѣсколько брюнетокъ. Офицеры-финны, особенно постарше, оказались чудными мазуристами. Такая гиперборейская страна, недалеко отъ полярнаго круга, среди апатичнаго и маложизненнаго съ виду населенія — и вдругъ огневая мазурка! Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ.

Пора сказать что-нибудь и о начальникѣ края, и о его семействѣ. Генералъ-губернаторъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ и ветхозавѣтнымъ адмираломъ, братомъ своимъ, проводилъ лѣто въ мѣстечкѣ Лаурицъ, въ восьми верстахъ отъ города, на берегу Сайминскаго озера, у начала Сайминскаго канала. Жилъ онъ, конечно, тамъ, какъ царственная особа; дача—роскошь, съ чуднымъ видомъ

на озеро и каналъ, и движеніе на нихъ судовъ. Въ распоряженіи графа имѣлся паровой катеръ съ шестью матросами. При графѣ состояли сразу два адъютанта. Обрѣтались тамъ еще двѣ генераль-губернаторскія дочки, особы уже въ лѣтахъ; красоты немного, но ума и симпатичности, особенно въ наименѣе красивой, кажется, въ старшей сестрѣ,—масса. Барышни, несмотря на царственную обстановку и положеніе, видимо очень скучали по милому Петербургу и по *grand monde*'у и теперешнее свое состояніе считали чуть-ли не ссылкой. Двое же молодыхъ безсодержательныхъ адъютантовъ—скуку барышень, видимо, разсѣять были не въ состояніи. Накормили насъ чуднымъ обѣдомъ. Самъ генераль-губернаторъ хотя и много бодрѣе своего старшаго брата, адмирала, но все-таки порядочно уже осунувшійся, что особенно было замѣтно, когда онъ, въ день маневровъ, насилу взобрался на лошадь,—не лишень еще былъ игривости ума, такъ какъ въ разговорѣ со мной съ первыхъ же словъ совѣтовалъ нашимъ драгунамъ, какъ и раньше стоявшимъ здѣсь казакамъ, посодѣйствовать улучшенію некрасиваго финскаго племеніи... Послѣ скучнаго крокета и чашки вкуснаго кофе меня съ товарищемъ молодая графиня, въ сопровожденіи обоихъ адъютантовъ, любезно доставили на собственномъ паровомъ катерѣ, по Сайминскому озеру, въ городъ Вильманstrandъ.

Осталось теперь сказать лишь два слова про самый городъ Вильманstrandъ. Онъ былъ тогда очень невеликъ: въ немъ было сче-томъ четыре или пять продольныхъ улицъ и три поперечныхъ. Жителей, кромѣ войскъ, насчитывалось всего 900 человекъ, такъ что съ уходомъ военныхъ городъ совершенно пустѣлъ. Въ городѣ есть: маленькая крѣпость и большая тюрьма, гостиница Абрамова, курзалъ, водолечебница, большая деревянная кирка съ отдѣльною въ видѣ громаднаго очиненнаго карандаша колокольней. Есть еще затѣйливая деревянная башенка для *сюр д'oeil*'я, который открывается съ нея на чистенькій городокъ и Сайминское озеро, все въ зеленыхъ островкахъ, — очень красивое. Въ то время строилась еще очень изящной архитектуры гимназія. Характерно то, что всѣ эти постройки да и весь городокъ — деревянные. Есть еще въ городѣ такъ называемый дворецъ. Снаружи онъ очень простоватъ, внутри же изящно убранъ мебелью и всякими издѣліями финляндскихъ фабрикъ. Издѣлія эти напоминаютъ русскія кустарныя. Хороши и тамерфорстскія ткани подъ шелкъ.

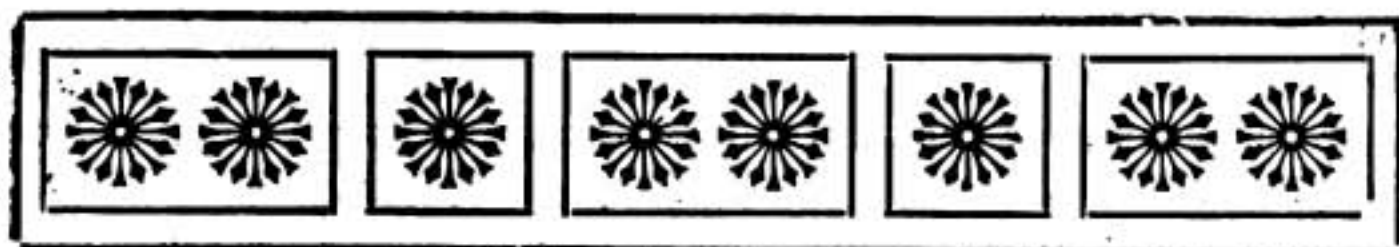
Заканчивая свои воспоминанія и бросивъ еще разъ ретроспективный взглядъ назадъ, интересно рѣшить: былъ ли, принимая во вниманіе тогдашніе слухи и особенно все то нехорошее, что проявилось со стороны финлянцева по отношенію къ намъ, русскимъ, за послѣд-

*

нія двадцать лѣтъ, — былъ-ли пріемъ, сдѣланный финскою страной въ лицѣ ея войска и населенія города Вильманстранда въ 1888 г. нашимъ русскимъ лейбъ-драгунамъ, искрененъ и душевенъ? Я, какъ старый скептикъ, скажу: кажется, не былъ. — Самый этотъ, такъ сказать, сверхпріемъ, сверхрадушіе и сверхчествованіе уже возбуждали къ себѣ недовѣріе. Въ этихъ сверхдѣйствіяхъ уже проглядывала идея финляндскаго сепаратизма и игра въ иностранную державу. Это былъ не пріемъ близкихъ гостей своего же государства, своей страны, а какъ бы гостей иностранной державы! Кромѣ милого оратора, генерала А., значительно уже обрусѣвшаго на долгой русской службѣ и получившаго на ней даже офицерскій георгіевскій крестъ, и, можетъ быть, еще небольшого количества офицеровъ, вѣроятно относившихся къ намъ, русскимъ, тогда вполне сердечно, безъ всякой задней мысли—громадное большинство финновъ, на мой взглядъ, раздѣляло именно только-что высказанную мною идею сепаратизма и руссофобства.

В. А. Ковалевскій.

Народная легенда.

Гдѣ былыхъ годовъ чарующія сказки,
Вѣдьмы, духи злые, лѣшіе, русалки?
— Нашей вѣры нынче такъ неярки краски,
Наши пѣсни нынче такъ тоскливо-жалки.

Умерла въ насъ жажда красоты природы;
Мы умомъ безстрастнымъ вѣру повѣряемъ,
И намъ чужды боги прежніе народа:
Ихъ мы разлюбили, ихъ мы забываемъ.

А въ природѣ скучно: нѣтъ русалокъ въ водахъ,
Сгинулъ старый лѣшій, алой яги не стало:
Самъ Ярило скрылся въ темныхъ неба сводахъ,
— Красоты и сказокъ время миновало...

наменитый композиторъ Глинка обмолвился какъ-то слѣдующею фразой:

„Народъ творить, а мы только аранжируемъ“.

Это было сказано по поводу народныхъ мелодій и народныхъ пѣсенъ. Однако, насколько справедливы эти слова по отношенію къ музыкѣ, настолько же примѣнимы они и по отношенію къ литературѣ. Возьмемъ Пушкина, Гоголя... Не народное ли творчество „аранжировано“ въ бессмертныхъ сказкахъ?.. Не отклики ли народнаго эпоса — вѣчно-юные „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“? Увы, какъ это ни грустно, но русскій народъ пересталъ творить. Небезызвѣстный собиратель пѣсенъ каторжанъ, бродягъ и сибирскихъ инородцевъ, г. Гартевельдъ, выясняя причину упадка народнаго творчества, писалъ, что въ этомъ дѣлѣ очень дурную роль сыграло проведеніе желѣзныхъ дорогъ, сдѣлавшихъ общедоступнымъ сношеніе съ городской quasi-цивилизацией, съ ея зачастую низкимъ уровнемъ, а также и фабрика, гдѣ выработался жанръ такъ называемой „фабричной частушки“, ничего общаго съ истиннымъ народнымъ творчествомъ не имѣющей. Она, эта фабричная частушка, по внутреннему содержанію тяготеетъ къ „музыкѣ“ пѣсенъ, именуемыхъ „цыганскими“ (хотя послѣдняя имѣетъ, въ сущности, мало точекъ соприкосновенія съ музыкальнымъ творчествомъ

этого племени). Фабричная пѣсня, въ большинствѣ случаевъ, именно фабрикуется и отдаетъ душною атмосферой мастерской, равно какъ и „цыганская“ пѣсня пресыщена винными парами кафешантана. Разница между ними и народною пѣсней—та же, что между брилліантомъ-самородкомъ и искусною имитациею „Тата“. Подобно тому, какъ вытравляется народная пѣсня фабричною частушкой, дешевыми брошюрками и quasi-просвѣщеніемъ, медленно, но упорно вытѣсняются изъ памяти народной ея древнія сказанія, былины и легенды. Между тѣмъ, народное творчество полно неизъяснимой самобытной прелести и поэзіи... Русскій эпосъ занималъ умы не малаго количества ученыхъ, литераторовъ и любителей народныхъ сказаній. Надъ нимъ много потрудились и собиратели памятниковъ народнаго творчества. Однако, въ этой области у насъ имѣется существенный пробѣлъ. Я говорю о сказаніяхъ нашихъ инородцевъ, въ частности—о чувашахъ. Мнѣ привелось познакомиться съ одной изъ чувашскихъ легендъ. Оказывается, поэтическія струны далеко не чужды духу этого народа. Вотъ эта легенда:

Очень давно, когда лѣса покрывали еще всѣ берега Свіяги и весь тотъ край, гдѣ она протекаетъ; когда всякаго звѣря и птицы водилось великое множество, и люди кормились, убивая ихъ; когда еще священной Кермети (заповѣдная роща чувашъ, не забывшихъ язычества) не касалась рука безбожника, и когда еще самъ великій Тора помогалъ людямъ добывать изъ дуплистыхъ деревьевъ ароматный медъ дикихъ пчелъ, — жили два брата, Якишъ и Велюкъ. Старшій—Якишъ былъ злой; младшій — добрый. Однажды Якишъ охотился въ лѣсу. Тора не захотѣлъ помочь злому охотнику, и охота окончилась неудачей. Голодный и озлобленный, пришелъ Якишъ къ брату. Послѣдній въ это время ѣлъ медъ. Старшій попросилъ меду, и Велюкъ охотно подѣлился своимъ обѣдомъ. Якишу понравилось лакомство и, сдѣлавъ видъ, что его интересуетъ жизнь брата, онъ попросилъ показать ему то мѣсто, гдѣ пчелы собираютъ столь сладкую пищу. Простодушный Велюкъ показалъ ему всѣ дупла. Прошло нѣсколько дней. Прокравшись тайкомъ къ деревьямъ брата, Якишъ укралъ меду изъ дупла. Однако, не чтя законовъ Торы, онъ не отнесъ первый кусокъ сота въ Керметъ, на священный обрубокъ дерева. Тора разсердился, и пчелы по его приказанію слетѣлись со всѣхъ сторонъ, чтобы искусать дерзкаго. Якишъ былъ зажаленъ до смерти, а пчелы, вонзившія въ него свои жала, также умерли. Когда добрый Велюкъ увидѣлъ погибшаго брата и пчелъ, онъ заплакалъ — такъ жаль стало ему Якиша и своихъ кормилицъ. Долго плакалъ онъ и заснулъ въ слезахъ. И вотъ во снѣ слышитъ онъ вдругъ голосъ Торы: „Пойди, поймай

теленка, облей его водой и, что будетъ съ водой, то сдѣлай и съ мертвыми пчелами“.

Проснувшись, Велюкъ исполнилъ повелѣніе Торы. Теленокъ отряхнулся, и вода свѣтлыми каплями попадала на землю и скрылась въ ней. Тогда, согласно наученію Торы, Велюкъ разбросалъ мертвыхъ пчелъ и закопалъ ихъ въ землю. Это была первая пашня и первый посѣвъ. Скоро изъ земли появилась травка, на которой выросли колосья. Одни изъ нихъ были покрыты точь-въ-точь такими же жалами, какими пчелы убили Якиша; на другихъ же зерна висѣли, какъ висятъ на деревѣ рои пчелъ. Къ тому времени, когда прежде Велюкъ собиралъ медъ, колосья поспѣли. Велюкъ выбилъ изъ нихъ зерна, часть положилъ на священный обрубокъ Керметъ, а остальное растеръ камнемъ, смѣшалъ съ водой, высушилъ и ѣлъ вмѣсто меда. Такъ появился „сюгюръ“ (хлѣбъ). А Якишъ былъ унесенъ злымъ духомъ, сдѣлавшимъ изъ его сердца червей и донынѣ убивающихъ молодыхъ пчелъ; изъ злого же тѣла вывелись мыши, воровски поѣдающія хлѣбъ, добытый человекомъ.

Р. S. Нѣкто Тюбякъ-Чирковскій, отъ котораго я и узналъ настоящую легенду, пишетъ, что обычай обливать быка или теленка водой передъ посѣвомъ вывелся у чувашъ недавно — лѣтъ 15—20 тому назадъ. Чуваша собирались всей деревней и смотрѣли на животное. Если оно отряхивалось отъ воды — это предвѣщало урожай; если нѣтъ — неурожай. Послѣ гаданья животное убивалось и съѣдалось. Въ глухихъ деревняхъ Тетюшскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ (Казанской губ.) обычай этотъ и донынѣ свято хранится чувашами. Только стыдась русскихъ, они держатъ его втайнѣ.

Е. Г.

Какъ прежде собирались иногда историческіе матеріалы
въ духовномъ вѣдомствѣ.

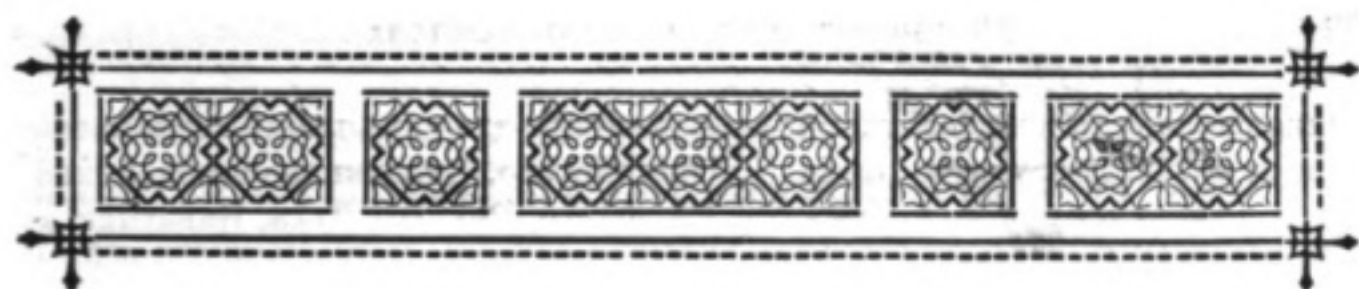
„Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всерос-
сійскаго, изъ Херсонской духовной консисторіи, протоіерею Серафиму
Серафимову.

По указу Его Императорскаго Величества, Херсонская духовная
консисторія слушала отношеніе преосвященнаго Макарія, епископа
тамбовскаго отъ 10-го прошлаго октября № 57-й, въ коемъ, изъ-
ясняя, что Императорская Академія Наукъ предложила ему соста-
вить біографическую записку о покойномъ академикѣ высокопреосвя-
щенномъ Иннокентіѣ, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ,
къ 15-му числу сего ноября, просить распоряженія консисторіи о
доставленіи ему, со всевозможною скоростію, копіи съ послужного
списка высокопр—го Иннокентія и предложить бывшимъ его учени-
камъ по академіи и сослуживцамъ по епархіи, не благоволятъ ли
кто изъ нихъ сообщить ему, въ возможной скорости, хотя самыя
краткія и скоронабросанныя, но достовѣрныя свѣдѣнія о его дѣтствѣ,
его обученіи въ семинаріи и академіи, его академическихъ лекціяхъ,
оставшихся въ рукописяхъ, его ученыхъ предпріятіяхъ, не доведен-
ныхъ до конца, его характеръ, его епархіальныхъ заслугахъ, осо-
бенно по епархіи Херсонской, — и резолюцію его преосвященства
Димитрія, епископа херсонскаго и таврическаго, на отношеніи семъ
въ 3-й день послѣдовавшую такову: „предложить гг. наставникамъ
семинаріи и священнослужителямъ одесскимъ доставить требуемыя
записки и послать отъ себя преосвященному Макарію. Приказали:
съ прописаніемъ отношенія преосвящ—го Макарія, епископа там-
бовскаго, и резолюціи его преосвященства, вашему высокопреподобію
предписать указомъ требуемыя свѣдѣнія въ возможной скорости
доставить прямо отъ себя къ преосвященному Макарію епископу
тамбовскому. Ноября 6-го дня 1857 г. Членъ консисторіи, протоіерей
Гавелля, секретарь А. Лѣтницкій.

Примѣчаніе. Знаменитый іерархъ-богословъ и проповѣдникъ — *Инно-
кентій Борисовъ*, архіепископъ херсонскій и таврическій, скончался 26 мая
1857 года. Изъ вышеприведеннаго документа видны первыя работы о со-
ставленіи его біографіи. Онѣ выпали на долю ученика его по Кіевской
академіи — преосв. *Макарія Булгакова*, въ то время епископа тамбовскаго,
впослѣдствіи митрополита московскаго. Біографическая записка его объ
Иннокентіи напечатана въ V томѣ „Ученыхъ Записокъ II отд. Импер.
Академіи Наукъ“ 1857 г. — Изъ напечатаннаго документа видно, что Макарій
обращался за матеріалами для біографіи Иннокентія, между прочимъ, и
въ Одессу. Одесскій протоіерей *Серафимъ Антоновичъ Серафимовъ*, въ бума-
гахъ котораго мы нашли этотъ документъ, магистръ Кіевской духовной
академіи выпуска 1841 г., былъ тоже ученикомъ Иннокентія по академіи
и товарищемъ Макарія Булгакова. Онъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ
ревностный изслѣдователь мѣстной Херсонской и Крымской старины. Скон-
чался онъ 27-го февраля 1884 года и погребенъ на Одесскомъ старомъ
кладбищѣ.

Сообщ. Л. С. М.

15 писемъ адмирала Александра Ивановича Панфилова.

*Речь, сказанная на обѣдѣ въ день 50-ти лѣтняго юбилея адмирала
Александра Ивановича Панфилова.*

Сегодня исполнилось 50 лѣтъ вашей доблестной службы, душевно уважаемый Александръ Ивановичъ, и вотъ сослуживцы, боевые сотоварищи славной обороны Севастополя, а равно и почитатели Ваши, собрались здѣсь, чтобы выразить Вамъ чувства глубокаго уваженія, и мы всѣ вмѣстѣ привѣтствуемъ Васъ съ этимъ торжественнымъ днемъ.

Жизнь пережить—не поле перейти, говоритъ пословица, а 50 лѣтъ службы составляютъ всегда самую главную и наиболѣе дѣятельную часть человѣческой жизни, и мнѣ хочется въ нѣсколькихъ словахъ напомнить Вамъ и присутствующимъ, какъ проходили Вы это бурное жизненное поле. Прослуживъ 4 года въ Балтійскомъ морѣ, Вы отправляетесь на 3 года въ Средиземное, гдѣ вскорѣ поступаете на корветъ „Наваринъ“, подъ команду капитанъ-лейтенанта П. С. Нахимова, и съ этой минуты судьба какъ бы дѣлаетъ Васъ почти неразлучнымъ до конца дней жизни героя Синопа и Севастополя. Такъ Нахимовъ получаетъ фрегатъ „Палладу“, а Вы—его старшій офицеръ, Нахимовъ переводится въ Черноморскій флотъ командиромъ корабля „Силлистрія“, Вы старшій офицеръ „Силлистріи“ и одновременно съ нимъ, даже на одной перекладной, летите служить въ Черноморскій флотъ, которымъ только что вступилъ въ командованіе вице-адмиралъ М. П. Лазаревъ. Не приходило, конечно, на мысль встрѣчавшимъ Васъ въ этой телѣгѣ, что въ ней сидятъ будущій герой Синопа и тотъ адмиралъ, которому будетъ поручено выводить изъ Синопской бухты поврежденные въ бою корабли, съ которыми онъ даже прежде побѣдоносной эскадры взойдетъ въ ликующій Севастополь.

Разставшись на время съ П. С., Вы, еще въ лейтенантскомъ чинѣ, дѣлаетесь командиромъ тендера „Лучъ“ и послѣ двухлѣтняго плаванія въ Архипелагѣ, вступаете въ боевую службу на Кавказскую береговую линію въ званіе дежурнаго штабъ-офицера при начальникахъ ея: генералахъ—Раевскомъ, Анрепѣ, Будбергѣ. Въ теченіе 10-ти лѣтъ неутомимой бурно-боевой службы вдоль этого негостепріимнаго берега Чернаго моря, гдѣ не разъ во время жестокихъ штормовъ выбрасывало суда и эскадры, Вы непосредственно участвуете во всѣхъ боевыхъ дѣлахъ и занятіяхъ мѣсть,

лично распоряжаясь десантными амбаркаціями для укрѣпленій возникавшей Черноморской береговой линіи: Кабардинскаго, Вильяминскаго, Тенгинскаго, Головинскаго, Лазаревскаго, Раевскаго, Святаго Духа, Навагинскаго и Новороссійска.

Разставаясь съ Кавказомъ въ чинѣ капитана 1 ранга, Вы принимаете въ командованіе корабль „12 Апостоловъ“ отъ капитана В. А. Корнилова, на которомъ впослѣдствіи передъ началомъ войны, имѣя контръ-адмиральскій флагъ, Вы перевозите въ эскадрѣ Нахимова 16.000 сухопутныхъ войскъ въ Анакрію, далѣе уже во время начавшейся войны съ эскадрою изъ париходовъ посылаетесь вдоль линіи Кавказскихъ укрѣпленій для поддержанія бодрости гарнизоновъ и, наконецъ, въ мартѣ 1854 года, т. е. послѣ разрыва съ Западными державами, на Васъ возлагается важное порученіе снять всѣ гарнизоны Черноморской береговой линіи, и сжечь и уничтожить ея укрѣпленія, тѣ самыя укрѣпленія, въ занятіи и построеніи которыхъ Вы принимали такое дѣятельное участіе. Это трудное порученіе Вы исполнили съ блистательнымъ успѣхомъ, въ виду англійскихъ и французскихъ крейсеровъ.

Вскорѣ начинается знаменитая, славная оборона Севастополя. Было бы излишне въ этой залѣ сказать, какимъ отдѣленіемъ оборонительной линіи Вы командуете; кто этого не знаетъ, не только изъ сотоварищей обороны, но и всѣхъ русскихъ, кому дорога и близка слава русскаго оружія; кто не знаетъ, что Вы 9 мѣсяцевъ съ утра до ночи и съ ночи до утра, безустанно укрѣпляете разрушаемое непріателемъ и разрушаете непріятельскія атаки. Вашъ историческій Большой редантъ (какъ называлъ его непріатель) до самаго конца, до послѣдней минуты, стоялъ какъ могучій богатырь, и отъ него какъ отъ скалы отскакивали всѣ натиски враговъ. Въ день смерти Нахимова Вы занимаете его постъ, помощника начальника гарнизона Севастополя, который по отступленіи войскъ 27-го августа оставляетъ послѣднимъ, уже послѣ разведенія моста, переправляясь на гичкѣ подъ ядрами на Сѣверную сторону, гдѣ остаетесь въ званіи командира Севастопольскаго порта, до перехода морскихъ командъ въ Николаевъ, котораго оборона Вамъ тотчасъ же поручается. По окончаніи войны Вы остаетесь завѣдующимъ морскою частью въ Николаевѣ, и послѣ кратковременнаго пребыванія главнымъ командиромъ Свеаборгскаго порта, поступаете въ Адмиралтействъ-Совѣтъ.

Вотъ, господа, то служебное боевое поле, которое проходилъ съ такимъ достоинствомъ и славою нашъ почтенный юбиляръ, оставляя по себѣ всюду глубокое уваженіе къ своимъ заслугамъ, мужеству, энергіи и признательность къ благородству своихъ мыслей и дѣйствій, прямодушію и безукоризненности своихъ поступковъ. Черноморскій флотъ и сослуживцы по справедливости могутъ гордиться, произнося имя А. И. Панфилова...

Жизнь есть долгъ, жизнь есть подвигъ, и вотъ предъ этимъ подвигомъ, совершеннымъ съ такимъ достоинствомъ, и преклоняются и старые и молодые. Такіе люди, какъ Вы, живутъ не только для современниковъ, но и для потомства, которое, воздавая справедливую оцѣнку, указываетъ юному поколѣнію, какъ надо служить отечеству, какъ на достойный примѣръ для подражанія, какъ на дорогую, народную гордость...

Да здравствуетъ многія и многія лѣта А. И. Панфиловъ.

Аврамій Асланбековъ.

20 апрѣля 1874 г.

(Письма адмирала Александра Ивановича Панфилова, начальника 3-го бастиона, во время севастопольской обороны, адресованныя въ Николаевъ, къ его женѣ, Л. М. Панфиловой).

1.

8 часовъ утра, 14 окт.

Сію минуту получено отъ Моллера, объявлять по войскамъ, что генералъ Липранди вчерашняго числа взялъ четыре редута, 11 пушекъ, 60 кавалеристовъ съ офицерами; поле сраженія все усѣяно непріятельскими тѣлами, и Липранди укрѣпляется въ деревнѣ Кадыховкѣ. Помогите, Господи, Липранди. Сегодня гораздо меньше пальба—не такъ часто. Сегодня 10-й день пальбы. Поцѣлуй дорогихъ моихъ Лизу и Соню. Благословляю всѣхъ васъ, дорогихъ моихъ.

А. Панфиловъ.

2.

Бастионъ № 3.

Суббота 1 января 1855 г., 7¹/₂ часовъ вечера.

Поздравляю дорогую мою Любиньку съ новымъ годомъ, желаю тебѣ и дѣтямъ здоровья и скорого возвращенія въ Севастополь. Помогите, Господи, окончить и выгнать поскорѣе непріятеля. Благодаря Бога, я началъ сегодня утромъ дѣлать вылазку. Угодилъ Сакену и князю Меншикову, взялъ въ плѣнъ 14 англичанъ и четырехъ французовъ, отправилъ въ 8 часовъ утра къ Сакену и приказалъ имъ поздравить его съ новымъ годомъ. Вотъ какъ я началъ новый годъ: въ полночь всталъ, вышелъ изъ бастиона и послалъ 500 охотниковъ къ англичанамъ и къ французамъ 200 и 400 человекъ далъ имъ подкрѣпленія. Наши взяли 18 плѣнныхъ, много перекололи, въ особенности французовъ, которые защищались. Потеря наша: 2 убитыхъ рядовыхъ, 5 тяжело раненыхъ и 11 легко раненыхъ, которые остались во фронтѣ и не пошли въ госпиталь. Осмотрѣлъ раненыхъ плѣнныхъ, возвратился къ 2¹/₂ часамъ домой, легъ заснуть, въ 6 часовъ всталъ, умылся. Пришелъ священникъ къ намъ на квартиру, отслужилъ молебенъ. Напился чаю, составилъ донесеніе о вылазкѣ. Явились музыканты съ поздравленіемъ; въ 8 часовъ отправилъ плѣнныхъ къ Сакену, а въ 9 часовъ поѣхалъ къ обѣднѣ въ Михайловскую церковь, гдѣ все начальство собирается благодарить Бога за успѣшную, благополучную вылазку. Изъ церкви зашелъ поздравить Сакена, сдѣлалъ нѣсколько около этой церкви визитовъ. Въ часъ возвратился на бастионъ, гдѣ у меня собрались обѣдать: братъ, Ив. Ив. Винкъ, Косинскій, Антиповъ, Нико-

новъ, Бирюлевъ, саперный полковникъ Макаровъ. Всего насъ обѣдало 9 человекъ. За новый годъ выпили бутылку портвейна; варили кофе со сливками, приготовленный въ плиткахъ, и просидѣли до 3-хъ часовъ. Легъ отдохнуть и получилъ твое письмо отъ 24-го декабря. Что дѣлать, родная моя! Грустно встрѣчать новый годъ не вмѣстѣ. Но помоги, Боже, выгнать непріятеля! Тогда все вознаградится, и непріятелю плохо придется. Сегодня это пятая вылазка у меня, и мы уже знаемъ, гдѣ какой полкъ непріятельскій стоитъ лагеремъ, по взятымъ въ плѣнъ, и спрашиваемъ у плѣнныхъ англичанъ, отчего нѣтъ 50-го полка плѣнныхъ? Они отвѣчаютъ, что 50-й полкъ — русскій, что его у нихъ на дистанціи перекололи и большую часть взяли въ плѣнъ, такъ что 50-й полкъ почти не существуетъ. Да, всѣ плѣнные спрашиваютъ про меня: „Что это, Меншиковъ?“ и увѣряютъ, что я очень похожъ на портретъ, который они видѣли: я бы не желалъ походить дѣянiями на князя, даже и физіономіей, а потому не къ тому я пишу. Но рѣшительно, а въ особенности французы, спрашиваютъ и говорятъ, что я похожъ на его портретъ.

Письма твои всѣ получилъ, и послѣднія, отъ 18 и 22 декабря, на которыя всѣ отвѣчалъ и много писалъ. Насчетъ просьбы Станюковича посланки курьеровъ или офицеровъ нечего терять словъ. Эта шаромыга только думаетъ, какъ бы стянуть что-нибудь, и больше не о чемъ и знать не хочетъ. О квартирныхъ — какъ хочешь, требуй или нѣтъ, какъ тебѣ угодно; о жалованьи нечего и думать, чтобы стали выдавать за годъ, черезчуръ расходное такое содержаніе, да и неоткуда столько денегъ взять. Письма по обыкновенной почтѣ не пишу, потому что много было случаевъ посылать письма и по курьерской. Аккуратно посылаю, которые должны раньше и скорѣе обыкновенной почты. Благодарю, родная моя, за елку дѣтямъ; утѣшила. Я думаю, выросли и очень перемѣнились? Какъ ростъ Сони? Я думаю, скоро сравняется съ Лизой.

2 января, 7 часовъ утра. Сію минуту дали знать, что чиновникъ Петровъ ѣдетъ сегодня, а потому тороплюсь. Поздравь Елизавету Марковну. Сегодня не видалъ еще Федора Михайловича (адмирала Новосильскаго). Молись Богу о скорѣйшемъ избавленіи отъ непріятеля, который теперь въ худшемъ положеніи и есть надежда уничтожить ихъ, а въ особенности, если Богъ пошлетъ мороза хорошенько—какъ мухи, замерзнуть. Скучно и грустно такіе праздники проводить, но благодарю Бога, что здоровъ и могу исправно заниматься своимъ отдѣленіемъ. Сакенъ Нахимову меня очень хвалилъ и говорилъ, что скромный адмиралъ, а дѣла успѣшнѣе и счастливѣе идутъ, чѣмъ у меня: 5-я вылазка была и, благодарю

Бога, все удалось и мало потери съ нашей стороны. До свиданія, моя дорогая! Поцѣлуй дѣтей и благослови.

А. Панфиловъ.

3.

Пятница, 11 марта, 9 час. утра. 3-й бастионъ.

Вчера, поздно, дали знать, родная моя Любинька, что сегодня ѣдетъ курьеръ. А у насъ противъ Малахова Кургана была большая перестрѣлка, и я помогаль изъ орудій, а потомъ, въ 2 часа ночи, со своего отдѣленія дѣлалъ вылазку изъ 500 человекъ. Взяли въ плѣнъ и привели ко мнѣ: командира 34-го англійскаго полка, инженеръ-капитана, сержанта, рядовыхъ англичанъ 12, 2 французъ; заклепали три большія мортиры, много ружей, инструмента инженернаго до 500 штукъ и много перекололи англичанъ и французовъ въ траншеѣ, а армейскіе наши противъ новаго редута многихъ перекололи. Отъ меня видно—до 400 тѣлъ лежатъ между нашимъ редутомъ и ихъ траншеями. Траншеи французскія, ближайшія къ редуту, срыты. Да, эту ночь задали треску французамъ и англичанамъ! Вчера вечеромъ спрашивали у плѣнныхъ, когда они собираются на штурмъ. Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что нельзя и думать штурмовать послѣ всѣхъ тѣхъ попытокъ противъ невооруженныхъ редутовъ. Полковника плѣннаго я напоилъ чаемъ и отправилъ въ госпиталь: онъ раненъ въ ладонь насквозь штыкомъ и въ голову прикладомъ. Вчера вечеромъ онъ получилъ отъ жены письмо, и у него взяли солдаты. Я велѣлъ объявить: 1 руб. тому, кто принесетъ письмо. Книжечку записную его принесли, а письма еще нѣтъ. Инженерный капитанъ сказалъ, что послѣ смерти нашего Государя всѣ газеты стали писать мирѣе и что надѣются на миръ и очень желаютъ и тоже что Пальмерстонъ сталъ гораздо миролюбивѣе и что Рассель поѣхалъ въ Вѣну на переговоры. Этотъ инженеръ, проходя мимо нашихъ батарей, удивлялся прочности постройки и нашимъ блиндированнымъ хатамъ. Пошли, Господи, заключить миръ. Тяжело видѣть избіеніе людей въ такомъ множествѣ и такъ жестоко. Теперь видно раненые французы сидятъ, и взять нельзя и помощь дать раненымъ. Господи, сжался надъ невинными жертвами эгоизма лорда Пальмерстона и прочихъ негодяевъ. Посылаю тебѣ забытый въ прошломъ письмѣ приказъ Горчакова и сегодняшнюю записку Сакена за вылазку. Пишу тебѣ въ разбивку и не даютъ писать — мѣшаютъ, а нужно форменное донесеніе писать. Сію минуту былъ Нахимовъ, поздравлялъ и благодарилъ; отъ

Сакена получилъ записку съ адъютантомъ. Благослови Лизу и Соню. Остаюсь благословляющій васъ всѣхъ отецъ

А. Панфиловъ.

4.

26 мая, 6 часовъ утра. Бастіонъ 3-й.

Родная моя Любинька! Вотъ и третья бомбардировка началась вчерашній день, въ три часа по полудни. Начали пальбу съ лѣваго фланга отъ Инкермана по редутамъ: селенгинскому, волинскому, камчатскому, по 3-му бастіону, съ прилежащими къ нему батареями, и по 4-му бастіону, 5, 6, 7 и 8 и прочимъ; къ морю не открывали огня. Всю ночь палили ядрами и большія бомбы бросали ночью; въ сравненіи съ брошенными бомбами, потери не такъ велики, но много портятъ бастіонъ и брустверъ разрывчатыми бомбами. Съ четырехъ часовъ усилили пальбу ядрами и не прекращали ночью. Много бомбъ въ городъ попадало, но пожаровъ не было. Сію минуту дали знать, что въ столовой стѣнѣкѣ вышибло и 10 стульевъ разбило. Болѣе вреда не сдѣлано. Поклонись Ѳедору Михайловичу (Новосильскому) и Елизаветѣ Марковнѣ. Желая имъ всѣхъ благъ отъ Бога. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

Р. S. Былъ я дома. Какая чудесная наша терраса! Акація сходится вѣтвями. Тѣнь чудесная. Горчаковъ, говорятъ, на Маккизіевской (?) дачѣ. Не было ли тамъ дѣла, что неожиданно и съ той стороны начали пальбу? По слухамъ, что къ намъ много войска идетъ? У васъ должно быть извѣстно изъ англійскихъ газетъ и въ обоихъ парламентахъ, говорятъ, предложенъ Россіи почетный и просятъ подать адресъ королевѣ, чтобы заключить миръ! Одна надежда на Господа Бога и миръ. Сохрани и помилуй. За что? Изъ-за желанія одного Наполеона столько жертвъ и несчастныхъ семействъ—женъ, дѣтей, отцовъ, матерей! Господи, буди воля Твоя! Говорятъ, Баумгартенъ нѣсколько дней сказывается больнымъ, и теперь тамъ главнымъ Микрюковъ. Но теперь 4-й бастіонъ гораздо легче. Такъ никогда не было при Ѳедорѣ Михайловичѣ; и вотъ въ эту сторону туда не такъ сильно палятъ; больше — на Николаевскую батарею и 3-й бастіонъ и по всѣмъ этимъ батареямъ. До свиданія, родная, дорогая моя! Сохрани васъ Госнодь для меня и меня для васъ. Благословляющій васъ вашъ отецъ

А. Панфиловъ

5-е.

Вторникъ, 31 мая, 3 часа дня. 3-й бастионъ.

Дорогая моя Любинька! Письмо твое получилъ отъ 27 мая вчера утромъ, гдѣ ты пишешь, что наши поѣхали въ Одессу, дай Богъ съѣздить благополучно и съ пользой. На счетъ Миши, я еще Нахимова не видалъ, да и нельзя думать объ отправленіи, офицеровъ очень мало осталось, не знаемъ, кого назначить на убитыя мѣста. Да, родная моя, вотъ и 3-я бомбардировка седьмой день! На вчера и сегодня пушечной пальбы нѣтъ и только постоянно на 3-й бастионъ бросаютъ бомбы и, благодаря Бога, потери еще не такъ велики, а меня хранитъ цѣлымъ и невредимымъ. 26 числа меня обдало камнями и сдѣлало нѣсколько язвъ на лицѣ, но я ни на одну минуту не оставлялъ мѣста, даже умылся часа черезъ три, и теперь совершенно все прошло; я пишу тебѣ это потому, чтобы до тебя не дошло, что я раненъ.

Вчерашнее письмо не скоро получишь, но надо повторить, что я писалъ 26 мая, въ 6 часовъ вечера. Непріятельскія войска бросились разомъ на три редута: Селенгинскій, Волинскій, Камчатскій и скоро заняли, подошли къ Малахову кургану, но тутъ ихъ встрѣтили подбѣжавшія наши войска и славно отдѣлали, выгнали изъ Камчатскаго редута. Хрулевъ пошелъ защищать Селенгинскій и Волинскій редуты, какъ непріятель опять напалъ на Камчатскій и выбилъ нашихъ. Хрулевъ воротился, опять пошелъ на Камчатскій редутъ, но выгнать уже не могъ, у непріятеля слишкомъ было много войска подведено и подготовлено, а у Хрулева не было достаточно, а потому всѣ три редута остались за непріателемъ. Въ то же время англійская колонна двинулась на уголъ 3-го бастиона, но мы ихъ отбили, а они захватили нашъ ложементъ, у меня пошли, выбили ихъ, но опять оказалось у непріятеля войска гораздо больше, они были приготовлены, а мы отдѣлались тѣмъ, что есть у насъ на дистанціи; въ это время много у насъ палили и непріятельской бомбой разсыпанъ брустверъ и камнями, и землею подарало мнѣ лицо и ударило въ правую сторону груди, но такъ, что я ни на одну минуту не оставилъ мѣсто и часа черезъ три потомъ умылся и посмотрѣлъ на себя въ зеркало и теперь все почти прошло, я совершенно здоровъ, но такъ изнурился, постоянно всѣ ночи, вотъ уже 6-я прошла, бываемъ всѣ на брустверѣ, чтобы быть готовыми въ случаѣ нападенія; и днемъ не уходимъ съ бастиона.

Нахимовъ только-что вышелъ изъ Камчатскаго редута и не дошелъ еще до Малахова кургана и чуть не попалъ въ плѣнъ, его

матросы подхватили подъ руки и дотащили до Малахова кургана; такъ это было быстро занятіе Камчатскаго редута и это чрезвычайно окуражило французовъ. Наши взяли челоуѣкъ 400 въ плѣнъ, да что намъ въ ихъ взятъи, всѣ были мертвецки пьяны и попались болѣе во рву Малахова кургана; штабъ-офицеръ и оберъ-офицеръ едва тоже на ногахъ стояли. Объ нашихъ вылазкахъ никто не думаетъ. Горчаковъ живетъ на Макіевевоу дачѣ, прѣзжаетъ въ Севастополь и ничего не предпринимаетъ! Говорятъ, что 2-го іюня долженъ придти первый эшалонъ, 4-го второй, а 8-го третій — послѣднія войска. Вотъ какіе у насъ слухи, это Хрулевъ говоритъ. Поклонись Е. М. и Ѳ. Мих. и благослови Лизу и Соню, сохрани васъ Богъ, и меня для васъ. Молись Богу и полагайтесь на Его милость, вотъ мы всѣ на что въ Севастополѣ надѣмся. Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

6-е.

Суббота, 4-го іюня. 11 час. утра. 3-й бастионъ.

Родная моя Любинька, сію минуту получилъ твое письмо отъ 1-го іюня, что за слухи тебя встревожили? Благодаря Бога, я цѣлъ и невредимъ, всѣ ночи проводимъ на бастионѣ, а днемъ мало пальбы; вчера переметчикъ далъ знать, что на Малаховый курганъ эту ночь хотѣли дѣлать нападеніе, всѣ примѣты были—сборъ войскъ, подносъ туровъ, фашинъ въ ближайшія мѣста. Мы всѣ были наготовѣ, даже не работали, и всѣ стояли съ ружьями; въ 12 часовъ на Малаховомъ курганѣ сдѣлалась тревога, но оказалась фальшивою, а, можетъ быть, была проба, исправно ли у насъ; смотрять—10¹/₂ часовъ. Сію минуту получилъ твое письмо отъ 30-го мая съ Евдокимовымъ. Да, родная моя, грустно и тяжело! Но что дѣлать, испытаніе Божье: роптать не слѣдуетъ и свято покоряться Его волѣ, помощи, Господи, отстоять Севастополь! Онъ творитъ чудеса, на Него вся надежда и упованіе. Я писалъ тебѣ съ каждымъ случаемъ, а курьеровъ не всегда вижу, когда они уѣзжаютъ, а потому не пугайся, ежели не получишь письма, теперь время смутное, некогда и думать о другихъ, да и экстренно отправлять: на счетъ Миши не думаю, чтобы его отправилъ Нахимовъ, который хотѣлъ сегодня у меня быть, но боленъ, разстроенъ и сильное бѣеніе сердца. Я, благодаря Бога, совершенно здоровъ. Радость моя, молись Господу, надѣйся и уповай, но не ропщи, это первый грѣхъ. Это Его испытаніе, я прошу только силъ и крѣпости, чтобы защищать Севастополь. Это письмо я пишу и посылаю въ городъ, откуда

перешлютъ. До свиданія, кланяйся Е. М. и Ѳ. Мих.! Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню.

А. Панфиловъ.

Чѣмъ же Екатерина тебя напугала? Что она слышала? Зачѣмъ прямо не говоришь, можетъ, найдутся добрые люди и напугаютъ нарочно?

7.

Вторникъ, 7-го іюня, 8 час. утра.

Дорогая моя Любинька! Благодареніе Всевышнему! Вчерашній день, 6-го іюня, въ три часа утра былъ штурмъ на 1-й и 2-й бастионъ на Малаховомъ курганѣ и 3-е отдѣленіе, т. е. 3-емъ бастионѣ. Но Господь Богъ помогъ, и мы ихъ славно отбили; осталось передъ бастиономъ много убитыхъ, раненыхъ, взяли много въ плѣнъ людей и лѣстницы, которыя уже были во рву, три раза они бросались, и это продолжалось около $\frac{3}{4}$ часа. Какъ наши солдаты отлично дѣйствовали и одушевились въ этотъ день. Былъ свѣтлый праздникъ—французамъ удалось занять только батарею Жерве, т. е. первый флангъ Малахова кургана, но молодецъ Хрулевъ тотчасъ выбилъ, и тутъ они много потеряли. Эту полночь была опять попытка, но мы не отдали, и они отступили; помоги, Господи, отстоять Севастополь, и сохрани всѣхъ! Послѣ штурма насъ спрыснулъ небольшой дождь, какъ будто Божье окропленіе, но очень маленькій. Послѣ штурма опять много палили по нашимъ батареямъ часовъ до 8 утра, а потомъ у насъ стихло, и большая пальба была на 1-е и 2-е отдѣленія. Ночь эту много пальбы и бомбъ, кромѣ того времени, какъ ихъ опять отбили, очень усилили огонь, а съ двухъ часовъ ночи меньше, а теперь ни одного выстрѣла не слышать.

4-ю бомбардировку начали 5-го іюня, въ 3 часа утра, и до штурма, т. е. ровно сутки не умолкали и страшно били день и ночь, били и не прерывали пальбы! Плѣнный у меня французъ, пожилой, и серьезный капитанъ, говоритъ, что онъ никакъ не ожидалъ, чтобы послѣ такой страшной пальбы мы успѣли исправить орудія и столько людей имѣли на батареѣ. Благодарю Господа! не имѣю возможности молебень отслужить, а ты отслужи всѣмъ святымъ. Поклонись Ѳ. Мих. и Е. М., поцѣлуй и благослови Лизу и Соню, береги ихъ и себя, благословляющій васъ отецъ

А. Панфиловъ.

Р. S. Мнѣ прислали къ самому штурму дивизионнаго начальника 9-й дивизіи г.-м. Лисенко, кажется, старый служака, я очень

доволенъ его назначеніемъ, хотя онъ прибѣжалъ ночью, уже дѣло начато было, и теперь я совершенно покоенъ и сегодня, съ 4-хъ часовъ утра до сихъ поръ спалъ чудесно, что мнѣ было очень необходимо.

8.

Среда, 8-го іюня, 3½ час. пополудни, бастіонъ № 3-й.

Благодари Господа, дорогая Любинька, до сихъ поръ Господь хранить цѣлымъ и невредимымъ. Вотъ, родная, 6-го числа, въ 3 ч. утра непріятель предпринялъ штурмъ на лѣвую сторону Севастополя, т. е. на 1-й и 2-й бастіонъ, на Малаховъ курганъ и на всѣ три отдѣленія и на пересыпку. Мы были совершенно готовы, и по первому появленію открыли ружейный и пушечный огонь, непріятель три раза на всѣ пункты бросался и вездѣ былъ отбитъ. Много тѣлъ ихъ осталось на мѣстѣ. Вчерашній день начали убирать, въ 3 часа по полудни не могли убрать, сегодня убираютъ, и у насъ тишина, нѣтъ пальбы. Сегодня утромъ вошелъ ко мнѣ въ отдѣленіе ирландецъ, солдатъ англійскаго войска, говоритъ, что очень тяжело у нихъ, мало палатъ, потому что снарядовъ мало, и что хотятъ еще попробовать штурмовать, а если не удастся, то идти къ Перекопу, отрѣзать путь сообщенія. Вчера, при уборкѣ тѣлъ, англичане бранили Наполеона и говорили, что это онъ одинъ желаетъ продолжать войну, и что имъ чрезвычайно тяжело, и съ нетерпѣніемъ ждутъ мира или окончанія войны, всѣ безъ исключенія желаютъ. У насъ сильныя жары и бездождья, удивительно, что за время, штиль и штиль и безъ дождя, котораго намъ теперь крайне нужно; скоро послѣ штурма собрались было тучи, и чуть попрыскалъ дождь, но пыли даже не прибилъ, шкваломъ небольшимъ все пронесло. Да, дорогая моя, великолѣпная картина штурма! По всей батарее, на валу сплошь стоятъ люди, стрѣляютъ изъ ружей, а внизу изъ орудій картечью. Адъ!! точно, если гарнизонъ не прозѣваетъ, то всякій штурмъ должно отбить, если хоть сколько-нибудь достаточно гарнизону. Какая радость и восторгъ послѣ отбитія, хотя въ это время со всѣхъ батарей начали страшно бить ядрами и бомбами, но этого какъ будто бы и не замѣчали; во время штурма потери наши сравнительно очень малы, а до этого цѣлая сутки день и ночь непрерывно усиленная была пальба ядрами и, въ особенности, бомбами, поэтому мы были увѣрены, что отъ непріятеля будутъ штурмовать; потери непріятеля, полагаю, до 5.000 человекъ, много генераловъ, полковниковъ, офицеровъ убитыхъ; непріятель только прорвался съ правой стороны Малахова кургана на батареи Жерве, но черезъ

четверть часа прилетѣлъ Хрулевъ и выбилъ его, и тутъ много тѣлъ осталось. При уборкѣ тѣлъ уже совсѣмъ не тотъ тонъ былъ, что послѣ занятія Камчатскаго и двухъ другихъ редутовъ, они сговорчивѣе были. Сегодня почти выстрѣловъ не слышно, но жара сильная. Какъ обойдешь всѣ батареи и придешь въ хату перемѣнить бѣлье, то какъ будто бы изъ ванны самой теплой, такъ легко станетъ.

9-го іюня, 8 часовъ утра. Благодареніе Господу Богу, здоровъ, цѣлъ и невредимъ; ночь прошла тихо и теперь ни одного выстрѣла. Я тебѣ, моя дорогая, послалъ два письма черезъ штабъ, одно—4-го, другое—6-го числа, не знаю, получила ли ты ихъ, а теперь пишу по курьерской почтѣ; отъ тебя получилъ письмо 4-го іюня, писанное тобою 1-го іюня. Поклонись Ѳ. Мих. и Е. М., поцѣлуй и благослови Лизу и Соню, будьте всѣ здоровы, сохрани васъ Господь для моего счастья и меня для васъ; совершенно все затихло; батареи, флотъ спокойны; изъ Керчи и Азовскаго моря никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. До свиданія, дорогая моя Любинька! Остаюсь благословляющій васъ отецъ

А. Панфиловъ.

9.

Бастіонъ № 3.

10 іюня, 9 часовъ утра, пятница.

Дорогая моя Любинька! Письма твои отъ 3 и 7 іюня получилъ вчера, въ 9 часовъ вечера. Благодарю Господа, что вы всѣ поправились и здоровы. Родная моя, неужели ты думаешь, что у меня не болитъ сердце, и мнѣ тяжелѣе всего не видѣть васъ, но что же дѣлать, и кто будетъ защищать Севастополь, въ особенности теперь. На 3-мъ бастіонѣ остались: я, Деливронъ и мичманъ Яновскій; остальные всѣ вновь поступили, и то и дѣло, за ранами и контузіями, уходятъ въ госпиталь по серьезнымъ болѣзнямъ. Что же, если я еще могу служить и исполнять обязанности, крайне необходимые, и я уйду? Что же тогда я буду думать о себѣ? А присяга, мною принятая, гдѣ я клялся не щадить жизнь до послѣдней крайности! Не соблазняй и не искушай, а подкрѣпи меня своими утѣшеніями къ защитѣ Севастополя и къ исполненію своего долга. Съ какимъ счастьемъ увидимся, ежели Господь поможетъ окончить эту войну и отстоять Севастополь! Твердо уповаю на Бога, молюсь и прошу Его исполненія своей обязанности точно и неупустительно, работаю и хлопочу по исправленію своего бастіона и батарей, а теперь еще улаживаю между собой армейскихъ, у которыхъ столько вздорныхъ претензій и жалобъ одного на другого, которыя надо ра-

★

зобратъ и уладить. Мнѣ дали на отдѣленіе командовать сухопутными войсками г.-м. Лисенко, командира 9-й дивизіи, и теперь по счету у меня четыре полка и два баталіона, которые стоятъ всѣ безотлучно по батареямъ и готовы каждую минуту вскочить на брустверъ и отразить нападающихъ. Помогите, Господи! Послѣ отбитія штурма у людей совсѣмъ другой духъ сталъ: бодрѣе, веселѣе переносятъ тяжелую жизнь на бастіонѣ, и всѣ просились взять обратно Камчатскій редутъ. Немного окуражить солдатъ — и они гораздо лучше и бодрѣе дѣлаются. Кто это, родная моя, распустилъ слухъ насчетъ меня? Значить, долго жить. Пожалуйста, будь осторожна и не вѣрь всякому вздору. Есть выдумка отъ бездѣлья или чтобы новость распустить. У васъ, въ Николаевѣ, Власевѣ и Гербачевѣ—компанія новостей. Въ послѣдніе дни къ намъ на дворъ три бомбы попали, но вреда дому не сдѣлали; сарай и рамы въ его окнахъ всѣ вышибли, а домъ, кромѣ столовой, цѣлъ — можно жить. Крыша кусками набита, но это еще можно починить. Да, родная моя, штурмъ; дѣло великое отбить его. Вчера Горчаковъ пріѣзжалъ на мое отдѣленіе, цѣловалъ меня, благодарилъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и въ особенности къ морскимъ обращался.

5 часовъ пополудни.

Сію минуту пріѣхалъ верхомъ изъ города; обѣдалъ у Нахимова. 2-я дивизія пришла уже къ Горчакову, но утѣшительнаго ничего нѣтъ и неизвѣстно, что предпримутъ. У Горчакова семь пятницъ на часу. Насчетъ Миши нечего и думать объ отправкѣ, покуда не вышлютъ офицеровъ изъ Николаева; кого ни пошлютъ въ Николаевъ, всѣ и остаются. У меня на бастіонѣ два молодыхъ офицера и еще армейскій прапорщикъ и ежедневно убываютъ. На многихъ бастіонахъ уже унтеръ-офицеры батареями командуютъ, а все вашъ прославленный М. держитъ изъ дружбы къ Нахимову—не отправляетъ офицеровъ. Сегодня, въ 7 ч. веч., нарочно посылается курьеръ къ М., чтобы выслать празднующихся офицеровъ изъ Николаева. Рѣшительно офицеровъ морскихъ нѣтъ—всѣ уѣхали: кто раненъ, кто курьеромъ. Пособи и помогите, Господи, отстоять Севастополь! Заѣзжалъ къ намъ въ домъ. Жить еще можно, но все-таки стекла выбиты, а большія, толстыя—держатся и мало побито. Искать чего-нибудь дѣтямъ послать; рѣшительно ничего не нашелъ. А Нахимовъ посылаетъ конфетъ петербургскихъ, привезенныхъ Коломенцевымъ, но дрянныя и дорогія. Все-таки Нахимовъ усердно напрашивается ихъ послать съ курьеромъ. Поклонись Ѳеодору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Пожелай успѣха въ леченіи и душевнаго спокойствія. Баумгартенъ мѣсяца не пробылъ на 4-мъ

бастіонѣ и такой рапортъ хохлатскій написалъ, что не чувствуетъ себя способнымъ на подобную службу, и уѣхалъ лечиться въ Россію. Да, немного армейскихъ у насъ патріотовъ!

До свиданія, моя дорогая Любимька! Молись Богу о сохраненіи Севастополя. Я всю надежду имѣю на Господа: угодно Ему сохранить—сохранить, а нѣтъ, то да будетъ Его святая воля. Благослови Лизу и Соню. Я думаю, много выросли послѣ всѣхъ пережитыхъ болѣзней. Боже, приведи увидѣть васъ! Какой будетъ счастливый день! Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

Р. S. Попроси извиненія, что не пишу отдѣльно Ѳедору Михайловичу. Ей-Богу, некогда, да и не идетъ въ голову, что писать. Ты видишь, какое я тебѣ разбросанное письмо написалъ. У насъ страшная жара и совершенный штиль. Сегодня по горизонту собирались тучи, но все разнесло, и нѣтъ надежды на дождь, который намъ такъ нуженъ, какъ манна египетская. Сушь и сушь. Пиши, пожалуйста, сестрѣ. Я сегодня писалъ и опять повторяю о высылкѣ тебѣ банковаго билета. Когда-то я васъ увижу, дѣти, Лиза и Соня? Поцѣлуй и обними крѣпко-крѣпко. Приведи, Господи, спаси и сохрани для васъ.

А. Панфиловъ.

10.

Пятница, 17 іюня, 10 часовъ утра. 3-й бастіонъ.

Дорогая моя Любимька! Письмо твое получилъ отъ 11 іюня и тороплюсь сегодня отвѣтить по простой почтѣ. Насчетъ моей раны не безпокойся: совсѣмъ зажила, только синева еще осталась; но и ничего не чувствую, и не ожидаю никакихъ послѣдствій. Родная моя, какъ можно теперь, въ настоящее время, думать оставить Севастополь, если здоровье и силы позволяютъ. Что дѣлать! Долгъ отечеству сильнѣе долга семейству. Да будетъ Его святая воля. Что угодно Ему, то и будетъ, а безъ важной причины оставить свой важный постъ—грѣхъ и противно присягѣ. Сохрани и помилуй Господь—вотъ моя ежеминутная мысль—и дай силы и крѣпости перенести это страшное время. У насъ слухи носятъ, что англичане очень желаютъ мира и что большая надежда, и что это пишетъ Горчаковъ изъ Вѣны. Это мнѣ Хрулевъ говорилъ, да и въ газетахъ англійскихъ, рѣчи въ парламентѣ бывшихъ министровъ—всѣ говорятъ, чтобы миръ заключить. Дай, Господи. За отбитіе штурма мы уже сегодня по телеграфу царское спасибо получили

13 іюля Горчаковымъ. Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поцѣлуй и благослови дѣтей. Береги себя и дѣтей для моего счастья.

А. Панфиловъ.

Р. S. Отчего вы вздумали выѣзжать изъ Николаева? Развѣ Николаевъ—Керчь? Но если это нужно, то съ Богомъ. Куда наши поѣдутъ, туда и ты. Не нужно на этотъ случай лошадей — переговори съ Ѳедоромъ Михайловичемъ. У насъ перепалка, и ружейная сильная слышится. Вотъ другой день, что дождь перепадаетъ и освѣжаетъ наши батареи, а то страшная пыль была, вѣтромъ разносило и дышать нельзя было на батареяхъ. Я писалъ Ѳедору Михайловичу отвѣтъ на его письмо, а теперь, родная моя, ни времени, ни мысли нѣтъ. Всю ночь не спалъ: ожидалъ опять штурмъ; днемъ — бумаги и обходимъ бастіоны. Одурь находить и памяти нѣтъ.

11.

Воскресенье, 6 часовъ вечера, 19 іюня. 3-й бастіонъ.

Дорогая моя Любинька! Сегодня былъ въ церкви Михайловской и потомъ у Нахимова обѣдалъ, и сейчасъ вернулся на бастіонъ. Благодарю Господа: хранить цѣлымъ и невредимымъ. Твое письмо получилъ въ четвергъ вечеромъ. Въ пятницу отвѣчалъ по простой почтѣ, а сегодня Михаилъ Шмидъ съ моего отдѣленія отправляется курьеромъ. У него отецъ померъ и мать больна. Въ городѣ Асланбеговъ сегодня рассказывалъ, что онъ былъ въ главной квартирѣ и видѣлъ маршрутъ войскамъ, должнымъ скоро прибыть въ Крымъ, и что очень много, 4-я, 5-я дивизіи, гренадерскій корпусъ и до 30-ти тысячъ ополченцевъ, которые должны идти на пополненіе полковъ и, говорятъ, черезъ двѣ недѣли всѣ должны быть въ нашемъ лагерѣ. Дай Богъ выйти изъ этого страшнаго положенія. Сегодня на 3-мъ отдѣленіи—малая пальба; даже бомбъ до сихъ поръ мало бросали — не знаю, чему приписать: воскресенье они всегда больше стрѣляютъ изъ ружей. Мы оправились батареями, прибавивъ орудій. Погода послѣ дождя чудесная. Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поцѣлуй дѣтей и береги себя. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

Р. S. Сегодня не удалось зайти домой. Послѣ обѣдни былъ у раненаго Тотлебена въ икру ноги навылеть. Рана заживаетъ хо-

рошо, но вставать еще не скоро можетъ. Вчера вечеромъ много бомбъ бросали на Николаевской площади, а сегодня я хотѣлъ идти во Владимірскую церковь, но опоздалъ и поѣхалъ въ городъ, и видѣлъ, какъ бомба попала во Владимірскую церковь. Вотъ, значитъ, Господь хранитъ. Не знаю, что она тамъ задѣла, но, возвратясь на бастионъ, сказали—во Владимірскую упала бомба во время службы; и я издали видѣлъ большую пыль около этой церкви. Господи, Господи, спаси и сохрани! На Тя уповаю. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Приведи, Богъ, васъ всѣхъ увидать и поцѣловать.

А. Панфиловъ.

12.

1 часъ ночи, 28 іюня. 3-й бастионъ.

Дорогая моя Любинька! Посылаю тебѣ письмо князя Горчакова. Поздравляю съ такими многими наградами. Поздравь Ѳедора Михайловича съ брильянтовой саблей. Это — прекрасная награда. Въ мирное время ея не заслужить, да и видная. За брильянты на своей саблѣ я потребую деньги, и дарю ихъ вамъ съ Лизой и Соней на брильянты. Вчера вечеромъ дали знать, что сегодня утромъ ѣдетъ курьеръ, а потому, обойдя всѣ отдѣленія, я пришелъ домой и сѣлъ на террасу у хаты, писать. Ночь тихая, но перепалки частыя—ружейныя, пушечныя и бомбы. Мы много палили; не даемъ имъ работать, укрѣпляться, и они отвѣчаютъ. Тихо на дворѣ. Пишу при свѣчкѣ, которую почти не шевелить вѣтеръ, а только пальба и раскаты выстрѣловъ непрерывны. Днемъ было тихо, кромѣ бомбъ, которыхъ много бросали на 3-й бастионъ и теперь исправляютъ. Много рабочихъ. Но, слава Богу, ночью бомбы перелетали, а днемъ всѣ въ брустверъ попадали. Вчера былъ званъ обѣдать къ Горчакову на Сѣверную, но потомъ сказали—въ лагерь, и я не поѣхалъ такъ далеко и въ 4 часа. Жалѣю, потому что Иннокентій тамъ обѣдалъ. Ждемъ постоянно штурма, но, кажется, непріятель знаетъ, что мы совершенно готовы къ отпору. Но каждую ночь у него большое число войскъ въ траншеяхъ. Лазутчикъ или перебѣжчикъ сказалъ, что у него будутъ войска въ сборѣ съ 23 по 28 іюня; что въ эти дни назначено, если найдутъ возможнымъ, штурмовать. Вѣроятно, ты получишь эти письма 29, въ день твоего рожденія. Поздравляю, родная моя, и желаю увидаться поскорѣе. Я хлопоталъ, чтобы съѣздить въ Николаевъ, но это можно сдѣлать не иначе, какъ подать рапортъ больнымъ, но я здоровъ, а только страшно усталъ, измучился. Когда-то Господь приведетъ васъ увидать. На-

грады: Нахимову—аренда въ 2.000 руб., Розену — по чину, Юка-
рину—Анна съ короной, Клемченкову, Керну, Винку — аренда по
800 руб., Никонову—Владиміръ на шею. Бутковичу—корону на Анну
и еще нѣсколько молодымъ, но немного; дальше — разночинцамъ.
Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поздравь
съ прекрасною наградой. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Будьте
здоровы. Богъ дастъ, можетъ быть, конецъ будетъ скоро. Тогда уви-
димся и забудемъ всѣ эти страсти. До свиданія!

А. Панфиловъ.

4 часа утра.

Солнце восходитъ. Штурма нѣтъ. Будемъ опять завтра ждать.
Впрочемъ, какъ будто бы они отложили. Вчера былъ послѣдній
день, ими назначенный для штурма и сбора войскъ.

13.

Среда, 29 іюня, 2½ часа по полудни. 3-й бастионъ.

Поздравляю съ днемъ ангела. Желаю тебѣ здоровья и поскорѣе
увидѣться. О, я для твоего рожденія получилъ приказъ отъ Горча-
кова вступить въ должность военнаго губернатора города Севасто-
поля, командира порта и помощника Сакена. Вчерашній день 3-й
бастионъ выдержалъ 5-ю бомбардировку сильнѣе всѣхъ четырехъ.
Началась въ 4 часа утра до часу по полудни и съ 4-хъ часовъ по
полудни до 8 часовъ вечера. Страшныя потери въ людяхъ, и ба-
стионъ избитъ былъ весь и разрушенъ. Всѣ англійскія батареи, всѣ
орудія были обращены на 3-е отдѣленіе и въ особенности на 3-й
бастионъ. Это было избіеніе рода человѣческаго. Страшно написать.
Ни на одномъ бастионѣ во все бомбардированіе этого не было. Всѣ
англійскія батареи направляли огонь на 3-й бастионъ и батарею
около него. Въ 6 часовъ вечера пріѣхалъ ко мнѣ Нахимовъ, по-
шелъ по всему отдѣленію подъ страшнымъ, сильнымъ огнемъ, бла-
гополучно обошелъ всѣ батареи, а когда онъ сѣлъ на лошадь, и я
прощался съ нимъ, мнѣ попала пуля въ лѣвую сторону груди, но
не пробила даже сюртука—странный случай при прощаніи! Нахи-
мовъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ, гдѣ во весь день не было ни
одного выстрѣла. Пріѣхавъ туда, вошелъ на брустверъ; смотрѣлъ
изъ-за мѣшка на непріятельскія работы. Пуля попала въ мѣшокъ,
на который онъ облокотился, и только сказалъ: „мѣтко стрѣляютъ“,
какъ слѣдующая пуля попала въ лѣвую бровь и вышла за лѣвымъ
ухомъ. Онъ упалъ и былъ безъ памяти, даже пульсъ остановился.
Его перевезли на Сѣверную, въ бараки. Сегодня я былъ у него,

но онъ лежитъ безъ памяти и, кажется, нѣтъ надежды на выздоровленіе. Потомъ я поѣхалъ въ городъ, чтобы просить, хоть на два дня въ городъ пожить. Въ четыре часа опять началась бомбардировка, но не такъ сильно. Мы начали отвѣчать, и въ 6 часовъ утра прекратили, а въ 8 часовъ утра начали рѣдко бросать бомбы. Я одѣлся и собрался ѣхать къ Нахимову, какъ пріѣзжаетъ Сакенъ съ генераль-адъютантомъ Вревскимъ и объявляютъ, что Горчаковъ назначаетъ меня его помощникомъ на мѣсто Нахимова. Я благодарилъ и сказалъ, что есть старше меня, но онъ отвѣчалъ, что это выборъ Горчакова, и я не прочь былъ, потому что хоть на нѣсколько дней отдохнуть отъ ужасной постоянной службы. Просто такъ тяжело стало, что средствъ нѣтъ. Вчерашніе 16 часовъ страшное избиеніе. Видѣть это — выше силъ самаго хладнокровнаго; видѣть ежеминутно валяющихся и несущихъ убитыхъ и раненыхъ! Я сегодня, въ 6 часовъ вечера, отправился въ городъ, что Богъ дастъ, къ временной новой должности. Вчера вечеромъ послалъ курьера и, кажется, требуютъ Метлина въ Севастополь, не знаю, зачѣмъ. Но я болѣе на бастіонъ не пойду, если Богъ дастъ уйти благополучно. Сегодня я обѣдалъ въ клубномъ ледникѣ, гдѣ живутъ Ключниковъ и Кутровъ, а въ половинѣ второго поѣхалъ домой, на бастіонъ, сдать должность Никонову. Въ пять часовъ у меня будутъ Хрулевъ, Васильчиковъ для разныхъ соображеній насчетъ 3-го отдѣленія. Я переберусь въ домъ Нахимова, а потомъ — въ Николаевскую батарею. Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Пожелай здоровья и всѣхъ благъ отъ Господа. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню, дорогихъ моихъ. Приведи Богъ увидѣть васъ.

Четвергъ, 30 іюня, 7 часовъ утра. Севастополь. Нахимовскій домъ. — Ну, родная моя, не вѣрится, что я въ городъ, и что я не наблюдаю за цѣлью и ночь спалъ, а на бастіонѣ до отчаянья доводитъ постоянная тревога въ душѣ. И въ самомъ дѣлѣ, нздо быть неусыпнымъ и неутомимымъ. Теперь у меня являются и собираются лица по всему управленію. До свиданія, моя дорогая! Береги себя и дѣтей. Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

Сію минуту пріѣхалъ съ Сѣверной стороны отъ Нахимова. Былъ консилиумъ и, говорятъ, нѣтъ никакой надежды на жизнь. Лежитъ, только шевелится и иногда открываетъ глаза, но никого не узнаетъ. Жаль! Много теряетъ флотъ.

14.

Севастополь, четвергъ, 30 іюня, 5 ч. веч. Домъ Нахимова.

Дорогая моя Любинька! Сегодня утромъ послалъ тебѣ письмо по курьерской почтѣ, а теперь отправляю курьера съ донесеніемъ о смерти Нахимова. Умеръ сегодня въ 7 минутъ двѣнадцатаго утра, а въ 3 часа перенесли съ Сѣверной въ его домъ, отслужили панихиду, а теперь читаютъ священники Евангеліе.—Я назначенъ Горчаковымъ на мѣсто Нахимова, помощникомъ Сакена, военнымъ губернаторомъ и командиромъ порта, а вчера вечеромъ перебрался въ домъ Нахимова на время, пока готовятъ квартиру въ Николаевской крѣпости, гдѣ всѣ вмѣстѣ живутъ. Слишкомъ дорогою цѣной я избавился отъ 3-го отдѣленія, но доходилъ до тяжелаго состоянія, а прошедшую ночь провелъ спокойно въ домѣ Нахимова. Сегодня принималъ должность, подписывалъ бумаги, узнавалъ относящееся къ должности. По отправленіи къ тебѣ письма, я получилъ твое письмо отъ 25 іюня. О вышедшихъ наградахъ я послалъ тебѣ письмо Горчакова. Дай Богъ успѣха Муравьеву на Кавказѣ; можетъ быть, что поможетъ и приблизить турокъ къ миру. Дай Господи! Насчетъ Миши—при случаѣ, пришлю въ Николаевъ. Дай Господи, чтобы сонъ твой поскорѣе сбылся, и я бы имѣлъ на рукахъ Лизу и Соню. Приведи, Боже! Заплачу отъ радости. Сегодня я видѣлъ и встрѣчалъ Нахимова, и вносили его въ домъ. Какъ ни старался удержаться—не удержался и сильно прослезился; облегчило сердце. Насчетъ офицеровъ (цынги)—это вздоръ, и въ особенности у Зарина, который сію минуту былъ у меня. — Да, не худо Ѳедору Михайловичу на водахъ полечиться, и не надо упускать лѣтняго времени. Я писалъ Ѳедору Михайловичу по курьерской почтѣ и тебѣ тоже, въ одно время.

Англичане и французы 28 іюня задали 5-ю бомбардировку 3-му отдѣленію. Страшное было избіеніе людей. Потери были гораздо больше всѣхъ прежнихъ бомбардировокъ. Въ 6 часовъ вечера я проходилъ съ Нахимовымъ подъ страшнымъ огнемъ по всему отдѣленію. Когда мы прощались, меня ударила пуля въ лѣвую сторону груди и ничего не сдѣлала, а Нахимовъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ, куда ни одного выстрѣла не было, и былъ почти убитъ штуцерною пулей въ лѣвую бровь и надъ лѣвымъ же ухомъ она вышла, чуть захвативъ мозгъ. Когда найду время посвободнѣе, напишу длинное письмо Ѳедору Михайловичу, а теперь поклонись ему и Елизаветѣ Марковнѣ. Отчего я отъ нихъ ничего не получаю? Я

самъ рѣшительно не имѣю времени. До свиданія! Поцѣлуй Лизу и Соню. Будьте здоровы. Береги себя и дѣтей. Приведи, Боже, поскорѣе увидаться съ вами. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

15.

Воскресенье, 28 августа, 7 час. веч. Сѣверное укрѣпленіе.

Родная моя Любинька! Совершилось! Страшный ударъ. Севастополь сожженъ и взорванъ. Сегодня, въ 6 часовъ утра, всѣ вышли и я, послѣдній изъ генераловъ. Уѣхалъ съ Павловской, гдѣ я распоряжался, а потомъ заѣхалъ на Графскую, поклонился Севастополю, гдѣ уже только нѣсколько отсталыхъ—оставалось человѣкъ десять. Я всѣхъ забралъ и отправилъ на Михайловскую батарею. Ѳедоръ Михайловичъ уже былъ уѣхавши, въ 7¹/₂ часовъ утра, на Бельбекъ. А вотъ теперь онъ возвратился съ Бельбека.

Страшный ударъ отдача Севастополя! При нападеніи на Севастополь на 3-мъ бастіонѣ отбили отлично, потомъ на 5-мъ бастіонѣ, а Малаховъ курганъ не устоялъ, потому что у Хрулева у здоровой руки оторвало два большіе пальца, и онъ не могъ самъ распоряжаться. Нашихъ выбили изъ Малахова кургана, но не было начальника толковаго, и потери наши значительны, а потому Горчаковъ рѣшилъ оставить Севастополь!! До свиданія, родная моя! Говорятъ, что мы ѣдемъ въ Николаевъ. Благослови Лизу и Соню. Благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

Сообщила Е. А. Трутъ.

Отвѣтъ Ѳ. А. Макшееву.

Въ отвѣтъ на замѣтку многоуважаемаго Ѳ. А. я считаю долгомъ сдѣлать нѣсколько категорическихъ поправокъ.

1) Невѣрный счетъ начала изданія „Военнаго Сборника“ есть простая опечатка, ибо, если бы я могъ въ этомъ сомнѣваться, то мнѣ стоило бы только протянуть руку къ этажеркѣ, на которой стоятъ первыя книжки „В. С.“ 1858 г.

2) У меня нигдѣ не говорится объ интригахъ Менькова, а говорится только о тѣхъ первыхъ статьяхъ противъ „Военнаго Сборника“, писанныхъ имъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“. О дѣйствіяхъ же Менькова въ то время, когда шелъ вопросъ о преобразованіи „Русскаго Инвалида“, о тѣхъ совѣщаніяхъ, которыя происходили между нимъ и лицами, заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, я не считаю себя въ правѣ говорить.

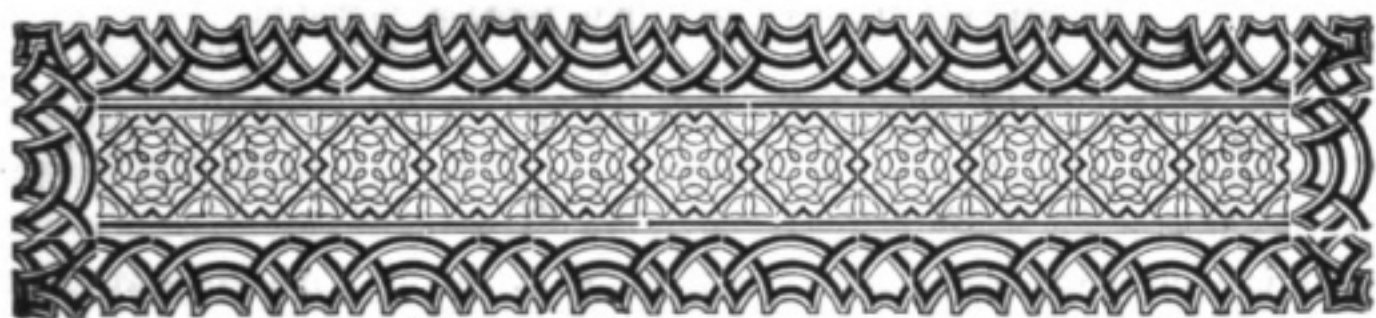
3) Невыгодныя стороны личнаго характера Менькова выдуманы не мною; я передалъ ихъ, указавъ на источникъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ тѣми, которые держатся правила: говорить о покойникахъ только хорошее или ничего не говорить. Тогда міровая и всякая другая исторія обратится въ чиновничій формуляръ съ прописью „подъ судомъ не состоялъ“.

4) Меньковъ и Штюмеръ дѣйствительно не были союзниками по договору, но были союзниками фактическими, ибо и тотъ и другой, одинъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, а другой въ цензурномъ комитетѣ, указывали на новый „Военный Сборникъ“, какъ на вредное изданіе. А что Штюмеръ потомъ пререкался съ Меньковымъ, то такова уже была натура Штюмера и его взглядъ на литературу вообще и на военную въ особенности.

5) Что „В. С.“ за все время редакторства Менькова былъ одобряемъ Государемъ и военнымъ министромъ, то это понятно, ибо какъ военный журналъ онъ вполне удовлетворялъ своей цѣли, давая цѣнныя статьи для офицеровъ и продолжая заслуживать такія же одобренія бывшимъ редакторамъ и послѣ Менькова. Такъ какъ въ этомъ отношеніи я ровно ничего не говорилъ, то почему мнѣ объ этомъ упомянуто — я не знаю. Я не только не думалъ отрицать заслугъ „В. С.“, но напротивъ нѣкоторыя статьи уважаемаго журнала нахожу настолько цѣнными, что онѣ могли бы занять видное мѣсто въ любомъ историческомъ журналѣ. Такова цѣлая монографія г. Тимченко-Рубана: „Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Пріамурья, Сахалина и Уссурийскаго края“.

Было бы желательно, если бы авторъ продолжилъ свой цѣнный трудъ и воспользовался бы богатымъ матеріаломъ, собраннымъ на мѣстѣ коммисіею, командированною по Высочайшему повелѣнію въ 1869 году.

С. Зыковъ.

Пребываніе Императора Александра I въ селѣ Грузино, Новгородскаго уѣзда, Новгородской губерніи, 7 іюня 1810 г.

Дѣтъ 10 тому назадъ, осматривая достопримѣчательности Андреевскаго собора и Аракчеевскаго дворца въ селѣ Грузино, бывшемъ вотчиной всеишняго временщика, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, я встрѣтилъ любопытную записъ о первомъ посѣщеніи села Грузино Императоромъ Александромъ I 7-го іюня 1810 года, которому, слѣдовательно, въ настоящемъ году, 7-го іюня, исполнилось ровно 100 лѣтъ. Записъ сдѣлана собственноручно графомъ Аракчеевымъ по листамъ напрестольнаго евангелія подъ печатнымъ текстомъ и только по правой сторонѣ текста. Само евангеліе особеннаго интереса не представляетъ: оно въ листъ, напечатано въ Москвѣ въ 1800 году и имѣетъ довольно красивый серебряный вызолоченный окладъ; верхняя доска оклада украшена 5-ю финифтевыми образками эллиптической формы, изъ которыхъ средній — Воскресеніе Христово, а остальные — поясныя изображенія евангелистовъ. Всѣ эти изображенія окаймлены бѣлыми камнями (стразами) и имѣютъ надъ собой корону изъ тѣхъ же камней. Между изображеніями на окладѣ чеканные узоры, и такой же красивый бордюръ идетъ по краямъ верхней доски оклада. На нижней доскѣ оклада находится горельефное изображеніе „Свыше Тя пророцы провозвѣстиша“: Богородица, окруженная пророками, предсказавшими непорочное зачатіе Сына Божія, и 4 ножки. Застежки евангелія сдѣланы въ видѣ двухъ фигуръ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Это евангеліе графъ Аракчеевъ подарилъ въ грузинскій соборъ ко дню освященія въ немъ лѣваго (Петропавловскаго) придела 1-го дека-

бря 1807 года, заплативъ за евангеліе 500 руб. Высота евангелія 11¹/₄ вершковъ, ширина—7¹/₄ вершковъ. Текстъ аракеевской надписи таковъ:

„Сіе евангеліе куплено въ Санктъ-Петербургѣ ценою пятьсотъ рублей подаваніемъ благочестивыхъ и добрыхъ крестьянъ моей грузинской вотчины 1807 года ноября 30-го дня ко дню праздника грузинскаго села святаго апостола андрея первозваннаго во время владѣнія онымъ селомъ и вотчиною генерала отъ артиллеріи и кавалера всей російской артиллеріи графа алексѣя андреевича, сына аракеева.

Грузинская церковь святаго апостола андрея первозваннаго и село грузино имѣло счастье быть посѣщено 1810 году іюня 7 дня (тысяча восемьсотъ десятого году) іюня въ седьмой день, что было тогда во вторникъ на другой день духова дня всеросійскимъ Государемъ Императоромъ Александромъ первымъ въ знакъ его высочайшаго благоволенія къ подданному своему помещику онаго села генералу отъ артиллеріи и разныхъ орденовъ кавалеру графу Алексѣю андреевичу сыну аракееву слѣдующимъ образомъ:

Государь Императоръ возвращался изъ города Твери отъ великой Княгини Екатерины Павловны со станціи чудово изволилъ поворотить по Тихвинской дорогѣ будучи въ чудовѣ встрѣченъ графомъ прибылъ въ деревню слободу ночью въ двѣнадцатомъ часу, гдѣ оставя экипажи изволилъ сестъ въ изготовленный отъ графа трешкотъ самъ третій, т. е. Его Величество, графъ Аракеевъ и оберъ Гофмаршалъ графъ Толстой гребцами на трешкотѣ были съ пристани емщики по переѣздѣ разлива отъ слободы до церкви николая чудотворца изволилъ государь на берегу сестъ съ графомъ въ приготовленные дрожки а графъ Толстой особо въ линейку, и такимъ образомъ отправились въ грузино, куда къ перевозу пріѣхали уже по полуночи во второмъ часу по переѣздѣ волхова на плоту государь изволи¹ отъ пристани въ домъ итти пѣшкомъ по входѣ въ домъ изволи¹ занять въ нижнемъ этажѣ спальню и уборную, гдѣ раздѣвшись изволи¹ лечъ поживать выкушавъ только двѣ чашки чаю. По утру осьмага числа изволи¹ пробудиться въ восьмомъ часу, а въ девятомъ часу уже былъ совсѣмъ одѣтъ, и осмотря покои верхняго этажа и бельведеръ изволилъ съ графомъ пойти въ церковь, гдѣ встрѣтило его духовенство съ крестомъ и святою водой и проводило въ церковь. Государь изволилъ осмотрѣть всю церковь а изъ оной изволи¹ съ графомъ пойтить въ садъ, гдѣ изволилъ гулять по всему саду осматривать пруды, памятникъ старика исака и деревянный домъ, а въ одиннадцатомъ часу возвратился въ каменный домъ гдѣ изволи¹ въ нижнемъ

этажѣ въ гостинной фриштыкать съ графомъ хозяиномъ и графомъ Толстымъ а послѣ фриштыка изволилъ съ графомъ хозяиномъ сестъ въ дрожки а графъ Толстой въ шведской одноколкѣ и поѣхалъ осматривать деревни, именно Грузино, Хотитово, Модня, Новую деревню, Графскую слободку, въ концѣ коей поворотить обратно, и проѣхалъ въ Мотылье, а изъ оной въ Хотитово, возвратился въ грузино по садовой дорогѣ, къ прудамъ, гдѣ сойдя съ дрожекъ изволилъ вторично гулять въ саду и посѣщать вторично деревянной домъ, а въ два часа пополудни возвратился въ домъ каменной и изволилъ кушать за обѣденнымъ столомъ въ верхнемъ этажѣ въ залѣ съ хозяиномъ графомъ и графомъ Толстымъ. Послѣ кушанья, изволилъ еще разъ осматривать покой верхняго этажа и играть одну партію въ билліардъ съ графомъ Толстымъ, послѣ онаго изволилъ сойтить въ нижній этажъ и въ своей комнатѣ изволилъ заниматься государственными дѣлами отправя въ С.Петербургъ и въ Тверь курьера (фельдъ-егеря) въ 6-мъ часу изволилъ выйти въ Гостинную нижняго этажа комнату, гдѣ кушать чай, а послѣ онаго изволилъ еще разъ гулять въ саду, и въ седьмомъ часу пополудни изволилъ отбыть изъ грузино, объявивъ хозяину весьма милостивое благоволеніе, на перевозѣ реки волхова изволилъ съ плота сестъ въ простую тутъ бывшую лодку въ нее посадя графа хозяина и графа Толстаго изволилъ самъ грестъ веслами и перевести чрезъ всю рѣку, будучи весьма веселъ; по переѣздѣ волхова изволилъ поѣхать съ хозяиномъ на дрожкахъ до Николы, гдѣ изволилъ проститься съ графомъ хозяиномъ и на прежнемъ трешкотѣ съ графомъ Толстымъ переѣхавъ разливъ изволилъ въ деревнѣ слободѣ сестъ въ свой экипажъ и отправиться въ С.Петербургъ. Сія лодка и весла кои удостоились перевозить монарха сохраняются въ грузинѣ, Государь Императоръ въ С.Петербургѣ по возвращеніи своемъ удостоилъ графа Аракчеева отъ 21-го іюня за собственноручнымъ подписаніемъ рескрипта, въ коемъ изволилъ изъяснить къ сведенію всей россійской имперіи свое высочайшее благоволеніе графу Алексѣю Андреевичу. Графъ Аракчеевъ въ знакъ благодарности апостолу Христову андрею первозванному сей рескриптъ государевъ подарилъ въ церковь божію для вечнаго храненія въ особомъ бронзовомъ ковчеге внизу портрета государя императора Александра перваго. Содержаніе же рескрипта слѣдующіе который списанъ съ подлиннаго въ присутствіи графа Аракчеева капельмейстеромъ (Его) Семеномъ Алексѣевымъ:

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Устройство и порядокъ, который лично видѣлъ Я въ деревняхъ вашихъ при посѣщеніи васъ на воз-

вратномъ пути Моемъ изъ Твери доставили мнѣ истинное удовольствіе. Доброе сельское хозяйство есть первое основаніе хозяйства государственнаго. Посему Я всегда съ особеннымъ вниманіемъ взираю на всѣ свѣдѣнія доходящія ко мнѣ о благоустройствѣ частнаго сельскаго управленія и всегда желалъ, чтобы число добрыхъ и попечительныхъ помѣщиковъ въ отечествѣ нашемъ умножилось. Надѣяться должно, что примѣры ихъ изгладятъ постепенно слѣды тѣхъ неустройствъ, кои къ сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ необдуманная роскошь или небреженіе доселѣ въ сей части оставляли. Бывъ личнымъ свидѣтелемъ того обилія и благоустройства, которое въ короткое время безъ принужденія, однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ успѣли въвести въ вашихъ селеніяхъ, Я поспѣшаю изъяснить вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое вы Мнѣ симъ доставили. Когда съ дѣятельностью государственною службою сопрягаются примѣры честнаго добраго хозяйства, тогда и служба, и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе.

Пребываю вамъ всегда благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою Александръ. въ Санктъ-Петербурхѣ двадцать перваго іюня тысяча восемьсотъ девятого году“

Это же событіе графъ Аракчеевъ записалъ вторично на прокладныхъ листахъ принадлежащаго ему евангелія, среди другихъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, но въ болѣе сокращенномъ видѣ, такимъ образомъ:

„Іюня съ 7-го на 8-е число 1810 года, что было съ понедѣльника на вторникъ, Государь Императоръ Александръ I, возвращаясь изъ Твери, нарочно изволилъ заѣхать въ Грузино, посѣтить графа Аракчеева, прибывъ ночью во 2-мъ часу, изволилъ лечь почивать, а по утру 8-го числа, въ 9 часовъ, одѣвшись, изволилъ посѣщать церковь, и гулялъ по всему саду и селенію до 11 часовъ, потомъ, возвратясь въ домъ, изволилъ фрыштикать, и потомъ съ графомъ Аракчеевымъ ѣздить на дрожкахъ по деревнямъ, и, возвратясь во 2-мъ часу, изволилъ имѣть обѣденный столъ, и послѣ обѣда пробылъ до 7-ми часовъ вечера, и потомъ изволилъ отправиться въ С.-Петербургъ, и былъ чрезвычайно доволенъ и веселъ“.

Гдѣ въ настоящее время находится аракчеевское евангеліе съ его собственноручными автобіографическими замѣтками на прокладныхъ листахъ, я не знаю, но всѣ эти замѣтки полностью помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1866 годъ (книга 36-я, стр. 922—927).

Въ грузинскомъ соборѣ было еще одно евангеліе съ любопыт-

ной аракчеевской записью о вторичномъ посѣщеніи села Грузино Императоромъ Александромъ I 8-го іюля 1816 года, но теперь его тамъ нѣтъ, и куда оно дѣвалось, неизвѣстно, текстъ же этой записи сохранился въ журналѣ „Пчела“ за 1877 годъ (№ 49) и въ „Памятной Книжкѣ Новгородской губерніи“ за 1878 г. (стр. 46—48).

Въ виду рѣдкости вышеназванныхъ изданій, считаю необходимымъ привести здѣсь эту запись полностью въ двухъ редакціяхъ: въ полной, какъ записалъ графъ Аракчеевъ въ нынѣ утраченномъ евангеліи, и въ краткой редакціи, какъ записано въ автобіографическихъ замѣткахъ графа на прокладныхъ листахъ его евангелія.

Запись о вторичномъ пребываніи въ Грузино Императора Александра I 8-го іюля 1816 года слѣдующаго содержанія:

„1816 года іюня 8 дня, Государь Императоръ Александръ Павловичъ вторично изволилъ посѣтить село Грузино, что происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ субботу въ 9 часовъ вечера, прибылъ въ Грузино Его Величества камердинеръ и сказалъ о скоромъ прибытіи Государя, что услыша графъ переправился на другую сторону Волхова для встрѣчи Государя. Въ 10¹/₂ часовъ Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Грузино съ генераль-адъютантомъ княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ и вышелъ изъ коляски, по обыкновенномъ привѣтствіи, сѣлъ въ катеръ и переправились чрезъ Волховъ. У перевоза нѣсколько собравшагося народа ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія Государя, коему Его Величество кланяясь ласково привѣтствовалъ сими словами: „здравствуйте, мужички!“ Съ пристани Государь въ сопровожденіи графа и князя Волконскаго изволилъ пойти по горѣ мимо собора въ каменный домъ, гдѣ, напившись чаю, изволилъ лечь опочивать, что было въ началѣ 12 часа. Въ воскресенье (9 іюня) по утру, Государь изволилъ проснуться въ 7-мъ часу, откушавъ чай и одѣвшись въ форменный сюртукъ, изволилъ осматривать нижній этажъ каменнаго дома. Послѣ чего вмѣстѣ съ графомъ и княземъ Волконскимъ пошли гулять въ садъ, которая прогулка происходила такимъ образомъ: Вышедъ изъ каменнаго дома, пошли прямо въ деревянный домъ, оттуда въ гротъ, изъ коего къ лѣтнимъ горамъ, а оттуда переѣхавъ чрезъ прудъ на плотикъ, шли по еловой аллеѣ къ палаткѣ поставленной на возвышеніи, позади библіотеки. Потомъ по ѣзжалой дорогѣ прошли въ чугунныя ворота (кои находятся при выходѣ изъ сада) и продолжали прогулку по каменному мосту, съ коего усмотрѣвъ Государь храмъ благодарности, посвященный генералу Мелисину, воспитателю графа, изъявилъ желаніе осмотрѣть оный, для чего прошедъ мостъ и пошли поличкомъ къ магазейну на пристань. Куда и поданъ былъ яликъ, на которомъ

и поѣхали на островокъ съ гаванью къ храму Мелисина. Послѣ сего чрезъ березовую нижнюю большую аллею прошли къ каменному дому и на нижніе круглые террасы посмотрѣвъ комнаты, въ коихъ приставалъ князь Волконскій, т. е. въ баенномъ флигелѣ, пошли въ палатку, стоящую въ большой липовой аллеѣ, въ которой представленъ былъ фриштыкъ, а отъ фриштыка возвратились въ каменный домъ, тогда уже было времени 10 часовъ. Въ сіе время начался благовѣстъ къ обѣднѣ, и когда были прочитаны часы и все приготовлено, тогда Государь, одѣвшись въ мундиръ, изволилъ идти въ соборъ, сопровождаемъ графомъ и княземъ Волконскимъ. При входѣ въ соборъ, Его Величество по обыкновенію былъ встрѣченъ священно и церковно-служителями съ крестомъ и святой водой. Послѣ сего по вступленіи въ церковь тотчасъ началась божественная литургія, въ продолженіе которой Государь изволилъ стоять противъ образа Св. Апостола Андрея Первозваннаго, у праваго клироса, и по окончаніи божественной литургіи изволилъ осмотрѣть памятники въ соборѣ Императору Павлу I и убіеннымъ офицерамъ полка графа Аракчеева. Изъ собора возвратились въ каменный домъ, Государь изволилъ отдыхать до самого обѣда, который начался въ 2 часа пополудни, во время стола играла духовая музыка въ саду, въ аллеѣ между домомъ; столъ продолжался до 3^{1/2} часовъ. Вставъ изъ за стола, изволилъ осматривать верхній этажъ, и кушать кофе въ боскетѣ, и послѣ ходилъ на бельведеръ и любовался на вновь построенныя деревни, сосчитавъ всѣ деревни самъ, гдѣ и изволилъ сидѣть на кушеткѣ нѣсколько времени съ графомъ до 6^{1/2} часовъ. А въ сіе время Государь съ графомъ поѣхали въ дрожкахъ по берегу рѣки Волхова въ дер. Ваю, оттуда въ переходъ, и оттуда по дорогѣ на проську и проѣхали въ Мотылю и Модню, гдѣ останавливаясь осматрѣлъ церковь на кладбищѣ, прочиталъ всѣ надписи, а изъ Модни проѣхалъ въ Березовецъ, а оттуда въ Графскую слободку, гдѣ входилъ въ угловой домъ къ крестьянину Дмитрію.... но пожаловалъ 50 руб., а потомъ въ Новой деревнѣ проѣхалъ по улицѣ къ островку и возвратясь обратно у Яковлева дома, зайдя въ оный осматрѣлъ всѣ избы, изволилъ кушать молоко и пожаловалъ ему 100 рублей. Изъ Новой деревни возвращаясь въ Грузино чрезъ Модне и Хотитово, гдѣ и изволилъ заходить въ домъ къ головѣ, осматрѣлъ оный и изволилъ поговорить съ головою, приказывая ему представить сыновей съ ихъ женами, а потомъ вышедъ изъ дому сѣлъ на дрожки и поѣхалъ въ Грузино, гдѣ останавливался противъ качелей и разговаривалъ съ народомъ, а потомъ проѣхалъ мимо священническихъ домовъ и обратно чрезъ мостъ, вышелъ на площади съ дрожекъ и осматрѣлъ домикъ, построенный на площади,

подъ названіемъ швейцарскій, а потомъ изволилъ пѣшкомъ возвратиться чрезъ чугуныя ворота по березовой аллеѣ до гротовъ, гдѣ вышелъ на оныя и мимо деревяннаго дома возвратился чрезъ круглый балконъ въ каменный, что ужъ было въ 9 часовъ вечера, гдѣ изволилъ кушать съ графомъ чай въ левантиновой комнатѣ, куда возвратился и Князь Волконскій, который оставался отъ Государя въ Грузинѣ для отправленія въ С-Петербургъ фельдъегеря, и повстрѣчавшись съ Государемъ на гуляньи въ Моднѣ, гдѣ Государь приказалъ ему ѣхать въ Новую деревню и осмотрѣть оную, послѣ чаю Государь изволилъ заниматься опять дѣлами съ графомъ до 10 часовъ, послѣ чего распрощавшись съ графомъ, изволилъ лечь опочивать, въ 11 часу. Въ понедѣльникъ по утру изволилъ проснуться въ 5 часовъ и откушавъ чай изволилъ отправиться въ 6 часовъ изъ Грузина обратно въ С.-Петербургъ, простившись съ графомъ за Волховомъ. До Волхова же изволилъ идти пѣшкомъ и у собора изволилъ подходить къ протопопу и старшему священнику. Прогулка по деревнямъ Государя Императора составляла 19 верстъ 10 іюня 1816 года въ Грузинѣ“.

Вторичное посѣщеніе Императоромъ Александромъ I Грузина графъ Аракчеевъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ на прокладныхъ листахъ евангелія отмѣтилъ такъ:

„Іюля 8-го 1816 г. что была суббота, Государь Императоръ Александръ I-й изволилъ нарочно пріѣхать изъ Царскаго Села въ Грузино, посѣтить графа Аракчеева прибылъ 8-го, въ 10 съ половиною часовъ по полудни съ Генераль-Адъютантомъ Волконскимъ, изволилъ лечь почивать, а поутру 9 числа, въ 7 съ половиною часовъ, одѣвшись изволилъ гулять въ саду, и, пройдя чрезъ большой мостъ въ деревню до магазина, гдѣ изволилъ сѣсть въ Елботъ, заѣхалъ въ бесѣдку, посвященную Генералу Мелисину, которая очень понравилась, оттуда переѣхалъ на большую пристань Садовую и прошелъ въ палатку, гдѣ готовъ былъ фриштыкъ, и изволилъ кушать, а потомъ возвратился въ домъ, уже въ 10 часовъ утра, въ которое время начали благовѣстить къ обѣднѣ“.

Оба посѣщенія села Грузина, Императоромъ Александромъ I графъ Аракчеевъ еще увѣковѣчилъ на металлической доскѣ въ стѣнѣ грузинскаго собора по сторонамъ бронзоваго золоченаго ковчега художественной работы, въ которомъ хранится подлинный благодарственный рескриптъ Императора Александра I-го графу Аракчееву по случаю перваго посѣщенія села Грузино 7 іюня 1810 года и французскій переводъ этого же рескрипта въ желтомъ кожанномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ названія.

*

На металлической доскѣ эти посѣщенія обозначены кратко:

1810 году
7 іюн(я*)
1816 года 1819 года
8 іюня 27 іюня
1820 года 1820 года
(4*) м(а*)рт(а*) 26 іюн(я*).

Ковчегъ съ рескриптомъ помѣщенъ подъ горельефнымъ золоченымъ портретомъ Императора Александра I изъ чугуна въ сѣверо-западномъ углу средняго придѣла собора. Лодка, въ которой Императоръ Александръ I впервые переѣзжалъ Волховъ въ Грузинѣ 7 іюня 1810 года, конечно, не сохранилась, несмотря на страшное заклятіе графа Аракчеева, только чугунная доска съ полинявшими золочеными буквами на кирпичной четырехъугольной тумбѣ, сверху обитой листовымъ желѣзомъ, подъ вызолоченнымъ полинявшимъ двуглавымъ орломъ, напоминаетъ о существованіи лодки:

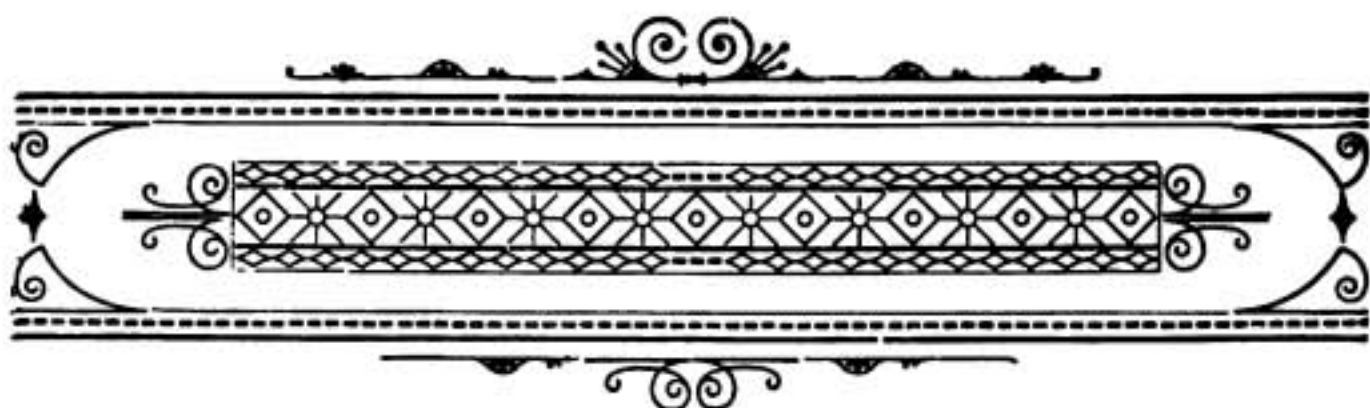
„7 іюня 1810 года. Во время посѣщенія Императоромъ Александромъ Благословеннымъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, въ означенное здѣсь время, Его Императорское Величество изволилъ въ оной лодкѣ и сими самыми веслами Самъ перевозить чрезъ рѣку Волховъ Оберъ-Гофмаршала графа Николая Александровича Толстого и графа Аракчеева; да сохраняются навѣчныя времена сіи драгоцѣнныя вещи, и да будетъ проклятъ всякой тотъ, кто осмѣлится истребить оныя“.

Какъ ни страшна эта надпись, но она все-таки не спасла лодки отъ гибели. Лодка погибла отъ небрежнаго храненія, какъ погибли и сейчасъ гибнутъ многія вещи въ грузинскомъ соборѣ и въ Аракчеевскомъ дворцѣ. *Sic transit gloria mundi!*

Н. А. Лашковъ.

*) Числа и буквы въ скобкахъ утрачены на доскѣ.

Изъ давно прошедшаго¹⁾. (1876—1879).

20 іюля 1878.

Какъ тяжело было читать объ уступкахъ и о роли подсудимой, которую разыгрывала Россія на Берлинскомъ конгрессѣ!

А, главное, вѣдь это значитъ, что черезъ 25 лѣтъ, а то и раньше—опять война!

Только вспомнить: 1810 г., 1828—29, 1854 и 1878! Еще столѣтіе не окончено, а уже 4 войны съ Турціей, и въ концѣ концовъ Берлинскій конгрессъ за подковообразнымъ столомъ, съ подсудимыми Турціей и Россіей на шипахъ подковы!

Грустно! Но мы отчасти сами заслужили...

Сегодня читалъ Герцена. (Горныя вершины).

„Какой страшный вредъ вы сдѣлали намъ во время нашего возстанія“, сказалъ ему Кошутъ „и какой страшный вредъ вы сдѣлали самимъ себѣ. Какая узкая и противуславянская политика поддерживать Австрію. Разумѣется, Австрія и спасибо не скажетъ за спасеніе: развѣ вы думаете, что она не понимаетъ, что Николай не ей помогалъ, а вообще деспотической власти“.

Къ этимъ словамъ иллюстрація:

Въ 48 году мы подавляли стремленія народа освободиться отъ Австріи.

Въ 54 году Австрія, нисколько не чувствуя себя „обязанной быть благодарной“, наноситъ намъ ужасный ударъ въ тяжелое время.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1910 г.

Въ 77—78 году Краевскій ¹⁾ и братія никакъ не могутъ установиться на почвѣ здраваго смысла, они раздуваютъ разныя фразы о благодарности, дружбѣ и пр. и пр. чувствахъ, они, въ своихъ передовыхъ статьяхъ сводятъ великую исторію, имѣющую подкладкой громадныя цѣли и интересы, на частную жизнь Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича.

По нимъ: „Андраши за насъ“ (точно у него нѣтъ чего-либо поинтереснѣе), Бисмаркъ и Вильгельмъ насъ любятъ.

Чтобы укрѣпить дружбу, Московскія дамы вышиваютъ Бисмарку туфли.

Вотъ развѣ подлець Биконсфильдъ, да что онъ?

Торгашъ, мѣняла, жидъ!

И за всѣмъ этимъ забывается дать обществу хоть бы нѣкоторое понятіе о тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдуетъ политика державъ, о тѣхъ жизненныхъ интересахъ, которыми и ради личной пріязни не поступится глава конституціоннаго правительства. Что же тутъ удивительнаго, если въ одномъ № вы встрѣчаете лирическую статью о дружбѣ напр. Австріи, а въ другомъ № мрачную элегію о коварствѣ, измѣнѣ и т. д.? Напр. читаетъ гр. Андраши рѣчь (L'orient²), 1878 г., 11—14 декабря) передъ делегатами Имперіи, выясняетъ цѣли правительства. Что же проще—взять, да и дать своей публикѣ точный отчетъ о словахъ графа, нѣтъ, не то. Публикѣ не сообщается ничего. Только на цѣломъ листѣ крики—„Мы это предвидѣли“. „Австрія за насъ!“ Вдругъ въ мартѣ и апрѣлѣ послѣ Санъ-Стефанскихъ прелиминарій (1878 г. 19 февр.) „Австрія двулична, она обманула“ и т. д., да стыдитесь же, г. г., возьмите, прочтите рѣчь Андраши и будетъ ясно, что ничего другого и не могла сдѣлать Австрія, какъ не стать противъ договора 19 февраля.

Англію же мы всегда третируемъ en canaille: „торгаши, лоскутники“ и уже когда очень задѣты, то „коварные сыны Альбіона“. То же самое и съ Германіей: все кричали о дружбѣ, о родственныхъ связяхъ и пр. и не давали себѣ труда разъяснить, да дѣйствительно ли дружба двухъ людей способна много повліять въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ восточный; да и вообще, что же лежитъ за этой дружбой, кромѣ родства двухъ монарховъ?

Вотъ кричали о дружбѣ, о Бисмаркѣ, дамы посылали туфли, освѣдомлялись, гдѣ у князя мозоли, чтобы посвободиѣе пустить. Начинается Берлинскій конгрессъ (1 іюня 78 г.—1 іюля), и мы

¹⁾ Издатель „Голоса“.

²⁾ Журналъ, издававшійся во время войны; я получалъ его все время.

видимъ, что вовсе уже не такъ съ нами носятся, какъ мы ожидали, оказались мозоли, которымъ туфли не могли угодить...

А можно было и раньше сказать, что Германія въ устройствѣ Балканскаго полуострова займетъ именно это, а не иное положеніе (*L'Orient. Correspondance de l'Hongrie. Politique du prince Bismark*).

Также кричали и о непослѣдовательности политики Англіи, политики, которая теперь представляется очень послѣдовательной и надѣлавшей намъ много непріятностей.

Наши недоразумѣнія лежатъ единственно въ томъ, что не хотимъ понять, что политикой руководятъ интересы, а не платоническія чувства, и что политика Англіи, Австріи, Германіи соотвѣтствуетъ истиннымъ внутреннимъ или внѣшнимъ потребностямъ. Вотъ если бы намъ наши руководители показывали съ этой точки, то все и было бы ясно и логически, и мы видѣли бы немного больше впередъ и немного лучше понимали бы прошлое, а если стать на искусственную почву платоническихъ чувствъ, то понятно, — всегда будетъ казаться непослѣдовательной политика, основанная на дѣйствительныхъ интересахъ, нуждахъ и цѣляхъ народа.

Вообще всѣ наши передовыя статьи не болѣе, какъ рядъ удивленій ряду совершившихся фактовъ.

Какъ мало мы придаемъ значенія исторіи и интересамъ народа, какъ много основываемся на чувствахъ, видно уже вотъ изъ чего: когда послѣ 2-хъ столѣтій, проведенныхъ въ войнахъ съ Турціей, намъ удалось заключить выгодный прелиминарный миръ, мы считываемъ на чувства благодарности (!?) Турціи за то, что мы не все еще отъ нея отобрали, заговорили о союзѣ съ Турціей, а теперь удивляемся, что Англія не потеряла еще своего вліянія! ¹⁾

Все кончено: миръ окончательный и теперь — уже это вѣрно — очень скоро мы вернемся въ Россію! Теперь уже дѣлаютъ всякія приготовленія для отправки въ Россію всѣхъ лишнихъ вещей, которыя находились въ складахъ въ Рушукѣ и другихъ мѣстахъ.

Точно не знаемъ, когда выступаемъ, но думаемъ, что очень скоро. Идемъ мы къ Черному морю, — маршрутъ еще не высланъ, но уже намъ извѣстно, что идемъ въ Бальчикъ — не далеко отъ Варны, которая уже теперь занята нашими войсками. Говорятъ, что насъ повезутъ моремъ въ Одессу. Одесса! Просто не вѣрится, что все уже окончено.

¹⁾ Это было писано въ 1878 году, т. е. за 31 годъ до аннексіи Босніи и Герцеговины, такъ внезапно и неожиданно взволновавшей наше общество...

18 августа 1878 г. Афлаторь.

Нашъ походъ немного отложили: выходимъ только завтра, т. е. 19 авг. идемъ чрезъ Добруджу на Тульчу; у Тульчи переправимся чрезъ Дунай въ Измаиль—это уже на русской территоріи. Итакъ 2 сентября вступимъ въ предѣлы Россіи!

28 августа 1878 г. Черноводы.

Что же съ нами дѣлаютъ!?

Писалъ о походѣ въ Россію, о высланномъ уже маршрутѣ — и что же вышло? Выступили въ походъ, семь дней шли и на восьмой день пришли и стали въ Черноводахъ—крошечный городокъ въ Добруджѣ на берегу Дуная, со станціей желѣзной дороги на Кюстендже у Чернаго моря. Походъ же въ Россію, неизвѣстно почему, отложенъ!

Остаемся снова ждать!

9 сентября 1878 г. Черноводы.

...Идемъ въ Варну и, кажется (!?), остаемся на оккупацию...

2 октября 1878 г. Черноводы.

Сегодня послѣдній вечеръ въ Черноводахъ. Завтра утромъ выступаемъ въ походъ въ Проводы. Предстоитъ 9 дней похода по разрушеннымъ бѣднымъ татарско-молдованскимъ деревнямъ.

Увы! Остаемся на оккупацию...

Укладывался и перечитывалъ письма изъ Россіи. Задумался надъ письмомъ П. Н. Попова изъ Полтавы, полученнымъ еще зимой. Между прочимъ онъ писалъ:

...„Изъ Вашего письма я вижу, что Вы тяготитесь пребываніемъ въ арміи; правда, кампанія затянулась на долго и на долго отсрочивается приведеніе въ исполненіе Вашихъ плановъ, но оставьте точку зрѣнія Вашихъ личныхъ интересовъ. Вдумайтесь, милый юноша, что судьба сдѣлала Васъ участникомъ грандіознѣйшихъ событій, содѣятелемъ достиженія благороднѣйшихъ цѣлей. Вдумайтесь въ это, и Вы найдете утѣшеніе, и будете потомъ благодарить судьбу“.

Н а о к к у п а ц і и.

Въ Черноводахъ всѣ чувствовали себя угнетенными полной неопредѣленностью положенія. Время отъ времени ѣздили въ Кюстенджи—городокъ на берегу Чернаго моря. Ничего не дѣлалъ. Время проводилъ такъ: утромъ — верхомъ, затѣмъ обѣдъ у князя. Вечеромъ

всѣ, съ кн. во главѣ, какъ бы по уговору, сходились на желѣзно-дорожномъ вокзалѣ—тутъ же и пароходная пристань—здѣсь садились за столъ, слушали вѣнскій оркестръ, пили шампанское, закусывали у буфета вкусными корнишонами и часовъ въ 12 расходились по домамъ.

Иногда къ намъ подсаживался кто-либо изъ прїѣзжавшихъ или уѣзжавшихъ.

Подходить безъ фуражки, вытираетъ потный лобъ — рекомендуется—здѣшній комендантъ Комаровъ—суетливый, весь еще взволнованный: его обязанность „содѣйствовать“.

„Ну, что вы безъ меня!“

Но иногда это содѣйствіе понималось своеобразно.

Разъ ночью будить прапорщикъ—„не угодно ли—у него сломалось колесо, такъ выдай ему сейчасъ же новое!“

Прежде я волновался, а теперь много спокойнѣе: пришелъ кто-нибудь просить, пришелъ жаловаться—прямо въ зубы!

— Что? Вы говорите не виновать?

— Извините—всякій чѣмъ-нибудь да виновать—никому не даромъ! а мнѣ за то покойнѣй.

— Нѣтъ, вы представить себѣ не можете, какъ меня извелъ Цеймарнъ (бывшій командиръ корпуса); сидѣлъ тутъ, ничего не дѣлалъ и путался (выразился гораздо грубѣе) съ тремя дѣвками, присылаетъ за мной:—Вы, говорить, меня въ гробъ уложите!

— Чѣмъ это, ваше превосходительство?

Оказывается, видите ли, сычъ мѣшаетъ ему спать! Устроили охоту—нашли сыча.

Опять зоветъ.

— Вы меня, говорить, со свѣта сживете!

— ?

Изволите видѣть—лягушки—слышите—ля-гу-шки квакаютъ. Мѣсто болотное — ну, какъ ихъ всѣхъ переловишь?! Военачальникъ!!! Ну, прощайте, господа, заболтался съ вами!

— Такъ—если, что нужно, пожалуйста, не стѣсняйтесь, прямо ко мнѣ! услужу, чѣмъ могу!

На пароходной пристани встрѣтилъ бѣдняка Ж* — уѣзжалъ на пароходъ, уѣзжалъ въ 3-мъ классѣ — на палубѣ. До войны Ж* служилъ предводителемъ дворянства въ одной изъ центральныхъ губерній. Въ началѣ войны онъ, уже не молодой человѣкъ, вновь поступилъ на военную службу въ уланскій полкъ; за это время совершенно спился; недавно напился до того, что упалъ съ лошади и

заснулъ въ канавѣ; проснувшись, повязалъ голову цвѣтнымъ носовымъ платкомъ, вмѣсто потерянной шапки, и въ такомъ видѣ натолкнулся на Салтыкова — командира полка.

Стали говорить, что его видѣли пьющимъ съ солдатами; ему было предложено немедленно оставить полкъ.

Я его зналъ случайно: раза два-три онъ заходилъ ко мнѣ за французскими книжками.

Помню еще трогательную сцену. Разъ глубокой осенью въ концѣ ноября, къ вечеру, я, проѣзжая лошадь, поѣхалъ на линію нашихъ аванпостовъ; цѣпь держали уланы — и что же я вижу? Сидитъ на лошади Ж*, весь иззябшій и держитъ за пазухой собаченку, стараясь ее согрѣть.

— Откуда это?

— Да вотъ, говорить, бѣдняжку подобралъ — жалко было на нее смотрѣть...

А теперь я смотрѣлъ, какъ на палубѣ старался онъ устроиться, бѣдный, упустившійся человѣкъ, и не было около него никого, кто бы согрѣлъ его такъ, какъ въ свое время около своей груди отогрѣвалъ онъ случайную собаченку...

Подходитъ высокій красивый сотникъ Щербаковъ, въ началѣ кампаніи былъ скромнѣе скромнаго.

— Поздравьте! Въ исторію влетѣлъ!

На болгарской свадьбѣ въ Разградѣ схватилъ за шиворотъ уѣзднаго начальника — былъ пьянъ, а онъ что-то себѣ позволилъ, „ну меня раба Божія „за пьянство и буйство“ подѣ арестъ!“

— А что у васъ за исторія съ Добсономъ? ¹⁾

— Да еще съ Аблавы онъ все при нашемъ полку, пили все вмѣстѣ, подружились — онъ и поселился со мной. Спали это мы вмѣстѣ — да — я его и ущищнулъ; онъ разсердился; я, говорить, буду о казакахъ писать! А я ему — значить, вы англійскій жидъ! Какъ разсердится мой Добсонъ, плюется: „нѣтъ, нѣтъ, я не могу больше“. А мы въ хохотъ, да. Вотъ онъ и уѣхалъ.

Посерединѣ площади былъ расположенъ маленькій ресторанъ-кафе — лучший въ городѣ, сюда мы заходили иногда выпить кофе или сыграть партію на французскомъ билліардѣ. Грязноватая низкая зала бокъ о бокъ съ помѣщеніемъ сапожника, окно его выходило въ ресторанъ; стекло было выбито и оттуда несло запахомъ кожи. Посѣтителей было мало и содержатель кафе — грекъ въ грязной рубахѣ и жилетѣ — вѣчно дремалъ за прилавкомъ.

¹⁾ Корреспондентъ англійскихъ газетъ, въ то время къ намъ крайне враждебныхъ.

Какъ-то я зашелъ въ кафе написать письмо, на другой сторонѣ противъ меня за бифштексомъ сидѣлъ пѣхотный полковникъ. Отворилась дверь и вошли двое молодыхъ франтоватыхъ статскихъ въ фуражкахъ съ кокардами—думаю, это были молодые чиновники нарождавшейся болгарской администраціи; они съ неудовольствіемъ взглянули на столъ, уже занятый полковникомъ, и заняли неподалеку отъ меня мѣсто для нихъ удобный.

Что-то быстро заговорили и до меня совершенно явственно донеслась фраза, въ которой они называли полковника „верблюдомъ“; не знаю — слышалъ ли полковникъ, но онъ продолжалъ молча сидѣть. Я былъ возмущенъ. Поднявшись съ мѣста, я подошелъ къ полковнику и спросилъ разрѣшенія сказать нѣсколько словъ молодымъ людямъ; это было сказано мною очень быстро, быть можетъ, онъ и не понялъ въ чемъ дѣло, онъ сдѣлалъ головой какой-то неопредѣленный жестъ; я подошелъ къ столу, занятому чиновниками, и сказалъ имъ: до меня долетѣли ваши слова.

— Вы называли верблюдомъ полковника той арміи, которая сражалась за ваше освобожденіе.

— Не угодно ли вамъ извиниться или выйти вонъ!

Секунда колебанія; переглянулись, поднимаются и молча уходятъ изъ ресторана.

Только теперь полковникъ понялъ въ чемъ дѣло... Онъ былъ тяжело раненъ въ декабрѣ на Шипкѣ, теперь же возвращался изъ отпуска въ Россію въ свой полкъ, гдѣ-то въ Добруджѣ. Мы съ нимъ встрѣтились въ первый разъ и никогда болѣе не встрѣчались.

Нашъ милѣйшій докторъ К* получилъ другое назначеніе; къ намъ же перевели изъ драгунскаго полка доктора А*.

Докторъ А* небольшого роста, широкій въ костяхъ, съ черными волосами, откинутыми назадъ, съ длинной бородкой, которую онъ неизмѣнно теребилъ рукой, окончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ самомъ началѣ кампаніи. Въ обществѣ почти всегда молчавшій, привлекалъ къ себѣ вниманіе умными свѣтящимися за очками карими глазами.

Онъ очень серьезно относился къ своимъ обязанностямъ, хотя и жаловался часто на недостатокъ средствъ.

Въ полку онъ пользовался симпатіями, что, впрочемъ, не помѣшало офицерамъ прозвать его „выборгскимъ разбойникомъ“. Почему? Можетъ быть только потому, что академія была на Выборгской сторонѣ.

Съ докторомъ у меня связывались два воспоминанія.

Въ ноябрѣ прошлаго года, когда мы жили въ землянкахъ, докторъ поселился съ однимъ вольноопредѣляющимся драгунскаго полка. Чтобы защитить себя лучше отъ холода, они вырыли въ своей землянкѣ длинныя ниши; отъ непрерывныхъ дождей земля обмякла и разъ ночью обвалилась, докторъ уцѣлѣлъ, а драгуна вынесли уже мертвымъ.

Потомъ въ іюлѣ, въ необыкновенно жаркій день, при походѣ изъ Силистріи въ Афлаторъ докторъ привлекалъ общее вниманіе тѣмъ, что онъ ѣхалъ на своей лошади, одѣтый въ теплое, зимнее пальто; удивлявшимся онъ объяснялъ, что онъ окружалъ себя „дурными проводниками тепла, чтобы гарантировать себя отъ жары“. Охотниковъ послѣдовать примѣру не нашлось...

Какъ-то, въ концѣ сентября, заходитъ докторъ.

— Ко мнѣ пріѣхала сестра—двоюродная сестра, прибавилъ онъ—пойдемте къ намъ, я васъ познакомлю!

Послѣ обѣда я и Ш-нъ зашли къ доктору, отворили дверь и увидѣли—на сундучкѣ сидѣла молодая лѣтъ 18—19 дѣвушка въ лиловомъ платьѣ, плотно обтягивавшемъ ея молодую фигуру.

„Екатерина Николаевна“, назвала она себя; ея каріе искристые глаза серьезно смотрѣли черезъ свѣтлыя очки.

Е. Н. была въ Парижѣ на выставкѣ, хотѣла остаться тамъ для изученія медицины, но потомъ рѣшила поступить на медицинскіе курсы въ Петербургѣ.

Изъ Парижа пріѣхала прямо въ Черноводы и привезла съ собой цѣлую коллекцію „энциклопедистовъ“ — (Edition bleue), чему я очень обрадовался.

Чуть ли не на другой день мы должны были выступать въ походъ въ глубь Добруджи, и я высказалъ сожалѣніе, что намъ придется такъ мало воспользоваться обществомъ Е. Н.

Но докторъ говоритъ: „она пріѣдетъ и въ Кадикей!“

И, дѣйствительно, когда послѣ 9 дней похода мы пришли на мѣсто, черезъ нѣсколько дней довольный докторъ зашелъ ко мнѣ и говоритъ:

— А, знаете, пріѣхала Е. Н., пойдемте къ намъ!

Всю зиму провели въ Кадикей—турской деревнѣ—въ глуши Добруджи, верстахъ въ 25 отъ ближайшаго небольшого турецкаго городка Базарджикъ и верстахъ въ 40 отъ Варны.

По утрамъ занимался—какъ разъ изъ Россіи пріѣхалъ З—скій и привезъ съ собой нѣсколько книгъ по высшей математикѣ, я и

принялся штудировать анализъ Коши; прочиталъ Огюста Конта и нѣсколько энциклопедистовъ: d'Alambert (*Le discours préliminaire*), Volney (*Les ruines* и *La loi naturelle*), Laménai (*le livre du peuple*), Pascal (*Pensées*).

Почти каждый день бывалъ у доктора А*. Здѣсь въ небольшой комнатѣ занимали постоянныя мѣста: я въ короткомъ полушубкѣ садился на низенькій чемоданъ, облокотившись спиной въ деревянную рѣшетку окна, напротивъ, на складной табуреткѣ у стола, сидѣла Е. Н., направо, на низенькихъ носилкахъ для раненыхъ, докторъ въ красной фуфайкѣ; читали вслухъ публицистическія и научныя статьи ежемѣсячныхъ журналовъ и вели длинные разговоры.

Излюбленной темой доктора было выясненіе значенія невѣжества: вліяніе невѣжества на государственную, общественную и личную жизнь.

Затѣмъ шли разговоры о важности естествознанія. „Единственное наше дѣйствительное знаніе—это то, что намъ далъ Дарвинъ“, говорилъ докторъ.

Шли разговоры о чтеніи—какія книги читать и въ какомъ порядкѣ; какъ построить жизнь на рациональныхъ началахъ.

До того времени я еще не читалъ Чернышевскаго „Что дѣлать“. Докторъ говорилъ, что Чернышевскій такъ важенъ, что его нужно знать наизусть, по нему можно строить жизнь.

„Что дѣлать“—я досталъ уже послѣ совершенно случайно: вымѣнялъ на „*Quatre-vingt-treize*“ V. Hugo у одного артиллерійскаго полковника—въ Разградѣ, куда, передъ самымъ отъѣздомъ въ Россію, я былъ командированъ за лошадьми.

Читать „Что дѣлать“ мнѣ пришлось въ самой оригинальной обстановкѣ: на обратномъ пути изъ Разграда, во время остановокъ въ холодныхъ турецкихъ домахъ; здѣсь постель мнѣ слали на полу, а по обѣимъ сторонамъ постели ставились желѣзные подносы съ горячими углями, я ложился въ постель совершенно одѣтый съ фуражкой на головѣ и зачитывался романомъ, который, какъ въ то время я думалъ, рисовалъ именно ту таинственную для меня жизнь, въ какую я попаду студентомъ...

Е. Н. просила меня научить ее стрѣлять изъ револьвера. Мы втроемъ ходили въ лощинку, я приносилъ съ собой пачки патроновъ, и мы ихъ разстрѣливали изъ неуклюжаго „Смита и Вессона“.

Разъ Е. Н. меня спрашиваетъ:

— Что такое по-турецки „джанымъ?“

— Не знаю.

— Узнайте и скажите мнѣ!

Я узналъ—„джанымъ“ значить „милый“.

Какъ-то докторъ А* меня спрашиваетъ:

— Что вы думаете о любви?

— До сихъ поръ еще ничего не думалъ!

— Вы знаете—бываютъ положенія, когда нужно отказаться даже отъ предлагаемой любви!

— Я никогда объ этомъ не думалъ.

Толкованіе Писарева „Аси“ Тургенева навязчиво стояло передо мной, и слова доктора заставили меня задуматься... Вѣдь Писаревъ былъ для меня въ то время авторитетъ...

Какъ-то разъ вечеромъ Екатерина Николаевна жаловалась на нашъ столъ: все мясо, дичь, никакихъ консервовъ,—„ничего остраго!“ много дала бы за обыкновенную селедку.

Я задумалъ сдѣлать ей сюрпризъ. Вернувшись домой, я послалъ за Волошенко—моимъ стремяннымъ: „завтра подать лошадей къ 6 час. утра, мы съ тобой ѣдемъ верхомъ въ Базарджикъ (25 верстъ отъ Кадикей)“.

Утромъ на рысяхъ мы вѣзжали въ городъ, проѣзжали мимо какого-то крупнаго зданія, очевидно, общественнаго характера. „Стой, что это такое?“ говорятъ—баня.

Мигомъ соскакиваю съ лошади, бросаю поводья Волошенкѣ—„подожди, я сейчасъ!“

И раньше чѣмъ кто-нибудь успѣлъ меня остановить, я уже въ предбанникѣ!

Зала въ 2 свѣта, здѣсь раздѣваются, отдыхаютъ послѣ бани на диванахъ около стѣнъ, пьютъ кофе и курятъ кальяны. Прежде чѣмъ что-либо определенное возникло въ моемъ сознаніи, я уже почувствовалъ, что мое появленіе вызвало смятеніе! Черезъ секунду я уже ясно различалъ женскія фигуры; испуганныя, метущіяся голыя негрятки банщицы—я попалъ въ женскій день!

Сконфуженный выскочилъ изъ бани. Отправились на азаръб. Въ 12 часовъ, сдѣлавъ 50 верстъ верхомъ, я съ триумфомъ вносилъ что-то въ родѣ селедки въ квартиру доктора.

— Какъ, вскричала Е. Н.—изъ-за одной селедки 2 человека сдѣлали по 50 верстъ!

Я понялъ это слишкомъ буквально и, удивленный самъ своею несообразительностью, на другой же день исправилъ свою оплошность, привезя опять къ 12 часамъ теперь уже нѣсколько селедокъ и успѣвъ при томъ побывать и въ банѣ, теперь уже въ мужской часъ!

— Леонидъ Григорьевичъ, говоритъ мнѣ докторъ, Е. Н. что-то нездоровится—она хочетъ ѣхать въ Россію—моремъ, изъ Варны на Одессу—не поѣдете ли Вы ее проводить?

— Какъ же я сдѣлаю? Если отпустить—съ восторгомъ!

— Попросите князя, говоритъ Е. Н., онъ Вамъ не откажетъ!

Князь на мою просьбу, ничего мнѣ не говоря, посмотрѣлъ внимательно въ глаза, покачалъ головой и сказалъ: „ни за что не пущу!“

Вечеромъ я сообщилъ А* объ отказѣ въ разрѣшеніи.

Е. Н. была недовольна.

Докторъ сперва молча сидѣлъ, потомъ началъ говорить о дикаряхъ—другимъ приходится терпѣть даже матеріально изъ-за дикости понятій!

— То есть какъ это, спрашиваю?

— Вѣдь если бы Вы поѣхали въ Одессу, Васъ бы какъ офицера не осматривали—Вы провезли бы энциклопедистовъ и микроскопъ, который Е. Н. приобрѣла въ Парижѣ, а теперь придется платить пошлину за микроскопъ!

Правду сказать, меня это покорило...

Князь далъ мнѣ разрѣшеніе ѣхать въ Варну, чтобы проводить Е. Н., и далъ мнѣ для этого четверку лошадей.

Въ Варну мы приѣхали наканунѣ Р. Х.; погода была такая чудная, что я ходилъ въ одномъ кителѣ.

Для Е. Н. въ гостиницѣ нашелся свободный номеръ, для меня же обѣщали поставить постель въ маленькомъ салонѣ.

Вернувшись поздно, я нашелъ въ комнатѣ 2 кровати, было очень свѣжо (я позабылъ съ вечера закрыть окна), и я, забравъ одѣяла и подушки съ двухъ кроватей, улегся спать.

Ночью меня разбудили какія-то необыкновенныя движенія:

Кто-то уже выдернулъ изъ подъ моей головы подушку, а теперь стягивалъ одѣяло: оказалось, что хозяинъ гостиницы, не предупредивши меня, сдалъ „вторую кровать“ какому-то комиссіонеру, и этотъ комиссіонеръ теперь возстановлялъ свои законныя права, на свою постель.

Е. Н. рѣшила ѣхать по жел. д. на Разградъ и далѣе на Рушукъ. Поѣздъ уходилъ утромъ. Я провожалъ Е. Н. и при прощаніи хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Что Вы, что Вы, выдернула она руку и сконфуженная, покраснѣвшая смотрѣла на меня съ упрекомъ.

— До свиданья! до Петербурга!
Поѣздъ трогался.

Я, по своей наивности, искренне былъ убѣжденъ, что Е. Н. сестра доктора; потомъ явились у меня какія-то мысли, и, вернувшись изъ Варны, я въ тотъ же вечеръ рассказалъ д-ру о нашемъ путешествіи, вплоть до инцидента съ поцѣлуемъ руки и прямо спросилъ его: скажите—Е. Н. дѣйствительно Ваша сестра?

— А что Вы хотите посвататься? съ сверкающими глазами, спросилъ докторъ.

Это было сказано съ такой силой и такъ вызывающе, что, будь на моемъ мѣстѣ любой мой товарищъ-офицеръ, это повело бы къ серьезной ссорѣ. Я же былъ только страшно сконфуженъ, моментально передо мной предстала мысль—какое право имѣю я затрагивать интимную сторону другого человѣка!

Обществомъ Е. Н. я дорожилъ, такъ какъ видѣлъ въ ней передовую женщину; а объ „ухаживаніи“ у меня не было и тѣни мысли.

„Нѣтъ, нужно слѣдить за собой, нужно отдѣлаться отъ ветхозавѣтнаго человѣка, котораго я носилъ еще въ себѣ!“

Я былъ пораженъ: столько работы надъ собой, и вотъ я каковъ! Мы проговорили буквально всю ночь.

Этотъ разговоръ произвелъ на меня сильнѣйшее впечатлѣніе.

Ни Малороссія, залитая солнцемъ, съ ея яркими, въ то время, костюмами, пѣснями, танцами, нравами; ни помѣщичья дворянская среда, гдѣ прошли мое дѣтство и юность; ни закрытыя военно-учебныя заведенія; ни военная служба и война—не способствовали выработкѣ серьезнаго взгляда на отношенія къ женщинѣ, къ любви..., а рано прочитанный Писаревъ скорѣе повредилъ...

И теперь, въ первый разъ я слышалъ убѣжденную проповѣдь серьезныхъ отношеній къ женщинѣ, къ любви, и эти слова получали для меня тѣмъ большую цѣнность, что исходили отъ человѣка передового, носителя новыхъ началъ.

Никогда я не слыхалъ такихъ чистыхъ взглядовъ.

Любовь безъ полнаго взаимнаго довѣрія не любовь...

Ревность—пережитокъ дикаго состоянія—оскорбительна...

Только одна дѣйствительная любовь могла оправдать, по словамъ д-ра, близость отношеній между мужчиной и женщиной...

Во всемъ иномъ онъ видѣлъ лишь, какъ онъ выражался, проявленія „кобелизма“...

Многое, что мнѣ въ докторѣ казалось страннымъ, разъяснилось, и эта ночь насъ совершенно сблизила.

Только теперь я совершенно ясно понялъ, почему д-ръ такъ

часто раздражался, почему такъ неумѣстны были мои приглашенія Е. Н. приходить ко мнѣ читать вмѣстѣ въ то время, когда д-ръ былъ занятъ.

По обыкновенію обѣдали у князя. Онъ скучалъ смертельно и сталъ насъ ежедневно приглашать и на ужинъ. Въ концѣ-концовъ мы чувствовали себя утомленными; да и непріятно было ходить ночью въ полной темнотѣ по турецкой деревнѣ, гдѣ къ тому же появилась масса бѣшеныхъ собакъ.

Мы сговорились и перестали ходить; но князь насъ побѣдилъ: онъ сталъ разсылать ужинъ по домамъ.—Мы сдались, и ужины возобновились. Все время проходило за разговорами за бутылкой легкаго вина (ни водки, ни крѣпкихъ винъ не подавалось). Разговоры—о текущихъ событіяхъ, разные личные воспоминанія, воспоминанія о товарищахъ—конно-артиллеристахъ (мы ихъ знали, кажется, всѣхъ въ Россіи); князь критиковалъ современное положеніе и восхвалялъ „доброе“ старое время.

Князь представлялъ изъ себя цѣльный опредѣленный типъ; онъ любилъ поговорить, я часто съ нимъ спорилъ, и мои возраженія вызвали его развивать свои взгляды на разные стороны жизни. То, что меня всего болѣе поражало въ его взглядахъ, я заносилъ въ свой дневникъ.

Князю Р. не было еще и 40 лѣтъ.

Онъ очень гордился тѣмъ, что и отецъ его (херсонскій помѣщикъ) въ молодости тоже служилъ въ конной артиллеріи, и что самъ онъ, князь, по выходѣ изъ училища, до самаго назначенія къ намъ командиромъ, прослужилъ все время въ одной и той же батарее.

Онъ относился подозрительно къ тѣмъ, кто часто мѣнялъ мѣсто службы:

„Человѣкъ не ужился въ одномъ мѣстѣ, не ужился въ другомъ, да неужели я подумаю, что всѣ подлецы? Нѣтъ, уже навѣрно всѣ честные, а онъ одинъ подлецъ!“

Сегодня кн. очень въ духѣ и за ужиномъ вспоминалъ свою молодость.

Послѣ выхода изъ училища онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ вмѣсто того, чтобы отправиться на мѣсто служенія, похитили жену одного петербургскаго купца и зажили съ нею втроемъ въ С.-Петербургѣ; купецъ жаловался, ихъ разыскали, и князь былъ доставленъ въ батарею съ жандармомъ. На его счастье командиромъ былъ баронъ Ш*, старый товарищъ отца по службѣ; баронъ посадилъ его

подъ арестъ „за опозданіе изъ отпуска“ и затѣмъ назначилъ своимъ адъютантомъ.

И пили же мы! Ну, что Вы нынѣшніе!

Разъ мы пьемъ; вдругъ присылаютъ за мной—я на ногахъ не держусь—сейчасъ меня товарищи раздѣли и посадили въ бочку съ водой—являюсь къ командиру—ни въ одномъ глазу!

Опять за то же, вдругъ часа черезъ два—опять зовутъ! Опять въ бочку! Ну, а Вы нынѣшніе?

2 января 1879 г.

Я заговорилъ о перемѣнѣ взгляда на удовольствія.

— ... И еще будете увлекаться и будете и это, и именно это, и естественно, а всякое отклоненіе—неестественно!

Жить въ свое удовольствіе—значить хорошо ѣсть, пить, пользоваться обществомъ женщинъ. Всякій человѣкъ только къ этому и стремится; иныхъ наслажденій не понимаетъ и не вѣритъ имъ.

— И кто это говоритъ, тотъ лжетъ! И Вы думаете, о чемъ хлопочутъ всѣ эти „либералы“? Не любятъ удовольствій! а небойсь, будутъ пить лафиты и попивать и т. д.

Удовольствій научнаго труда не понимаетъ; наука для него всегда являлась въ видѣ препятствія: то для поступленія въ училище, то для полученія офицерскихъ эполетъ.

Общественныхъ интересовъ въ обширномъ смыслѣ не понимаетъ.

— Ну, кто ихъ уполномачиваетъ?

— Ахъ, этотъ подлець Гюго и т. д. и т. д.

Бѣдному Гюго попало совершенно случайно изъ-за меня—я какъ разъ въ это время читалъ „Les Misérables“.

Что ему неблагопріятно, то и неблагонадежно!

Все, что было прежде,—хорошо, а теперь—скверно, а чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже.

Шла рѣчь о тяжеломъ положеніи крестьянъ.

— Чего же имъ жаловаться: имъ прекрасно, они обезпечены! Заговорили о недоимкахъ и безжалостныхъ мѣрахъ взысканія.

— Если я надѣлалъ долговъ, при чемъ тутъ мое положеніе какое-то. „Надѣлалъ долговъ и плати!“

3 янв. 79 г.

Кн. терпѣть не можетъ такъ называемой „законной“ почвы.

— А, голубчики, Вы на „законную“ почву, ну—я же Васъ доканаю!¹⁾

¹⁾ Увѣренъ, что за всю свою жизнь никого не „доканалъ“, а помогалъ многимъ.

И рассказывалъ намъ, какъ онъ, будучи еще молодымъ человекомъ, по порученію командира Цеймарна, кому-то сдавалъ часть батарейнаго имущества.

— Я ему говорю — скажите прямо — сколько Вамъ нужно? ¹⁾, а онъ—нѣтъ, я посмотрю, и началъ нюхать, и началъ.

Ну, когда такъ—хорошо!

Я зналъ—любитъ онъ выпить, вотъ я и говорю—не выпить ли по рюмочкѣ!

— Да, знаете—это хорошо бы, только у меня спиртъ, говорить.

Вотъ мы и дули спиртъ до 4 час. утра; онъ хотѣлъ было доплаты 1.800 р., а съѣхалъ на 1.000 р.

Я говорю—давайте подписывать, а онъ—нѣтъ, завтра!

Да, что завтра (еще, пожалуй, и раздумаетъ)! ну, и подписали.

Потомъ какъ встрѣтились, онъ и говоритъ—это Ваши-то хомуты?

А вольно же Вамъ было „нюхать“!

А хомуты—на кошку (съ хохотомъ) не найдутъ!

И все это съ хохотомъ, и дѣлалъ-то все это не для своей выгоды, а для Цеймарна.

6 янв. 1879.

Князь очень часто развивалъ свои взгляды на „женскій“ вопросъ. Первое и существенное назначеніе женщины—указывается ея физической природой.

Это назначеніе она выполняетъ во всѣхъ слояхъ общества; все остальное—надзоръ (не воспитаніе, а именно уходъ) за дѣтьми, заботы по хозяйству—могутъ видоизмѣняться, смотря по классу общества.

За женщинами нужно ухаживать.

Ухаживаніе имѣетъ опредѣленную цѣль:

„Очень невредно!“

„Пощечина отъ женщины—это шагъ ближе“.

Все, что препятствуетъ обезпеченію успѣха, вызываетъ ненависть. Такими препятствіями—физическіе недостатки (напр. уродливость женщины), а главное, что вызываетъ ненависть—это высшее образованіе—„студентъ въ юбкѣ“.

„Все это лишаетъ женственности“.

Идетъ и далѣе:

„Женскія гимназій—вотъ первое зло!“

Но онъ не противъ образованія; напротивъ—„правильное“ образованіе, не лишающее женственности, какъ и хорошій туалетъ, придаютъ интересъ, пикантность женщинѣ.

¹⁾ Чтобы получить росписку въ удовлетворительномъ состояніи принятаго по описи имущества.

Стоить за институты.

Очень любить бывать въ дамскомъ обществѣ.

Разсказывалъ, что какъ-то цѣлый годъ все свободное время бывалъ у одной дамы (жены мир. судьи) и былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

— Ну, видите—возможны же хорошія отношенія, и не имѣя въ виду извѣстныхъ цѣлей.

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло—я далеко бы не отказался.... въ томъ-то и прелесть—вѣчно наэлектризованъ, вѣчно возбужденъ! въ этомъ-то и сила!

Приходилось имѣть и интрижки съ замужними женщинами; но, вообще, онъ былъ противъ этой, какъ онъ называлъ, „даровой любви“ и предостерегалъ насъ, молодыхъ офицеровъ:

„Она и дороже выходитъ: „и лакеи, и горничныя“, и то и другое, „да и безпокойствъ много!“ Разсказывалъ, какъ ему приходилось сидѣть въ шкафу, какъ разъ, спускаясь ночью съ лѣстницы, разодралъ сюртукъ чуть не до шен.

Приходилось жить въ Варшавѣ; „ничего нѣтъ лучше—обратиться къ своднѣ—препочтеннѣйшій народъ“!

Денегъ никогда не жалѣлъ, но „только чтобы уже въ мое удовольствіе“.

Жениться нужно попозже, „когда страсти, такъ сказать, улягутся“.

„Когда женитесь, отпразднуете медовый мѣсяцъ, пресытитесь, такъ сказать, тогда заживете себѣ съ женой; она будетъ Вамъ не то что необходима, а все же нужна: ну, какъ стаканъ чая—онъ Вамъ не необходимъ, а привыкли пить, вотъ и пьете; такъ и жена: она не необходима, а вотъ нужно, чтобы была около Васъ женщина“.

„Главное—смотрите проще на эти вещи: не требуйте только какой-нибудь идеальной любви и проживете себѣ мирно“.

Главное—нужно твердо помнить: „дайте улечься, никогда не спорьте, когда женщина раздражена: уступите ей тогда, уступите и повѣрьте, что останетесь въ барышахъ!“

„Вотъ, служите, говорилъ онъ мнѣ: женитесь, дѣти будутъ—вотъ будетъ и цѣль въ жизни—обезпечить дѣтей“.

Л. Богаевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ФЛОТА.

(Письмо 1698 г. изъ Воронежа о кумпанствѣ вологодскаго архіепископа).

Государю Преосвященному Гавріилу Архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому холопи твои Петрушка Ташлыковъ, Матюшка Волковъ, архипастырского твоего благословения прося, челомъ бьемъ.

По твоему, государь, архіерейскому указу приволоклись мы, холопи твои, на Воронежъ во всякомъ здравіи декабря въ 20 день. А околничего и дьяковъ, кромѣ дьяка Осипа Иванова, на Воронеже не застали, потому что поѣхали за великимъ Государемъ къ Москвѣ до насъ.

А пріѣхавъ, къ дьяку Осипу Иванову ходили и отъ лица твоего архіерейского благословение ему сказали и почестъ поднесли. И онъ архіерейское твое благословение с любовью пріялъ і всякую милость в принадлежащемъ нашемъ карабелномъ строеніи казать обѣщался; только намъ, холопомъ твоимъ, сказалъ, что-де у борколона твоего архіерейского, чево по приѣздъ нашъ не достроено, знатно-де что достраивать кромѣ подрядчика намъ, холопомъ твоимъ, кумпанскими денгами, потому что-де в подрядчике нашемъ постоянство малое и житие ево оскудалое. А на караблѣ и припасовъ за скоростію не осмотрѣли, что у него какихъ есть припасовъ. А мастеръ иноземецъ, кой строилъ карабль, намъ сказалъ, что-де еще по старой росписи кромѣ новыхъ припасовъ надобъ желѣза і всякихъ припасовъ сотъ на пять и болши. А припасовъ что есть, того не знаемъ, станемъ съ челобитья нынѣ досматривать. А денегъ онъ, Зиновей, на достройку у себя ничево не сказываетъ и строить сказываетъ нѣчемъ, и плотники всѣ распущены, а порутчикъ ево Августъ Мееръ сосланъ на Коротоякъ в ссылку. А по росписи Ивана Сечихина довелось только ему подрядчику додать с пятьсотъ рублевъ незболшимъ. И знатно, государь, что за рядой сверхъ росписи строить самимъ и припасы всякие готовить, а на него подрядчика надѣтца нѣчево, только бы Богъ сподобилъ чтобъ на срокъ здѣлать. А кромѣ нашего подрядчика у всѣхъ

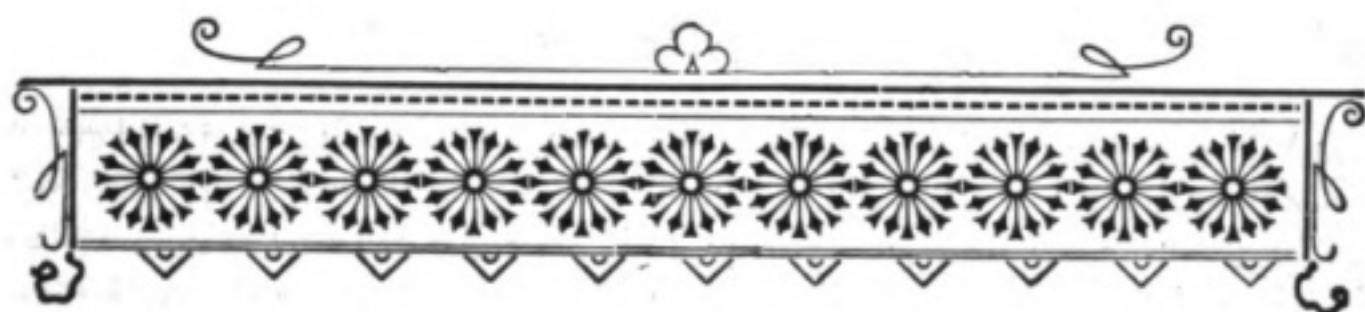
карабли и с припасы готовы и оснащены. А что онъ, подрядчикъ, к тебѣ, государю и х-кумпанщикамъ писалъ, все ложно. И кои на Воронежъ ѣздили, ничево с нимъ подрядчикомъ не дѣлали. Пожалуй, государь, архіерей Божій, прикажи стряпчему по новымъ росписямъ всякие припасы искупя неложно присылать, чтобъ какова бѣдства не было, а росписи у него Івана есть, что какихъ припасовъ надобе.

На оборотѣ адресъ: Государю Преосвященному Гавриілу, архіепископу Вологоцкому и Белоозерскому.

Примѣчаніе. Письмо это писано „домовымъ дьякомъ“ архіепископа Гавриіла П. Ташлыковымъ. Упоминаемый въ письмѣ Иванъ Сечихинъ былъ архіерейскимъ стряпчимъ „Московскихъ домовыхъ дѣлъ“; Зиновій Суровцовъ, —гостиной сотни—подрядчикъ за поручительствомъ капитана Августа Меера—долженъ былъ выстроить „борколонъ да къ нему ушколъ да малое судно“.

Сообщ. И. Суворовъ.

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

С теченіемъ времени гнетущее чувство горя и печали мало по мало стало ослабѣвать, и я сталъ находить удовольствіе и развлеченіе въ наслажденіи природой и въ интересовавшихъ меня занятіяхъ; но мое настроеніе все же выражалось долгое время какъ-бы нѣкоторымъ отрѣшеніемъ отъ интересовъ міра сего. Я продолжалъ жить и, какъ сказано, въ нѣкоторой мѣрѣ, наслаждаться благами жизни, но отъ всякихъ матеріальныхъ благъ готовъ былъ отказаться безъ сожалѣнія, если бъ это сдѣлалось необходимымъ. Примѣромъ такому настроенію можетъ служить слѣдующая частность: до тѣхъ поръ я очень аккуратно велъ свои прихода-расходныя книги, но со смертію жены, не придавая уже значенія матеріальнымъ интересамъ, я навсегда пересталъ вести счета прихода-расхода.

Съ тѣхъ поръ прошло около 30 лѣтъ. Разумѣется, жизнь взяла свое, и я все болѣе и болѣе сталъ погружаться въ ея интересы. Но все же у меня проявлялась, по временамъ, нѣкоторая отрѣшенность отъ обычныхъ житейскихъ интересовъ; особенно въ моменты, когда меня постигала какая-либо непріятность или неудача, я утѣжалъ себя мыслию о ничтожествѣ всего земного, преходящаго, въ сравненіи съ вѣчностью, какъ это выражается нѣмецкимъ поэтомъ:

Es ist ja nur ein irdisch Ding,
Zum trauern zu gering!

Было время, когда я сблизился, нѣсколько лѣтъ спустя, съ одною молодою дѣвушкой чрезвычайно умной и милой и помышлялъ даже о бракѣ съ нею. Бракъ этотъ не состоялся, и тогда я былъ этимъ опечаленъ; теперь же, приближаясь къ концу жизни, я благодарю

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюнь 1910 г.

Бога за то, что онъ предохранилъ меня отъ шага, на который я готовъ былъ вступить и который все же составилъ бы рѣзкій диссонансъ съ тѣмъ, что я ощущалъ и думалъ послѣ смерти жены, когда я, вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ, сознавалъ, что память истинной любви не можетъ быть преходящею. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы совершенно не въ духѣ моей покойной жены. Бывши еще невѣстой, она однажды писала мнѣ, что мое сердце теперь принадлежитъ ей, прибавляя слова: „Je le tiens, je le garde et je l'enferme dans le mien“. Какъ бы предчувствуя краткость подлежащей ей жизни, Софія Александровна въ разговорахъ со мною всегда неодобрительно относилась ко вторымъ бракамъ; между прочимъ она не скрывала своего нерасположенія къ одному нашему знакомому, который послѣ смерти своей жены, ея двоюродной сестры, вступилъ во второй бракъ... Я теперь доволенъ, что никакія новыя связи не нарушили моихъ отношеній къ покойной..

Очертивъ такимъ образомъ въ общемъ и по возможности правдивомъ и искренномъ повѣствованіи то духовное настроеніе, въ которомъ я пребывалъ многіе годы послѣ постигшаго меня несчастія, возвращаюсь теперь къ хронологическому описанію теченія жизни.

Весною 1875 г., мнѣ пришлось отправиться за границу въ Вѣну для окончанія переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ, объ удовлетворительномъ исходѣ которыхъ вкратцѣ уже выше упомянуто.

Нашимъ посломъ въ Вѣнѣ былъ тогда Е. П. Новиковъ. Моя дѣятельность по переговорамъ мало сблизила меня съ нимъ въ то время; повидимому, онъ не особенно интересовался ходомъ таможенныхъ дѣлъ. Я тогда не предвидѣлъ, что нѣсколько лѣтъ спустя мы съ нимъ опять встрѣтимся въ Константинополѣ, что у насъ тамъ будетъ общее, живо его интересующее, дѣло, и что мы сойдемся съ нимъ до того, что между нами установятся вполне дружественныя отношенія.

Переговоры съ австрійскими делегатами шли довольно медленно. Я воспользовался ожиданіемъ отвѣта на мое донесеніе изъ Петербурга, чтобы въ промежутокъ сдѣлать небольшую экскурсію въ мѣста, которыя мы посѣщали еще такъ недавно съ покойною женою¹⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что, находясь разъ въ салонѣ Новикова, я нашелъ на столѣ книгу Fonvielle'я и, открывъ ее наугадъ, прочелъ слова „l'on éprouve parfois comme si l'esprit de la défunte vous effleure et la met en communication avec vous“. Сознаюсь, что это меня очень поразило.

Я отправился въ Венецію и заказалъ тамъ мозаику, распятіе, по картинѣ Тинторетто, которою особенно любовалась два года тому назадъ моя жена, для помѣщенія этого изображенія на ея надгробномъ памятникѣ. Затѣмъ черезъ Невшатель я отправился въ Веве, посѣтилъ оттуда гостиницу „Байронъ“, Вильневъ—все мѣста, полныя для меня печальныхъ воспоминаній...

По прошествіи недѣли, я вернулся въ Вѣну, гдѣ засталъ уже отвѣтъ Рейтерна на мой запросъ, который и далъ мнѣ возможность удовлетворительно покончить дѣло, на меня возложенное, заключеніемъ конвенціи.

На обратной дорогѣ въ Россію мнѣ пришлось испытать крушеніе желѣзнодорожнаго поѣзда, при самомъ почти подъѣздѣ къ Петербургу. Поѣздъ прошелъ уже Гатчину, я спокойно сидѣлъ въ вагонѣ, помышляя о скоромъ прибытіи домой, какъ вдругъ я почувствовалъ сильный толчекъ, послышался громкій трескъ, мой вагонъ сталъ скакать по шпаламъ и качаться съ одной стороны на другую. Я вообразилъ, что произошло столкновение двухъ поѣздовъ, и что трескъ происходитъ отъ ломки вагоновъ, насккивающихъ другъ на друга,—и потому поспѣшилъ стать въ проходѣ, чтобы не быть раздавленнымъ между двумя сидѣніями. Катастрофа продолжалась нѣсколько секундъ, затѣмъ мой вагонъ остановился, и все стихло. Я рѣшился подойти къ окну, чтобы посмотреть, что произошло. Оказалось, что нашъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, и что локомотивъ и первый за нимъ вагонъ лежатъ на боку. Трескъ и скачка вагоновъ происходили отъ того, что поѣздъ, сошедши съ рельсовъ, продолжалъ нѣкоторое время идти по шпаламъ, которыя подъ тяжестью локомотива ломались съ трескомъ. Вся публика высыпала немедленно изъ вагоновъ на полотно дороги; оказалось, къ счастью, что никто не раненъ, только у машиниста была ошпарена рука паромъ. Но опрокинувшійся вслѣдъ за локомотивомъ вагонъ 1-го класса былъ разбитъ совершенно. Къ счастью онъ былъ пустой, такъ что никто не пострадалъ. Но вотъ какое при этомъ случилось странное обстоятельство. Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ контролеръ желѣзной дороги, который выходилъ на каждой станціи, вѣроятно для приѣма выручки или для провѣрки счетовъ. Всю дорогу онъ сидѣлъ въ передовомъ вагонѣ I класса, который и былъ разбитъ. На послѣдней станціи онъ нѣсколько замѣшкался и выбѣжалъ на платформу, когда поѣздъ уже начиналъ двигаться и потому вскочилъ въ первый попавшійся вагонъ. Эта случайная задержка спасла его жизнь,—какъ въ этомъ не видѣть дѣло Провидѣнія,—ему еще не суждено было умереть.

Самымъ происшествіемъ я не былъ особенно испуганъ, въ мо-

ментъ крушенія мною овладѣлъ какой-то спокойный фатализмъ— что будетъ—то будетъ.

Пришлось ожидать присылки другого локомотива съ ближайшей станціи. Предвидя, что на это пройдетъ значительное время, нѣкоторые пассажиры отправились на крестьянскихъ лошадахъ, которыя подъѣхали къ мѣсту крушенія, на ближайшую станцію балтійской желѣзной дороги, рассчитывая отправиться въ Петербургъ съ слѣдующимъ поѣздомъ. Я не послѣдовалъ ихъ примѣру, и дѣйствительно, пришлось ждать часа четыре прихода другого локомотива и расчистки пути. Въ Петербургъ я засталъ, разумѣется, мое семейство въ большой тревогѣ, такъ какъ стало извѣстно, что опозданіе поѣзда вызвано его крушеніемъ,—но, наконецъ, я пріѣхалъ, и всѣ успокоились.

По пріѣздѣ въ Петербургъ пришлось пережить необыкновенно печальный моментъ воспоминанія первой скорби. Похороны моей покойной жены происходили зимою,—въ такое время, когда, по случаю мороза, пришлось обложить внутренность могилы только досками. Для предупрежденія просачиванія въ могилу подпочвенной воды, пришлось обложить ее каменной кладкой, и при этомъ, на короткое время вынуть гробъ изъ могилы. Такимъ образомъ я опять увидѣлъ гробъ, заключавшій столь дорогіе для меня останки и на немъ поблекшіе цвѣты, которыми онъ былъ осыпанъ въ день погребенія... Когда гробъ былъ опять помещенъ въ отдѣланную камнемъ могилу, я осыпалъ его свѣжими цвѣтами и, между прочимъ, незабудками, которыя, т. е. незабудки я случайно купилъ у предлагавшаго мнѣ ихъ торговца по дорогѣ. Моя покойная жена обладала замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ; она сочинила серію весьма мелодичныхъ романсовъ, которые появились въ печати. Первый изъ сочиненныхъ ею романсовъ носилъ названіе „незабудка“ и кончался словами: „Mein Mädchen, Dich vergess ich nicht“. Я невольно вспомнилъ эти слова, бросая незабудки въ ея вновь открытую могилу.

Около этого времени я принялся за переводъ замѣчательной англійской книги „Ессе Номо“. Это сочиненіе вышло въ Англіи анонимно (впослѣдствіи я узналъ отъ Побѣдоносцева, что авторъ ея профессоръ Tilly), но съ предисловіемъ Глэдстона. Я прочиталъ въ какомъ-то журналѣ цитаты изъ этой книги, и онѣ такъ меня заинтересовали, что я выписалъ немедленно самую книгу. Чтеніе ея не уменьшило моего интереса, и я рѣшился взяться за ея переводъ,—работа, которая занимала меня въ теченіе двухъ лѣтъ.

Около этого же времени я прочиталъ статью А. О. Гусева— „нравственный идеалъ буддизма и его отношеніе къ христіанству“.

Статья его мнѣ столь понравилась, что я написалъ о томъ автору; такимъ образомъ я вошелъ съ нимъ въ сношенія, затѣмъ, при пріѣздѣ его въ Петербургъ, лично съ нимъ познакомился и многіе годы находился съ нимъ въ довольно частомъ обмѣнѣ мыслей. Это былъ человѣкъ не только богословски, но и вообще очень образованный, съ идеальнымъ настроеніемъ души. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ печатномъ обсужденіи разныхъ богословскихъ вопросовъ и составилъ себѣ имя въ этой области. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ весьма скромный и чрезвычайно симпатичный.

Читая разные вещи, я постоянно дѣлалъ себѣ выписки изъ нихъ, мѣста, особенно меня затрогивавшія, такъ напр., я записалъ слѣдующее:

„Sanctification is not a thing once done for ever, it is a life, a walk, and if we strumble, we can get up again. It is a life of trust, moment by moment, and if for one moment we fail, that is no reason why we should not trust the next moment“.

И затѣмъ слѣдующіе нѣмецкіе стихи:

„Ein Segen liegt in schweren Werke
Dir wächst, wie du's vollbringst die Stärke,
Bescheiden, zweifelnd fängst du's an
Und stehst am Ziel ein ganzer Mann“.

Лѣтніе мѣсяцы я провелъ въ Павловскѣ, на дачѣ родителей моей покойной жены. Любимое развлеченіе мое составляли прогулки по красивому Павловскому парку, которыя были исполнены постоянными воспоминаніями о прошломъ, такъ какъ въ этомъ паркѣ не было, кажется, дорожки, по которой я бы не гулялъ съ покойной женой.

Въ концѣ іюня я опять поѣхалъ за границу, чтобы съѣхаться тамъ съ матушкой и сестрами, которыя находились въ Карлсбадѣ, а затѣмъ, чтобы посѣтить старо-католическій конгрессъ въ Боннѣ.

Группа старокатоликовъ образовалась, какъ извѣстно, по инициативѣ знаменитаго католическаго богослова Деллингера, который, въ числѣ немногихъ другихъ выдающихся богослововъ — Ланге, Шульте, Рейнекенъ и др., не согласился подчиниться рѣшенію Ватиканскаго собора о непогрѣшимости папы. То, на что не рѣшился ни одинъ изъ епископовъ, хотя въ средѣ ихъ многіе были несогласны съ новой доктриной и возражали противъ установленія ея на соборѣ, имѣлъ смѣлость совершить Деллингеръ. Послѣдствіемъ отказа подчиниться рѣшенію Ватиканскаго собора была, разумѣется, его эккоммуникація и оставленіе имъ папской католической церкви.

Желая оставаться, однако, въ лоѣ древней церкви, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ прежнія времена, до тѣхъ новшествъ, которыя были введены въ нее папами, начиная отъ включенія *filioque* въ символъ вѣры, вызвавшаго распадѣніе единой церкви на восточную и западную и всѣхъ послѣдующихъ новыхъ догматовъ, о непорочномъ зачатіи Богородицы и о папской непогрѣшимости, Деллингеръ и присоединившаяся къ нему группа католическихъ богослововъ не захотѣли перейти въ протестантизмъ, а приняли названіе старо-католиковъ. Они выбрали своего епископа Рейнекенса, который получилъ консекрацію отъ ясенитскаго епископа въ Голландіи и своихъ священниковъ, которые затѣмъ были посвящены епископами... Такимъ образомъ, они образовали новый толкъ, принявъ названіе старо-католической церкви.

Разъ старокатолики возвращались къ ученію древней церкви, устраняя всѣ католическія новшества, то въ сущности не было уже препятствія къ соединенію ихъ съ восточною церковью, которая именно и есть та древняя церковь, о возстановленіи которой они мечтали. Мысль о присоединеніи ихъ къ православію должна была поэтому естественно возникнуть, и она возникла.

Въ видахъ содѣйствія осуществленію этой столь желательной цѣли, у насъ образовалось, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича Общество Духовнаго Просвѣщенія при участіи Янышева, Осинина, Кирѣева и многихъ другихъ лицъ. Это общество имѣло главною цѣлью разъясненіе разныхъ богословскихъ вопросовъ вмѣстѣ съ старокатоликами, для подготовленія ихъ присоединенія къ православію. Съ этою же цѣлью у старокатоликовъ устраивались конгрессы, на которыхъ, кромѣ представителей православной церкви, принимали участіе и представители англиканской церкви, такъ какъ идея о соединеніи церквей всегда пользовалась большимъ сочувствіемъ въ Англіи. Такой конгрессъ долженъ былъ состояться осенью 1875 г. въ Боннѣ, и на него отправились изъ членовъ нашего духовнаго общества Кирѣевъ, Янышевъ, Осининъ, Т. И. Филипповъ—вслѣдъ за ними отправился и я, по приглашенію Кирѣева, хотя я тогда еще не былъ членомъ Общества Духовнаго Просвѣщенія¹⁾.

¹⁾ Вскорѣ по возвращеніи изъ Бонна я сдѣлался членомъ этого Общества, что дало мнѣ возможность сказать въ его средѣ рѣчь о свободѣ совѣсти, какъ о томъ будетъ сообщено далѣе. Участіе въ Обществѣ духовнаго просвѣщенія предоставило мнѣ затѣмъ случай прочесть, одновременно съ Соловьевымъ, рядъ лекцій на тему „философскій пессимизмъ и христіанское воззрѣніе на жизнь“. Эти чтенія были потомъ напечатаны въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ и вышли затѣмъ отдѣльной книгой. Вообще съ

Дорога въ Боннъ лежала черезъ Берлинъ. На пути за Вержбовымъ, разразилась сильнѣйшая буря, которая сопровождала насъ до самаго Берлина. Повидимому, этотъ ураганъ прошелъ по всей сѣверной Германіи, ибо на слѣдующій день, уѣзжая изъ Берлина, мы встрѣтились вдоль пути картины сильнаго опустошенія; поломанныя бурей и вырванныя съ корнемъ деревья лежали повсюду по дорогѣ.

Въ Боннѣ я поселился въ гостиницѣ, въ которой, какъ я зналъ, остановился Кирѣвъ съ его сестрою г-жею Новиковой, извѣстною своими статьями въ англійскихъ журналахъ, подъ именемъ О. К. Оправившись отъ дороги, я зашелъ къ нимъ и просидѣлъ у нихъ за чаемъ весь вечеръ, въ бесѣдахъ о будущемъ конгрессѣ, при чемъ выяснилось, что я, разумѣется, могу принять въ немъ участіе только какъ слушатель, но и это представляло для меня большой интересъ. На другой день я сдѣлалъ визиты Янышеву, Осинину, Филиппову—которые всѣ уже съѣхались въ Боннѣ—а также и мѣстнымъ корифеямъ богословамъ Лангену, Шульте, Рейнекенсу и Деллингеру, снабженный карточками отъ Кирѣва. Деллингера, съ которымъ меня особенно интересовало познакомиться, я не засталъ дома и встрѣтился съ нимъ только на первомъ засѣданіи конгресса.

Это первое засѣданіе состоялось въ тотъ же день вечеромъ. Всѣхъ засѣданій было вообще три: въ субботу, въ воскресенье и въ понедѣльникъ. Одновременно съ засѣданіями конгресса происходили частныя совѣщанія православныхъ, съ цѣлью сговориться о предстоящихъ вопросахъ, чтобы дѣйствовать единодушно. Хотя въ этомъ отношеніи вначалѣ происходили нѣкоторыя колебанія, но благодаря умной и теплой рѣчи Осинина¹⁾ и примирительному от-

этого времени начался у меня рядъ богословскихъ работъ, которыя обращали на себя вниманіе богословскихъ журналовъ. Я былъ особенно пріятно пораженъ, когда въ 1903 году я нашелъ въ вышеуказанномъ харьковскомъ богословскомъ журналѣ статью подъ заглавіемъ „Православная Церковь и ученіе нашихъ свѣтскихъ писателей А. С. Хомякова, О. Г. Тернера и В. С. Соловьева“. Сопоставленіе моего имени съ именемъ Хомякова, такъ высоко мною чтимаго, исполнило меня радостнаго чувства и послужило мнѣ къ поощренію и къ поднятію духа.

¹⁾ Профессоръ Осининъ былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ, глубоко религіозный, но далеко не узкій церковникъ, съ широкимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на жизнь и на религію и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный ораторъ. Я съ нимъ сошелся очень близко и оставался съ нимъ въ сношеніяхъ до конца его жизни, которая продолжалась не долго, онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ. Замѣчательна печальная судьба этого человѣка, столь жизнерадостнаго, свѣжаго, воспримчиваго и дѣятельнаго. Вскорѣ послѣ нашего знакомства померла отъ чахотки его молодая жена; какъ онъ этимъ ни былъ убитъ, но онъ искалъ утѣшенія въ занятіяхъ, ко-

ношенію къ дѣлу Янышева и Кирѣева, установилось полное единеніе православныхъ, которое и повело впослѣдствіи къ такому же полному соглашенію съ представителями старокатолической группы по вопросу о символѣ вѣры.

Задачею настоящаго Боннскаго конгресса было опредѣленіе всего того, въ чемъ старокатолики сходятся съ православными. При этомъ на первомъ же засѣданіи возникъ вопросъ о разности символовъ вѣры, т. е. о прибавленіи словъ: *filioque*, по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Въ этомъ засѣданіи, въ которомъ участвовалъ извѣстный Овербекъ, православный священникъ, перешедшій изъ католичества въ православіе, послѣдній возбудилъ не помню какой-то вопросъ о вселенскихъ соборахъ, который, повидимому, совершенно не относился къ обсуждаемому предмету, но который могъ вызвать разнь въ собраніи съ самаго начала; только благодаря примирительному отношенію къ дѣлу Янышева, Осинина и Кирѣева, крайность Овербека, который хотѣлъ быть *plus royaliste que le roi*, удалось загладить. Затѣмъ пренія стали происходить въ духѣ полного и мирнаго объединенія и на первый же разъ достигли полного успѣха. Единогласно было рѣшено принять текстъ православнаго символа безъ измѣненія, т. е. исключить слово: *filioque*. Рѣшенія конгресса получили 2/14 августа 1875 г. въ Боннѣ окончательно формулировку въ слѣдующихъ девяти тезисахъ, изложенныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, которые были приняты всѣми присутствующими:

1) Wir stimmen überein in der Annahme der ökumenischen Symbole und der Glaubensentscheidungen der alten ungetheilten Kirche.

2) Wir stimmen überein in der Anerkennung, dass der Zusatz des Filioque zum Symbolum nicht in kirchlich rechtmässiger Weise erfolgt sei.

3) Wir bekennen uns allerseits zu der Darstellung der Lehre vom h. Geist, wie sie von den Vätern der ungetheilten Kirche vorgetragen wird.

4) Wir verwerfen jede Vorstellung und jede Ausdrucksweise, in welcher etwa die Annahme zweier Principien in der Dreieinigkeit enthalten wäre.

Wir nehmen die Lehre des heiligen Johannes von Damaskus

торымъ продолжалъ предаваться съ прежнею энергіею. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ самъ долженъ былъ подвергнуться чрезвычайно опасной операциі, которая оставила на всегда въ немъ слѣды (искривленіе мускуловъ лица), и несмотря на все это, онъ оставался все же тѣмъ же живымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ до конца жизни, который послѣдовалъ немного лѣтъ спустя.

über den heiligen Geist, wie dieselbe in folgenden Paragraphen ausgedrückt ist, im Sinne der Lehre der alten ungetrennten Kirche an:

1) Der h. Geist geht aus dem Vater als dem Anfang der Ursache der Quelle der Gottheit (Directa Sententia n. 1 Contra Monich n. 4).

2) Der h. Geist geht nicht aus dem Sohne, weil es in der Gottheit nur Einen Anfang. Eine Ursache gibt, durch welche alles, was in der Gottheit ist, hervorgebracht ist (De fide orthod. 1, 8).

3) Der h. Geist geht aus dem Vater durch den Sohn (de fide orthod. 1, 12 c. Monich n. 5. De hymno Trirag. n. 28 Hom. in Sabb. 3. n. 4).

4) Der h. Geist ist das Bild des Sohnes, des Bildes des Vaters (de fide orthod. 1, 13) aus dem Vater ausgehend und im Sohne ruhend als dessen ausstrahlende Kraft (de fide orthod. 1, 7 Ibid. 1, 12).

5) Der h. Geist ist die persönliche Hervorbringung aus Vater dem Sohne angehörig, aber nicht aus dem Sohne, weil er der Geist des Mundes der Gottheit ist, welcher das Wort ausspricht (de Hymno Trirag. n. 28).

6) Der h. Geist bildet die Vermittelung zwischen dem Vater und dem Sohne und ist durch den Sohne mit dem Vater verbunden (de fide orth. 1, 13).

Всѣ цитаты приведены въ оригинальномъ протоколѣ и въ греческомъ текстѣ.

Въ одномъ изъ засѣданій конгресса Деллингеръ произнесъ рѣчь, длившуюся болѣе часа, о вредѣ, который нанесъ ультрамонтанизмъ іезуитовъ всѣмъ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ господствовалъ іезуитскій элементъ. Замѣчательно было слушать, съ какимъ жаромъ этотъ, кажется восьмидесятилѣтній, старецъ говорилъ объ этомъ предметѣ. Видно было, что онъ убѣжденный и ярый врагъ іезуитовъ, вызвавшихъ Ватиканскій соборъ и причинившихъ церкви столько вреда.

Въ воскресенье утромъ православные члены конгресса присутствовали на старокатолической литургіи.

Въ понедѣльникъ утромъ происходило заключительное засѣданіе, на которомъ Деллингеръ и произнесъ свою вышеуказанную замѣчательную рѣчь. Это засѣданіе завершилось общею торжественною молитвою (сколько помню) о дарованіи успѣха дѣлу соединенія церквей, и затѣмъ окончательно было прочитано „Отче нашъ“. Въ этотъ день мы, русскіе, собрались вмѣстѣ на дружескую тра-

пезу, и здѣсь началось мое сближеніе съ Янышевымъ и Осининымъ. Въ виду достигнутыхъ результатовъ, мы были всѣ въ превосходномъ настроеніи духа.

Вечеромъ того же дня всѣ участники конгресса соединились за ужиномъ, и разумѣется, всѣ тоже были въ самомъ тепломъ настроеніи. Во время ужина Рейнекенсъ и Янышевъ произнесли двѣ замѣчательныя рѣчи, указавъ на христіанское чувство, искренность и откровенность, царствовавшія въ засѣданіяхъ,—настроеніе, которое со стороны всѣхъ участниковъ было положено въ основаніе обсужденій по этому святому дѣлу. Съ особенною теплотой высказался Янышевъ о предстоящемъ началѣ соединенія церквей. И впослѣдствіи І. Л. Янышевъ всѣми силами продолжалъ содѣйствовать успѣху начатаго дѣла.

Передъ отъѣздомъ со всѣхъ членовъ конгресса была снята общая фотографическая группа.

Дни, проведенные мною въ Боннѣ, представляли для меня высшій интересъ. Во-первыхъ, сближеніе съ Янышевымъ, Осининымъ и Филипповымъ ввело меня именно въ кругъ той сферы, которой я искалъ въ Петербургѣ, и которой въ Петербургѣ было бы гораздо труднѣе достигнуть; затѣмъ, знакомство и разговоры съ самыми выдающимися дѣятелями старокатолицизма и со многими другими замѣчательными личностями не могло не имѣть для меня большой цѣны. Въ Боннѣ я познакомился между прочимъ съ преосвящ. Ликургомъ, архіепископомъ Сиры. Этотъ почтенный старецъ, больной, чахоточный, не пострашился, несмотря на свою болѣзнь, пріѣхать въ Боннѣ, чтобы оказать посильное содѣйствіе дѣлу единенія церквей, которому такъ жарко сочувствовало его любвеобильное сердце. Онъ на меня произвелъ глубокое впечатлѣніе; я ему представился и просилъ его благословенія, о которомъ я впослѣдствіи нерѣдко вспоминалъ въ трудныя минуты жизни.

Но что особенно имѣло для меня значеніе, это — сознаніе, что мнѣ удалось принять хотя небольшое участіе въ такомъ міровомъ событіи. Въ окончательной редакціи протокола засѣданія въ одномъ мѣстѣ была принята предложенная мною редакція.

Дѣло соединенія церквей, начавшееся, повидимому, столь обещающимъ образомъ, достигнувъ въ первое же засѣданіе конгресса единенія въ символѣ вѣры со старокатоликами — къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ не оправдало возложенной на него надежды. Со времени Боннскаго конгресса 1875 года прошло 30 лѣтъ, и дѣло, повидимому, нисколько не двигается, хотя конфессіональные конгрессы старокатоликовъ повторялись съ тѣхъ поръ почти ежегодно.

Несмотря на то, что почти всѣ догматическіе вопросы оказались

согласованными съ ученіемъ православной церкви, главная трудность полнаго единенія старокатоликовъ съ православными возникаетъ на обрядовой почвѣ и заключается въ разныхъ частностяхъ. Православная церковь получила въ Россіи и на Востокѣ столько національныхъ оттѣнковъ, что чисто догматическое ученіе не всегда сходится съ проявленіями религіозной жизни и частностями мѣстнаго богословскаго ученія. Національная религіозная жизнь присоединила къ догматическимъ истинамъ не малозначительныя прибавки, которыя хотя и не получили у насъ догматическаго освященія (какъ это произошло въ католической церкви), но которыя все же пользуются въ странѣ и народѣ несомнѣннымъ авторитетомъ, — частности, на которыя старокатоликамъ трудно идти. Затѣмъ, и въ догматическомъ отношеніи, несмотря на достигнутое соглашеніе по существу, происходятъ еще, со стороны нѣкоторыхъ нашихъ богослововъ, споры о словахъ, о выраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, старокатолики согласились съ нами, что въ таинствѣ причащенія мы приобщаемся подъ видомъ хлѣба и вина истинно тѣломъ и кровію Спасителя. Но у насъ нѣкоторые богословы этимъ не довольствуются и требуютъ непременно употребленія слова „пресуществленіе“. Этотъ собственно философскій терминъ ни въ древней церкви, ни даже первоначально въ русской церкви не употреблялся: онъ былъ заимствованъ нами въ послѣдствіи изъ католическаго ученія, съ которымъ мы встрѣтились въ Кіевѣ; отъ католиковъ это выраженіе перешло къ намъ, такъ какъ вообще въ тѣ времена мы многое заимствовали у западныхъ католическихъ богослововъ. Между тѣмъ, старокатолики считаютъ эту прибавку излишнею и слишкомъ напоминающею католическое ученіе.

Съ другой стороны, и старокатолики стали въ послѣднее время какъ-то особенно сочувственно относиться къ англиканскимъ протестантамъ, но и съ ними они вполнѣ, разумѣется, слиться не могутъ. Такимъ образомъ, они находятся въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи: они отъ одного берега отстали, а къ другому все еще не могутъ пристать. Сочувствуя протестантамъ въ смыслѣ свободы и нѣкотораго раціонализма, они вмѣстѣ съ тѣмъ не желаютъ отстать отъ идеи видимой церкви. Такое положеніе составляетъ ихъ слабость, и вотъ почему число сторонниковъ старокатолической церкви, которое въ первое время значительно росло, особенно въ Южной Германіи и Швейцаріи, въ послѣднее время почти не испытываетъ приращенія.

На другой день я оставилъ Боннъ и отправился по Рейну въ мѣстечко Ланштейнъ и оттуда—въ Эмсъ. Поѣздка по Рейну, богатому чудными видами и историческими воспоминаніями — по его

берегамъ разбросано множество живописныхъ развалинъ средне-вѣковыхъ замковъ — доставила мнѣ истинное наслажденіе. Въ Эмсѣ я провелъ нѣсколько дней, посвященныхъ прогулкамъ въ живописныхъ окрестностяхъ этого городка. Это второй разъ, что я былъ въ Эмсѣ; и замѣчательно, что оба раза это происходило послѣ смерти близкаго лица. Въ первый разъ, какъ уже выше приведено, послѣ смерти отца, а теперь — послѣ смерти жены.

Вблизи Эмса находится мѣстечко Нассау, съ красивымъ замкомъ, принадлежащимъ знаменитому государственному человѣку, барону Штейну, который за свой патріотизмъ подвергался преслѣдованію со стороны Наполеона, долженъ былъ оставить Пруссію и жилъ нѣкоторое время въ Россіи, а послѣ паденія Наполеона онъ занималъ въ Пруссіи мѣсто министра. Въ его министерство было совершено коренное преобразование внутренняго управленія этой страны; благодаря ему произошло полное возрожденіе Пруссіи. Я не хотѣлъ оставить Эмсъ, не побывавъ въ симпатичномъ Нассау. Гуляя по парку, я сѣлъ на скамейку возлѣ замка. Ко мнѣ подошелъ сторожъ; я ему предложилъ сигару, и мы съ нимъ разговорились о разныхъ предметахъ. Во время разговора онъ между прочимъ рассказалъ мнѣ, что онъ незадолго передъ тѣмъ потерялъ свою жену; при этихъ словахъ у него наворачивались слезы на глазахъ. Такое совпаденіе — человѣкъ, съ которымъ я случайно разговаривалъ, какъ будто подъ вліяніемъ нѣкотораго внутренняго влеченія, раздѣлялъ со мною ту же грустную судьбу — меня глубоко затронуло.

Изъ Эмса я опять по Рейну отправился въ Рюдесгеймъ и оттуда черезъ Бамбергъ въ Карлсбадъ, гдѣ я съѣхался съ матушкой и сестрами.

На другой день послѣ моего приѣзда въ Карлсбадъ было воскресенье, и я зашелъ къ обѣднѣ въ русскую церковь. Во время обѣдни священникъ сказалъ рѣчь въ память своего предшественника, отца Константина, упомянувъ, что онъ лишился жены въ цвѣтъ лѣтъ... Послѣ обѣдни служилась панихида въ память о. Константина, и я просилъ помянуть и Софію и самъ искренно молился. Такимъ образомъ постоянно на моемъ пути возникали напоминанія о покойной женѣ.

Въ Карлсбадѣ я провелъ три недѣли, наслаждаясь чудною природой и пользуясь красивыми прогулками, которыми такъ богаты окрестности Карлсбада.

Каждое утро, напившись воды у Шлосбруна, я отправлялся гулять въ горы, съ книгой въ карманѣ. Чаще всего я направлялся въ Kaiserpark. Въ этой восхитительной, окруженной зелеными го-

рами, долинь, я обыкновенно шлъ кофе на верандѣ мѣстнаго кафѣ и затѣмъ погружался въ чтеніе взятой съ собой книги. Занятіе философскими мыслями въ живописной мѣстности доставляло мнѣ всегда особенное наслажденіе. Естественныя красоты природы какъ бы сливались съ красотой возвышенныхъ мыслей. Въ то время я читалъ съ увлеченіемъ книгу Secretan'a, женевского ученаго, товарища извѣстнаго Навиля, „La raison et le christianisme, douze lectures“.

Секретанъ, разбирая различныя философскія ученія—материализмъ, позитивизмъ, идеализмъ, отвлеченный теизмъ—указываетъ на ихъ несостоятельность и приходитъ къ заключенію, что даже съ точки зрѣнія раціональнаго ума (*la raison*), христіанское воззрѣніе на жизнь—единственно правильное и разумное.

Читая въ Карлсбадѣ однажды евангеліе, мое вниманіе остановилось на словахъ Іисуса Христа: „Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я посреди нихъ“. Христосъ требуетъ, такимъ образомъ, общей молитвы. Сознавая, что христіанину слѣдуетъ дѣйствительно проводить въ жизнь христіанскія требованія, я рѣшился предложить матушкѣ и сестрамъ по воскресеньямъ читать съ ними вмѣстѣ евангеліе. Сознаюсь, что мнѣ было не легко сдѣлать имъ это предложеніе, потому что человѣкъ ощущаетъ какой-то ложный стыдъ заявлять другимъ о своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ. Но я превозмогъ это чувство, и мое предложеніе было съ готовностью принято. Кромѣ того, я съ этого времени сталъ читать моей прислугѣ, каждое воскресенье, по утрамъ, воскресное евангеліе, и продолжаю это дѣлать до сихъ поръ.

По окончаніи курса леченія въ Карлсбадѣ мы отправились еще на нѣсколько недѣль въ Берхтесгаденъ. По желѣзной дорогѣ мы доѣхали до Галейна, извѣстнаго своими соляными ключами, гдѣ и наняли экипажъ для слѣдованія въ Берхтесгаденъ, уговорившись въ цѣнѣ съ однимъ изъ кучеровъ, ожидавшихъ пассажировъ на станціи. Погулявъ нѣкоторое время по парку въ Галейнѣ, мы стали искать нашего возницу—но вмѣсто него къ намъ подъѣхалъ другой кучеръ и заявилъ намъ, что тотъ, котораго мы наняли, переуступилъ ему поѣздку. Такъ какъ намъ было все равно, съ кѣмъ ѣхать, то мы сѣли въ его коляску и отправились въ путь. По прибытіи въ Берхтесгаденъ, когда я сталъ расплачиваться съ кучеромъ, онъ довольно нахально сталъ требовать больше условленной платы, говоря, что у нихъ такса, и что онъ требуетъ, чтобы я заплатилъ ему по таксѣ. Послѣ продолжительнаго непріятнаго разговора съ нимъ, я ему объявилъ, что если онъ полагаетъ, что ему слѣдуетъ больше условленнаго съ тѣмъ кучеромъ, который

ему переуступилъ поѣздку, то онъ можетъ обратиться въ полицію, и что если полиція признаетъ его требованіе правильнымъ, то я ему немедленно доплачу остальное. На этомъ дѣло остановилось, и онъ, разумѣется, не обратился въ полицію, но на меня эта сцена произвела самое непріятное впечатлѣніе. Я искалъ въ лонѣ природы мира и покоя, а вмѣсто того, при самомъ же пріѣздѣ въ Берхтесгаденъ пришлось вступать въ препирательства. На другой день я справился въ таксѣ и увидѣлъ, что дѣйствительно по таксѣ слѣдовало доплатить то, что онъ требовалъ. А потому, чтобы не быть несправедливымъ, когда я черезъ нѣсколько дней встрѣтился съ нимъ на улицѣ, я подозвалъ и объяснилъ ему, что я убѣдился, что у нихъ дѣйствительно существуетъ такая такса, и что хотя тотъ кучеръ, съ которымъ мы порядились, и соглашался повидимому ѣхать ниже таксы, но что я не хочу его обижать и потому доплачиваю ему разницу. Онъ былъ, разумѣется, очень доволенъ, а у меня осталось пріятное чувство, что въ настоящемъ сомнѣніи я рѣшился лучше разрѣшить вопросъ въ невыгодномъ для меня смыслѣ, лишь бы не нарушать могущихъ быть правъ другого лица. Окрестности Берхтесгадена восхитительны, особенную прелесть составляетъ озеро Königssee, окруженное высокими скалами. Кромѣ того у самага Берхтесгадена лежитъ гора, съ которой представляется чудный видъ на всѣ окрестности почти до самага Зальцбурга.

Вся эта мѣстность изобилуетъ соляными формаціями и между прочимъ близъ Берхтесгадена находятся разрабатываемыя соляныя копи, и я рѣшился посѣтить такую шахту, доступную для желающихъ ее осмотрѣть.

Прежде спуска въ шахту всѣ посѣтителі должны облечься въ особенный костюмъ, широкія шаровары и полотняную куртку.— Сознаюсь, что въ этомъ костюмѣ дамы представляли весьма курьезную фигуру. Затѣмъ вся публика размѣщается верхомъ другъ за другомъ на толстомъ гладкомъ бревнѣ, находящемся въ наклонномъ положеніи, имѣя впереди шахтмейстера, всѣ вмѣстѣ, держась каждый за сидящаго передъ нимъ, спускаются въ шахту, скользя по бревну. Внизу нашимъ взорамъ представился рядъ залъ, вырубленныхъ въ формаціяхъ каменной соли — представлявшихъ какое-то фантастическое, подземное царство. Прогулявшись по всѣмъ заламъ, мы сѣли по двое, съ возницею впереди, на двухколесныя тачки, въ видѣ велосипедовъ, съ удивительною быстротою промчались по разнымъ подземнымъ корридорамъ и, наконецъ, выѣхали на Божій свѣтъ. Такъ какъ на этихъ велосипедахъ приходилось сидѣть въ равновѣсіи безъ всякой опоры

для ногъ, то невольно, во время этой бѣшеной ѣзды, приходилось ощущать нѣкоторое чувство страха, ибо при малѣйшей потерѣ равновѣсія, можно было упасть въ сторону и при этомъ, двигаясь быстро въ узкомъ корридорѣ, разможжить себѣ голову о скалистыя стѣны.

Около церкви въ Берхтесгаденѣ въ очень живописномъ мѣстѣ находилось кладбище, и я разъ въ лунную ночь, гуляя, зашелъ на это кладбище. Освѣщенные луннымъ свѣтомъ памятники, стоявшіе между деревьями, производили фантастическое впечатлѣніе.

Во время пребыванія въ Берхтесгаденѣ мы встрѣтились тамъ съ нашимъ извѣстнымъ академикомъ и ученымъ геологомъ Григ. Петр. Гельмерсеномъ. Какъ извѣстно, Григорій Петровичъ принадлежалъ къ выдающимся въ то время академикамъ — вмѣстѣ съ Бэромъ и Брандтомъ. Замѣчательно, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя занятія наукой умѣли соединить съ искреннимъ христіанскимъ вѣрующимъ чувствомъ. Въ жизни этого рѣдкаго человѣка произошелъ слѣдующій роковой случай.

Гельмерсенъ былъ женатъ на Кошелевой, сестрѣ или близкой родственницѣ извѣстнаго сверстника Самарина, кн. Черкаскаго, Милютина и сотрудника ихъ по польскому дѣлу. У него было два сына. Старшій, слабохарактерный молодой человѣкъ, доставлялъ мало удовольствія родителямъ, но за то младшій былъ необыкновенно способный, жизнерадостный и порядочный мальчикъ, составлявшій радость отца. И вотъ съ нимъ случилось слѣдующее двойное трагическое происшествіе. Онъ поступилъ студентомъ въ Дерптскій университетъ и тамъ имѣлъ несчастье, по неосторожности, на охотѣ изъ ружья убить своего друга. Легко себѣ представить, какимъ тяжелымъ гнетомъ это несчастное происшествіе легло на душу и молодого человѣка и его бѣднаго отца. Но этого еще не довольно. Годъ спустя, катаясь съ товарищами въ лодкѣ по чрезвычайно быстрой рѣчкѣ Эмбаху, протекающей по Дерпту, у него лодка задѣла за мостъ и опрокинулась. Молодой Гельмерсенъ былъ, кажется, хорошимъ пловцомъ, онъ бросился спасать товарища, котораго уносило теченіе, и самъ при этомъ погибъ въ волнахъ Эмбаха. Все это время я часто видѣлся съ Григоріемъ Петровичемъ и былъ пораженъ, съ какимъ христіанскимъ смиреніемъ и подчиненіемъ волѣ Провидѣнія онъ переносилъ постигшее его несчастье. У Гельмерсена кромѣ того были три дочери, одна изъ нихъ вышла замужъ за капитана, нынѣ контръ-адмирала Моласа, брата Моласа, погибшаго вмѣстѣ съ Макаровымъ, при взрывѣ „Петропавловска“.

Изъ Берхтесгадена мы отправились въ Мюнхенъ, гдѣ я разстался съ семействомъ. Матушка и сестры поѣхали въ Дрезденъ, а я еще заѣхалъ въ мѣстечко Фельдафингъ, на берегу Штарнбергскаго озера. Хотя это озеро далеко не такъ живописно, какъ Кенигсзее, однако оно тоже довольно красиво,—по берегамъ его видѣются разныя мѣстечки, посреди которыхъ разбросаны красивыя дачныя виллы мѣстныхъ городскихъ жителей, вдаль пейзажи окаймляются съ разныхъ сторонъ горныя вершины. На берегу Штарнбергскаго озера находится знаменитый замокъ, построенный королемъ Людвигомъ, въ которомъ содержался впослѣдствіи несчастный король во время постигшаго его умопомѣшательства. онъ Здѣсь же погибъ въ озерѣ, потопивъ себя вмѣстѣ со слѣдовавшимъ за нимъ докторомъ, желавшимъ исторгнуть его изъ озера. На мѣстѣ катастрофы поставленъ теперь въ озерѣ памятникъ. Это трагическое происшествіе совершилось нѣсколько лѣтъ спустя; въ то время берега Штарнбергскаго озера еще не были омрачны этимъ печальнымъ происшествіемъ.

Въ Фельдафингѣ я провелъ нѣсколько дней, гуляя по берегамъ озера и занимаясь разработкой статьи о религіи и наукѣ въ XIX столѣтіи,—мысль, которая у меня явилась передъ тѣмъ еще въ Эмсѣ, во время одной прогулки. Слѣдя за современной литературой въ Германіи, я былъ пораженъ антагонизмомъ, который все сильнѣе проявлялся тамъ между представителями науки и духовными лицами,—антагонизмъ, который впослѣдствіи выразился въ пресловутомъ культуркампфѣ уже при Бисмаркѣ. Мнѣ казалось, что собственно коренныхъ причинъ для разлада между наукой и религіей не существуетъ. Антагонизмъ этотъ выросъ главнымъ образомъ на почвѣ католическаго ультрамонтанизма и схоластики. Осужденіе свободы мысли и научнаго изслѣдованія, выразившееся окончательно въ папскомъ силлабусѣ, выразившемъ всякое самостоятельное научное изслѣдованіе,—не могло, разумѣется, уживаться съ научнымъ развитіемъ, и потому представители науки очевидно должны были заявить протестъ противъ такого гнета—и вотъ откуда возникъ антирелигіозный раціонализмъ. Борьба охватила даже область нравственной жизни, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что всякая исключительно религіозная доктрина безсильна въ нравственномъ отношеніи, какъ лишенная религіозной поддержки. Раціональная нравственная доктрина можетъ только указать людямъ на извѣстный нравственный идеалъ, но не можетъ сообщить имъ внутренней силы, дающей людямъ возможность стремиться къ осуществленію въ жизни даннаго нравственнаго идеала. Противопоставленіе культурной идеи лишено потому основанія—когда рѣчь идетъ о хри-

стіанствѣ, а не о католическомъ ультрамонтанствѣ; напротивъ того, истинное живое христіанство необходимое культурное условіе чело-вѣческаго общества.

Вотъ тѣ главныя мысли, которыя надѣялся развить въ статьѣ, разработку которой я началъ въ Фельдафингѣ и завершилъ вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ насъ ожидалъ непріятный сюрпризъ. Въ квар-тирѣ матушки оказалась покража серебра—разныхъ вещей. Такъ какъ при этомъ замки всѣхъ помѣщеній оказались въ цѣлости, а во время нашего отсутствія въ квартирѣ оставалась служанка матушки, то, очевидно, покража могла быть совершена только при ея участіи. Какъ ни непріятно было это происшествіе само по себѣ, но мнѣ особенно было непріятно то, что предстояло рѣшить, какъ быть съ подозрѣваемой служанкой, т.-е. подать ли обвиненіе на нее въ полицію. Съ христіанской точки зрѣнія слѣдуетъ прощать на-шимъ врагамъ. Въ данномъ случаѣ, подобное обвиненіе имѣло бы послѣдствіемъ окончательную гибель предполагаемой виновницы кражи, и потому я рѣшился уговорить матушку ограничиться не-медленнымъ увольненіемъ означенной женщины, не возбуждая противъ нея никакого дальнѣйшаго преслѣдованія—такъ и было сдѣлано.

Къ концу года я былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей Лужскаго уѣзда; въ этомъ званіи я состоялъ до самаго моего назначенія товарищемъ министра финансовъ. Ежемѣсячно приходилось ѣздить въ Лугу на сессію суда, который состоялъ подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Татищева, кромѣ меня, изъ мировыхъ судей Горда-нова, Самохвалова, Зварковскаго и Скрыдлова, родственника адми-рала Скрыдлова. Сессіи суда продолжались дня два или три. Вече-ромъ, по пріѣздѣ въ Лугу, я обыкновенно занимался разсмо-трѣніемъ дѣлъ, подлежащихъ разбору сессіи, которая продолжалась обыкновенно съ самаго утра до обѣда. Суду приходилось обыкно-венно имѣть дѣло только съ обвиняемыми и свидѣтелями. Разъ только какой-то богатый крестьянинъ, обвиняемый въ тайной про-дажѣ вина, выписалъ изъ Петербурга адвоката для защиты. Это произвело нѣкоторый эффектъ въ мѣстномъ обществѣ, и всѣ ожи-дали, какой будетъ отъ того результатъ. Такъ какъ намъ было до-подлинно извѣстно, что обвиняемый дѣйствительно торговалъ виномъ, на что были положительныя улики, то риторическая рѣчь адвоката очевидно не имѣла дѣйствія, и состоялся обвинительный приговоръ. Вечеромъ, возвращаясь въ Петербургъ, я случайно оказался въ од-номъ вагонѣ съ нашимъ адвокатомъ. Онъ сидѣлъ съ какимъ-то знакомымъ и рассказывалъ ему про свои впечатлѣнія въ Лугѣ, браня

нескончаемо мировыхъ судей, о которыхъ онъ отзывался, какъ о какихъ-то бурбонахъ, чуть не звѣряхъ—очевидно онъ, былъ сильно обиженъ тѣмъ, что его защитительная рѣчь не имѣла успѣха. По выходѣ изъ вагона въ Петербургъ, я подошелъ къ нему на платформѣ и, обратившись къ нему, сказалъ ему: вы, кажется, адвокатъ, защищавшій въ Лугѣ дѣло крестьянина Х-а, я лужскій мировой судья и слышалъ ваши громкіе отзывы въ вагонѣ о лужскихъ судьяхъ; какое бы ни было ваше о нихъ мнѣніе, я совѣтовалъ бы вамъ не выражать его публично, потому что публичное поношеніе суда могло бы имѣть для васъ непріятныя послѣдствія. Онъ ничего не отвѣтилъ и сконфуженно отошелъ въ сторону.

Около этого же времени я поступилъ въ члены казанскаго приходскаго попечительства о бѣдныхъ. Предсѣдателемъ его былъ тогда камергеръ Жуковскій. Послѣ Жуковского и затѣмъ протоіерея Лебедева я былъ выбранъ предсѣдателемъ попечительства и состою таковымъ по настоящее время.

Наступила годовщина дня моей свадьбы. Какъ я уже замѣтилъ, моя покойная жена обладала замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ; послѣ нея остались въ числѣ прочихъ неизданныхъ музыкальныхъ манускриптовъ, положенный на голосъ псаломъ 122:— „Къ Тебѣ возвожу очи мои, живущій на небесахъ“. Она написала это музыкальное сочиненіе, занимаясь контрапунктомъ съ своимъ учителемъ профессоромъ Зарэмбо, который былъ очень религіозный человѣкъ. Мнѣ пришла мысль просить дьякона и регента хора нашей церкви (Конюшенной) переложить сочиненіе моей жены для хорового пѣнія, чтобы исполнить его на панихидѣ, которая должна была служить въ вышеуказанный день. Моя просьба была исполнена, и съ тѣхъ поръ этотъ псаломъ исполняется ежегодно въ церкви въ дни панихидъ, которыя служатся въ память покойной. А такъ какъ величественная гармонія этой мелодіи многимъ очень нравится, то иногда и въ другіе дни этотъ псаломъ поется вмѣсто причастнаго стиха. Когда я слышу вдохновенные звуки творенія покойной, при упокойной молитвѣ за нее же, мнѣ все кажется, какъ будто этимъ устанавливается между нами нѣкоторая духовная связь. Если на томъ свѣтѣ душамъ усопшихъ дано принимать нѣкоторое участіе въ происходящемъ на землѣ, то мнѣ представляется, что душа покойной жены, для которой музыка была выше всего, должна и въ той жизни ощущать духовное наслажденіе, когда въ церковной молитвѣ возносятся Богу ея собственныя мелодіи.

Въ началѣ 1876 г. вышла въ печати моя первая статья по религіознымъ вопросамъ—нѣкоторыя соображенія о старокатоликахъ

и о Боньскомъ конгрессѣ, статья, которую я написалъ по совѣту Осинина. Появленіе моей первой статьи въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ меня тѣмъ болѣе ободрило, что я былъ нѣсколько разочарованъ отказомъ редакція „Голоса“ напечатать мой трудъ—„Наука и Религія“—о которомъ уже была рѣчь. Редакція первоначально приняла мою работу, продержала ее довольно долго и затѣмъ возвратила мнѣ ее подъ предлогомъ, что этотъ спеціально религіозный вопросъ не подходитъ подъ программу журнала. Тогда я рѣшился напечатать ее отдѣльной брошюрой.

Въ то время я уже былъ членомъ общества духовнаго просвѣщенія и началъ принимать въ его засѣданіяхъ живое участіе. Такъ какъ меня очень интересовала мысль о свободѣ совѣсти, потому что, съ религіозной точки зрѣнія, я не могъ не считать существующую у насъ систему религіознаго понужденія великимъ зломъ, то мнѣ захотѣлось сказать въ обществѣ публично рѣчь по этому предмету; посоветовавшись съ профессоромъ Осининымъ и, кажется, Янышевымъ, я рѣшился заявить совѣту общества о моемъ намѣреніи. Для обсужденія этого вопроса было назначено спеціальное засѣданіе совѣта, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, въ Мраморномъ дворцѣ. Послѣ моихъ объясненій, предложеніе мое было принято сочувственно, но со стороны нѣкоторыхъ членовъ совѣта былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли мнѣ предварительно написать мою рѣчь и представить ее въ совѣтъ для прочтенія, т.-е., другими словами, подвергнуть ее домашней цензурѣ. Противъ этого я возразилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, заявляя, что я не могу принять этого условія уже потому, что намѣренъ говорить свободно (хотя и по составленной заранее подробной программѣ)—и потому не могу принять обязательство говорить только то, что мною будетъ впередъ написано, безъ всякихъ отъ того уклоненій. Предложеніе о предварительной цензурѣ моей рѣчи не было поддержано, и самъ Великій Князь высказался въ томъ смыслѣ, что мнѣ должна быть предоставлена полная свобода слова. Отъ меня даже не потребовали сообщенія моей программы.

Засѣданіе, на которомъ я долженъ былъ произнести мою рѣчь, было назначено на воскресенье 14 марта. Не могу сказать, чтобы я спокойно и хладнокровно ожидалъ этой минуты. Говорить, свидѣтельствовать объ этомъ, такъ глубоко затрагивавшемъ меня предметѣ, было за послѣднее время моимъ несомнѣннымъ желаніемъ. И вотъ, когда мнѣ представилась къ тому возможность, мнѣ казалось, что я не довольно воодушевленно, не довольно восторженно отношусь къ этой перспективѣ, а между тѣмъ я сознавалъ, что моя рѣчь, для того, чтобы воздѣйствовать на слушателей, должна бы

быть исполнена священнаго огня и истиннаго воодушевленія. Затѣмъ хотя я имѣлъ тогда уже привычку говорить публично и потому первоначально не сомнѣвался въ томъ, что столь живо затрогивавшій меня сюжетъ найдетъ соотвѣтственное выраженіе въ моихъ словахъ, но по мѣрѣ приближенія назначеннаго дня, я и въ этомъ сталъ сомнѣваться, я себя спрашивалъ, насколько задача, принятая мною на себя, окажется мнѣ по силамъ. Кромѣ того я долженъ указать еще на одно странное возникавшее во мнѣ ощущеніе. До тѣхъ поръ мнѣ никогда еще не приходилось говорить публично о религіозныхъ вопросахъ; меня знали какъ экономиста, отчасти какъ государственнаго человѣка,—и вдругъ я выступаю передъ публикой, чуть ли не какъ христіанскій проповѣдникъ. Мнѣ было какъ будто совѣстно публично передъ людьми заявлять о моихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ и какъ бы свидѣтельствовать о томъ, что я сдѣлался вѣрующимъ христіаниномъ. Нужно было просто нѣкоторое усиленіе воли, чтобы побѣдить вначалѣ это смущеніе.

Дѣйствительно, въ первый моментъ, при началѣ моей рѣчи я ощущалъ какъ-бы нѣкоторое чувство смущенія и только послѣ того, какъ я замѣтилъ, что слушатели слѣдятъ съ усиленнымъ вниманіемъ за моими словами, я отдѣлался отъ этого глупаго настроенія, воодушевился и сталъ говорить съ искреннимъ убѣжденіемъ.

Я положилъ въ основаніе моей рѣчи слѣдующіе восемь главныхъ тезисовъ:

1) Охраненіе извѣстныхъ религіозныхъ убѣжденій въ народѣ не достигается вторженіемъ гражданской власти въ духовную сферу.

2) Смѣшеніе элемента гражданскаго съ духовнымъ задерживаетъ естественное и своеобразное развитіе гражданской жизни и подавляетъ духовную жизнь внѣшнимъ формализмомъ.

3) Противъ научнаго отрицанія, обусловленнаго убѣжденіемъ, возможно бороться только на почвѣ духовной свободы.

4) Христосъ училъ, что пользованіе внѣшнею побудительною властью въ духовныхъ дѣлахъ несовмѣстно съ пониманіемъ христіанскаго духа.

5) Сущность ученія христіанской нравственности: вѣчная истина, безусловная искренность и постоянный прогрессъ.

6) Теплота чувства (любовь) главная внутренняя пружина, приводящая въ движеніе духовный механизмъ христіанской жизни.

7) Послѣдствія означеннаго въ п. 2 смѣшенія лицемѣрія, индифферентизма, формализма и самодовольства—находятся въ прямой противоположности съ понятіями, указанными въ пунктахъ 5-мъ и 6-мъ.

8) Общее начало, истекающее изъ предыдущаго: свобода совѣсти нераздѣльна отъ правильнаго пониманія христіанской идеи.

Я говорилъ просто и свободно, и моя рѣчь, повидимому, произвела впечатлѣніе на слушателей. Графъ Корфъ, который тоже былъ въ числѣ послѣднихъ, сказалъ мнѣ: „вы заживо задѣли“. На другой день мнѣ передавали, что о моей рѣчи много говорятъ въ городѣ. Предметъ рѣчи самъ по себѣ былъ настолько животрепещущій и настолько интересовалъ какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ, что немногаго требовалось отъ говорившаго, чтобы возбудить дѣйствительный интересъ, такъ что я не могъ приписывать достигнутый успѣхъ исключительно достоинству моей рѣчи.

Вслѣдствіе моей рѣчи о свободѣ совѣсти В. П. Безобразовъ предложилъ мнѣ написать пространную статью на эту тему для Сборника Госуд. Знаній¹⁾. Въ этой статьѣ я проводилъ основную мысль, что одео изъ трехъ испытаній Господа дьяволомъ, въ которомъ дьяволъ, показавъ Ему всѣ царства міра сказалъ: поклонись мнѣ и все это дамъ тебѣ—объяснялось отчасти внутренней борьбой, происходившей въ душѣ Спасителя, передъ началомъ его служенія,—когда, сознавая свою божественную власть и силу—Онъ стоялъ передъ выборомъ пойти по стезѣ насилія и своей властію понудить людей покориться Ему, или избрать духовный путь, полный для Него страданій, направленный къ добровольному подчиненію людей Его Святому вліянію. Спаситель избралъ послѣдній путь, а потому каждый разъ, когда церковь обращается къ принужденію религіозной совѣсти людей, она отклоняется отъ пути, избраннаго Спасителемъ. Затѣмъ въ концѣ статьи я разбиралъ наше законодательство по этому предмету и указывалъ на то, какъ оно далеко ушло отъ этого нормальнаго пути.

Эта моя статья благополучно прошла черезъ нашу духовную цензуру. Цензоръ препод. Геласій, хотя и замѣтилъ съ нѣкоторою добродушной улыбкой, что авторъ какъ бы отрицаетъ дѣйствительность искушенія Спасителя дьяволомъ, переводя искушеніе на внутреннюю борьбу, происходившую въ душѣ Спасителя—все же далъ *imprimetur*.

На слѣдующее воскресенье было назначено засѣданіе для отвѣта на мою рѣчь. Оппонентомъ явилось одно очень симпатичное мнѣ и уважаемое мною духовное лицо. Передъ засѣданіемъ мой оппонентъ далъ мнѣ понять въ интимномъ разговорѣ, что онъ принялъ на себя задачу возраженія на мои тезисы не по собственной инициативѣ, а по внушенію высшаго духовенства, которое находило, что нельзя было оставить мою рѣчь безъ отвѣта. Поэтому и по самому существу

¹⁾ Сборникъ Госуд. Знаній, нѣчто въ родѣ Энциклопедіи по этой части, былъ задуманъ и издавался В. П. Безобразовымъ, при участіи первостепенныхъ профессоровъ и ученыхъ.

вопроса, реплика должна была выйти довольно безцвѣтною. Пришлось какъ бы обходить сущность вопроса, такъ какъ трудно было отстаивать насиліе въ дѣлѣ убѣжденія,—поэтому мой оппонентъ сталъ говорить на тему, что совѣсть есть дѣло внутренней жизни, что ее ничѣмъ нельзя стѣснить, и что поэтому нечего говорить о свободѣ совѣсти, она всегда свободна,—что же касается внѣшняго проявленія религіозной жизни, то это другое дѣло и т. д. Хотя я впередъ не зналъ содержанія рѣчи моего оппонента и потому не былъ подготовленъ къ отвѣту, но отвѣчать ему оказалось нетрудно, и, кажется, большинство слушателей отнеслось къ моему отвѣту сочувственно.

Нѣсколько дней послѣ этихъ дебатовъ, ко мнѣ зашелъ Н. А. Кирѣевъ, съ которымъ я былъ знакомъ со времени египетской поѣздки. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ славянскаго общества и душою и тѣломъ преданъ славянскому дѣлу. Желая заручиться и моимъ содѣйствіемъ въ пользу столь близкаго для него дѣла, онъ пришелъ пригласить меня поступить въ члены славянскаго общества. Я отклонилъ, однако, его предложеніе, объяснивъ ему, что я не очень сочувствую славянской агитаціи, да при томъ и безъ того у меня много дѣла, но что я радъ трудиться вмѣстѣ съ нимъ по религіозному вопросу, устройствомъ, если окажется возможнымъ, публичныхъ лекцій, изданіемъ брошюръ и т. п. Мы условились переговорить о всемъ этомъ пообстоятельнѣе въ началѣ предстоящей зимы и затѣмъ начертать планъ дальнѣйшаго образа дѣйствія. Нашей совмѣстной дѣятельности не суждено было однако осуществиться. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я прочелъ въ газетахъ, уже за границей, о смерти Николая Алексѣевича, погибшаго на войнѣ съ турками, мученикомъ за сербское дѣло. Храбрый и опрометчивый, онъ въ первомъ же большомъ дѣлѣ бросился впередъ, желая увлечь за собою своихъ добровольцевъ, но дружина его не поддержала и онъ палъ доблестно на полѣ брани истиннымъ героемъ; принесла ли его смерть пользу дѣлу, это однако остается вопросомъ. Его тѣло не было найдено, такъ какъ поле сраженія осталось за турками.

Кто не прожилъ этого времени, тотъ съ трудомъ можетъ себѣ представить, до какихъ предѣловъ доходила та искусственная агитація, которая тогда велась во всей Россіи и особенно въ Петербургѣ въ пользу поддержанія сербскаго возстанія. Центромъ всего движенія былъ салонъ графини Блудовой, въ связи съ окружавшимъ ее славянофильскимъ кружкомъ. Агитація велась повсюду въ салонахъ, въ публичныхъ мѣстахъ, даже въ вагонахъ конки, по которымъ ходили дамы общества для собиранія пожертвованій въ пользу сербовъ, выказывая очень явственно свое негодованіе къ

тѣмъ, кто не желалъ жертвовать для патронируемаго ими дѣла. На сторонѣ этого движенія была и Императрица Марія Александровна, — наконецъ, дѣло дошло до того, что и Государь, не желавшій войны, былъ противъ воли увлеченъ общимъ движеніемъ. Изъ Россіи направлялись массы добровольцевъ въ сербскую армію, этою арміею командовалъ даже русскій генералъ Черняевъ, и все это кончилось печальнымъ пораженіемъ, такъ что пришлось вступить въ дѣло Россіи. Такимъ образомъ мы искусственно втянулись въ политическую ошибку, которая обошлась намъ дорого и сдѣлала только дѣла другихъ, — Австріи. На это мы жертвовали свою кровь и свои деньги, при томъ, какъ и въ первую восточную (крымскую) войну, надѣясь, до послѣдней минуты, что дѣло ограничится однѣми манифестаціями, потеряли полгода въ ожиданіи, давъ туркамъ возможность воспользоваться этимъ временемъ для того, чтобы подготовиться и завершить свое вооруженіе. Печальный результатъ подобнаго образа дѣйствія достаточно извѣстенъ.

Лѣто 1876 года я опять провелъ съ моимъ семействомъ въ Карлсбадѣ. Въ числѣ русскихъ я встрѣтилъ въ Карлсбадѣ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, А. А. Абазу, К. Д. Домонтовича и извѣстнаго нашего богослова отца Васильева, долгое время бывшаго нашимъ священникомъ въ Парижѣ. Съ Николаемъ Максимиліановичемъ мы часто видѣлись, я его посѣщалъ, по его приглашенію, нерѣдко въ послѣобѣденное время, и мы вмѣстѣ занимались чтеніемъ экономическихъ сочиненій, вспоминая наши прежнія занятія въ Петербургѣ. Помню, какъ на одной прогулкѣ съ нимъ, на извѣстную гору Абергъ, мы съ нимъ разговорились о спиритизмѣ. Я старался убѣдить его въ несостоятельности всего, что говорятъ о матеріализаціи духовъ, но никакъ не могъ разубѣдить его въ его спиритическихъ вѣрованіяхъ; онъ мнѣ утверждалъ, что онъ неоднократно самъ имѣлъ случай убѣдиться въ дѣйствительности спиритизма.

Во время пребыванія въ Карлсбадѣ, я получилъ отъ М. Х. Рейтерна письмо съ порученіемъ ознакоми́ться съ способомъ взиманія въ Австріи таможенныхъ пошлинъ золотомъ, для доклада ему о томъ по возвращеніи въ Петербургъ. Оказывается, что, въ виду все болѣе и болѣе надвигавшейся опасности войны, онъ помышлялъ уже о введеніи и у насъ золотой таможенной пошлины и съ этою цѣлью поручилъ мнѣ собрать соотвѣтствующія свѣдѣнія.

Для исполненія даннаго мнѣ порученія, я отправился по желѣзной дорогѣ въ ближайшую австрійскую пограничную таможеню (не помню ея названія) и безъ всякой рекомендаціи обратилъ къ управляющему таможеней, сообщилъ ему о полученномъ мною отъ рус-

скаго министра финансовъ порученіи и просилъ его ознакомить меня съ существующею у нихъ процедурою. Онъ очень любезно отозвался на мою просьбу, объяснилъ мнѣ весь порядокъ ихъ дѣлопроизводства, сообщилъ мнѣ различные формуляры и вообще поставилъ меня совершенно въ курсъ всего дѣла. Такимъ образомъ, по возвращеніи, я имѣлъ полную возможность удовлетворить желаніе Михаила Христофоровича.

Послѣ Карлсбада мы отправились для, такъ называемой, Nachkur въ Königswart, имѣніе князя Меттерниха, лежащее между Карлсбадомъ и Мариенбадомъ въ красивой мѣстности, не особенно переполненное публикой. Недалеко отъ самаго курорта находился дворецъ князя Меттерниха, окруженный большимъ паркомъ. При дворцѣ былъ устроенъ особенный музей разныхъ замѣчательностей, также открытый для публики. Въ этомъ музеѣ были помѣщены, между прочимъ, разные воспоминанія пребыванія Меттерниха въ Парижѣ, въ качествѣ посла при Наполеонѣ III, богатый костюмъ, который князь носилъ на придворномъ балу, драгоценный кинжалъ, подаренный ему Наполеономъ и т. п.

Окрестности Кенигсварта лѣсисты и красивы. Недалеко отъ самаго Кенигсварта, по дорогѣ въ Мариенбадъ, находится охотничій паркъ, въ которомъ водились олени; для корма этихъ животныхъ въ лѣсу было устроено особое помѣщеніе, куда олени приходили отъ времени до времени, и недалеко отъ этого помѣщенія—трибуна для охотниковъ, которые, такимъ образомъ, безъ труда могли стрѣлять этихъ бѣдныхъ животныхъ, когда они приходили кормиться. Разсказывали, что даже сама княгиня Меттернихъ (игравшая такую выдающуюся роль въ Парижѣ, въ качествѣ царицы модъ) не брезгала этимъ удовольствіемъ и пріѣзжала сюда стрѣлять оленей. Это уже не охота, а бойня. Единственно, что дѣйствительно интересуется въ охотѣ, это отыскиваніе и преслѣдованіе звѣря, — самый же убой не можетъ доставлять никакого пріятнаго чувства, особенно, когда это происходитъ при такихъ условіяхъ.

Въ Кенигсвартѣ меня посѣщали изъ Мариенбада А. Б. фонъ-Бушенъ, о которомъ была рѣчь по поводу статистическаго конгресса, и молодой Левшинъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, сынъ извѣстнаго Алексѣя Иракліевича Левшина, бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ.

А. Б. фонъ-Бушенъ, человѣкъ крайне энергичный и самоувѣренный, пользовался Мариенбадскими водами, не спрашивая совѣта докторовъ. Столь неосторожное отношеніе къ лѣченію Мариенбадомъ имѣло для него, къ сожалѣнію, крайне печальныя послѣдствія. Онъ возвратился въ Петербургъ больнымъ и спустя нѣсколько мѣ-

сяцевъ скончался. Во время болѣзни я его часто посѣщалъ, при чемъ мы часто бесѣдовали съ нимъ о христіанствѣ,—но вызвать въ немъ вѣрующее настроеніе мнѣ не удалось. Человѣкъ крайне правдивый и искренній, онъ не могъ измѣнить своихъ убѣжденій въ послѣднюю минуту жизни и въ этомъ откровенно сознавался. Я провелъ у него послѣднюю ночь передъ его смертью, ухаживая за нимъ вмѣстѣ съ его женою. Печально было смотрѣть, какъ этотъ энергическій и всегда бодрый человѣкъ старался какъ бы побороть смерть, но она была сильнѣе его. Послѣ его кончины, одинъ изъ его родственниковъ справедливо замѣтилъ, что Артуръ Богдановичъ не былъ вѣрующимъ христіаниномъ, но въ жизни по своему благородству и по своимъ отношеніямъ къ людямъ былъ фактически дѣйствительнымъ христіаниномъ. У него было два сына, славные малые; одинъ изъ нихъ умеръ при жизни его, а другой немного лѣтъ послѣ его смерти, такъ что изъ всего семейства осталась только вдова, которая съ удивительною силою духа перенесла постигшія ее несчастія; она довольно долго прожила еще послѣ смерти мужа, посвящая себя образованію дѣвицъ въ качествѣ директриссы какого-то женскаго заведенія.

Изъ Кенигсварта мы отправились еще на нѣсколько недѣль въ окрестности Дрездена, откуда я посѣтилъ Саксонскую Швейцарію, обойдя пѣшкомъ извѣстный Кушталь, оба Винтерберга, Пребишъ Торъ и др. пункты этой живописной мѣстности. Кушталь представляетъ замѣчательную площадку среди скалъ, передъ которою скалы расходятся въ видѣ огромнаго окна, изъ котораго представляется глазамъ далекій живописный видъ на окружающую гористую мѣстность. Названіе Кушталь, т. е. хлѣвъ, это мѣсто получило потому, что во времена тридцати-лѣтней, кажется, войны, крестьяне сгоняли въ это укромное мѣсто свой скотъ, чтобы спасти его отъ враговъ. Замѣчательна также формація Пребишъ Торъ (т. е. Пребишевы ворота); въ этой мѣстности двѣ вертикальныя скалы покрыты другою громадною скалою, очевидно, обрушившеюся на нихъ въ давнія времена,—эта конфигурація представляетъ родъ гигантскихъ воротъ, открывающихъ опять же красивый видъ на предлагающую мѣстность. Все это странствованіе по Саксонской Швейцаріи я совершилъ въ два дня, закончивъ его посѣщеніемъ замѣчательной базальтовой формаціи на самомъ берегу Эльбы, носящей названіе Бастей.

По возвращеніи въ Петербургъ, я доложилъ Рейтерну собранныя мною свѣдѣнія объ устройствѣ способа взиманія таможенныхъ пошлинъ золотомъ въ Австріи. Онъ вполне удовольствовался моимъ докладомъ и немедленно назначилъ засѣданіе для обсужденія озна-

ченнаго вопроса, въ которомъ, кромѣ него самого, участвовали С. А. Грейгъ, Е. И. Ламанскій и я. Въ этомъ засѣданіи Михаилъ Христофоровичъ изложилъ свое мнѣніе о необходимости, въ виду готовившейся войны, ввести золотую таможенную пошлину, чтобы обезпечить государственное казначейство золотомъ, при чемъ полагалъ просто установить взиманіе золотомъ существовавшей таможенной пошлины. Я возражалъ противъ такого предположенія довольно энергически, потому что такое возвышеніе таможенныхъ окладовъ внезапно въ 60⁰/о,—а къ этому приводилъ простой переходъ отъ бумажной къ золотой пошлинѣ—мнѣ казался опаснымъ и могущимъ вызвать разныя неблагопріятныя экономическія пертурбаціи. Я никогда не отрицалъ необходимости сохраненія у насъ таможенной охраны, хотя и слылъ за фритредера, но стоялъ за умѣренную охрану, а потому подобное колоссальное повышеніе охраны, и при томъ сразу, мнѣ представлялось вреднымъ. Несмотря на всѣ мои возраженія, которыя Рейтернъ выслушалъ очень терпѣливо, было все же рѣшено приступить къ предполагаемой мѣрѣ, при чемъ единственное, что мнѣ удалось при этомъ достигнуть, это бонификація въ 10⁰/о—въ каковомъ размѣрѣ былъ уменьшенъ номинальный окладъ пошлины.

Около этого времени мнѣ удалось закончить переводъ перваго тома „Ессе Ното“. Я уже говорилъ выше, что, прочитавъ въ какой-то газетѣ выдержку изъ этой замѣчательной книги, вышедшей съ довольно обширнымъ вступленіемъ, написаннымъ къ ней Глэдстономъ, я выписалъ эту книгу и принялся за ея переводъ. Я думалъ приступить къ печатанію моего труда, но это оказалось не такъ легко. Какъ духовное сочиненіе, оно подлежало духовной цензурѣ; оказалось, что цензура не соглашается дать разрѣшеніе на наборъ статьи съ тѣмъ, чтобы ей были представляемы на просмотръ отдѣльные листы по мѣрѣ ея печатанія, но требовала, чтобы все сочиненіе въ совокупности было представлено ей для просмотра въ манускриптѣ. Это до крайности затрудняло дѣло; моя рукопись, годная для набора, не была, однако, достаточно отчетлива для представленія въ цензуру: пришлось бы переписывать весь манускриптъ, ожидать затѣмъ долгое время его цензурованія и т. д. Не зная, что дѣлать, я рѣшился отправиться къ І. Л. Янышеву, съ просьбой помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Іоаннъ Леонтьевичъ очень любезно отнесся къ моей просьбѣ; объяснивъ мнѣ, что онъ лично, непосредственно, не можетъ сдѣлать никакого распоряженія въ смыслѣ моего желанія (онъ тогда былъ ректоромъ духовной академіи), онъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ архимандриту Виталию, на котораго была возложена цензура духовныхъ книгъ,

чтобы съ нимъ посоветоваться объ этомъ дѣлѣ. Виталій произвелъ на меня на первыхъ порахъ впечатлѣніе человека сухого и крайне сдержаннаго. Онъ принялъ насъ очень учтиво и послѣ продолжительнаго разговора и моихъ объясненій относительно трудности представленія полнаго манускрипта и т. д. предложилъ мнѣ окончательно принести къ нему мою работу, чтобы затѣмъ уже условиться, какъ поступить. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и дня черезъ два отправился къ нему съ моимъ манускриптомъ. Онъ принялъ меня привѣтливо; на столѣ — чай, который онъ мнѣ предложилъ, и мы за стаканомъ чая стали читать мой переводъ. Чтеніе его, очевидно, заинтересовало; онъ предложилъ мнѣ, для ускоренія дѣла, читать ему мой трудъ, съ тѣмъ, чтобы по частямъ, по мѣрѣ прочтенія, сдавать его въ печать. Тѣмъ самымъ устранялась всякая задержка въ печатаніи, и являлась возможность, въ случаѣ необходимости какихъ-либо частныхъ измѣненій въ текстѣ, дѣлать таковыя немедленно по соглашенію со мною. Меня это предложеніе вначалѣ не очень порадовало, потому что это требовало ряда сеансовъ; но, въ интересъ дѣла, я согласился. И что же? эти сеансы, въ которые между чтеніемъ у насъ возникали постоянные разговоры о разныхъ предметахъ, обратились для меня въ очень пріятное занятіе, тѣмъ болѣе, что я располагалъ тогда значительнымъ свободнымъ временемъ. При этомъ, я до того сблизился съ архимандритомъ Виталіемъ, что до конца его жизни пребывалъ съ нимъ, могу сказать, въ интимныхъ, почти дружескихъ отношеніяхъ.

Этотъ человекъ, который на первыхъ порахъ представился мнѣ такимъ сухимъ, оказался человекомъ, скрывавшимъ подъ внѣшнею, сухою оболочкой самое теплое сердце и живой интересъ ко всякимъ вопросамъ религіи и жизни.

Наша совмѣстная работа продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я еженедѣльно пріѣзжалъ по два раза на его квартиру, въ Александро-Невской лаврѣ. Каждый разъ мы читали и бесѣдовали вмѣстѣ по нѣсколько часовъ. Въ сущности, мой переводъ утверждался имъ почти безъ измѣненій; мѣстами онъ исправлялъ мой слогъ, мѣстами указывалъ ближе придерживаться къ оригинальному тексту—такъ что послѣ взаимнаго просмотра мой трудъ значительно выигрывалъ. Прочитанное отдавалось немедленно въ печать, и онъ на набранныхъ листахъ ставилъ свой *imprimetur*.

Уже въ одно изъ первыхъ засѣданій, послѣ работы, у насъ перешелъ разговоръ на очень интимную, задушевную почву. Узнавъ отъ меня о моемъ вдовствѣ, онъ сталъ рассказывать мнѣ, какъ онъ потерялъ свою жену (послѣ чего только онъ и перешелъ въ мона-

шество), какъ онъ былъ этимъ опечаленъ, и какое утѣшеніе онъ находилъ въ своей печали въ чтеніи псалмовъ, указывая, что глубокое значеніе ихъ мы начинаемъ понимать именно въ такое время, когда душа чувствуетъ потребность въ утѣшеніи. На эту тему мы долго бесѣдовали и разстались какъ бы давнишними друзьями, съ глубокимъ взаимнымъ сочувствіемъ.

Съ тѣхъ поръ каждый разъ, за чаемъ, у насъ происходили продолжительныя дружескія бесѣды. При этомъ мы касались всякихъ вопросовъ. Такъ, онъ мнѣ рассказывалъ много интереснаго, между прочимъ, о бывшемъ архимандритѣ Θεодорѣ, въ мірѣ Александрѣ Матвѣевичѣ Бухаринѣ. Это была весьма замѣчательная, можно сказать, даже въ нашихъ церковныхъ сферахъ исключительная личность. Архим. Θεодоръ совершенно посвятилъ себя разработкѣ разныхъ религіозныхъ вопросовъ и религіозно-философскихъ изслѣдованій. Въ этой дѣятельности, которая совершенно наполняла его душу, онъ постоянно былъ стѣсненъ своимъ монашескимъ саномъ и зависимостью отъ духовнаго начальства, лишавшаго его возможности откровенно высказывать свое мнѣніе по разнымъ религіознымъ вопросамъ. Впослѣдствіи, онъ даже вступилъ въ бракъ. Несмотря на такой поступокъ, который въ монашескомъ и церковномъ мірѣ не могъ не считаться скандаломъ, о немъ и въ этихъ сферахъ продолжали отзываться симпатично; прежніе его товарищи оказывали ему даже по временамъ небольшія денежныя пособія, когда, послѣ вступленія въ бракъ, существуя исключительно на скудный гонораръ за свои статьи, онъ нерѣдко крайне нуждался въ средствахъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, какой это былъ хорошій человѣкъ. Объ архимандритѣ Θεодорѣ также крайне симпатично говорилъ мнѣ впослѣдствіи протоіерей Лебедевъ, который его хорошо зналъ. У Лебедева хранились даже послѣ смерти Бухарина разныя, оставшіяся послѣ него, рукописи. Одну изъ нихъ—„Толкованіе на посланіе апостола Павла къ Филиппійцамъ“ — онъ даже передалъ мнѣ, и я пользовался ею, какъ матеріаломъ, при составленіи моего опыта изъясненія этого посланія, какъ объ этомъ и указано въ примѣчаніи къ главѣ I-й моего труда. Объ отношеніяхъ Лебедева къ Бухарину мы находимъ въ некрологѣ Лебедева слѣдующее интересное указаніе: во время пребыванія Лебедева въ Московской духовной академіи архимандритъ Θεодоръ (Бухаринъ) находился тамъ въ числѣ наставниковъ. Личность и богословскіе труды о. Θεодора настолько вліяли на развитіе богословскаго интереса у покойнаго Лебедева, что онъ никогда не забывалъ, при удобномъ случаѣ, говорить объ этомъ и поддерживалъ свои идеальныя связи съ о. Θεодоромъ даже послѣ того, какъ послѣдній сложилъ съ себя

санъ и жилъ въ большой бѣдности, сохранивъ, однако, нелицемѣрное послушаніе свое церкви и ея авторитету. Поэтому, неудивительно, что покойный Лебедевъ не одинъ разъ ѣздилъ на его могилу, въ Переяславль-Залѣсскій, а ранѣе, при его жизни, выступалъ мужественно на защиту его отъ чрезмѣрныхъ нападокъ редактора „Домашней Бесѣды“, Аскоченскаго.

Въ разговорѣ съ Виталіемъ я касался иногда даже весьма деликатныхъ религіозныхъ вопросовъ. Такъ, однажды я возбудилъ при немъ вопросъ о культѣ у насъ Богородицы. Я указывалъ на то, что, по моему мнѣнію, такія молитвы, какъ „Богородице, спаси насъ“, въ сущности отклоняются отъ чистаго православія, поставляя св. Богородицу въ уровень съ Божественнымъ Спасителемъ и превращая ее какъ бы въ Божество. На этотъ деликатный вопросъ о. Виталій не отвѣтилъ мнѣ съ формальной стороны, въ сущности не возражая мнѣ, а только замѣтилъ, что этого не слѣдуетъ принимать буквально, подразумѣвая всегда прибавочныя слова „молитвами Твоими“, и что эта молитва, мало-по-малу, вошла въ наше религіозное чувство.

Мнѣ кажется, что вообще въ то время начинали смотрѣть не такъ формально на разные религіозные вопросы и стали допускать нѣсколько болѣе свободы въ ихъ обсужденіи. Нѣсколько времени спустя, я вновь затронулъ этотъ вопросъ въ печати. Въ моей книжкѣ о Церкви по этому поводу говорится слѣдующее:

„Задача Церкви хранить залогъ истины, т. е. ничего не убавлять и ничего не прибавлять къ вѣчнымъ истинамъ, которыя раскрыты намъ Іисусомъ Христомъ, апостолами и евангелистами... Относительно догматическихъ добавленій намъ, православнымъ, не разъ приходилось выслушивать упреки католиковъ въ томъ, что, идя въ сущности по одному и тому же съ ними пути, мы лицемерно обвиняемъ ихъ въ фабрикаціи новыхъ догматовъ. „Вы насъ обвиняете напримѣръ въ томъ, говорятъ они, что ученіемъ о непорочномъ зачатіи Св. Богородицы, мы создали новый догматъ, но развѣ вы расходитесь съ нами въ воззрѣніяхъ на существо Богородицы. Какое же значеніе слѣдуетъ придать факту празднованія у васъ дня зачатія Пресв. Богородицы (9 декабря). Кромѣ того многія изъ молитвъ, возносимыхъ вами къ Пресв. Матери Божіей (Богородица, спаси насъ и др.), несомнѣнно приписываютъ ей божественную силу“... Для справедливой оцѣнки всего происходящаго въ религіозной жизни народа или помѣстной церкви, необходимо обратить вниманіе на связь явленій религіозной жизни съ историческимъ ея развитіемъ и съ условіями, въ которыхъ происходило это развитіе. Въ теченіи многихъ столѣтій умственное отношеніе къ религіозной истинѣ носило у насъ преимущественно фор-

*

мальний характеръ; внѣшнее проявленіе благочестивой духовной жизни также облекалось, съ своей стороны, въ строго опредѣленный формализмъ, въ которомъ усматривался какъ бы существенный признакъ истиннаго благочестія. При такихъ условіяхъ, то, что служить выраженіемъ благочестивой жизни, молитвы, славословія, даже празднество—могло иногда проявляться въ формѣ, не вполне соответствующей внутреннему существу того или другого догмата. При отсутствіи аналитическаго настроенія въ общей духовной жизни народа и при незначительномъ вліянніи на нее богословской науки, такія явленія были неизбѣжны.

„Такимъ образомъ и въ почитаніи Пресв. Богородицы могли проявляться выраженія, не вполне выдерживающія строгую логическую критику въ догматическомъ отношеніи. Легко понятно, какимъ образомъ простая человѣческая мысль, не провѣряющая себя критическимъ анализомъ, могла склониться къ приписанію Пресв. Матери Божіей божественнаго достоинства; одно понятіе, повидимому, истекало изъ другого... Мы—люди и потому въ нашей жизни и ея явленіяхъ всегда неизбѣжно проявляется несовершенство. Непогрѣшимость принадлежитъ только православной церкви въ ея совокупности, въ ея вселенскости... никакое частное благочестивое мнѣніе, никакое выраженіе религіозной жизни, которыя, съ большимъ или меньшимъ несовершенствомъ могутъ проявляться въ отдѣльныхъ православныхъ церквахъ, не въ состояніи затронуть догмата вселенской церкви“...

Прежде напечатанія отдѣльной книгой мое сочиненіе появилось въ религіозномъ журналѣ ¹⁾, значить, получило апробацію духовной цензуры, которая не остановилась передъ вышеприведенными словами. Молитва „Пресв. Богородица, спаси насъ“ продолжаетъ возноситься въ церкви и по настоящее время,—но едва ли подобное вышеприведенному указаніе на неправильность этой молитвы прошло бы въ настоящее время безпрепятственно чрезъ духовную цензуру.

Насколько болѣе свободное настроеніе преобладало въ то время, усматривается между прочимъ изъ магистерскаго диспута, происходившаго въ томъ же 1876 г. въ духовной академіи, на которомъ я присутствовалъ. Рефератъ проф. Чистовича „о павликіанахъ“ былъ въ сущности всецѣло *plaidoyer* въ пользу свободы совѣсти.

Но возвращаюсь къ моимъ отношеніямъ къ архимандриту Виталію. Наши сношенія не ограничивались совмѣстными занятіями, онъ

¹⁾ Оно началось печатаніемъ въ „Православномъ Обозрѣніи“, а по прекращеніи этого журнала, продолжало печататься въ Харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, который вновь перепечаталъ и все начало его.

посѣщалъ меня и на дому и познакомился съ моимъ семействомъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили на лекцію Янышева, и такъ какъ въ Лавру, послѣ извѣстнаго часа вечеромъ ему неудобно было возвращаться, то онъ въ этотъ день ночевалъ у меня. Вечеромъ за чайнымъ семейнымъ столомъ, онъ сталъ по обыкновенію молиться передъ приступленіемъ къ чаю и удивился, что у насъ въ столовой не было иконы, на которую можно бы было помолиться. Онъ это замѣтилъ намъ и на слѣдующій разъ, когда онъ опять пріѣхалъ къ намъ, онъ привезъ намъ въ даръ икону, чтобы повѣсить ее въ нашей столовой. Хотя онъ самъ былъ очень расположенъ къ иконамъ Богоматери, но зная, изъ разговоровъ со мною, что я не сочувствую тому безграничному почитанію Пресв. Богородицы, которое у насъ проявляется, онъ, относясь крайне деликатно къ моему настроенію, поднесъ намъ икону не Богоматери, а Спасителя съ евангеліемъ, которая и до сихъ поръ виситъ у насъ въ столовой.

Такъ какъ въ то время очень много было разговоровъ о Рэдстокѣ, то и Виталій заинтересовался имъ и спрашивалъ меня о немъ. Я ему предложилъ вмѣстѣ со мною поѣхать въ лорду Рэдстоку, чтобы познакомиться съ нимъ. Онъ принялъ мое предложеніе, и мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали къ Рэдстоку въ гостиницу (который былъ предупрежденъ мною о предстоящемъ посѣщеніи). Рэдстока мы застали среди его семейства, жены и очень милыхъ дѣтей и просидѣли у него болѣе часа въ мирной бесѣдѣ. Въ разговорѣ Рэдстокъ, выражаясь съ почтеніемъ о нашей церкви, указывалъ однако на проявляющійся въ ней формализмъ. Виталій, съ своей стороны, объяснялъ ему символическое значеніе нашихъ обрядовъ, и Рэдстокъ съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ его объясненія. Нѣсколько дней спустя лордъ Рэдстокъ отдалъ вмѣстѣ со мною визитъ архимандриту Виталію, посѣтивъ его въ Лаврѣ.

Наши интимныя сношенія съ Виталіемъ продолжались въ теченіе всего времени пребыванія его въ Петербургѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ назначенъ викарнымъ, а впослѣдствіи и епископомъ въ одну изъ западныхъ губерній, кажется Могилевскую. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись съ нимъ только въ его рѣдкія посѣщенія Петербурга.

Считая долгомъ выразить архимандриту Виталію мою благодарность за его содѣйствіе успѣху моего перевода, я предпослалъ второму тому изданія слѣдующія слова:

„Оканчивая настоящій переводъ, считаю пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность отцу архимандриту Виталію за благосклонное содѣйствіе, которое онъ оказалъ мнѣ въ моемъ трудѣ.

„Отецъ архимандритъ Виталій посвятилъ не мало часовъ на пересмотръ со мною перевода Ессе Ното, и его совѣтамъ, осно-

ваннымъ на обширномъ знакомствѣ съ книгами Священнаго Писанія и съ выраженіями нашей богословской рѣчи, я въ значительной мѣрѣ обязанъ какъ точностію, такъ и внутреннею соотвѣтственностію передачи многихъ мѣстъ англійскаго оригинала".

Когда печатаніе моего перевода стало приходить къ окончанію, я нашелъ нужнымъ позаботиться о полученіи разрѣшенія автора на переводъ его книги. Хотя съ формальной стороны я въ этомъ и не нуждался, такъ какъ книга вышла анонимно и при томъ у насъ съ Англіей не существовало договора объ охранѣ литературной собственности, но я не считалъ деликатнымъ поступиться въ настоящемъ случаѣ разрѣшеніемъ автора. Не зная имени автора (проф. Silly, какъ я узналъ впослѣдствіи), трудно было получить отъ него самого согласіе, и потому я рѣшился обратиться къ Гладстону, написавшему вступленіе къ Ессе Ното. Въ моемъ письмѣ, сообщая ему, что я перевелъ эту книгу, и что имя автора мнѣ неизвѣстно, я обращался къ нему съ просьбой какъ о разрѣшеніи на печатаніе перевода его вступленія, такъ и объ исходатайствованіи такого же разрѣшенія отъ самого автора книги, который ему, безъ сомнѣнія, извѣстенъ.

Знаменитый государственный мужъ не оставилъ моего письма безъ отвѣта; онъ сообщилъ мнѣ, что къ изданію русскаго перевода препятствія не встрѣчается, и просилъ меня только, когда выйдетъ книга, прислать ему два экземпляра оной (вѣроятно, одинъ для него, а другой для автора). Я это, разумѣется, исполнилъ, и такъ какъ Виталіемъ были сдѣланы въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя оговорки съ указаніемъ на неточность нѣкоторыхъ воззрѣній автора, впрочемъ небольшихъ частныхъ, то полагая, что характеръ этихъ замѣтокъ будетъ интересоватъ какъ самого Гладстона, такъ и автора книги, я приложилъ переводъ на французскомъ языкѣ этихъ подстрочныхъ примѣчаній.

По полученіи моей посылки, Гладстонъ извѣстилъ меня о полученіи книги и присовокупилъ, что онъ находитъ замѣчанія Виталія основательными и заслуживающими уваженія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приложилъ къ своему письму слѣдующее краткое стихотвореніе:

If I ask Him to revive me
Will he say me way?
Not tell earth and not till Heaven
Pass away.

Два автографа Гладстона я сохранилъ какъ драгоценный предметъ.

Отзывы Гладстона на замѣтки Виталія я сообщилъ послѣднему, и это, кажется, доставило немало удовольствія и удовлетворенія отцу архимандриту.

Такимъ образомъ первый томъ Ессе Номе, въ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ Глэдстона, вышелъ въ 1876 году. На заглавномъ листѣ я посвятилъ мой трудъ „памяти Софіи Александровны Тернеръ“, желая эту первую значительную мою работу связать мысленно съ памятію о моей женѣ—какъ бы въ видѣ новой духовной связи съ усопшею.

Переводъ Ессе Номо вышелъ въ послѣдствіи вторымъ изданіемъ, и мнѣ многіе отзывались крайне сочувственно объ этой книгѣ; разъ даже въ дорогѣ, во время одной официальной командировки, ко мнѣ подошелъ совершенно неизвѣстный мнѣ молодой инженеръ и просилъ позволенія благодарить меня за наслажденіе, доставленное ему чтеніемъ моего перевода Ессе Номо.

Для характеристики этого сочиненія, считаю не безынтереснымъ привести здѣсь текстъ объяснительнаго предисловія, которое я считалъ нужнымъ предпослать переводу:

„При всей необъятности для человѣческаго ума тайны воплощенія Сына Божія, — эта величайшая и сокровеннѣйшая тайна, составляющая одно изъ основаній спасительной вѣры, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства и донинѣ постоянно продолжаетъ занимать мысли людей и служить предметомъ человѣческихъ изслѣдованій.

„Мы рѣшаемся представить нашимъ читателямъ, въ переводѣ, одно изъ такихъ изслѣдованій. Своеобразный характеръ его заключается въ томъ, что, оставаясь на христіанской почвѣ, т. е. не увлекаясь въ ложную односторонность реализма, отрицающаго божественность Спасителя, неизвѣстный авторъ сосредоточиваетъ свое изслѣдованіе преимущественно на человѣческой сторонѣ личности Иисуса Христа, стремясь какъ бы постепенно вознестись отъ понятія сына человѣческаго къ понятію о Сынѣ Божіемъ.

„Нельзя не признать, что боязнь преклониться передъ какимъ бы то ни было внѣшнимъ авторитетомъ и готовность принимать только то, что можетъ быть подвергнуто непосредственной повѣркѣ, слѣдуетъ отнести къ числу главнѣйшихъ причинъ невѣрія въ наше время. Между тѣмъ величіе сверхъестественныхъ событій, которыми до очевидности подтверждается божественность Иисуса Христа, какъ-то: Его воскресеніе, явленіе Воскресшаго апостоламъ, посланіе имъ Св. Духа и другія—такого рода, что они не подчиняются возможности личной провѣрки и потому обыкновенно отвергаются невѣрующими.

„Въ виду подобнаго затрудненія авторъ Ессе Номо, относясь къ заблуждающимся, но честнымъ искателямъ истины съ соболѣзнованіемъ и чистосердечнымъ доброжелательствомъ, стремится указать имъ надежный путь для достиженія истины, по которому, какъ

видно изъ его предисловія ¹⁾, онъ самъ прошелъ и который привелъ его къ цѣли. Убѣдившись собственнымъ опытомъ, что одного углубленія въ высокую нравственную чистоту ученія и дѣлъ Спасителя уже достаточно для того, чтобы сознать Его божественность, авторъ предлагаетъ читателямъ поставить себя въ положеніе первоначальныхъ послѣдователей Христа, предъ взорами которыхъ вышеуказанныя великія событія, непреложно свидѣтельствующія о его божественности, были также еще сокрыты, и, подобно имъ, внимать словамъ Его ученія и углубляться въ Его жизнь и Его дѣла. Но только для того, чтобы и этимъ путемъ дойти до истины, необходимо, по крайней мѣрѣ, приступить къ изслѣдованію этого ученія и этихъ дѣлъ съ такою же простотою и непринужденною искренностью, съ которою первые ученики Христовы взирали на своего учителя. Передъ тѣми людьми, которые рѣшатся на подобное изслѣдованіе, несомнѣнно раскроется, въ послѣдствіи, познаніе и всѣхъ прочихъ сторонъ христіанской вѣры, подобно тому, какъ таковыя открылись въ послѣдствіи и передъ первыми учениками Іисуса Христа.

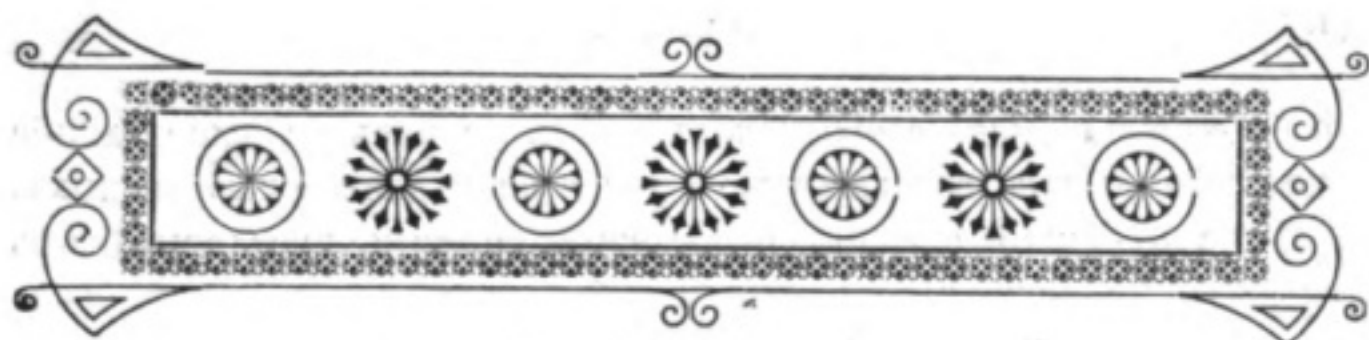
„Такимъ образомъ на предлагаемое сочиненіе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на точное изложеніе христіанскаго догматическаго ученія, а какъ на подготовительное изслѣдованіе, могущее даже въ невѣрующемъ, но искренно относящемся къ этому важному вопросу человѣкѣ, вызвать такое настроеніе ума, которое бы дѣлало его, въ послѣдствіи, способнымъ проникнуть въ неизмѣримую глубину христіанскаго ученія и предать себя Христу“.

Сочиненіе Ессе Ното вышло въ Англіи 13-ью изданіями и вызвало самыя разнообразныя критическія оцѣнки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ немъ авторъ говоритъ: кто чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ обыкновенными понятіями о Іисусѣ Христѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуть живою потребностью составить себѣ опредѣленное понятіе о Немъ, (тому) необходимо мысленно перенестись въ тѣ времена, когда Тотъ, Котораго мы называемъ Христомъ, еще не носилъ этого имени, а представлялся людямъ, по описанію Св. еванг. Луки, молодымъ, многообщающимъ человѣкомъ, пользовавшимся любовью въ средѣ тѣхъ, которые его знали, и особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ,—и затѣмъ прослѣдить шагъ за шагомъ все его послѣдующее жизнеописаніе. Такую работу предпринялъ авторъ настоящей книги для собственнаго удовлетворенія, послѣ того, какъ прочиталъ не малое число сочиненій о Іисусѣ Христѣ, онъ принужденъ былъ сознаться, что нѣтъ другой исторической личности, которой—побужденія, цѣль и чувствованія оставались бы для него столь непонятными. Изслѣдованію, оказавшемуся полезнымъ для самого автора, можетъ быть, суждено привести пользу и другимъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турцей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Новый главнокомандующій генераль Кутузовъ.

Но прибытіи Кутузова, я передалъ ему командованіе арміей и посвятилъ во всѣ подробности, которыя еще ему не были извѣстны. Сначала онъ прямо поразилъ меня своей неутомимой дѣятельностью, къ которой мы совсѣмъ не привыкли, но его энергія скоро остыла, и обычная лѣность, по-прежнему, вошла въ свои права. Тутъ-то я и замѣтилъ, какъ онъ сильно опустился за послѣднее время. Были ли тому причиной его года или онъ пересталъ бороться со своими недостатками, но только, несмотря на весь его умъ, дурныя его стороны особенно выдались въ этой войнѣ, чего не можетъ не отмѣтить исторія ²⁾.

Первымъ дѣломъ Кутузова, по пріѣздѣ въ Бухарестъ, было отыскать себѣ владычицу; сдѣлать это было совсѣмъ не трудно, но его выборъ поразилъ насъ. Онъ палъ на 14-лѣтнюю дѣвочку, племянницу Ворлама и бывшую уже замужемъ за однимъ молодымъ бояриномъ Гуніаномъ. Она очень понравилась Кутузову, и онъ, хорошо зная валахскіе нравы, приказалъ ея мужу привезти ее къ нему, что тотъ и исполнилъ. На слѣдующій день Кутузовъ представилъ намъ свою возлюбленную и ввелъ ее въ общество, но, къ несчастію, этотъ ребенокъ (какъ и всѣ женщины,

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1909 г.

²⁾ Гр. Ланжеронъ и здѣсь остается вѣрнымъ своему предвзятому нерасположенію къ Кутузову. Ред.

кто бы онѣ ни были) скоро началъ имѣть на насъ большое вліяніе и пользовался имъ исключительно для себя и для своихъ родныхъ.

Когда 64-лѣтній старикъ, одноглазый, толстый, уродливый, какъ Кутузовъ, не можетъ существовать безъ того, чтобы имѣть около себя трехъ, четырехъ женщинъ, хвастаясь этимъ богатствомъ—это достойно или отвращенія или сожалѣнія; но когда послѣднее изъ этихъ созданій управляетъ имъ совершенно, руководитъ всѣми его дѣйствіями, дурно на него вліяетъ, раздаетъ мѣста, то тутъ уже отвращеніе уступаетъ мѣсто негодованію.

Повсюду, гдѣ женщины имѣютъ слишкомъ много власти и вмѣшиваются въ политическія дѣла, всегда ихъ вліяніе—болѣе или менѣе роковое для ихъ страны. Черезъ нихъ погибла Польша, ими же много вреда сдѣлали Франціи, но въ Россіи онѣ имѣли меньше вліянія потому, что нація уже привыкла видѣть ихъ на тронѣ, а слѣдовательно видѣть и мужчинъ, управляющихъ только ихъ именемъ.

Немного времени спустя, послѣ прибытія Кутузова, молодой князь Суворовъ отправился въ Яссы, гдѣ находилась его дивизія, но черезъ недѣлю онъ возвратился обратно, чтобы отыскать кого-либо для займа денегъ. Ему очень удобно было сдѣлать это въ Бухарестѣ, такъ какъ тамъ его репутація стояла очень высоко. Получивъ деньги, онъ поѣхалъ въ Яссы, но по дорогѣ утонулъ въ р. Рымникѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Рейсъ-эффенди съ своей арміей, послѣ пораженія, нанесеннаго туркамъ въ 1789 году знаменитымъ отцомъ молодого князя, были потоплены. По какому-то року фатализма, сыну суждено было погибнуть именно на томъ мѣстѣ, гдѣ его отецъ стяжалъ себѣ славу и даже названіе котораго было присоединено къ его фамиліи. Надо также замѣтить, что за 6 мѣсяцевъ до этого несчастнаго происшествія молодой Суворовъ, проѣзжая этотъ Рымникскій потокъ, съ усмѣшкой восклицалъ: „Я вижу, что и мой отецъ умѣлъ иногда преувеличивать. Онъ доносилъ, будто 10 тысячъ турокъ потонули здѣсь, а я думаю, что и курица можетъ здѣсь пройти, не замочивъ ногъ“. — Если бы Суворовъ подождалъ хоть полчаса, когда быстро несущійся горный потокъ утихъ, онъ могъ бы свободно переѣхать черезъ него; но онъ захотѣлъ бравировать и погибъ. Сильнымъ напоромъ воды перевернуло его коляску, тогда онъ вскочилъ на лошадь, но упалъ вмѣстѣ съ нею и былъ увлеченъ водами Рымника. Генераль Удомъ, остававшійся въ коляскѣ, былъ унесенъ потокомъ на полъ-версты, искалѣченный до полусмерти о камни, несомые потокомъ; онъ былъ, въ безсознательномъ состояніи, выброшенъ на берегъ; онъ спасся отъ смерти, но поплатился долгой болѣзнью.

Начальникомъ М. Валахія, гр. Каменскимъ, былъ назначенъ ген. Зассъ. Совершенно не зная его въ нравственномъ отношеніи, графъ поручилъ ему покровительствовать торговлѣ съ Виддиномъ и Трансильваніей. Это былъ неистощимый источникъ богатства, такъ какъ онъ долженъ былъ собирать пошлыны, въ размѣрѣ 2 дукатовъ съ каждаго тюка товара, Зассъ же бралъ вдвойнѣ и, такимъ образомъ, онъ укралъ изъ государственной казны болѣе 10 тысячъ дукатовъ ¹⁾).

Общественное мнѣніе о грабежахъ Засса, жалобы жителей М. Валахія и боязнь Австріи, негоціанты которой, безпокоясь за свою будущность, тоже начали заявлять о безчинствахъ Засса, все это заставило Кутузова смѣстить его и назначить на это мѣсто ген. Войнова, но Зассъ не испугался этой строгости и, зная хорошо характеръ Кутузова, уже составилъ планъ дѣйствій съ нимъ. Онъ явился въ Бухарестъ и, нисколько не стѣсняясь, съ своей обычной увѣренностью и нахальствомъ, сталъ вездѣ бывать, а г-жа Зассъ, смѣлая и предпріимчивая особа, какъ всѣ женщины, занимающіяся какимъ-либо ремесломъ, позволила себѣ высказать графинѣ Тизенгаузенъ, дочери Кутузова, пріѣхавшей на нѣсколько дней къ своему отцу, дерзкія обвиненія противъ нашего главнокомандующаго, прибавивъ, что ея мужъ собирается подать на него жалобу Двору. Г-жа Тизенгаузенъ, полная негодованія, передала объ этомъ происшествіи своему отцу, ожидая, что онъ еще больше возстанетъ противъ Засса, но случилось совершенно противоположное: при одномъ словѣ „Дворъ“ Кутузовъ задрожалъ отъ страха, Зассъ же увѣрилъ его, что только единственно онъ можетъ повести дѣло, касающееся Виддинской флотиліи, и, такимъ образомъ, онъ былъ посланъ въ Краіово. Хорошій же и честный Войновъ долженъ былъ возвратиться въ Слободзейскій лагерь. Кутузовъ, привыкшій прибѣгать

¹⁾ Чтобы судить о громадности этихъ незаконныхъ доходовъ, слѣдуетъ указать, что всѣ приближенные Засса, дѣйствуя по примѣру своего начальника, собрали себѣ большія состоянія; самъ же Зассъ, несмотря на полученные имъ доходы при Клиліи, въ 1807 г., не краснѣя, обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему возможность получить, неправильнымъ способомъ, еще 500 дукатовъ. Ему и его женѣ удалось при Краіовѣ собрать 60 тысячъ дукатовъ, которые они закупили въ 2 бочки. Я передаю этотъ анекдотъ, какъ мнѣ его рассказывали въ 1812 г. Во время же карантина въ Николаевѣ, когда въ Одессѣ распространилась чума, Зассъ былъ обязанъ раскрыть свои бочки и обнаружить плоды своего хищенія. Среди приближенныхъ Засса самымъ смѣлымъ и дѣятельнымъ воромъ (потому что это названіе къ нимъ подходитъ) былъ его племянникъ Штрондманъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 20, уже въ такіе годы такъ свободно совершавшій такіе поступки.

къ маленькимъ способамъ и интригамъ, обратился ко мнѣ съ просьбой написать ему извинительное письмо, а кромѣ того, онъ написалъ ему самъ. Но Войновъ не удовлетворился этими холодными заглаживаніями своихъ ошибокъ и, пріѣхавъ въ Бухарестъ, былъ ужасно озлобленъ и огорченъ всѣмъ случившимся, и мнѣ стоило большого труда его успокоить.

Зассъ, возвратясь въ Краіово, снова началъ свой грабежъ, но только съ еще большимъ нахальствомъ ¹⁾.

Кутузовъ выказалъ намъ свою слабость и въ другомъ отношеніи.

Главную квартиру наводняли волонтеры всѣхъ родовъ оружія. Я уже описывалъ ихъ въ запискахъ 1810 г., но еще разъ повторю, что они вели ужасно распутную жизнь, устраивали оргіи и дѣлали долги, затѣмъ, имѣя постоянныя сношенія съ Петербургомъ, они передавали туда о всемъ, происходившемъ въ главной квартирѣ, легкомысленно осуждая генераловъ; но часто писали и не обдуманно, подъ первымъ впечатлѣніемъ, и потому ихъ сообщенія о людяхъ и событіяхъ были не всегда вѣрны ²⁾.

Государь зналъ о бездѣятельности и бесполезности этихъ молодыхъ людей при главной квартирѣ и хотѣлъ исключить ихъ совсѣмъ со службы, но безпокоймый постоянными просьбами родителей, наконецъ, уступилъ, но повелѣлъ удалить ихъ изъ главной квартиры и раскомандировать по полкамъ.

Графъ Каменскій годами былъ не старше этихъ прикомандированныхъ, которые какъ бы составляли его свиту, не повиновался этому приказу, Кутузовъ же, прочитавъ приказъ Его Величества, приказалъ разослать этихъ господъ по полкамъ, но тутъ, въ главной квартирѣ произошла какая-то революція, ибо никто не хотѣлъ уѣзжать оттуда. Тогда Кутузовъ, вмѣсто того, чтобы наказать бунтовавшихъ и исполнить приказъ, не выдержалъ и уступилъ ихъ крикамъ, т. е. скорѣе тѣмъ опасеніямъ, которыя вселяли ему родители этихъ авантюристовъ, и, такимъ образомъ, они по-прежнему остались при главной квартирѣ.

¹⁾ Слухъ о томъ, что гр. Тизенгаузенъ помирилась съ г-жей Зассъ, надѣлалъ много шуму въ Бухарестъ, тѣмъ болѣе, что этотъ миръ стоилъ имъ 7 или 8 тысячъ дукатовъ, которые г-жа Зассъ заплатила, по настоянію Кутузова, его дочери. Я не могу утверждать этого факта, потому что у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ, но въ главной квартирѣ никто тогда не сомнѣвался въ этомъ.

²⁾ 1827 г. Несмотря на мое предубѣжденіе противъ волонтеровъ, я не могу не перечислить между ними выдающихся личностей, какъ-то: Бенкендорфъ, Владекъ, Полторацкій и особенно Паскевичъ, теперь начальникъ Грузіи.

Сенаторъ Милошевичъ, по невѣрно рассчитанной экономіи, уничтожилъ въ Валахіи спатарію. Спатарь—это начальникъ высшей полиціи; вся его дѣятельность заключалась въ томъ, что онъ собиралъ къ себѣ всѣхъ воровъ и разбойниковъ, подкупалъ ихъ деньгами и, такимъ образомъ, мѣшалъ имъ практиковать ихъ промыселъ. Когда уничтожили эту должность, то всѣ служащіе у спатара болгаре очутились безъ дѣла; тогда они раздѣлились на банды и стали разбойничать по всему краю вплоть до воротъ Бухареста. Чтобы уничтожить грабежи и убійства, Кутузовъ возстановилъ спатарію и поручилъ ее одному греку, по имени Понтосуглону, человеку очень умному и дѣятельному, который началъ съ того, что собралъ у себя половину этихъ бунтовавшихъ разбойниковъ и съ ихъ помощью переловилъ другую половину. Это ему вполне удалось, и разбой утихли.

Генералъ Кутузовъ сильно покровительствовалъ валахамъ и защищалъ ихъ отъ разоренья и убытковъ, которые могли причинить квартировавшія тамъ войска. Подъ страхомъ наказанія, онъ запретилъ полкамъ пользоваться какимъ-либо имуществомъ жителей, потому что злоупотребленія войскъ доходили до такой степени, что деревни, черезъ которыя проходили войска, оставались совершенно опустошенными. Кутузовъ сумѣлъ даже обойтись вовсе безъ сбора подводъ, для нуждъ полковъ, такъ какъ въ это время у жителей Валахіи наступила жатва. Чиновники, конечно, были опечалены этимъ, такъ какъ для нихъ это навѣрное было бы большимъ доходомъ. Когда обращались къ исправнику съ требованіемъ ста повозокъ, онъ наряжалъ 1000 и, отсылая 900 обратно, бралъ за нихъ большія суммы денегъ.

Принявъ мой планъ, генер. Кутузовъ размѣстилъ войска такъ, какъ я обозначилъ. На меня было возложено командованіе главными силами, собранными въ первыхъ числахъ мая, въ Синтешти, на Лазиберѣ, въ 25 мил. отъ Бухареста.

Какъ военная позиція, это мѣсто было прекрасно, тѣмъ болѣе, что отсюда можно легко попасть во всѣ нужные пункты. Относительно климата, эта мѣстность была очень здоровая только ранней весной, но съ іюня мѣсяца тамъ начинались страшныя жары, всѣ рѣки пересыхали, а иль начиналъ гнить. Всѣ мосты были починены, дороги, ведущія къ Дунаю, исправлены, позиціи подняты, и мы только ожидали событій. По моему проекту и по приказанію Двора, Силистрія и Никополь были покинуты и разорены. Никополь былъ разрушенъ до основанія гр. С.-При, генералъ же Юзовъ не такъ безжалостно поступилъ съ Силистріей, гдѣ онъ оставилъ нѣсколько домовъ.

Я тоже получилъ приказаніе сжечь и опустошить весь край

между Ловчей, Плевной и Изворомъ, но я нашелъ такое распоряженіе варварскимъ и неполитичнымъ. Не только богатые турки кормили наши войска и хорошо обходились съ ними, но и простой народъ и правительство никогда не обходились съ ними дурно. Тѣмъ болѣе политическіе интересы требовали, чтобы съ ними не употребляли крутыхъ мѣръ, не разоряли ихъ страны и не отдаляли ихъ отъ насъ. Гр. С.-При былъ вполне согласенъ со мной и тоже не исполнилъ этого приказанія. Дѣйствительно, оно было отмѣнено, но нашъ главнокомандующій, всегда добрый и слишкомъ слабый со своими подчиненными, если и не терпѣлъ, то и не наказывалъ ихъ за ихъ воровства, а позволяли себѣ такіе поступки многіе. Особенно отличился полковникъ Кутузовъ, служащій въ Выборгскомъ полку; его прямо можно назвать воромъ и разбойникомъ.

Сраженіе подъ Рущукомъ.

Генералъ Кутузовъ былъ правъ, говоря, что еслибы Карусафъ-паша остался великимъ визиремъ, то онъ не вышелъ бы изъ Шумлы, не собралъ бы 15 тысячъ, и наша армія не гуляла бы все лѣто напрасно по Болгаріи.

Отъ нынѣшней кампаніи мы ничего не ожидали и думали, что намъ не придется даже взяться за оружіе, но мы жестоко ошиблись, такъ какъ Ахметъ заставилъ насъ вести самую бурную и жестокую войну.

Въ общемъ у насъ было не болѣе 50 тысячъ вооруженныхъ солдатъ, но, вычтя отсюда независимые гарнизоны Килін, Измаила, Бравлова, Гирсова и Турно, корпуса и отряды, необходимыя въ Сербіи и Валахіи, а также и тѣ, которые были назначены для охраны Туртукая, Силистріи и Мачина, тогда увидимъ, что собственно въ дѣйствующей арміи мы съ трудомъ могли собрать 15 тысячъ человекъ. Новый великій визирь, употребляя попеременно всѣ средства своего убѣжденія, энтузіазма и твердости, сумѣлъ добиться желаемого. Вслѣдствіе довѣрія, а главное страха, который онъ вселялъ своимъ подчиненнымъ, онъ собралъ въ одинъ мѣсяцъ сильнѣйшую армію изъ тѣхъ, которую турки выставляли противъ насъ въ эту войну. Онъ призвалъ въ Шумлу всѣхъ вѣрныхъ слугъ султана, а также всѣхъ завязанныхъ мошенниковъ: Михмета-Чапінъ-Оглы, Коели-Ага, Измаила, Селина, Колендаръ-пашу, Веслиса, сына знаменитаго Али-паши, янычаръ—всѣ они прибыли въ Шумлу, чтобы тамъ соединиться подъ знаменами Ахмета. Къ нему же присоединились разбойники: Безаніакъ-Ага, Азіакирхаленъ

и другіе. Такимъ образомъ, у него собралось около 50 тысячъ, при 78 орудіяхъ. Число янычаръ также было увеличено нѣсколькими ортами ¹⁾, прибывшими изъ Константинополя, но послѣдніе не были тѣми солдатами, которымъ великій визирь особенно довѣрялъ.

Въ половинѣ іюня онъ со своей арміей двинулся на Разградъ. Мы были посвящены во всѣ его планы, относительно передвиженій, такъ какъ Кутузовъ превосходно организовалъ развѣдочную часть. Лучшими изъ шпіоновъ были болгаре, которыхъ ген. Эссенъ посылалъ изъ Рущука, а ген. Турчаниновъ—изъ Турно. Мы получали также свѣдѣнія отъ Манукъ-бея, армянина, бѣжавшаго отъ своего покровителя Мустафы Байрактара, во время одного морского путешествія.

Я часто уже говорилъ о немъ и зналъ его за двойного шпіона. Когда, однажды, къ нему пріѣхалъ какой-то важный турокъ, считавшій его за преданнаго своему отечеству, и откровенно рассказавъ о всѣхъ замыслахъ султана, то Манукъ выказалъ ему ложное сочувствіе и преданность, но вскорѣ Фонтонъ былъ извѣщенъ объ этомъ разговорѣ, а затѣмъ мы узнали всѣ подробности ихъ интригъ въ Константинополѣ, съ цѣлью помѣшати заключенію мира.

Изъ Разграда визирь двинулся къ Рущуку. Я совершенно не понималъ его цѣли, такъ какъ не могъ же онъ надѣяться взять Рущукъ приступомъ, а тѣмъ менѣе осадой. Онъ могъ бы заставить насъ оставить Рущукъ, если бы онъ, въ началѣ кампаніи, перебросился на правый флангъ, къ Гирсову, или къ Ольтѣ на лѣвый; но и этотъ расчетъ, хотя и не совсѣмъ вѣрный, могъ бы дать ему только кратковременный успѣхъ.

Какъ только Кутузовъ узналъ о движеніи Ахмета, онъ тотчасъ же выступилъ на Гирсово, гдѣ я расположился бивакомъ за старыми ретраншаментами такъ, что мы не были замѣтны.

Ген. Войновъ съ 10-ю эскадронами Бѣлорусскихъ гусаръ и 3-мя баталіонами 39 Егерскаго полка (бывшаго Брянскаго) присоединился ко мнѣ, и ген. Турчаниновъ съ баталіономъ Олонецкаго полка успѣлъ прибыть въ Турно. Такимъ образомъ, я усилился до 12 тысячъ. Рущукъ былъ занятъ ген. Эссенемъ съ 12 баталіонами, выставившимъ на аванпосты 10 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ и 2 полка казаковъ Лыковкина и Астахова. Кромѣ того, ген. Энгельгардъ съ 4 баталіонами занималъ окрестности Рущука.

Великій визирь, вѣрный старымъ военнымъ привычкамъ своей націи, не дѣлалъ ни одного шага безъ окапыванья и, между Разградомъ и Писонцы, окружилъ укрѣпленіями всѣ возвышенности, лежащія надъ ущельемъ, образуемымъ р. Ломъ. Это дефиле, распо-

¹⁾ Орта—строевая единица, соотвѣтствуетъ ротѣ (примѣч. переводч.).

ложенное въ 25 вер. отъ Рушукъ, должно оказать сильное сопротивление нашему наступленію, такъ какъ достаточно было 100 человекъ, занявшихъ его, чтобы отчаянно сопротивляться. Затѣмъ, великій визирь, укрѣпивъ это дефиле, подошелъ къ с. с. Бузину и Кадыкію, расположеннымъ въ 15 вер. отъ Рушукъ, и тамъ снова окопался.

Когда Кутузовъ постигъ всѣ замыслы визиря, то двинулся на Гирсово и тамъ рѣшилъ перейти Дунай а затѣмъ, дать генеральное сраженіе, которое успокоило бы насъ до конца этой кампаніи. Планъ Кутузова былъ превосходный, но насъ всѣхъ страшно удивило, что онъ былъ придуманъ самимъ Кутузовымъ, отъ котораго нельзя было ожидать такихъ быстрыхъ рѣшеній.

Ген. Войновъ, всегда недовольный своимъ положеніемъ, не находилъ нужнымъ скрывать этого; хотя это и очень беспокоило Кутузова, но онъ былъ въ большомъ затрудненіи, какимъ бы назначеніемъ удовлетворить самолюбіе Войнова. Наконецъ, онъ рѣшилъ передать ему командованіе всей кавалеріей, которую онъ отдѣлилъ отъ моего корпуса и отъ корпуса Эссена. Распоряженіе это было совершенно неправильно и могло повести къ печальнымъ послѣдствіямъ, такъ такъ, въ войнѣ съ турками, всякій генералъ, командующій какою-нибудь частью арміи, долженъ непременно имѣть свою кавалерію, чтобы употребить ее въ дѣло, когда это представится необходимымъ. Часто успѣхъ всего сраженія зависитъ отъ своевременно произведенной атаки кавалеріи. Когда же начальство надъ всей кавалеріей поручено другому генералу, то успѣхъ дня можетъ сильно пострадать, такъ какъ, при слишкомъ длинной линіи фронта, одному лицу трудно слѣдить за ней, чтобы нигдѣ не пропустить cadaго момента для атаки.

Насъ было три генералъ-лейтенанта, и Кутузовъ могъ бы образовать три корпуса изъ всѣхъ родовъ оружія и мы бы съ Эсеномъ охотно уступили бы Войнову часть нашей пѣхоты, лишь бы сохранить при себѣ нашу кавалерію, которая была намъ такъ полезна.

Кутузовъ передалъ Войнову также начальство надъ аванпостами, что очень обидѣло Эссена, такъ какъ онъ завѣдывалъ ими всю зиму, проведенную въ Рушукѣ.

Съ 18 по 20 іюня, Войновъ, съ своею обычною безразсудностью, произвелъ нѣсколько развѣдокъ турецкаго расположенія и забралъ нѣсколько непріятельскихъ постовъ. Въ числѣ взятыхъ имъ плѣнниковъ находился одинъ польскій ренегатъ, гость великаго визиря, о которомъ послѣдній очень сожалѣлъ.

Кутузовъ имѣлъ намѣреніе, до начала сраженія, скрывать свои силы за укрѣпленіями Гирсова и только тогда ихъ выставить,

когда сраженіе станетъ неизбежнымъ. Это былъ великолѣпный планъ, тѣмъ болѣе, что великій визирь предполагалъ, что въ нашей арміи не болѣе 10 тыс. человекъ, тогда какъ у насъ было 18 тыс. Но одно неожиданное обстоятельство помѣшало всѣмъ этимъ соображеніямъ главнокомандующаго.

19 іюня я перешелъ Дунай и засѣлъ на низкой равнинѣ, гдѣ находились въ прошломъ году наши траншеи. Такимъ образомъ, я былъ скрытъ отъ турокъ.

20 іюня, на разсвѣтъ и при сильномъ туманѣ, когда нельзя было разсмотрѣть, что дѣлается въ 10 шагахъ, 5.000 отборныхъ всадниковъ турецкой конницы напали на наши аванпосты и, захвативъ ихъ, бросились на бивакъ Чугуевскихъ уланъ, которые едва только успѣли вскочить на лошадей. Этотъ полкъ никогда не пользовался хорошей репутаціей, но на этотъ разъ онъ превосходно велъ себя, имѣя во главѣ полковника Бенкендорфа, флигель-адъютанта Государя и волонтера нашей арміи. Это послѣднее обстоятельство очень важно, такъ какъ онъ доказалъ, что и волонтеры могутъ быть на что-нибудь годны.

Бенкендорфъ, хотя и не ожидалъ такого внезапнаго нападенія, однако не растерялся и, быстро собравъ полкъ, отбилъ нападеніе турокъ. Туманъ мало-по-малу разсѣялся, и на помощь Бенкендорфу прибылъ Ангельгардъ съ своимъ Старо-Ингерманландскимъ полкомъ и началъ довольно живое дѣло. Когда же Эссенъ, съ своими 12 баталіонами, занялъ возвышенности, то турки совсѣмъ отступили.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли 100 человекъ, турки же гораздо больше, такъ какъ у нихъ вовсе не было пушекъ, а у насъ ихъ было очень много.

Кутузовъ, также какъ и мы всѣ, вообразивъ, что мы атакованы всей арміей визиря, и что произойдетъ генеральное сраженіе, отдалъ мнѣ приказаніе выдвинуться съ моимъ корпусомъ, который я и расположилъ влѣво отъ Эссена.

Такимъ образомъ, турки открыли всѣ наши силы, которыя главнокомандующій хотѣлъ такъ тщательно скрыть.

20 іюня, къ 4 часамъ вечера, мы построились въ боевой порядкъ, какъ это видно изъ плана сраженія при Рущукѣ.

Городъ этотъ, какъ я уже описывалъ, былъ окруженъ возвышенностями, покрытыми лѣсомъ и виноградниками, а въ 4 верстахъ отъ города, по Разградской дорогѣ, находилась большая равнина, перерѣзанная нѣсколькими неглубокими оврагами. Вправо отъ этой равнины протекаетъ р. Ломъ, а влѣво идутъ дороги въ Герновиды и въ Туртукай. На этой равнинѣ могутъ свободно маневрировать 50 тысячъ человекъ, вплоть до дефиле Пизанцы.

21 іюня все было тихо, только 22 великій визирь собралъ свою армію и атаковалъ насъ.

Позиція наша была очень хороша, но она могла быть обойдена. Конечно, это большой недостатокъ, котораго мы всегда опасались въ дѣлахъ съ турками, такъ какъ ихъ конница, очень часто, окружаетъ со всѣхъ сторонъ армію противника.

Мы заняли совершенно ровную и открытую поляну. Направо отъ насъ шли виноградники, лѣса и овраги, а слѣва протекала р. Ломъ, черезъ которую былъ построенъ каменный мостъ.

Кутузовъ поставилъ здѣсь одинъ баталіонъ 29 Егерскаго полка, чтобы избѣжать обхода непріятеля съ этой стороны—предосторожность вполнѣ разумная.

Въ Рушукѣ было оставлено три баталіона 39 Егерскаго полка, а всѣ, оставшіеся тамъ, жители-христіане были вооружены. Равнину же, находящуюся у Туртукайской дороги, Кутузовъ занялъ тремя баталіонами Вятскаго полка, эскадрономъ Кинбургскихъ драгунъ и 50 казаками. Многіе трунили надъ этой предосторожностью, находя ее совершенно излишней, но они жестоко ошиблись, и первый же случай доказалъ все благоразуміе такой предусмотрительности Кутузова.

Главныя наши силы состояли изъ 9 пѣхотныхъ каре, изъ коихъ 5 было въ первой линіи и 4—во второй. Всѣ каре находились подъ командами прекрасныхъ начальниковъ.

На правомъ флангѣ стояло каре Старо-Ингерманландскаго полка, подъ командой ген. Энгельгарда и маіора Ивкова. Энгельгардъ командовалъ также Ливонскимъ драгунскимъ полкомъ и 150 казаками, вызванными мною изъ Зимницы. Затѣмъ слѣдовали каре: Архангелогородскаго и Шлиссельбургскаго полковъ, подъ начальствомъ полковника Ререка и волонтера маіора Энгельгарда. Позади этихъ трехъ каре были каре 3-го и 7-го Егерскихъ полковъ, подъ начальствомъ маіора Бакшеева, полковника Лаптева и общей командой генер. Гартунга. Эти 5 каре составляли корпусъ Эссена.

Въ моемъ распоряженіи было 4 каре, и я былъ на лѣвомъ флангѣ, хотя долженъ бы стоять на правомъ, но, прибывъ только 20 числа, послѣднимъ и, расположившись тогда на лѣвомъ флангѣ, я тамъ и остался.

Мои 4 каре занимали: первую линію: каре Старооскольскаго полка, подъ командою гр. Воронцова и полковника Шкайскаго; каре Выборгскаго полка и 29 Егерскаго, подъ командою генер. Сандерсъ, полковника Кутузова и полковника Емельянова. Во второй линіи стояли: каре, составленное изъ Олонецкаго и одного баталіона Выборгскаго полковъ подъ командою генер. Турчанинова и пол-

ковника Булгарина и каре Бѣлостокскаго, командованіе которымъ я вручилъ полковнику Владиу, флигель-адъютанту Государа и волонтеру, отличившемуся при Рущукѣ, въ 1810 г.; подъ его начальствомъ состоялъ маіоръ Балбековъ. Всѣ эти начальники каре были мужественны, дѣятельны и привыкшіе къ войнѣ съ турками.

Артиллерія была также подъ прекрасной командой. Генер. Рѣзвый, прибывшій только наканунѣ сраженія, и въ помощники ему былъ назначенъ генер. Анжу. Новакъ остался командовать артиллеріей, находившейся на лѣвомъ флангѣ моего корпуса, и подъ его начальствомъ были подполковники: Веселишскій, Бушуевъ, Шульманъ, Риманъ и Кривцовъ.

По неправильному распоряженію, кавалерія была поставлена въ третьей линіи, тогда какъ она должна быть свернутой въ колонны и построена между каре, которыя, своимъ огнемъ, должны были защищать ее; а когда турки, утомленные своими безчисленными и неудачными атаками на пѣхоту, начнутъ уставать и начнутъ отступать, только тогда кавалерія должна быстро выдѣлиться изъ линій каре, наскочить на отступавшихъ турокъ и отнять у нихъ артиллерію. Если же нашу кавалерію поставить впереди каре, то она останется открытой для нападенія турокъ, конница которыхъ въ 20 разъ многочисленнѣе нашей, и тогда, не будучи въ состояніи выдержать натиска этихъ безчисленныхъ массъ, наша кавалерія, въ этомъ случаѣ, будетъ разбита и разсѣяна. Линія кавалеріи была очень растянута. Правый флангъ занималъ генер. Дехтеревъ съ 10-ю эскадронами своего Ольвиопольскаго гусарскаго полка; за нимъ помѣщался гр. Мантейфель съ 5-ю эскадронами Петербургскихъ драгунъ; далѣе генер. Лисаневичъ съ 10-ю эскадронами Чугуевскихъ уланъ; потомъ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, подъ начальствомъ Небольсина; затѣмъ 4 эскадрона Кинбургскихъ драгунъ съ ихъ командиромъ генер. Уманецъ и, наконецъ, казаки Грекова. Астаховскій казачій полкъ и Луковкина заняли правый флангъ общаго расположенія. Конная артиллерія была размѣщена между эскадронами, какъ обыкновенно въ сраженіяхъ противъ регулярныхъ армій.

Это также было необдуманное распоряженіе. Въ войнѣ съ турками кавалерія никогда не можетъ защищать артиллерію, которая часто не имѣетъ даже времени открыть огонь и можетъ быть легко захваченной непріателемъ. Артиллеріи надо располагаться не иначе, какъ по-батареино, около пѣхотныхъ каре, которыя, для турокъ, представляютъ единственно солидныя преграды.

Турецкая иррегулярная конница, не имѣющая правильнаго строя, никогда не можетъ прорвать пѣхотнаго каре, тогда какъ при первыхъ же выстрѣлахъ, поразившихъ хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ,

*

прочіе всадники, встревоженные огнемъ, начинаютъ безъ толку крутиться и насакиваютъ другъ на друга; вслѣдствіе этого возникаетъ безпорядокъ, и вся эта конная масса, конечно, уже не можетъ представлять собой грозной силы для пѣхоты, которая, будучи всегда въ порядкѣ, со всѣхъ сторонъ давала серьезный отпоръ.

Вотъ почему, распоряженіе поставить войска въ каре является необходимостью въ войнѣ съ турками.

Я уже говорилъ, что они имѣютъ обыкновеніе окружать непріятеля со всѣхъ сторонъ, поэтому слѣдуетъ строить каре на 4 фаса, обращая главное вниманіе на прикрытіе зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ, лазаретныхъ линеекъ и имѣющагося при войскахъ обоза.

Въ прежнее время, при фельдмаршалѣ Минихѣ, вся армія представляла изъ себя только одно каре; остававшееся всегда неподвижнымъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ раздѣлилъ это большое каре на нѣсколько малыхъ, но они все еще были слишкомъ велики и состояли каждое изъ 10—12 баталіоновъ. Во время переходовъ эти каре отдѣлялись интервалами, но послѣ, они были значительно уменьшены, что давало имъ возможность быть болѣе подвижными. Нельзя допустить, чтобы они были и слишкомъ малыми, такъ какъ тогда они легко могутъ быть сбиты артиллеріей. Лучшее дѣленіе арміи на каре, когда каждое изъ нихъ состоитъ изъ двухъ полковъ (4-хъ баталіоновъ), приблизительно изъ 1.800 человекъ, тогда всѣмъ есть мѣсто и при необходимости возможно принять и кавалерію.

Но все же эти каре имѣютъ и свою особую сторону. Они также, какъ и колонны, представляютъ большую цѣль, а потому даютъ возможность непріятельской артиллеріи производить въ нихъ страшныя опустошенія. Каждое турецкое ядро, если оно пущено по прямой линіи во флангъ, можетъ уничтожить массу людей ¹⁾).

Раздѣленіе войскъ по каре представляетъ большое неудобство для дѣйствій артиллеріи, которая, будучи размѣщена по 4-мъ угламъ, можетъ дѣйствовать только половиною своего состава, другая же остается совершенно безполезной. Можно было бы, конечно, эту часть артиллеріи перенести къ атакованнымъ флангамъ, но это движеніе чрезвычайно опасно, такъ какъ оно непременно, хоть на минуту, раскрываетъ каре и оставляетъ промежутки, которые всегда такъ заманчивы для турокъ. Когда каре начинаетъ движеніе, надо, чтобы фасы двигались не по-взводно, какъ предписываетъ уставъ, а рядами, потому что послѣ остановки взводы не такъ скоро могутъ выстроиться въ линію, какъ ряды; а въ войнѣ съ турками надо

¹⁾ Я былъ свидѣтелемъ, какъ въ сраженіи подъ Мачиномъ, въ 1791 г., однимъ ядромъ было убито 13 гренадеръ Екатеринбургскаго полка.

дорожить каждой минутой. Движеніе по-взводно представляетъ еще и то неудобство, что, построенные для боя, они должны отступить на столько шаговъ, сколько человекъ во взводъ, иначе они уведутъ промежутки въ углахъ каре.

Въ войнахъ съ турками часто бываетъ, что при наступленіи турецкая конница, если мѣстность благоприятствуетъ, ведетъ за собой янычаръ, которые, прячась за кустарники и сады, при встрѣчѣ съ русскими открываютъ огонь и наносятъ потери. Для противодействія имъ, намъ необходимо передъ фронтовымъ фасомъ каре имѣть по нѣсколько стрѣлковъ, построенныхъ въ 2 шеренги; но эти стрѣлки не должны отходить отъ фронта далѣе 50 шаговъ, иначе они могутъ быть убиты, какъ это было въ 1810 г. въ сраженіи при Дерикили.

Когда турецкая конница начнетъ приближаться къ намъ, стрѣлки должны быстро отойти въ каре и составить въ углахъ, позади артиллеріи, небольшіе резервы. Каре могутъ быть выстроены въ 2 ряда, какъ это было въ войну 1788 г., но лучше имѣть 3 ряда, чтобы представить больше сопротивленія.

Планъ нападенія задуманъ былъ великимъ визиремъ очень хорошо. Онъ имѣлъ намѣреніе съ своей пѣхотой и артиллеріей прорвать нашъ центръ, а своей многочисленной конницей окружить насъ со всѣхъ сторонъ. Въ то же время одна колонна, двигаясь по Туртукайской дорогѣ, направится на Рушукъ и, не встрѣтивъ тамъ никакого сопротивленія, какъ онъ предполагалъ, займетъ городъ.

Въ 6 час. утра мы увидали нашихъ казаковъ, занимавшихъ въ 1½ верстахъ отъ нашего лагеря, аванпосты, скачущихъ къ намъ съ криками: „турки, турки!“ И, дѣйствительно, вслѣдъ за ними показались скачущіе турки. Мы едва успѣли построить каре и разобратъ стоявшія въ козлахъ ружья, какъ спѣшившіе начать атаку турки, вытащивъ свои пистолеты, начали стрѣлять по нашему фронту ¹⁾.

Около 8 час. утра, центръ турецкой арміи, составленный большею частью изъ пѣхоты, развернулся передъ нашей первой линіей и открылъ пушечный огонь. Наша артиллерія, несмотря на превосходство въ численности, не могла заставить замолчать турецкія

¹⁾ При этомъ я едва избѣжалъ неминуемой опасности. Позавтракавъ вмѣстѣ съ гр. Воронцовымъ и другими офицерами Староскольскаго полка, мы сидѣли и разговаривали, и у насъ возгорѣлся споръ о формированіи колоннъ. Чтобы доказать Воронцову, что моя система самая подходящая, а главное—быстрая, весь невооруженный полкъ отошелъ на 50 шаговъ и показывать графу мой способъ формированія, какъ вдругъ, обернувшись, увидалъ скачущихъ казаковъ и услышалъ ихъ крики. Съ трудомъ добѣжали мы до лагеря и разобрали ружья. Я даже не успѣлъ сѣсть на лошадь, какъ турки уже подскакали къ намъ.

батарей, нанесявшія намъ большія потери. Я слышалъ, въ послѣдствіи, отъ самихъ турокъ, что у нихъ въ этомъ сраженіи было 60 пушекъ, но, вѣроятно, что часть орудій они оставили въ резервѣ и въ укрѣпленіяхъ, потому что я никогда не видѣлъ у нихъ больше 32 пушекъ, изъ коихъ 18 были выставлены противъ меня, и 14—противъ Эссена. И эти 32 пушки, надо отдать справедливость, стрѣляли прекрасно.

Часть турецкой артиллеріи была на сторонѣ Низимъ-Джадида, врага янычаръ, и эта часть была хорошо обучена военному искусству и прекрасно вооружена. Ихъ орудія, сдѣланныя по англійскому образцу, очень легки и хорошо дѣйствуютъ.

Какъ только турецкая конница развернулась, ихъ артиллерія должна была прекратить свой огонь, а затѣмъ конница турокъ начала свои атаки на наши каре и сдѣлала 4—5 довольно безуспѣшныхъ нападеній.

Въ 9 час. вся безчисленная масса непріятельской конницы, подъ предводительствомъ Вели-паши, несмотря на открытый мною отчаянный огонь, пронеслась мимо моего каре. Въ это время другая конная колонна турокъ дебушировала по Герновидской дорогѣ. Эти двѣ колонны, составлявшія вмѣстѣ массу, по крайней мѣрѣ, въ 15.000 коней, съ необыкновенною стремительностью и быстротой накинулись на лѣвый флангъ нашей кавалеріи и въ одинъ моментъ казаки Грекова и Кинбургскіе драгуны были смяты, разсѣяны и обращены въ бѣгство. Шесть орудій конной артиллеріи полковника Кривцова, не успѣвъ дать ни одного выстрѣла, очутились посреди турокъ. 5 пушекъ удалось намъ кое-какъ отбить, а одна пушка осталась въ обладаніи турокъ, вмѣстѣ съ двумя зарядными ящиками. Всѣ лошади, солдаты и офицеры этой батареи были изрублены.

Хотя этотъ моментъ былъ и несчастливъ для насъ, но я долженъ признаться, что никогда не былъ свидѣтелемъ такого чуднаго зрѣлища. Среди великолѣпной турецкой конницы развѣвались отъ 200 до 300 знаменъ различныхъ яркихъ цвѣтовъ, въ рукахъ офицеровъ, въ богатыхъ одеждахъ, сидѣвшихъ на богато убранныхъ чудныхъ коняхъ; золото, серебро и драгоценные камни, украшающіе сбрую лошадей, ярко блестѣли на солнцѣ и, среди этой толпы враговъ, видѣлись наши непоколебленныя каре, открывшія со всѣхъ сторонъ сильнѣйшій огонь, хотя и наносившій потери туркамъ, но не остановившій ни скорости, ни стремительности непріятеля.

Бѣлорусскій гусарскій полкъ стоялъ возлѣ Кинбургскихъ драгунъ; полковникъ Небольсинъ хотѣлъ сдѣлать перемѣну фронта налѣво назадъ, движеніе слишкомъ опасное вблизи непріятеля, а чтобы исполнить это церестроеніе, надо было сдѣлать заѣздъ на-

задъ, что и долженъ былъ сдѣлать Небольсинъ, но онъ не успѣлъ сдѣлать это построение, какъ былъ убитъ, его маіоръ Булгаковъ смертельно раненъ и въ этотъ же вечеръ скончался, весь полкъ былъ совершенно разбитъ и смятъ. Тогда всѣ казаки, гусары, драгуны и артиллеристы, смѣшавшись и перепутавшись, обратились въ бѣгство и имъ едва-едва удалось спастись отъ преслѣдовавшихъ ихъ турокъ и скрыться въ виноградникахъ и садахъ, окружающихъ Рушукъ, и добраться до городского вала.

Прорвавшіе нашъ центръ турки поскакали по Разградской дорогѣ, гдѣ наткнулись на нашихъ маркитантовъ съ нѣсколькими повозками, которыя они въ одинъ мигъ разграбили и расхитили все имущество. Маркитанты, не имѣя никакой возможности защищаться, такъ какъ имѣли при себѣ только пистолеты, а для прикрытія ихъ назначена была лишь небольшая команда піонеровъ, бѣжали въ виноградники, куда турецкая конница не могла проникнуть.

Это мѣсто маркитантскаго привала, по предположенію великаго визиря, должно было служить сборнымъ пунктомъ для обѣихъ кавалерійскихъ колоннъ турокъ.

Если бы дѣла лѣваго фланга были бы также неблагопріятны, какъ у праваго, то намъ пришлось бы очень скверно, но, къ счастью, мѣстность здѣсь менѣе благопріятствовала туркамъ, чѣмъ на нашемъ правомъ флангѣ. Кутузовъ отрядилъ одинъ баталіонъ егерей, подъ командою маіора Горбачева, который рассыпалъ стрѣлковъ на увесистыхъ возвышенностяхъ и въ виноградникахъ, идущихъ вдоль Разградской дороги, и ему удалось, съ двумя эскадронами Ливанскихъ драгунъ и казаками Меншикова, настигнуть турокъ и остановить скакавшую непріятельскую колонну Чиспонъ-Оглы.

Четвертая колонна турецкой конницы, имѣя цѣлью проникнуть въ Рушукъ, достигла Маріатинской равнины, что около Дуная, но, увидя равнину, занятую уже казаками, драгунами и Вятскимъ полкомъ, ради предосторожности, посланныхъ туда Кутузовымъ, повернула назадъ и исчезла. Безъ этой предосторожности, невозможно себѣ и представить, что бы случилось, потому что, съ захватомъ турками Рушука, мы бы совсѣмъ погибли.

Правда, турки не имѣли ни фашинъ, чтобы засыпать рвы, ни лѣстницъ, чтобы влѣзть на валы, но зато они имѣли возможность, по своей численности, защищать всю линію укрѣпленій, вытянутую на протяженіи 5 верстъ.

Во время этого ужаснаго натиска турецкой конницы, я находился въ самомъ центрѣ и хотѣлъ перейти на лѣвый флангъ, но это оказалось невозможнымъ, и я принужденъ былъ остаться при каре Бѣлостокскаго полка, которымъ былъ открытъ огонь съ трехъ

фасовъ. Несмотря на то, каре было все зачумлено пушками, зарядными ящиками батареи Кривцова, ранеными или испуганными драгунскими и гусарскими офицерами, такъ что не въ силахъ было разобратся. Я видѣлъ этихъ несчастныхъ артиллеристовъ спѣшенныхъ, раненыхъ, отчаянно отбивавшихся отъ турокъ, наседавшихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, я видѣлъ открытый огонь, чтобы остановить или прорвать лавину непріятельской конницы; я видѣлъ, съ какою необыкновенною неутомимостью и храбростью, достойной лучшаго конца, они употребляли всѣ свои старанія, чтобы отнять пушки, и радовался, когда имъ удалось, безъ помощи лошадей, собственными руками, отнять 3 пушки и на себѣ отвезти ихъ въ каре.

Бенкендорфъ, стоявшій рядомъ съ Бѣлорусскимъ полкомъ, заставилъ 5 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ сдѣлать заѣздъ направо и атаковать турокъ съ тыла. Это движеніе, хорошо направленное, а главное, во-время совершенное, много помогло дѣлу. Къ сожалѣнію, остальные части нашей кавалеріи остались совершенно безучастны.

Войновъ, увлекшись первой атакой турокъ, бросился въ самую середину ихъ, а безъ его приказаній ни одинъ изъ командировъ полковъ не хотѣлъ ничего предпринять. Всѣ потеряли головы. Тогда я поспѣшилъ къ Ольвіопольскому полку и послалъ приказаніе Петербургскому полку сдѣлать заѣздъ назадъ; но ни гусары, ни драгуны не двигались; только одинъ эскадронъ Петербургскихъ драгунъ исполнилъ мое приказаніе, но и тотъ, какъ только я отѣхалъ, преспокойно занялъ свое прежнее мѣсто и болѣе не двигался.

Въ это время я хотѣлъ двинуться впередъ, чтобы атаковать центръ турокъ, и послалъ къ Кутузову полковника Липпо, чтобы предупредить его объ этомъ, но мнѣ посланный доложилъ, что мое намѣреніе не одобрено. Повидимому, дерзкое нападеніе турокъ напугало и изумило нашего главнокомандующаго, какъ и всю нашу кавалерію. Тогда Кутузовъ приказалъ генер. Гартингу съ каре 7-го Егерскаго полка отойти назадъ, занять виноградники и оттуда открыть смертоносный огонь, который и остановилъ турокъ.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 10 декабря 1909 г. по 3-е февраля 1910 г.**

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Русская литература XVIII вѣка. Хрестоматія. М. 1910. Изд. Сотрудника школь, 3-е, испр. и доп. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., св. д.). 8° (17×25). VIII+507 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 29 л. 6.000 экз.

Бѣлявскій, Е. Русскіе писатели, по ихъ происхожденію и воспитанію. Спб. 1909. Изд. К. Б. Тип. Биркенфельда (В. О., 8 л., 1). 8° (17×25). 112 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 16 л. 600 экз.

Веселовскій Алексѣй. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М. 1910. Изд. 4-е, доп. Тип. т-ва Н. Н. Кушнеревъ и К° (Пименов., св. д.). 8° (17×25). VIII+267 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсь 30 л. 1.800 экз.

Иконописный Сборникъ. Вып. III. Спб. 1909. Изд. Непечит. о русской Иконописи. Тип. Голице и Вильборгъ. 8° (19×27). 121 стр. Съ 1 портр. Ц. 1 р. Вѣсь 20 л. 600 экз.

Исторія русской литературы. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 3. М. 1908. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×22). 162—240 стр. Съ портр. Вѣсь 20 л. 2.000 экз.

Кауфманъ, Л.-фонъ. Красный Крестъ въ тылу арміи въ Японскую кампанію 1904—1905 годовъ. (Сибирскій районъ). Томъ I (часть I и II). Спб. 1909. Изд. Главн. Упр. Росс. Общества Краснаго Креста. Тип. Редакціи період. изданій Мин. Финансовъ. 4° (24×34). 1.137+403 стр. и 109 рисунковъ. Вѣсь 14 ф. Каждой части по 1.000 экз.

Корфъ, С. А., баронъ, проф. Административная юстиція въ Россіи. Книга I. Очеркъ историческаго развитія власти надзора и административной юстиціи въ Россіи. Спб. 1910. Тип. Тренке и Фюсно (Максимилиан. пер., 13). 8° (18×26). VII+528 стр. Ц. за два тома 5 р. Вѣсь 2 ф. 29 л. 800 экз.

Кузнецовъ, Я. Положеніе членовъ крестьянской семьи по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ. Изъ журн. Мин. Юстиціи. Спб. 1909. Тип. сенатская. 8° (16×24). 47 стр. Вѣсь 6 л. 160 экз.

Лѣтопись Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ. 1910 г. Вып. 2 и 3. Вильна. 1909. Тип. Губернская. 8° (18×26). 105 стр. Вѣсь 24 л. 350 экз.

Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вв. Подъ ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. М. 1910. Изд. Н. Н. Ключкова (Моховая, 20). Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8° (18×27). VII+260 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсь 28 л. 2.200 экз.

Пановъ, К. Исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. Книга четвертая. Спб. 1909. Тип. К. А. Четверикова (Караванная, 4). 8° (16×23). 478—637 стр. Вѣсь 14 л. 10.000 экз.

Рождественскій, С. В. Изъ исторіи учебныхъ реформъ Императрицы Екатерины II. Спб. 1909. Тип. Сенатская. 8° (16×24). 97 стр. Вѣсь 9 л. 100 экз.

Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 69. Спб. 1909. Изд. Воен. Истор. Комиссін Главн. Упр. Ген. Штаба. Тип. Штаба Петерб. Округа. 8° (19×28). XX+376 стр. Вѣсь 2 ф. 19 л. 1.200 экз.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года за 1908—9 г. М. 1909. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій, св. д.). 8° (17×25). 78 стр. Вѣсь 9 л. 1.200 экз.

Ильинскій, Г. А. Македонскій Глаголическій Листокъ. Отрывокъ Глаголическаго текста Ефрема Сирина XI вѣка. Памятники Старо-славянскаго языка. Т. I вып. 6. Спб. 1909. Изд. Отдѣл. рус. яз. Академіи Наукъ. Тип. Академіи Наукъ. 8° (20×26). 31 стр. и 2 таб. Ц. 65 к. Вѣсь 8 л. 613 экз.

Каталогъ выставки въ память А. В. Кольцова въ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1909. Тип. Акад. Наукъ (В. О. 9 л., 12). 8° (16×22). 32 стр. Вѣсь 6 л. 313 экз.

Матеріалы по археологін Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго археологическаго общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Вып. XII. Подъ ред. гр. Уваровой. М. 1909. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., св. д.). 4° (27×36). XII+164 стр. Съ рис. и 26 таб. Вѣсь 2 ф. 28 л. 625 экз.

Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Выпускъ третій. Спб. 1909. Тип. Императорской Академіи Наукъ. 8° (17×25). 466 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 24 л. 715 экз.

Радловъ, Э. Л. Характеръ творчества Вл. С. Соловьева. Спб. 1909. Тип. Сенатская. 8° (16×24). 18 стр. Вѣсь 2 л. 300 экз.

Яворскій, Ю. А. Два замѣчательныхъ карпато-русскихъ сборника XVIII-го в., принадлежащихъ Университету св. Владиміра. Описаніе рукописей и тексты. Кіевъ. 1909. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8° (17×25). 95 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 10 л. 300 экз.

Архивъ Раевскихъ. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго, т. II. Спб. 1909. Изд. П. М. Раевскаго. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×25). XVI+666 стр.+5 таб. Вѣсь 4 ф. 18 л. 600 экз.

Бертъе-Делагардъ, А. Л. Къ исторіи христіанства въ Крыму. Мнимое тысячелѣтіе. Одесса. 1909. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20×26). 113 стр. Вѣсь 18 л. 50 экз.

Дистерло, Н. А., баронъ. Офицерская кавалерійская школа (1808—1909). Историческій очеркъ. Спб. 1909. Тип. Т-ва Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (18×26). 142 стр. Съ портр. и рис. Вѣсь 1 ф. 7 л. 550 экз.

Доброправовъ, В. Введенская Островская пустынь, Владимірской епархіи. Историческое описаніе. Владиміръ. 1909. Тип. И. Коиль. 8° (18×27). 63 стр. Съ рис. Вѣсь 9 л. 1.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. XIV, кн. 2. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16×24). 392 стр. Съ таб. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 14 л. 813 экз.

Содержаніе: I. Адрианова, В. Евангеліе Ѳомы. II. Кудрявскій, Д. И. Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣто-

писи. III. Яворскій, Ю. А. Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ спискахъ XVII—XVIII вв. IV. Миллеръ, В. Ѳ. Къ сказкамъ объ Иванѣ Грозномъ. V. Кашинъ, Н. П. Незданныя произведенія Н. Ѳ. Щербинъ. VI. Грушевскій, А. С. Исторія украин. этнографіи. VII. Беличъ, А. И. Записки по чакавскимъ говорамъ. VIII. Яцимирскій, А. И. Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности. IX. Бенешевичъ, В. Н. Обзоръ трудовъ по славяновѣдѣнію.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 29. Спб. 1909. Изд. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Кушнерева (Фонтанка, 117). 4° (9×27). 80 стр. Съ 5 рис. Ц. 1 р. 35 к. Въсѣ 20 л. 15.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Н. Овсяннико-Куликовскаго. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская св. д.). 8° (19×28). 241—320 стр. Съ портр. Въсѣ 20 л. 2.000 экз.

Миропольскій, С. Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени. Спб. 1910. Изд. 2-е. Тип. Глазунова (Казанская, 8). 8° (19×26). X+222 стр. Ц. 1 р. Въсѣ 27 л. 2.400 экз.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Томъ XII. Подготовка къ войнѣ въ 1812 г. Май м-цъ. Матеріалы Воен.-Учен. Архива Генерал. Штаба. Спб. 1909. Изд. Главн. Упр. Генеральн. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій пр., 139). 8° (18×27). XXIII+318+XXXVIII стр. Съ таб. Въсѣ 1 ф. 29 л. 510 экз.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1906 годъ. Спб. Изд. Археологич. Ком. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (28×38) 166 стр.+4 таб. Съ рис. Ц. 2 р. Въсѣ 2 ф. 16 л. 650 экз.

Пузыревскій, А. И. Императорское русское музыкальное общество въ первыя 50 лѣтъ его дѣятельности (1859—1909). Спб. 1909. Изд. Рус. Музык. общества. Тип. Мильштейна (Нижегородская, 14). 8° (19×27). 47 стр. Въсѣ 9 л. 2.000 экз.

Пушкинъ и его современники, матеріалы и изслѣдованія. Вып. XII. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (16×24). 175 стр.+2 табл. Въсѣ 24 л. 713 экз.

Романовскій, Ю. и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура (Часть II). Спб. 1910. Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Бол. просп., 61). 8° (19×28). 672 стр. Съ 6 картин., 162 рис. и 54 черт. Складъ: Сѣвер. книгоиздательство, Садовая, 18, кв. 19. Ц. 6 р. Въсѣ 4 ф. 15 л. 3.000 экз.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Томъ I. М. 1909. Изд. Учебн. книгоизд. (Тверская, д. Обидной). Тип. И. Люндорфъ (М. Спасская, 2). 8° (16×23). IV+607+V стр. Съ рис. и 2 картами. Ц. 2 р. Въсѣ 1 ф. 20 л. 5.000 экз.

Семидесятипятилѣтіе Имп. археографической коммиссіи 1834—24/xii—1909. Спб. 1909. Изд. Археографич. ком. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (17×26). 16 стр. Въсѣ 3 л. 550 экз.

Собраніе писемъ А. П. Чехова. Подъ ред. и съ комментаріями Владиміра Брендера. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Томъ I. Чеховская бібліотека. М. 1910. Изд. к-ва Современ. Творчество. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Мамоновскій, св. д.). 8° (15×21). X+288 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсѣ 1 ф. 8 л. 2.500 экз.

Степановъ, Н. В. Единица счета времени (до XIII в.) по

Лаврентіевской и 1-я Новгородской лѣтописямъ. М. 1909. Изд. Имп. о-ва исторіи и древн. Россійскихъ. Тип. Синодальная. 8° (18×28). 74 стр. Въсѣ 12 л. 100 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Ѳ. Изъ исторіи русской культуры. Въ усадьбѣ князя вотчинника. М. 1909. Изд. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., св. д.). 8° (16×23). 24 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Въсѣ 5 л. 3.000 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвингъ, А. Ѳ. Изъ исторіи русской культуры. На службу Государеву. М. 1910. Изд. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной) Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п. св. д.). 8° (16×23). 23 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Въсѣ 5 л. 3.000 экз.

Уманецъ, Ф. М. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. (Фрагментъ вмѣсто объявленія). Спб. 1910. Тип. Винке (Екатерингофскій, 15). 8° (14×22). 27 стр. Въсѣ 3 л. 1.200 экз.

Финдеизейнъ, Ник. Очеркъ дѣятельности Спб. Отдѣленія Имп. Русскаго Музыкальнаго Общества (1859—1909). Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 112+119 стр. Съ рис. 4 табл. Въсѣ 27 л. 1.600 экз.

Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. Томъ II (1801—1825 г. г.). Спб. 1909. Тип. Бережливость (Невскій пр., 139). 8° (17×26). 232 стр. Въсѣ 1 ф. 1 л. 1.010 экз.

Шумаковъ, Сергѣй. Сотницы, грамоты и записи. Вып. 5. М. 1909. Изд. Имп. о-ва Истор. и древн. Россійскихъ. Тип. Синодальная. 8° (18×28). VII+115 стр. Ц. 1 р. Въсѣ 18 л. 200 экз.

Агринскій, А. С. Симбирская (гимназія 1809—1909 г.г.). Историческая записка. Симбирскъ. 1909. Тип. А. Т. Токарева. 8° (15×22). 146+19 стр. Въсѣ 16 л. 600 экз.

Варнеке, В. Б., проф. Исторія русскаго театра. Часть 2-я: XIX вѣкъ. (Опытъ изложенія). Казань. 1909. Изд. и тип. университетская. 8° (17×25). IV+432 стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсѣ 1 ф. 4 л. 400 экз.

Залѣскій, В. Ф. Изъ Казанской старины. Казань. 1909. Изд. Духов. Академіи. Тип. Центральная. 8° (16×24). 23 стр. Въсѣ 2 л. 200 экз.

Записки сенатора Якова Григорьевича Есиповича. Спб. 1909. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 142 стр.+1 портр. Въсѣ 17 л. 300 экз.

Ключевскій, В., проф. Курсъ Русской Исторіи. Часть IV. Единственный подлинный текстъ. М. 1909. Изд. автора. Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевскій, 5). 8° (15×23). 481 стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсѣ 1 ф. 11 л. 25.000 экз.

Матеріалы этнографическіе. Частушки — „припѣвки“. (Изъ села Гусихи, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи). Казань. 1909. Изд. Общ. археологін. Тип. Университетская. 8° (16×24). 10 стр. Въсѣ 2 л. 50 экз.

Миртовъ, Д. Первые профессора философіи въ С.-Петербургской Духовной Академіи—іером. Евгеній и Игн. Фесслеръ. (Къ столѣтію Академіи). Спб. 1909. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (15×22). 14 стр. Въсѣ 2 л. 30 экз.

Поливановъ, В. Н. Матеріалы къ исторіи Симбирскаго дворянства 1781—1909. Симбирскъ. 1909. Изд. автора, 2-е, доп. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×25). 196 стр. Въсѣ 20 л. 310 экз.

Слабченко, М. Е. Малорусскій полкъ въ административномъ от-

ношеніи (Историко-юридическій очеркъ). Одесса. 1909. Тип. Техвикъ (Успенская, 56). 8° (18×26). 436+III стр. Въсь 1 ф. 21 л. 300 экз.

Соболевскій, А. Библиографическія замѣтки. Кіевъ. 1909. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская). 3° (18×26). 7 стр. Въсь 1 л. 30 экз.

Стеллецкій, В. Бѣлгородка (древній Бѣлгородъ). Опытъ военно-историческаго изслѣдованія древне-русскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Кіевъ. 1909. Тип. Окружн. Штаба (Банковая, 11). 8° (17×26). 24 стр. Въсь 6 л. 300 экз.

Стороженко, А. Къ исторіи войска Запорожскаго при Сагайдачномъ. Кіевъ. 1909. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская). 8° (18×26). 16 стр. Въсь 2 л. 25 экз.

Толстой, Л. Н. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Вып. II. Подъ ред. А. Л. Волынскаго, при сотрудничествѣ Н. Г. Молодцова и П. А. Сергѣенко. Художественный отдѣлъ находится въ вѣдѣніи Е. П. Самокишъ-Судковской и М. В. Добружинскаго. Спб. 1909. Изд. и тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 4° (23×30). 69—116 стр. Съ 56 портр. и рис. Ц. по подпискѣ 12 р., съ доставкой 14 р. Въсь 22 л. 5.000 экз.

Александровскій, Г. Историческая записка о состояніи Кіево-Фундуклеевской женской гимназіи въ теченіе перваго пятидесятилѣтія ея существованія. 1860—1910 г. Кіевъ. 1910. Тип. Русская Печатня (Михайловскій, 20). 8° (17×26). 156 стр. Въсь 16 л. 800 экз.

Арцимовичъ, Е. В., Имшенецкая, М. В., Капица, О. И., Квятцъ, Б. Г., Кнатцъ, Е. Э., Страхова, М. И. Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ. Подъ ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова. Съ Приложеніемъ: 1) Обзора библиографическихъ указателей. Сост. А. Капица и 2) Указателя литературы по исторіи музыки. Сост. А. Рачинскій. Спб. 1910. Изд. Имп. Рус. Техническаго общества. Тип. Александра (Надеждинская, 43). 8° (16×23). VIII+555+56+7 стр. Складъ: Прилукская, 10. Ц. 2 р. 60 к. Въсь 2 ф. 2.000 экз.

Баіовъ, А., проф. Курсъ исторіи военнаго искусства. Вып. V. Эпоха Императрицы Екатерины II. Спб. 1909. Тип. Г. Скачкова (Итальянская, 16). 8° (16×25). 231 стр. 17 плановъ. Въсь 1 ф. 3 л. 600 экз.

Барриве, Л. Освободительное движеніе въ царствованіе Императора Александра II. Историческіе очерки. М. 1909. Изд. Образованіе (Долго-руковск., 87). Тип. „Рус. т-ва“ (Мыльниковъ, св. д.). 8° (18×26). 180 стр. Съ портр. и рис. Въсь 1 ф. 11 л. 14.000 экз.

Веретенниковъ, В. И. Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени. Харьковъ. 1909. Тип. Печатное дѣло (Клечковская, 5). 8° (18×25). IV+306 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 6 л. 3.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 15. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×28). 273—352 стр. Съ портр. Въсь 18 л. 9.000 экз.

Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности. I—II. „Поученіе Петра митрополита“. III. Посланіе Нила, епископа Тверскаго къ нѣкому Вельможѣ Георгію Дмитріевичу о воздвиженіи Пресвятыя и о артусѣ. IV—VI. Неизданныя посланія преп. Максима Грека и Ѳ. И. Карнова. Извлечено изъ журн. „Христіанское Чтеніе“, 1909 г.

Спб. 1909. Тип. М. Меркушова (Невскій, 8). 8° (16×24), 13 стр. Вѣсь 3 л. 150 экз.

Николаевъ, А. Исторія русскаго крестьянства. Въ 4-хъ популярных лекціяхъ. Безпл. прил. къ № 11—12 „Вѣстн. знанія“. Спб. 1909. Тип. Т-ва худож. печати (Ивановская, 14). 8° (16×23). 71 стр. Вѣсь 7 л.

Никольскій, Николай. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII вѣка (1397—1625). Т. 1-й. Вып. П. О средствахъ содержанія монастыря. Спб. 1910. Изд. автора. Тип. Синодальная. 8° (18×26). 2 нев.+267+XCIII+CCCXX+VI стр. Ц. 5 р. Вѣсь 2 ф. 29 л. 600 экз.

Опытъ родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя записи Леонида Михайловича Савелова. Вып. 3-й. М. 1910. Изд. автора (Трубниковскій пер., св. д.). Тип. С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., 9). 8° (18×27). 248 стр. Ц. 4 р. Вѣсь 1 ф. 16 л. 365 экз.

Покровскій М. Н. Русская Исторія. Часть I. Вып. 1-й. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. Т-ва Чичеринъ (Марьянскій, св. д.). 8° (19×27). 15 стр. Вѣсь 3 л. 5.000 экз.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса (Выпускъ VI). Подъ общей редакціей Ксидо, К. И. и Соколовскаго, М. К. Спб. 1910. Изд. К. И. Ксидо (Фонтанка, 18). Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 4° (22×28). 95 стр. Съ 4 рис. Ц. 1 р. Вѣсь 18 л. 1.000 экз.

Указатель выставки въ память двухсотлѣтія Полтавской побѣды. М. 1910. Изд. Историч. музея. Тип. О-ва распр. полезн. кн. (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (13×19). 28 стр. Вѣсь 4 л. 600 экз.

Фатѣевъ, Ар. Н. М. М. Сперанскій (1809—1909). Біографическій очеркъ. Харьковъ 1910. Тип. Печатное дѣло (Клочковская, 5). 8° (18×26). 80 стр. Вѣсь 20 л. 400 экз.

Частная опера С. Н. Мамонтова. Ко дню, посвященному памяти 25-лѣтія открытія Русской частной оперы въ Москвѣ. 9 января 1885 года. М. 1910. Тип. А. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., св. д.). 8° (16×24). 8 стр. Вѣсь 1 л. 5.000 экз.

Эпоха Николая I. Подъ ред. М. О. Гершензона. М. 1910. Изд. Образованіе (Долгоруковск., 87). Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ, св. д.). 8° (18×26). VIII+187+II стр. Вѣсь 1 ф. 14 л. 14.000 экз.

Андреевъ, Ник. Кіевская Русь. Культурно-историческіе очерки Россіи № 3. Спб. 1910. Изд. В. И. Яковенко. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (14×20). 88 стр. Съ 26 рис. и 3 карт. Ц. 25 к. Вѣсь 7 л. 5.100 экз.

Барковъ, Н. В. Мотивы русскаго орнамента XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI вѣковъ. М. 1910. Тип. М. Г. Грамакова. (Газетный пер., д. Романова). 8° (12×20). 107+3 нев. стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 17 л. 300 экз.

Васильевскій, В. Г. Труды. Томъ II. Вып. 1. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., № 12). 3° (17×25). 295 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсь 1 ф. 3 л. 613 экз.

Голицынъ, Б. Б., кн., академикъ. Отчетъ о дѣятельности Имп. Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1909 годъ. Спб. 1909. Изд. и тип. Имп. Акад. Наукъ. 8° (17×24). 261+6 стр. Вѣсь 1 ф. 638 экз.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Сборникъ. Матеріалы для біографіи и статьи по теоретическимъ вопросамъ. Ко дню 25-лѣтія со дня

ковчины. Подъ ред. гр. П. С. Уваровой. Т. III. М. 1910. Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевскій, 5). 4° (24×31). 374 стр. Съ портр. и рис. Въсь 2 ф. 20 л. 625 экз.

Гудзь, И. К. Матеріалы для исторіи Тверского Губернскаго Земства 1886—1908 гг. Томъ VI. Подъ ред. А. Н. Полтева. Тверь. 1910. Изд. и тип. губ. земства. 8° (18×27). XVI+XXIV+1983 стр. Съ портр. Въсь 5 ф. 20 л. 750 экз.

Джонсонъ, И. Чеховъ и его творческій путь. Кіевъ. 1910. Изд. кн. маг. Трудъ (Фундуклеевская, 5). Тип. Наслѣд. В. К. Меленевскаго (Нѣжинъ). 16° (13×18). 130 стр. Ц. 60 к. Въсь 8 л. 2.000 экз.

Заболотскій, П. А. Гоголевскія юбилейныя празднества (1809—1909) въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 1910. Тип. Насл. В. К. Меленевскаго. 8° (18×27). 17 стр. Въсь 3 л. 300 экз.

Записки неофилологическаго общества при Имп. Спб. Университетѣ. Вып. IV подъ ред. проф. Д. К. Петрова и прив.-доц. К. Θ. Тиандера. Спб. 1910. Тип. Винеке (Екатерингофскій, 15). 8° (17×25) 177 стр. Въсь 2 л. 2450 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 30. Спб. 1910. Изд. Бр. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Рус. скоропечатня (Екатеринин. кан., 94). 8° (20×27). 241—272+81—128 стр. Съ 3 портр. Ц. 1 р. 35 к. Въсь 19 л. 15.400 экз.

Кондаковъ, Н. П., академикъ. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ за 1909 годъ. Спб. 1909. Изд. и тип. Имп. Акад. Наукъ. 8° (17×24). 38 стр. Въсь 6 л. 638 экз.

Къ столѣтію Гвардіи Уланъ Его Величества 1809—1909. Варшава. 1909. Тип. Окруж. Штаба (Саксонская пл., 7). 8° (18×36). 9 стр.+2 портр. Въсь 3 л. 1.500 экз.

Отчетъ о 49 присужденіи наградъ графа Уварова. Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII серія по историко-филологич. отдѣленію. Т. X. № 1. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (21×30). 647 стр. Ц. 4 р. 70 к. Въсь 3 ф. 14 л. 600 экз.

Покровскій, Н. Б., проф. Памятники церковной старины въ Костромѣ. Изъ Вѣстника Археологіи и Исторіи, XIX вып. Спб. 1910. Изд. Археологич. Института. Тип. Синодальная. 8° (20×28). VI+58 стр.+32 таб. Въсь 1 ф. 6 л. 200 экз.

Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Выпускъ 70. Дѣйствія на восточномъ фронтѣ съ 1 по 19 января 1878 г. Спб. 1909. Изд. Воен.-Истор. комис. Главн. Упр. Генер. Штаба. Тип. Т-ва Художеств. Печати (Ивановская, 14). 8° (19×29). XII+263 стр. Въсь 2 ф. 1.200 экз.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 8-я. Томъ III. Акты о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ Юго-Западной Руси въ XVI—XVII вв. Кіевъ. 1909. Изд. комис. для разбора древнихъ актовъ. Тип. Акц. общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×28). 120+708+XXX стр. Ц. 2 р. Въсь 3 ф. 13 л. 540 экз.

Венгеровъ, С. А. Источники словаря русскихъ писателей, т. II. Гогоцкая—Карамзинъ. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л. 12). 8° (17+24). 598 стр. Ц. 7 р. 40 к. Въсь 2 ф. 6 л. 512 экз.

Воронежская старина. Вып. 8-й. Воронежъ. 1909. Изд. Церк.-археол.

комит. Тип. т-ва Н. Кравцовъ и К^о (Б. Дворян., д. Стодль). 8° (19×27). II+213 стр. Съ портр. и рис. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 12 л. 450 экз.

Довгялло, Дм. И. Страничка изъ исторіи православнаго Бого-явленскаго братства въ гор. Бѣльскѣ (1633—1636). Отт. изъ № 48 и 50 „Гродн. Епарх. Вѣдом.“. Гродно. 1909. Тип. Губернская. 8° (14×21). 14 стр. Въсь 2 л.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Ч. I. М. 1910. Тип. В. Рихтеръ (Мамоновскій пер., св. д.). 8° (16×23). II+309 стр. Ц. 1 р. Въсь 26 л. 1.200 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. V. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовская, св. д.). 8° (19×27). 321+400 стр. Съ портр. Въсь 19 л. 2.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовская, св. д.). 8° (19×27). 353—432 стр. Съ портр. Въсь 20 л. 9.000 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. III. М. 1910. Изд. Образованіе (Долгоруковская, 85). Тип. Русскаго товарищества (Мыльниковъ, св. д.). 4° (26×39). 121—138+110 стр. Съ портр. и рис. Въсь 2 ф. 26 л. 8.000 экз.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1910 годъ. Вятка. 1909. Изд. губ. статистич. ком. Тип. Губернская. 8° (17×25). 134+197+V+181 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 17 л.

Памятная книжка Гродненской губерніи на 1910 годъ. Гродно. 1909. Изд. Гродн. губ. статист. ком. Тип. Губернская 8° (17×22). 1 нен.+420+96×18 нен. стр. Ц. 1 р. 30 к. Въсь 1 ф. 3 л. 1.200 экз.

Порфирьевъ, П. Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра В. Казань. 1909. Изд. автора (2-я Солдатская, 2). 8-е. Тип. Университетская 8° (17×25). 724+IV стр. Ц. 2 р. Въсь 2 ф. 3.600 экз.

Резановъ, А. С. Хронологическія и генеалогическія таблицы по всеобщей и русской исторіи. Спб. 1910. Изд. и тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., св. д.). 8° (21×16). 47 стр. Съ 8 таб. Ц. 75 к. Въсь 15 л. 2.000 экз.

Село Рождествено, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи. Краткое историко-археологическое описаніе. М. 1909. Тип. И. С. Ефимова (Б. Якиманка, св. д.). 8° (15×23). 31 стр. Съ рис. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Суриковъ, Іоаннъ Матвѣевичъ. Жизнеописаніе подвижницы и прозорливицы, блаженной старицы Евфросиніи, Христа ради юродивой княжны Вяземской, фрейлины Императрицы Екатерины II. М. 1909. Изд. автора. Тип. Обществ. Польза (Тверская-Ямская, 26). 8° (15×22). 45 стр. Въсь 4 л. 1.000 экз.

Третьяковъ, Н. 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Портъ-Артуръ. Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 225 стр. Съ рис. Въсь 22 л. 1.000 экз.

Трифилевъ, Е. П. Въ ссылкѣ. Къ біографіи Василя Назаровича Каразина. Харьковъ. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Клочковская ул., 5). 8° (17×26). 11 стр. Въсь 3 л. 200 экз.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

мысли, категорическій императивъ Канта, философское учене Гегеля легко усваивалось даровитымъ юношей“.

12 юня 1864 г. Наслѣдникъ съ своею свитою выѣхалъ изъ Царскаго Села въ заграничное, роковое для него, путешествіе въ Германію, Голландію, Давію и Италію. Передъ отъѣздомъ Великій Князь отъправился на охоту, гдѣ простудился и схватилъ *lumbago*. Доктора не нашли ничего серьезнаго. Великій Князь казался бодрымъ и здоровымъ, и никто не подозрѣвалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его не станетъ.

Чичеринъ изображаетъ такими словами это путешествіе: „Мы путешествовали, какъ кружокъ друзей, разныхъ возрастовъ, различныхъ положеній, но все соединенные общимъ чувствомъ и общими стремленіями. Центромъ этого маленькаго міра былъ прелестный юноша, съ образованнымъ умомъ, съ горячимъ и любящимъ сердцемъ, веселый, привѣтливый, обходительный, принимающій во всемъ живое участіе, распространяющій вокругъ себя какое-то свѣтлое и отрадное чувство“.

Въ Копенгагенѣ Наслѣдникъ былъ помолвленъ съ прелестною принцессою Дагмарой. По этому поводу Чичеринъ выражается такъ: „Мы встрѣтили молодую чету въ корридорѣ, отъправляющуюся вдвоемъ, подъ руку въ свои апартаменты. Это была одна изъ самыхъ радостныхъ минутъ моей жизни. Оба были молоды, красивы, влюблены другъ въ друга. Оба сіяли счастьемъ. Будущее представлялось въ самомъ радужномъ свѣтѣ, не только для нихъ самихъ, но и для всей Россіи. Мы съ неудержимымъ порывомъ бросились ихъ поздравлять“.

Вюртембергская королева Ольга Николаевна старалась всячески сдѣлать пребываніе въ Штутгартѣ своего племянника насколько возможно пріятнѣе. Это была та королева, которую державный отецъ называлъ безприданною, ибо самъ цѣнилъ ее за наружныя качества и внутреннія достоинства ея, и признавалъ, что другого приданнаго ей не нужно. Въ Италіи занесены Оомомъ въ записки три встрѣчи Цесаревича съ принцемъ Гумбертомъ (послѣдствіемъ королемъ Италіи), съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ и генераломъ Ламармора.

За обѣдомъ у принца Гумберта — Цесаревичъ, интересуясь конституціей Италіи и желая узнать отъ принца нѣкоторыя подробности, между прочимъ по судебной части, которая подлежала введенію у насъ, по образцу италянскій, предлагалъ принцу Гумберту вопросы, на которые, повидимому, принцъ не желалъ или не въ состояніи былъ отвѣчать и переходилъ на другіе предметы преимущественно же на рассказы о жизни своей, довольно разгульной. Цесаревичъ не уступалъ, однако, и вновь возвращался къ тѣмъ же вопросамъ. Тогда принцъ, видя, что отдѣлаться ему было невозможно иначе, какъ откровеннымъ признаніемъ своего невѣдѣнія, отвѣчалъ: „*Vous me demandez des choses, dont je n'ai pas la moindre idée. Chez vous, dans un pays monarchique, les princes sont obligés de connaître les lois et la constitution du pays; chez nous c'est l'affaire des chambres*“.

О представленіи королю Виктору-Эммануилу сообщается слѣдующее: „Цесаревичъ былъ въ парадной формѣ Л.-гв. гусарскаго Е. В. полка; вся свита также въ парадныхъ мундирахъ. Король воображалъ, что *incognito* Цесаревича устраиваетъ официальные визиты, а потому былъ крайне пораженъ, когда, при выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемную залу, увидѣлъ всѣхъ въ мундирахъ. Самъ въ коротенькомъ пиджакѣ, съ открытой шеей, въ свѣтлыхъ, широкихъ панталонахъ, онъ дотога смутился, что вырвалъ изъ рукъ своего дежурнаго камергера складную треугольную шляпу и быстрымъ движеніемъ сунулъ ее подъ мышку; какъ будто шляпа эта придавала болѣе официальности его костюму и пріему гостей. Поздоровавшись съ Цесаревичемъ, онъ поспѣшно удалился съ Его Высочествомъ въ соседніе апартаменты“.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Цесаревичу были представлены записки посланниковъ всѣхъ странъ, черезъ которыя пролегалъ путь, съ разными свѣдѣніями объ учрежденіяхъ, правительственныхъ лицахъ, выдающихся и извѣстныхъ по какимъ бы ни было причинамъ личностяхъ. Такимъ образомъ, вопросы дня, наиболее интересные въ данную минуту въ той или другой странѣ, должны были извѣстными Его Высочеству.

„Юный, обворожительный по молодости и свойственной ему застѣчивости, онъ однако, какъ оказалось, такъ умѣло и съ такимъ тактомъ велъ разговоръ, что изумилъ всѣхъ представившихся; а Ламармора, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться въ день пріѣзда нашего въ Туринъ, подошелъ ко мнѣ послѣ аудіенціи министровъ и сказалъ незабвенныя для меня слова: „*Il faut rendre justice à Monseigneur le Grand-Duc, c'est un jeune homme accompli. Comme vous devez être fier de lui*“.

Провидѣнію не угодно было сохранить жизнь такъ высоко одаренному Великому Князю. Въ Берлинѣ Цесаревичъ сталъ жаловаться на боли въ спинѣ, — въ Венеціи боли эти въ сильной степени повторились, при чемъ одинъ италянскій докторъ поставилъ діагнозъ, оказавшійся впоследствии вѣрнымъ, нарывъ въ спинной кости. Скоро Наслѣднику сдѣлалось легче, но все-таки онъ двигался съ трудомъ и ходилъ сторбленный. Больного перевезли въ Ниццу.

„Одно время, казалось, нишетъ Чичеринъ, что Великому Князю стало лучше. — Знаете ли, сказалъ онъ мнѣ однажды, педѣли за двѣ до послѣдней болѣзни — я сегодня посмотрѣлъ на себя въ зеркало и увидѣлъ, что моя спина почти совсѣмъ выпрямилась. — Онъ самъ нѣсколько повеселѣлъ. По вечерамъ у него обыкновенно собирались нѣкоторые изъ насъ, и онъ откровенно бесѣдовалъ о себѣ и братьяхъ. Мнѣ врѣзалось въ память одно его изреченіе“. У насъ всѣхъ нѣсколько лѣтъ натура; у одного брата Александра хрустальная душа. Это былъ его любимый братъ, съ которымъ онъ въ дѣтствѣ былъ неразлученъ.

Въ концѣ марта Великому Князю стало хуже. На святой недѣлѣ у него сдѣлался мозговой припадокъ. У него охотилось туберкулезное микробы, отъ котораго не было спасенія“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ СТАРИНА 1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цена за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ деятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжные магазины: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Маховая, д. Коха). Въ Казани **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книж. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Пименская ул.). Въ Клевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

==== **Гг. иногородные** обращаются исключительно въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о важныхъ событіяхъ и отдельныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ деятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя; переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявление о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому ведомству трудно извѣсти справки.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, и затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

==== Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цена 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

АВГУСТЪ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	191—202	IX. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ П. И. Вахтину. Сообщ. А. Чебышевъ.	281—287
II. Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго. П. П. Козловскаго.	203—219	X. Парижскія воспомина-нія. Алексѣя Плетнева.	288—292
III. На могилѣ Батюшкова. (Очеркъ) Г. Дебрякова.	223—226	XI. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера.	293—340
IV. Изъ разсказовъ дѣдуш-ки. А. К.	227—236	XII. Записки графа Ланже-рона. Война съ Тур-ціей (1806 — 1812 г.г.). Сообщ. Е. Каменскій.	341—361
V. Мои воспоминанія. П. А. Пивина.	237—239	XIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи лите-ратуры съ 3 февраля по 18 мая 1910 г.	362—380
VI. Страничка изъ исторіи бѣлорусскаго духовен-ства. (Воспоминанія о протоіерей Павлѣ Ивано-вичѣ Круковскомъ). Адр. Круковскаго.	240—245	XIV. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
VII. Изъ недавняго прошла-го. (Бытовые очерки).	246—266	а) Къ исторіи русскихъ суевѣрій. (Челобитная 1685 г.).	220—222
VIII. Изъ давно прошедшаго. (1876 — 1879). Л. Во-гтаевскаго.	267—280	XV. Библиографическій ли-стокъ (на оберткѣ).	

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва и. ф. „Электро-тип. П. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

Труды Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго общества. Т. I—IV. Спб. 1909 г.

Въ I-мъ и III-мъ томахъ напечатаны интересные матеріалы, относящіеся до Сѣверной войны и извлеченные изъ отечественныхъ столичныхъ и провинціальныхъ архивовъ, а также изъ архивовъ Стокгольма и Вѣны, при чемъ I-й томъ касается событій въ іюль и октябрь 1708 г., а томъ III-й—событій съ ноября 1708 г. включительно по іюль 1709 г. Среди документовъ перваго тома особенно интересны: собственноручное письмо Петра I отъ 8-го августа 1708 г. къ Маазенъ, съ указаніями о характерѣ дѣйствій противъ шведовъ, а также письма Шереметева къ Петру I, письма Шереметева, князя Волковскаго, Ифланда, Бауера и коменданта Полтавы Келена къ Менъшикову.

„Переписка Менъшикова за этотъ періодъ ярко рисуетъ внутренній порядокъ въ арміи, ея дисциплину, ея бытовую сторону. Письма Шереметева къ Менъшикову выясняютъ особую заботливость Шереметева о вѣрности ему войскахъ. Ясно становится также, что всѣмъ движеніемъ арміи отъ Головчина и дальше, несмотря на то, что при арміи находится Шереметевъ, въ качествѣ главнокомандующаго, руководить самъ царь Петръ, который уже въ половинѣ августа предвидитъ возможное движеніе шведовъ въ Украину, считая также возможнымъ движеніе ихъ на Смоленскъ. Соответственно съ этимъ, Петръ и ведетъ армію такъ, чтобы въ каждую минуту быть готовымъ идти туда или сюда, при чемъ выполняетъ это поистинѣ гениально“.

Документы, извлеченные изъ Вѣнскаго архива, найдены тамъ въ бумагахъ принца Евгенія и содержатъ переписку лицъ дипломатическаго корпуса о ходѣ Сѣверной войны.

Среди документовъ III тома особеннаго вниманія заслуживаютъ письма Петра къ Менъшикову. Въ этихъ письмахъ отчетливо выясняется, какъ высоко цѣнилъ Петръ Менъшикова. Царь всегда высказываетъ пожеланія посоветоваться съ нимъ по самымъ разнообразнымъ дѣламъ, относится неимѣнно съ любовью и лаской къ этому даровитому племяннику гвѣзда Петрова.

Ко всѣмъ прочимъ своимъ сотрудникамъ Петръ относится доброжелательно и съ лаской, совсѣмъ не по теперешнему, модному, обращенію нѣкоторыхъ высшихъ начальниковъ. Изъ переписки другихъ лицъ съ Менъшиковымъ обнаруживается ихъ особо почтительное къ нему отношеніе.

Очень интересны письма Шереметева, Менъшикова, Брюса, Ренне, Ифланда, князя Репнина, князя Григорія Волковскаго и князя Дмитрія Голицына и „Дневникъ пребыванія царя въ Воронежѣ“. Относительно всей полтавской операціи документомъ самаго высокаго историческаго интереса является „Дневникъ военныхъ дѣйствій Полтавскаго сраженія“, содержащій въ себѣ описаніе дѣйствій съ 1-го апрѣля по 30-е іюля 1709 года. „Дневникъ“ этотъ извлеченъ изъ архива Академіи Наукъ. Относительно общей оцѣнки этихъ документовъ нельзя не согласиться съ общимъ заключеніемъ автора предисловія къ этимъ томамъ: „Нельзя не сказать, что ознакомленіе съ разсматриваемыми документами заставляетъ поражаться могучею личностью Великаго Петра. Можно только удивляться гениальнымъ соображеніямъ Петра, его умѣнью распознавать обстановку за нѣсколько сотъ верстъ, правильно оцѣнивать ее и принимать въ высшей степени простыя, но чрезвычайно мудрыя рѣшенія. Наряду съ этимъ обнаруживается громадная, гигантская неустанная работа гениальнаго царя. Всѣ обращаются къ нему съ массой вопросовъ—и важныхъ по части оперативной, и мелкихъ по части хозяйственной—и Великаго Петра на все хватаетъ“. II-й и IV-й томы содержатъ историческія изслѣдованія Н. Л. Юнакова. Во II-мъ томѣ излагаются военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Днѣпра, а въ IV томѣ—самая полтавская операція.

Въ II и IV томахъ талантливымъ Н. Л. Юнаковымъ самымъ обстоятельнымъ и блестящимъ образомъ изложена подготовка къ Полтавѣ и самая Полтава. Самая Полтавская операція излагается молодымъ историкомъ въ совершенно новомъ освѣщеніи благодаря „Дневнику военныхъ дѣйствій“ подъ Полтавой. Дневникъ этотъ по разслѣдованію г. Юнакова представляетъ копію съ журнала, веденнаго Полтавскимъ комендантомъ Келеномъ.

Мудрая политика Великаго Петра создала прекрасную политическую подготовку къ Полтавѣ, — гдѣ помощи шведамъ не было никѣмъ оказано; Польшу удержало отъ шведскаго союза посольство думнаго дьяка Украинцева, а Турцію и крымскихъ татаръ грандіозныя, демонстративныя приготовленія Царя къ морскому походу въ Царьградъ, постройка флота въ Воронежѣ и спускъ его въ Азовское море. Подавленіе Булавинскаго бунта на Дону и разгромъ Запорожской Сѣчи—лишили возможности подать имъ руку помощи шведамъ. Такимъ образомъ была завершена политическая подготовка и все дѣло должно было рѣшиться правильное веденіе дѣла согласно принципамъ стратегіи. И тутъ съ поразительнымъ искусствомъ молодой историкъ рисуетъ шагъ за шагомъ интересныя картины, какъ избалованный прежними побѣдами партизанъ полководецъ Карлъ XII, мало признававшій принципы стратегіи, волюй подчиняется гениальной волѣ Петра. Карлъ XII имѣетъ всѣ боевые запасы при себѣ и довольствуется средствами края.—Петръ не даетъ ему этихъ средствъ, уничтожая запасы конницею, а при наступленіи шведовъ все населеніе должно было укрывать запасы и ихъ уничтожать. Отъ Могилева

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поездка въ Самборъ“. **П. М. Ковалевского**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ө. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламаускаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ П. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина П. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринъ“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. **Е. А. Рагозиной** — „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг.“. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н.—ъ.** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г.“. — Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія Д. Санглева, Леваковскаго, Семенова и др. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

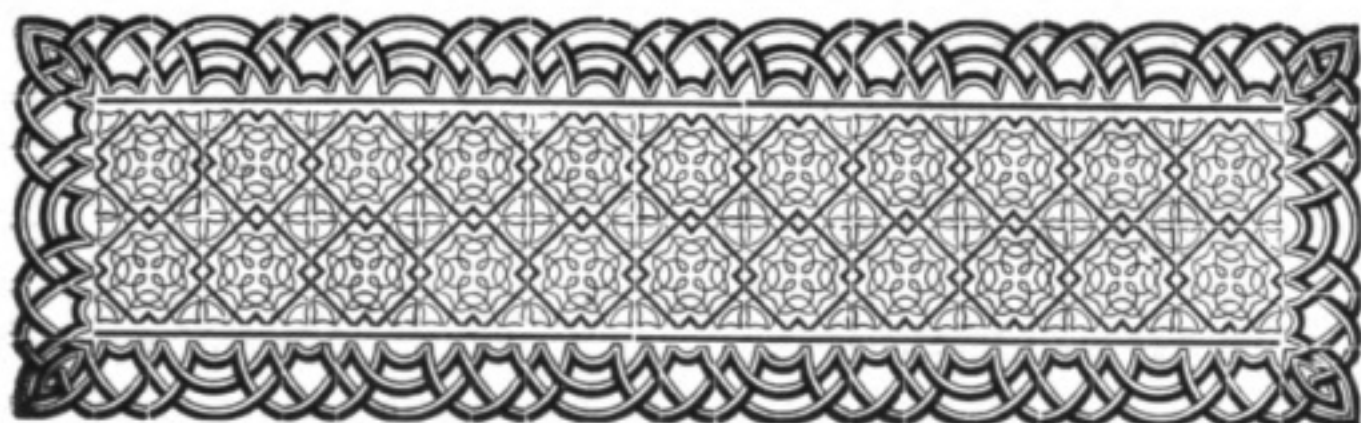
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXVIII ¹⁾.

Мы вышли на подъѣздъ бани и узнали, что по распоряженію Кіамиль-паши лошадей вернули обратно, а за нами прислали осѣдланныхъ муловъ съ евнухами.

На смѣну яркому, солнечному дню спустилась безлунная, суровая ночь и скрыла все подъ чернымъ покровомъ мрака. Былъ темень также и куполь небесный, окутанный грядami дымящихся тучъ, и только зарницы, предвѣщая наступленіе грозы, молча играли по краямъ горизонта.

При сказанныхъ условіяхъ ѣзда по скверной мостовой неосвѣщенныхъ улицъ оказалась не изъ пріятныхъ: животныя спотыкались, ревѣли и били задними ногами, такъ что справиться съ ними, даже погонщикамъ, было очень трудно; но, преодолевъ все препятствія, мы благополучно прибыли въ отдаленную отъ центра лѣтнюю резиденцію губернатора.

Меня пригласили наверхъ, въ гаремъ. Туда явился и самъ Кіамиль-паша, веселый, довольный и въ чрезвычайно изысканныхъ, деликатныхъ выраженіяхъ, но не лишенныхъ риторическихъ прикрасъ вычурнаго тона, какъ, вообще, по турецкимъ понятіямъ, долженъ говорить образованный человѣкъ, сообщилъ мнѣ, что прекрасный „Арбалетъ“, вольный сынъ аравійскихъ стеней, однимъ словомъ, тотъ самый скакунъ, который удостоился высокой чести нести меня

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1910 г.

на своей спинѣ, уже отосланъ въ нашу конюшню, и что я, такимъ образомъ, могу считать себя его хозяйкой.

На восторженное изумленіе съ моей стороны онъ отвѣтилъ арабской поговоркой, что „по всаднику конь, а конь по всаднику“...

— Слѣдовательно,—пояснилъ онъ,—такъ оно должно быть и такова значить воля кесмета.

Когда же я, охваченная радостнымъ волненіемъ, благодарила его, то надо было видѣть этого государственнаго мужа: онъ покраснѣлъ до слезъ и отъ смущенія не зналъ, куда глаза дѣвать, напоминая скорѣй застѣнчивую дѣвицу, чѣмъ грознаго пашу, какимъ считали его христіане со временъ Алеппской рѣзни.

Съ милой улыбкой онъ сталъ увѣрять, что никогда не былъ такъ счастливъ, какъ сейчасъ, и въ заключеніе выразилъ надежду, что я съ благословенія Аллаха не перестану полиѣть и полиѣть до безконечности. На этотъ разъ я не обидѣлась, зная уже настоящій смыслъ сказаннаго пожеланія. Вдругъ какая-то неясная догадка мелькнула на мигъ, и воображеніе мое понеслось навстрѣчу чему-то загадочному.

— По какимъ собственно побужденіямъ,—думалось невольно,—обремененный долгами Кіамиль-паша предложилъ мнѣ такъ дорого стоящій даже тамъ, на Востокѣ, подарокъ?

И дѣйствительно: со временемъ оказалось, что все это было устроено не имъ, а моимъ негласнымъ поклонникомъ.

Дамы принялись упрашивать меня остаться ночевать; но я, сообразивъ, что имъ просто хотѣлось допекать меня сватовствомъ за бѣя, поспѣшила уклониться отъ приглашенія, сославшись на родныхъ, отъ которыхъ не имѣлось на то согласія. Тогда былъ возбужденъ вопросъ, что подать мнѣ подъ верхъ: лошадь, мула или осла? Но послѣднее не годилось въ данномъ случаѣ, а потому я попросила нанять для меня солдата изъ губернаторской казармы и отправиться съ нимъ пѣшкомъ.

Къ такому упрощенному способу передвиженія часто прибѣгали обыватели страны, гдѣ нѣтъ ни экипажей, ни дорогъ, и что весьма охотно разрѣшалось властями ради посторонняго заработка на пропитаніе нижнимъ чинамъ, не получавшимъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ году жалованья отъ разоренной казны. Но любезный хозяинъ и слышать не хотѣлъ о платѣ, а самолично приказалъ двумъ заптѣе изъ собственнаго караула сопровождать и охранять меня.

Путешествуя съ ними сперва по изрытымъ тропинкамъ въ долинахъ, а затѣмъ пробираясь черезъ предмѣстье съ его узенькими, какъ щели, проулочками, гдѣ мудрено было идти, не задѣвая стѣнъ боками, я смѣялась въ душѣ, воображая, что сказали бы у насъ-

въ Россіи, если бь могли сейчасъ видѣть меня оттуда, блуждающую въ непроницаемой тѣмѣ по глухой мѣстности и конвоируемую турецкими солдатами, о звѣрствахъ которыхъ во всѣхъ газетахъ міра сообщались тогда ужаснѣйшія вещи.

А между тѣмъ, страшные люди эти, съ ятаганами за поясомъ, проявили столько вниманія и заботъ, что я почти не замѣчала неудобствъ пути. Больше ползкомъ, чѣмъ на ногахъ, двигались они впередъ, ежеминутно склоняясь къ землѣ, чтобы видѣть всѣ неровности почвы, предостерегая и слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ.

Наконецъ, мы выбрались на широкій бульваръ и вскорѣ пришли къ нашему парадному ходу, ярко освѣщенному фонарями.

Здѣсь я раздала своимъ кавалерамъ по два меджидіе каждому, чѣмъ несказанно обрадовала и удивила ихъ: такого щедрого вознагражденія они никакъ не ожидали, такъ какъ расчетливые аборигены платили въ тѣхъ же случаяхъ всего нѣсколько піастровъ.

Отъ избытка чувствъ оба преклонили колѣна и, призывая благословеніе Аллаха, нѣжно расцѣловали—да не подумаетъ читатель, что руки мои, нѣтъ! а собственныя ладони, выражая этимъ, по ихъ понятіямъ, наивысшій знакъ благоволенія и преданности.

Затѣмъ, сохраняя на лицахъ торжественно серьезный видъ, они взяли ружья на плечо и отдали не подобающую моей особѣ воинскую честь.

Отъ родныхъ мнѣ досталось за опозданіе. Тогда я правдиво рассказала имъ все, что слышала отъ Элиме; но, какъ оказалось, не сообщила ничего новаго.

Они переглянулись между собой и послѣ нѣкотораго колебанія сознались, что имъ уже извѣстно о намѣреніяхъ Тафти-бея.

Тутъ вспомнила я кстати Мидхатъ-пашу, который съ перваго же дня нашего знакомства не разъ смущалъ меня какими-то странными намеками, и я поняла, что дѣло уже пущено въ ходъ.

— Удивительно! — философствовала я, — какъ можетъ мужчина полюбить женщину, съ которою онъ не обмолвился еще ни единымъ словомъ?

— И удивляться-то нечему здѣсь, — перебилъ дядя. — Развѣ у насъ не бываетъ того же? Я самъ влюбился въ свою жену съ перваго момента нашей встрѣчи. Именно такой характеръ внезапнаго увлеченія—совершенно въ духъ пылкаго темперамента азіата. Вотъ „ухаживать“ въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, не въ нравахъ мусульманина и считается имъ униженіемъ мужского достоинства обнаруживать при людяхъ свои чувства.

Однимъ словомъ, онъ сказалъ то же самое, что и дочь губернатора.

— Какъ? Неужели бей не потрудится даже узнать о моихъ личныхъ взглядахъ и чувствахъ къ нему?—спросила я съ негодованіемъ.

— Ну, едва-ли поклонникъ твой задается подобными вопросами,—разсмѣялась Marie. — Турецкіе браки заключаются обыкновенно черезъ посредниковъ, которые и ведутъ переговоры между родственниками жениха и невесты. Несомнѣнно, что и онъ слѣдуетъ по тому же пути и надѣется при содѣйствіи Кіамиль-паши и его дамъ заручиться нашимъ согласіемъ, а о любви у нихъ говорятъ потомъ, когда обвѣнчаются.

И она въ интересной формѣ повѣствованія изобразила предомной бытовую картинку магометанскаго бракосочетанія. Оказалось, что таинство это совершается въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ домъ невесты является мулла и пишетъ при свидѣтеляхъ условіе на известную сумму денегъ, которую она имѣетъ право получить отъ мужа въ случаѣ развода или вдовства, а затѣмъ читается краткая молитва — и дѣло считается законченнымъ. Послѣ религіознаго обряда начинаются увеселенія съ музыкой и обильнымъ угощеніемъ гостей.

Согласно традиціонному уставу, сказанное событіе празднуется цѣлую недѣлю, въ теченіе которой обвѣнчанные не видятся со всѣмъ: молодая проводитъ время съ подругами у себя, а женихъ пируетъ въ обществѣ мужчинъ.

На восьмой день отецъ приходитъ въ гаремъ, даетъ полезные совѣты, благословляетъ дочь и опоясываетъ ее станъ шелковымъ поясомъ.

Затѣмъ новобрачную везутъ въ домъ мужа; но, по требованію этикета, она должна при этомъ горько плакать, жаловаться и сопротивляться, даже въ томъ случаѣ, если новобрачный очень нравится ей.

Наконецъ, молодую водворяютъ на новое мѣстожительство и оставляютъ одну. Тогда въ комнату къ ней приходитъ супругъ, молча срываетъ съ ея лица густое покрывало и, такимъ образомъ, впервые созерцаетъ красоту своей жены.

Съ этого знаменательнаго момента разрѣшается сколько угодно толковать о любви и о чемъ угодно. Такая же точно церемонія во всей ея точности обязательна и для иностранки, вышедшей замужъ за турка.

Меня ужасно насмѣшила мысль представить себя въ столь забавной и нелѣпой роли, такъ какъ Тафти-бей уже имѣлъ определенное понятіе о моей наружности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, огорченная слышаннымъ, я съ удивленіемъ спросила: — Развѣ образован-

ные турки также раздѣляютъ устарѣвшіе взгляды невѣжественныхъ людей?

Тогда собесѣдники мои сослались на убѣдительный примѣръ въ лицѣ высоко просвѣщеннаго Мидхатъ-паши, съ прочно установившейся за нимъ репутаціей самаго передового дѣятеля въ мусульманскомъ мірѣ и который, тѣмъ не менѣе, остался все тѣмъ же питомцемъ гарема, какъ и охранители древняго порядка жизни, а, слѣдовательно, по словамъ ихъ, не имѣлось ни малѣйшаго основанія ожидать чего-либо иного и отъ красиваго адъютанта.

Впослѣдствіи я самолично убѣдилась, что такъ оно и было въ дѣйствительности и что, вообще, нельзя судить о восточномъ народѣ по западнымъ идеаламъ. Въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь (а можетъ быть, и сейчасъ то же самое—не знаю), наблюдалась въ высшемъ турецкомъ обществѣ такая удивительная аномалія вещей. Какъ извѣстно читателю, состоятельные турки ѣздятъ обыкновенно для окончанія курса высшихъ наукъ въ главныя столицы Европы.

Вернувшись оттуда съ порядочнымъ запасомъ знаній, они очень скоро дѣлаютъ карьеру и такимъ образомъ приобрѣтаютъ извѣстное вліяніе въ правящихъ сферахъ имперіи, да и сами чрезвычайно быстро двигаются по лѣстницѣ высшихъ ранговъ.

Вотъ тогда-то новоиспеченные джентльмены и начинаютъ удивлять міръ необыкновенной двойственностью въ словахъ и дѣйствіяхъ своихъ.

Извѣстный Рушди-паша, задумчивый другъ Мидхата, съ которымъ онъ вмѣстѣ писалъ конституцію, въ бытность свою садразамомъ¹⁾ при Абдуль-Азисѣ, имѣлъ обыкновеніе,—какъ рассказывали его же подчиненные—на донесенія изъ провинцій о рѣзнѣ христіанъ отвѣчать такой забавной шуткой: „Почему и півкамъ не дѣлать отъ времени до времени легкихъ кровопусканій—даже полезно для здоровья“.

Мнѣ кажется, что приведенный примѣръ лучше всякихъ разсужденій поясняетъ вышесказанное.

Кокетничая съ прессой и усердно либеральничая передъ дипломатами, просвѣщенные господа эти, ради популярности только, дѣлали весьма вредныя для себя же уступки, что не мѣшало имъ одновременно проклинать и ненавидѣть „благодѣтелей“ своего народа.

Зато въ дѣлахъ повседневной жизни и домашняго обихода они оставались всегда вѣрны завѣтамъ и традиціямъ Ислама, а къ

¹⁾ Великій визирь.

женщинѣ предъявляли еще болѣе суровыя требованія, чѣмъ до поѣздки за границу.

Однажды Мидхатъ-паша на вопросъ мой: за что, собственно, считаютъ его убѣжденнымъ поклонникомъ Европы, тогда какъ онъ и не думаетъ скрывать ненависти своей къ цивилизаторамъ, отвѣтилъ мнѣ аллегоріей въ магометанскомъ стилѣ.

— Будемъ говорить о добромъ пріятелѣ,—такъ началъ онъ,—который отъ избытка благорасположенія взялъ да и заковалъ мои ноги въ тяжелыя цѣпи, положимъ, что изъ золота высокой пробы—съ горькой усмѣшкой вставилъ либеральный сановникъ,—скажите, возможно ли при данныхъ условіяхъ чувствовать себя свободнымъ въ движеніяхъ? Нѣтъ, конечно!

А между тѣмъ тиски давятъ и жмутъ!

Драгоценный другъ, умоляю я, пусти—мнѣ недосугъ: дома и виноградникъ не убранъ, и овцы не стрижены—все прахомъ пойдетъ! Ну, нѣтъ! отвѣчаетъ доброжелатель,—сиди, коли покался, а по хозяйству я самъ управлюсь. Что тутъ дѣлать?

Добрые люди, кричу я, позовите кузнеца! Но такового не оказалось. Наберись терпѣнія, утѣшаютъ сосѣди — скоро заведемъ собственнаго мастера кузнечныхъ дѣлъ, а тогда не только тебя освободимъ, но и кесметъ свой будемъ сами ковать...

И вотъ, какъ видите, пока только учимся, а до экзаменовъ еще далеко!..

Такими словами закончилъ свою сказочку европейецъ-паша и продолжалъ со смѣхомъ:

— Что же касается вопроса насчетъ „женской эмансипаціи“, о чемъ мы, кажется, не разъ съ вами спорили, то здѣсь уже совсѣмъ не то, и откровенно говоря, намъ просто не желательно имѣть женъ и дочерей, просвѣщенныхъ западной моралью.

Если разбойникъ покажетъ мнѣ ножъ, то я отдамъ ему кошелекъ и верхнее платье, но постараюсь сохранить рубашку на тѣлѣ—не такъ ли?

Вотъ дословный переводъ собственныхъ его выраженій, записанныхъ мною тогда же въ дневникъ.

А черезъ годъ послѣ сказаннаго убѣжденный исламить этотъ заставилъ Абдуль-Гамида подписать о равноправіи тѣхъ, кого онъ такъ страстно ненавидѣлъ...

Изумительное противорѣчіе! И какъ понять тутъ загадочную натуру восточнаго человѣка со всѣми изгибами его души?

— Дорогая тетя!—обратилась я къ Магіе съ намѣреніемъ сбить ее съ позиціи,—вы сами рассказывали мнѣ о нѣкоторыхъ удачныхъ бракахъ христіанокъ съ турками, такъ почему же и намъ съ Тафти-

беемъ не обвѣнчаться, разъ мы правимся другъ другу? Тогда она съ горячностью возразила, что тамъ были совершенно другія условія, а главное—другіе законы, и указала на тѣ препятствія, которыя неизбѣжно возникли бы въ данномъ случаѣ, какъ со стороны православной церкви, такъ и дипломатія русской. Затѣмъ тетушка моя съ превеликимъ усердіемъ принялась расписывать въ мрачныхъ краскахъ неприглядныя картины гаремнаго быта и, въ концѣ-концовъ, задала мнѣ очень мудреную задачу: немедленно выкинуть изъ головы плѣнительный образъ красавца.

На этомъ и закончилась бесѣда наша о впечатлѣніяхъ минувшаго дня.

Всѣ доводы благоразумія показались мнѣ малоубѣдительными, такъ какъ я еще не успѣла освободиться отъ очарованія, навѣяннаго разговорами въ банѣ. Огорченная полученнымъ отпоромъ, я невольно вспомнила о Мидхатъ-пашѣ, который, — по словамъ Элиме, — могъ бы все устроить, и тайно приняла рѣшеніе обратиться къ нему за совѣтомъ и содѣйствіемъ.

Г л а в а XXIX.

Наступилъ душный октябрь послѣ прохладнаго, какъ всегда, лѣта въ Хіосѣ. Въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ съ особенной силой дуетъ знойный сирокко и волнуетъ море крупной зыбью. Приближалась также и пора періодическихъ землетрясеній, разрушавшихъ нерѣдко цвѣтушіе уголки классическаго Архипелага, всѣ острова котораго расположены на вулканическомъ кольцѣ и потому всегда отражаютъ въ своихъ нѣдрахъ толчки при изверженіяхъ Везувія или Этны.

Грозныя явленія эти всегда проявляются весною и позднею осенью. Сотрясеніе почвы имѣетъ при этомъ двойкій характеръ: по горизонтальному или вертикальному направленію. Въ первомъ случаѣ, все обходилось довольно благополучно, вслѣдствіе того, что постройки возводятся тамъ изъ легкаго, пористаго камня, который даетъ имъ извѣстную упругость и устойчивость. Бывало, въ самый неожиданный моментъ, вдругъ что-то дрогнетъ, загрохочетъ и пойдетъ ходунѣмъ передъ глазами, какъ на палубѣ парохода во время шторма, и кажется тогда, что рушится потолокъ, а домъ распадается на части. Но проходилъ моментъ, и опять водворялась тишина до новой встряски.

Совсѣмъ другое было дѣло, когда вулканическое воздѣйствіе изъ Италіи начиналось вертикальными толчками, то, конечно, въ по-

добныхъ случаяхъ зданія разрушались, и земная кора давала глубокія трещины.

Замѣтивъ опасные симптомы надвигающейся катастрофы, всѣ мы, городскіе обыватели, немедленно грузили багажъ на спины ословъ и муловъ и уходили подальше отъ береговъ въ долины, гдѣ раскидывали палатки и жили въ нихъ, тревожно выжидая финала подземной трагедіи.

А такъ какъ колебаніе почвы совсѣмъ незамѣтно внѣ стѣнъ жилищъ, то слѣдить за ходомъ пертурбацій въ царствѣ Плутона возможно было лишь, наблюдая движеніе воды въ стеклянной посудѣ.

Душный сезонъ продолжался. Сѣверный вѣтеръ спадалъ, и Сахара дышала, какъ раскаленная печь.

Тоска опять захватила меня въ свои жестокія объятія и наступило разочарованіе.

Какъ вдругъ мелькнула надежда на что-то болѣе интересное, чѣмъ скучное до одуренія мѣстное общество.

Однажды, вернувшійся съ пришедшаго на рейдъ парохода, дядя сообщилъ чрезвычайно пріятную для меня новость:

— Магіе,—обратился онъ къ женѣ,—завтра жди гостей: къ намъ ѣдутъ изъ Смирны Чарли Фишеръ съ сестрой, Джони Аткинсонъ и, взглянувъ въ мою сторону, съ улыбкой продолжалъ: — а также въ нѣкоторой степени и землякъ нашей племянницы, Августъ Жаба.

— Какая „жаба“? Кто „жаба“?—не поняла я.

— Во всякомъ случаѣ не изъ болота и не изъ породы лягушекъ,—расхохотался дядя,—впрочемъ, ты сама въ этомъ убѣдишься.

На дальнѣйшіе мои разспросы, онъ отвѣчалъ, что ожидаемый господинъ, съ такой некрасивой для русскаго уха кличкой, сынъ польскаго эмигранта, который еще юношей, вѣроятно, по причинамъ политическаго свойства, навсегда переселился въ Смирну, гдѣ и женился на мѣстной уроженкѣ, и что настоящая фамилія его „Дзаба“, но иностранцы передѣлали ее въ „Жаба“.

— А какъ же мнѣ-то звать его?—спросила я,—по имени и отчеству или паномъ Дзабой? Я русская, и не обязана, въ угоду левантинцамъ, коверкать славянскую фамилію.

— И напрасно!—возразила Магіе,—только насмѣшишь его—вотъ и все! Человѣкъ отъ рожденія привыкъ къ извѣстному прозвищу, и вдругъ такое, ни на чемъ не основанное, нововведеніе.

— Но вѣдь знаетъ же онъ, что означаетъ это противное слово въ переводѣ на нашъ языкъ, и ему можетъ показаться...

— Тебѣ-то какое дѣло, что онъ подумаетъ, — перебила она, — ты будешь говорить съ нимъ по-французски, а, слѣдовательно, и соотвѣтственно тому называть его, какъ и всѣ, „monsieur Jaba“.

— Marie права,—вмѣшался дяди,—иначе и нельзя. При этомъ имѣй въ виду, что вся семья Јаба, за исключеніемъ, конечно, старика, не только по-русски, но даже по-польски ничего не понимаетъ—какъ ни странно послѣднее, а такъ ужъ воспитала ее мать французенка.

На слѣдующій день прямо съ парохода явились къ намъ молодые люди. Мой землякъ оказался красивымъ брюнетомъ, съ синими глазами и очень нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Чарли Фишеръ, сынъ директора оттоманскаго банка, атлетъ по сложенію, напоминалъ римскаго гладіатора, и сестра его, сухая, костлявая миссъ, жеманно присѣдала и говорила птичьимъ голоскомъ. Наконецъ, послѣдній изъ прибывшей компаніи Джони Аткинсонъ, типичнѣйшее чадо Альбіона, надменно смотрѣлъ и цѣдилъ что-то сквозь сжатые зубы. Всѣ четверо, какъ уроженцы портоваго города, владѣли нѣсколькими нарѣчіями, но чаще всего прибѣгали къ излюбленному „галикѣ“. Привезли они массу новостей, но только по части сплетенъ мѣстнаго характера и, слушая съ утра до вечера ихъ оживленную болтовню, я, хотя и сама молодая дѣвушка, изумлялась отсутствію у нихъ всякаго интереса къ другимъ сторонамъ жизни, и тогда мнѣ пришлось самолично убѣдиться, что тѣ вопросы, которыми живетъ и дышетъ наша русская молодежь, совершенно чужды этой европейской интеллигенціи.

А мы-то воображаемъ, что насъ справедливо называютъ отсталыми варварами и неучами...

Мнѣ было обидно за Августа Джаба, и невольно думалось, что, родись онъ у насъ, въ Россіи, то, вѣроятно, изъ него получилось бы что-нибудь болѣе содержательное, чѣмъ болтливая кумушка и совершенно невѣжественный человѣкъ.

Какъ-то разговоръ коснулся политики, которая, надо сказать правду, интересовала сказанныхъ господъ не менѣе, чѣмъ дѣла и дѣлишки ближнихъ. Но горячо, обсуждая положеніе вещей на берегахъ Босфора, они обнаружили при этомъ удивительно скудные познанія въ географіи и этнографіи.

Презрительно улыбаясь, мистеръ Аткинсонъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Въ газетахъ все толкуютъ о какихъ-то сербахъ, черногорцахъ и прочихъ лилипутахъ—будьте любезны, разъясните намъ, гдѣ собственно живутъ эти обезьяны?

Задѣтая высокомернымъ тономъ британца, я рѣзко отвѣтила ему, что мнѣ не нравятся его выраженія о единокровныхъ намъ славянахъ.

Тогда онъ извинился и объяснилъ, что не имѣлъ до сихъ поръ яснаго представленія о нашемъ племенномъ сродствѣ съ возстав-

шими вассалами падишаха, считая всегда русскую націю помѣсью монголовъ со скіяами..... И снова попросилъ меня указать ему и товарищамъ точное мѣстожителство славянъ.

Я взяла карту и, такимъ образомъ, волею капризной судьбы, мнѣ пришлось вторично поучать, но уже на этотъ разъ цивилизованныхъ европейцевъ, а не наивныхъ турчанокъ.

Посыпались шутки и остроты въ родѣ слѣдующаго:

— Возможно ли, — хохотали просвѣщенные люди, — изводить столько газетной бумаги и типографскихъ красокъ по поводу суматохи въ этихъ кукольныхъ владѣніяхъ, которыхъ безъ помощи микроскопа и не отыщешь на земномъ шарѣ!..

Однимъ словомъ, повторилось нѣчто, напоминающее первую неудачную мою лекцію о затменіи луны.

На замѣчаніе дяди, что кромѣ траты на чернила дѣло еще можетъ окончиться большой войной, джентльмены съ достоинствомъ возразили, что они вполне уяснили себѣ истинный смыслъ текущихъ событій и прекрасно знаютъ, „чья“ рука выдвинула на міровую арену безпокойный народецъ.

Августъ Жаба авторитетно заявилъ, что Россія, ослабленная Крымской кампаніей, не одолѣетъ оттоманскую армію; британцы подтвердили то же самое и добавили въ назиданіе намъ, что Турція будетъ непобѣдима, потому что сама Англія у нея за спиной.

Въ тѣ времена мнѣ часто приходилось слышать отъ подданныхъ Альбіона столь гордые рѣчи, что чрезвычайно раздражало меня тогда.

А теперь, вспоминая давно минувшее, я думаю: какъ правы они въ своемъ величавомъ самомнѣніи!.....

Прогостивъ у насъ недѣлю и выгрузивъ весь запасъ сплетенъ и новостей Смирнскаго общества, гости наши уѣхали, обѣщая вскорѣ опять посѣтить прекрасный Хіосъ.

Нѣсколько дней спустя вернулся пока одинъ только Августъ Жаба и привезъ намъ два большихъ свертка.

Развернувъ одинъ изъ нихъ, онъ извлекъ оттуда красивый шелковый вѣеръ, а затѣмъ роскошный букетъ изъ страусовыхъ перьевъ и передалъ ихъ Marie.

Она хвалила то и другое и сердечно благодарила.

Сначала я думала, что это не что иное, какъ посылка изъ Смирны отъ ея родственниковъ и больше ничего.

Но, нѣтъ! молодой человѣкъ приблизился и ко мнѣ съ коробкой въ рукахъ и застѣнчиво спросилъ, желаю ли я взглянуть на какія-то бездѣлушки, которыя онъ имѣетъ счастье повергнуть къ моимъ ногамъ.

Не уяснивъ себѣ настоящаго значенія столь страннаго пред-

словія, я взяла отъ него свертокъ и распаковала его. Въ немъ оказались: яркія ленты, вуали, модные воротнички, флаконы духовъ, дюжина перчатокъ и еще что-то.

— Дорогая тетя!—радостно позвала я ее,—и меня также балуютъ ваши родные—посмотрите, какую массу хорошенькихъ вещей прислали они!—Удивленный взглядъ окружающихъ былъ отвѣтомъ.

— Ты ошибаешься, другъ мой,—отозвался дядя по-русски:—никто ничего не присылалъ! Г-нъ Жаба лично отъ себя предлагаетъ тебѣ все это,—сейчасъ же поблагодари его за вниманіе, какъ полагается въ данномъ случаѣ.

— А! вотъ оно что!—вспыхнула я, сгорая отъ стыда,—какое нахальство! И какъ онъ смѣетъ! У насъ только горничнымъ мужчины дѣлаютъ такіе подарки.....

Но дядя сердито перебилъ меня и строго приказалъ немедленно поправить дѣло. Да и время было: гость нашъ, сконфуженный, растерянный, ничего не понимая, въ глубокомъ изумленіи смотрѣлъ на насъ.

Пришлось повиноваться и, возмущенная до глубины души вульгарнымъ приѣмомъ свѣтскаго франта, я холодно пожала ему руку.

Когда же при дальнѣйшемъ нашемъ знакомствѣ мы оба тайно отъ родныхъ обмѣнялись фотографическими карточками, и когда, благодаря нескромности самого же поклонника моего, пошли объ этомъ нежелательные слухи, то разразился такой скандалъ, что дядя едва не вызвалъ на дуэль болтливаго донъ-жуана.

Магіе, обливаясь слезами, упрекала меня въ легкомысліи, которое чуть не привело ея мужа къ барьеру.

— Ну, и взгляды, нечего сказать!—рыдала я въ отвѣтъ,—выходить такъ, что мужчины имѣютъ право покупать мнѣ шляпки, перчатки и что угодно! И еще осмѣливаются называть обычаи наши дикими!...

— Именно таковы понятія и нравы здѣсь,—говорила огорченная тетушка—никто, напримѣръ, не осудитъ тебя, если ты примешь отъ молодого человѣка, посѣщающаго нашъ домъ, даже кусокъ матеріи на платье или пару туфель; но подарить ему свой портретъ—это уже считается поступкомъ, достойнымъ глубокаго порицанія.

Дамы, какъ въ Хіосѣ, такъ и въ Смирнѣ, съ ужасомъ повторяли, что, молъ, каковы русскія барышни и какое удивительное воспитаніе получаютъ онѣ въ Россіи?!

Тогда почтенныя лица и друзья дяди при содѣйствіи самого же отца виновника суматохи, взялись за исправленіе нашихъ промаховъ. Они заставили сконфуженнаго героя объявить себя публично похити-

телемъ карточки изъ альбома, что онъ и сдѣлалъ, послѣ чего симпатіи общества снова вернулись ко мнѣ.

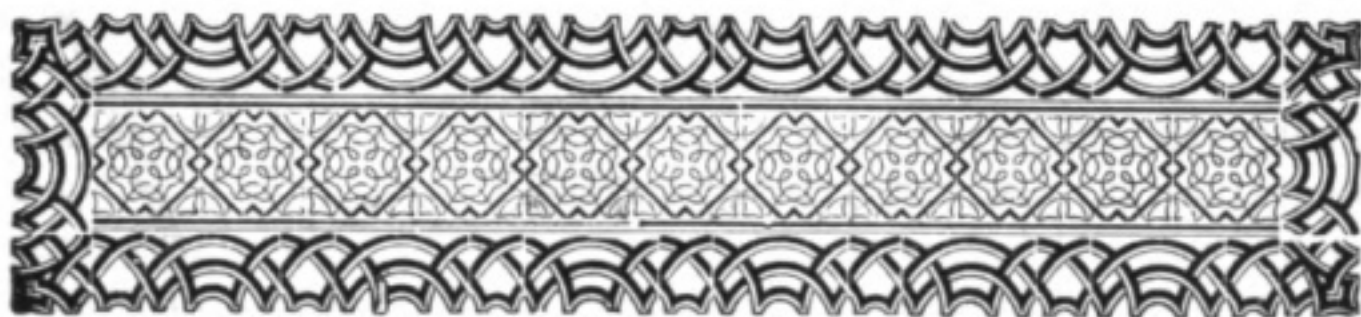
Портретъ я получилъ обратно и съ своей стороны отправила отставному поклоннику клочки изношенныхъ вуалей, воротнички и нѣсколько паръ грязныхъ перчатокъ. Тѣмъ и закончилась первая, она же и послѣдняя, глава нашего мимолетнаго романа.

Такимъ образомъ, оправдалась русская пословица: „что городъ, то норовъ“...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго ¹⁾.

Вриведенныя нами свѣдѣнія о дружественныхъ отношеніяхъ Виніуса къ императорскому послу Гваріенту подтверждаются недавно обнародованными документами, найденными д-ромъ Ф. Дукмейеромъ въ Амбергскомъ архивѣ (Баварія) ²⁾. Приведа тѣ свѣдѣнія о Виніусѣ, которыя онъ могъ почерпнуть у Пекарскаго, Соловьева и Устрялова, г. Дукмейеръ приводитъ отрывки изъ писемъ Гваріента. Изъ нихъ оказывается, что Виніусъ давалъ свѣдѣнія Гваріенту обо всемъ, что происходило въ Московскомъ государствѣ (письмо графу Кауницу отъ 6 мая 1699 г.). Въ сентябрѣ того же года Гваріентъ пишетъ (письмо не адресовано), что Виніусъ предоставилъ ему карту всей Сибири и не пожелалъ издавать ее иначе, какъ посвятивъ ему, и при этомъ наводитъ у него справки относительно опредѣленія высоты полюса. Виніусу онъ писалъ изъ Смоленска, благодарилъ его за вниманіе, за посвященіе и давалъ указанія о свѣдущихъ по научнымъ вопросамъ людяхъ (письмо это писано подъ диктовку больного Гваріента). Изъ Варшавы тотъ же Гваріентъ писалъ Виніусу письмо, въ которомъ отсовѣтовалъ посылать царевича Алексѣя Петровича къ Дрезденскому двору (въ заключеніе онъ просилъ Виніуса уничтожить это письмо— „veritas enim odium

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1909 г.

²⁾ Сочиненіе г. Ф. Дукмейера (Korb's Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen, г. Friedrich Dukmeyer, Berlin, 1909—Historische Studien, Heft LXX) получено нами во время печатанія настоящей статьи, вслѣдствіе чего мы и не могли указать на это сочиненіе во введеніи къ настоящей работѣ.

parit“): слѣдовательно, и въ этомъ вопросѣ Виніусъ принималъ участіе наравнѣ съ прочими совѣтниками Петра ¹⁾).

Пріятель Виніуса, бранденбургскій резидентъ Задора-Цизельскій, въ началѣ 1700 г. скончался отъ раны, полученной имъ въ Москвѣ на дуэли. По распоряженію царя, Виніусъ похоронилъ его на казенный счетъ ²⁾).

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ дѣятельности Виніуса.

Наиболѣе причиняло заботъ и трудовъ Андрею Виніусу завѣдываніе Сибирскимъ приказомъ, въ которое онъ вступилъ не позже 1697 года ³⁾; но эта должность давала ему также большіе доходы, если вѣрить Корбу, что Виніусъ не только не получалъ жалованья за эту должность, но даже платилъ царю 1.000 руб. ежегодно съ тѣмъ, чтобы всѣ воеводы зависѣли отъ него; а назначалъ онъ ихъ „не безкорыстно“. Корбъ отзывался съ большою похвалою объ умѣ, образованности и изворотливости Виніуса и его хорошемъ управленіи Приказомъ. При немъ сибирскіе воеводы не смѣли притѣснять и разорять торговыхъ людей, такъ какъ за ними былъ учрежденъ строгій надзоръ. Узнавъ отъ кого-либо изъ торговыхъ людей о злоупотребленіяхъ какого-нибудь воеводы, Виніусъ грозилъ ему кнутомъ, лишеніемъ имѣнія, смертію и пр., если онъ не исправится. Узнавать обо всемъ помогали ему также тайные агенты. Была мѣстность, съ которой воеводы доставляли въ казну ежегодно по 600 руб. Виніусъ назначилъ туда воеводу, который въ первый же годъ сообщилъ, что Царскій приходъ составляетъ 10.000 рублей. Жалобы на воеводъ вообще выслушивались Виніусомъ съ большимъ вниманіемъ. Такъ напр., по жалобѣ красноярцевъ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности Данила Полянскій ⁴⁾ и красноярскіе воеводы Башковскіе и Семень Дурново ⁵⁾.

Какъ на примѣръ суроваго обращенія со взяточниками, Корбъ указываетъ на судьбу кн. Черкасскаго, изобличеннаго Виніусомъ во взяткахъ, которыя онъ собиралъ не лично, а черезъ подчиненныхъ. Черкасскій былъ возведенъ на эшафотъ, но пощаженъ, битъ кнутомъ и сосланъ на галеры ⁶⁾.

¹⁾ Dukmeyer, 132—134.

²⁾ Письма и бумаги П. В., I, 787.

³⁾ Др. Росс. Вивл. т. XX, стр. 397; Бѣлокуровъ, 128.

⁴⁾ Письма и бумаги П. В., I, 808.

⁵⁾ Пам. Сиб. Ист. XVIII в., I, 38. О письмѣ Башковского къ Виніусу см. Обзорѣніе... Н. Оглоблина, Чт. М. О. Ист. и др., 1900, кн. III, стр. 330.

⁶⁾ Корбъ, 319—320. Цѣлый рядъ розыскныхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ различныхъ должностныхъ лицъ въ Сибири за это время можно найти въ

Сохранился очень цѣнный приговоръ 1698 г. думнаго дьяка Виніуса съ товарищи о разборѣ подъячихъ въ сибирскихъ городахъ. Приговоръ предписываетъ отставить тѣхъ подъячихъ, которые „дѣлать не смыслятъ“, также пьяницъ и т. п., а вмѣсто нихъ поверстать новыхъ, хотя бы изъ ссыльныхъ людей и пр. ¹⁾.

Виніусъ заботился о розысканіи въ Сибири рудъ, желѣзныхъ и серебряныхъ ²⁾; принималъ рядъ мѣръ по распространенію и утвержденію христіанства и грамотности, развитію торговли и промышленности, проведенію дорогъ; велѣлъ составить описаніе Сибири, чертежъ путей, городовъ и учредить почты. Къ началу 1698 г. была построена церковь въ Пекинѣ, крещено 20 китайцевъ. Виніусъ посылалъ указы сибирскому архіерею о подысканіи миссіонеровъ, обученіи желающихъ изъ русскихъ — китайскому, монгольскому и калмыцкому языку, переводѣ нужныхъ книгъ на эти языки ³⁾. Прибывавшіе изъ Азіи послы иногда останавливались въ домѣ Виніуса ⁴⁾. Получивъ отъ Петра наставленіе, что пропаганда христіанства должна быть осторожная, Виніусъ велѣлъ разспрашивать торговыхъ людей, прибывающихъ въ Нерчинскъ изъ Китая, гдѣ стоитъ ново-построенная въ Китаѣ часовня — между домами или особо; приходятъ ли китайцы смотрѣть русское богослуженіе и что говорятъ, не смѣются ли надъ нимъ; какое богослуженіе имъ больше нравится — русское или іезуитское; каково тамъ русское духовенство; сколько русскихъ прихожанъ; хороша ли утварь церковная; доста-

столбцахъ и книгахъ Сибирскаго приказа въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи (см. Обзорѣніе... Н. Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и древн. за вышеуказанные годы).

¹⁾ Обзорѣніе... Н. Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и древн. 1902 г., кн. I, стр. 9—10.

²⁾ За время управленія Виніуса Сибирскимъ приказомъ были основаны заводы Невьянскій (1699 г.), Каменскій (1700 г.) и Алапаевскій (1703 г.) и открыто множество рудныхъ пріисковъ (Пермскій сборникъ, кн. I, стр. 26). Хмыровъ, высоко оцѣнивая дѣятельность Виніуса въ этой сферѣ, говоритъ: „въ безкорыстномъ и разумномъ служеніи дѣлу съ Виніусомъ не могли равняться ни Марселисы и Акемы временъ царя Михаила и Алексѣя, ни даже пресловутый Никита Демидовичъ Антуфьевъ“ (Хмыровъ, 237).

³⁾ Письма и бумаги П. В., I, 694—695.

⁴⁾ Корбъ, 161. На докладѣ пословъ Ѳ. А. Головина съ товарищи о договорѣ съ китайцами по поводу „вѣчнаго мира“ есть приговоръ Виніуса о принятіи мѣръ къ соблюденію посольскихъ договоровъ со стороны Иркутскихъ и Нерчинскихъ воеводъ: — необходимо преслѣдовать перебѣжчиковъ, запретить ясачнымъ и промышленнымъ людямъ ходить для звѣрнаго промысла въ Китайскую сторону и т. д. (Обзорѣніе... Н. Оглоблина. Чт. М. О. ист. и др. 1902, I, стр. 114—115).

точно ли книгъ; гдѣ погребаютъ умершихъ христіанъ; открыто ли совершаютъ погребеніе или тайно и крестился ли кто-нибудь изъ китайцевъ ¹⁾).

Въ Сибирскомъ приказѣ всегда было много денегъ и всякихъ товаровъ. Должностныя лица иногда брали оттуда крупныя суммы. Такъ, въ половинѣ 1699 г. извѣстный Прокофій Возницынъ взялъ соборей и камокъ на 12.000 р., на что Виніусъ жаловался царю. Такъ какъ у провинившихся сибирскихъ воеводъ имущество конфисковалось, то, по мнѣнію Виніуса, его слѣдовало безповоротно зачислять въ казну и ни подъ какимъ видомъ не возвращать ²⁾).

18 января 1700 г. Виніусъ приказалъ допросить прибывшихъ въ Москву изъ Сибири служилыхъ людей томскихъ, кузнецкихъ и Красноярскихъ о томъ, какіе сосѣди беспокоятъ ихъ области, можно ли имъ отражать ихъ собственными силами, почему уменьшился въ Томскомъ уѣздѣ ясачный сборъ, и есть ли въ томъ уѣздѣ мѣста, гдѣ можно было бы поселить ссыльных ³⁾. О такихъ же „мірскихъ нуждахъ“ допрашивали туринскихъ крестьянъ, пріѣхавшихъ однажды по своимъ дѣламъ въ Сибирскій приказъ (между прочимъ, на вопросъ о качествахъ воеводы они отзывались съ большою похвалою) ⁴⁾.

Въ это время въ Сибири дѣйствовали особыя „таможенныя статьи“, составленныя Виніусомъ, которыя надолго пережили своего составителя ⁵⁾. Въ нихъ, между прочимъ, торговые люди обезпечивались отъ насилій со стороны воеводъ.

Въ томъ же году Виніусъ просилъ царя назначить новаго митрополита въ Сибирь, потому что митр. Игнатій заболѣлъ душевною болѣзнію ⁶⁾. Назначенъ былъ знаменитый Димитрій Туптало (впослѣд-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III, 1223.

²⁾ Письма и бумаги П. В., I, 772. Интересенъ приговоръ Виніуса по дѣлу тобольскаго дворянина Глинскаго, пожалованнаго въ московскіе дворяне. Съ этимъ пожалованіемъ соединялось пониженіе денежнаго оклада съ 20 р. на 18. Виніусъ постановилъ: писать его окладъ въ 18 р., а выдавать 20 р. (1699 г., см. Обзоръ столбц. и кн. Сиб. приказа Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др., 1900 г., кн. III, стр. 285).

³⁾ Памятники Сиб. Исторіи XVIII в., Спб. 1885, кн. I, стр. 1.

⁴⁾ Бытовыя черты к. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 9.

⁵⁾ О размѣрѣ таможенныхъ сборовъ по этимъ статьямъ можно судить между прочимъ изъ того факта, что въ 1701 г. на Ирбитской ярмаркѣ ихъ было сдѣлано до 30.000 руб. на наши деньги (Быт. черты XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 6).

⁶⁾ Письма и бумаги П. В., I, 808.

сгвин св. Димитрій Ростовскій); но этотъ по слабости здоровья не могъ туда поѣхать и былъ назначенъ другой—Филофей Лещинскій, оказавшійся чрезвычайно энергичнымъ архіереемъ. Изъ дѣлъ Сибирскаго приказа о его дѣятельности почерпаемъ слѣдующее извѣстіе.

Въ августѣ 1702 г. онъ послалъ своего боярскаго сына Еремѣя Иванова въ Кіевъ для покупки книгъ церковныхъ и учебныхъ, а также для найма дьякона, 2 учителей „латинской науки“, 4 пѣвчихъ и 2 „студентовъ“. Сибирскій приказъ (т. е. Виніусъ) оказалъ содѣйствіе посланному въ добываніи подводъ ¹⁾.

Мѣсяца за четыре до описаннаго случая, въ Сибирскомъ приказѣ разсматривалось одно дѣло, находящееся въ связи съ перемѣнами въ Сибирской митрополіи. Дѣло это очень интересно для характеристики Виніуса. Состоитъ оно въ слѣдующемъ.

14 марта 1700 г. митр. Игнатій взялъ у нѣкоего Алексѣя Коробовскаго 2 книги: Хрисмологіонъ и Исторію Скиѣйскую, стоимостью 11 рублей, но денегъ не уплатилъ. На другой день, 15 марта, Игнатій, по царскому указу, былъ отвезенъ въ Чудовъ монастырь, какъ душевно-больной. Въ Чудовомъ монастырѣ онъ пробылъ 2½ недели подъ присмотромъ ризничаго іеродіакона Іоасафа Стромилова. Коробовскій обратился къ Стромилову съ просьбой доложить преосвященному, чтобы онъ возвратилъ взятые книги или заплатилъ за нихъ. Митрополитъ признался, что, книги, Хрисмологіонъ и Исторія Скиѣйская, были дѣйствительно взяты и деньги, 11 рублей, за нихъ не уплачены, но прибавилъ, что въ настоящее время книги эти находятся въ его келейной рухляди въ Казанскомъ подворьѣ. Когда Игнатій былъ переведенъ въ Симоновъ монастырь, Коробовскій снова билъ челомъ о своемъ дѣлѣ патриарху и властямъ. Въ августѣ 1701 года всѣ келейныя книги митр. Игнатія, вмѣстѣ съ прочимъ его имуществомъ, хранившимся въ Сибирскомъ приказѣ, на Казанскомъ подворьѣ и въ Симоновомъ монастырѣ, были описаны и оцѣнены подъ присмотромъ думнаго дьяка А. А. Виніуса, а затѣмъ переданы новому митрополиту, Димитрію. Въ числѣ книгъ, отданныхъ преосв. Димитрію, были и 2 рукописныя—Хрисмологіонъ, оцѣненная въ 1½ рубля и „Исторія Сирская“, цѣною въ 1 рубль. Преосв. Димитрій не поѣхалъ въ Сибирь и вмѣсто него былъ назначенъ, какъ мы видѣли, преосв. Филофей. Этотъ немедленно передалъ Коробовскому Хрисмологіонъ; что же касается Исторіи

¹⁾ О просвѣтительной дѣятельности митр. Филофея (1702--1711 г.) см. между прочимъ, Пермскій сборникъ, М. 1859, кн. 1, стр. 29. Описанный въ въ текстѣ случай—см. Бытовые черты н. XVIII в. Н. Оглобина, стр. 15—16. См. также въ настоящемъ очеркѣ, ниже.

Скиейской, стоившей 9½ рублей (около 100 р. на наши деньги), то таковой не оказалось, и „Исторія Сирская“, стоившая всего 1 рубль, конечно, не могла ее замѣнить. Коробовскій, въ апрѣлѣ 1702 года, подалъ челобитную государю, указывая, что книга его была взята въ Сибирскій приказъ. Сибирскій приказъ отрицалъ это, утверждая, что все, оставшееся послѣ митр. Игнатія, передано митр. Филофею. Но въ описи, составленной самимъ же приказомъ, какъ мы видѣли, „Исторія Скиейской“ не было; значить, приказъ какъ бы свидѣтельствовалъ, что таковой книги у митр. Игнатія не было вовсе; между тѣмъ показаніемъ самого Игнатія, приведеннымъ выше, установленъ фактъ, что таковая книга у него была. Конечно, этому показанію, какъ показанію душевно-больного, можно было и не дать значенія, если кому-либо, какъ напр. любителю книгъ Виніусу, захотѣлось бы, при составленіи описи, замѣнить одну книгу другою. Повидимому, такъ и случилось, и тщетно Коробовскій хлопоталъ о возвратѣ ему дорогой книги....¹⁾

Забываясь объ интересахъ русскихъ поселенцевъ и торговыхъ людей, Виніусъ внимательно относился и къ нуждамъ инородцевъ. 31 мая 1700 года онъ распорядился, чтобы крестьяне Тобольскаго уѣзда не причиняли разоренія башкирцамъ въ виду жалобъ послѣднихъ царю²⁾. Въ февралѣ 1701 г. сибирскіе инородцы ходатайствовали черезъ Тарскаго воеводу о дозволеніи имъ продавать своихъ дѣтей, ссылаясь на голодъ въ ихъ странѣ. Неизвѣстно, какія мѣры предпринялъ Виніусъ для смягченія народнаго бѣдствія; но продажа дѣтей или отдача ихъ въ холопство были инородцамъ строжайше воспрещены; а велѣно инородцамъ „дѣтей своихъ однѣхъ дочерей и сестеръ и племянницъ отдавать въ замужество своей же братьѣ иноземцамъ, а русскимъ продавать ихъ и отдавать не велѣтъ, чтобъ отъ того иноземскаго роду не маилось“³⁾. Въ томъ же году Виніусъ принялъ участіе въ одной крещеной калмычкѣ, которую болѣе 5 лѣтъ силою держали въ холопствѣ сначала Сургутскій воевода Юшковъ, а потомъ дьякъ Сибирскаго приказа Парфеновъ и наконецъ—дьякъ Приказа Большого двора Юдинъ⁴⁾.

Въ 1701 году окончена была серьезная научная географическая работа, предпринятая по распоряженію Виніуса еще въ 1696 году Тобольскій боярскій сынъ Семенъ Ремезовъ составилъ „Чертежную

¹⁾ Быт. черты в. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 11—14.

²⁾ Пам. Сиб. исторія XVIII в., I, 75.

³⁾ Бытовые черты в. XVIII в., Оглоблина, 3—5.

⁴⁾ Бытовые черты в. XVIII в. Оглоблина, 1—3.

книгу Сибири“. Устройство правильныхъ и постоянныхъ сношеній съ Сибирью съ 1697 года шло неуклонно впередъ.

Въ томъ же 1701 году былъ награжденъ казачій пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ за свой „походъ въ Камчадалскую землю“ (открытіе Камчатки). Андрей Виніусъ съ товарищи приказали: быть ему въ Якутскѣ казачьимъ головою, жалованья ему учинить годовой окладъ 10 рублей, по 7 четв. ржи и овса и 3 пуда соли; за его добычу—11 сороковъ соболей—выдано было ему 100 руб. деньгами и на 100 р. товарами. Но не прошло и 4 дней со дня этого приказа, какъ Виніусъ собственною рукою пишетъ новый приговоръ: за тое его (Атласова) службу, и за прінскъ, сверхъ прежней его дачи и за раны его, и чтобъ впредь ему великому государю свою службу въ тѣхъ прінскахъ новыхъ земель и дальнихъ народовъ показать—дать ему на Верхотурьѣ денегъ 50 рублей, да товарами, какіе ему пригодны, на 50 же рублей¹⁾.

Изъ другихъ дѣлъ Сибирскаго приказа за время управленія Виніуса извѣстны еще—введеніе продажи игральныхъ картъ въ Сибири (изъ фискальныхъ цѣлей, вопреки желанію населенія)²⁾; наложеніе запрещенія на вывозъ боброваго пуху за море; принятіе мѣръ противъ казацкихъ волненій въ Нерчинскѣ; вызовъ самоѣдскихъ шамановъ изъ Березова въ Москву—повидимому, для удовлетворенія любознательности государя; съ такою же цѣлью—требованіе присылки 10 живыхъ соболей и 10 пудовъ магнита изъ Верхотурья; распоряженіе о продажѣ прибывшей въ Москву партіи чаю въ 7 пуд. 20 фун. Среди челобитныхъ за это время попадаются: челобитная жителей Тары о присылкѣ имъ часовщика для завѣдыванія купленными ими на свой счетъ боевыми желѣзными часами, протестъ Сургутскаго воеводы противъ примѣненія выборнаго начала среди служилыхъ людей, челобитная нѣмца—доктора Херургуса о разрѣшеніи ему оставить службу въ Тобольскѣ и вернуться къ семьѣ. Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи есть много любопытныхъ черновыхъ докладовъ царю, исправленныхъ рукою Виніуса, за 1698—1701 г. г.³⁾

Въ 1702 году Виніусъ написалъ инструкцію Верхотурскому воеводѣ, изъ которой видно, что онъ былъ человѣкъ просвѣщенный,

¹⁾ Новыя данныя о Вл. Атласовѣ, Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др. 1888 г., кн. I, стр. 17.

²⁾ Бытовые черты в. XVIII в. Н. Оглоблина, 5—6.

³⁾ См. Обзоръ... Н. Оглоблина въ Чт. М. Общ. ист. и др. 1902 г., кн. I, стр. 7. Тамъ же есть нѣсколько частныхъ дѣловыхъ писемъ къ Виніусу отъ разныхъ лицъ.

съ обширными знаніями и обращалъ вниманіе на исправленіе народной нравственности и на воспитаніе дѣтей ¹⁾. На средства приказа Виніусъ иногда давалъ образованіе способнымъ инородцамъ.

Мы имѣемъ извѣстіе, что въ „словесныхъ“ школахъ Приказа артиллеріи учился китаецъ (онъ называется также „апонскаго государства татаринъ“), именемъ Денбей; деньги на его содержаніе давались изъ Сибирскаго приказа (по 10 денегъ на день) ²⁾.

Въ мартѣ 1703 г. митрополитъ Сибирскій Филофей обратился къ царю съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся церкви и образованія; на всѣ эти вопросы Виніусомъ, по порученію царя, были составлены обстоятельные отвѣты ³⁾.

Завѣдываніе сибирскими промыслами и горнымъ дѣломъ Виніусу пришлось соединить съ работою по изготовленію артиллерійскихъ снарядовъ. Есть свѣдѣнія, что еще въ 1695 году онъ уже принималъ участіе въ доставкѣ артиллерійскихъ припасовъ къ Азову ⁴⁾. Въ письмахъ за границу Виніусъ безпрестанно напоминаетъ Царю о необходимости добыть „желѣзныхъ мастеровъ“, умѣющихъ лить пушки и пр. Виніусъ былъ знатокомъ литейнаго дѣла, когда ему пришлось принять артиллерію въ свое завѣдываніе. До 1700 г. артиллеріей завѣдывалъ первый генералъ-фельдцейхмейстеръ царевичъ Александръ Арчилловичъ Имеретинскій; подъ Нарвою онъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами и оставался въ плѣну, несмотря на всѣ усилія Петра высвободить его оттуда. По имени онъ числился во главѣ артиллеріи даже въ 1706 г. ⁵⁾. Но уже съ 1701 г. начинается часто упоминаться Приказъ артиллеріи ⁶⁾, во главѣ котораго *de facto* стоитъ „надзиратель артиллеріи“ Андрей Виніусъ (бумаги пишутся по-прежнему на имя царевича). Такъ какъ при Нарвѣ наша артиллерія досталась въ руки шведовъ, то Виніусъ сдѣлался творцомъ новой артиллеріи. Петръ придумалъ употребить на пушки колокола, но изъ одной колокольной мѣди пушекъ дѣлать нельзя

¹⁾ Гамель, 11.

²⁾ Къ сожалѣнію, этому инородцу не пришлось окончить своего образованія. Когда Виніусъ удалился за границу, то кн. Гагаринъ взялъ Денбея къ себѣ на дворъ и не велѣлъ ему ходить въ школу, „для того, что онъ словесной грамотѣ и писать выучился“. Когда въ 1710 г. въ Москвѣ былъ царь, то Денбей обратился къ нему съ просьбой объ отпускѣ въ свою землю. Отпуска дано не было, а приказали Денбея крестить и давать ему жалованье изъ Сибирскаго приказа (Бранденбургъ, 244).

³⁾ См. ниже, въ главѣ о литературной дѣятельности Виніуса.

⁴⁾ Письма и бумаги П. В., I, 510.

⁵⁾ Бранденбургъ, 454.

⁶⁾ Бранденбургъ склоненъ думать, что приказъ этотъ былъ учрежденъ въ 1701 г. (стр. 1—3).

было, а подвозъ красной мѣди происходилъ медленно. Царь раздражался на медленность дѣла, и это понятно—„время было—яко смерть“. А тутъ еще подводы доставать для пушекъ было трудно—„многіе господа“ захватывали подводы для себя. Но артиллерія имѣла хорошаго „надзирателя“ и подъ Нотебургомъ прекрасно выполнила свое дѣло. Виніусъ хвалился не только тѣмъ, что приготовилъ хорошую артиллерію, но и тѣмъ, что сберегъ по сравненію съ прежними подрядными цѣнами—10.000 рублей. (Предметомъ гордости его была также заведенная имъ артиллерійская школа)¹⁾. Все-таки артиллерія поставлялась на театръ военныхъ дѣйствій медленно. Въ іюнѣ 1702 г. Брюсъ жаловался Царю на медленность Виніуса²⁾ въ доставкѣ пороха въ Ладогу; въ іюлѣ Виніусъ самъ по этимъ дѣламъ ѣздилъ во Псковъ, гдѣ подалъ Тихону Стрѣшневу роспись полевой артиллеріи³⁾. Работы было много и справляться было не легко, а помощниковъ подходящихъ у Виніуса не было. Въ декабрѣ 1702 г. „уговоршику“ верхотурскихъ невьянскихъ заводовъ Никитѣ Демидову (Н. Д. Антуфьеву) послана „память“ о выдѣлкѣ желѣза, стали и пушекъ, и Виніусъ личнымъ письмомъ просилъ его объ ускореніи дѣла. Не довольствуясь этимъ, Виніусъ даже лично, съ сыномъ Матвѣемъ, ѣздилъ къ Демидову⁴⁾.

Наконецъ, надъ Виніусомъ грянулъ громъ. 19 марта 1703 г. Царь написалъ Ѳ. Ю. Ромодановскому слѣдующее письмо изъ Шлис-сельбурга:

„Sîr. Извѣствую, что здѣсь великая недовозка артиллеріи есть, чему посылаю роспись; изъ которыхъ самыхъ нужныхъ недовезено 3.033 бомбовъ трехпудовыхъ, трубокъ 7.978, дробь и фитилю ни фупта, лопатокъ и кирокъ желѣзныхъ самое малое число. А паче всего мастера, который зашрублеваетъ запалы у пушекъ, по сей часъ не присланъ, отчего прошлогодскія пушки ни одна въ походъ не годна будетъ, отчего намъ здѣсь великая остановка дѣлу нашему будетъ, безъ чего и починать нельзя. О чемъ я самъ многожды говорилъ Виніусу, которой отпотчивалъ меня московскимъ тотчасомъ. О чемъ изволь его допросить, для чего такъ дѣлается такое главное дѣло съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи его головы дороже. Изволь какъ мочно исправлять“.

Далѣе идетъ рѣчь о новой неаккуратности:

„Изъ аптеки ни золотника лекарствъ не прислано; того для

¹⁾ См. выше.

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 363.

³⁾ Письма и бумаги П. В., II, 364.

⁴⁾ Гамель, 37.

принуждены будемъ мы тѣхъ лечить, которые то презирають. Изволь, не мѣшкая, прислать, также по сей росписи дополнить; да прикажи всѣхъ лекарей, которые нынѣ пріѣхали вновь, также и старые, кои безъ дѣла, прислать къ намъ не омедля¹⁾».

Итакъ, по двумъ вѣдомствамъ Андрей Виніусъ провинился, и обвиненіе было не изъ легкихъ. Согласно приказанію царя, Ромодановскій произвелъ допросъ Виніусу и его помощникамъ. На допросъ насчетъ непосылки лекарствъ обвиняемые дали слѣдующія показанія²⁾.

Андрей Виніусъ показалъ, что лекарства по росписямъ, даннымъ докторами и лекарями, посылались въ Шлиссельбургъ немедленно. Лекарей въ Москвѣ въ Аптекарскомъ приказѣ значится всего 1 человекъ, а если теперь явилось еще двое, то это произошло оттого, что, живя долгое время въ Москвѣ, они о себѣ не заявляли. Лекарь Иванъ Термантъ, который долженъ былъ съ запасомъ лекарствъ ѣхать въ Шлиссельбургъ, заболѣлъ и самъ не могъ ѣхать, а когда Виніусъ просилъ его дать письменное увѣдомленіе, съ кѣмъ можно послать заготовленный ящикъ съ лекарствами, то Термантъ такого увѣдомленія не далъ, а безъ этого Виніусъ посылать не рѣшался до самаго послѣдняго времени.

Иванъ Термантъ заявилъ, что согласно условію, заключенному съ государемъ лично³⁾, онъ готовился ѣхать въ Шлиссельбургъ и заготавливалъ лекарства; когда заболѣлъ, то просилъ Виніуса послать аптеку впередъ, но этотъ послѣдній требовалъ отъ него письменнаго рѣшенія, кого послать; онъ не рѣшился писать этого, считая себя не вправѣ это дѣлать, такъ какъ всѣмъ дѣломъ завѣдуетъ Виніусъ. Несмотря на неоднократныя просьбы, Виніусъ такъ и не послалъ лекарствъ, слѣдовательно—вся вина лежитъ на немъ.

Подъячіе Аптекарскаго приказа показали, что Иванъ Термантъ дѣйствительно просилъ послать лекарства безъ него, но Виніусъ говорилъ: гдѣ Термантъ, тутъ и сундукъ съ лекарствомъ.

Аптекарь Иванъ Левкинъ сказалъ, что ему было поручено заготавливать лекарства для Ивана Терманта, но срока назначено не было; вдобавокъ между тѣмъ старые аптекари многихъ лекарствъ ему не дали. Тогда онъ составилъ списокъ нужныхъ лекарствъ и отдалъ

¹⁾ Письма и бумаги Петра В., II, 136—137.

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 489—496.

³⁾ Рихтеръ въ своей „Исторіи медицины въ Россіи“ (М. 1820), ч. III, стр. 181, говоритъ о Термантѣ: „врачъ ученый и благоразумный; Петръ Первый удостоивалъ его короткаго обхожденія, часто просиживалъ въ гостяхъ у него до полуночи“. Описаніе жизни Терманта см. тамъ же, ч. II, стр. 330.

дьяку Ивану Невѣжину, который до сихъ поръ не сдѣлалъ нужныхъ распоряженій.

Старый аптекарь Эхлеръ отвѣтилъ на жалобу Левкина, что этотъ послѣдній требовалъ у него нѣкоторыхъ дорогихъ снадобій, а Иванъ Невѣжинъ не позволилъ брать ихъ безъ вѣдома Андрея Виніуса.

Иванъ Невѣжинъ пытался возражать, что онъ запрещенія насчетъ лекарствъ не давалъ, но сослался на „безпамятство“. Насчетъ же той росписи, которую ему подалъ Иванъ Левкинъ, онъ говорилъ Виніусу, а тотъ отвѣтилъ: „то дѣло послѣднее, когда лекарства всѣ изготовлены будутъ, и за тѣми припасами дѣло не станетъ“.

Андрей Виніусъ утверждалъ, что онъ послалъ Левкина съ сундукомъ Терманта въ Шлиссельбургъ, а все ли въ этомъ сундукѣ было заготовлено, онъ не знаетъ и никакихъ заявленій ни отъ кого на этомъ поводе не получалъ, а покупать припасы никогда не запрещалъ.

Иванъ Невѣжинъ настаивалъ, что Андрей Виніусъ не позволялъ безъ своего вѣдома покупать припасы и помѣты о покупкѣ дѣлалъ всегда самъ. Это же подтвердилъ подъячій Леонтій Матвѣевъ. Виніусу оставалось сослаться на личную неприязнь Ивана Невѣжина и Леонтія Матвѣева къ нему и заявить, что онъ неоднократно билъ челомъ государю „со слезами“, чтобы тотъ взялъ у него Аптекарскій приказъ и отдалъ бы кому-нибудь другому. Теперь онъ еще разъ проситъ о томъ же, потому что множество дѣлъ въ Сибирскомъ и Артиллерійскомъ приказахъ не даютъ ему хорошо заняться Аптекарскимъ, а въ этомъ послѣднемъ и отъ докторовъ, и отъ дьяка, подъячихъ и аптекарей всегда могутъ быть на него нареканія.

Изъ этого допроса видно, что Виніусъ запоздалъ съ доставкой лекарствъ потому, что не имѣлъ подъ рукой надежнаго человѣка для посланки аптеки и вслѣдствіе этого не торопился ея изготовленіемъ. Если мы припомнимъ показанія самихъ же аптекарей, сдѣланныя ими когда-то Корбу, то увидимъ, что прежде Виніусъ много дѣлалъ для Аптекарскаго приказа. Въ время пребыванія Корба въ Москвѣ онъ, временно, очевидно, не завѣдывалъ этимъ приказомъ, потому что Корбъ говоритъ, что преемники Виніуса, гордые и невѣжественные, небрежно относятся къ требованіямъ лекарей и не заботятся о покупкѣ новыхъ лекарствъ и вслѣдствіе этого аптеки пришли въ упадокъ. Слѣдовательно, когда Виніусъ снова принялъ Аптекарскій приказъ, онъ засталъ его въ полномъ разстройствѣ, а самъ, будучи обремененъ массою дѣлъ, уже не могъ имъ заняться какъ слѣдуетъ, и поплатился за это.

Одновременно съ допросомъ относительно недоставки лекарствъ Виніусу былъ произведенъ еще болѣе важный допросъ—о недоставкѣ артиллерійскихъ припасовъ.

Въ виду того, что на доставку артиллерійскихъ припасовъ было послано изъ Шлиссельбурга двѣ росписи, то Виніусъ былъ допрошенъ на счетъ обѣихъ. Оказалось, что по 1-й росписи имъ все было послано, за исключеніемъ немногаго, чего случайно не оказалось въ Москвѣ, за недостаткомъ привоза съ заводовъ. Относительно трубокъ замедленіе вышло оттого, что полковникъ Гошка, взявшись ихъ изготовить, не умѣлъ сдѣлать въ-время, потому что подобралъ неопытныхъ мастеровъ. Мимоходомъ Виніусъ жаловался, что Гошка для этихъ мастеровъ требовалъ „большихъ кормовъ“ и „верстанія черезъ чинъ“. Гошка оправдывался, говоря, что изготовленіе трубокъ замедлилось вслѣдствіе того, что Виніусъ не давалъ въ-время припасовъ—пороха, сѣры и селитры. Относительно же мастеровъ Гошка ссылался на Б. П. Шереметева и ген. Я. Брюса, которые ихъ рекомендовали; прибавлялъ, что лишняго для этихъ мастеровъ онъ ничего не требовалъ, а Виніусъ не платитъ даже и того, что слѣдуетъ, медлитъ съ уплатою за поставки, чѣмъ разоряетъ торговыхъ людей, наконецъ—не даетъ въ-время нужныхъ подводъ.

Дьякъ Артиллерійскаго приказа показалъ, что припасы къ трубкамъ Гошкѣ доставлялись аккуратно, равно какъ и подводъ.

Далѣе, Виніусъ показалъ, что замедлился привозъ припасовъ къ Москвѣ, вслѣдствіе бездорожья и недостатка руды.

Что касается другой росписи артиллерійскихъ припасовъ, нужныхъ въ Шлиссельбургѣ, то Виніусъ заявилъ, что онъ ея ранѣе не видѣлъ, а теперь, когда она явилась, все по ней будетъ отпущено вскорѣ. Относительно пушечнаго мастера, котораго надо было послать въ Шлиссельбургъ для зашрубливанія запаловъ, Виніусъ показалъ, что Б. П. Шереметевъ сообщалъ ему о посылкѣ такового изъ Пскова 23 января, и почему онъ до 27 марта не являлся въ Шлиссельбургъ, неизвѣстно.

Отставка Виніуса близилась, но Петръ медлилъ. Дѣятельность Виніуса была еще во всемъ разгарѣ въ Сибирскомъ приказѣ: въ апрѣлѣ и маѣ 1703 г. онъ готовилъ артиллерию по-прежнему ¹⁾; въ іюлѣ ему предстояла дѣловая поѣздка въ Сибирь ²⁾; но свиданіе съ Меньшиковымъ рѣшило его участь. О случившемся узнаемъ изъ письма Меньшикова къ Петру В. изъ Петербурга отъ 29 іюля 1703 г. Вотъ оно:

„Господине, господине капитанъ, всерадостно и благополучно здравствуй о Господѣ. Извѣствую вашей милости: Андрей Виніусъ, пріѣхавъ сюда, никакова въ дѣлѣхъ своихъ оправданія не принесъ

¹⁾ Письма и бумаги П. В., II, 532 и 710.

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 607.

(хотя онъ отъ меня къ тому не малое принужденіе имѣлъ), опричь того, что разными во всемъ виды выкручивался. И я, отправя его въ настоящій ему путь, отпустилъ его отсюда сего нижеписаннаго числа, и о дѣлѣхъ его, въ чемъ онъ неисправенъ явился, и какую на что отповѣдь учинилъ, послалъ къ вашей милости роспись для вѣдома при семъ письмѣ, изъ которой изволишь увѣдомитися. А здѣсь будучи, поднесъ онъ мнѣ три коробочки золота, 150 золотыхъ червонныхъ, 300 рублей денегъ, да въ 7 коробочкахъ золота жъ и въ 5000 рублѣхъ денегъ письмо своею рукою далъ, въ которомъ написано, что ему отдать то все, когда у него спросятъ, или кому приказано будетъ отъ меня, въ дому его безъ него принять. И ты изволь объ отпускѣ его учинить по своему разсмотрѣнію. Зѣло я удивляюсь, какъ тѣ люди не познаютъ себя и хотятъ меня скупить за твою милость деньгами; или они не хотятъ, или Богъ ихъ обращаетъ. А вышеписанную большую дачу далъ мнѣ Виніусъ и за то, чтобъ Пушкарской приказъ и Аптеку хотя у него и взять, только бѣ Сибирской приказъ удержать за нимъ, завѣщавая, чтобъ о той дачѣ никто не вѣдалъ. И изъ того изволишь познать, что для чего такую великую дачу далъ, если бѣ не чаялъ отъ того приказу впредь себѣ великихъ нажитковъ ¹⁾; а напредъ сего билъ челомъ милости твоей многожды о дачѣ деревни, сказывая, что пить—ѣсть нечего. А при той вышеписанной дачѣ, по многому его прошенію, написалъ я къ милости твоей письмо объ немъ по его желанію; и то письмо чель онъ самъ, которое я, запечатавъ при подписаніи руки своей, ему отдалъ; и съ того письма списокъ для вѣдома послалъ я къ милости твоей съ симъ письмомъ. За симъ здравіе милости твоей предаю въ сохраненіе Божіе ²⁾.*

Результатомъ двухъ вышеупомянутыхъ допросовъ Виніуса была его отставка. Прусскій посланникъ Кайзерлингъ писалъ королю въ іюль 1703 года, что Виніусъ привлеченъ къ отвѣтственности за свои упущенія, главнымъ образомъ — по части артиллеріи и свои дѣла передаетъ кн. Б. А. Голицыну; а въ августѣ онъ же писалъ, что царь намѣренъ сослать Виніуса съ его женою и сыномъ въ Сибирь ³⁾. Плейеръ, австрійскій резидентъ, со свойственнымъ ему стремленіемъ къ преувеличенію, увѣрялъ даже, что Виніуса будто бы хотѣли повѣсить или, по крайней мѣрѣ, жестоко высѣчь кну-

¹⁾ Говорили, что Виніусъ наживался въ Сибири, между прочимъ, отъ продажи табаку (Доклады и пригов. Сената, III, 1220).

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 608.

³⁾ Dukmeyer, 130.

томъ ¹⁾. Но у насъ подъ рукою есть только письмо царя къ Ѳ. Ю. Ромодановскому отъ 9 октября того же года:

„Какъ къ вамъ сіе писаніе поднесется, извольте учинить по сему: приказы Сибирской и Антекарской извольте вѣдать вы до времени, и оныя переписать и счесть, также и воеводъ сибирскихъ. Также изволь послать указъ на заводы сибирскіе, чтобы лили пушки тамъ по образцамъ, не мѣшкавъ.

Андрея Виніуса изволь, не мѣшкавъ, прислать, а что велѣно готовить, чтобъ и безъ него готовили. Сіе изволь учинить не мѣшкавъ“ ²⁾.

Итакъ, карьера Виніуса была, повидимому, окончена. Пушкарскій приказъ еще, повидимому, оставался за нимъ—онъ все еще завѣдывалъ литьемъ пушекъ. Старый служака, умножившій казну нѣсколькими сотнями тысячъ, нашедшій селитру, руды мѣдныя и желѣзныя, устроившій четыре завода, которые удовлетворяли не только мѣстнымъ потребностямъ, но даже отправляли свои произведенія за границу, устроившій китайскій торгъ, въ 2½ года изготавившій болѣе 600 пушекъ, улучшившій порохъ,—за грѣхи, свойственные тогда всѣмъ безъ исключенія крупнымъ дѣятелямъ, поплатился жестоко: лишился всѣхъ должностей; наложили на него взысканіе въ 13.000 руб. (чтобы заплатить эту сумму, онъ долженъ былъ продать одинъ дворъ, заложить другой, занять деньги); позоръ и нищета были впереди ³⁾, а работы окончательно съ него не сняли!

Находясь въ 1706 г. въ войскахъ у Гродно, въ польскихъ предѣлахъ, Виніусъ внезапно уѣхалъ въ Кенигсбергъ, а оттуда въ Голландію безъ разрѣшенія царя и безъ паспорта, оставивъ домъ и дѣтей ⁴⁾. Голландцы приняли въ немъ участіе и не выдали его, несмотря на требованія русскаго правительства ⁵⁾; очевидно, тамъ же Виніусъ измѣнилъ православію. Царь велѣлъ конфисковать его имущество. Старикъ не вытерпѣлъ, просилъ у царя прощенія, вернулся черезъ Архангельскъ въ Москву (1708 г.) и снова принялъ православіе. Царь простилъ его, вернулъ ему чинъ думнаго дьяка, домъ и деревни

¹⁾ Устряловъ, т. IV, ч. 2, 614—615. Dukmeyer, 134—135.

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 256—257. Описаніе... Н. Оглоблина, Чт. М. О. ист. и др. 1902, кн. I, стр. 22.

³⁾ Соловьевъ, кн. IV, 4.

⁴⁾ Въ разрядныхъ вязкахъ документовъ Р. Приказа за 1707 г. есть „сказка“ жены Виніуса, что мужъ ея находится въ Амстердамѣ. (Описаніе докум. и бумагъ, хр. въ М. Архивъ М. Ю., т. X, 448).

⁵⁾ Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, I, 274. Впослѣдствіи, когда Виніусъ самъ захотѣлъ вернуться въ Россію, Витазевъ писалъ царю письмо (2 мая 1708 г.), извиняя долгое пребываніе Виніуса въ Голландіи и отзываясь о немъ съ похвалою (Б.-Каменскій, I, 193).

и посадилъ его за ученую работу—переводы трактатовъ по механикѣ, фортификаціи, артиллеріи, устава судебныхъ воинскихъ правъ¹⁾, составленіе голландскаго словаря. Въ сентябрѣ 1710 года Петръ попробовалъ даже дать ему дипломатическое порученіе. Вмѣстѣ со стольникомъ Ѳеодоромъ Протасьевымъ онъ посланъ былъ къ гетману Скоропадскому, чтобы состоять при немъ „для совѣтовъ о государевыхъ дѣлахъ“. Гетманъ былъ этимъ очень недоволенъ; канцлеръ Головкинъ утѣшалъ его, говоря, что Виніусъ и Протасьевъ „люди искусные и поважные“ и будутъ обходиться съ нимъ съ должнымъ уваженіемъ. Народъ малороссійскій также былъ недоволенъ, что „министръ, который при гетманѣ, всякое письмо осматриваетъ“²⁾, но протестъ явно выраженъ не былъ. Въ Малороссіи Виніусъ работалъ не болѣе года³⁾, заболѣлъ и долженъ былъ оставить должность. Старику давно пора было отдохнуть. Возвратившись въ Москву, онъ засталъ у себя дома постояльцевъ—болѣе 200 плѣнныхъ шведовъ; насилу выхлопоталъ онъ себѣ свободу отъ постоя⁴⁾. Но 4 августа 1712 года многимъ должностнымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и ему съ сыномъ Матвѣемъ, по приговору Сената, объявлено было, что они должны жить на о. Котлинѣ „по скончаніи сей войны, и даны имъ будутъ дворы и земли подъ деревни“; а когда будетъ заключенъ миръ, то будутъ переведены въ Петербургъ—разрѣшалось теперь же строить себѣ дома въ Петербургѣ⁵⁾.

Мы разстались съ Матвѣемъ Виніусомъ, когда онъ еще не вернулся изъ первой поѣздки за границу. Тамъ онъ обучался въ Саксоніи, затѣмъ вмѣстѣ съ нѣкимъ Меллеромъ, побывалъ въ Берлинѣ, Данцигѣ, а прибывши въ Кенигсбергъ, остался тамъ на нѣкоторое время при резидентѣ, назначенномъ отъ прусскаго короля въ Москву⁶⁾. По прибытіи на родину Матвѣй Виніусъ продолжалъ состоять на государственной службѣ, а 1706 г. былъ командированъ за границу съ какимъ-то порученіемъ по части

1) 30 іюня 1712 г. Петръ назначилъ Виніусу помощника для перевода этой книги, Якова Веселовскаго (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XI, стр. 238).

2) Ссловьевъ, Ист. Россіи, кн. IV, 31.

3) Въ іюнѣ 1711 г. въ этой должности засталъ его въ Глуховѣ Юстъ Юль, датскій посланникъ (Записки Юста Юля, Чт. М. О. Ист. и др., 1899, III, стр. 337).

4) Письмо Петра В. Сенату 18 марта 1712 г. (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XI, стр. 226): „съ двора Андрея Виніуса шведовъ велите свезти и впредь чтобъ шведовъ къ нему не ставить“.

5) Доклады и пригов. Сената, II, 101.

6) В. Н. Перетцъ, Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. III, прилож., стр. 109.

теологін¹⁾. Обладая знаніемъ одного лишь нѣмецкаго языка, онъ зарабатывалъ мало. 13 дек. 1713 года состоялся сенатскій указъ, чтобы выдать ему за переводъ курантовъ 20 рублей и „впредь ему, Матвѣю, быть при канцеляріи (Сената) для переводу нѣмецкихъ писемъ“²⁾.

Въ концѣ 1715 г. Матвѣй Виніусъ, бывшій своему отцу единственной опорой, скончался. Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма кабинетъ-секретаря Макарова Ивану Алексѣев. Мусину-Пушкину: „по прошенію Андрея Виніуса царское величество указалъ зятю его Алексѣю Калитину, для его старости, быть при немъ... Причина помянутому Калитину быть при бѣдномъ старикѣ Виніусѣ для того, что у него никого не осталось, ибо и послѣдній его, Виніусовъ, сынъ нынѣ умеръ, и для того царское величество за его службы надъ нимъ умилился и указалъ при немъ быть зятю его Калитину“. Указъ царя о томъ, чтобы стольникъ по полковой службѣ Калитинъ былъ при Виніусѣ и строилъ себѣ домъ въ Петербургѣ, былъ подписанъ 20 дек. 1715 г., а посланъ 5 янв. 1716 г.³⁾.

Повидимому, матеріальное положеніе самого Андрея Виніуса въ это время было не плохимъ. Выше мы видѣли, что царь вернулъ ему конфискованное имущество⁴⁾. Теперь, когда старикъ былъ близокъ къ смерти, родственники его, очевидно, съ жадностью готовы были расхищать его достояніе. Можетъ быть, этимъ и объясняется его просьба о разрѣшеніи „быть при немъ“ его зятю, Алексѣю Калитину; а между тѣмъ исполненіе царемъ этой просьбы кое-кому очень было не по вкусу. Объ этомъ можно заключить изъ письма государыни къ Андрею Андреевичу, въ которомъ она проситъ „господина Виніуса“ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ племянника его, полковника Порецкаго, „ежели ближе его нѣтъ“⁵⁾. Неизвѣстно, что Виніусъ отвѣтилъ на это письмо; но едва только онъ скончался (повидимому, въ самомъ началѣ 1717 года)⁶⁾, какъ, по просьбѣ

¹⁾ Гамель, 37.

²⁾ Доклады и пригов. Сената, III, 1361.

³⁾ Доклады и пригов. Сената, V, 1234. Объ этомъ Калитинъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что онъ еще до 1710 г. копалъ мѣдную руду на рр. Быму, Туркѣ и Бурмѣ (Бранденбургъ, 358).

⁴⁾ Между прочимъ деревню въ Перемышльскомъ уѣздѣ (принадлежавшую когда-то Б. М. Хитрово), которая послѣ бѣгства Виніуса досталась генералъ-маіору Полонскому (приказъ о возвратѣ отъ 4 марта 1715 г., см. Государственный Архивъ, кабинетъ Петра В., кн. № 32).

⁵⁾ Черновое письмо отъ 5 окт. 1716 г., см. Государственный Архивъ, Каб. Петра В., кн. № 62, 1.

⁶⁾ А не въ 1714, какъ значится въ Сборникѣ Имп. Рус. Истор. Общества,

полковника Порецкаго, Екатерина снова вмѣшалась въ дѣло объ имуществѣ Виніуса: 5 марта 1717 года она писала сенаторамъ изъ Амстердама, чтобы они взяли подъ охрану „дворы, деревни и пожитки умершаго думнаго дворянина Виніуса“ до ея прибытія и не отдавали ихъ ни Алексѣю Калитину, ни кому другому ¹⁾).

Когда состоялось окончательное распредѣленіе имущества скончавшагося, неизвѣстно; переходъ его библіотеки въ публичную библіотеку, по свидѣтельству Пекарскаго, состоялся въ 1718 г.

Этимъ мы и закончимъ внѣшнюю біографію Андрея Андреевича. Теперь заглянемъ въ его внутренній міръ, который лучше всего отражается въ его литературныхъ и научныхъ произведеніяхъ, а также въ дѣловыхъ его бумагахъ и письмахъ.

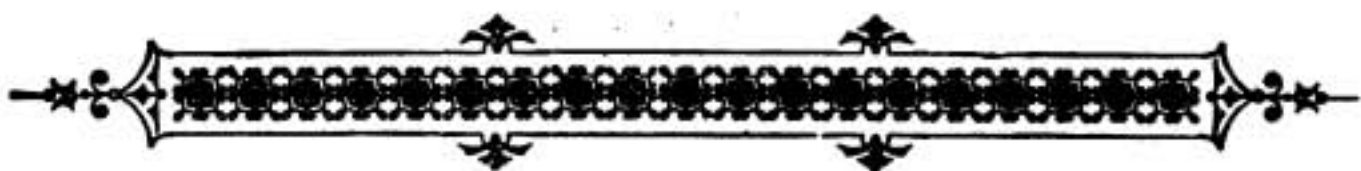
И. П. Козловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

т. 60. Къ 1714 году относятся послѣднія, дошедшія до насъ, письма Виніуса.

¹⁾ Копія съ письма Екатерины сенаторамъ см. Госуд. Архивъ, Каб. Петра В., кн. № 62, 1.

КЪ ИСТОРИИ РУССКИХЪ СУЕВѢРІИ.

(Челобитная 1685 г.).

Государю Преосвященному Гавріилу, архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому, бѣють челомъ сироты Государевы Вологжаня посадские люди Тимошка Ѳилиповъ с сыномъ своимъ Савкою. В нынѣшнемъ, государь, во 194 году, по указу великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержцевъ и по приказу стольниковъ і воеводъ Бориса Андрѣевича Змеова с товарищи, про поръчу дочери моея девочки Марьицы, а ево Савкины сестры сноха моя, а ево Савкина жена Авдотья Павлова дочь Пшеничникова допрашивана, а в допросе сказала. В прошломъ де во 193-мъ году в великій постъ пятыя недѣли была она, вдова Овдотья у отца своего Павла Пшенишникова в доме, и той де ево Павлове дочери Овдотье, а ево Павловы жены Матрены женка Анисимова дочь, а какъ ея имянемъ зовуть про то она знаетъ, Мишки Лямы свестъ наговаривала де на соль, и тое, государь, наговорную соль она, Матрена, дала дочери своей Авдотье і велѣла класть въ ѣству, хотя такимъ еретичествомъ домишко наше овладѣть, и тое-де соль въ ѣствы, во шти і в капусту, клала. И того жъ, государь, великого поста его Павловъ Івашко панъ отъ матери ея Авдотьины отъ Матрены узолокъ соли принесъ, а велѣла она Матрена ей Овдотье тое соль въ ѣству класть, и тое наговорную соль она Овдотья держала у себя в коробке многое время. И того жъ, государь, году послѣ свѣтлыя недѣли она Матрена приходила въ домишко наше и просила у дочери своей Авдотьи з головы дочеришки моей Марьицы волосье, і она, дочь моя Марьица, простымъ обычаемъ чесавъ голову гребнемъ і не вычистя волосья изъ гребня, просто покинула, и она Овдотья, взявъ того волосья, отдала матери своей и моего жъ сироты волосья взяла жъ себѣ и держала у себя по

научкѣ матери своея Матрены. И в нынѣшнемъ, государь, въ 194-мъ году мати жь ея Овдотына с рубахи ея Авдотыны красно-мытъ смывши і велѣла класть в молоко, и она смывши то клала и тѣмъ души наши сквернила, да она жь Авдотья дочеришки моея Марьицы обрѣзала стельки изъ башмаковъ перста на три шириною и отдала матери своей для бездѣльнаго умысла, да она жь Матрена дала дочери своей Авдотье корень, а велѣла спустить в кадцу в воду, чтоб с него пить всѣмъ домашнимъ, да она жь Матрена дала волоть травы і велѣла положить в бане под полкомъ, да она же Матрена с паномъ своимъ Івашкомъ, зашивши в шушунъ кость, послала дочери своей Овдотье і велѣла спустить в колодезь, и она де в колодезь тое кость спустила, і после, государь, того дочеришко мое Марьица почала тосковать головою и сердечною болѣзнію и порчею и я съ сынишкомъ своимъ, видя надъ дочеришкомъ своимъ, Марьицею такую великую порчу, смертнаго ради часа призвавъ соборныхъ священниковъ, чтобъ ея освятить масломъ. И та сноха моя Овдотья при тѣхъ священницехъ и при диаконехъ и при сторожахъ в порче дочеришки моея Марьицы и во оскверненіи душъ нашихъ христіанскихъ вину свою во всемъ объявляла и приходскихъ церквей при священницехъ и при посадскихъ людехъ тѣ жь свои винныя рѣчи сказывала тако жь і в роспросе сказала, а тѣмъ, государь, священникомъ и церковнымъ причетникомъ и посадскимъ людемъ в приказной избѣ подана челобитная, а под челобитною роспись, чтобъ тебѣ, государю святителю, в приказъ духовныхъ дѣлъ послать память о допросе тѣхъ священниковъ и церковныхъ причетниковъ, и изъ приказной избы такой памяти къ тебѣ, государю святителю, не бывала и священницы въ допросе не были, а онъ, Пашка Пшеничниковъ, мочью своею хотя насъ раззорити і в конецъ погубить, поносными своими словами застрашиваетъ, чтобъ отбыть таковаго еретичества дочери ево и женѣ Пашкинѣ и на ково она говорила, всякими словами намъ бѣднымъ угрожаетъ, надѣясь на свое могущество. А в таковомъ, государь, великомъ еретичествѣ і в порчи дочеришки моея та моя сноха с матерью своею і на ково она говорила, с Февраля мѣсяца і по се, государь, число не пытана, с кѣмъ она, сноха моя, съ матерью своею такие еретические мѣры сотворяли и души наши христіанские сквернили и хто ей въ таковомъ еретичествѣ пособствовалъ і в единомышленіи были; и ни при что, государь, про то не обыскано. А мы бѣдные раззорилися, торжишку и промыслишку отбыли і в конецъ погибли. Милостивый государь, преосвященный Гавріилъ, архіепископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, пожалуй насъ, сиротъ великихъ Государей, ради щедротъ Божіихъ вели, государь, соборной апостольской церкви и

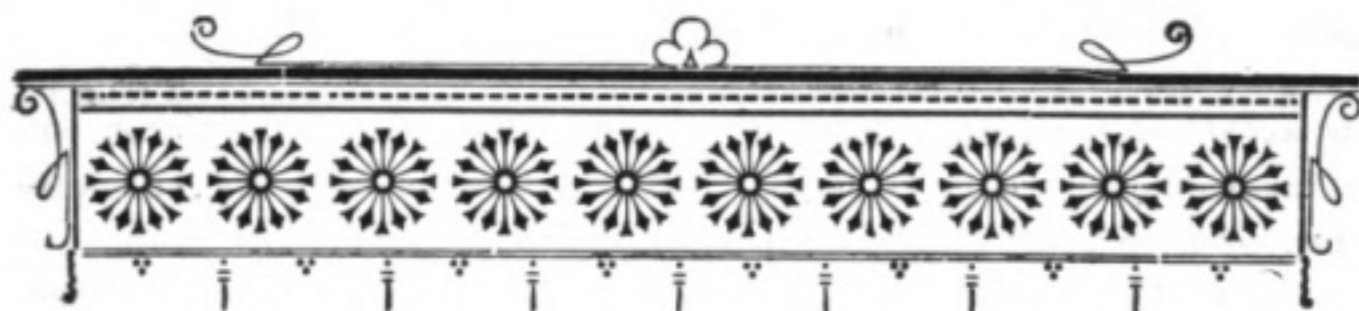
приходскихъ церквей священниковъ и диаконовъ и церковныхъ причетниковъ предъ собою, государь святитель, в духовенствѣ допросить, какъ та моя сноха Овдотья, а сына моего Савки жена, а Павла Пшенишникова дочь, тѣмъ священникомъ и диакономъ съ причетники про порчу дочеришки моей Марьицы сказывала и онѣ священницы и дияконы и причетники тѣ ея Авдотьины слова слышали, чтобъ намъ бѣднымъ безпомощнымъ отъ могущества Пашки Пшенишникова с совѣтники и досталь бы не разворится і в конецъ не погибнуть, а соборные, государь, апостольской церкви священникомъ и диакономъ и причетникомъ и приходскихъ церквей священникомъ подъ сею челобитною роспись. Государь святитель, смилуйся, пожалуй.

Роспись соборной апостольской церкви священникомъ, какъ онѣ были в домишкѣ нашемъ в нынѣшнемъ во 194 году въ Ѳевралѣ, освящали масломъ дочеришко мое Марьицу, а сноха моя, а сына моего Савкина жена, Овдотья про оскверненіе домишко наше душъ нашихъ православныхъ христіанъ і про порчу дочеришки моей Марьицы во всемъ вину свою объявляла при священницехъ и при ключарехъ: при Козмѣ Евсегнѣевѣ, при Поликарпѣ Ероѣевѣ, при Алексѣ Ивановѣ, при Иванѣ Ананьинѣ да при протодиаконѣ Стеѡанѣ Автономовѣ, при диаконѣ Никитѣ, при диаконѣ Григорѣ при диаконѣ Артемѣ да при пономарѣхъ и при сторожахъ при Барисѣ Матѡеевѣ, при Григорѣ Аѡнасьевѣ, при Григорѣ Варламовѣ. Приходскихъ церквей священники Георгиевской попъ Аѡнасей, Троицкой попъ Ѳеодотъ, диаконъ Лука, Архангела Гавриіла попъ Матѡей.

Наобор. рукоприкладство: К сеі челобитной села Бруснишново Спаской попъ Василей вмѣсто посацкихъ людей Тимоѡея Ѳилипова да сына ево Савы Козловыхъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Сообщилъ Ив. Суворовъ.

На могилѣ Батюшкова.

О черкъ.

Въ пяти верстахъ отъ Вологды находится Спасо-Прилуцкій монастырь. Здѣсь погребенъ поэтъ К. Н. Батюшковъ. Нѣсколько учениковъ гимназіи и я устроили туда экскурсію.

На кладбищѣ старой обители невозмутимый покой и тишина. Никого нѣтъ. Тѣсные ряды мрачныхъ надгробныхъ памятниковъ. А вотъ и могила нашего поэта; она обнесена желѣзной рѣшеткой; на небольшомъ красивомъ памятникѣ изъ бѣлаго мрамора надписи: „Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ Вологдѣ 17 мая 1787 года, скончался тамъ же 7 іюля 1855 года“.

Подъ этимъ памятникомъ лежитъ поэтъ, который занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Высокохудожественная красота его поэтическихъ образовъ, гармоническій стихъ, изящная отдѣлка пьесъ, часто одухотворенныхъ прекраснымъ содержаніемъ,—все это очень цѣнно для русскаго слова. Щедро надѣленный отъ природы особыми дарованіями, онъ свято служилъ призванію поэта и въ непродолжительное время своего поэтическаго творчества, пораженного въ самомъ расцвѣтѣ тяжелымъ недугомъ, успѣлъ обезсмертить свое имя и внести цѣнный вкладъ въ сокровищницу родной словесности. Самъ Пушкинъ признавалъ его своимъ учителемъ и глубоко цѣнилъ и любилъ его стихи. По отзыву современниковъ, Батюшковъ былъ энтузіастъ всего прекраснаго; всѣ добродѣтели казались ему достижимыми; дружба была его кумиромъ, безкорыстіе и честность — отличительными чертами его характера.

Кстати, не задолго до нашей экскурсіи я нашелъ въ одномъ изъ архивовъ г. Вологды старое „дѣло“ о Батюшковѣ, которое по-

казалось мнѣ интереснымъ, и потому я передаю здѣсь обстоятельства этого дѣла, о чемъ я рассказалъ также и своимъ спутникамъ—экскурсантамъ на пути въ Прилуки.

Воспользовавшись стариннымъ дѣломъ, отысканнымъ въ нынѣшнемъ архивѣ, укажемъ на то, что въ данномъ случаѣ мы поступили какъ настоящіе экскурсанты, обязанность которыхъ—наблюдать, записывать, отмѣчать, собирать разный болѣе или менѣе интересный матеріалъ, касающійся обозрѣваемыхъ мѣстъ; при томъ самая обстановка нашей тризны, совершенной на могилѣ поэта, у памятника надъ прахомъ его, вполне допускаетъ упоминаніе объ этомъ дѣлѣ, касающемся также могилы и праха его и служащемъ хорошимъ воспоминаніемъ о нашемъ поэтѣ.

Братъ поэта Помпей Николаевичъ Батюшковъ изъявилъ желаніе перевезти тѣло покойнаго Константина Николаевича, погребенное на кладбищѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря, для преданія землѣ въ семейномъ склепѣ родового ихъ имѣнія при церкви села Даниловскаго, Устюженскаго уѣзда, Новгородской губерніи. На это было испрошено разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода предложено отъ 28 февраля 1862 года епископу вологодскому Христофору сдѣлать зависящее распоряженіе. Содержаніе этого предложенія, для должнаго, въ чемъ слѣдуетъ, исполненія было сообщено настоятелю Прилуцкаго монастыря указомъ консисторіи отъ 6 марта. Между тѣмъ, сестра Батюшкова Варвара Николаевна, по мужу Соколова, обратилась по эстафетѣ съ письмомъ къ министру внутр. дѣлъ Валугеву объ отменѣ распоряженія касательно перевоза гроба съ прахомъ Батюшкова изъ Прилуцкаго монастыря. Копія его была сообщена въ свое время вологодскимъ помѣщикомъ Григоріемъ Абрамовичемъ Гревеницъ упомянутому епископу Христофору въ письмѣ съ просьбой о пріостановкѣ этого дѣла. Вотъ это любопытное и краснорѣчивое письмо.

„Ваше Высокопревосходительство,
Петръ Александровичъ.

Только сегодня я совершенно неожиданно узнала, что Вы изволили дать разрѣшеніе перевезти прахъ моего родного брата Константина Николаевича Батюшкова изъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, близъ г. Вологды, въ Новгородскую губернію для преданія его землѣ на кладбищѣ приходской церкви.

Не скрою отъ Вашего Высокопревосходительства, что извѣстіе это глубоко огорчило меня. Семидесятилѣтняя старуха, родная сестра покойнаго, старшая по лѣтамъ, болѣе всѣхъ къ нему близкая

по связямъ родственнымъ (второй мой братъ Помпей Николаевичъ отъ другой матери), свято чтущая память его, какъ брата и благодѣтеля, я не считала себя столь чуждой покойному, чтобы не только безъ моего согласія, но даже и безъ моего вѣдома можно было нарушать гробовой покой Константина Николаевича.

Поэтому позвольте изложить Вашему Высокопревосходительству причины, по которымъ я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой отмѣнить сдѣланное Вашимъ Высокопревосходительствомъ распоряженіе. Константинъ Николаевичъ, подвергшись страшному душевному недугу, похитившему его столь рано у семейства и отечества, съ 1830 года, въ теченіе 25 лѣтъ, находился на рукахъ родного нашего племянника Григорія Абрамовича Гревеницъ, въ домѣ котораго и скончался ¹⁾. Часто посѣщая Спасо-Прилуцкій монастырь во время своихъ прогулокъ, онъ неоднократно въ тѣ свѣтлыя минуты, которыя иногда имѣлъ во время своей болѣзни, выражалъ желаніе быть погребеннымъ въ этой обители. Племянникъ мой исполнилъ желаніе покойнаго. Поэтому я не нахожу никакого достаточнаго основанія къ нарушенію воли моего брата, тѣмъ болѣе, что въ селѣ Даниловскомъ не существуетъ никакого фамильнаго склепа рода Батюшковыхъ. Мать наша погребена въ Петербургѣ, сестры: Анна Николаевна Гревеницъ—тамъ же, Елизавета Николаевна Шипилова въ Вологдѣ, Александра Николаевна Батюшкова въ селѣ Никольскомъ, Ярославской губерніи.

Кромѣ этого, я и племянникъ мой Г. А. Гревеницъ считали священной нашей обязанностью отдать послѣдній долгъ Константину Николаевичу и поставить ему надгробный памятникъ. Имѣя въ виду, что Константинъ Николаевичъ по заслугамъ своимъ выходитъ изъ ряда людей обыкновенныхъ, мы не сочли возможнымъ ограничиться скромнымъ монументомъ, и вотъ причина, почему мы до сихъ поръ должны были отложить исполненіе нашего намѣренія. Теперь памятникъ сооружается и 7-го іюля сего года (въ день кончины Константина Николаевича) будетъ поставленъ на мѣсто. Оставшіеся въ живыхъ родственники покойнаго не приняли никакого участія въ сооруженіи памятника, и потому я въ правѣ полагать, что они не должны своимъ позднимъ вмѣшательствомъ тревожить прахъ моего брата. Простите, Ваше Высокопревосходительство, что я утруждаю Васъ чтеніемъ настоящаго письма; я сочла нужнымъ объяснить

¹⁾ Домъ, гдѣ жилъ Батюшковъ, стоитъ и нынѣ: въ немъ помѣщается первая женская гимназія; на углу его мраморная доска съ надписью: „Въ этомъ домѣ жилъ и скончался 7-го іюля 1855 года Константинъ Николаевичъ Батюшковъ“.

Вамъ всѣ подробности и твердо надѣюсь, что Ваше Высокопревосходительство уважите послѣднюю, можетъ быть, земную просьбу женщины, стоящей у дверей гроба, просьбу безкорыстную и ни для кого не обидную. Вологда, колыбель Батюшкова, пусть будетъ мѣстомъ его послѣдняго покоя. Въ томъ случаѣ, если Ваше Высокопревосходительство не почтете возможнымъ отмѣнить сдѣланное Вами распоряженіе, имѣю честь покорнѣйше просить васъ всеподданнѣйше доложить просьбу мою Государю Императору и, сообщивъ о послѣдующемъ г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, поставить и меня о томъ въ извѣстность.

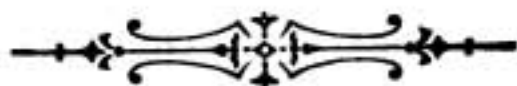
Съ чувствомъ истиннаго уваженія, имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства готовая къ услугамъ Варвара Николаевна Соколова, рожденная Батюшкова.

Сельцо Хантоново.

Марта (не обозначено) дня 1862 года“.

Министръ 16-го марта телеграммою увѣдомилъ г-жу Соколову и вологодскаго губернатора, что дѣло о перевозѣ праха Батюшкова приостановлено. Дальнѣйшаго распоряженія никакого не послѣдовало.

Г. Добряковъ.

Изъ разсказовъ дѣдушки.

I. ЫЗДА НА ИЗВОЗЧИКЪ.

Въ помню своего дѣда уже очень пожилымъ генераломъ въ отставку. Это былъ добрый старикъ, полный силъ и энергіи, интересовавшійся всѣмъ и отличавшійся большимъ юморомъ и веселымъ характеромъ. По привычкѣ всѣхъ старѣющихъ людей дѣдушка бранилъ наше время и съ восхищеніемъ вспоминалъ свое. Мы терпѣливо слушали нападки на „нынѣшнюю молодежь“ и „нынѣшнее время“, зная, что потомъ начнутся воспоминанія, а это мы страшно любили.

Однажды, помню, дѣдушка пришелъ съ прогулки очень разсерженнымъ. Онъ обыкновенно ходилъ гулять два раза въ день и довольно много, чѣмъ возбуждалъ удивленіе всѣхъ; какъ сейчасъ вижу его стройную, несмотря на годы, фигуру въ офицерскомъ сѣромъ пальто, его твердую неторопливую походку, когда онъ шелъ по улицѣ, размахивалъ толстой желѣзной тростью, которую всегда носилъ. Первый разъ онъ выходилъ утромъ и затѣмъ во второй разъ передъ обѣдомъ, часовъ въ пять—„для возбужденія аппетита“, какъ онъ говорилъ. Но въ описываемый мною день аппетитъ не только не былъ возбужденъ, а даже совсѣмъ испорченъ дурнымъ настроеніемъ дѣда. Онъ за обѣдомъ все ворчалъ и мало ѣлъ.

— Нѣтъ, прошло наше время,—говорилъ онъ,—теперь такая распушенность пошла, что смотрѣть грустно... Хоть возьмемъ сегодня; пошелъ я гулять, перехожу улицу, смотрю: мимо меня катитъ каляска. Я остановился; гляжу—сидитъ въ коляскѣ мальчишка-юнкеръ, мнѣ козыряетъ, а въ это время меня всего чуть ли

не съ ногъ до головы грязью обдало... А? каково? какой-то молоко-сосъ меня, генерала, грязью забрызгалъ! Да въ мое время за это прямо въ арестантскія роты послали бы!.. Помню я, сколько промучился, сколько страху натерпѣлся и сколько потерялъ по службѣ только потому, что проѣхался разъ на извозчикѣ...

Дѣдушка задумался, а мы притихли, въ ожиданіи разсказа. Наконецъ кто-то изъ насъ сказалъ:

— Разскажи, дѣдушка, что съ тобой случилось...

— Разскажу, разскажу—возразилъ дѣдъ, поднявъ голову,—вамъ даже это поучительно будетъ послушать.

Онъ на минуту замолчалъ и затѣмъ началъ.

— Въ концѣ 1831 года я былъ привезенъ изъ родительскаго дома въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ держать экзаменъ для поступленія въ военную службу, какъ тогда полагалось каждому сыну дворянина; экзамены я сдалъ хорошо и былъ принятъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ съ зачисленіемъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Мнѣ тогда было не полныхъ 16 лѣтъ.

— Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ была на другомъ положеніи, чѣмъ остальные существовавшія въ то время военно-учебныя введенія; какъ-то: кадетскіе корпуса, Пажескій, Морской, Дворянскаго полка корпусъ. Мы, подпрапорщики и юнкера, числились на дѣйствительной службѣ въ полкахъ, къ которымъ были причислены, такъ что въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ полковые праздники, или во время парадовъ, насъ вытребовали въ полки, и мы размѣщались въ строю въ числѣ всѣхъ прочихъ унтеръ-офицеровъ полка. Въ остальное же время мы жили въ школѣ, гдѣ обучались наукамъ и фронту. Требованія къ намъ предъявлялись громадныя. Въ два года, что мы оставались въ школѣ, мы, не говоря ужъ о наукахъ, должны были постичь во всѣхъ тонкостяхъ строевую службу. Офицеръ, только-что выпущенный изъ школы въ гвардію, долженъ былъ знать обязанности не только младшихъ офицеровъ, но и старшихъ, какъ напр. ротнаго командира и даже самого командира батальона... И будьте увѣрены, что юный подпрапорщикъ это зналъ, потому что, прежде чѣмъ быть произведеннымъ въ офицеры гвардіи, онъ подвергался испытанію самимъ Великимъ Княземъ Михайломъ Павловичемъ.

— Его Высочество былъ въ то время командиромъ гвардейскаго корпуса и не пропускалъ ни одного представленія о производствѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ офицеры въ гвардію безъ смотра и личнаго испытанія въ знаніи военной службы. На подобный экзаменъ всѣ шли, какъ на страшный судъ. Для этого смотра приво-

дили въ Михайловскій манежъ одинъ изъ гвардейскихъ батальоновъ въ полномъ составѣ и въ полномъ числѣ рядовъ тогдашняго трехшереножнаго пѣхотнаго строя. Великій Князь поочередно ставилъ подпрапорщиковъ на мѣста офицеровъ въ батальонѣ командовать взводами, ротами и поочередно одного изъ подпрапорщиковъ назначалъ командиромъ батальона. И вотъ тутъ-то начинался экзаменъ въ полномъ знаніи строевой пѣхотной службы: какъ командовать частью, какъ умѣть сноровить при эволюціяхъ и построеніяхъ и въ особенности при тогдашнихъ де-пюядахъ, которыя въ наше время производились съ замѣчательною быстротою и отчетливостью... однимъ словомъ, экзаменъ былъ вешуточный и заставлялъ дрожать всякаго и нетрусливаго молодца... Послѣ всего вышесказаннаго продолжался экзаменъ по службѣ въ гарнизонѣ, и по службѣ полевой, и въ фундаментальномъ знаніи воинскаго устава. Только при вполне удовлетворительномъ испытаніи подпрапорщики производились офицерами въ гвардію; въ противномъ же случаѣ они отставлялись отъ производства до слѣдующаго года или выпускались офицерами въ армейскіе полки.

Кавалерійскіе юнкера¹⁾ въ свою очередь требовались на такой же экзаменъ по верховой ѣздѣ и по всей кавалерійской службѣ. Такимъ образомъ, чтобы выйти въ гвардію, нельзя было ни въ какомъ случаѣ миновать страшнаго повѣрочнаго экзамена Великаго Князя... А я чуть было совсѣмъ не попалъ въ гвардію... и только потому, что поѣхалъ разъ на извозчикѣ...

Я долженъ вамъ сказать, что дисциплина въ наше время была очень строгая. Нижнимъ чинамъ воспрещалось ѣздить въ экипажахъ и на извозчикахъ, они должны были каждому встрѣчному офицеру становиться во фронтъ. Исключеній никакихъ не допускалось. Былъ ли то дворянинъ, графъ или князь, въ расчетъ не принималось; разъ онъ нижній чинъ, онъ долженъ подчиняться всеобщей дисциплинѣ и всѣмъ правиламъ.

Мы, подпрапорщики и юнкера, считались нижними чинами и ѣздить намъ въ экипажахъ не полагалось, тогда какъ кадеты могли пользоваться этимъ удобствомъ, потому что они не числились на дѣйствительной службѣ...

¹⁾ Школа гвард. подпрапорщиковъ и юнкеровъ дѣлилась на 2 части: пѣхотную, которую составляли подпрапорщики, и кавалерійскую, въ которой находились юнкера; въ послѣдствіи она была преобразована въ Николаевское кавалерійское училище.

И вотъ я при всей тогдашней строгости преступилъ этотъ законъ военной дисциплины... Впрочемъ, подождите, я вамъ разскажу все по порядку. Я помню этотъ день со всѣми подробностями, какъ-будто это случилось очень недавно; все пережитое мною за эти несчастные сутки и дольше врѣзалось въ мою память, потому что впечатлѣніе было ужъ очень сильное.

Въ одно лѣтнее воскресное утро я отправился въ отпускъ. Большая часть моихъ товарищей—тѣ, которымъ было гдѣ переночевать,—ушли еще наканунѣ; я же, надѣвъ мундиръ Преображенскаго полка, бѣлую португую съ тесакомъ черезъ плечо и киверъ съ длиннымъ унтеръ-офицерскимъ султаномъ на голову, хотѣлъ было уже выйти изъ училища, какъ вдругъ замѣтилъ, что на дворѣ мороситъ мелкій дождь. Въ такую погоду намъ приказывалось одѣвать въ накидку наши солдатскія шинели; мы это не любили, потому что не считали достаточно элегантнымъ, но дѣлать было нечего: пришлось повиноваться и прикрыть красивый преображенскій мундиръ сѣрою, простою шинелью. Не знаю, какъ теперь, но въ наше время очень строго преслѣдовалось малѣйшее отступленіе отъ формы обмундированія, первый встрѣчный офицеръ сейчасъ же дѣлалъ замѣчаніе и отправлялъ назадъ въ училище. Надо правду сказать, что сами офицеры отъ младшихъ чиновъ до самыхъ старшихъ не позволяли себѣ никакихъ вольностей и строго придерживались установленной формы одежды.

Вышелъ я изъ нашей школы очень рано, и потому не могъ сразу отправиться туда, куда меня неудержимо влекло, т. е. къ моей тетускѣ Бутурлиной; у нея жила молоденькая, хорошенькая воспитанница моихъ лѣтъ, нѣкто m-lle Ландсбергъ; она-то и была магнитомъ, притягивающимъ меня постоянно на дачу моей тетуски... Но тетуска вставала поздно, раньше двѣнадцати не выходила изъ своей комнаты, и мнѣ, несмотря на все мое нетерпѣливое желаніе, невозможно было явиться туда съ утра.

Я пошелъ въ казармы 1-го батальона Преображенскаго полка, на квартиру моего двоюроднаго брата Потулова, командовавшаго тогда 3-й фузилерной ротой, къ которой я и былъ причисленъ, кромѣ того въ полку служилъ тоже мой родной братъ, жившій съ Потуловымъ на одной квартирѣ. Я часто къ нимъ ходилъ и былъ поэтому знакомъ со всѣми офицерами полка.

Я, конечно, засталъ братьевъ въ такой ранній часъ дома, расположился у нихъ поудобиѣ и сталъ курить трубку за трубкой табаку Жукова — о папирасахъ тогда еще и понятія не имѣли. У насъ въ школѣ курить не дозволялось, и намъ приходилось это дѣлать потихоньку и рѣдко, поэтому мнѣ доставляло

истинное наслажденіе сидѣть, удобно развалившись въ креслѣ, и затягиваться, выпуская дымъ кольцами... Въ разговорахъ время прошло незамѣтно, и я въ часъ дня отправился къ тетускѣ. Братъ тоже хотѣли обѣдать у нея въ этотъ день, но имъ нечего было торопиться, они могли поѣхать на дачу въ экипажѣ; я же долженъ былъ идти пѣшкомъ, да и при томъ мнѣ хотѣлось быть у тетуски задолго до обѣда, чтобы имѣть возможность подольше побыть и поговорить съ m-lle Ландсбергъ.

Мое желаніе исполнилось: я явился къ тетускѣ за полтора часа до обѣда и высидѣлъ съ нею цѣлыхъ полчаса, послѣ чего она сама отправила меня къ m-lle Ландсбергъ.

— Пойди, поищи ее... сказала она,—она тамъ гдѣ-то въ саду читаетъ.

Я, конечно, не заставилъ себя просить и побѣжалъ въ садъ.

Какъ сейчасъ помню маленькую зеленую скамеечку подъ высокимъ кустомъ распустившейся сирени, отъ которой по всему саду шелъ сильный аромат. Тамъ нашелъ я m-lle Ландсбергъ съ какой-то книгой въ рукахъ, и тамъ просидѣли мы вплоть до того момента, когда тетуска прислала насъ звать обѣдать... Мы и не замѣтили, что обѣденный часъ давно пробилъ, что въ гостиной тетуски собралось уже много гостей...

За обѣдомъ насъ, какъ младшихъ, посадили рядомъ, и я, забывъ все на свѣтѣ, весело и оживленно разговаривалъ со своей сосѣдкой. Когда всѣ встали изъ-за стола, ко мнѣ подошелъ мой братъ и сказалъ:

— А ты знаешь, братецъ, что уже 8 часовъ... Ты вѣдь въ школу опоздаешь!..

Я такъ и ахнулъ.

— Какъ, 8 часовъ?

Братъ засмѣялся.

— Посмотри на часы, коли не вѣришь,—отвѣчалъ онъ.—Я знаю, какъ время летитъ въ отпуску... А только ты берегись: начальство шутить не любитъ!

Въ наше время мы должны были являться въ школу къ 9-ти часамъ, то-есть до пробитія вечерней зори, если же кто запаздывалъ хоть на 5 минутъ, тотъ или подвергался аресту, или былъ лишенъ отпуска въ слѣдующее воскресенье. Это правило строго соблюдалось, потому что командиръ школы гвардейскихъ подпорщиковъ и юнкеровъ, нашъ строжайшій генералъ, баронъ Шлиппенбахъ, жилъ въ самой школѣ, всегда все зналъ и строго бы взыскалъ съ дежурнаго офицера, который снисходительно отнесся бы къ малѣйшему запозданію нашему въ школу.

Вспомнивъ все это, я стремглавъ бросился прощаться съ тетуской; она, узнавъ, что я рискую опоздать въ училище, предложила мнѣ свою карету, но я наотрѣзъ отказался изъ боязни встрѣтиться съ начальствомъ. Тетка стала уговаривать меня, увѣряя, что никто не всматривается въ сидящихъ въ каретахъ, но я продолжалъ отказываться.

— Вы только себѣ представьте, тетуска, что вдругъ я встрѣчу Великаго Князя Михаила Павловича,—сказалъ я;—вѣдь тутъ ужъ не мнѣ одному достанется, а пострадаетъ все мое начальство и даже нашъ командиръ школы...

Трудно себѣ представить, какою грозою былъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ для насъ, военныхъ, отъ мала до велика; это могутъ только знать тѣ, кто въ мое время жили и служили!.. Отъ одной мысли, что Михаилъ Павловичъ можетъ самъ поймать меня на мѣстѣ преступленія, я пришелъ въ ужасъ и съ испугомъ сказалъ теткѣ:

— Нѣтъ, тетуска, Боже сохрани меня отъ кареты!!

Всѣ засмѣялись, и я, увѣряя тетуску, что успѣю скорымъ шагомъ добѣжать до школы во-время, откланялся всему обществу.

Я шелъ быстро, не останавливаясь, потому что не встрѣчалъ офицеровъ по дачнымъ улицамъ на островахъ, но все-таки мнѣ до Троицкаго моста оставалось далеко, и я все болѣе и болѣе убѣждался, что къ пробитію вечерней зори я не поспѣю. Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ помѣщалась въ мое время у Синяго моста на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь дворецъ покойной великой княгини Маріи Николаевны, такъ что отъ моста до училища мнѣ тоже оставался еще порядочный кусокъ разстоянія. Я почти бѣжалъ по тротуару, а грустные мысли такъ и лѣзли въ мою юную голову; я себѣ уже представлялъ, какъ я явлюсь въ школу къ дежурному офицеру и меня сейчасъ же посадятъ въ карцеръ, а что еще хуже—лишатъ отпуска въ слѣдующее воскресенье. Отъ этой мысли мнѣ ужъ совсѣмъ сдѣлалось тоскливо; цѣлая двѣ недѣли не видѣть m-lle Ландсбергъ, не сидѣть съ ней въ саду подъ пахучей сиренью, показалось мнѣ ужаснымъ, и я рѣшился на отчаянный шагъ.

Какъ разъ мнѣ навстрѣчу ѣхалъ пустой извозчикъ, я его нанялъ везти меня черезъ Троицкій мостъ. Тамъ я думалъ сойти съ дрожекъ и опять пѣшкомъ пробѣжать по Большой Милліонной, черезъ Дворцовую площадь и достигнуть Синяго моста и школы. Я объяснилъ извозчику, что онъ долженъ зорко смотрѣть впередъ и какъ только замѣтитъ офицера, остановиться, предупредить меня и, давъ мнѣ сойти съ дрожекъ, ѣхать шагомъ впередъ и ждать меня. Мой

возница оказался смышленнымъ малымъ, онъ сейчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло, и мы съ нимъ весело покатали по мостовой.

У самага Троицкаго моста извозчикъ вдругъ остановился и быстро прошепталъ мнѣ:

— Баринъ, военный идетъ!

Я соскочилъ съ дрожекъ и пошелъ навстрѣчу офицеру. Какъ сейчасъ вижу его передъ собой: это былъ полковникъ путей сообщенія въ серебряныхъ эполетахъ и трехъугольной шляпѣ съ чернымъ султаномъ, онъ велъ подъ руку молодую даму. Я, какъ полагалось тогда, сталъ во фронтъ и, пропустивъ полковника мимо себя, догналъ своего извозчика, вскочилъ въ дрожки и поѣхалъ дальше. Не скажу, чтобъ я находился тогда въ спокойномъ состояніи духа; наоборотъ, я все время вглядывался тревожно въ даль, боясь увидѣть офицера. Въ наше время можно было на большомъ разстояніи отличать офицеровъ, потому что они всѣ носили трехъугольныя шляпы съ султанами, пѣхотные—изъ черныхъ перьевъ, кавалерійскіе—изъ бѣлыхъ. Эти султаны были видны издали...

Мой извозчикъ не дремалъ и поглядывалъ во всѣ стороны. Мостъ мы проѣхали благополучно и должны были уже въѣхать на мостовую, какъ вдругъ извозчикъ, внезапно обернувшись, испуганно проговорилъ:

— Сударь, два генерала насъ догоняютъ въ коляскѣ; прикажете остановиться?!

Я обомлѣлъ отъ страха... взглянулъ назадъ и увидѣлъ генерала Шлиппенбаха съ другимъ генераломъ, сидѣвшихъ въ нагонявшей насъ коляскѣ.. Совершенно растерявшись, я крикнулъ извозчику:

— Пошелъ скорѣй съ моста налѣво, къ дому Гоголя!

Признаюсь, я думалъ соскочить съ дрожекъ у дома Гоголя и улизнуть въ калитку... Мой возница хлестнулъ лошадь, но было поздно: коляска перерѣзала намъ дорогу, и кучеръ крикнулъ:

— Остановись, извозчикъ!

Мы стали. Я выскочилъ на мостовую и вытянулся въ струнку. Сердце мое колотилось въ груди, безсвязныя мысли мелькали въ головѣ...

Баронъ Шлиппенбахъ подозвалъ меня ближе; я подошелъ къ нему и, держа руку у козырька, смотрѣлъ на генераловъ, какъ на колокольню; тогда была мода дѣлать высокіе экипажи, и мнѣ, стоявшему на землѣ, приходилось высоко подымать голову, чтобы смотрѣть въ лицо своему разгнѣванному начальству. Генералъ нѣсколько минутъ въ упоръ смотрѣлъ на меня своими блестящими отъ бѣшенства, какъ мнѣ казалось, глазами; наконецъ, онъ рѣзко произнесъ:

— Что вы дѣлаете, недостойный подпрапорщикъ? Какъ вы осмѣливаетесь преступать военный уставъ и ѣздить на извозчикѣ, когда вы должны на каждомъ шагѣ отдавать честь офицерамъ? Вы—негодный подпрапорщикъ! Я васъ вышвырну изъ школы! Завтра же доложу о васъ Великому Князю, и вамъ не видать гвардіи, какъ своихъ ушей!.. Ступайте въ школу, явитесь дежурному офицеру и чтобъ онъ сейчасъ посадилъ васъ въ карцеръ!

Лошади загремѣли копытами, коляска проѣхала мимо меня, а я все стоялъ, не двигаясь съ мѣста. Затѣмъ, быстро повернувшись, и скорымъ шагомъ пошелъ къ школѣ. Я былъ въ полномъ отчаяніи: мнѣ казалось, что для меня все было кончено; въ гвардію я не попаду, выкинуть меня въ армію съ тѣмъ же унтеръ-офицерскимъ званіемъ—и прощай моя карьера! Кромѣ всѣхъ этихъ грустныхъ мыслей, меня еще мучило чувство обиды, вызванное грубымъ тономъ барона Шлиппенбаха и его словами: вы—негодный прапорщикъ!—Точно онъ хотѣлъ сказать: вы—негодяй! — Я самъ на себя злился, что смолчалъ, что не протестовалъ, какъ это сдѣлалъ однажды нашей же школы юнкеръ л.-гв. Измайловскаго полка, князь Урусовъ. Онъ не вынесъ грубой брани Шлиппенбаха и сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ броситься на командира; это было въ присутствіи цѣлой роты... Его сейчасъ же отвели подъ арестъ, черезъ нѣсколько дней исключили изъ школы, перевели на Кавказъ и чуть-ли не разжаловали до выслуги... Да, въ наше время строго карали дѣйствія, противныя военной дисциплинѣ... У князя Урусова были большія связи: его родной братъ былъ флигель-адъютантомъ у Государя Николая Павловича, а отецъ занималъ одну изъ высшихъ должностей; но въ старое время не смотрѣли ни на личность, ни на званіе, ни на связи. Поступокъ князя Урусова являлся въ глазахъ нашихъ, т. е. подпрапорщиковъ и юнкеровъ, чѣмъ-то доблестнымъ, благороднымъ... и вотъ меня мучило, что я не поступилъ, какъ онъ, что я безропотно выслушалъ брань своего начальника. Самолюбіе мое страдало... Мучительно тоже было для самолюбія ожидать дальнѣйшія послѣдствія этой непріятной встрѣчи. Недавно бывший у насъ случай съ княземъ Барятинскимъ невольно вспомнился мнѣ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Я былъ очень хорошъ съ Барятинскимъ, хотя онъ былъ кавалерійскимъ юнкеромъ и жилъ въ среднемъ этажѣ, тогда какъ мы, пѣхотные, занимали верхній этажъ; намъ позволялось въ свободное отъ занятій время посѣщать другъ друга, что мы постоянно и дѣлали. Кромѣ того, насъ соединяли на одинъ общій урокъ математики, который длился два часа. Математика нагоняла скуку и на пѣхоту и на кавалерію, и многіе изъ насъ выходили потихоньку

изъ класса и курили украдкой въ печку. У этой печки мы часто сталкивались съ Бярытинскимъ и понемногу сошлись. Это былъ добрый малый, очень любившій попить и покутить. Ему это легко было дѣлать, потому что онъ обладалъ большими средствами. И вотъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда мы всѣ были въ отпуску, князь Бярытинскій съ товарищами такъ кутнули на этотъ разъ, что вышелъ скандалъ, который огласился по всему Петербургу. Вслѣдъ за этимъ, какъ только мы вернулись изъ отпуску, командиръ велѣлъ собрать всѣхъ, и пѣхотную роту, и кавалерійскій эскадронъ внизу, въ учебной залѣ. Этотъ необыкновенный сборъ предвѣщалъ, конечно, большую бурю.

Въ назначенный часъ насъ всѣхъ построили въ большой учебной залѣ, одну часть противъ другой; пѣхота въ 3-шереножномъ строю, а кавалерія—въ двѣ шеренги. При частяхъ находились наши ближайшіе начальники. Наши офицеры суетились, волновались, шептались... Наконецъ, раздалась команда: смирно!—и въ залу вошелъ Шлиппенбахъ. Какъ только онъ вошелъ, къ нему стали подходить съ рапортомъ сначала дежурные офицеры, а потомъ и поди-рапорщики и юнкера. Видъ командира былъ крайне суровый: онъ не сказалъ ни одного слова офицерамъ, затѣмъ сухо поздоровался съ нами, пѣхотными, а съ юнкерами совсѣмъ не поздоровался и вызвалъ на середину Бярытинскаго и кутившихъ съ нимъ товарищей... Что ужъ тутъ было—трудно описать. Это былъ такой взрывъ бѣшенства, какой, къ счастью, рѣдко приходится видѣть. Особенно памяты мнѣ слова, сказанныя командиромъ Бярытинскому:

— Вы не князь, а—грязь! Я въ гвардію, въ офицеры васъ не выпущу!

И, дѣйствительно, Шлиппенбахъ сдержалъ свое слово: Бярытинскій въ гвардію не попалъ. Къ слову скажу, что этотъ самый кн. Бярытинскій былъ впослѣдствіи главнокомандующимъ на Кавказѣ и за плѣненіе знаменитаго Шамиля былъ возведенъ въ фельд-маршалы...

Только-что описанная мною сцена ясно рисовалась въ моемъ воображеніи, пока я шагаль по Милліонной, по направленію къ училищу. Я уже представлялъ себѣ, какъ опять соберутъ всю школу въ учебную залу, какъ бар. Шлиппенбахъ вызоветъ меня на середину и начнетъ разносить... Отъ этой мысли у меня остановилось дыханіе...

Между тѣмъ, я подошелъ къ училищу и, конечно, очень опоздалъ,—былъ уже десятый часъ. Я явился дежурному офицеру и сію же минуту былъ отправленъ подъ арестъ.

Затѣмъ я просидѣлъ въ карцерѣ шесть дней, изъ которыхъ двое

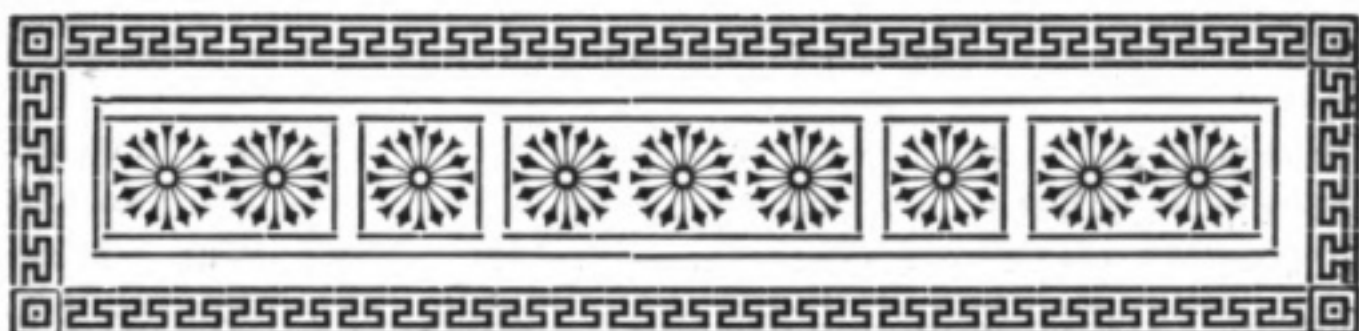
сутокъ—на хлѣбъ и на водѣ, безъ всякой другой пищи. Я былъ въ отвратительномъ состояніи духа, ожидая все время, что вотъ-вотъ меня потребуютъ въ учебную залу, гдѣ будетъ собрана вся школа. Наконецъ, въ субботу къ вечеру защелкалъ замокъ въ дверяхъ, и въ карцеръ вошелъ нашъ фельдфебель. Сердце у меня упало... Фельдфебель объявилъ мнѣ, что ротный командиръ приказалъ освободить меня изъ-подъ ареста, но что меня не будутъ пускать въ отпускъ цѣлый мѣсяцъ. Я вздохнулъ съ облегченіемъ... Затѣмъ фельдфебель сообщилъ мнѣ по секрету, что школьное начальство предполагало первоначально исключить меня изъ школы за сдѣланное мною преступленіе по службѣ, но что ротный командиръ и инспекторъ классовъ были противъ этого и отстаивали меня, объясняя мой поступокъ большою молодостью; я былъ дѣйствительно моложе чуть-ли не всѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ нашей школы. Это обстоятельство смягчило Шлиппенбаха, и онъ согласился не исключать меня, но оставить на второй годъ во 2-мъ классѣ, а это имѣло вліяніе не только на мое производство въ офицеры, но и на дальнѣйшія производства въ слѣдующіе чины; всѣ мои товарищи стали выше меня по старшинству.

Дѣдушка замолчалъ, подумалъ съ минуту и прибавилъ:

— Да, вотъ какая строгость была въ наше время! Но зато военная служба перерабатывала, такъ сказать, переформировывала молодыхъ людей, приучала ихъ къ непрекословному повиновенію старшимъ и тѣмъ впослѣдствіи подготавливала офицеровъ самостоятельныхъ, пригодныхъ и способныхъ управлять воинскою частью, потому что старая истина: чтобы умѣть командовать, надо умѣть повиноваться—неопровержима, и ее слѣдуетъ помнить во всякое время—старое и новое.

А. К.

Мои воспоминанія.

Въ 1862 году я былъ назначенъ на должность мирового посредника 1-го участка Казанской губерніи, Лаишевскаго уѣзда, въ каковой должности прослужилъ девять лѣтъ. Устроивъ волости, я убѣдилъ крестьянъ избрать дѣльных людей на должности крестьянскаго самоуправления.

Въ настоящее время, на 82 году своей жизни, живя на покой въ деревнѣ, я прочелъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1908 годъ статью: „О безпорядкахъ, бывшихъ въ селѣ Безднѣ, Спасскаго уѣзда, и о принятыхъ мѣрахъ правительствомъ къ прекращенію безпорядковъ и наказанію виновныхъ“. Это происходило до назначенія мировыхъ посредниковъ, вслѣдъ за объявленіемъ манифеста 19-го февраля 1861 года, объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. При назначеніи меня на должность посредника, все было спокойно во ввѣренномъ мнѣ участкѣ до тѣхъ поръ, пока не наступилъ срокъ введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Съ наступленіемъ назначеннаго срока, я прибылъ въ Венетинскую волость въ селцо Янасалы, помѣщицы Чемезовой, предъявилъ на собранномъ сходѣ уставную грамоту, представленную помѣщицей, вычиталъ таковую, и копію съ оной сталъ вручать сельскому старостѣ, но староста отъ принятія таковой отказался, вслѣдствіе угрозъ и запрещенія всего схода; отрѣшивъ старосту отъ должности за неисполненіе законныхъ требованій посредника, я назначилъ другого старосту, но сходъ продолжалъ буйствовать и запрещалъ принимать копію и, наконецъ, самовольно разошелся; я принужденъ былъ уѣхать и немедленно сообщить казанскому военному губернатору — генералу

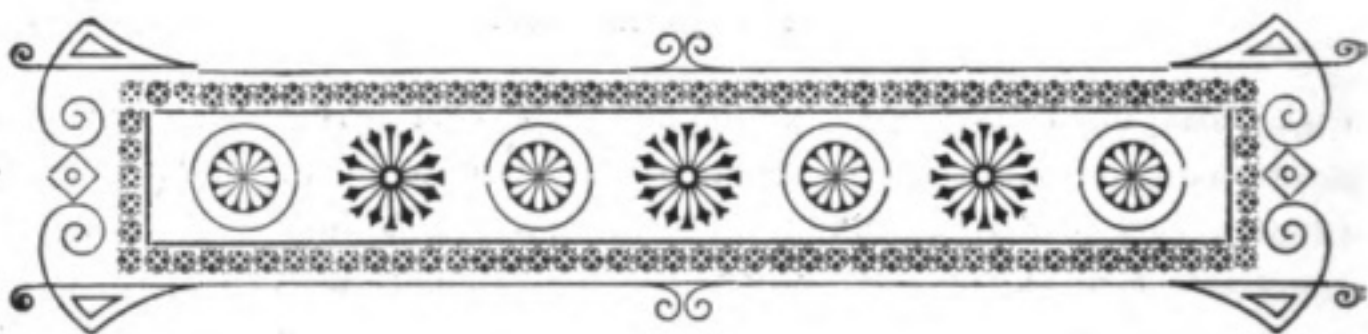
Казлянинову, о происшедшемъ буйствѣ крестьянъ дер. Янасалъ. Распоряженіемъ губернатора, прислана была въ селеніе военная команда, и поручено было лаишевскому исправнику привести крестьянъ къ повиновенію. Встрѣтивъ со стороны крестьянъ серьезное упорство и находя, что полицейскихъ мѣръ недостаточно для достиженія цѣли усмиренія, исправникъ донесъ губернатору, который, въ свою очередь, донесъ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву. Воспослѣдовало предписаніе губернатору: вытребовать удвоенную военную команду для оцѣпленія селенія и лично отправиться въ селеніе Янасалы съ ассессоромъ и чиновникомъ губернскаго правленія, при чемъ дано право: непокорныхъ крестьянъ безъ суда ссылатъ съ ихъ семействами въ Сибирь—на поселеніе. Казанскій губернаторъ, проживъ въ Янасалахъ и исчерпавъ всѣ мѣры, бывшія въ его распоряженіи, сославъ въ Сибирь 27 семействъ на поселеніе, принужденъ былъ донести г. министру внутреннихъ дѣлъ объ этомъ безпримѣрномъ упорствѣ крестьянъ деревни Янасалъ. Предписано было предать полемому суду крестьянъ деревни Янасалъ, рѣшеніемъ коего всѣ наличные крестьяне присуждены были къ назначенію шпицрутенами и къ ссылкѣ въ каторжную работу на четыре года. По утвержденіи сентенціи полевого суда, всѣ крестьяне отправлены были въ гор. Арскъ и заключены въ пересыльный казематъ.

Не могу умолчать о самоотверженномъ поступкѣ волостного старшины Венетинской волости Василя Ермолаева, допущеннаго въ пересыльный казематъ, съ цѣлью убѣжденія крестьянъ покориться и просить помилованія. Въ первую ночь, проведенную старшиною среди осужденныхъ, это не удалось. Между тѣмъ, на слѣдующее утро, по выводѣ осужденныхъ на площадь, четверо были прогнаны сквозь строй и отправлены на каторгу. На слѣдующій день старшинѣ удалось уговорить осужденныхъ, которые по выходѣ на площадь, для продолженія экзекуціи, упали на колѣни и, изъявивъ покорность, просили исходатайствовать помилованіе. Жандармскій полковникъ Ларіоновъ, приводившій въ исполненіе приговоръ полевого суда, остановилъ экзекуцію, сообщилъ губернатору, для донесенія министру внутреннихъ дѣлъ. По всеподданнѣйшему докладу Государю Императору, воспослѣдовало повелѣніе: дѣло прекратить безъ послѣдствій; крестьянъ деревни Янасалъ, наказавъ на площади розгами, въ присутствіи депутатовъ отъ временно-обязанныхъ крестьянъ Лаишевскаго и смежнаго Казанскаго уѣздовъ, водворить въ мѣстожителство. Возвращенные изъ гор. Арска крестьяне приняли уставную грамоту, подписали и заявили желаніе съ издѣльной повинности перейти на оброкъ, а затѣмъ на выкупъ. Составленъ

былъ выкупной договоръ; помѣщица Чемезова отказалась отъ дополнительнаго платежа въ количествѣ 7.000 руб. въ пользу крестьянъ. Волостной старшина Василій Ермолаевъ былъ награжденъ серебряной медалью—„за усердіе“. По прошествіи нѣкотораго времени, сосланные 27 семействъ въ Сибирь на поселеніе прислали по почтѣ на Высочайшее имя прошеніе, съ ходатайствомъ о помилованіи и возвращеніи на родину, но ходатайство крестьянъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было отклонено. Произведенъ былъ семейный раздѣлъ сосланныхъ, имущество ихъ продано съ аукціоннаго торга, вырученныя 1.000 руб. отосланы въ Тобольскій приказъ для выдачи поселеннымъ на казенныхъ земляхъ крестьянамъ, что и послужило матеріальною помощью для устройства ихъ хозяйственнаго быта. Много перенесли невзгодъ и страданій, отъ своего упорства, крестьяне деревни Янасалъ; главный подстрекатель, священникъ села Венеты Евлогіевъ, случайно былъ открытъ: встрѣтивъ сходъ дер. Янасалъ, прибывшій въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія рукоприкладства за неграмотныхъ крестьянъ на выкупномъ договорѣ, сталъ настойчиво уговаривать крестьянъ не подписывать договора, при чемъ убѣждалъ не слушать мирового посредника, который ихъ вновь въ крѣпостные обратитъ; волостной старшина Ермолаевъ вмѣшался въ это дѣло, убѣдилъ сходъ не слушать священника Евлогіева, крестьяне на этотъ разъ не послушались убѣжденій Евлогіева, и рукоприкладство было сдѣлано, а мнѣ для свѣдѣнія было старшиной доложено; я, со своей стороны, увѣдомилъ объ этомъ происшествіи частнымъ письмомъ жандармскаго полковника Ларіонова, который распорядился священника Евлогіева отправить въ гор. Казань и по распоряженію казанскаго губернатора онъ препровожденъ былъ при отношеніи къ казанскому архіепископу Аѳанасію; по резолюціи владыки—священнику Евлогію запрещено было священствовать въ селѣ Венетѣ и въ двухъ-недѣльный срокъ, окончивъ дѣла, выѣхать, и затѣмъ не давать ему мѣста въ приходахъ, гдѣ есть временно-обязанные крестьяне. Мѣра эта оказала большую услугу и прекратила навсегда вмѣшательство приходскихъ священниковъ въ дѣла о введеніи въ дѣйствіе положенія 19-го февраля 1861 года.

П. А. Пивинъ.

Страничка изъ исторіи бѣлорускаго духовенства.

Воспоминанія о протоіерей Павлѣ Ивановичѣ Круковскомъ.

Воссоединеніе бѣлорусскихъ униатовъ, совершенное нѣсколькими представителями западно-русской іерархіи, съ митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко во главѣ, опиралось на сочувствіе наиболѣе сознательныхъ элементовъ мѣстнаго духовенства, священниковъ, работавшихъ въ глуши приходовъ надъ этою вѣковою задачей обновленія и возрожденія народности. Имена этихъ скромныхъ тружениковъ большею частью забыты; изрѣдка напоминаютъ о нихъ случайная литературная замѣтка, выноска на страницѣ старой исторической монографіи, подпись подъ пожелтѣвшимъ отъ времени архивнымъ актомъ, а между тѣмъ, въ этихъ незамѣтныхъ людяхъ громче, чѣмъ въ другихъ, говорила народная совѣсть, билось отзывчивое на нужды народа сердце. Они пережили этотъ историческій моментъ, видѣли зарю обновленія забитаго двухвѣковою неволей народа, привѣтствовали возрожденіе народнаго богослуженія на родномъ языкѣ, этого обычнаго провозвѣстника болѣе широкаго умственного движенія среди племени, которое скоро получило и родную школу, и доступную ему русскую книгу, стало равноправнымъ членомъ русской народности.

Нѣсколько чертъ изъ жизни скромнаго духовнаго дѣятеля Бѣлорускаго края представляетъ предлагаемый вниманію читателя очеркъ. Въ немъ читатель не найдетъ полной картины дѣятельности одного изъ піонеровъ духовнаго обновленія Бѣлоруссіи, но и то немногое, что сохранилось отъ забвенія, можетъ быть не лишено интереса съ точки зрѣнія бытовой. Эти мелкія детали пригодны, какъ краски для болѣе широкихъ картинъ прошлаго нашей окраины.

Павелъ Ивановичъ Круковскій, одинъ изъ старыхъ протоіереевъ, подписавшихъ Полоцкій актъ возсоединенія униатовъ, провелъ послѣдніе годы своей жизни не въ родномъ западномъ уголкѣ Гродненской губерніи, Брестскомъ уѣздѣ, гдѣ прошла большая часть его служебной дѣятельности, а частью на Жмудѣ, гдѣ сынъ его былъ городскимъ приходскимъ священникомъ въ Шавляхъ, частью— послѣднія шесть лѣтъ— въ небольшомъ деревенскомъ приходѣ Дружловичахъ, Пинскаго уѣзда, гдѣ жила его дочь Елизавета, бывшая замужемъ за священникомъ Петромъ Олешкевичемъ. Въ Дружловичахъ Павелъ Круковскій и умеръ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Пишущему эти строки внуку Павла Круковского неизвѣстно ничего изъ прежнихъ лѣтъ жизни стараго протоіерея. Въ семейныхъ бумагахъ сохранился лишь аттестатъ Павла Круковского, выданный Виленскимъ университетомъ, и два печатныхъ извѣщенія Географическаго общества съ выраженіемъ благодарности за свѣдѣнія о климатѣ Гродненской губерніи. Не сохранилось переписки протоіерея; объ утратѣ послѣдней слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ Павелъ Круковскій представлялъ среди мѣстнаго духовенства личность далеко не заурядную, не чуждую духовныхъ интересовъ. Объ этомъ говоритъ подборъ книгъ его библіотеки, довольно большой для того времени. Павелъ Круковскій принадлежалъ къ тому поколѣнію западно - русскаго духовенства, для котораго была вполне доступна русская книга; польскихъ книгъ осталось отъ него немного, преимущественно богословскаго содержанія. Новинки русской церковно-исторической науки, важнѣйшія произведенія проповѣдничества живо интересовали протоіерея; будучи уже преклоннымъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ живо интересовался книгами, посвящая нѣсколько часовъ въ день, преимущественно по вечерамъ, чтенію.

Вообще, утрата переписки людей того отдаленнаго времени унесла съ собой немало цѣнныхъ чертъ быта и жизни. Объ этомъ можно судить по сохранившимся въ семействѣ сына Павла Круковского, Василя, письмамъ бывшаго профессора Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича. Письма эти писаны по-польски Василю Круковскому ¹⁾, бывшему школьнымъ товарищемъ Кояловича по Литовской (Жировицкой?) духовной семинаріи. Наиболѣе цѣнны въ нихъ, конечно, взгляды и впечатлѣнія молодого Кояловича, тогда еще студента Петербургской духовной академіи; впечатлѣнія сѣверной столицы, знакомства съ новыми людьми иной, не польской,

¹⁾ Василій Круковскій (1829 — 1896 гг.) умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ протоіереемъ Шавльской церкви.

культуры, широкія перспективы общественной и духовной жизни, сравнительно съ бѣдными духовными интересами захолустной Вильны—представляютъ почву, на которой складываются мало-помалу новые, близкіе къ русской народности, взгляды молодого ученаго. Письма эти писаны за четыре года до появленія наиболее цѣннаго ученаго труда Кояловича „Литовская церковная унія“ (1859 г.). Очевидно, въ душѣ молодого вѣлорускаго поповича происходила извѣстная работа; наносное, ослѣплявшее провинціаловъ внѣшнимъ блескомъ, вліяніе польской культуры должно было уступить мѣсто инымъ, болѣе глубокимъ, выходившимъ изъ родной, общерусской почвы, теченіямъ. Много мѣста отведено въ письмахъ личной жизни, но струя народности, можетъ быть натолкнувшая Кояловича на его важную не для одной мѣстной исторіи тему, пробивается въ письмахъ довольно явственно. Эту сторону духовнаго развитія молодого историка слѣдуетъ отмѣтить; ею можно объяснить тѣ фазисы его міросозерцанія, которые привели его отъ объективно-историческаго метода къ тѣмъ антиисторическимъ построеніямъ въ его „Исторіи русскаго самосознанія“, малая научная цѣнность которыхъ хорошо выяснена Костомаровымъ въ его рецензіи указанной книги, помѣщенной въ „Вѣстникъ Европы“.

Протоіерей Павелъ Круковскій, не выѣзжавшій никогда за предѣлы родного края, не видѣвшій культурныхъ центровъ выше Вильны, представляетъ личность поучительную въ томъ отношеніи, что слѣды русскаго вліянія отражаются на ней, такъ сказать, яснѣе, благодаря этимъ изолирующимъ элементамъ старопольской культуры, проводимой и Виленскимъ университетомъ и вообще складомъ вѣлорусской жизни до 1863 года, когда польская книга, польская рѣчь, польскіе нравы и обычаи господствовали на всемъ протяженіи Вѣлоруссіи, заглушая тѣ слабые ростки народности, которые подготовили и дали успѣхъ культурной работѣ лучшихъ людей края. У скромныхъ сподвижниковъ великаго западно-русскаго митрополита, очевидно, сильно горѣла искра любви къ родному краю, къ его насущнымъ духовнымъ нуждамъ. Съ этой точки зрѣнія нужно разсматривать и тѣ немногочисленные, но прочные слѣды вліянія русской мысли, которые медленно пролагали себѣ путь въ души этихъ лучшихъ людей Вѣлоруссіи. Не слѣдуетъ забывать, что немало мужества нужно было имѣть въ то отдаленное время, чтобы читать русскую книгу, свободно высказывать свои взгляды въ пользу русской народности. Изъ біографіи Сѣмашко мы знаемъ, какое враждебное отношеніе вызывала въ польскомъ обществѣ самая невинная русская книга въ рукахъ представителя православнаго духовенства. Извѣстно, что многія видныя лица высшаго западно-

русскаго духовенства, напимѣръ, ученый славистъ Бобровскій, были людьми польской культуры, безраздѣльно отдавая ей свои симпатіи, поддерживая вліяніемъ своей личности ея престижъ среди мѣстнаго православнаго духовенства.

Жена Павла Круковскаго на 20 лѣтъ пережила его; она умерла въ началѣ девяностыхъ годовъ, въ возрастѣ 102 лѣтъ. Пишущему эти строки пришлось видѣть тщедушную, но замѣчательно бодрую старушку за четыре года до ея смерти (въ 1887 году). Преклонные годы не убили въ ней ни бодрости, ни живости характера, ни ясности мысли. Въ головѣ Маріи Ивановны Круковской вмѣщался, можно сказать, цѣлый бытовой архивъ старины, которую она бережно хранила. Много живыхъ разсказовъ, весьма цѣнныхъ для подробной біографіи митрополита Іосифа Сѣмашко, унесла въ могилу эта старушка. Митрополитъ Іосифъ любилъ Павла Круковскаго и, при объѣздахъ епархіи, останавливался въ Каменцѣ, гдѣ священствовалъ Павелъ Круковскій, подолгу бесѣдовалъ съ этимъ наборникомъ русскихъ тенденцій, любившимъ и умѣвшимъ говорить, чувствовать и мыслить по-русски. Въ библіотекѣ Павла Круковскаго сохранился печатный экземпляръ рѣчей митрополита Іосифа съ собственноручною надписью автора („доброму служителю православной церкви“). Эта черта вниманія говоритъ о томъ уваженіи, которое представитель мѣстной православной іерархіи питалъ къ одному изъ рядовыхъ тружениковъ. Конечно, со стороны такого свѣтлаго ума и знатока людей, какимъ былъ митрополитъ, это вниманіе было вызвано несомнѣнно качествами ума и характера протоіерея. Изъ семейныхъ разсказовъ сына Павла Круковскаго и его невѣстки обрисовывается симпатичными чертами личность этого старика, наблюдательнаго и умнаго, сдержаннаго и настойчиваго, постояннаго въ своихъ привязанностяхъ и симпатіяхъ. Въ немъ замѣчалась одна особенно цѣнная черта—стремленіе избѣгать всего мелочнаго, всякихъ житейскихъ дразгъ, встрѣчать молчаніемъ попытки унизить въ его глазахъ кого-либо, не только лицо, ему извѣстное, но даже совершенно постороннее. „Не можешь говорить о комъ-нибудь хорошо, лучше молчи; не хули, не унижай человѣка. Этимъ ты унизишь только самого себя“, нерѣдко говаривалъ онъ по поводу даже невинныхъ пересудовъ, столь обычныхъ въ уѣздной жизни.

Конечно, этотъ сдержанный человѣкъ, въ глухомъ захолустьи передумавшій не одну крѣпкую думу, шедшій навстрѣчу новой жизни, сблизившійся съ русскимъ общественнымъ и художественнымъ словомъ, долженъ былъ въ извѣстной степени импонировать тѣмъ, что было въ немъ честнаго, свѣтлаго и живого. Это обна-

руживалось въ бесѣдахъ съ тѣми умными выходцами изъ русскихъ губерній, которые для пытливаго туземца являлись живыми голосами коренной, могучей и широкой народности. Многое въ жизни Велико-россіи должно было плѣнять стараго протоіерея: и болѣе интенсивный ростъ духовныхъ интересовъ, и симпатичныя, открытыя черты народной личности, и роль духовенства, высокая и важная по идеѣ. Все, что дѣлаетъ симпатичными проявленія русскаго духа, раскрывалось передъ глазами вдумчиваго и умнаго протоіерея. Особенно любилъ онъ бесѣдовать съ Вадимомъ Денисовичемъ Давыдовымъ, сыномъ поэта-партизана двѣнадцатаго года. Вадимъ Давыдовъ занималъ мѣсто начальника штаба дивизіи, расположенной въ Шавельскомъ уѣздѣ по случаю польской смуты 1863 года. Образованный и умный офицеръ, происходившій изъ коренного русскаго рода, могъ сообщить протоіерею много интереснаго, между прочимъ изъ области умственного движенія, охватившаго тогда русское общество. Чутко прислушивался старикъ къ новымъ рѣчамъ, угадывая въ нихъ то, къ чему онъ и его земляки стремились въ теченіе долгихъ лѣтъ, настойчиво преодолевая и косность среды и тѣ препятствія, которыя ставила дѣлу возрожденія народности чуждая культура.

Тѣ же мысли развивалъ онъ въ бесѣдахъ съ своимъ сыномъ, молодымъ священникомъ. Старый протоіерей стоялъ за духовные интересы этой бѣдной паствы; замѣняя сына въ разѣздахъ по приходу—сынъ былъ и законоучителемъ гимназіи—онъ имѣлъ возможность познакомиться съ положеніемъ этихъ заброшенныхъ на далекую окраину русскихъ людей, бѣдныхъ поселенцевъ, лишенныхъ той опоры, которую даетъ простому человѣку сознаніе племенного единства, житейская сплоченность, живое преданіе старины. Много горькихъ думъ, тяжелыхъ впечатлѣній выносилъ отзывчивый старикъ изъ этихъ случайныхъ поѣздокъ и дѣлился ими съ близкими людьми, горько сѣтуя на малое вниманіе къ нуждамъ бѣднаго люда.

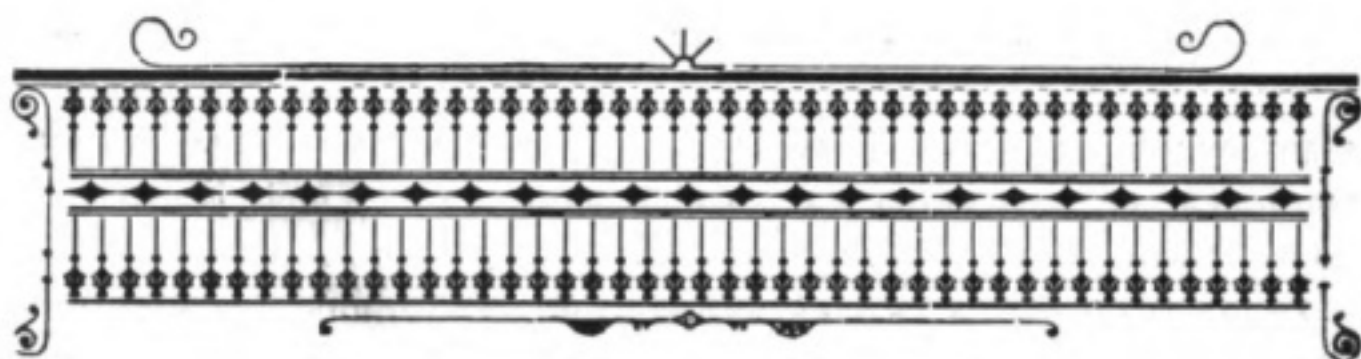
Въ послѣдніе годы жизни стараго протоіерея тянуло на родину, на старыя мѣста, въ родную БѢлоруссію. Онъ хотѣлъ провести послѣдніе годы въ той обстановкѣ, среди которой прошло лучшее время его жизни, хотѣлъ сложить старыя кости въ землѣ отцовъ. Извѣстіе о смерти митрополита Іосифа Сѣмашко глубоко поразило и опечалило старика. Въ бѢлорусскомъ архипастырѣ старый протоіерей читалъ духовнаго вождя своего племени; онъ понималъ, какъ важны для неустроеннаго, призваннаго къ новой жизни края нѣсколько лишнихъ лѣтъ разумной, проникнутой глубокой любовью къ родному народу дѣятельности. Для мѣстнаго духовенства, руководимаго просвѣщеннымъ іерархомъ, открывалось широкое поле

плодотворной работы. „Безъ него, съ тоскою говорилъ старый протоіерей, не подыметъ къ новой жизни нашъ край! Не будетъ уже въ БѢлоруссіи такого митрополита; никто не напавитъ новое поколѣніе духовенства къ завѣтамъ вѣчной правды, никто не вдохнетъ живой вѣры въ святое дѣло народнаго обновленія...“

Прошло около сорока лѣтъ, и слова стараго протоіерея оказались пророческими.

Адр. Круковскій.

Изъ недавняго прошлаго.

(Бытовые очерки).

Моя мать.

амое выдающееся мѣсто въ моихъ первыхъ воспоминаніяхъ принадлежитъ моей матери. Это была, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ ее, чрезвычайно самобытная и крупная личность; память о ней жива во всѣхъ, встрѣчавшихся съ нею людяхъ.

Живо представляю ее себѣ, какою знала я ее во время моего дѣтства: маленькая, подвижная старушка съ крупными, южно-славянскими чертами лица, большой носъ съ горбинкой; сѣрые глаза красиваго овала, прямо и свѣтло глядѣвшіе на собесѣдника; густые, темные волоса, гладко спускавшіеся на уши и образующіе на затылкѣ огромный узелъ. Одѣвалась она болѣе, чѣмъ просто, даже нѣсколько небрежно, и никакихъ модъ не признавала. Движенія ея были живы и порывисты, лишены всякой аффектаціи и вычурности. Что-то прямое, правдивое было въ ея обращеніи; иногда оно было не лишено нѣкоторой рѣзкости, которая проистекала отъ большой живости характера.

Священный огонь фантазіи жилъ въ ея душѣ до поздней старости и свѣтился во всемъ ея существѣ; въ этомъ состояло все обаяніе ея личности; оттого она, сама оставаясь вѣчно юною, могла сочувствовать молодежи, понимала чуткой, теплой душою увлеченія молодости и откликалась на ея порывы.

Она пользовалась любовью и довѣріемъ молодежи и имѣла на нее сильное вліяніе. Помню я, какъ во время первыхъ университетскихъ смутъ къ намъ въ деревню прислали двухъ увлекаю-

щихся юнцовъ; мать моя горячо съ ними бесѣдовала, убѣждала, успокаивала ихъ и потомъ нѣсколько лѣтъ оставалась съ ними въ перепискѣ.

Впослѣдствіи, будучи въ городѣ, она сблизилась съ ихъ семьями, а когда одинъ изъ нихъ заболѣлъ и умеръ, она ѣздила къ матери его, и онѣ вмѣстѣ оплакивали его. Да, сочувствовать чужому горю—это она умѣла, какъ никто другой. Ея прекрасные глаза наполнялись слезами, она забывала свое собственное я и вся поглощалась чужими страданіями.

Но и юморъ и веселость не были ей чужды, и подчасъ она умѣла отъ души смѣяться и шутить.

Чувство красоты лежало въ основѣ ея души. Особенно близка была ей красота природы: горы, зелень лѣсовъ приводили ее въ восторгъ; она писала масляными красками, исключительно, пейзажи.

Растенія и цвѣты пользовались ея особеннымъ вниманіемъ. Она любила сама работать въ саду, не гнушаясь никакой работой, сама копала землю, полола и поливала свои любимыя грядки, холила каждый отдѣльный цвѣтокъ, влагая въ него какъ бы живую душу.

И животныхъ любила она, особенно лошадей и собакъ. У нея много лѣтъ былъ сетеръ-гордонъ, который съ ней никогда не разставался, читалъ ея волю въ ея глазахъ и съ которымъ она вела цѣлыя бесѣды; когда онъ околѣлъ, она его оплакивала, какъ друга, и долго тосковала по немъ.

Такъ ея богатая фантазія одухотворяла все окружающее. Эта яркость чувства, это богатство воображенія составляли прелесть ея личности; но то же качество становилось иногда недостаткомъ, дѣлая ее страстной и несправедливой.

Чудная черта ея характера была любовь къ правдѣ. Несмотря на ея выдающіяся умственные и душевные качества, она всегда готова была съ трогательнымъ смиреніемъ признать свою вину и просить прощеніе все равно у кого бы то ни было, у своихъ дѣтей, у прислуги.

Къ своей прислугѣ она относилась очень душевно, входила въ ихъ семейныя дѣла, совѣтовала, помогала, защищала обиженныхъ. Отъ насъ требовала, чтобъ мы всегда были учтивы и предупредительны съ служащими намъ и не обременяли ихъ ненужными требованіями.

Она любила человѣчество съ тѣмъ пламеннымъ, мечтательнымъ идеализмомъ, который вырабатывался тогдашнимъ направленіемъ. Достоинство человѣка, его нравственное право на помощь и сочув-

ствіе своего болѣе счастливаго собрата, теплое участіе къ слабымъ и обездоленнымъ — были у ней ни на однихъ словахъ, а выливались въ ея жизни въ цѣлый рядъ человѣколюбивыхъ дѣлъ. Вообще она никогда не останавливалась на голословныхъ растабарываніяхъ, какъ это такъ часто встрѣчается у восторженныхъ и мечтательныхъ людей. Признавъ что-либо за истину, она смѣло и рѣшительно осуществляла свои убѣжденія въ жизни, хотя бы въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ.

Она прекрасно говорила и писала по-французски. Это былъ обычай дѣдовскихъ временъ. Ея современники не умѣли изъясняться правильно на родномъ языкѣ.

Мнѣ не разъ приходилось писать русскія письма за моихъ тетокъ. Но она опередила свой вѣкъ и бойко владела русскимъ словомъ и письмомъ¹⁾. Она очень интересовалась литературой, знала наизусть Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, читывала и Герцена и, будучи за границей, выписывала „Колоколъ“. Мой отецъ, будучи женихомъ, своей рукой списалъ всего Демона, тогда запрещеннаго цензурой, и подарилъ его своей невѣстѣ въ переплетѣ изъ фіолетоваго бархата. Помню изъ своего дѣтства, какъ мать часто цитировала цѣлыя сцены оттуда.

Знала она даже много анекдотовъ изъ частной жизни обоехъ поэтовъ, тогда современныхъ, и даже товарищей ея братьевъ и знакомыхъ. Сужденія ея о литературѣ имѣли много самобытнаго; никакихъ критиковъ она не признавала и судила только по своему индивидуальному чувству, страстному, часто одностороннему, но всегда созданному своимъ собственнымъ мышленіемъ.

Новое теченіе ей было совершенно непонятно и несимпатично. Реалистическое направленіе должно было ей остаться чуждымъ и по ея воспитанію и по складу ея ума. „Война и миръ“ вызывало въ ней только негодованіе; ей чудилось въ немъ униженіе любимыхъ національныхъ героев и высокаго народнаго эпоса, эпохи самопожертвованія и беззавѣтной любви къ родинѣ. Не говорю уже о Достоевскомъ. Онъ казался ей чѣмъ-то ужаснымъ и безнравственнымъ, и я долго не смѣла взять въ руки его сочиненій подъ впечатлѣніемъ ея взгляда на этого писателя, ставшаго позже моимъ учителемъ жизни.

Любимый предметъ ея чтенія была исторія, преимущественно отечественная. Любовь къ родинѣ, страстная, мечтательная, была самымъ сильнымъ ея чувствомъ и осталась таковымъ до конца, проявляясь даже въ послѣднемъ бредѣ умирающей.

¹⁾ Хотя о русской грамматикѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія.

Отечественные герои: Суворовъ, Александръ I, Кутузовъ ее увлекали. Она съ волненіемъ и восторгомъ читала намъ Отечественную войну Данилевскаго, Восточную войну Богдановича, Царствование Александра I Шильдера; она копила деньги и отказывала себѣ во всемъ, чтобъ пріобрѣсти эти дорогія изданія, часто повторяя, что они должны быть въ каждомъ русскомъ домѣ, и настойчиво приглашала и внуковъ своихъ къ изученію родной старины.

Подлѣ отечественной ее особенно интересовала французская исторія, преимущественно время революціи.

Она читала Тьера, Зибеля, Тэна, охотно сравнивала французскую революцію съ англійской, встрѣчая какія-нибудь черты схожія съ нашимъ направленіемъ, качала головою и съ горемъ повторяла: Боже, Боже, какъ это похоже на то, что дѣлается у насъ.

Любила она рассказывать о времени Севастопольской кампаніи, о подъемѣ духа, охватившаго общество, о глубокомъ горѣ и уныніи при нашихъ пораженіяхъ, о геройской готовности умирать за родину; рассказывала объ Императорѣ Николаѣ, котораго рыцарскій характеръ исполнялъ ее восхищенія; рассказывала, какъ онъ цѣлыми часами ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, ожидая курьера, или простаивалъ на молитвѣ, тоскливо ожидая вѣстей. А тогда вѣсти доходили до Петербурга не такъ, какъ теперь: курьеръ въ телѣгѣ скакалъ изъ Крыма восемь дней, не отдыхая нигдѣ, останавливаясь только, чтобы перепречь лошадей. Такъ мой дядя пріѣхалъ послѣ сраженія при Альмѣ и за эту форсированную поѣздку заплатилъ здоровьемъ всей жизни.

— И вотъ, говорила она, однажды докладываютъ Государю курьера. Была уже ночь.—Ввести,—приказываетъ Государь.—Ну, что?—трепетно спрашиваетъ онъ вошедшаго. „Побѣда, Ваше Величество!“ говоритъ на этотъ разъ курьеръ, и, рыдая, падаетъ Государь въ прахъ предъ иконой.

На этомъ мѣстѣ старушка каждый разъ заливалась слезами.

Рассказывала она о смерти Николая I, угасшаго отъ глубокой тоски; была она у гроба, поклонилась его царственнымъ останкамъ. Вообще, къ Царской семьѣ питала она чувство горячей привязанности. Отецъ ея, братья служили своимъ Государямъ и всѣ искренно были преданы своимъ Монархамъ. Съ любовью отзывалась она объ ихъ искренности, гуманности, любви къ Россіи. Особенно тепло относилась она къ Императору Александру III. Ея братъ былъ его воспитателемъ, она знала его лично и охотно, съ жаромъ говорила о его высокихъ нравственныхъ качествахъ, о его простотѣ, строгомъ исполненіи обязанности и чудной семейной жизни. Говорила она такъ же краснорѣчиво, какъ писала. Слогъ ея имѣлъ

часто нѣчто патетическое. Много тогда читали романовъ: выражались часто очень вычурно, и общая манера была не лишена шаржировки; но моя мать обладала такой яркой фантазіей и такимъ сильнымъ чувствомъ, что у ней паѳосъ былъ совершенно натуральнымъ, смягчался даже иногда веселымъ, шаловливымъ юморомъ, и рѣже другихъ впадалъ въ слащавую сантиментальность.

Она была очень религіозна, но не очень точно придерживалась православія, обряды котораго подвергала нерѣдко критикѣ. Часть ея семьи была протестантская, да и будучи за границей, она часто съ удовольствіемъ слушала протестантскихъ проповѣдниковъ, а потомъ приобрѣла ихъ сочиненія и перечитывала ихъ. Когда мы жили подолгу въ деревнѣ, гдѣ церковь была за двѣнадцать верстъ, она по воскреснымъ днямъ читала съ нами Евангеліе и какую-нибудь изъ этихъ проповѣдей, преимущественно французскихъ, такъ какъ нѣмецкимъ языкомъ владѣла плохо. Живя въ городѣ, она любила ходить въ церковь православную, любила пасхальную заутреню, крестопоклонную всенощную и великопостныя службы.

И откуда почерпнула она богатство мысли и теплоту чувствъ? Какія обстоятельства благопріятствовали развитію этой многосторонней натуры? Когда узнаешь ея дѣтство и молодость и видишь, какъ мало способствовали условія къ ея развитію, только диву даешься и спрашиваешь себя: откуда у ней это?

Ея дѣтство и молодость.

Она происходила изъ древняго дворянскаго рода, вышедшаго нѣкогда изъ Сербіи; отъ этого и южный типъ, сказывающійся въ орлиномъ носѣ и крупныхъ чертахъ лица. Отецъ ея былъ чѣмъ-то при дворѣ Екатерины и Александра I. Во всякомъ случаѣ, онъ участвовалъ въ русскомъ посольствѣ при дворѣ несчастнаго Людовика XVI. Еще теперь въ семьѣ хранятся крупные аметисты чудной воды, которыми украшенъ былъ его парадный кафтанъ при этомъ случаѣ. Воспитанъ онъ былъ какимъ-то французскимъ аббатомъ; человекъ онъ былъ чрезвычайно одаренный, мистикъ и даже массонъ. Въ складѣ ума, эксцентричности, страстности моя мать очень походила на него. Вторая его жена, моя бабушка, была иностранка, воспитанная въ Россіи. Она получила тщательное образованіе и сама много занималась воспитаніемъ своихъ многочисленныхъ дѣтей; но мужъ, нѣжно любившій ее, требовалъ ея присутствія и участія въ дѣлахъ, такъ что она должна была много предоставлять ихъ нянькамъ и гувернанткамъ, которыхъ, по обычаю

того времени, было много. „Мои бѣдныя дѣти, пишетъ она, слишкомъ предоставлены прислугѣ, но мужъ мой постоянно нуждается въ моей помощи“.

Кругъ знакомыхъ и друзей ихъ составляли тѣсный кружокъ, собиравшійся разъ въ недѣлю, съ цѣлью обсужденія разныхъ умственныхъ и нравственныхъ вопросовъ. Тема задавалась кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ, и къ слѣдующему разу каждый изъ членовъ кружка приносилъ письменный отвѣтъ. Все это, конечно, велось и устно, и письменно на французскомъ языкѣ, который тогда составлялъ языкъ образованнаго общества. Вопросы ставились очень разнообразныя и вытекали, очевидно, изъ переживаемаго.

Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ заданныхъ темъ:

Какъ легче узнать человѣка: въ обыденной ли жизни или въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ? Какая ваша любимая наука? Какъ можно легче всего достичь счастья? Кто надежнѣе въ добродѣтели: тотъ ли, который никогда отъ нея не отступалъ, или тотъ, который вновь къ ней обращается? Какой недостатокъ тяжелѣе всего переносить въ человѣкѣ? Какими качествами должна обладать женщина?

Послѣ 12-го года начало всплывать въ русскомъ обществѣ желаніе говорить и писать на родномъ языкѣ, хотя для многихъ это представляло почти непреодолимую трудность. Этотъ вопросъ былъ поднятъ и на литературныхъ вечерахъ моего дѣда. Кто-то предложилъ писать по-русски. Образчики и французскихъ и русскихъ сочиненій сохранились по сіе время. Прилагаю нѣкоторыя изъ нихъ въ концѣ моихъ записокъ.

И отецъ, и мать оба занимались первымъ обученіемъ своихъ дѣтей, при чемъ мать занималась преимущественно старшими дочерьми, отецъ же училъ маленькихъ русской грамотѣ и ариѳметикѣ. Въ методѣ обученія обоихъ родителей сказывается ихъ индивидуальный характеръ и особенности національности. Отецъ, пылкій и нетерпѣливый, за прилежаніе и успѣхъ давалъ шоколадныя лепешки, за невниманіе и лѣнь—щелчка. Мать обучала терпѣливо и систематично, безъ лепешекъ и безъ подзатыльниковъ. Дѣти спорили между собою, у кого лучше учиться: у папеньки, или у маменьки. Вообще же, дѣти относились съ глубочайшимъ, безусловнымъ почтеніемъ къ родителямъ, не допуская ни малѣйшей критики ихъ дѣйствій или сужденій. И впослѣдствіи, какъ мать моя, такъ и ея сестры и братья, вспоминали родителей съ благоговѣніемъ, сохраняя, какъ святыню, малѣйшую вещь, имъ принадлежащую.

Несмотря на то, что отецъ былъ человѣкъ богатый, камергеръ

при Императорскомъ Дворѣ, простота, въ которой они воспитывали свою многочисленную семью, представляетъ контрастъ съ нынѣшними нравами.

Дѣвочки ходили въ ситцевыхъ или кисейныхъ платьяхъ, которыя шились съ большимъ „запасомъ“ и переходили отъ одной къ другой, иногда къ третьей, несмотря на то, что давно полиняло, такъ что выпущенный „запасъ“ оказывался совершенно другого цвѣта, чѣмъ остальное платье. Такъ, существовало и впослѣдствіи жило въ воспоминаніи извѣстное платье съ огромными зелеными узорами, „платье съ огурцами“, которое перешло къ моей матери, какъ четвертой, и ожидалось младшими съ вожделѣніемъ.

Столъ тоже отличался простотой и обиліемъ. Прислуга была своя, крѣпостная; людей было множество; всѣ они были очень дурно одѣты, были грязны и лѣнны и не имѣли понятія о работѣ.

На лѣто вся семья перекочевывала въ деревню, отстоявшую отъ Петербурга на сто верстъ. Туда посылали впередъ цѣлый караванъ подводъ: поваръ и его помощники, посуда, бѣлье — все тащилось туда. Семью перевозили въ нѣсколькихъ каретахъ; въ первой сидѣли папенька съ маменькой и старшей, любимой дочерью; потомъ дѣвочки со своей гувернанткой, мальчики съ учителемъ, дѣти съ нянькой и кормилицей.

По дорогѣ кормили лошадей, отдыхали и къ вечеру приѣзжали въ свое родное любимое гнѣздо.

Жизнь въ деревнѣ представлялась дѣтямъ какимъ-то раемъ и еще въ старости вспоминалась съ восторгомъ.

Отецъ, строгій и неприступный въ городѣ, отдавался тутъ семейной жизни. Устраивались катанья на длинныхъ линейкахъ на сѣнокосъ, за грибами. Послѣ обѣда отецъ водилъ дѣтей въ грунтовой сарай, гдѣ имъ позволялось наѣдаться вдоволь, только подъ условіемъ, чтобы не уносить съ собой. По вечерамъ отецъ затѣивалъ общія игры въ огромномъ залѣ и принималъ въ нихъ участіе. 1-го августа, въ день престольнаго праздника, вся семья, даже мать-протестантка, ѣхала къ обѣднѣ, а потомъ отправлялась на пироги къ сельскому священнику, гдѣ ихъ угощали чаемъ и медомъ съ огурцами. Мать моя любила рассказывать при этомъ анекдотъ о своемъ любимомъ братѣ, рѣзвомъ шалунѣ Васѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого дня, чтобы угоститься огурцами съ медомъ. И вотъ однажды, когда они сидѣли у батюшки, не подали за чаемъ ни того, ни другого. Подождавъ напрасно, Вася скромно спросилъ: „Батюшка, что ваши пчелки, какъ поживаютъ, хорошо ли работаютъ?“ — Благодарить Бога, отлично, — отвѣчалъ священникъ. „А огорода вашъ удался ли, много ли у васъ уродилось огурчиковъ?“ —

продолжалъ маленькій дипломатъ. — О, да, много! Мать-попадья, вели подать дорогимъ гостямъ меду и огурцовъ, — сказалъ батюшка, Отецъ строго посмотрѣлъ на Васю. — За то, что ты посмѣлъ спросить, — сказалъ онъ ему тихо, — ты не получишь ни того, ни другого. — И Вася, опустивъ глаза, долженъ былъ отказаться отъ желаннаго угощенія и терпѣть Танталовы мученія, при видѣ удовольствія, съ какимъ другія дѣти уписывали любимое лакомство.

Въ этомъ вольномъ, счастливомъ житѣ въ деревнѣ было, очевидно, положено начало любви моей матери къ деревенской жизни. Но недолго длились эти безоблачные дни дѣтства. Умерла заботливая, высокообразованная мать, отецъ женился на другой, и началось сиротское существованіе дѣтей подъ властью француженки, *m-elle de Bugenne*, которая тиранила ихъ, наказывала сурово и ничему не могла обучить, кромѣ французскаго языка. Когда матери моей минуло одиннадцать лѣтъ, умеръ ея отецъ, и мачеха раздала дѣтей, кого по пансіонамъ, кого по институтамъ.

Мать моя и младшая ея сестра, Вѣра, были отданы въ Смольный. Не добромъ вспоминала она о своемъ пребываніи тамъ. Сухое обращеніе съ дѣвцами, плохіе методы преподаванія, дурная пища, стадное отношеніе, не принимающее въ соображеніе личныхъ свойствъ воспитанницъ — вотъ какія впечатлѣнія вынесла она. Ея самостоятельный характеръ сильно страдалъ, она ушла въ себя, никому не открывалась, ни съ кѣмъ не сходилась и осталась чужда классу, исключая одной подруги, дочери французскаго эмигранта, съ которой крѣпко подружилась; эта дружба продолжалась всю жизнь, безъ размолвокъ, безъ недоразумѣній, и кончилась только смертью. Послѣ окончанія курса мать моя была взята одной изъ замужнихъ сестеръ, у которой ей жилось привольно. Но семейный совѣтъ, состоявшій изъ тетки и двухъ старшихъ сестеръ (мачеха окончательно отказалась отъ своихъ падчерицъ и пасынковъ), рѣшилъ, что ей будетъ полезнѣе перейти въ болѣе „систематическія“ руки и, не спрося ея согласія, ее взяли отъ сестры. До старости не могла моя мать простить имъ этого произвола.

Насколько принятые авторитеты уважались безусловно въ то время, видно изъ отношенія взрослыхъ дѣтей къ своей мачехѣ, выказавшей относительно ихъ такую черствость и безсердечность. До конца ея жизни онѣ выказывали ей внѣшній почетъ, называли ее *таман*, ѣздили и возили своихъ дѣтей поздравлять ее въ день именинъ. Тетка, взявшая ее къ себѣ, повезла ее съ двумя сестрами, Екатериной и Вѣрой, въ Дрезденъ, гдѣ провели онѣ полтора года. Много новыхъ впечатлѣній вынесла моя мать изъ этого времени, хотя и очень страдала она тоской по родинѣ. Она брала уроки жи-

вописи и посѣщала чудную галерею. Сестры ея занимались музыкой. Мелкій деспотизмъ тетки нѣсколько отравлялъ ей жизнь, но все же ея кругозоръ очень расширился, и она съ удовольствіемъ вспоминала это время.

По возвращеніи въ Россію, всѣ три сестры поселились самостоятельно, подъ покровительствомъ старшаго, женатаго, брата, который, получивъ въ это время огромное наслѣдство, выступилъ впервые патріархомъ семьи, — роль, которую достойно выполнялъ до конца своей жизни. Онъ отдѣлялъ сестрамъ маленькую квартиру въ верхнемъ этажѣ своего дома. Тамъ онѣ могли принимать своихъ гостей, заниматься каждая своимъ любимымъ искусствомъ, брать уроки, однимъ словомъ—онѣ были полными хозяйками. Внизъ онѣ приходили обѣдать, съ невесткой выѣзжали въ свѣтъ и дѣлили съ ней обязанности хозяйекъ дома, когда у ней были гости. Чрезвычайно деликатная, эта невестка всячески старалась способствовать пріятности ихъ жизни и имѣла только одну слабость — желаніе выдать ихъ замужъ. Но никто изъ трехъ не отзывался на ея планы; имъ милѣй всего была ихъ волюшка и жилось такъ весело и хорошо, что женихи и на умъ не шли.

Интересное явленіе, рѣдкое въ то время, представляли эти три дѣвицы. Тогда вся жизнь молодыхъ дѣвушекъ заключалась въ выѣздахъ или усовершенствованіи „dans l'art de plaire“, чтобы показать себя и выбрать жениха. А онѣ шли своею дорогою, увлекались своими интересами, ничуть не смущаясь общими обычаями.

Братья приходили къ нимъ въ гости, проводили у нихъ вечера, принося имъ новинки изъ литературы, устраивали общія чтенія, во время которыхъ моя мать занималась живописью или красивыми работами — вышиваніемъ, вязаніемъ шерстяныхъ одѣялъ и фуфаякъ. Практическая сторона жизни вовсе не касалась ихъ — и такъ и осталась имъ чуждой навсегда.

Средства ихъ были очень неравномѣрно распредѣлены. Каждая изъ нихъ получила отъ отца въ наслѣдство имѣніе въ Новгородской губерніи. Управлялъ ими одинъ изъ братьевъ. Но братья, какъ и онѣ, не отличались практическимъ смысломъ и довольствовались тѣмъ, что получали отчеты управляющихъ и передавали полученные доходы сестрамъ. Иногда денегъ было много, и тогда сестры жили роскошно (по-своему), покупали картины, книги, дѣлали всѣмъ подарки, къ чему имѣли всѣ три большое пристрастіе.

Но бывали и времена скудости; управляющіе извѣщали о неурожаяхъ, о бѣдствіяхъ, которые принимались на-слово. Тогда не было достаточно денегъ, чтобы купить себѣ теплыхъ перчатокъ, и сестры жались и экономничали. Эта неравномѣрная и необдуман-

ная трата денегъ навсегда осталась отличительной общей чертой всѣхъ трехъ сестеръ и моей матери въ особенности. Она умѣла въ тяжелыя времена отказывать себѣ во всемъ, не жалуясь, даже удивительно мало страдая отъ недостатка, но когда наступало время прилива, она тратила много, непронизводительно, но преимущественно удѣляя другимъ отъ своего достатка. Сама на себя тратила немного. Туалетомъ не дорожила, красоту свою ни во что не ставила и впечатлѣніемъ своимъ на людей пренебрегала. Подруга моей матери говаривала про нее: „Le necessaire est du luxe pour elle, mais le luxe lui est necessaire“.

Однажды, лѣтомъ, она съ сестрой Екатериной (въ то время Вѣра уже была замужемъ) и двумя братьями сдѣлала путешествіе въ свое имѣніе. Тутъ проснулась ея любовь къ деревнѣ, зародившаяся въ дѣтствѣ и на время затухшая. Она стала принимать живѣйшее участіе въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ ея брата. Всѣ они восхищались красотой мѣстоположенія, живописными холмами и озерами этой мѣстности. Было положено основаніе красивому барскому дому, въ которомъ суждено было ей впослѣдствіи воспитывать своихъ дѣтей. Разбить былъ планъ громаднаго сада и березовой рощи, окружающей его и понынѣ.

Къ этому же времени относится и поѣздка моей матери за границу. Старшій братъ ея долженъ былъ сопровождать одну великокняжескую чету въ ея путешествіи по Италіи. Его жена ѣхала съ нимъ; поѣхала и моя мать.

Ѣхали они не по-нынѣшнему—въ своихъ каретахъ, перемѣняя лошадей, таща съ собою прислугу и громадный багажъ. Но зато имѣлось гораздо болѣе досуга и возможности изучать мѣстность. Самыя интересныя воспоминанія моя мать сохранила о Венеціи, Римѣ и Неаполѣ. Художественная натура ея получила тутъ богатую пищу; но, самобытная и не поддающаяся чужому вліянію, она еще больше вынесла изъ итальянской природы, чѣмъ изъ галлерей, которыя она обязательно посѣщала съ невесткой. Она любила рассказывать намъ о дивныхъ мраморныхъ дворцахъ Венеціи, о развалинахъ древняго Рима и о его великолѣпномъ храмѣ. Она привезла оттуда цѣлую коллекцію гравюръ; вѣдь, тогда еще не существовала фотографія, которая такъ дешево и разнообразно знакомитъ насъ теперь съ невиданными мѣстностями. Но на первомъ планѣ запечатлѣлись въ ея памяти: южное небо и море, грозный Везувій, краски итальянскаго пейзажа, нѣжныя и все-таки яркія и теплыя.

Придворная жизнь не привлекла ее, и когда ей было предложено остаться при дворѣ, она отклонила предложеніе. „Мнѣ милѣй

всего моя волюшка“, сказала она словами пѣсни. Возвратясь въ Россію, она опять усердно взялась за живопись. Дядя мой былъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса, а черезъ нѣсколько лѣтъ—воспитателемъ Великихъ Князей. Онъ далъ для своихъ воспитанниковъ рядъ блестящихъ вечеровъ, на которыхъ бывала и моя мать, помогая хозяйкѣ дома занимать гостей. Но блескъ и роскошь свѣта не привлекали ее. Она берегла свои силы на другое поприще.

Замужъ она вышла, очень ужъ не молодая, за человѣка гораздо моложе себя, больного, обреченнаго врачами на короткую жизнь. Вся сила самоотверженной любви, скрывавшаяся въ этой богатой натурѣ, вышла наружу при этомъ случаѣ и нашла себѣ достойное поле дѣйствія. Здоровая, красивая, полная жизненныхъ силъ, она вся отдалась уходу за больнымъ мужемъ, который, благодаря своему счастью, еще на нѣкоторое время вострепнулся, оправился и ожилъ.

Отецъ мой служилъ въ судебной палатѣ и былъ юристомъ до мозга костей. Воспитаніе свое онъ получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Воспитанники первыхъ выпусковъ носили на себѣ особую печать восторженнаго патріотизма и горячей любви къ своему дѣлу. Они собирались между собою, поддерживали другъ друга въ благородныхъ стремленіяхъ. Они почитали себя носителями правды, защитниками добра и вѣрили въ свое священное призваніе. Интересно читать теперь переписку моего отца со своими товарищами. Теперь семнадцатилѣтній юноша стыдится проявить какое-либо теплое чувство, любовь къ родинѣ, къ другу, къ семьѣ.

Тогдашнія письма kloпочуть горячимъ чувствомъ, сердечныя изліянія правовѣдовъ такъ дѣтски-непосредственны и трогательны.

Мать моя принимала живѣйшее участіе въ ихъ собраніяхъ и интересахъ, не только какъ любезная хозяйка дома, но какъ умная женщина, какъ вѣрный товарищъ восторженныхъ идеаловъ своего мужа.

Лѣтніе вакалы родители мои проводили въ любимой деревнѣ моей матери, которую и отецъ мой страстно любилъ. Имѣя много практическаго смысла, онъ принялся за управленіе запущеннаго имѣнія и въ короткое время сдѣлалъ много дѣльныхъ распоряженій, напр. запретилъ безсмысленную рубку лѣсовъ подъ лядины (по-новгородски новины), завелъ хорошій скотъ, выписалъ швейцарца-сыровара. И о крестьянахъ онъ позаботился. Онъ устроилъ въ усадьбѣ школу для крестьянскихъ дѣтей. Родители это не цѣнили и даже слегка противились. Брали мальчиковъ и дѣвочекъ изъ большихъ семей и только послѣ окончанія полевыхъ работъ. Тѣмъ не менѣе

матери плакали о нихъ, какъ о рекрутахъ, и всячески старались отторговать ихъ. Дѣти изъ дальнихъ деревень жили въ дворовой избѣ, брали съ собою изъ дому хлѣбъ, приварокъ же получали даромъ и, конечно, даромъ тоже книги и учебныя пособія. Когда объявлено было освобожденіе крестьянъ, первымъ дѣломъ ихъ была просьба, чтобы тотчасъ же, не откладывая, отмѣнено было обязательное обученіе. Съ неудовольствіемъ тоже принимали они распоряженіе отца моего объ отдачѣ въ ученіе мастерамъ нѣкоторыхъ мальчиковъ.

Они смотрѣли на подрастающихъ дѣтей, какъ на рабочую силу, которой они хотѣли пользоваться тотчасъ, для себя, не принимая въ соображеніе будущаго. Тѣ, которые еще не кончили ученія, были взяты обратно. На мою память было съ того времени—одинъ горшечникъ, одинъ шорникъ, одинъ кузнецъ, одинъ столяръ. Грамотныхъ же тоже помню не много, человѣкъ десять.

Какая разница съ настоящимъ временемъ! Теперь крестьяне нашей деревни, не имѣя еще земской школы, нанимаютъ на свои средства странствующаго педагога и обучаютъ своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, которые рвутся, чтобы поступить въ школу. Но не долго длилась полезная дѣятельность моего отца.

Въ 1858 году онъ безнадежно заболѣлъ, потомъ ослѣпъ, и мать моя повезла его за границу, гдѣ она два года ходила за нимъ съ величайшей преданностью, и откуда она привезла его умирающимъ.

Мое дѣтство.

Послѣ смерти отца моего, обѣ семьи приняли сердечное участіе во вдовствѣ моей матери. Братья и сестры моего отца высоко цѣнили самоотверженіе, съ которымъ она ходила за больнымъ. Всѣ старались облегчить ей ея одинокое положеніе.

Одинъ изъ деверей предложилъ ей переѣхать къ нему. Тоже ея старшій братъ пригласилъ ее поселиться въ его домѣ, другой ея братъ желалъ усыновить одну изъ ея дочерей.

Но самостоятельность моей матери взяла верхъ надъ ея любовью къ родственникамъ, и она приняла смѣлое рѣшеніе уѣхать съ нами на постоянное житіе въ деревню, для того, чтобы безпрепятственно отдаться нашему воспитанію внѣ всякаго посторонняго вліянія.

При ея общительности, при ея привычкѣ къ обществу и къ комфорту, можно только удивляться этому рѣшенію, и еще больше удивляться тому постоянству, съ которымъ она осталась при немъ,

съ ними обращаться, ни ихъ поправлять, не говоря уже о неподготовленности почвы (массы камней, мѣшающихъ работѣ машинъ) и о глубокомъ предубѣжденіи невѣжественныхъ работниковъ и служащихъ противъ каждаго новшества. Управляющій былъ совершенно не на высотѣ такого затруднительнаго положенія. И, правду сказать, въ то время общее мнѣніе было таково, что сельское хозяйство не требовало ни знаній, ни способностей, и шли въ управляющіе только недоучки и неудачники. При такихъ обстоятельствахъ не трудно понять, что денежные дѣла моей матери пошли очень плохо. Тутъ-то проявила она всю величину своего духа. Несмотря на тяжкое свое положеніе, тѣмъ болѣе тяжкое, что по своей непрактичности она вовсе не была способна распутаться въ этомъ лабиринтѣ, она бодро несла бремя жизни. Представьте себѣ эту женщину, всю жизнь свою проведенную въ образованномъ кругу, безъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, въ богатомъ домѣ брата; представьте ее себѣ въ обществѣ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, посреди совершенно темнаго люда, посреди массы лишеній и неудобствъ! Только неизсякаемый ея идеализмъ помогъ ей перенести тяжесть этого переходнаго времени. Она страстно увлекалась великой реформой и личныя затрудненія почитала за ничто подлѣ великаго дѣла воспитанія въ народѣ чувства свободы и самоотвѣтственности. Со всѣмъ, свойственнымъ ей, энтузіазмомъ она слѣдила за совершающимся переворотомъ, почитая за счастье, когда могла хотя бы мелочью какою-нибудь способствовать успѣху общаго дѣла. Она принимала у себя первыхъ земскихъ дѣятелей, знакомилась съ ними, переписывалась съ ними, воодушевляла ихъ къ ихъ великой задачѣ. Правду сказать, мало было людей, подготовленныхъ къ новой дѣятельности.

Молодежь увлекалась смутными филантропическими идеалами. Любовь и восхищеніе „русскимъ мужикомъ“ принимали своеобразныя формы, часто смѣшныя и бессмысленныя. Одѣвались въ національные костюмы: русскія рубашки, поддевки, сарафаны; употребляли въ рѣчи простонародные обороты; *шли въ народъ*. Сами крестьяне нѣсколько презрительно относились къ такому заискиванію, своимъ вѣрнымъ, здоровымъ чутьемъ чувствуя фальшь. Вмѣсто того, чтобы свои знанія употреблять для развитія темныхъ людей, старались уподобиться имъ и идеализировали эту тьму.

Другіе удовольствовались дутыми фразами и, въ сущности, стремились только къ удовлетворенію личныхъ интересовъ. Никто не былъ практически подготовленъ разобратъ въ массѣ мелкихъ затрудненій, недомолвокъ, созданныхъ новымъ положеніемъ, не всегда легкомъ и для самихъ крестьянъ, непривычныхъ распоряжаться своимъ временемъ и своими силами.

Отношенія съ нашими бывшими крѣпостными остались самыя хорошія. Отовсюду приходили за помощью, за совѣтомъ. Всегда готовая помочь или принять участіе, мать моя задавалась широкими планами воспитать окружающую темноту. Она не жалѣла ни времени, ни денегъ, хотя ихъ было и очень мало, чтобы просвѣщать своихъ крестьянъ. Она доставала имъ тонкорунныхъ овецъ для развода, покупала кразы и прялки, учила дѣвушекъ прясть на нихъ, вмѣсто того, чтобы, по старинному способу, прясть на самопряхахъ; она раздавала имъ огородныя сѣмена, кусты ягодъ, учила прививать яблони.

Жаль, что недостатокъ практическаго смысла много умалялъ пользу ея уроковъ. Много положено горячей любви и самоотверженнаго труда въ ея дѣятельность въ деревнѣ, но многое осталось непонятымъ и неиспользованнымъ именно по этой причинѣ. Къ бѣднымъ и больнымъ имѣла она особенную заботу. Помню, по воскресеньямъ мы, дѣвочки, съ нею вмѣстѣ шили и вязали разные платица и платочки для бѣдныхъ. Она любила сама посѣщать больныхъ и была неутомима въ уходѣ за страждущими. Медицина ее очень интересовала; она любила расспрашивать, при случаѣ, врачей и даже переписывалась съ нѣкоторыми изъ нихъ, выписывала лечебники, лекарства и дѣятельно занималась составленіемъ настоекъ и порошковъ. Много было и странныхъ „домашнихъ“ средствъ въ ея аптекѣ. Отъ горловой боли наматывали девять красныхъ шерстинокъ вокругъ горла. Для ранъ настаивали на деревянномъ маслѣ звѣробой; отъ водянки давали сушеные листочки моршки; собирали и сушили землянику, липовый цвѣтъ; отъ золотухи варили варенье изъ калины, заставляли пить морковный сокъ и отваръ изъ молодой крапивы. Врачъ былъ за 25 верстъ, да и немногимъ больше, чѣмъ она, понималъ онъ свое дѣло, предпочитая сидѣть за карточнымъ столомъ за стаканомъ чая, чѣмъ трястись по ухабамъ и лазать по душнымъ, грязнымъ избамъ; а она пылала желаніемъ облегчить страданія бѣдняковъ. И приходили, и прѣзжали къ ней бабы за тридцать верстъ. Иногда ея леченія бывали очень оригинальны, и не знаю, чему приписать ихъ успѣхъ. Помню, у насъ заболѣла судомойка нервной горячкой, какъ говорила мать. Больная третью недѣлю лежала съ запекшимися губами и закрытыми глазами и даже перестала просить пить. Пузырь со льдомъ лежалъ на ея головѣ; она больше не говорила и ни на что не обращала вниманіе. Прислала намъ тетушка изъ Петербурга чудныхъ грушъ и яблоковъ. Мама очистила ломтикъ сочной груши и поднесла къ губамъ умирающей. Она немного открыла глаза и потянула губами ломтикъ. Подождавши, мама всунула ей опять

ломтикъ въ ротъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Такъ она скормила всю грушу. На слѣдующій день — то же. На третій день больная уже поглядѣла на грушу.

Мать отобрала у насъ всѣ присланные фрукты и начала ежедневно кормить больную, которая, видимо, стала поправляться. Когда она съѣла весь имѣющійся у насъ запасъ, мать послала по деревнямъ искать яблоковъ; годъ былъ неурожайный, и во всей мѣстности не было ихъ. Верховой объѣздила окрестности и наконецъ гдѣ-то достала кислыхъ туземныхъ яблоковъ. Неприхотливая больная удовольствовалась ими и питалась яблоками до своего полного выздоровленія.

Другой разъ свирѣпствовалъ по деревнямъ возвратный тифъ; цѣлыя семьи лежали, некому было печь затопить, некому подать пить больнымъ, томящимся жаждой.

Мать сама, взявъ насъ, подростковъ, на помощь, обходила избы. Въ передникъ она насыпала клюквы, по карманамъ разложила чаю и сахару—и больные, ободренные ея теплымъ участіемъ, подкрѣпленные рѣдкимъ въ то время напиткомъ, поправлялись и твердо вѣрили въ ея врачебное искусство. Во всякомъ случаѣ, въ нашей деревнѣ не умерло ни одного человѣка, и это приписывали ей.

Домашнимъ хозяйствомъ мать моя не любила заниматься, развѣ только заправляла лѣтомъ варкой варенья. Вся практическая часть дѣла лежала на моей нянѣ, старушкѣ-нѣжкѣ, Минѣ Ивановнѣ, которая выдавала провизію, слѣдила за людьми, шила и вязала на насъ. А это было не маловажное дѣло, такъ какъ въ то время не существовало ни швейныхъ, ни вязальныхъ машинъ. Мать же моя никогда не могла выучиться шить и вязать чулки, хотя умѣла красиво вышивать и вязала крючкомъ всевозможныя кружева, юбки и одѣяла. Но никогда ей не удавалось произвести два равныя рукава или чулка. Таково было тогдашнее воспитаніе.

Очень страдала она отъ одиночества и впослѣдствіи рассказывала намъ, какое иногда нападало на нее уныніе. На недостатокъ денегъ и на лишнія роскоши она мало обращала вниманія, такъ что и въ разсказахъ вовсе не упоминала о нихъ. Насъ, дѣтей, она любила страстно, неустанно ухаживала за нами, когда мы были больны, сама проводила около насъ ночи и не довѣряла насъ никому. Никогда она не могла рѣшиться отдать насъ въ школу или институтъ. Гувернантки не жили у насъ подолгу: имъ было слишкомъ скучно и одиноко и, можетъ быть, мать не умѣла втянуть въ семейную жизнь чужую личность. Нѣкоторые уроки она давала сама, даже для себя выписала русскую грамматику и сама приготовлялась къ урокамъ. Учила насъ тоже по-французски, рисованію и читала съ нами различныя историческія книги.

Мы ее очень любили и благоговѣли передъ ней, но порядочно побаивались, такъ какъ при своей огромной живости она была нетерпѣлива и рѣзка. При своемъ чистомъ идеализмѣ, любви къ правдѣ и чуткости ко всему, она была способна разбудить въ молодомъ сердцѣ любовь къ добру, воодушевить его ко всему возвышенному; но спокойная, терпѣливая работа, путемъ добрыхъ привычекъ достигающая гармоничнаго развитія характера — была не въ ея натурѣ.

Утѣху ей въ это тяжелое переходное время составлялъ любимый ею садъ. Не имѣя болѣе средствъ держать садовника, она сама руководила работами, любила прикладывать свой трудъ къ дѣлу: сама поливала, полола, пересаживала, прививала. Ея трудами разрослся цѣлый питомникъ молодыхъ дубковъ, выведенныхъ ею изъ желудей, цѣлая группа красивыхъ, молодыхъ ясеней, кленовъ, кедровъ и нихтъ. Передъ домомъ была ея любимая грядка съ альпійскими луковичками, подснежниками, сириса, крокусами, гіацинтами. Далѣе грядка съ бѣлыми лиліями и огромная куртина розъ. Въ сторонѣ былъ фруктовый садъ, который и теперь, у внуковъ, называется: бабушкинъ садъ. Она страстно любила возиться въ своихъ яблоняхъ и часто говаривала: „Когда я попаду къ Господу Богу, Онъ, навѣрное, сдѣлаетъ меня Своимъ садовникомъ“. Много и тутъ испытала она разочарованій. Суровый климатъ вредилъ ея посадкамъ; воры, гусеницы, жуки портили ея труды. Помню я одну жестокую зиму, послѣ которой вымерзли всѣ ея яблони. Она очень о нихъ горевала, но ея энергія вскорѣ пробудилась вновь, и изъ послѣднихъ средствъ были выписаны новыя деревья, и сама она привила нѣсколько дичковъ, и опять заполнились опустѣвшіе ряды.

Большое наслажденіе доставляла ей красота окрестныхъ мѣстъ. Въ лѣтніе, хорошіе дни запрягали намъ телѣжку; мы брали съ собою бутерброды; кто-нибудь изъ насъ садился за кучера на козлы, и мы отправлялись на далекую поѣздку: гдѣ-нибудь около озера, на холмѣ, на лужайкѣ, у опушки лѣса или на крутомъ берегу рѣчки мы вылѣзали, садились на траву и любовались видомъ, а мать вынимала карандаши или политуру и старалась воспроизвести краски и группы зелени. Хаживали мы съ ней и за ландышами, и за ночными фіалками, и за ягодами, и за грибами, которыхъ было множество въ нашихъ лѣсахъ.

Бывало, отошлемъ кучера домой, велимъ ему вернуться часа черезъ три-четыре въ условленное мѣсто, а сами пойдемъ по кустамъ, вдоль дороги. Всякое дерево, всякая тропинка намъ знакомы; у каждой свои примѣченныя мѣста, которыя сохраняешь втайнѣ. Наполняются корзины, высыплешь ихъ около дороги и опять углуб-

ляешься въ лѣсъ. Усталыя, наконецъ, сойдемся и сядемъ на пригоркѣ въ ожиданіи возвращенія кучера. Вотъ застучали знакомымъ шумомъ колеса; откликнешься, подъѣдетъ кучеръ, насыплешь въ телѣжку грибы и ѣдешь домой, вылѣзая на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ спрятаны грибы. Приѣхавъ домой, вывалишь грибы на балконъ, и начнешь ихъ разбирать и сортировать: которые на маринованіе, которые на сушку, которые прямо на сковороду. И какъ было весело переговариваться, вспоминать, кто какой грибъ нашелъ, и гдѣ онъ стоялъ, и какъ былъ найденъ. Мать моя всецѣло принимала живѣйшее участіе въ этомъ занятіи.

Изрѣдка намъ приходилось ѣздить въ нашъ уѣздный городъ, отстоявшій отъ нашего имѣнія на 25 верстъ.

Это былъ очень незначительный городишко, лежащій вдоль шоссе, соединяющаго Петербургъ съ Москвою.

Нѣкогда это былъ пунктъ остановки для отдыха путешественниковъ и мѣсто жительства множества ямщиковъ и кузнецовъ. Въ то время, когда я его помню, онъ потерялъ свое прежнее значеніе, благодаря проведенной изъ столицы въ столицу желѣзной дороги и представлялъ изъ себя только центръ пробуждающейся земской дѣятельности. Тутъ собиралось Уѣздное Земское Собраніе, тутъ работала Земская Управа и жило семь-восемь семействъ служащихъ разныхъ вѣдомствъ: судья, врачъ, исправникъ, воинскій начальникъ и пр.

Хотя мы знали ихъ и изрѣдка они посѣщали насъ при проѣздѣ въ уѣздъ, но мы очень рѣдко бывали у нихъ. Дамское общество было особенно неинтересно. Общимъ интересомъ всего общества являлись почти исключительно карты: дамы занимались кромѣ того тузетами и сплетнями. До всего этого мать моя была не охотница, и поэтому ей было жутко въ уѣздной атмосферѣ. И для насъ она считала нежелательнымъ общество молодежи, въ которое входили безъ выбора между прочимъ дочки совершенно необразованныхъ купцовъ, которыхъ цивилизація коснулась только съ внѣшней стороны, и ухарскіе молодые купчики, имѣвшіе очень развязныя манеры и очень мало образованія.

Расположенъ этотъ городокъ былъ чрезвычайно живописно, по склонамъ нѣсколькихъ холмовъ, на берегу огромнаго озера. Посреди озера, на трехъ островахъ, стоитъ старинный монастырь, окруженный чуднымъ сосновымъ лѣсомъ. Однажды мать ѣздила съ нами туда говѣть. Ясно помню жаркій лѣтній день въ Успенскомъ посту. Съ нами была еще старая родственница и ея воспитанникъ, мальчикъ лѣтъ 11-ти. Мы переѣхали на паромѣ.

Такъ какъ въ монастырѣ не полагалось останавливаться жен-

щинамъ, намъ отвели двѣ комнатки въ наружной, каменной стѣнѣ, окаймляющей монастырь. Цѣлый день мы, дѣти, играли въ песокъ. подъ громадными соснами; мысли наши вовсе не были заняты молитвой, которой предавались старшія; мы довольно неохотно отстаивали утомительно-длинные монастырскія службы; ужъ очень хорошо было сидѣть на берегу и слушать мѣрный плескъ волнъ. Послушникъ два раза на день приносилъ намъ въ судкахъ монастырской пищи, гороху съ постнымъ масломъ, щей, каши, и два раза въ день ставилъ намъ самоваръ. У насъ было взято съ собою постельное бѣлье, подушки, одѣяла. Единственная кровать, представленная намъ, была такой сомнительной чистоты, что мы постелили себѣ одѣяла на полу и спали на нихъ одѣтыя. Были взяты съ собою и нѣкоторые съѣстные припасы, какъ-то чай, огурцы, баранки. Мы сами убирали нашу не очень опрятную клѣтушку, въ которой, кромѣ кровати, былъ столъ и три лавки, съ очень шаткими ножками. Эта цыганская жизнь ужасно забавляла насъ, и мы очень весело провели три дня въ этой необычайной обстановкѣ.

Но въ городъ насъ не тянуло: мы любили деревню свою, свой садъ, своихъ лошадей, которыя при насъ росли и которыхъ мы сами объѣзжали. Хорошо намъ было посреди простодушныхъ сосѣдей-мужиковъ, которыхъ нужды и горести намъ были близки и понятны.

Крестьяне нашей мѣстности принадлежали къ финскому племени кареловъ, нынѣ почти совершенно обрусѣвшему, благодаря школамъ и общенію съ внѣшнимъ міромъ. Не то было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; многія бабы и дѣти совсѣмъ не говорили по-русски; грамотныхъ почти не было; только нѣсколько бывшихъ учениковъ школы моего отца едва-едва умѣли подписать свое имя. Случись бѣда—болѣзнь, пожаръ, судъ, никто не умѣлъ постоять за себя, никто не зналъ, гдѣ искать помощи. Вялые и безпомощные, крестьяне переносили постигающія ихъ несчастія съ тупымъ равнодушіемъ. Бѣдность и темнота были ужасающи и безысходны. Земля сама по себѣ плодородна и давала бы довольно хлѣба, если бы умъ и руки приложить. Но обрабатывали ее черезчуръ плохо: удобренія почти не было, такъ какъ скота держали очень мало, несмотря на роскошныя пастбища. Народъ питался почти исключительно хлѣбомъ и капустой, по праздникамъ кашей. Картофель почитался лакомствомъ. Рассказываютъ, какъ однажды мать плакала при разставаніи съ дочерью, вышедшей замужъ въ дальнюю деревню. „Не плачь, мама, сказала ей дочь, мнѣ будетъ хорошо, вѣдь тамъ много картошки“. Мясо ѣли только достаточные, убивая въ годъ четырехъ или пять ягнятъ. Чай и пшеничная мука были доступны только

богачамъ, и то въ праздникъ. Во всей деревнѣ насчитывалось 2—3 самовара. Молока хватало только для маленькихъ, да немного масла и творогу къ празднику набирали.

Одѣвались тоже скудно, въ домотканная полотна и крашенину, выкрашенный въ синій цвѣтъ холстъ, употребляемый равно на мужскія рубахи, какъ на женскіе сарафаны; кафтаны дѣлались изъ домотканнаго сукна сѣраго или коричневаго цвѣта грубой шерсти своихъ овецъ. Обувались зимою въ валенки собственнаго издѣлья, лѣтомъ въ лапти, и только богачи имѣли сапоги, а женщины башмаки. Полсапожки и ситцевыя кофты введены были позже, когда стали ходить на заработки въ Петербургъ дѣвушки и молодухи. Заработать дома было негдѣ.

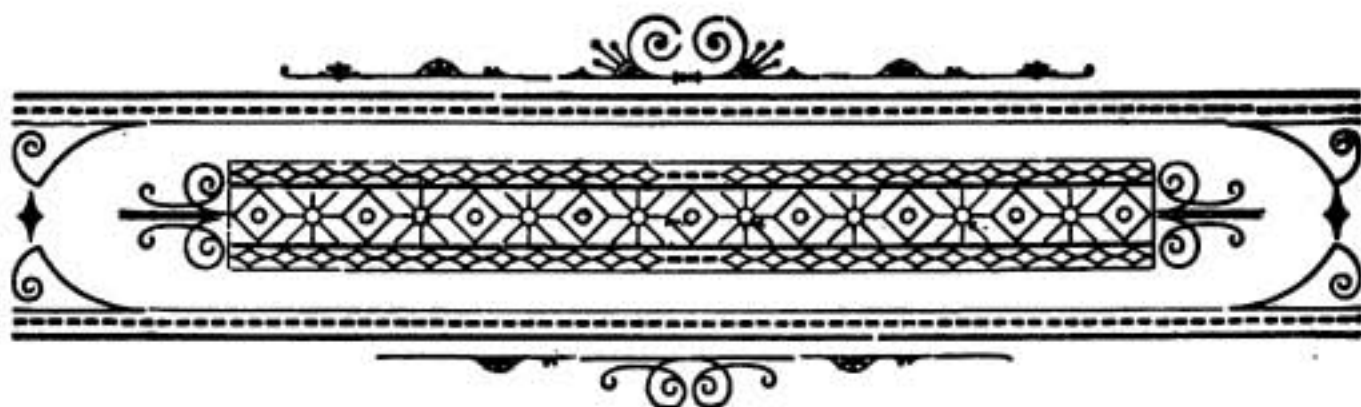
Имѣнія стояли пустыми, владѣльцы большею частью жили по городамъ, служили или проживали свои доходы посреди болѣе цивилизованной обстановки. А немногія исключенія были разорившіеся, мало трудоспособные экземпляры помѣщиковъ, отъ которыхъ ни помощи, ни примѣра ожидать было нельзя. Вотъ и хватались они за руку помощи, которую имъ подавалъ добрый человѣкъ, безсознательно, не разсуждая, откуда и почему.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ. Домашнія ткани носятъ развѣ только древнія старухи. Ситцевыя и шерстяныя платья шьютъ „по модѣ“ въ талью. Утромъ во всякомъ домѣ на столѣ стоитъ самоваръ, и дѣвицы говорятъ „мирсы“ вмѣсто спасибо.

Парни одѣваются въ „пинжаки“ и уѣзжаютъ въ столицу добывать денегъ, приносятъ оттуда городскіе нравы и большія потребности. Счастливы ли они стали?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ давно прошедшаго¹⁾. (1876—1879).

(Окончаніе).

5 Февраля 79 г.

Въ 9 час. вечера пришелъ денщикъ звать на ужинъ.

— Эй, давайте ужинать! садитесь, господа, приглашалъ князь.

— Либераль, либераль! говорилъ съ улыбкой за ужиномъ—соціалистъ!

— Да, право, князь, Вы сами ужасный либераль: вѣдь вотъ Вы и то и другое ругаете!

Онъ причмокнулъ и повелъ головой: — нѣтъ, на меня положиться можно—пускай какія-нибудь народныя волненія—пошлютъ—и буду стрѣлять въ толпу!

— И у Васъ ничего не шевельнется?

— Нѣтъ, ровно ничего—куда пошлютъ, туда и пойду!

— А вотъ Васъ бы и Х. не назначилъ бы; нѣтъ, впрочемъ, прибавилъ онъ—Х. назначилъ бы, но Васъ, произнесъ онъ серьезно,—ни за что!

Вскорѣ послѣ отъѣзда Е. Н. доктора обратно перевели въ драгунскій полкъ.

Сегодня князь заговорилъ со мной о А*.

— Нѣтъ, ужасную тѣнь бросили эти г.г. А*. Я вотъ хотѣлъ даже произвести обыскъ въ батарее!

— Но, помилуйте, князь, какіе же они пропагандисты! Неужели сидѣли бы 3 мѣсяца въ одной и той же батарее!

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1910 г.

— Но согласитесь—все странно—изъ Парижа въ Кадикей! жить въ одной комнатѣ! Тамъ себѣ, что хотите, но все же нуженъ декорумъ: тутъ и денщики, и солдаты, и офицеры!

— И опять—ну, если бѣ къ Вамъ кто-нибудь прѣхалъ—развѣ Вы оставили бы и пошли сами обѣдать?

— Да и тщательное скрываніе фамиліи и неопредѣленность положенія... Нѣтъ, нѣтъ—это не то!..

Къ этому прибавлю, — кн. ни одному человѣку слова не говорилъ про то, что ему одному было извѣстно; ни малѣйшихъ затрудненій онъ имъ не дѣлалъ и даже, по моей просьбѣ, посылалъ каждый день обѣдъ со своимъ денщикомъ для Е. Н., которая обѣдала одна, такъ какъ докторъ обѣдалъ съ нами.

Вотъ въ Россію, говорилъ князь, да и въ отставку—на покой, буду жить въ деревнѣ, числиться почетнымъ мировымъ судьей.

— Можетъ быть, и въ земствѣ?

— Вотъ уже въ этихъ непотребныхъ заведеніяхъ—ни въ земствѣ, ни въ мировыхъ судьяхъ не буду!

— Отчего же Вы въ отставку?

— При прежнихъ порядкахъ служилъ бы, но теперь—нѣтъ, при теперешнихъ—не хочу! Да и что—довольно послужилъ: 22 года (съ 17 лѣтъ)! Принесъ свою лепту, такъ сказать, на алтарь отечества и довольно, не то что иные нынѣшніе по 3—4 года,—покоился онъ на меня.

— Да вѣдь не въ этой отрасли—въ другой буду служить отечеству!

— Нѣтъ, вотъ Вы послужите такъ, вотъ—тогда и о другой думайте!

— Поздно будетъ.

Я заговорилъ съ княземъ объ отпускѣ въ Россію—я очень боялся потерять еще годъ.

— Говорю Вамъ, не торопитесь: времени еще довольно! Успѣете еще!

— Да вѣдь все зависитъ отъ сроковъ, надо разсчитать!

— Какіе разсчеты: положитесь на время, и что нужно, то и выйдетъ! Природа это, такъ сказать, сцѣпленіе зубчатыхъ колесъ: всякій—это одинъ изъ зубцовъ. Вы полезны—Вы держитесь; не нужны—зубецъ истирается—Вы уничтожаетесь. Уже повѣрьте—знаетъ, на что Вы ей полезны—если ей нужно, чтобы Вы, т. е. въ Вашей оболочкѣ, были технологомъ и будете, а нѣтъ—и не будете: противъ судьбы не пойдете!

Утромъ пришелъ ко мнѣ Х*, просилъ о перепискѣ. Предложилъ перейти ко мнѣ на квартиру, но у меня сырая, и я перешелъ къ нему.

Засѣли читать „Что дѣлать“.

Вечеромъ пришелъ дѣнщикъ звать на ужинъ къ кн. Р*.

Вернулись и потушили свѣчи. Х* спрашиваетъ меня:

— Ты окончательно рѣшилъ такъ скоро уѣзжать?

— Да.

— Оставайся еще на мѣсяць!

Онъ сталъ говорить о кн. Р* и тѣмъ вызвалъ меня высказать мои взгляды.

Обособленные кружки, корпораціи, а военная среда въ особенности, вырабатываютъ себѣ болѣе или менѣе цѣльный идеалъ, къ которому члены его болѣе или менѣе подходятъ.

И съ точки зрѣнія извѣстныхъ *условныхъ* требованій—князь Р* прямо идеальный человѣкъ: прямой, честный, хорошій товарищъ. При баронѣ М* лошади шатались, потомъ стали падать, а онъ имъ даетъ двойную дачу; солдаты никогда раньше такъ не питались, одѣты какъ съ иголки; все это вѣрно! Но если мы на него посмотримъ съ другой точки зрѣнія—съ точки зрѣнія человѣка, стремящагося къ просвѣщенію, завоеванію свободы, то... онъ не выдержитъ никакой критики...

Представь себѣ двѣ группы лицъ разнаго развитія, живущихъ бокъ о бокъ; между ними неизбежно возникнетъ болѣе или менѣе интенсивная борьба: инстинктивно каждая изъ группъ будетъ стремиться распространить свои взгляды, свою манеру жить, просто потому, что чѣмъ болѣе единомышленниковъ, тѣмъ легче живется.

И вотъ, представь себѣ, что одна группа многочисленная обладаетъ всѣми средствами; располагаетъ государственными должностями, а на сторонѣ другой малочисленной большее развитіе, болѣе глубокое, какъ имъ кажется, пониманіе окружающаго, жажда создать нныя условія существованія; совершенно естественно въ этой группѣ сложится убѣжденіе, что главный корень зла — невѣжество и всѣ ея усилія будутъ направлены на распространеніе знаній: „чѣмъ больше единомышленниковъ, тѣмъ мнѣ легче жить“—вотъ смыслъ этой борьбы, и каждая группа одна сознательно, другая инстинктивно будетъ стараться увеличить свои ряды.

— При чемъ же тутъ кн. Р*?

— Какъ же ты не понимаешь: онъ хочетъ, чтобы я остался офицеромъ, и вотъ раньше онъ всячески старался меня убѣдить,

теперь онъ понемногу меня задерживаетъ... затягиваетъ... и вотъ я на-сторожѣ...

Х-ко опять вернулся къ вопросу о моемъ выходѣ.

— Вотъ то, что ты говорилъ... почему бы тебѣ не остаться въ арміи, ты могъ бы быть полезнымъ здѣсь!

— У меня слишкомъ мало знаній и за ними-то я и иду...

— Да и сама армія...

— Развѣ скоро не будетъ анахронизмомъ самое ея названіе ¹⁾.
Остаться...

— Нѣтъ, нѣтъ... на такую жертву я не способенъ.

Возвращеніе въ Россію.

Въ походахъ и на войнѣ я пробылъ болѣе 2 лѣтъ: съ 13 ноября 1876 г. до половины февраля 1879 года.

Съ невообразимой радостью возвращался я въ Россію.

Приѣхалъ въ Харьковъ въ концѣ февраля, во время чумы въ Ветлянкѣ, вскорѣ послѣ убійства въ Харьковѣ губернатора кн. Крапоткина и чуть ли не на другой день послѣ избіенія казаками студентовъ университета.

Общее подавленное настроеніе.

Я живу съ матерью и сестрой гимназисткой. Мечтаю скоро быть студентомъ, а сестра, конечно, на курсы...

У насъ собираются для чтенія.

Начинаемъ съ женскаго вопроса. „Реактивъ для опредѣленія человека“—отношеніе его къ женскому вопросу. Я читаю главы Леббока, le mariage, конспектирую Милля, Шашкова („Исторія русской женщины“) и Чернышевскаго; читаемъ „Знаменіе времени“ Мордовцева и „Шагъ за шагомъ“ Оммулевскаго.

Затѣмъ переходимъ къ исторіи развитія русскаго общества по литературнымъ типамъ (Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Базаровъ, герои Чернышевскаго).

Меня приглашаютъ:

— Приходите къ намъ сегодня вечеромъ: у насъ соберется молодежь, будетъ Ц*—знаете—ему казаки нагайкой носъ перебили

¹⁾ Такова была въ то время вѣра въ быстроту прогресса!!

Иѣтомъ въ деревнѣ собрались гости; пріѣхалъ и Задашъ — богатый помѣщикъ. У него было два ценза: личный и по довѣрію отъ матери. Говорили, будто бы онъ рассказывалъ, какъ онъ въ земствѣ вліяетъ на обѣ партіи: „одинъ шаръ я кладу направо, а другой налево“.

Зашелъ разговоръ о крестьянахъ. Слова Задаша такъ характерны, что привожу ихъ, не измѣнивъ ни слова.

— „Вы вѣрите въ любовь къ вамъ крестьянъ? Да знаете ли Вы, что каждый изъ нихъ готовъ утопить помѣщика вотъ въ этой ложкѣ, мала только она, а на большую не хватитъ воды, да и слава Богу!“ (Здѣсь онъ перекрестился).

— „Отчего же происходитъ такая ненависть мужиковъ?“

— „А вотъ отчего: въ Россіи есть два сословія—господствующее и поработенное; между ними страшная вражда. Такъ и должно быть; это предопредѣлено и самимъ Богомъ. Разумъ долженъ господствовать, а онъ принадлежитъ намъ, поэтому мы и составляемъ господствующее сословіе. Этотъ разумъ данъ вамъ въ наслѣдство нашими отцами. Замѣьте, что я говорю не о богатствѣ, а о разумѣ; богатство является только вслѣдствіе разума; при томъ, у насъ разумъ соединенъ съ порядочностью; наши же мужики имѣютъ лишь на столько ума, чтобы стянуть то, что плохо лежитъ, и дальше этого, видитъ Богъ, они не пойдутъ. Посмотрите, какъ работаетъ мужикъ у разумнаго помѣщика, какъ напр., Бабанина и у какого-нибудь добряка: тамъ они дѣйствительно трудятся, здѣсь же обдираютъ. Это происходитъ оттого, что они всѣ мерзавцы, подлецы; оттого, что съ ними надо обращаться, какъ со скотомъ.“

—

— Пожалуйста, оставьте думать, что они такіе же люди, какъ и мы. Подземной силѣ угодно говорить подобныя безсмыслицы, а дураки и вѣрятъ.

— Вы, можетъ быть, тоже воображаете, что социалисты сами думаютъ то, что говорятъ? Нѣтъ, они не такъ глупы!

— Сказать Вамъ, что они хотятъ? Они хотятъ занять наши мѣста: вѣдь это же все больше голодные поповичи!

— Посмотримъ, какъ они будутъ дѣлиться съ меньшою братьею! Меньшая братья! И какіе, къ чорту, они намъ братья! Свиньи они, а не братья!

— Да когда ужъ правду говорить, такъ и мы сами нѣсколько виноваты.

— Что это за порядки такіе! Напр., я, человѣкъ знающій, котораго

мужикъ долженъ уважать, говорю: дѣлай такъ, а не такъ; не то пожалюсь мировому, онъ тебѣ прикажетъ сдѣлать то-то. Эта же скотина вдругъ отвѣчаетъ: „можетъ скаже, а можетъ и ни; жалуйтесь мировому“.

— Приходится жаловаться. Представьте же себѣ, что мнѣ, человѣку все-жъ таки разумному, приходится становиться на одну доску съ осломъ; а тутъ еще подвернется такой мировой, который, вмѣсто того, чтобы выслушать меня и повторить мужику, внушить ему то, что я уже сказалъ, онъ начинаетъ приплетать свидѣтелей, допрашивать мужика и выходить чортъ знаетъ что такое! Смотришь, въ концѣ концовъ, что мое требованіе несправедливо или что-нибудь въ родѣ этого, и я же остаюсь виноватымъ.

— Скажите же пожалуйста, какъ отнесется ко мнѣ мужикъ, выйдя изъ суда?

— Вы, можетъ быть, думаете, что я хочу засадить его въ черную? Совсѣмъ нѣтъ, хотя и то не дурно бъ, я хочу, чтобы мировой повторилъ мои слова, чтобъ крестьянинъ увидѣлъ, что ему надо слушаться меня, что я выше его, что ему нечего тягаться со мной; указать все это—вотъ прямая обязанность мирового судьи ¹⁾).

— Вы смотрите,—вмѣшался въ разговоръ состоятельный помѣщикъ Громовскій, человѣкъ очень начитанный и ѣздившій за границу для изученія постановки земледѣлія въ Европѣ и Америкѣ. Вы смотрите, продолжалъ онъ, исключительно съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ. На этотъ же вопросъ нужно смотрѣть съ государственной точки зрѣнія.

— Россія страна земледѣльческая и потому нужно приложить всѣ мѣры къ поднятію земледѣлія; а разъ Вы поднимете земледѣліе, явится въ странѣ достатокъ, тогда естественнымъ путемъ разовьется и промышленность, и фабричная и заводская, и крестьяне получаютъ на нихъ дополнительные заработки.

— Все это извѣстно, но что же сдѣлать для поднятія земледѣлія?

— Нужно привлечь къ сельскому хозяйству капиталъ и образованныхъ людей.

— Теперь всѣ бѣгутъ изъ деревень, а между тѣмъ при рациональномъ хозяйствѣ, при капиталѣ, земля много можетъ дать. Создайте только инныя условія и увидите—все переменится: и капиталъ и образованные люди обратятся къ землѣ!

— И это вовсе не такъ трудно сдѣлать: во-первыхъ, фиксируйте законодательнымъ порядкомъ maximum возможныхъ налоговъ на

¹⁾ Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ мировые судьи были замѣнены земскими начальниками...

Но тогда это было бы возвращеніемъ къ крѣпостному праву съ освобожденіемъ помѣщиковъ отъ заботъ о крестьянахъ!

— Поѣзжай въ П.,—говорила мнѣ теть—познакомься съ Рѣдичемъ—вотъ человѣкъ, съ которымъ можно отвести душу!

Мой интересъ къ Рѣдичу еще болѣе усилился, когда я узналъ, что онъ по производствѣ въ офицеры изъ военного училища, за годъ до Нечаевской исторіи, сейчасъ же поступилъ въ технологическій институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ; теперь же онъ служилъ преподавателемъ и воспитателемъ въ военной гимназіи.

Здѣсь его считали хорошимъ человѣкомъ и говорили, что и воспитанники его любятъ.

П—вы говорили, что онъ смотритъ на всѣхъ „свысока“.

П—цкій указывалъ мнѣ на него, какъ на примѣръ, что не стоитъ идти въ технологическій, чтобы сдѣлаться воспитателемъ.

Поѣхалъ въ П* къ Рѣдичу.

Зашелъ разговоръ объ институтѣ.

Рѣдичъ рассказывалъ мнѣ, что на него имѣла большое вліяніе одна дама; подъ ея вліяніемъ онъ рѣшилъ бросить военную службу, но колебался между горнымъ и технологическимъ, и выбралъ технологическій только потому, что это было ближе...

Первое же, что устроилъ по поступленіи въ студенты—кассу взаимопомощи. „Я, рассказывалъ онъ, былъ выбранъ кассиромъ; здѣсь начались мои разочарованія: многіе относились къ кассѣ крайне безцеремонно—имъ предлагаютъ занятія, а они обращаются въ кассу—я указывалъ на это, мнѣ стали говорить, что я хочу быть жандармомъ. Касса по прошествіи года лопнула“.

— А сходки, собранія, кружки?

—На первыхъ порахъ посѣщалъ всѣ сходки, потомъ бросилъ: вѣдь все это было запрещено, организаціи были „подпольныя“, а, следовательно, воплі въ власти тайныхъ организацій, и потому, когда агитаторъ-пропагандистъ говорилъ, ни у кого изъ молодежи не хватало мужества возражать, изъ боязни быть зачисленнымъ въ тотъ лагерь, противъ котораго говорилъ пропагандистъ, и вотъ цѣлый рядъ лѣтъ молодежь подъ опекой теряла способность самостоятельно разсуждать—просто „мозги атрофировались“.

Изъ этого времени у меня развилась страшная ненависть къ этому типу пропагандистовъ-заговорщиковъ и къ девизу „цѣль оправдываетъ средства“!

Послѣ уже мнѣ пришлось еще разъ въ Кіевѣ быть на одномъ собраніи. Читалъ одинъ „историкъ“. Два часа читалъ изъ собствен-

ной головы. какую-то дребедень; дѣвушки, разиня ротъ, слушали, потомъ пошли дебаты: одинъ говорить, а двадцать орутъ, и никто ничего не понимаетъ.

Нѣтъ, воля ваша, а я болѣе не могу, и ушелъ.

Потомъ „философъ“ и говорить—откуда вы выкопали такого консерватора!

Послѣ окончанія курса поступилъ на сахарный заводъ, дѣятельность очень однообразная—ну, и это бы еще ничего—меня очень интересовало положеніе рабочихъ, и я былъ съ ними въ отличныхъ отношеніяхъ, но вотъ что было невыносимо—имѣть дѣло съ администраціей: представьте себѣ, мнѣ поручалось давать взятки становымъ! „Ну, я бросилъ и больше не пойду!“ И онъ показалъ мнѣ только-что полученное письмо съ приглашеніемъ на новый заводъ.

Заговорили о современномъ положеніи Россіи.

Онъ считаетъ, что „правительство цѣлой головой выше нашей интеллигенціи“, и доказательство видитъ въ томъ, что „реформы не прививаются“.

Считаетъ, что революціонное движеніе дѣлаетъ страшный вредъ, и находитъ, что мѣры, принятыя правительствомъ (введеніе военнаго положенія), вполне оправдываются обстоятельствами.

— Что нужно народу?

Народу нужно знаніе—нужно знать, какъ изъ десятины получить не *а*, а *за*! Что же касается „хорошей жизни“—она возможна и при теперешнемъ общественномъ устройствѣ!..

Заговорили о Чернышевскомъ.

„Это не художественное произведеніе, и если бы было написано просто въ видѣ трактата, то было бы лучше, а такъ принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы“.

Его разсужденія были чужды моему настроенію...

Мы отправились на обѣдъ къ Холопову, гдѣ Рѣдичъ постоянно обѣдалъ.

Холоповъ, молодой гвардейскій кавалерійскій офицеръ, съ „гвардейской складкой“, недавно поступилъ въ В. гимназію воспитателемъ. У него мы застали доктора, барона М*, женатаго на одной изъ моихъ дальнихъ родственницъ.

За обѣдомъ шла пикировка между барономъ и Холоповымъ: у доктора была слабость къ формѣ, вообще къ военному, а Холоповъ его дразнилъ, постоянно указывая, что онъ все-таки „статскій“: „и статскій совѣтникъ“ и, вообще, „статскій“.

Холоповъ говорилъ о женитьбѣ, о приданомъ, завидовалъ болгар-

— Теперь опять—у насъ 400 воспитанниковъ—устроено 5 библиотекъ!! Къ чему это?

— А съ ружьями когда знакомится? Въ послѣднемъ классѣ!

— Вотъ въ этомъ году я своимъ: какъ ни придуть за книгами, а я въ отвѣтъ—„провѣряю библиотеку“! И за весь годъ ни одной книги не выдалъ! и этимъ, навѣрное, принесъ пользу!

— Въ воспитатели кого набрали? университетскихъ, да академиковъ, а строевые—настоящій-то устой—гдѣ!? Вѣдь, правду сказать, здѣсь чуть ли не я одинъ правильно ¹⁾ смотрю на дѣло!

— Нѣтъ, нужно возвращаться къ корпусамъ!

Получаю часто письма изъ батареи отъ Х-ко. Раньше мы вмѣстѣ собирались выходить въ отставку, но теперь онъ рѣшилъ остаться на военной службѣ и впоследствии поступилъ въ артиллерійскую академію. Вотъ нѣкоторые отрывки:

20 апрѣля 1879 г.... „Вчера въ день вступленія нашей батареи въ М* устроили намъ торжественную встрѣчу, гдѣ мы удостоились слышать блестящую рѣчь мѣстнаго исправника.

Вообще эти встрѣчи настолько возмутительны, что и говорить о нихъ противно. Устраиваются совѣтомъ мѣстныхъ административныхъ властей, главную роль, конечно, играютъ тѣ же власти.

Заканчиваются поздравительными телеграммами отъ генералъ-губернатора.

На нашу встрѣчу для декораціи была приглашена одна изъ мѣстныхъ барышень; она съ бокаломъ въ рукахъ сказала намъ трогательную рѣчь. Мы догадываемся, что барышня была привлечена властями, потому что она полька“...

8 мая 1879 г.

...„Я нахожусь въ большомъ колебаніи—выйти въ отставку—меня мучить какой-то неопредѣленный страхъ“...

...„Мнѣ хочется большаго, меня гнететъ та жизнь, которую я веду, но... слабость характера и, вообще, малодушіе не позволяютъ мнѣ развязаться съ этой жизнью“... „удерживаютъ на томъ пути, который я считалъ случайнымъ.“...

...„Я сознаю весь ужасъ той жизни, которая предо мной открыта и которая съ каждымъ днемъ меня засасываетъ.“...

¹⁾ „Правильное“ пониманіе сдѣлало очень быстрые успѣхи и вскорѣ, въ 1882 г., военныя гимназіи были преобразованы въ кадетскіе корпуса.

28 мая 1879 г.

...„Я пока доволенъ жизнью въ М*, стѣсненій почти никакихъ, въ распоряженіи масса времени, и я засѣлъ за занятія.

У насъ все по-старому, развѣ кромѣ того, что всѣ, исключая князя, совершенно перестали пить и стали серьезно заниматься ¹⁾. Ожидалъ ли ты отъ барона И*, чтобы онъ былъ способенъ просяживать за занятіями до 4 час. утра!

13 авг. 79 г.

...„Сегодня въ Драгунскомъ полку вышелъ такой эпизодъ: ген. Ваниовскій говорилъ рѣчь офицерамъ и въ то время, когда онъ говорилъ о социализмѣ, Яниковскій слегка фыркнулъ, чему была какая-то побочная причина, оттого Креминскій—человѣкъ, какъ ты знаешь, уже не молодой, улыбнулся; Ваниовскій вообразилъ, что фыркнулъ Креминскій, вызвалъ его передъ фронтъ и приказалъ немедленно подать въ отставку. Каково, а?“...

...79 г.

...„Позавчера въ присутствіи командующаго войсками была двухверстная скачка съ четырьмя препятствіями. Отъ нашей батареи, по жребію, скакали съ драгунами я и Ж—ко, а съ уланами баронъ И—ль.

Мой конь скакалъ лихо, до перваго препятствія шелъ первымъ, на препятствіи зашнулся, но все же шелъ вторымъ, на послѣднемъ препятствіи, ближе къ внутренней сторонѣ прыгнулъ первый Чеховскій, шедшій сзади меня, и, такимъ образомъ, очутился сразу на цѣлую лошадь впереди меня, и потому я получилъ только третій призъ, а барону повезло: его кобыла, ты помнишь, сырая и скачетъ не особенно, но изъ шедшихъ впереди его уланъ на препятствіяхъ упало нѣсколько человѣкъ, и баронъ взялъ первый призъ...“

¹⁾ Впослѣдствіи Г-нъ и Х-ко поступили въ артиллерійскую академію, З—скій—въ юридическую, Ш—нъ—въ академію Генеральнаго Штаба. Леоновъ остался командовать въ Болгаріи. Баронъ И., человѣкъ съ большими средствами, вышелъ въ отставку и занялся своими дѣлами. Ж—ко и Р—къ остались въ строю.

По возвращеніи въ Россію кн. Р* женился на баронессѣ У*, вскорѣ послѣ этого на „лихомъ“ конномъ ученіи въ присутствіи жены одинъ солдатъ упалъ съ лошади и былъ убитъ наѣхавшимъ орудіемъ; князь подошелъ посмотрѣть и тутъ же упалъ мертвымъ отъ разрыва сердца...

...79 г....

...„Пишу тебѣ тотчасъ, вернувшись съ обѣда, устроеннаго ген. Ванновскому. Сегодня онъ смотрѣлъ въ конномъ строю 1-ую бригаду нашей дивизіи. Нашей батареей остался очень доволенъ, назвавъ насъ гвардіей дивизіи!

Ген. же Винбергъ—начальникъ дивизіи—благодаря батарее, до такой степени расчувствовался, что расцѣловалъ князя. Бар. Корфъ называлъ насъ украшеніемъ его бригады.

Князь на десятомъ небѣ“...

Лѣто готовился къ конкурснымъ экзаменамъ.

Передъ отъѣздомъ захватилъ проститься къ Л. А.

Л. А., дальняя родственница, вдова бывшаго губернатора на югѣ, человѣка очень образованнаго — историка; любила принимать и вести „идейные“ разговоры, чаще всего на литературныя темы. У нея засталъ большое общество.

Зашла рѣчь о моемъ рѣшеніи выйти въ отставку.

— Какъ это—вы съ вашей поэтической натурой и вдругъ въ технологическій институтъ?—спрашиваетъ меня Л. А.

— Да развѣ наука это не поэзія?

— Развѣ это не поразительно, если вы изъ небольшой формулы можете вызвать столько образовъ, что ими можно наполнить цѣлую книгу?

— Да, но вѣдь дѣятельность такая прозаическая!

— Да развѣ это не увлекательно, если вы, пользуясь законами природы, берете такую власть надъ мельчайшими частицами различныхъ тѣлъ, что заставляете ихъ вступать во взаимодѣйствіе, заставляете ихъ выбрасывать отъ себя все лишнее и образовывать именно то, что вамъ нужно?

— Развѣ это не поэзія, если вы перекидываете мосты черезъ бурные потоки, пронизываете горы туннелями и такимъ образомъ соединяете то, что до васъ было разъединено природой.

Я, кажется, не убѣдилъ: когда я собирался бросать военную службу, не удовлетворяясь личнымъ моимъ положеніемъ, мнѣ указывали на общее значеніе дѣятельности, теперь же, когда я стремлюсь къ другому, именно изъ-за грандіозности общаго, мнѣ дѣлаютъ возраженіе на почвѣ будничности личной дѣятельности.

О „будничномъ“ я не думалъ...

Конечно, военная академія мнѣ открывала двери къ вѣрной карьерѣ, но именно о „карьерѣ“-то я и не думалъ.

Меня манило таинственное будущее...

Возможныя лишенія за долгіе годы студенчества ¹⁾ меня не только не пугали, но рисовались въ поэтическихъ образахъ...

Мнѣ хотѣлось знаній, мнѣ хотѣлось быть просто человѣкомъ, не человѣкомъ касты...

Мнѣ хотѣлось подвига...

Одинъ изъ присутствовавшихъ, почти все время молчавшій, выходилъ вмѣстѣ со мной.

— Я не знаю--о постройкѣ какого моста вы говорили?..

Взволнованный всѣми предыдущими разговорами, я отвѣчалъ:

— Участвовать въ общей постройкѣ моста изъ мрака къ свѣту черезъ топи невѣжества!..

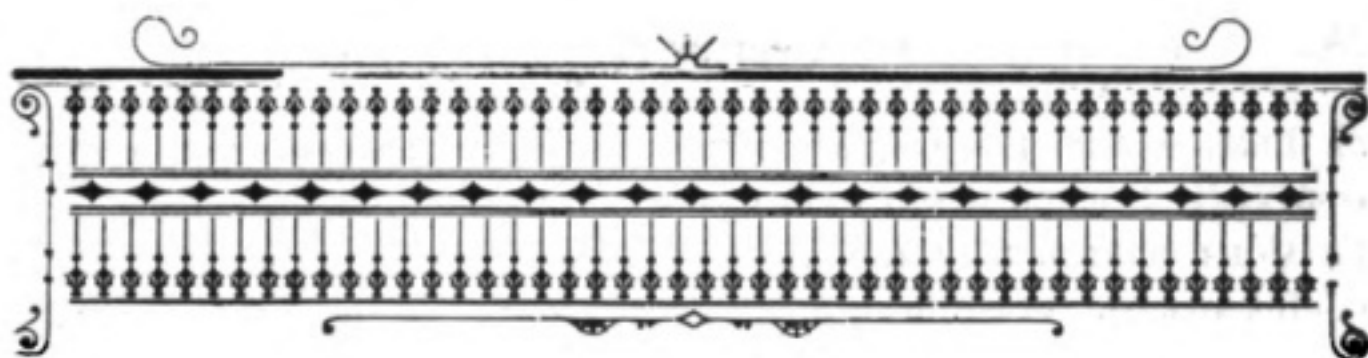
— Да... Не забывайте, что нужны крѣпкіе устои... не забывайте, что на укрѣпленіе почвы, особенно, если это, какъ вы говорите, топи, можетъ уйти работа нѣсколькихъ поколѣній...

Мы простились, и больше намъ не пришлось встрѣчаться.

Въ августъ я былъ уже студентомъ.

¹⁾ Студентомъ я пробылъ шесть лѣтъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. ¹⁾

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

9.

10-го апрѣля 1823 г. (Шаево).

Не знаю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, радоваться ли вашему путешествію или нѣтъ ²⁾. Съ одной стороны, конечно, пріятно вамъ будетъ на бѣлой свѣтъ посмотреть; но съ другой сколько тоски! Знакомые и пріятели остаются здѣсь, общество же Александра Львовича ³⁾ можетъ иногда и тягостнымъ сдѣлаться, благодаря причудамъ господъ знатныхъ. Покойникъ Токаревъ отвѣдалъ ихъ и рассказалъ мнѣ кое-что, не слишкомъ приманчивое. Впрочемъ, онъ вамъ не примѣръ, и дай богъ чтобъ Вы по чужимъ краямъ катались какъ сыръ въ маслѣ. Спѣшу отвѣчать на ваше письмо, надѣясь что мое застанетъ васъ еще въ Петербургѣ, однако изъ предосторожности надписываю на имя Андрея Андреевича, не понимаю для чего Вы не прислали ко мнѣ своего или Нарышкинскаго адреса въ Москвѣ; тогда бы мой отвѣтъ скорѣе къ вамъ дошелъ. Въ самомъ дѣлѣ не забудьте по акуратнѣе извѣщать меня куда къ вамъ писать, и скоро

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1910 г.

²⁾ Бахтинъ отправился за границу, въ качествѣ секретаря при канцлерѣ россійскихъ орденовъ, 9-го мая 1823 г.

³⁾ Александръ Львовичъ Нарышкинъ род. 1760, ум. 1826, оберъ-камергеръ, главн. директоръ театровъ съ 1799 до 1814 г., канцлеръ россійскихъ орденовъ съ 1818 г.

ли Вамъ нужно мое свидѣтельство о вашей трезвости на имя Колосовыхъ¹⁾. Повѣрьте что онѣ и безъ того васъ очень хорошо помнятъ и избавятъ васъ отъ труда склонять ваше имя. Жаль что мои обстоятельства еще не совсѣмъ поправились, а то бы мы поѣхали вмѣстѣ. Каченовскій какъ я вижу, обстригаетъ ножницами лишнія похвалы, а паче всего боится оскорбить сильныхъ на земли. Я жду даже что онѣ совершенно перестанетъ печатать вашу статью, ибо продолженія, обѣщаннаго въ 3-й и 4-й книжкѣ, въ 5-й не вышло, и обо мнѣ въ ней ни слова нѣтъ. Что же касается до стиха *Божій промыселъ кляла*²⁾, тутъ вижу я перстъ цензуры, и въ тоже время лучшее наставленіе всякому порядочному человѣку впредь ничего не писать. Можно ли сдѣлать что-нибудь сносное въ такой несносной неволѣ? и такъ, *s'en est fait, le dessein en est pris*³⁾, я схожу со скользкаго стихотворнаго поприща, и отнынѣ подражаю благоразумному молчанію Андрея Андреевича. Но, признаюсь, тѣмъ болѣе хлопочу о написанномъ мною прежде; хочу все пересмотрѣть, исправить, и будь хоть это позволять, напечатать. Репензія ваша, хотя въ ней и хирятъ безъ пути, все принесетъ мнѣ не малую пользу, а если нападутъ на нее, и того больше.

Жаль что за отъѣздомъ вашимъ нескоро найдется поборникъ правды, а на Жандра надѣжда точно плоха; но увидимъ, и если можно будетъ вѣщъ хорошенько оборотить не выходя изъ предѣловъ авторской скромности, я пожалуй самъ сойду in agena и пущусь ломать копыя на груди всадника Бестужева и его дружины. По пріѣздѣ вашемъ въ Москву совѣтую вамъ на всякій случай постараться черезъ кого-нибудь познакомиться съ Каченовскимъ, и объяснивъ ему многое на словахъ, склонить его на нашу сторону такъ чтобъ и впредь можно было въ его журналѣ вести наступательную и оборонительную войну. Чебышовъ знаетъ его весьма коротко, и еслибъ онѣ былъ въ Москвѣ, то черезъ него легко дѣло сдѣлать. Но, увы! я не раздѣляю вовсе мнѣнія вашего о самомъ Каченовскомъ. Вы почитаете его за умнаго и ученаго человѣка, а мнѣ онѣ зрится глупымъ, недоученнымъ, раболѣпнымъ педантомъ,

¹⁾ А. М. Колосова, благодаря непріязненному къ ней отношенію кн. А. А. Шаховскаго, принуждена была временно оставить сцену и въ іюль 1822 г., вмѣстѣ съ своею матерью Е. И. Колосовой, уѣхала въ Парижъ, гдѣ и пробыла цѣлый годъ. Встрѣча Бахтина съ Колосовыми произошла въ Варшавѣ („Русск. Стар.“ 1893 г. мартъ стр., 656).

²⁾ Изъ стихотв. Катенина „Ольга“.

³⁾ „Свершилось, мое рѣшеніе принято“.

гасильникомъ; словомъ: хуже Греча. Вотъ вамъ новая причина искать случая его увидѣть и съ нимъ поговорить: тогда Вы увѣритесь кто изъ насъ справедливѣе сдѣлалъ заключеніе. Не желаю, а боюсь въ этомъ случаѣ столько же правымъ остаться сколько прежде въ размолвкѣ нашей объ умѣ Ореста Сомова¹⁾. Замѣчаній же моихъ на замѣчанія ваши не могу сообщить Вамъ прежде пока не увижу всего; по сіе время все хорошо. О выкинутомъ тужить напрасно: горю не пособить, а слезы вода. Вы куплетъ: Такъ весь день она рыдала²⁾ и пр. также какъ Грибоѣдовъ³⁾ особенно любите, я предпочитаю ему: На сраженіи пали Шведы и пр. и еще три куплета сряду, изъ коихъ первый начинается стихомъ: Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ и пр. Говоря о Наташѣ⁴⁾, мнѣ хотѣлось бы чтобъ Вы замѣтили какъ она мило описана въ самомъ началѣ и какъ будто познакомлена съ читателями. Въ Лѣшемъ послѣ бури не дурно было бы выписать еще четыре стиха; послѣдній: *Громкій роздался по лѣсу свистъ* важенъ тѣмъ что онъ нѣсколько страшенъ и приготовляетъ выходъ Лѣшаго. Вотъ вамъ, батюшка, начало моихъ прихотей; а что впередъ будетъ не вѣдаю.

Книгъ мнѣ купить въ чужихъ краяхъ буду Васъ просить, пришлю и списокъ и деньги. Изъ французскихъ теперь могу назначить только: *Repertoire du théâtre français, auteurs du second et troisième ordre*, изданный кажется Г. Petitot⁵⁾. Изъ Итальянскихъ много потребуется стихотворцевъ, ибо я имѣю только Данте, Аріоста, Тасса, Гуарини⁶⁾, Метастазія⁷⁾, Альфіери⁸⁾ и Марини⁹⁾. Нѣмец-

¹⁾ Орестъ Михайловичъ Сомовъ ум. 1833 г. Въ 1822 г. у Катенина съ Сомовымъ возникъ споръ изъ-за переводовъ итальянскихъ стихотвореній на русскій языкъ („С. О.“ ч. 76 № 14, стр. 303—309, ч. 77 № 16, стр. 65—67 № 17, стр. 121—125 № 19, стр. 207—214 ч. 78 № 21, стр. 28—34).

²⁾ Изъ стихотворенія „Ольга“.

³⁾ Статья Грибоѣдова „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады „Ленора“ („С. О.“ 1816 ч. 31 № 30), написанная въ отвѣтъ на статью „Жителя Тентелевой деревни“ (Н. И. Гнѣдича): „О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады“ „Леонора“ („С. О.“ 1816 г. ч. 31 № 27).

⁴⁾ Стихотвореніе Катенина, напеч. въ „С. О.“ 1815 г. № 13.

⁵⁾ Paris, 1817—1819, 33 vol. in 8.

⁶⁾ Battista Guarini, итальянскій поэтъ, авторъ извѣстной пасторали „Pastor fido“ (1585) р. въ 1537 г., ум. въ 1612 г.

⁷⁾ Pietro-Antonio-Domenico-Bonaventura Trapassi (Metastasio) ум. въ 1782 г., извѣстный итальянскій драматическій писатель, авторъ многочисленныхъ лирическихъ драмъ.

⁸⁾ Vittorio conte Alfieri, знаменитый драматургъ р. 1749 г., ум. въ 1803 г.

⁹⁾ Giombattista Marini, изв. драм. писатель р. въ 1569 г., ум. въ 1625 г.

кихъ тоже нѣсколько попрошу. Но ради бога, пришлите мнѣ адресъ вашъ московскій, рижскій и еще гдѣ вы будете останавливаться. Въ бѣлокаменной коли встрѣтите Коробина бывшаго Преображенскаго либо Хрущова малинькаго, кланяйтесь имъ отъ меня. Въ театры разные заверните, и сообщите намъ нѣчто объ нихъ. Прощайте до свиданія, милый Николай Ивановичъ. Какъ далеко оно! Какъ судьба людей разбрасываетъ по всей лицу земли! Весь вашъ

Павелъ Катенинъ.

10.

22-го мая 1823 г. (Шаеву).

И такъ любезнѣйшій Николай Ивановичъ, я пишу къ Вамъ уже въ чужую землю; Вы пустились на волю Божию и Александра Львовича: нетерпѣливо жду отъ Васъ извѣстій; но чтобъ и мои доходили какъ слѣдуетъ, прошу Васъ во всякомъ ко мнѣ письмѣ назначать куда именно мнѣ отвѣчать; для этого нужно порядкомъ разчестъ, во сколько времени письмо можетъ дойти, и отвѣтъ воротиться. Теперь стану еще по прежнему бесѣдовать съ Вами о Россійскихъ дѣлахъ; не знаю что мнѣ съ Вами дѣлать? благодарить ли или укорять? на то и другое есть причины: благодарить слѣдуетъ за то, что Вы желая мнѣ добра и чести, написали статью съ похвальнымъ обо мнѣ отзывомъ; укорять же за то, что отъ непонятнаго упрямства писать безъ подписи, сія же статья мнѣ можетъ быть повредила. Петербургскіе *добрые люди* смѣтили о *пріятель* и сочинили пародію, весьма низкую, это правда; но и грязь, которую кидаютъ въ Англіи мальчишки на улицахъ, мараютъ прохожихъ. Однако это бы ничего; но вотъ бѣда: тѣ изъ *добрыхъ людей*, которые къ прочимъ добротамъ присовокупляютъ даръ клеветы, скоро скоро шепнули Каченовскому, что я самъ себя хвалю, что ему этаго печатать не лзя; умный вашъ Г-нъ Редакторъ принялъ это за чистыя деньги, самъ письменно утвердилъ нелѣпые слухи, и *главное* для добрыхъ людей, не печатаетъ ¹⁾. Они не позволяютъ отзываться обо мнѣ никому иначе какъ съ ругательствомъ; Зыкова статью Гречъ не помѣстилъ по смѣшной плутнево отговоркѣ,

¹⁾ Каченовскій приостановилъ печатаніе статьи Бахтина, предположивъ, что она написана самимъ Катенинымъ. См. вводную статью.

что отставному гвардейскому полковнику нельзя признаться или быть признанным наставником актера: какова же актера? Каратыгина! Какъ-будто упражненіе и сверхъ того успѣшное въ искусствѣ можетъ унижить чье-нибудь званіе. О пуританы-мошенники! Вы все-таки настоятельно просите не произносить Вашего имени: воля ваша, тайна ваша; я молчу, но не одобряю этой скрытности.

Оставимъ это. Каковъ вашъ Каченовскій? съ чего вздумалъ онъ поправлять „Ленору“ на „Леонору?“ съ того чтобы передъ невѣжами блеснуть умомъ и знаніемъ: „я де подноготное развѣдалъ, вотъ де какъ Бюргеръ эту балладу написалъ“, на повѣрку же вышло, что онъ просто перевелъ предисловіе польскаго переводчика, который самъ богъ вѣсть правъ ли, полагая что польская пѣсня корень всему; кто ему сказалъ что нѣмецкая пѣсня не старѣе, что эта съ той, а не та съ этой переложена? и что смѣшнѣе важности, съ которою редакторъ поправляетъ одну букву, какъ учитель въ классѣ, да учитель же и вретъ! да учитель же оправдывается передъ другимъ вралемъ Благонамѣреннымъ! и чѣмъ оправдывается? враньемъ польскаго переводчика: „какъ де ему не знать имени пѣсы, имъ переведенной!“ видно также какъ вамъ, г. Редакторъ, которые въ подлинникъ не заглянули. Не забудьте также что *шуточки* В—на кажутся Каченовскому *остры*¹⁾. Читали ли вы со вниманіемъ политическія извѣстія В. Е.? замѣтили ли Вы какъ онъ горячится, какъ побораешь по правдѣ? его ли дѣло? успѣхъ рѣшить эти трудныя задачи, а не журналисты. Мнѣ нѣсколько совѣстно говорить такъ много объ одномъ предмѣтѣ, и то не слишкомъ важномъ; но для меня важно вывести Васъ изъ заблужденія, для меня тягостно видѣть умнаго человѣка, который почитаетъ умнымъ же педанта. *J'ai tout dit*²⁾. Обращаюсь къ вамъ съ нѣкоторыми просьбами о покупкахъ, во первыхъ нѣмецкихъ книгъ, когда Вы будете въ Дрезденѣ либо въ Берлинѣ. Мнѣ нужны стихотворенія *Gedichte*

¹⁾ Замѣчаніе редактора „Вѣст. Евр.“ о томъ, что героиня Бюргеровой баллады именуется не „Ленорою“, а „Леонорою“, вызвало возраженіе В—на въ „Благонамѣренномъ“ 1823 г. ч. 21 № 5, стр. 369. Въ отвѣтъ на это возраженіе, Каченовскій помѣстилъ въ „Вѣст. Евр.“ того же года (№ 7 стр. 231—237) статью, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылаясь на польскаго переводчика нѣмецкой баллады (*Dz. Wilen* № 7, 1822 г. р. 213). Полемика заканчивается замѣткой В—на въ „Благонамѣренномъ“ (ч. 22 № 10, стр. 292—293),

²⁾ „Я все сказалъ“.

Шиллера и Бюргера, Фоссовъ переводъ Иліады и Одиссеи¹⁾, Штольберговъ переводъ четырехъ трагедій Эсхила²⁾, да нѣтъ ли порядочнаго изданія Гётева Фауста? а то мое ни на что не похоже. Вообще прошу васъ выбирать изданія лучшія и опрятнѣйшія, избѣгать слишкомъ маленькихъ или карманныхъ, которыми въ Германіи много подчиваютъ, я же этихъ карликовъ ненавижу.

Въ Парижѣ буду Васъ просить купить мнѣ *Repertoire du théâtre français* in 8°, да хорошіе двутысячные часы у Брегета. Назначьте когда, куда и сколько прислать денегъ во первыхъ въ Германію, а тамъ и во Францію. Письма ваши я сохраню непременно; увѣренъ что въ нихъ будетъ много любопытнаго, а все совѣтую сверхъ того вести по возможности дорожникъ: онъ крѣпко пригодится³⁾. Чуть не забылъ сказать вамъ нужное слово о бумагахъ оставленныхъ Вами у Андрея Андреевича: Вы дайте мнѣ волю дѣлать съ ними что хочу; но я ихъ не видалъ и живу въ Кологривѣ: Какъ же мнѣ ими распорядиться? рѣшите сами ихъ участь, либо уполномочьте Жандра; я же, какъ Моисей, могу только воздѣвать руки горѣ и желать храброму Навину побѣду надъ Амаликомъ злочестнымъ. Въ Варшавѣ находится въ Литовскомъ гвардейскомъ полку мой братъ двоюродный Ѳеодоръ Андреевичъ Катенинъ, меньшей братъ Сашѣ, Подпрапорщикъ либо уже самъ Прапорщикъ: сдѣлайте одолженіе, на досугѣ сыщите его и отдайте ему мой поклонъ съ желаніемъ всѣхъ благъ, успѣховъ и повышеній. Я по сіе время живу одинъ; К. Н. Голицынъ еще не бывалъ, жду его и не дождусь; Барковъ⁴⁾, приглашаемый мною, писалъ ко мнѣ что онъ пріѣдетъ на годъ; сверхъ того Жандръ сулитъ мнѣ изъ

¹⁾ Переводъ J. H. Voss'a (1750—1826) Иліады и Одиссеи изд. въ 1793 г.; 5-ое изд. 1821 г.

²⁾ Fr. Leopold von Stolberg (1750—1819) перевелъ 4 трагедіи Эсхила. Его произведенія и переводы составляютъ большую часть „Трудовъ братьевъ Штольберговъ“ (*Werke der Bruder Stolberg*. Hamburg 1821—1826 въ 22-хъ т.). Братъ его Christian (1748—1821) перевелъ трагедіи Софокла (Leipzig 1787 въ 2-хъ т.),

³⁾ Въ бумагахъ Бахтина сохранился его „Журналъ заграничнаго путешествія“, писанный карандашемъ, заключающій въ себѣ мало любопытныхъ данныхъ,—это голый перечень видѣнныхъ достопримѣчательностей, безъ какихъ-либо комментаріевъ.

⁴⁾ Дм. Ник. Барковъ род. 1796 г., ум. послѣ 1855 г., служилъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, потомъ въ Петербургской таможнѣ, департаментъ внѣшней торговли миш. финан., въ мин. госуд. имущ., камеръ-юнкеръ, занимался переводами театральныхъ пьесъ. См. мою замѣтку „Къ вопросу о куплетахъ Пушкина“ (Пушкинъ и его современники, 1908 г. вып. VI).

Москвы Грибоѣдова. Все это было бы прекрасно, но по сію пору этаго нѣтъ.

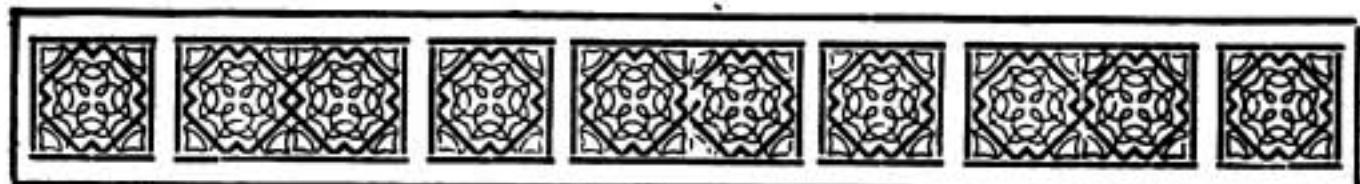
Между тѣмъ я совершенно селюсь въ здѣшней глуши, строюсь и выписываю всякую всячину; даже въ уѣздномъ городѣ затѣваю построить домъ, выбралъ уже мѣсто и подрядилъ бревны. Вотъ тогда обширное бы поле открылось Благонамѣренному писать объ уѣздѣ; но я опасаясь такихъ благихъ намѣреній, самъ твердо вознамѣрился болѣе стиховъ не писать. Мнѣ кажется, для благородной цѣли жить послѣ смерти я написалъ довольно, если оно хорошо; другой же цѣли: одолѣть ненависть, заставить молчать чернь литературную, я никогда достигнуть не могу; къ ней нѣтъ пути прямого, а кривулями, интригами я дѣйствовать не умѣю и учиться не хочу. Гдѣ Вы встрѣтили Колосовыхъ? дочь умница. Прощайте, любезнѣйшій мой Николай Ивановичъ, наблюдайте, восхищайтесь, и пишите къ намъ. Въ возможной исправности отвѣтовъ будьте всегда увѣрены. Весь вашъ.

Павель Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Парижскія воспоминанія.

(Всемирная выставка 1869 г.—Наполеонъ III и поляки.—Пребываніе Александра II въ Парижѣ и покушеніе Березовскаго.—Протестантизмъ въ Парижѣ и у насъ.—Франко-прусская война 1870 г.—Замѣчаніе Ѳ. И. Тютчева о значеніи Седанской битвы для Франціи.)

Въ самага моего дѣтства мнѣ пришлось жить и бывать въ Парижѣ почти непрерывно до послѣдняго времени. Я въ немъ жилъ то въ качествѣ мирнаго парижскаго гражданина „citoyen Paris“, какъ прозвали меня мои петербургскіе знакомые, то въ качествѣ корреспондента русскихъ газетъ, а именно: „Новаго Времени“, „Гласности“, „Вечерней газеты“ и др. За этотъ долгій періодъ времени, живя въ блестящемъ центрѣ западной цивилизаціи, мнѣ довелось встрѣчаться и видѣть не только много знаменитыхъ личностей, но и быть свидѣтелемъ крупныхъ историческихъ событій, совершавшихся во Франціи со времени паденія имперіи Наполеона III. Между прочимъ мнѣ удалось увидѣть въ Парижѣ всѣ бывшія въ немъ четыре всемирныя выставки 1867, 1878, 1889 и 1900 гг. Но самое интересное въ Парижѣ, по моему мнѣнію, это не столько внѣшнія событія, его касающіяся, сколько самый духъ ежедневной парижской жизни, то, что составляетъ самую душу парижскаго населенія, его идеалы, его нравы, его характеръ, радости и печали. Эту сторону жизни можно узнать только долгимъ пребываніемъ въ Парижѣ и благодаря совершенному знакомству съ французскимъ языкомъ. Тотъ, кто хочетъ узнать другую страну, другую націю долженъ во-первыхъ отрѣшиться отъ предвзятыхъ политическихъ симпатій и антипатій, во-вторыхъ, долженъ умѣть приспособиться къ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ. Я встрѣчалъ русскихъ, которые не взлюбили Парижа по слѣдующимъ причинамъ: одинъ потому, что въ

немъ нельзя достать русскихъ шей, другой потому, что въ немъ нѣтъ двойныхъ рамъ въ окнахъ, третій потому, что ему подали не вкусный обѣдъ въ ресторанѣ. И такихъ лицъ, выносящихъ свое сужденіе о всей странѣ по такимъ мелочамъ, гораздо больше, чѣмъ можно бы думать. И это не удивительно. Не многимъ дано узнать душу человѣка другой національности, когда душа эта скрыта подъ тройной броней: другого языка, другой исторіи и другихъ воззрѣній. Въ настоящемъ очеркѣ я не буду придерживаться какого-нибудь строго-хронологическаго порядка изложенія того, что меня болѣе поразило или интересовало изъ видѣннаго мною въ Парижѣ. Это просто рядъ пережитыхъ впечатлѣній за сорокъ лѣтъ парижской жизни.

Первая всемірная парижская выставка 1867 г. была какъ бы апофеозомъ имперіи Наполеона III. Всѣ государи Европы собрались на этотъ праздникъ мирнаго культурнаго соперничества и никому, конечно, не могло придти въ голову, что всего три года спустя маленькая Пруссія, какъ ее тогда еще называли, превратится въ грозную Германскую имперію, Франція сдѣлается республикой, а Наполеонъ III окончитъ жизнь въ безславномъ и горькомъ изгнаніи. Всемирная выставка 1867 г. была одна изъ самыхъ удачныхъ изъ всѣхъ бывшихъ впослѣдствіи выставокъ, во-первыхъ, потому, что она была новинкой въ этомъ родѣ развлеченій, а во-вторыхъ—по числу собравшихся по этому случаю въ Парижѣ коронованныхъ особъ съ ихъ блестящей свитой. Знаменитый царь вальса Іоганъ Штраусъ нарочно сочинилъ и въ первый разъ сыгралъ во главѣ своего оркестра свой извѣстный вальсъ „An der blau Donau“ при открытіи выставки.

Звуки этого вальса съ этого времени обошли весь свѣтъ. Вообще эта первая выставка носила особенный характеръ какого-то всемірнаго братства. Многіе вѣрили, что положено начало для новыхъ международныхъ отношеній, гдѣ соревнованіе между націями будетъ выражаться впредь исключительно на почвѣ труда и промышленнаго прогресса. Состоявшее при выставкѣ библейское общество распространяло безвозмездно въ публикѣ въ количествѣ милліоновъ экземпляровъ переведенные на разные языки отрывки изъ Библіи и Евангелія, а также отдѣльные рассказы, въ видѣ изящно переплетенныхъ маленькихъ брошюръ. Общество поручало дѣтямъ дѣло распространенія этихъ брошюръ среди публики, и мнѣ доставляло большое удовольствіе принимать участіе въ этой мирной пропагандѣ. Между распространяемыми такимъ образомъ душеспасительными книжками особенно пользовался успѣхомъ символическій рассказъ изъ русской жизни подъ названіемъ „Вѣрный

слуга“, въ которомъ русскій крѣпостной, чтобы спасти своихъ господъ, ѣдущихъ въ саняхъ въ зимнюю ночь, преслѣдуемыхъ голодными волками, жертвуетъ собой и бросается изъ саней на растерзаніе волкамъ.

Во время парижской выставки полякъ Березовскій совершилъ покушеніе на жизнь Императора Александра II. Событія 1863 года въ Польшѣ были причиной того, что Парижъ наводнила масса польскихъ бѣглецовъ. Наполеонъ III игралъ въ либерализмъ и на словахъ, конечно, выражалъ свое сочувствіе Польшѣ.

Мицкевичъ получилъ казенное мѣсто профессора славянской литературы въ Сорбоннѣ, и польская эмиграція вѣрила, что Франція активно заступится за Польшу. При какомъ-то официальном приѣмѣ, адвокатъ Флокэ, впоследствии председатель французской палаты депутатовъ и прославившійся своимъ участіемъ въ скандальномъ дѣлѣ Панамы, обратился къ Александру II съ такими словами: „Vive la Pologne, Monsieur!“.

Вообще французское правительство, опьяненное внѣшнимъ блескомъ Наполеоновскаго царствованія, не знало предѣловъ своему высокомѣрію и самообольщенію. При такихъ обстоятельствахъ совершилось покушеніе Березовскаго. Александръ II ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ Наполеономъ III въ Булонскомъ лѣсу. Какой-то человекъ выскочилъ на дорогу и выстрѣлилъ изъ револьвера въ коляску. Пуля однако задѣла только голову лошади адъютанта Наполеона III, ѣхавшаго верхомъ съ боку коляски. Говорили, что сейчасъ послѣ покушенія Наполеонъ III воскликнулъ: „это противъ меня—итальянецъ“. А Александръ II замѣтилъ, что вѣроятно покушался противъ него полякъ. Последнее оказалось вѣрнымъ.

Мнѣ пришлось присутствовать нѣсколько дней спустя на торжественномъ благодарственномъ молебнѣ, совершенномъ по этому случаю въ русской церкви въ улицѣ Дарю въ присутствіи коронованныхъ лицъ, Наполеона III и Вильгельма I, тогда еще бывшего только прусскимъ королемъ. Я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ французскаго императора и помню его блѣдное усталое лицо съ большими усами, омраченное загадочной грустью. Онъ уже тогда болѣлъ каменной болѣзью, которая унесла его въ могилу. Напротивъ, Вильгельмъ I, хотя старше годами, чѣмъ Наполеонъ, поражалъ своимъ здоровымъ и довольнымъ видомъ и подвижностью. Послѣ молебна онъ вышелъ на крыльцо церкви, окруженный приближенными, между которыми находился Бисмаркъ, и ждалъ нѣсколько минутъ приближенія экипажа. Для него блестящая пора его царствованія была еще вся впереди. Впоследствии я видалъ не разъ Императора Вильгельма въ Берлинѣ и всегда вспоминалъ его

въ той скромной роли, въ которой мнѣ пришлось его встрѣтить на Парижской всемірной выставкѣ въ 1867 году.

Въ молодые годы моего пребыванія въ Парижѣ мнѣ пришлось вращаться въ французскихъ протестантскихъ кружкахъ, представлявшихъ тогда большой интересъ вслѣдствіе выдающихся проповѣдниковъ, которые привлекали избранную публику. Между такими проповѣдниками отмѣчу: Берсье, основатель свободной церкви въ Парижѣ, Кулэнъ, привлекшій массу слушателей рядомъ блестящихъ по изложенію проповѣдей на тему: „Сынъ человѣческій“ и Прессансъ пасторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторъ, отецъ извѣстнаго журналиста и депутата. Всѣ эти проповѣдники имѣли сильное вліяніе на политику, направляя ее въ либеральное русло. Они встрѣчали противодѣйствіе въ католическихъ клерикальных сферахъ. Но Парижъ временъ вареоломеевской ночи и преслѣдованія гугенотовъ давно пережилъ періодъ религіозной нетерпимости, и въ настоящее время нѣтъ націи, болѣе терпимой къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, какъ французы. Нѣсколько лѣтъ назадъ можно было видѣть одного французскаго депутата, принявшаго магометанство, производящаго передъ тѣмъ, чтобы войти въ зданіе парламента, омовеніе на берегу Сены на глазахъ равнодушной уличной толпы. Изъ названныхъ проповѣдниковъ особенно славился Берсье, очень извѣстный среди тогдашней русской колоніи.

Не могу не упомянуть, говоря о французскомъ протестантизмѣ, о замѣчательной женщинѣ г-жѣ Андрэ, жившей въ Версалѣ въ чудномъ собственномъ домѣ и занимавшейся исключительно, если можно такъ выразиться, активной религіозной пропагандой. Это была старая, но жизнерадостная дама, очень богатая вдова, посвятившая остатокъ своей жизни дѣланію добра и молитвѣ. Въ ея виллѣ „Ля Розере“ каждое воскресенье собиралось большое общество вмѣстѣ съ простымъ народомъ и день проходилъ въ пѣніи гимновъ и въ проповѣдяхъ. Мы часто бывали на этихъ собраніяхъ, отличавшихся рѣдкимъ оживленіемъ и радушіемъ и оставлявшихъ впечатлѣніе религіозныхъ собраній первыхъ временъ христіанства, откуда были изгнаны всякія формальности, и гдѣ всякій, желавшій излить свои чувства, имѣлъ свободный доступъ на кафедру. У г-жи Андрэ были уже взрослые сыновья и дочери высокопоставленные въ парижскомъ свѣтскомъ обществѣ и которые также принимали живое участіе въ этихъ религіозныхъ собраніяхъ. Въ нихъ не было политической подкладки, но бѣдные и богатые соединялись въ одномъ молитвенномъ настроеніи. Тотъ же характеръ свободной религіозной проповѣди проявился впослѣдствіи въ учрежденной генераломъ Бутсомъ „Арміи спасенія“, а у насъ въ сектѣ „Паш-

дился Лихонинъ, личность весьма почтенная, но П. былъ съ нимъ во враждѣ по какому-то неудовольствію. Лихонинъ въ собраніи не присутствовалъ и потому могъ баллотироваться только послѣ присутствовавшихъ. Когда выборы по списку кончились, но вслѣдствіе многочисленныхъ отказовъ оставалось еще одна или двѣ вакансіи не замѣщенными, тогда предложили баллотировать Лихонина. Но П., желая ему сдѣлать непріятность, произнесъ рѣчь, сказавъ, что Лихонинъ въ собраніи не присутствовалъ, а между тѣмъ въ числѣ присутствующихъ есть такая достойная личность, какъ Тернеръ, котораго слѣдовало бы прежде баллотировать, если онъ на то согласится. Не зная ничего объ отношеніяхъ П. къ Лихонину и не подозрѣвая въ рѣчи П. какого-либо подвоха, хотя и удивлялся, что онъ вдругъ меня сталъ такъ выхвалять, я наивно согласился на баллотировку. Я оказался избраннымъ незначительнымъ большинствомъ, а такъ какъ при этомъ оказалась еще какая-то ошибка въ счетѣ шаровъ, то я окончательно въ гласные не попалъ—а между тѣмъ, благодаря этому маневру, Лихонинъ остался не выбраннымъ. Впослѣдствіи мои друзья упрекали меня въ томъ, что я оказался причиною невыбора Лихонина—согласившись на лукавое предложеніе П-а. Мнѣ, разумѣется, это было очень непріятно—тѣмъ болѣе, что я не подозрѣвалъ никакой интриги въ предложеніи П-а пустить меня на баллотировку и только потому и согласился на него.

По возвращеніи въ Петербургъ, я узналъ о смерти Ю. О. Самарина. Это извѣстіе меня поразило очень печально потому, что я весьма уважалъ и цѣнилъ его. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ всегда высказывался политическимъ противникомъ нѣмцевъ и Германіи, въ сущности же онъ любилъ нѣмцевъ и горячо былъ преданъ нѣмецкой наукѣ—и замѣчательно, что ему суждено было умереть въ нѣмецкомъ госпиталѣ, въ Берлинѣ, гдѣ онъ незадолго передъ тѣмъ дѣлалъ сообщеніе въ большомъ обществѣ, не помню, по какому-то вопросу въ связи съ Россіей, сообщеніе, которое было выслушано съ живѣйшимъ интересомъ.

Юрій Ѳедоровичъ находился до самой смерти въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ баронессой Эдитой Ѳедоровной Рааденъ; между нею и Самаринымъ происходила, между прочимъ, весьма интересная переписка по поводу остзейскаго вопроса. Русская патріотка въ душѣ, баронесса Эдита Ѳедоровна считала долгомъ отстаивать вмѣстѣ съ тѣмъ историческія права остзейцевъ, не соглашаясь съ умѣстностью той крайней руссификаціи, которая началась въ царствованіе Александра III. Самаринъ, какъ извѣстно, состоялъ въ молодости чиновникомъ по особымъ порученіямъ при князѣ Суворовѣ въ Ригѣ и сильно агитировалъ въ русскихъ кругахъ противъ

остзейскихъ порядковъ. Это было при Императорѣ Николаѣ I. Государь потребовалъ его къ себѣ и въ разговорѣ съ нимъ заявилъ ему, что онъ признаетъ его стремленіе, хотя и совершенно почтеннымъ, но чисто идеалистическимъ увлеченіемъ и что онъ не считаетъ политически умѣстнымъ производить пертурбацію въ краѣ. Засимъ служба Самарина въ Ригѣ прекратилась; въ послѣдствіи, уже при Александрѣ II-мъ, вышла его книга о балтійскихъ окраинахъ, надѣлавшая столько шума. Вотъ по этому поводу и происходила продолжительная и крайне интересная переписка его съ баронессою Рааденъ. Разумѣется, эта переписка не привела ихъ къ соглашенію, каждая сторона, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, осталась при своемъ мнѣніи. Замѣчательно, что эти двѣ выдающіяся личности, стоявшія въ такомъ важномъ вопросѣ на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія, до конца жизни оставались въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Къ баронессѣ Эдитѣ Ѳедоровнѣ я всегда питалъ глубокое уваженіе; разъ только между нами произошла временная размолвка по поводу дешевыхъ столовыхъ для студентовъ, о которыхъ выше была рѣчь. Вотъ, послѣ того какъ я отказался отъ предсѣдательства въ комитетѣ столовыхъ, мы нѣкоторое время оставались съ нею въ весьма холодныхъ отношеніяхъ. Въ послѣдствіи мало-по-малу наши отношенія пришли, однако, въ прежнее положеніе. Наше сближеніе особенно подвинулось въ моментъ трагическаго происшествія 1-го марта. Подъ вліяніемъ этого тяжелаго впечатлѣнія, Эдита Ѳедоровна пригласила меня провести у нея вечеръ, чтобы поговорить о совершившемся, присовокупивъ, что въ такое печальное время всѣ порядочные люди должны соединиться вмѣстѣ. Послѣ того наши дружескія отношенія продолжались до самой ея смерти.

Около этого времени я случайно прочелъ въ газетахъ о несчастномъ положеніи бѣдной женщины С., мужъ которой, служившій въ Государственномъ Банкѣ, за поддѣлку векселей, былъ сосланъ въ Сибирь, и которая съ двумя малолѣтними дѣтьми осталась безъ всякихъ средствъ. Меня этотъ случай заинтересовалъ, и я поѣхалъ посѣтить ее. Все это оказалось правдой—я далъ ей нѣкоторое денежное пособіе и затѣмъ продолжалъ по временамъ оказывать ей помощь. Обо всемъ этомъ я рассказываю только въ виду послѣдующаго трагическаго эпизода, происшедшаго съ сыномъ этой женщины. Мальчикъ оказался очень способнымъ и современемъ перешелъ въ Кронштадтскую гимназію, такъ какъ мать его опредѣлилась туда въ Красный Крестъ. Тамъ онъ оказался однимъ изъ первыхъ учениковъ, такъ что получилъ казенную стипендію; по окончаніи курса въ гимназіи, онъ поступилъ въ медицинскую академію. Этотъ не-

счастливый, вмѣсто того, чтобы думать о поддержаніи матери и сестры, увлекся въ политическое революціонное дѣло,—участниками котораго въ Кронштадтѣ было даже совершено убійство одного гимназиста, котораго вѣроятно подозрѣвали въ измѣнѣ. Объ этомъ дѣлѣ въ свое время много говорили. Вскорѣ послѣ поступленія молодого человѣка въ медицинскую академію, онъ былъ арестованъ, подвергнутъ суду и приговоренъ къ ссылкѣ на Сахалинъ, гдѣ онъ годъ или два спустя и скончался. Последнее время, до этой катастрофы, когда онъ приходилъ ко мнѣ, я былъ удивленъ тѣмъ, что на его лицѣ появилось какое-то ожесточенное выраженіе—между тѣмъ какъ прежде это былъ добродушный мальчикъ. Очевидно, контрастъ между положеніемъ его сверстниковъ въ гимназіи, принадлежащихъ большею частью къ состоятельнымъ семействамъ, и его собственнымъ приниженнымъ положеніемъ у бѣдной матери, ожесточилъ самолюбиваго и способнаго мальчика, и этимъ настроеніемъ воспользовались пропагандисты, чтобы привлечь его въ свою среду.

Во второй половинѣ мая ко мнѣ зашелъ директоръ Кредитной Канцеляріи А. В. Цимсень и сообщилъ мнѣ, что оказывается необходимымъ послать особо довѣренное лицо отъ министра финансовъ въ Румынію, для заключенія съ румынскимъ правительствомъ и румынскими желѣзными дорогами конвенціи, относительно способа уплаты за перевозку нашихъ войскъ,—и что Михайлъ Христофоровичъ намѣренъ возложить это порученіе на меня. Столь неожиданное предложеніе меня, разумѣется, крайне поразило. Отправленіе на театръ войны, въ центръ происходившихъ тогда событій, представляло несомнѣнно большой интересъ, но съ другой стороны трудность такого порученія и сомнѣніе—удастся ли мнѣ привести довольно сложную въ частностяхъ задачу къ удовлетворительному окончанію, не мало меня смущало. Несмотря на то, я изъявилъ согласіе принять дѣлаемое мнѣ предложеніе (Рейтернъ въ этомъ отношеніи былъ очень деликатенъ: давая служащимъ у него какое-либо особенное порученіе, онъ передъ тѣмъ всегда спрашивалъ ихъ на то согласіе). — На другой день уже послѣдовало утвержденіе моей командировки.

Пришлось, не теряя времени, готовиться къ отъѣзду—запасаться необходимыми вещами на дорогу, дѣлать прощальные визиты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомиться съ предварительной перепиской по предстоящему мнѣ дѣлу. На все это прошло дня три. Покончивъ со всѣми приготовленіями и посѣтивъ на прощаніе могилу жены, я 26-го мая выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи служившаго у меня человѣка, черезъ Берлинъ, Дрезденъ въ Пештъ. Изъ Дрездена, гдѣ я пробылъ цѣлый день, я вечеромъ отправился въ эки-

Гуляя послѣ обѣда на палубѣ парохода и любуясь раскрывавшимися передъ моими глазами видами, я услышалъ довольно громкій разговоръ кучки пассажировъ, сидѣвшихъ въ сторонѣ тоже на палубѣ. Бесѣда шла у нихъ, разумѣется, о войнѣ; одинъ старикъ венгерець особенно какъ-то горячился, утверждая, что Россія имѣетъ завоевательные планы, но нѣкоторые изъ собесѣдниковъ, особенно одинъ австрійскій офицеръ, возражали ему, указывая на то, что Государь объявилъ при началѣ войны, что никакихъ завоевательныхъ плановъ у него не имѣется, и что нѣтъ повода сомнѣваться въ неискренности такого заявленія, но старый венгерець никакъ не могъ на томъ успокоиться и кричалъ все: „Er lügt, er lügt“. У меня было поползновеніе подойти къ нему и, сказавъ, что я русскій, замѣтить ему, что не слѣдуетъ такъ непочтительно отзываться о моемъ Государѣ. Но такъ какъ я былъ совершенно безъ знакомыхъ на пароходѣ и при томъ съ офиціальнымъ характеромъ, то я не рѣшился это сдѣлать, опасаясь, что могла выйти пренепріятная сцена, если бъ старый венгерець не согласился принять спокойно моего возраженія къ свѣдѣнію; но все же, вслѣдствіе этой нерѣшительности, я остался въ какомъ-то непріятномъ настроеніи. Рано утромъ, часа въ 4, нашъ пароходъ остановился у Бѣлграда. Я проснулся нѣсколько позже и поторопился одѣться и выйти на палубу, но стоянка уже кончилась, и нашъ пароходъ отчаливалъ; мнѣ удалось только увидѣть городъ издали. Это была масса какихъ-то небольшихъ бѣлыхъ домиковъ, совсѣмъ не представлявшая вида большого города; по крайней мѣрѣ, я не могъ, правда издали, усмотрѣть хоть одно большое строеніе въ этой массѣ мелкихъ домовъ.

Въ Орсовѣ намъ пришлось покинуть нашъ гостепріимный пароходъ. Я помѣстился въ маленькой, кажется единственной, но довольно чистой гостиницѣ и сталъ собирать справки, какимъ путемъ слѣдовать далѣе въ Бухарестъ. Оказалось, что поѣздъ изъ близъ лежащей станціи Верцерово отправляется рано утромъ и что потому придется провести весь день въ Орсовѣ. Самый городишко не представлялъ ничего интереснаго; на мой вопросъ, чтò бы можно осмотрѣть замѣчательнаго въ окрестностяхъ города, мнѣ указали на желѣзныя ворота (Eisernes Thor) на Дунаѣ и на турецкую крѣпостцу, кажется, Адда-Калэ, лежащую на островѣ противъ Орсова. Эта крѣпостца представляла какой-то замѣчательный историческій анахронизмъ. Она была расположена, какъ уже сказано, на островѣ, посреди Дуная, т. е. въ водахъ чужого государства, потому что оба берега рѣки принадлежали Австро-Венгріи. Когда-то, послѣ войны, состоялось соглашеніе Австріи съ Турціей, по которому берега Дуная отошли во владѣніе этого государства, а крѣпость Адда-Калэ

оставалась за Турціей, какъ нѣкоторое историческое воспоминаніе господства ея надъ этою страню. Въ крѣпости содержался незначительный турецкій гарнизонъ. Никакого стратегическаго значенія она, разумѣется, не имѣла, ибо оставалась въ рукахъ Турціи только по долготерпѣнію Австріи. Пріѣзжіе въ Орсово обыкновенно ѣздили осматривать этотъ историческій курьезъ: гарнизонъ крѣпости всегда очень привѣтливо принималъ посѣтителей, въ надеждѣ на полученіе бакшиша. Мнѣ также предложили поѣхать осмотрѣть Адда-Калэ, но я нашелъ это рискованнымъ: мы находились въ войнѣ съ Турціей, турецкій комендантъ могъ узнать случайно, что я русское официальное лицо, и задержать меня, — я не хотѣлъ рисковать этимъ и отказался отъ посѣщенія крѣпости.

Но зато я рѣшился поѣхать на Желѣзные Ворота. Мѣстность, носящая это названіе Eisernes Thor, замѣчательна порогами на Дунаѣ, которые дѣлали дальнѣйшее судоходство по рѣкѣ невозможнымъ (не знаю, устранено-ли въ настоящее время это препятствіе). Кромѣ того, около этого мѣста, во время венгерской революціи, была запрятана въ землѣ корона Венгріи со всѣми ея регаліями. Я взялъ съ собою кельнера гостиницы въ качествѣ сісегоне и въ нанятой коляскѣ отправился къ Желѣзнымъ Воротамъ. Дорога шла вѣдоль Дуная, представляла мало интереснаго въ качествѣ пейзажа. Когда мы доѣхали до Желѣзныхъ Воротъ, нашимъ взорамъ представился Дунай, сѣуженный высокими отвѣсными скалами и пересѣченный рядомъ пороговъ, по которымъ масса воды, сдавленной съ обѣихъ сторонъ скалами, устремлялась съ удивительною быстротою и силою, покрывая все пространство бѣлою пѣной. Нагроможденные какъ бы какою-то гигантскою рукою на берегу рѣки громадныя, суровыя, сѣрыя скалы были почти лишены всякой растительности; все это представляло грандіозную, но чрезвычайно дикую картину.

Осмотрѣвъ это интересное явленіе природы, мы отправились обратно, потому что мѣстечко, гдѣ была открыта зарытою въ землѣ венгерская корона, лежало въ сторонѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ и само по себѣ ничего интереснаго не представляло.

Поѣздъ въ Бухарестъ отправлялся не изъ самой Орсовы, а съ пограничной румынской станціи Верцерово, которая съ Орсовою не была соединена желѣзною дорогою. Поэтому, въ Верцерово приходилось ѣхать въ экипажѣ, а такъ какъ на этотъ путь требовалось часа два или три времени, то пришлось на другой день отправляться въ путь рано утромъ, почти ночью. Я выѣхалъ натошакъ, такъ какъ рано утромъ у насъ въ гостиницѣ ничего нельзя было получить; кельнеръ, извиняясь, объяснилъ мнѣ, что на станціи я найду буфетъ и готовый кофе. Въ Верцерово я прибылъ вѣ-

время; пришлось даже ждать отхода поѣзда. Я отправился въ буфетъ, который оказался далеко не завиднымъ, и напился тамъ пресквернаго кофе. Въ ожиданіи отправленія поѣзда мнѣ удалось увидѣть на станціи Милана, который тоже куда-то ѣхалъ. Онъ поразилъ меня своею некрасивою фигурой. Толстое туловище и короткія ноги; облеченный въ обтянутый уланскій мундиръ, онъ представлялъ собою что-то карикатурное. Впослѣдствіи я видѣлъ Милана въ Карлсбадѣ въ гражданскомъ платьѣ; штатскій костюмъ нѣсколько скрывалъ неграціозность его фигуры, но военный мундиръ какъ-то особенно выставлялъ уродливость его тѣлосложенія.

Часовъ въ восемь утра поѣздъ двинулся въ путь, и поздно вечеромъ мы прибыли въ Бухарестъ. Дорога не представляла ничего интереснаго; мѣстность ровная и не живописная. Во время пути намъ попадались навстрѣчу поѣзда, нагруженные понтонами; меня удивляло, что эти поѣзда направлялись то въ одну, то въ другую противоположную сторону. Впослѣдствіи я узналъ, что, въ виду предстоящаго перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, чтобы лишить непріятеля возможности предугадать, гдѣ будетъ происходить переправа, понтоны подвозились къ разнымъ мѣстамъ Дуная, т. е. даже въ такіе пункты, гдѣ переправа совершенно не предполагалась. Эта военная хитрость имѣла полный успѣхъ: турки не догадались, гдѣ произойдетъ переправа нашихъ войскъ, и таковая совершилась благополучно.

Во время пути на разныхъ станціяхъ въ нашъ вагонъ входили очень элегантныя дамы, очевидно принадлежавшія къ мѣстному обществу, обыкновенно въ сопровожденіи румынскихъ офицеровъ, которые разсыпались передъ ними въ любезностяхъ; какъ по ихъ костюму, такъ и по обращенію видно было, что онѣ во всемъ старались подражать Парижу, ихъ идеалу, но только еще въ сильно утрированномъ видѣ; онѣ двигались и разговаривали какъ на сценѣ, будто для публики; всѣ ихъ движенія поражали изысканностью и неестественностью.

Въ Бухарестъ мы прибыли довольно поздно. Я надѣлся встрѣтить на станціи комиссіонера отъ нашего генеральнаго консула, которому я телеграфировалъ о моемъ пріѣздѣ, но такого не оказалось.

Пришлось о всемъ хлопотать самому. Получивъ багажъ и нанявъ извозчика, я приказалъ ему ѣхать въ главную гостиницу, которую мнѣ рекомендовали, — насколько помню, Grand Hôtel. Пріѣхавъ къ гостиницѣ, я, къ немалому моему смущенію, отъ хозяина ея и портьера, стоявшихъ у входа, получилъ отвѣтъ, что свободныхъ мѣстъ въ гостиницѣ нѣтъ. Это было чрезвычайно непріятно:

ѣхать вечеромъ по чужому городу, отыскивая помѣщеніе въ другихъ второстепенныхъ гостиницахъ, была пренепріятная перспектива. На мое счастье, пока я разспрашивалъ, куда бы отправиться, изъ гостиницы случайно вышелъ одинъ господинъ, съ которымъ я познакомился въ Вѣнѣ, во время происходившихъ тамъ переговоровъ. Онъ узналъ меня и подошелъ ко мнѣ поздороваться; когда я ему объяснилъ мое непріятное положеніе, онъ немедленно подошелъ къ хозяину гостиницы, съ которымъ онъ, повидимому, былъ знакомъ, и объяснилъ ему, что такому важному лицу необходимо дать помѣщеніе въ гостиницѣ. Убѣдившись, что новый пассажиръ заслуживаетъ вниманія, хозяинъ немедленно отвелъ мнѣ красивую комнату, въ которой я и жилъ до конца моего пребыванія въ Бухарестѣ. Гостиница содержалась совершенно по-европейски и могла равняться лучшимъ гостиницамъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, такъ что въ ней жилось очень комфортабельно.

На другой день я поѣхалъ съ визитомъ къ нашему генеральному консулу, барону Стурту. Баронъ принялъ меня очень любезно и вмѣстѣ съ тѣмъ извинился, что онъ не встрѣтилъ меня на станціи,—это было сказано съ нѣскольکو насмѣшливымъ выраженіемъ. Я сейчасъ замѣтилъ, въ чемъ дѣло. Баронъ Стуртъ, получивъ мою депешу, вообразилъ, что я ожидаю его встрѣчи на вокзалѣ, и нашелъ, вѣроятно, что это не соответствуетъ его положенію. Я ему отвѣтилъ, что мнѣ никогда и въ умъ не приходило ожидать его встрѣчи, но что я позволилъ себѣ ему телеграфировать, въ надеждѣ, что онъ вышлетъ мнѣ на станцію человека, который могъ бы меня проводить до гостиницы въ совершенно неизвѣстномъ мнѣ городѣ. Черезъ два часа баронъ Стуртъ отдалъ мнѣ визитъ въ гостиницѣ. Мы разговорились съ нимъ о положеніи дѣла и расстались пріятелями; предварительное объясненіе этому не помѣшало.

Затѣмъ я отправился къ нашему главному полевому казначею, Кидошенкову, чтобы и съ нимъ познакомиться и переговорить о дѣлахъ. Онъ мнѣ показался личностью чрезвычайно дѣльной и порядочною, такъ что мы скоро съ нимъ сблизились. На другой день мнѣ надо было представляться Государю и главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу въ Плоэштахъ, гдѣ тогда находилась наша главная квартира. Мы условились съ Кидошенковымъ, у котораго тоже были дѣла въ Плоэштахъ, отправиться туда вмѣстѣ и я даже остановился тамъ у него на квартирѣ.

На войнѣ полевому казначею приходится большею частью исполнять свои обязанности въ открытомъ полѣ, поэтому у него имѣется особенная полевая касса, при которой всегда находится часово́й.

щать меня отъ солнца. До слѣдующаго высокаго дома приходилось пройти какихъ-нибудь пятьдесятъ шаговъ, я продолжалъ спокойно путь, но вдругъ почувствовалъ столь сильное дѣйствіе солнечныхъ лучей на мою голову, несмотря на то, что былъ въ бѣлой полотняной фуражкѣ, — что я думалъ, что получу солнечный ударъ, и инстинктивно рысью побѣжалъ до слѣдующаго дома, гдѣ опять попалъ въ тѣнь. За городомъ находилась аллея бѣлыхъ акацій, представлявшая мѣсто гуляній, — Баньяръ. Послѣ обѣда она наполнялась ежедневно элегантными экипажами и гуляющими пѣшеходами. Акаціи въ цвѣту издавали чудный запахъ жасмина, но ужасная пыль, поднимавшаяся съ плоскихъ окрестностей, портила наслажденіе прогулкой.

Вскорѣ по возвращеніи въ Бухарестъ, я имѣлъ совѣщаніе съ министрами Братяно и Когольчанино, при которомъ присутствовалъ и нашъ ген. консулъ баронъ Стюартъ. Мы безъ труда условились въ главныхъ началахъ, на которыхъ я принялся за разработку проекта положенія взаимныхъ расчетовъ и контроля. Такимъ образомъ съ румынскимъ правительствомъ я скоро пришелъ къ соглашенію, но это касалось пока только правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ; что же касается правленій линій частныхъ жел. дорогъ, то съ ними никакъ нельзя было поладить. Переговоры съ ними продолжались нѣсколько недѣль и все безъ результата.

Въ теченіе этого времени я воспользовался свободнымъ днемъ для поѣздки въ Журжево. Этотъ городъ, лежащій на берегу Дуная и находящійся по желѣзной дорогѣ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Бухареста, турки обстрѣливали изъ батарей, помѣщенныхъ на противоположномъ берегу Дуная. Желая посмотрѣть на результаты бомбардировки, я и поѣхалъ въ Журжево. Выѣхавъ раню утромъ изъ Бухареста, я прибылъ около двѣнадцати часовъ въ Журжево и пошелъ гулять по улицамъ этого небольшого, но красиваго города. Вездѣ были видны слѣды бомбардированія: мостовая на улицахъ была мѣстами взрыта разорвавшимися бомбами; нѣкоторые дома прострѣлены, у другихъ отбиты углы и части стѣнъ, однимъ словомъ — городъ представлялъ картину частичнаго разрушенія. Несмотря на то, по улицамъ происходило движеніе людей, имѣвшихъ довольно спокойный видъ. Затѣмъ я прошелъ къ берегу Дуная, и мнѣ показали турецкія батареи, жерла которыхъ были направлены на городъ, которыя хорошо можно было видѣть. Въ городѣ говорили, что въ этотъ день бомбардировка начнется какъ обыкновенно около трехъ часовъ. Поѣздъ въ Бухарестъ отходилъ только въ пять; такимъ образомъ мнѣ пришлось бы часа два пробить въ городѣ, подвергаемомъ обстрѣливанію. Погода была

хорошая, и потому, не желая безцѣльно подвергать себя опасности быть убитымъ, я отправился изъ Журжево пѣшкомъ до слѣдующей станціи Фратешти и тамъ сѣлъ на поѣздъ.

Нѣсколько дней по возвращеніи въ Бухарестъ, я представлялся князю (нынѣ королю) Карлу и его супругѣ кн. Елисаветѣ. Князь Карлъ сдѣлалъ на меня впечатлѣніе свѣжаго и привѣтливаго молодого человѣка, который держалъ себя съ достоинствомъ, но весьма просто. Меня особенно интересовала княгиня Елисавета, его супруга. Реформатскій пасторъ Дальтонъ, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ и который прибылъ въ Бухарестъ въ сопровожденіи госпитальнаго отряда, сооруженнаго протестантскими приходами въ Петербургѣ, много мнѣ рассказывалъ о княгинѣ, съ которою онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ по дѣламъ благотворительности. Годъ тому назадъ княгиня потеряла единственную свою дочь и была тѣмъ болѣе убита этимъ горемъ, что состояніе здоровья не давало ей надежды имѣть другихъ дѣтей. Послѣ перваго времени горестнаго унынія, она стала искать развлеченія или скорѣе успокоенія въ усиленныхъ занятіяхъ дѣлами благотворительности. Благодаря ей, въ Бухарестѣ стали возникать разные воспитательные пріюты для дѣтей. Особенно замѣчателенъ основанный ею институтъ для дѣвицъ въ Кватрочени, который я осматривалъ. Институтъ этотъ превосходно устроенъ, и въ немъ заведена очень разумная система: по окончаніи образованія, дѣвицы остаются еще года два или три въ институтѣ, такъ что онѣ вступаютъ въ самостоятельную жизнь уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Княгиня интересовалась кромѣ того произведеніями искусства; ея дворецъ, похожій на комфортабельный домъ богатаго человѣка, былъ отдѣланъ съ большимъ вкусомъ, но безъ излишней роскоши и наполненъ предметами искусства. Въ послѣднее время королева составила себѣ имя въ литературѣ; стихотворенія и рассказы ея изъ мѣстной жизни, выходящіе подъ псевдонимомъ *Carmen Sylva*, не лишены литературнаго достоинства.

Переговоры все тянулись и не приходили къ окончанію вслѣдствіе несогласія частныхъ жел. дорогъ. Разъ какъ-то вечеромъ, ко мнѣ заѣхалъ министръ финансовъ Братьяно; переговоривъ обстоятельно о положеніи дѣла, мы пришли къ заключенію, что нѣтъ основанія ожидать долѣе отвѣта правленій частныхъ дорогъ—и что можно приступить къ заключенію договора съ правительствомъ, предоставивъ частнымъ дорогамъ впослѣдствіи присоединиться къ нему.

Братьяно просидѣлъ у меня цѣлый вечеръ, и мы долго бесѣдовали съ нимъ о политическихъ дѣлахъ и объ отношеніи Россіи къ

Румыніи, при чемъ Братяно объяснялъ мнѣ, почему румынское правительство желаетъ немедленно принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ, пока дѣла наши шли хорошо, мы постоянно отклоняли предложеніе румынскаго правительства подъ предлогомъ, что не пришло еще тому время; князь Горчаковъ, съ которымъ я говорилъ по этому предмету, отзывался въ томъ же смыслѣ, прибавляя, что можетъ быть впоследствии мы снизойдемъ на желаніе румынскаго правительства. И что же,—уже нѣсколько недѣль спустя, когда начались наши неудачи подъ Плевной и когда наши войска, выдвинувшіяся впередъ, принуждены были ретироваться въ виду опасности быть отрѣзанными турецкою арміею, намъ пришлось чуть ли не упрашивать румынъ придти намъ на помощь.

Нѣсколько дней послѣ разговора съ Братяно, договоръ былъ подписанъ представителями румынскаго правительства и мною, при чемъ была сдѣлана оговорка—что правленіямъ частныхъ жел. дорогъ предоставляется приступить къ нему, подчиняясь всѣмъ пунктамъ соглашенія между обоими правительствами.

Затѣмъ мнѣ нечего было болѣе оставаться въ Бухарестѣ, тѣмъ болѣе, что я спѣшилъ ѣхать въ Карлсбадъ, гдѣ въ это время было мое семейство, и куда мнѣ хотѣлось прибыть ко дню рожденія моей сестры.

Я послалъ въ Петербургъ Рейтерну оригинальный текстъ заключеннаго мною договора, объясняя, что я считалъ наиболѣе умѣстнымъ произвести нѣкоторое давленіе на правленія частныхъ дорогъ заключеніемъ договора, не ожидая ихъ согласія, такъ какъ то неопредѣленное положеніе, въ которомъ они оставались, должно побудить ихъ присоединиться къ договору. Извѣщая затѣмъ Михаила Христофоровича, что я уѣзжаю въ Карлсбадъ, я присовокуплялъ, что если бы мои предположенія не оправдались и пришлось бы все же еще вести переговоры съ частными дорогами, то по окончаніи курса леченія въ Карлсбадѣ, я опять отправлюсь въ Бухарестъ. Правильность моего предположенія, однако, вполне оправдалась. Недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда въ Карлсбадъ, я получилъ извѣщеніе, что частныя жел. дороги, поставленныя нашими рѣшеніями *au pied du mtg*, выразили полное согласіе присоединиться къ договору, заключенному между двумя правительствами, и подписали всѣ его стипуляціи.

Послѣдній день передъ отъѣздомъ я еще посвятилъ осмотру нѣкоторыхъ мѣстныхъ достопримѣчательностей; такъ, между прочимъ, я посѣтилъ патріархію, громадное темное зданіе, напоминающее по своей архитектурѣ нѣкоторые монастыри въ Римѣ.

Затѣмъ я посѣтилъ въ городской больницѣ лежавшаго тамъ лейтенанта Скрыдлова, раненаго во время произведеннаго имъ взрыва турецкаго судна.

Въ послѣднихъ числахъ іюня я выѣхалъ изъ Бухареста. Вмѣсто прежняго пути я избралъ дорогу на Плоэштъ, Синяю, Кронштадтъ (въ Трансильваніи) и Пештъ, такъ какъ въ этомъ направленіи отъ Кронштадта до Карлсбада было прямое желѣзнодорожное сообщеніе. Изъ Плоэшта въ Кронштадтъ приходилось ѣхать въ дилижансѣ, который отходилъ ежедневно вечеромъ и утромъ изъ гостиницы *Hôtel de Moldavie*. Я надѣялся прямо съ желѣзной дороги сѣсть въ дилижансѣ, но мой расчетъ не оправдался. Когда поѣздъ прибылъ въ Плоэштъ, тамъ разразился проливной дождь, извозчиковъ на станціи не было и пришлось прождать болѣе часа, пока комиссіонеръ досталъ мнѣ, наконецъ, извозчика. Приѣхавъ въ *Hôtel de Moldavie* къ моменту самаго отхода дилижанса, нашелъ, что уже слишкомъ поздно, всѣ мѣста были заняты, и дилижансѣ отправился безъ меня; пришлось дожидаться слѣдующаго утра. *Hôtel de Moldavie* оказался довольно плохой гостиницей съ садомъ, нѣчто въ родѣ очень невзрачнаго *café chantant*. Мнѣ отвели душную комнатку, въ которой почти не спалось. Эта задержка мнѣ была очень непріятна въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, я терялъ цѣлый день и опасался опоздать въ Карлсбадъ, а затѣмъ я рассчитывалъ, уѣзжая вечеромъ, проѣхать Синяю въ теченіе дня. Синяя, лѣтнее пребываніе княжескаго семейства, лежитъ въ горахъ, въ такъ называемой Румынской Швейцаріи и представляетъ чрезвычайно живописное мѣстоположеніе. Теперь пришлось проѣзжать Синяю поздно вечеромъ и частью ночью, такъ что я едва могъ разглядѣть окружавшіе меня виды. Мѣстность напоминала нѣсколько Австрійскую Швейцарію, въ окрестностяхъ Зальцбурга.

Дилижансѣ, въ которомъ я выѣхалъ на другой день утромъ, былъ какой-то допотопный рыдванъ, родъ большого ящика на колесахъ, но четверка здоровыхъ лошадей везла насъ быстро. Въ Кронштадтъ мы прибыли на другой день утромъ. Это небольшой, но крайне живописный городъ, расположенный въ равнинѣ среди зеленыхъ холмовъ и горъ. Мѣстность такъ и звала на прогулку, но поѣздъ отходилъ черезъ нѣсколько часовъ и пришлось отказаться отъ желанія погулять въ этой милой окрестности.

Пройдя невысокія горы, окружающія Кронштадтъ, желѣзнодорожный поѣздъ продолжалъ путь, почти до самаго Пешта, по плоской малонаселенной равнинѣ, это венгерская Пуста. Поѣздъ былъ небольшой, вагоны скромные, но чистые—шелъ довольно медленнымъ ходомъ и останавливался нѣкоторое время на каждой станціи,

такъ что можно было выходить изъ вагона и прохаживаться по полю. Эта часть пути напоминала скорѣе какую-то *partie de plaisir* экскурсію, чѣмъ серьезное желѣзнодорожное путешествіе. Не останавливаясь въ Пештѣ, я проѣхалъ прямо въ Вѣну, гдѣ пришлось провести утро, такъ какъ поѣздъ въ Карлсбадъ отходилъ послѣ двухъ часовъ. Оставивъ вещи мои на вокзалѣ, я пошелъ гулять по городу, зашелъ въ гостиницу позавтракать и затѣмъ продолжалъ путь.

Въ Карлсбадѣ я провелъ очень пріятно четыре недѣли. Кромѣ моего семейства я засталъ тамъ много знакомыхъ: академика Гельмерсена, статсъ-секретаря Гагемейстера, Черткова съ женою (бѣдный Чертковъ страдалъ антоновымъ огнемъ въ ногѣ и собирався отправиться въ Вѣну для ампутаціи), Бравура съ женою, доктора Шмидта и его сына съ молодой женой.

Время проходило очень пріятно въ обществѣ знакомыхъ, въ прогулкахъ и обычныхъ моихъ занятіяхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда въ Карлсбадъ, я отправился утромъ пить кофе въ *Kaiserpark* и, просматривая журналы, съ немалымъ удивленіемъ увидѣлъ въ нѣмецкой газетѣ отчетъ о засѣданіи Общества Духовнаго Просвѣщенія, въ которомъ я держалъ рѣчь о свободѣ совѣсти, съ приведеніемъ текста моихъ тезисовъ.

Изъ Карлсбада я предпринялъ экскурсію въ близлежащій Теплицъ, для восхожденія на находящуюся возлѣ Теплица гору Миллешауеръ. Эта замѣчательная гора поднимается среди равнины конусообразно,—при восхожденіи ея, дорога идетъ постоянно лѣсомъ, а съ вершины ея открывается довольно обширный видъ на окружающую мѣстность.

Въ Карлсбадской церкви это лѣто служилъ протоіерей А. Лебедевъ, состоявшій при православномъ соборѣ въ Прагѣ и пріѣзжавшій только на лѣто въ Карлсбадъ. Я съ нимъ познакомился, бывалъ у него по вечерамъ, бесѣдуя о разныхъ религіозныхъ вопросахъ, и сошелся съ нимъ довольно близко. Нѣсколько времени спустя онъ былъ переведенъ въ Петербургъ священникомъ въ церковь Вознесенія, а затѣмъ былъ назначенъ благочиннымъ въ Казанскій соборъ. Тутъ мы стали съ нимъ часто видѣться и совершенно подружились. Онъ занимался много духовной литературой ¹⁾ такъ же, какъ и я; эти работы составляли постоянные предметы нашихъ бе-

¹⁾ Главные труды А. Лебедева: 1) Разности Церквей Восточной и Западной въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи Богородицѣ и непорочномъ зачатіи и въ ученіи о любви; 2) О латинскомъ культѣ Сердца Іисусова; 3) Ученіе Церкви о главенствѣ Папы; 4) Святитель Тихонъ Задонскій и всея Руси Чудотворецъ; этотъ трудъ выдержалъ три изданія.

сѣдѣ; онъ мнѣ сообщалъ свои богословскія предположенія, я ему читалъ мои статьи. Затѣмъ у насъ явился общій интересъ по Казанскому собору, гдѣ онъ былъ благочиннымъ и предсѣдателемъ приходскаго попечительства о бѣдныхъ, въ которомъ я въ то время состоялъ помощникомъ предсѣдателя, — все это насъ все болѣе и болѣе сближало.

Мнѣ рѣдко встрѣчался человѣкъ столь добрый, столь благожелательный, прямой и просвѣщенный, при глубокомъ и искреннемъ христіанскомъ настроеніи. Когда А. А. Лебедевъ скончался, въ 1898 году, я былъ глубоко опечаленъ его потерей. Для большей его характеристики, привожу здѣсь краткій его некрологъ, который я помѣстилъ вскорѣ послѣ его смерти въ Прибавленіи къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“.

„Всѣ, знавшіе близко Александра Алексѣевича Лебедева, несомнѣнно, будутъ искренно оплакивать его преждевременную кончину. Исполненный глубокаго христіанскаго чувства, проникнутый живою любовью къ ближнимъ, всегда готовый помогать и словомъ, и дѣломъ, и духовнымъ совѣтомъ, и матеріальнымъ пособіемъ всѣмъ, обращающимся къ нему по какому-либо дѣлу, покойный отецъ Александръ оставляетъ послѣ себя неизгладимую теплую память въ сердцахъ тѣхъ, которые его знали и любили.

„Имѣвъ счастье около двадцати лѣтъ находиться съ покойнымъ въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, считаю потребностью сердца сказать нѣсколько словъ по случаю его кончины и коснуться при этомъ одной стороны его дѣятельности, которая, можетъ быть, менѣе другихъ извѣстна.

„Несмотря на то, что все его время было поглощено частью исполненіемъ его пастырскихъ обязанностей и служебною дѣятельностью, частью распоряженіями по управленію экономическими дѣлами собора, котораго онъ состоялъ настоятелемъ, покойный всякую минуту свободнаго времени посвящалъ литературнымъ занятіямъ въ области религіозныхъ вопросовъ. Различныя его сочиненія и между прочимъ одно изъ послѣднихъ „О главенствѣ Папы“ достаточно извѣстны, но мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о трудѣ, который постоянно занималъ о. Александра Алексѣевича въ послѣдніе годы его жизни и который ему не суждено было привести къ окончанію. Покойнаго занимала мысль о составленіи руководства нравственнаго богословія. Существующія руководства не удовлетворяли о. протоіерея Лебедева: онъ находилъ ихъ либо слишкомъ схоластически излагающими частности разныхъ нравственныхъ обязанностей, безъ общей связующей мысли, которая бы достаточно освѣщала ихъ внутреннее значеніе съ христіанской точки

„Больше сего мнѣ ничего не нужно“, смолкъ и скончался тихо и безъ страданій.

Возвращаюсь къ описанію осени 1877 года. Въ послѣднихъ числахъ августа мы оставили Карлсбадъ и чрезъ Пильзенъ (гдѣ я не преминулъ выпить пильзенскаго пива) отправились для Nachsieg въ Австрійскую Швейцарію, такъ называемый Зальцкаммергутъ. Дорогой мы остановились на нѣсколько дней въ красивомъ Гмунденѣ, гдѣ семейство Бравура, которое раньше насъ уѣхало изъ Карлсбада, ожидало насъ и приготовило намъ помѣщеніе въ хорошенькой гостиницѣ Goldenes Schiff. Гмунденъ лежитъ на берегу живописнаго озера Traunsee, изъ котораго вытекаетъ быстрая рѣчка Traunfluss. Траунфлусъ въ трехъ мѣстахъ пересѣкается каменистыми порогами и потому для обыкновенныхъ судовъ не судоходна, но по ней сплавляются, кажется въ городъ Линцъ, плоскодонныя деревянныя суда, нагруженные солью—Salzschiffe. Такъ какъ проходъ этихъ судовъ чрезъ пороги не лишенъ интереса, то съ этими судами отправляются нерѣдко до конца пороговъ и посторонніе посѣтители Гмундена. Въ одинъ изъ прежнихъ моихъ пріѣздовъ въ Гмунденъ и я совершилъ поѣздку на такомъ суднѣ. Судно, довольно длинное и очень крѣпко построенное, несется быстро по теченію рѣки. Вдругъ, взорамъ пассажира представляется посреди рѣки груда камней, чрезъ которые быстротечная рѣка перебрасывается съ шумомъ, подымая клубы бѣлой пѣны. Сознаюсь, что момента переѣзда ожидаешь съ нѣкоторымъ возбужденіемъ: кажется, вотъ-вотъ барку разобьетъ въ щепы, — но барка налетаетъ на пороги, перегибается чрезъ нихъ, какъ длинная плетеная корзина, трещить по всѣмъ швамъ—и затѣмъ благополучно продолжаетъ плаваніе по спокойному руслу рѣки. Впечатлѣнія такой поѣздки крайне интересны, и я могъ бы совѣтовать только каждому путешественнику, прибывающему въ Гмунденъ, проѣхаться на соляныхъ баркахъ чрезъ пороги Траунфлуса, если онѣ до сихъ поръ еще продолжаютъ совершать это плаваніе.

Просматривая однажды въ Гмунденѣ въ гостиницѣ журналы, мнѣ случайно попала въ руки австрійская газета „Die Reform“ (издаваемая Шувельской), и въ ней меня поразила чрезвычайно интересная статья, содержащая отзывъ Наполеона, который, какъ извѣстно, не считался вѣрующимъ человѣкомъ, о христіанствѣ, произнесенный имъ во время своего заточенія на островѣ Св. Елены. По словамъ газеты, это изреченіе было записано генералами Монтолономъ и Бертрамомъ, находившимися при Наполеонѣ на остр. Св. Елены, и поэтому подлинность его, яко бы, не подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, отзывъ этотъ заключалъ столь оригина-

нальныя и глубокія мысли и, повидимому, такъ согласовался съ обычной дикціей Наполеона, что онъ не могъ не поразить меня оригинальностью своего содержанія, такъ что я даже записалъ его себѣ.

Привожу здѣсь переводъ съ него:

„Несомнѣнно, говоритъ Наполеонъ, христіанство предлагаетъ нашему вѣрованію рядъ тайнъ, приказывая авторитетно вѣровать въ нихъ. Для пріемлемости ихъ оно не даетъ намъ никакихъ другихъ причинъ, кромѣ страшнаго слова: „Я есмь Богъ“, и несомнѣнно христіанину необходимо вѣровать въ это изреченіе, потому что изъ него вытекаютъ всѣ остальные положенія христіанства. Но разъ только допустить божественный характеръ Христа, все христіанское ученіе представляется съ алгебраическою опредѣленностью и ясностью, и нельзя не удивляться связи и единству, его проникающимъ.

„Основываясь на Библіи, христіанское ученіе даетъ наилучшее объясненіе міровыхъ преданій, оно освѣщаетъ ихъ и всѣ догматы соединяются съ этимъ преданіемъ, какъ неразрывныя звенья одной цѣпи.

„Ученіе Христа съ начала до конца таинственно, съ этимъ я согласенъ, но эта тайна соотвѣтствуетъ тѣмъ трудностямъ (Schwierigkeiten), которыя встрѣчаются въ жизни каждаго отдѣльнаго человека. Если не принять это ученіе, то міръ представляется загадкой, если же принять его, то оказывается достойное удивленія разрѣшеніе исторіи человека.

„Христіанство имѣетъ то преимущество предъ всѣми другими религіями и философскими системами, что христіане не обманываютъ себя относительно существа вещей. Ихъ нельзя упрекать въ остроумныхъ тонкостяхъ идеологовъ, которые стремятся разрѣшить великую задачу богословскихъ вопросовъ пустыми разсужденіями. Христіанство прямо и просто говоритъ: Никто не видѣлъ Бога кромѣ Того, который отъ Бога, Богъ открылъ то, чтъ Онъ былъ и есть. Его откровеніе тайна, ни разсудокъ, ни разумъ не могутъ постичь ее. Но такъ какъ это изрекъ Богъ, то надо этому вѣрить—и это разумно.

„Евангеліе обладаетъ таинственною силою и теплотой, которыя охватываютъ умъ и увлекаютъ сердце. Если ближе вникнуть въ него, то ощущаешь нѣчто подобное, какъ когда смотришь на небо. Евангеліе не книга, а живое существо, исполненное движенія и силы, которое увлекаетъ за собою все, что хотѣло бы противиться его распространенію. Вотъ оно здѣсь лежитъ у меня на столѣ—я не устаю читать его и читаю его ежедневно съ тою же радостью. Христосъ не мѣняется, никогда не колеблется въ своемъ ученіи и малѣйшее Его изреченіе носитъ на себѣ печать простоты и глубины, побѣждающихъ überwältigt какъ ученаго, такъ и неученаго, если

только вникнуть въ него, хотя и съ малѣйшимъ вниманіемъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не найти такого ряда прекрасныхъ мыслей и нравственныхъ правилъ, которыя дефилируютъ (передъ читателемъ), какъ батальоны небесныхъ силъ—и вызываютъ въ насъ то же чувство—которое ощущаешь при взираніи на безграничную ширь неба, когда оно въ чудную лѣтнюю ночь освѣщается блескомъ свѣтилъ. Нашъ умъ не только увлеченъ чтеніемъ евангелія, но и подпадаетъ его вліянію; вѣрующая душа никогда не будетъ въ опасности сгнута, обладая этой книгой. Разъ, что евангеліе овладѣло нашимъ умомъ, оно захватываетъ и наше сердце. Богъ нашъ другъ, нашъ отецъ, и во истину Богъ. Душа, которая увлекается красотой евангелія, уже не принадлежитъ себѣ: Богъ завладѣлъ ею, Онъ направляетъ ея мысли и ея силы, она всецѣло предается Ему. Какое это доказательство божественности Христа! Обладая такою абсолютною властію, Онъ не имѣетъ другой цѣли какъ—духовное совершенствованіе каждой отдѣльной личности, чистоту совѣсти, единеніе съ истиной и святость души.

„Наконецъ, и это мой главный аргументъ: не было бы Бога на небѣ, если бъ отдѣльный человѣкъ могъ составить такой грандіозный планъ и привести его въ исполненіе—т. е. привлечь къ себѣ высшій культъ и узурпировать имя Бога. Иисусъ—единственная личность, которая посмѣла это сдѣлать. Онъ одинъ говоритъ открыто: Я есмь Богъ, *Ich bin Gott*, что однако отличается отъ утвержденія: Я Богъ, *Ich bin ein Gott*¹⁾. Исторія не знаетъ другой личности, которая бы присвоила себѣ названіе Бога въ абсолютномъ смыслѣ. Къ обоготворенію Александра Македонскаго и римскихъ императоровъ никто серьезно не относится. Магометъ и Конфуцій заявляли себя только агентами божества.

„Какимъ это образомъ могъ іудей, историческое существованіе котораго болѣе несомнѣнно доказано, чѣмъ существованіе всѣхъ его современниковъ, сынъ плотника, съ самаго начала объявить Себя Богомъ, Высшимъ Существомъ, Создателемъ всѣхъ существъ? Онъ присваиваетъ Себѣ всякое почитаніе и собственными руками создаетъ свой культъ. Удивляются завоеваніямъ Александра Македонскаго, а здѣсь мы видимъ завоевателя, который поглощаетъ въ Себѣ—все человѣчество. Какое это чудо! Человѣческая душа со всѣми ея способностями и силами становится принадлежностью существа Христова.

И какимъ образомъ это совершается? Чудомъ, которое превы-

¹⁾ Тутъ вѣроятно имѣется въ виду разница между утвержденіями: Я—божественнаго естества и Я—Богъ. *Je suis Dieu* и *Je suis un Dieu*.

шаетъ всѣ чудеса. Онъ требуетъ отъ человѣка любви, т. е. того что на свѣтѣ труднѣе всего пріобрѣсть... Правда, мы любимъ нашихъ дѣтей, но почему—потому что мы слѣдуемъ природному инстинкту, а сколько дѣтей не отвѣчаютъ родителямъ на ихъ любовь! Вы, генераль Бертрамъ, несомнѣнно любите вашихъ дѣтей, а увѣрены ли вы въ томъ, что они васъ любятъ? Ни вашими благодѣянiями, ни естественному влеченiю не удастся вселить въ вашихъ дѣтей такую любовь къ вамъ, какъ Христосъ приноситъ Своему Богу...

„Христосъ глаголетъ, и всѣ поколѣнія присоединяются къ Нему. Связь, соединяющая ихъ со Христомъ, искреннѣе и тѣснѣе связи крови. Это единеніе полнѣе довѣрія и сильнѣе всякаго другого. Онъ возжигаетъ пламя любви, которое гаситъ наше самолюбіе и превышаетъ всякую другую любовь. Какъ не видѣть въ этомъ чудо! Его воля—то Слово, которое создало міръ.

„Созидатели другихъ религій даже не имѣли и понятія о той мистической любви, которая составляетъ существо христіанства.

„Несомнѣнно величайшее чудо Христа это господство любви. Ему одному удалось возвысить сердца людей до Невидимаго, до принесенія въ жертву самаго времени (*Opfer der Zeit*)¹⁾. Тѣмъ, что Онъ осуществилъ эту жертву, Онъ Одинъ создалъ связь между небомъ и землею. Всѣ, кто истинно въ Него вѣруетъ, ощущаютъ достойную удивленія сверхъестественную, непонятную для разума любовь, это превосходящее силы человѣка явленіе. Святой огонь, возженный на землѣ этимъ новымъ Прометеемъ, продолжаетъ существовать и сохраняетъ силу, которую не можетъ угасить время—этотъ великій гаситель. Это мнѣ доказываетъ вполне Божество Иисуса.

„И я, Наполеонъ, преклоняюсь съ удивленіемъ (*bewundere*) предъ этимъ, тѣмъ болѣе, что я самъ стремился пріобрѣсть себѣ подобныхъ послѣдователей. Я воодушевлялъ многія тысячи людей, которые за меня шли на смерть. Но да предохранить меня Господь—допустить возможность сравненія этого энтузіазма солдатъ съ христіанскою любовью. Они на столько различны, какъ и ихъ побужденія. Слово, взгляды мои воодушевляли всѣхъ. Я обладалъ тайною той чарующей силы, которая возбуждаетъ духъ, но эту силу я никому не могъ передать. Я также не обладалъ тайной увѣковѣчить въ сердцахъ людей мое имя и любовь ко мнѣ. Теперь, когда я заключенъ на скалѣ Св. Елены, кто еще будетъ за меня сражаться, куда дѣлись въ моемъ несчастіи мои придворные, кто

¹⁾ т. е. пожертвованіемъ временемъ въ видахъ вѣчности.

обо мнѣ еще беспокоится въ Европѣ, кто мнѣ остался вѣренъ, гдѣ мои друзья? Это вы, да еще два, три человека; ваша вѣрность сдѣлаетъ васъ бессмертными, вы раздѣляете мою ссылку и утѣшаете меня.

„Наша судьба могла считаться блестящею, а что теперь осталось отъ озарявшаго меня блеска,—скоро меня и на землѣ уже не будетъ. Такова судьба великихъ людей, такова же была судьба Александра, Цезаря. Насъ забудутъ, имена завоевателей останутся только въ школьныхъ учебникахъ. Только-что Людовикъ XIV скончался, какъ всѣ покинули его спальню, никто изъ его придворныхъ уже болѣе о немъ не заботился. Онъ уже пересталъ быть господиномъ, онъ сталъ трупомъ и его ожидалъ уже гробъ, могила, и начиналось разложеніе...

„Еще немного и та же участь постигнетъ и меня; умерщвленный Англіей, я умираю прежде времени, и мои останки будутъ преданы землѣ. Вотъ участь, ожидающая великаго Наполеона. Какая пропасть отдѣляетъ мое бѣдственное положеніе (Elend) отъ вѣчнаго господства Христа, котораго повсюду въ мірѣ проповѣдуютъ, любятъ, на котораго молятся и который живетъ до сихъ поръ. Его смерть—развѣ это значитъ умереть?! Не значитъ ли это напротивъ—жить вѣчно“.

Признаюсь, что никогда и нигдѣ мнѣ не удавалось встрѣчать такой характеристики Христа и христіанства. Какъ это оригинально и какъ это глубоко!

Изъ Гмундена черезъ Ишль мы отправились въ Аусзэ, живописное мѣстечко въ центрѣ Зальцкаммергута. Ишль—это самый фешенебельный пунктъ въ Австрійской Швейцаріи. Сюда собирается лѣтомъ изъ Виши и другихъ мѣстъ аристократическая и крайне элегантная публика и въ томъ числѣ нерѣдко царственные особы. Кургаузъ Ишля окруженъ прекраснымъ паркомъ. Такъ какъ это было самое время сезона, то почти всѣ экипажи были разобраны, и мы никакъ не могли добыть возницу для слѣдованія въ Aussee. Наконецъ на почтѣ намъ согласились дать омнибусъ, и въ этомъ, очень неловкомъ, экипажѣ мы отправились въ путь. На дорогѣ разразилась ужасная гроза съ дождемъ, ураганъ былъ настолько силенъ, что я все время опасался, что нашъ тяжелый экипажъ будетъ опрокинутъ бурей. Но, наконецъ, благодаря Бога, мы все же благополучно прибыли въ Aussee и были рады, когда пріютились въ сухихъ комнатахъ комфортабельной гостиницы.

Вся эта гористая мѣстность, носящая названіе Зальцкаммергута, необыкновенно живописна, но одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстоположеній занимаетъ Аусзэ. Городокъ лежитъ въ долинѣ, окружен-

ной горами, посреди которыхъ разбросаны горныя озера; между прочимъ вблизи отъ Аусзе озера—Alt-Aussee и Grundelsee. Первое изъ нихъ, по своему суровому характеру, напоминаетъ нѣсколько финляндскую природу; прямую противоположность съ нимъ представляетъ веселый Грундельзе, нѣсколько напоминающій Комское озеро, по своему чисто итальяскому характеру. Окружающія его горы богаты живописными прогулками между прочимъ Hundseogel и Pfeifer Alm; первая изъ нихъ особенно замѣчательна представляющимся съ нея восхитительнымъ видомъ. Здѣсь же мнѣ удалось видѣть въ первый разъ извѣстное въ горахъ Alpenglüten, когда вершины горъ, при заходѣ солнца, становятся какъ бы прозрачными, проникнутыми нѣжно-розовымъ свѣтомъ.

Во время пребыванія въ Аусзе, я случайно прочелъ въ газетахъ о смерти въ Горномъ Студнѣ моего пріятеля Шуберта, онъ былъ свидѣтелемъ при моемъ бракосочетаніи. Сынъ извѣстнаго ученаго, генерала Шуберта, онъ занималъ мѣсто начальника военной канцеляріи въ нашей арміи. Въ Плоэштахъ мы еще видѣлись съ нимъ, онъ былъ свѣжъ и здоровъ, и потому я былъ очень пораженъ извѣстіемъ о его смерти. Оказалось, что въ одинъ жаркій день онъ пошелъ гулять въ легкомъ полотняномъ костюмѣ; вернувшись поздно домой, онъ не могъ попасть въ свою квартиру, которая оказалась запертою, а слуга вѣроятно куда-то отлучился. Тогда онъ легъ спать въ коляску, стоявшую на дворѣ. Ночь была холодная и онъ, вспотѣвши отъ прогулки, въ легкомъ костюмѣ, сильно продрогъ ночью, простудился, схватилъ тифъ и черезъ нѣсколько дней скончался. Почти въ то же время я узналъ о кончинѣ моего собственника Мих. Алекс. Эбелинга, командира стрѣлковаго батальона, смертельно раненаго при штурмѣ Горнаго Дубняка. Замѣчательная его постигла судьба. За нѣсколько времени до войны ему вышелъ срокъ получить полкъ. Въ такомъ же положеніи находился его товарищъ, капитанъ Шмидтъ. Какъ разъ открылись двѣ вакансіи: стрѣлковый батальонъ и Павловскій полкъ. Случайно Эбелингъ былъ назначенъ командиромъ стрѣлковаго батальона, а Шмидтъ Павловскимъ полкомъ. Стрѣлки отправились впоследствии на театръ войны, а павловцы остались въ Петербургѣ. Получи онъ Павловскій полкъ, онъ можетъ быть здравствовалъ бы доселѣ,—вотъ уже, какъ говорится—судьба.

Мы провели въ Аусзе около мѣсяца; къ концу сентября погода переѣнилась, наступили дожди, вершины горъ покрылись снѣгомъ, и мы рѣшились покинуть милый Аусзе.

Нашъ путь лежалъ опять на Гмунденъ и Вѣну. Дорогой моя матушка заболѣла, и по пріѣздѣ въ Вѣну у нее оказалось воспа-

леніе въ легкихъ. Мы были чрезвычайно встревожены этимъ; къ счастію, намъ рекомендовали въ гостиницѣ молодого, но очень внимательнаго доктора, который заботливо слѣдилъ за ходомъ болѣзни; кромѣ того былъ приглашенъ для консультаціи знаменитый профессоръ Бамбергеръ. Наступили тяжелые, тревожные дни ожиданія исхода болѣзни. Положеніе матушки то улучшалось, то опять ухудшалось. Наконецъ, къ великой нашей радости, недѣли черезъ двѣ наступило рѣшительное улучшеніе, и я вздохнулъ, наконецъ, свободно. Докторъ Бамбергеръ, сообщая мнѣ эту добрую вѣсть, прибавилъ слова, которыя запали въ мою душу: „Это особенная благодать Божія, когда въ такія лѣта перенесешь воспаленіе легкихъ“. Я отъ глубины сердца благодарилъ Бога за сохраненіе еще на нѣсколько лѣтъ жизни моей престарѣлой матушки и, могу сказать, что это время тяжелаго испытанія и послѣдующей радости оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе.

Такимъ образомъ вмѣсто нѣсколькихъ дней намъ пришлось пробыть въ Вѣнѣ около мѣсяца. Послѣ страшныхъ заботъ первыхъ дней, когда опасность миновала, на душѣ стало какъ-то легко, и я могъ еще насладиться удовольствіемъ пребыванія въ этомъ великомъ городѣ.

Обратный путь мы совершили благополучно и поздною осенью вернулись въ Петербургъ.

Зима 1877—1878 г. прошла въ обычныхъ занятіяхъ. Я посѣщалъ между прочимъ съ большимъ интересомъ лекціи В. С. Соловьева по философіи религіи. Изложеніе Соловьева носило характеръ глубокой обдуманности и большой эрудиціи, но онъ говорилъ иногда слишкомъ абстрактно и недостаточно ясно и популярно для слушавшей его публики. Многое, что онъ излагалъ, поражало вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальной глубиной,—такъ между прочимъ я припоминаю его слова:

„Если я недоволенъ природой—то я больше природы; если я въ ней вижу ложь—то я имѣю сознаніе истины; если я въ ней вижу страданіе—то гдѣ-либо должно существовать полное блаженство“...

Въ апрѣлѣ 1878 г. тяжело заболѣлъ и вскорѣ скончался Ю. А. Гагемейстеръ. Я его часто посѣщалъ въ послѣднее время, и въ одно изъ такихъ посѣщеній я рѣшился завести съ нимъ рѣчь о христіанствѣ. Онъ съ интересомъ слушалъ мое изложеніе и сочувственно принялъ мое предложеніе читать ему евангеліе... Къ концу мѣсяца онъ скончался. Разлука навсегда съ лицомъ, къ которому человѣкъ находился въ дружескомъ расположеніи, производитъ всегда очень тяжелое впечатлѣніе, особенно въ такой періодъ жизни, когда уже не легко сходишься съ людьми; тогда особенно цѣ-

нынѣ симпатическія отношенія къ тѣмъ немногимъ личностямъ, которые представляютъ незаурядное явленіе, по своему характеру и по своимъ достоинствамъ.

Однажды утромъ, когда я сидѣлъ дома, я какъ-то вспоминалъ объ А. А. Нарышкинѣ, съ которымъ послѣдній разъ я видѣлся въ Бухарестѣ и котораго я съ тѣхъ поръ совершенно потерялъ изъ виду. Въ то время, какъ я думалъ о немъ, входитъ человекъ и докладываетъ мнѣ: А. А. Нарышкинъ; это удивительное совпаденіе моей мысли съ предстоящей встрѣчей меня, разумѣется, поразило,—мы, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, одновременно каждый одинъ о другомъ вспоминали. Я, разумѣется, встрѣтилъ его словами: я именно только-что о васъ думалъ,—а онъ высказалъ мнѣ по этому поводу, что онъ вѣритъ въ возможность такого мысленнаго сообщенія.

Около этого времени Рейтернъ возложилъ на меня веденіе переговоровъ съ Германіей, по предмету заключенія торговой пограничной конвенціи. Имѣлось въ виду заключеніе договора въ родѣ того, который нѣсколько времени тому назадъ былъ заключенъ мною съ Австріею, съ цѣлю облегченія пограничныхъ сношеній, не касаясь однако вопроса о таможенныхъ пошлинахъ. Это было послѣднее порученіе, возложенное на меня Михаиломъ Христофоровичемъ передъ оставленіемъ имъ министерства.

Германскіе делегаты прибыли въ Петербургъ въ началѣ года, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ происходили переговоры съ ними подъ моимъ предсѣдательствомъ. Главное, чего мы добивались тогда,—это было устраненіе затрудненій, дѣлавшихся Пруссіею при провозѣ нашего скота и разной живности, подъ предлогомъ ветеринарнаго охраненія. Прийти къ удовлетворительному соглашенію по этому предмету оказывалось чрезвычайно труднымъ; наконецъ, послѣ переговоровъ, длившихся нѣсколько мѣсяцевъ, удалось набросать нѣкоторыя главныя основанія соглашенія, которыя прусскіе делегаты считали однако нужнымъ предварительно предложить на утвержденіе своего правительства. Вотъ почему мы рѣшили, подобно тому, какъ это состоялось и во время австрійскихъ переговоровъ, пріостановить дальнѣйшее веденіе переговоровъ до осени съ тѣмъ, чтобы тогда уже собраться на окончательное соглашеніе и подписаніе конвенціи.

Пользуясь перерывомъ, я поѣхалъ на короткое время за границу. По этому случаю прусскіе делегаты, уѣхавшіе на нѣсколько дней до меня, пригласили меня на прощальный обѣдъ въ Эйдкуненѣ. Во время ихъ пребыванія въ Петербургѣ, они обѣдали у меня, а потому пожелали отдать мнѣ приглашеніе. По пріѣздѣ въ

Вержболово я узналъ, что они меня ожидаютъ въ Эйдкуненѣ. Въ Вержболовѣ я провелъ вечеръ въ мѣстномъ клубѣ, и на другой день отправился въ Эйдкуненъ, гдѣ и состоялся парадный обѣдъ въ большой залѣ Эйдкуненскаго вокзала. За обѣдомъ, разумѣется, были произнесены рѣчи съ пожеланіемъ успѣха нашему дѣлу, о сближеніи двухъ сосѣднихъ госуларствъ и т. п. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Въ теченіе лѣта Бисмаркъ принялся за изученіе вопроса о положеніи сельскаго хозяйства въ Пруссіи, пришелъ къ заключенію, что ему слѣдуетъ помочь путемъ охранительныхъ пошлинъ, и всецѣло перешелъ на сторону протекціонизма; сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, онъ внесъ въ палату законъ объ обложеніи пошлиной привоза хлѣбнаго зерна, которое до тѣхъ поръ допускалось къ привозу въ Пруссію безпошлинно. Послѣ того, разумѣется, уже не могло быть и рѣчи о заключеніи съ нами конвенціи, наши переговоры, остановившіеся на поль-дорогѣ, больше уже не возобновлялись.

Только нѣсколько лѣтъ спустя, въ министерство С. Ю. Витте, послѣ происходившей довольно ожесточенной таможенной войны, удалось уже другимъ заключить торговый договоръ съ Пруссіею, но уже на основаніи взаимной фиксаціи таможенныхъ пошлинъ по разнымъ статьямъ привоза. Намъ пришлось отказаться отъ начала безусловной самостоятельности автономнаго тарифа, основаніе, котораго мы до тѣхъ поръ держались.

Я пробылъ за границей полтора мѣсяца и въ томъ числѣ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней въ Марбургѣ, куда я поѣхалъ посѣтить моего родственника К. Е. Шмидта, о которомъ была рѣчь выше. Марбургъ, университетскій городъ, находится въ красивомъ мѣстоположеніи. Здѣсь я видѣлъ въ первый разъ ирвингіанскую церковь, небольшое красивое зданіе въ готическомъ вкусѣ; внутри его не находилось никакихъ изображеній и, кажется, не было даже алтаря. По возвращеніи я провелъ остальное лѣто съ семействомъ въ нашемъ имѣніи Большое Захонье. Спокойная жизнь въ деревнѣ и общеніе съ крестьянами пришли мнѣ очень по сердцу. По воскресеньямъ я читалъ иногда собиравшимся ко мнѣ крестьянамъ евангеліе. Между прочимъ разъ пришли ко мнѣ крестьяне изъ другой далекой деревни, старообрядцы или какіе-то сектанты, слышавшіе, что я читаю евангеліе, чтобы побесѣдовать со мною. Они просили меня почитать и имъ евангеліе и слушали меня съ большимъ вниманіемъ. Затѣмъ мы долго разговаривали вмѣстѣ и, сколько помню, я старался имъ выяснять, что и оставаясь въ лонѣ православной церкви, можно заниматься душеспасительными мыслями и чтеніемъ евангелія, такъ какъ церковь этого не воспрещаетъ.

Повидимому, мои слова произвели на нихъ нѣкоторое впечатлѣніе.

Кромѣ того ко мнѣ обратились деревенскіе мальчики и дѣвочки съ просьбой учить ихъ грамотѣ. Такимъ образомъ у меня образовался родъ школы, ученики приходили не только изъ нашей, но и изъ сосѣднихъ деревень. Грамотнымъ я роздалъ для чтенія евангелія, по которымъ они учили притчи и разныя мѣста, доступныя ихъ пониманію. Кромѣ того я занималъ ихъ перепиской и ариеметикой. Съ тѣхъ поръ эти свободныя школьныя занятія продолжаются у меня въ каждый мой прїѣздъ въ деревню.

Въ началѣ іюля, вслѣдъ за заключеніемъ мира, я получилъ въ деревнѣ извѣщеніе, что М. Х. Рейтернъ будетъ прощаться въ извѣстный день со служащими въ министерствѣ финансовъ.

Въ совѣщаніи министровъ, происходившемъ до начала войны, въ Ливадіи подъ предсѣдательствомъ Государя, М. Х. Рейтернъ высказывался очень положительно противъ войны, излагая, на сколько громадныя жертвы, которыхъ потребуеть война, отбросять Россію назадъ въ развитіи народнаго благосостоянія. Когда, несмотря на его возраженія, война была рѣшена, онъ подалъ въ отставку. Но Государь просилъ его не покидать своего поста въ столь трудный для страны моментъ. На просьбу Государя Рейтернъ согласился остаться, но только до окончанія войны. И дѣйствительно, только-что миръ былъ заключенъ, онъ опять испросилъ и получилъ увольненіе. На его мѣсто былъ назначенъ С. А. Грейгъ, бывшій нѣкоторое время товарищемъ Рейтерна.

Почти одновременно съ извѣщеніемъ о прощальномъ собраніи у Рейтерна, я получилъ также въ деревнѣ депешу отъ директора канцеляріи Грейга, А. Н. Мицкевича, съ извѣстіемъ, что Грейгъ предлагаетъ мнѣ ѣхать въ Парижъ, на долженствовавшую тогда открыться монетную конференцію, представителемъ отъ министерства финансовъ. Столь неожиданное для меня порученіе меня крайне поразило, но я, разумѣется, отвѣчалъ, что съ благодарностью принимаю сдѣланное мнѣ предложеніе. Желая присутствовать на прощаніи Михаила Христофоровича, я вслѣдъ за тѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ, хотя по случаю моей командировки мое присутствіе въ Петербургѣ требовалось гораздо позже.

Прощаясь съ своими бывшими подчиненными, М. Х. Рейтернъ между прочимъ высказалъ, что все остальное время жизни его будетъ исполнено воспоминаніемъ о періодѣ его дѣятельности во главѣ министерства финансовъ.

Прощаніе съ Рейтерномъ навело меня на разныя грустныя мысли о скоропрохожденіи и быстротѣ теченія жизни. Съ выхо-

домъ Михаила Христофоровича и у меня завершался продолжительный жизненный періодъ. Я присутствовалъ при его назначеніи министромъ финансовъ, затѣмъ я, по его приглашенію, самъ поступилъ въ министерство и все время служилъ при немъ—и вотъ все это кончилось. Онъ еще не старикъ, но боленъ, слабъ и изнуренъ, а, кажется, давно ли я съ нимъ познакомился въ Парижѣ, когда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, полнымъ надеждъ; я видѣлъ затѣмъ начало его блестящей карьеры,—а теперь я присутствую при послѣдней ея фазѣ. По этому поводу мнѣ пришло на мысль изреченіе Ап. Павла: „мы не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго“ (Ев. 13, 14), изреченіе, помѣщенное на надгробномъ памятникѣ моего покойнаго отца—прохожденіе жизни есть кратковременное слѣдованіе къ цѣли, которую не должно терять изъ вида.

Вернувшись въ тотъ же день въ деревню, я черезъ нѣсколько дней опять отправился въ Петербургъ по дѣлу моей командировки. Я явился къ С. А. Грейгу, который принялъ меня очень любезно и объяснилъ мнѣ то положеніе, котораго слѣдовало держаться представителю министерства финансовъ. Конгрессъ былъ вызванъ по случаю происходившаго въ то время колебанія въ отношеніяхъ цѣнности золота и серебра.

Вопросъ биметаллизма имѣлъ особое значеніе для Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и для Франціи.

Америка приступала въ то время къ возстановленію у себя металлическаго обращенія, взамѣнъ бумажнаго денежнаго обращенія, существовавшаго тамъ со времени войны съ южными штатами. Для проведенія реформы Соединеннымъ Штатамъ нужно было пріобрѣсть значительное количество, свыше 300 милліоновъ долларовъ, металла. Потому возникалъ вопросъ—какой металлъ пріобрѣтать, основать ли денежное обращеніе на одномъ желтомъ металлѣ или ввести биметаллизмъ. Очевидно, послѣднее представлялось гораздо легче, но для того, чтобы эта мѣра могла осуществиться, нужно было, чтобы всѣ державы согласились на установленіе опредѣленнаго отношенія между цѣнностью золота и серебра. Кромѣ того значительная группа лицъ, владѣющихъ въ Америкѣ богатыми серебряными рудниками, была также прямо заинтересована въ поддержаніи цѣнности серебра.

Съ другой стороны и Франція была въ нѣкоторой мѣрѣ заинтересована въ поддержкѣ цѣнности серебра,—потому что тамъ въ банкѣ накопилась громадная масса пятифранковой серебряной монеты, до 5 милліардовъ франковъ, которая не находила себѣ употребленія. Съ поднятіемъ стоимости серебра, можно было разсчи-

тывать сбыть значительную долю серебрянаго запаса за границу.

Уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ знаменитый экономистъ Воловскій сталъ проводить въ своихъ статьяхъ мысль о преимуществѣ биметаллизма, доказывая, что оба металла, восполняя другъ друга, устанавливали бы нѣкоторой экилибръ на денежномъ рынкѣ, подобно тому, какъ въ часовыхъ маятникахъ употребляютъ два металла для уравновѣшенія ихъ длины.

За Воловскимъ послѣдовали и нѣкоторые другіе экономисты и, во главѣ ихъ, съ особеннымъ жаромъ ратовалъ за биметаллизмъ извѣстный Чернуски. Школа биметаллистовъ утверждала, подобно тому, какъ и у насъ въ послѣднее время, эту мысль отстаивалъ г. Буми, что съ принятіемъ золотого монометаллизма, явится упадокъ цѣнъ на всѣ произведенія и общій экономическій кризисъ, такъ какъ золотого металла окажется недостаточно. Гр. Бисмаркъ очень наглядно высказывался по вопросу о преніяхъ по поводу золота, что это какъ бы вопросъ объ одѣялѣ, которымъ многіе желаютъ прикрыться, но которое слишкомъ коротко, и потому каждый какъ бы старается перетащить его къ себѣ.

Опасеніе о недостаткѣ золота въ послѣдствіи оказалось лишеннымъ основанія.

Но въ то время, вслѣдствіе демонетизаціи серебра въ Голландіи и ожиданія установленія золотой единицы въ Германіи, а съ другой стороны вслѣдствіе усиленной разработки серебряныхъ рудниковъ, цѣнность серебра стала значительно падать, а золото дорожать. Въ виду этихъ обстоятельствъ группа лицъ, заинтересованныхъ этимъ вопросомъ въ Америкѣ, возбудила вопросъ о необходимости сохраненія биметаллизма (*double étalon*), съ установленіемъ, путемъ законодательства, опредѣленнаго отношенія между цѣною двухъ металловъ. Этой мѣры, по утвержденію американскихъ защитниковъ биметаллизма, было бы достаточно для поддержанія цѣнности серебра въ опредѣленномъ размѣрѣ, даже при допущеніи свободной чеканки (*free coinage*).—При этомъ упускалось непременно изъ вида, что, при значительной разницѣ цѣны серебра въ слиткахъ и монетѣ, произошла бы столь значительная чеканка серебра, что никакой законъ не былъ бы въ состояніи поддержать его стоимости. Послѣдствія показали всю тщету искусственнаго поддержанія стоимости серебра, потому что всѣ мѣры, которыя вслѣдъ за тѣмъ были приняты Америкой съ этою цѣлью, и въ томъ числѣ значительныя ежегодныя покупки серебра правительствомъ по возвышенной противъ рыночной цѣнѣ, не

привели къ желанному результату, а послужили только къ загроможденію американскаго казначейства массою серебра, которое не находило себѣ употребленія, причиняя существенный ущербъ американскимъ финансамъ.

Вотъ для обсужденія этого важнаго вопроса—объ установленіи твердаго отношенія между цѣною обоихъ металловъ—и была, по предложенію Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, собрана монетная конференція въ Парижѣ, занятія коей, по самому существу дѣла, не могли привести къ положительному результату.

Мы находились въ то время въ періодѣ бумажнаго денежнаго обращенія, а потому въ данный моментъ этотъ вопросъ не имѣлъ для насъ прямого интереса; роль представителя министерства финансовъ на конгрессѣ сводилась, такимъ образомъ, къ принятію къ свѣдѣнію всего, что должно было обсуждаться на конгрессѣ, отъ всякаго же принятія какихъ-либо обязательствъ, вслѣдствіе рѣшеній, кои могли быть постановлены на конгрессѣ, слѣдовало безусловно воздерживаться. Такимъ образомъ, возлагаемая на меня задача не представляла особыхъ трудностей.

Такъ какъ отъѣздъ въ Парижъ предстоялъ только въ концѣ мѣсяца, то я опять вернулся въ деревню, желая провести послѣдніе дни въ средѣ семейства, тѣмъ болѣе, что наступалъ день ангела моей сестры. Сознаюсь, что какъ ни интересна была ожидавшая меня поѣздка, но я все же сожалѣлъ, что мнѣ приходится сократить время столь мирной и пріятной жизни въ деревнѣ, посвященной наслажденію природой и философскимъ размышленіямъ.

Уѣзжая изъ деревни, я встрѣтилъ на станціи Бѣлой, гдѣ я ожидалъ поѣзда, Великаго Князя Константина Николаевича и А. А. Кирѣева, которые также ѣхали въ Парижъ. Тутъ же мнѣ Кирѣевъ сказалъ, что Общество Духовнаго Просвѣщенія имѣетъ въ виду устроить въ теченіе будущей зимы мои чтенія о религіи, о которыхъ у меня была рѣчь съ Янышевымъ и Осининымъ. Это сообщеніе мнѣ было весьма пріятно выслушать, потому что этимъ исполнялось мое давнишнее желаніе; такимъ образомъ я отправлялся съ хорошимъ извѣстіемъ въ дорогу.

Поѣздъ двинулся съ Бѣлой вечеромъ. Утромъ мы были въ Вильнѣ. Послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ, я отправился на станціи въ туалетную комнату, чтобы вымыться и освѣжиться, и затѣмъ не торопясь сѣлъ пить кофе. По росписанію, мнѣ показалось, поѣздъ долженъ стоять на станціи цѣлый часъ. Черезъ нѣсколько времени швейцаръ вошелъ въ столовую со звонкомъ, прокричалъ объ отходѣ поѣзда, но такъ, что, какъ обыкновенно, ничего нельзя было понять. Такъ какъ на станціи одновременно съ нами стоялъ

еще поѣздъ, отправлявшійся въ Петербургъ, то я былъ увѣренъ, что это объявляется объ отходѣ послѣдняго. Вдругъ я вижу черезъ окно, что нашъ поѣздъ начинаетъ двигаться — въ недоразумѣніи я бросилъ недопитый кофе, выбѣжалъ на платформу и вижу, что нашъ поѣздъ уходитъ. Оказалось, что я ошибся, смотря на росписание — Петербургскій поѣздъ долженъ былъ стоять часъ, а нашъ только полчаса. Трудно представить себѣ болѣе глупое положеніе, чѣмъ мое, когда я стоялъ на платформѣ и смотрѣлъ вслѣдъ уходящему поѣзду. Я обратился къ начальнику станціи съ просьбой, нельзя ли задержать поѣздъ, заявляя готовность заплатить за это штрафъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что это невозможно, такъ какъ въ поѣздѣ находится Великій Князь. Тогда я спросилъ, нельзя ли получить экстренный поѣздъ, съ которымъ я могъ бы нагнать нашъ поѣздъ на слѣдующей станціи, но и это оказалось невозможнымъ, такъ какъ снаряженіе его требовало нѣкотораго времени и, при томъ, безъ разрѣшенія изъ Петербурга, станція не въ правѣ была отпускать экстренные поѣзда. Выходя изъ вагона, я оставилъ въ немъ раскрытымъ весь мой ручной багажъ, которымъ я пользовался ночью. Станціонный смотритель успокоилъ меня въ этомъ отношеніи, сообщивъ мнѣ, что, еще до границы, нашъ поѣздъ встрѣтитъ обратный поѣздъ, идущій въ Петербургъ, и что кондукторъ нашего поѣзда будетъ извѣщенъ по телеграфу — собрать всѣ мои вещи и передать ихъ въ обратный поѣздъ, который прибудетъ въ Вильну еще до моего отъѣзда.

Нечего было дѣлать, пришлось остаться и спокойно ждать на станціи слѣдующаго поѣзда, хотя я при этомъ и опасался опоздать ко дню открытія конгресса въ Парижѣ.

Когда я въ Парижѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, завтракалъ у Великаго Князя, Константинъ Николаевичъ встрѣтилъ меня вопросомъ, куда я исчезъ съ поѣзда, такъ какъ онъ меня не видалъ на всей дорогѣ; я ему рассказалъ мой трагическій эпизодъ въ Вильнѣ, что его сильно разсмѣшило.

Такъ какъ мнѣ пришлось ждать цѣлый день на станціи, то я отправился гулять въ Вильну. Городъ лежитъ верстахъ въ двухъ или трехъ отъ станціи, дорога въ городъ—глубокій песокъ и была ужасная жара. Вотъ почему, не доходя до города, я ограничился поднятіемъ на гору, лежащую передъ городомъ, съ которой открывается красивый видъ на рѣку Вислу и на самую Вильну.

Наконецъ насталъ вечеръ, и я съ пришедшимъ изъ Петербурга поѣздомъ благополучно отправился въ дальнѣйшій путь.

Прибывъ на слѣдующій день вечеромъ въ Парижъ, я остановился тамъ не въ гостиницѣ, а на частной квартирѣ. По дорогѣ

я разговаривалъ съ однимъ французомъ, моимъ спутникомъ, который, узнавъ отъ меня, что я намѣренъ пробыть нѣкоторое время въ Парижѣ, рекомендовалъ мнѣ остановиться у знакомой его дамы, которая содержитъ комнаты для прїѣзжающихъ, завѣривъ меня, что я очень буду доволенъ помѣщеніемъ. И дѣйствительно, хозяйка оказалась очень порядочной женщиной, а содержимая ею квартира—комфортабельно и, даже, роскошно меблированной. Я нанялъ одну комнату, но, такъ какъ въ это время въ Парижѣ было мало прїѣзжающихъ и потому другихъ жильцовъ у нея не было, то фактически вся квартира была въ моемъ распоряженіи, и я долженъ сказать, что никогда еще я не жилъ въ Парижѣ такъ удобно и такъ комфортабельно.

На слѣдующее утро пришлось дѣлать визиты разнымъ лицамъ и побывать у нашего банкира Verne. У него я засталъ одного изъ членовъ конгресса, швейцарскаго депутата Ларди, съ которымъ Вернъ меня немедленно познакомилъ.

Конгрессъ открылся подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго экономиста Сэя (кажется, сына знаменитаго I. B. Say). Какъ первое, такъ и послѣдующія засѣданія были посвящены главнымъ образомъ рѣчамъ въ пользу двойной единицы (*double étalon*), и противъ нея, т. е. защиты золотой валюты. Къ послѣднему воззрѣнію присоединилось большинство членовъ. За двойное мѣрило цѣнности ратовали главнымъ образомъ Чернуски съ нѣкоторыми еще другими французами и американскіе делегаты. Американцы владѣли богатыми серебряными рудниками въ Мексикѣ, поэтому паденіе цѣнности серебра причиняло имъ очень существенныя потери. Вотъ почему, какъ уже выше было указано, они главнымъ образомъ и возбудили идею о конгрессѣ, съ чисто практической подкладкою, надѣясь достигнуть установленія твердаго отношенія цѣнности между двумя драгоцѣнными металлами и тѣмъ самымъ поднять цѣну серебра или, по крайней мѣрѣ, остановить дальнѣйшее паденіе его цѣнности. Цѣль эта однако не была достигнута,—первый монетный конгрессъ разошелся, ничего не постановивъ, предоставивъ окончательное разрѣшеніе дѣла слѣдующему конгрессу. Засѣданія конференціи перемежались оффиціальными обѣдами у президента республики маршала Макъ-Магона, у предсѣдателя конгресса Сэя, въ роскошныхъ столовыхъ министерства финансовъ въ Луврѣ, у американскихъ делегатовъ, которые, какъ инициаторы конгресса, считали себя какъ-бы хозяевами дѣла и потому пригласили главнѣйшихъ членовъ конгресса на блестящій обѣдъ въ *Hôtel Continental*. На этомъ обѣдѣ я познакомился съ американскимъ экономистомъ Dana Horton изъ Огайо (Ohio), который много писалъ

о денежномъ вопросѣ. Онъ поднесъ мнѣ свою книгу, подъ заглавіемъ: „Silver and gold“. На обѣдѣ у представителя нашего министерства финансовъ въ Парижѣ, Р. Х. Таля, я встрѣтился съ Ник. Григ. Рубинштейномъ. Послѣ обѣда мы вмѣстѣ съ нимъ отправились домой пѣшкомъ. Онъ мнѣ путемъ разсказалъ, что онъ поднимался на ballon captif и объяснилъ, какое это производитъ страшное впечатлѣніе. Кажется—какъ будто не вы поднимаетесь вверхъ, а какъ будто земля опускается подъ вами.

Одновременно съ монетнымъ конгрессомъ, въ этомъ году, въ Парижѣ происходила международная выставка, которую я, разумѣется, посѣщалъ нѣсколько разъ. Грандіозность этого зрѣлища, несмотря на то, что оно напоминало громадную ярмарку, превосходила всякое описаніе. Выставка начиналась отъ Трокадеро по сю сторону Сены, но размѣщалась, главнымъ образомъ, на Марсовомъ полѣ, лежащемъ на другой сторонѣ рѣки. Въ самомъ Трокадеро была выстроена высокая башня, на которую поднимались на лифтѣ, и съ которой открывался обширный видъ на выставку и на весь Парижъ. Все пространство между Трокадеро и Марсовымъ полемъ было превращено въ роскошный садъ, и сознаюсь, что я никогда еще не видѣлъ такихъ роскошныхъ и изящныхъ цвѣтниковъ, какъ тѣ, которыми былъ украшенъ этотъ садъ.

Въ свободное время между засѣданіями, я предпринималъ экскурсіи въ окрестности Парижа и посѣтилъ даже Трувиль на берегу моря. Одна изъ самыхъ интересныхъ моихъ экскурсій была на высоты Монмартра, гдѣ строилась тогда церковь Sacré Coeur и, въ лежащій у подножья ея, чудный паркъ Buttes Chaumont, рѣдко посѣщаемый иностранцами.

Во время президентства Макъ-Магона, подъ вліяніемъ какъ его самого, такъ и его жены, ярой католички, католическая партія пользовалась открытымъ преобладаніемъ во Франціи. Желая наглядно проявить торжество католицизма, эта партія рѣшила построить на Монмартрѣ грандіозный и великолѣпный соборъ, посвященный культу Св. Сердца Іисуса. Этимъ какъ бы проявлялось тройное знаменіе торжества ультрамонтанскаго католицизма. Во-первыхъ, для сооруженія собора было выбрано главное возвышеніе около Парижа, господствующее надъ всѣмъ городомъ, въ которомъ такъ недавно еще преобладали—невѣріе, матеріализмъ и революція; затѣмъ, во-вторыхъ, храмъ, который строился на этой горѣ, долженъ былъ затмить по своему величію всѣ церкви Парижа и, наконецъ, въ третьихъ, этотъ храмъ посвящался самому крайнему изъ ультрамонтанскихъ католическихъ догматовъ—культу Sacré Coeur. Можно ли было искать болѣе убѣдительнаго доказательства торжества и пре-

обладанія католической и даже крайней католической идеи надъ невѣріемъ Парижа. Храмъ этотъ, котораго я видѣлъ тогда только грандіозно заложенные фундаменты, дѣйствительно былъ отстроенъ—но какъ съ тѣхъ поръ все измѣнилось! Онъ продолжаетъ смотрѣть со своей высоты на Парижъ, но уже не властвуетъ надъ нимъ: вліяніе католицизма подавлено, и въ настоящее время выносятся даже распятіе и другія христіанскія эмблемы изъ училищъ, судовъ и другихъ правительственныхъ зданій.

Лежащія у подножья Монмартра Buttes Chaumont были первоначально известковыя каменоломни, карьеры. Изъ нихъ добывался камень для построекъ въ городѣ, и поэтому эта мѣстность представляла собою изрытое пространство, наполненное пещерами и ущельями, которыя долгое время служили притономъ ворами, разбойникамъ и разнымъ темнымъ личностямъ. Въ романахъ начала столѣтія Buttes Chaumont является театромъ дѣйствій разныхъ, возбуждавшихъ крайній интересъ у читающей публики, разбойничьихъ происшествій и страстей. Желая освободить городъ отъ столь непріятнаго и опаснаго сосѣдства, Парижскій муниципалитетъ превратилъ всю эту мѣстность въ роскошный паркъ. Площадь бывшей каменоломни, образуя естественные пригорки, утесы, пещеры и между ними небольшія долины, представляла чрезвычайно удобныя условія для устройства красиваго парка. Весь этотъ *terrain accidenté* обсаженъ живописною растительностью, посреди парка вырытъ громадный прудъ, почти озеро, который развѣтвляется въ рѣчки между пригорками и утесами; на пригоркахъ виднѣются красивые павильоны, черезъ рѣчку перекинуты изящные мостики. Все это вмѣстѣ взятое носитъ на себѣ какой-то южный итальянскій характеръ и представляетъ несомнѣнно самое красивое мѣсто въ окрестностяхъ Парижа.

Однажды утромъ, ко мнѣ зашелъ швейцарскій депутатъ Ларди, съ которымъ я сошелся нѣсколько ближе, чтобы поздравить меня съ моимъ назначеніемъ товарищемъ министра финансовъ. Свѣдѣніе это, повидимому, было сообщено изъ Петербурга, гдѣ тоже объ этомъ шла рѣчь; когда я, по возвращеніи отъ кн. Оболенскаго, встрѣтилъ Головина, то онъ сейчасъ же спросилъ меня, назначаюсь ли я товарищемъ министра. Въ Парижѣ извѣстіе о будто бы предстоявшемъ моемъ назначеніи появилось даже въ „*Journal des Débats*“. Вѣроятно, это предположеніе возникло потому, что знали, что Самуиль Алексѣвичъ очень ко мнѣ расположенъ, и что одно изъ первыхъ его распоряженій, по его назначеніи министромъ, была моя командировка въ Парижъ.

Хотя такая перспектива и представлялась для меня тогда очень

лестною, но я не особенно тому обрадовался и даже съ сожалѣніемъ помышлялъ о томъ, что придется отказаться отъ того спокойнаго и мирнаго образа жизни, къ которому я такъ привыкъ въ послѣднее время, и погрузиться въ водоворотъ оффиціальныхъ дѣлъ и отношеній. Моя покойная жена, еще бывши маленькой дѣвочкой, въ шутку называла меня товарищемъ министра; ей мое назначеніе доставило бы удовольствіе, какъ осуществленіе въ дѣйствительности этого шуточного предсказанія. Но ея уже не было въ живыхъ, я же никакими честолюбивыми стремленіями не носился и потому не особенно восторгался ожидавшею меня карьерою.

Оказалось, однако, что всѣ эти сожалѣнія были излишни—потому что возникшій слухъ не оправдался.

По возвращеніи въ Петербургъ, я немедленно явился къ Грейгу, но не засталъ его дома; черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ него записочку съ приглашеніемъ зайти къ нему на слѣдующее утро. Я былъ увѣренъ, что онъ приглашаетъ меня для предложенія мнѣ указаннаго поста. Оказалось однако, что онъ меня просто пригласилъ къ завтраку, на которомъ присутствовалъ и П. И. Шамшинъ; во время завтрака рѣчь шла только о моемъ пребываніи въ Парижѣ и никакого намека о моемъ назначеніи Самуилъ Алексѣевичъ мнѣ не сдѣлалъ.

Вопросъ о назначеніи товарища министра долгое время оставался открытымъ. Можетъ быть, нѣкоторое время Грейгъ и думалъ обо мнѣ, но окончательно его выборъ остановился на А. К. Гирсѣ; когда же Гирсъ чрезъ нѣкоторое время послѣ своего назначенія скончался, то Грейгъ рѣшился взять въ товарищи директора кредитной канцеляріи А. В. Цимсена.

Сознаюсь, что хотя слухъ о моемъ будущемъ назначеніи и не особенно меня обрадовалъ, какъ я уже замѣтилъ выше, я все же былъ нѣсколько разочарованъ тѣмъ, что это предположеніе не осуществилось, такъ какъ я уже свылся съ мыслью о моемъ предстоявшемъ назначеніи.

Извѣстіе, сообщенное мнѣ въ Парижѣ, осуществилось только десять лѣтъ спустя, при И. А. Вышнеградскомъ.

Впрочемъ, и Цимсену не суждено было стать товарищемъ Грейга. Это была эра Лорисъ-Меликова. Желая пріобрѣсти популярность въ интеллигентныхъ кругахъ и такимъ образомъ противодействовать революціонному броженію, Л.-М. полагалъ между прочимъ возможнымъ достигнуть этой цѣли назначеніемъ въ министры лицъ, пользовавшихся извѣстностью въ области науки и въ административныхъ сферахъ. По его мнѣнію, С. А. Грейгъ не соотвѣтствовалъ этому требованію, и онъ предложилъ Государю назначить

министромъ финансовъ А. А. Абазу, а товарищемъ къ нему извѣстнаго ученаго и экономиста Н. Хр. Бунге. Но для такого назначенія нужно было предварительно подготовить почву и дать Николаю Христіановичу время и возможность достойно подготовиться къ ожидавшей его сферѣ дѣятельности. Вотъ почему, когда Самуиль Алексѣевичъ представилъ Государю докладъ о назначеніи товарищемъ А. В. Цимсена, Государь объявилъ ему, что онъ имѣетъ въ виду на это мѣсто другое лицо—Н. Хр. Бунге. Назначенный такимъ образомъ товарищемъ министра, Николай Хр. нѣсколько времени состоялъ на этомъ посту при Грейгѣ. Въ теченіе этого времени онъ печаталъ въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“ Безобразова свои замѣчательныя статьи о финансахъ Россіи. Затѣмъ въ скоромъ времени министромъ финансовъ былъ дѣйствительно назначенъ А. А. Абаза, а послѣ трагической смерти Государя, когда Абаза и Д. А. Милютинъ оставили министерство, Бунге былъ назначенъ министромъ финансовъ.

Послѣ этого отступленія, возвращаюсь къ моему путешествію. Въ послѣднее время моего пребыванія въ Парижѣ, было получено извѣстіе объ убійствѣ Мезенцова, которое произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Этимъ начиналась та эра террора, которая пріостановила всю реформаторскую дѣятельность правительства и окончилась трагическимъ происшествіемъ 1-го марта. Длѣющееся съ тѣхъ поръ революціонное движеніе, то ослабѣвающее, то усиливающееся по временамъ, до сихъ поръ препятствуетъ намъ войти въ нормальное положеніе, вызывая административныя высылки и разныя тому подобныя исключительныя мѣропріятія.

По окончаніи засѣданій конгресса, я отправился обратно не прямымъ путемъ, а черезъ Баденъ-Баденъ, гдѣ посѣтилъ семейство Бравура, Марбургъ, Гамбургъ, Киль и Копенгагенъ, гдѣ я намѣревался посѣтить моего двоюроднаго брата А. А. Фольборта, бывшаго въ то время генеральнымъ консуломъ въ Копенгагенѣ.

Въ Гамбургѣ я остановился въ той же гостиницѣ Hôtel de S.-Pétersbourg—въ которой, 32 года тому назадъ, я провелъ столь печальные дни, такъ какъ тамъ скончался мой отецъ. Я получилъ случайно комнату, расположенную ровно надъ тою, въ которой мы тогда жили. Стараго хозяина гостиницы уже не было въ живыхъ. Во время моего настоящаго пріѣзда гостиница была уже во владѣніи его сына. Я пожелалъ съ нимъ повидаться и, рассказавъ ему, какъ мы прожили въ его гостиницѣ въ 1846 г., прибавилъ, что въ моемъ семействѣ до сихъ поръ чтутъ съ благодарностью память его покойнаго отца, который, при столь печальныхъ условіяхъ, поступилъ съ нами такъ деликатно и внимательно; на это онъ мнѣ

отвѣтилъ, что и у нихъ сохранилась память о русскомъ господинѣ, который жилъ и скончался у нихъ въ 1846 году.

Первой моею поѣздкой въ Гамбургъ была, разумѣется, на кладбище Michaelis Kirchhoff, чтобы посѣтить тамъ могилу отца. Затѣмъ я посвятилъ остальную часть дня на посѣщеніе зоологическаго сада и рыбацкѣй деревни Blankenese, лежавшей на берегу моря и представлявшей мѣсто экскурсіи для гамбургскихъ жителей.

Дорога въ Копенгагенъ ведетъ черезъ Киль, это первый городъ, на который ступила моя нога за границей въ 1846 году, когда мы туда пріѣхали на пароходъ „Смѣлый“. Изъ Кили въ Корсэръ, на датскомъ берегу, пришлось ѣхать на пароходъ. Переѣздъ продолжается всего одну ночь. Вечеромъ пароходъ отправляется изъ Кили, а утромъ, просыпаясь, въѣжаемъ уже въ Корсэръ. Изъ Корсэра въ Копенгагенъ идетъ желѣзная дорога, прорѣзывающая поперекъ Зеландію. Дорога проходитъ все время по ровному пространству, покрытому зелеными полянами съ мелькающими тамъ и сямъ деревенскими дворами. Мѣстность эта представляетъ картину страны не очень населенной, но вполне благосостоятельной.

Въ Копенгагенѣ меня очень радушно встрѣтилъ мой двоюродный братъ съ сыномъ, и я очень пріятно провелъ въ ихъ обществѣ нѣсколько дней. Главный пунктъ въ Копенгагенѣ — большая красивая площадь, прилегающая къ морю и окаймленная пристанью, у которой стояло множество лодокъ и другихъ судовъ; по сторонамъ этой площади находились: королевскій дворецъ, музей и нѣкоторыя другія красивыя зданія. Примыкающая къ морю Копенгагенская площадь напоминаетъ нѣсколько Венеціанскую Піацету, тоже окаймленную пристанью, выходящею на лагуны. Остальныя улицы и площади города представляютъ мало замѣчательнаго. Въ числѣ зданій, примыкающихъ къ площади, слѣдуетъ упомянуть еще родъ часовни, въ которой помѣщено знаменитое изваяніе Торвальдсена „Христосъ и двѣнадцать Апостоловъ“. Эти фигуры, во весь ростъ, изъ бѣлаго мрамора, въ полусвѣтѣ часовни, производятъ очень глубокое впечатлѣніе.

Вблизи Копенгагена лежитъ загородный королевскій замокъ Клампенбургъ, окруженный большимъ, красивымъ, дикимъ паркомъ, въ которомъ попадаются олени, гуляющіе свободно по парку; этотъ паркъ — родъ звѣринца.

Вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ мы предприняли красивую поѣздку вдоль моря, мимо Эльзенерскаго замка, театра дѣйствія шекспировскаго Гамлета—во дворѣ этого замка офицеру, находящемуся на стражѣ, является тѣнь отца Гамлета. — Далѣе мы проѣхали возлѣ, лежавшей на возвышеніи, Odinshöhe, т. е. холмъ

Одина, извѣстнаго скандинавскаго бога, и наконецъ остановились на берегу моря, въ рыбацкой деревнѣ Hellehоеск, гдѣ мы, послѣ продолжительной поѣздки, пообѣдали съ большимъ аппетитомъ въ мѣстной, очень простой, но хорошей гостиницѣ.

Изъ Копенгагена я отправился моремъ въ Любекъ. Предъ выѣздомъ въ Любекъ, пароходъ проходитъ мимо Травемюнде, гдѣ я такъ часто бывалъ въ 1846 году. Такимъ образомъ, это путешествіе было для меня полно воспоминаній прошлаго времени.

На обратномъ пути я заѣхалъ къ себѣ въ деревню Захонье, гдѣ я такъ мирно и пріятно провелъ лѣто, думая пробыть тамъ еще нѣсколько дней, но уже не засталъ тамъ своихъ, такъ какъ, по случаю дурной погоды, они нѣсколько раньше переѣхали въ городъ.

Въ декабрѣ начались мои чтенія. Эти чтенія, подъ заглавіемъ „Философскій оптимизмъ и пессимизмъ и христіанское воззрѣніе на жизнь“, были посвящены развитію мысли о томъ, что философскій пессимизмъ—вполнѣ раціональное воззрѣніе, если ограничивать существованіе человѣка предѣлами этой жизни, потому что въ границахъ конечнаго жизнь теряетъ всякую цѣну; оптимистически же можно относиться къ жизни только при увѣренности продолженія ея послѣ смерти,—увѣренность, которую даетъ намъ христіанство. Изложенію этого предмета у меня предназначалось отъ пяти до шести лекцій; но такъ какъ при этомъ каждая лекція получала слишкомъ большой объемъ, то пришлось увеличить число лекцій до девяти. Въ развитіе моей мысли я предварительно давалъ краткое изложеніе теоріи Гартмана и нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ философовъ-пессимистовъ и затѣмъ, параллельно съ этимъ, излагалъ христіанское ученіе. Чтеніямъ предшествовало и на этотъ разъ засѣданіе Совѣта Общества, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, при чемъ опять былъ возбужденъ нѣкоторыми членами Совѣта вопросъ: не слѣдуетъ ли предварительно подвергнуть содержаніе моихъ лекцій просмотру, въ виду того, что у меня предполагалось изложить главную сущность христіанскаго ученія. Какъ и въ первый разъ, это требованіе было отклонено, при чемъ, для успокоенія сомнѣвающихся, было постановлено, что въ случаѣ, если бы въ моемъ изложеніи оказалось что-либо требующее возраженія, то для этого могло бы быть затѣмъ посвящено отдѣльное публичное засѣданіе, такъ сказать, для ректификаціи моего изложенія христіанства. На этомъ предложеніи оппоненты успокоились; никакихъ ересей въ моихъ лекціяхъ, однако, не оказалось, такъ что въ дополнительномъ засѣданіи не оказалось и потребности. Напротивъ того, мои чтенія,

по мѣрѣ ихъ произношенія, печатались въ религіозномъ харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, а по окончаніи ихъ пѣчтанія, я получилъ даже отъ редактора журнала, священника Предтеченскаго, весьма лестное письмо, въ которомъ онъ меня благодарилъ, отъ имени Академіи, за мой трудъ. Затѣмъ мои чтенія вышли отдѣльной книгой, которая имѣла два изданія.

Въ теченіе этого же сезона подѣ моимъ предсѣдательствомъ начались ¹⁾ съѣзды представителей земельныхъ банковъ, — съѣзды, которые затѣмъ повторялись ежегодно. Дѣло въ томъ, что до устройства этихъ съѣздовъ, земельные банки дѣйствовали безъ всякаго между собою соглашенія; каждый банкъ выпускалъ свои закладные листы по мѣрѣ представленія имѣній въ залогъ, безъ соображенія съ выпусками сосѣднихъ банковъ и съ условіями денежнаго рынка. Вслѣдствіе этого бумаги банковъ стояли крайне низко, что причиняло значительный ущербъ заемщикамъ. Вотъ почему было рѣшено учредить съѣздъ представителей земельныхъ банковъ, чтобы вызвать съ ихъ стороны взаимное соглашеніе. На этихъ съѣздахъ стало ежегодно опредѣляться общее число закладныхъ листовъ, которое, по соображенію съ условіями рынка, въ данный годъ могло быть выпущено; вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялось распредѣленіе этого итога между отдѣльными банками, въ видахъ установленія контингента максимальнаго выпуска каждаго изъ нихъ. Такой образъ дѣйствія возымѣлъ самые удовлетворительные результаты — курсъ закладныхъ листовъ сталъ немедленно подниматься и затѣмъ достигъ до пари, между тѣмъ какъ до того онъ колебался около 70% номинальной стоимости.

12-го октября 1878 года мнѣ минуло 50 лѣтъ—полвѣка; что въ это время я пережилъ и перечувствовалъ, и что меня еще ожидаетъ въ будущемъ! Невольно на этомъ останавливались мои мысли.

Зима 1878 — 1879 гг. была ознаменована двумя трагическими происшествіями. Во-первыхъ, въ Ветлянкѣ разразилась чума, а затѣмъ 2-го апрѣля произошло второе послѣ Каракозова покушеніе на жизнь Императора Александра II.

Извѣстіе о появленіи чумы въ Ветлянкѣ произвело ужасный переполохъ во всей Россіи, особенно когда вслѣдъ за симъ докторъ Боткинъ объявилъ, что онъ нашелъ признаки чумной заразы у одного дворника Н., въ Петербургѣ. Дворникъ Н. сдѣлался на короткое время знаменитымъ лицомъ: вся Россія говорила о дворникѣ Н.

¹⁾ Не могу съ точностью припомнить, былъ ли этотъ съѣздъ, происшедшій подѣ моимъ предсѣдательствомъ, дѣйствительно первымъ съѣздомъ, или не начались ли эти съѣзды уже раньше.

Діагнозъ Боткина оказался вполѣдствіи сомнительнымъ, но одно предположеніе о возможности развитія чумы не только гдѣ-нибудь на дальнихъ окраинахъ, но даже въ самой столицѣ, несомнѣнно, поразило всѣхъ ужасомъ. Въ Ветлянку былъ командированъ графъ Лорисъ-Меликовъ для принятія мѣръ противъ распространенія чумной заразы. Лорисъ-Меликовъ пользовался до тѣхъ поръ заслуженною репутаціей, особенно въ военныхъ кругахъ, какъ покоритель Карса, но въ администраціи онъ еще не имѣлъ случая выказать своихъ способностей. Возложенное на него порученіе дало ему возможность заявить себя въ качествѣ энергичнаго и умнаго распорядителя. Онъ немедленно принялъ всѣ необходимыя мѣры для оцѣпленія зачумленной мѣстности, не подвергая, однако, мѣстное населеніе излишнимъ стѣсненіямъ. Благодаря его мѣропріятіямъ, дальнѣйшее распространеніе заразы было пріостановлено.

Своими благоразумными распоряженіями въ Ветлянкѣ графъ Лорисъ-Меликовъ на столько обратилъ на себя всеобщее вниманіе, что когда, вскорѣ послѣ того, развитіе революціонной дѣятельности вызвало необходимость поставить во главѣ управленія лицо, снабженное особыми полномочіями, выборъ Государя палъ на графа Лорисъ-Меликова; хотя и съ относительно скромнымъ титуломъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ нѣсколько лѣтъ стоялъ во главѣ министерства.

Ветляно-петербургскій инцидентъ повлекъ за собою, кромѣ того, и существенный экономическій ущербъ для Россіи, побудивъ Пруссію принять на западной границѣ крайне стѣснительныя мѣры по отношенію къ русскимъ торговымъ сношеніямъ.

Покушенію 2-го апрѣля я былъ почти свидѣтелемъ. Государь имѣлъ привычку каждое утро совершать прогулку около Главнаго Штаба. Окна моей квартиры, у Пѣвческаго моста, выходили на Дворцовую площадь и на домъ Штаба. Въ тотъ день я какъ-то остановился у окна и видѣлъ проходящаго мимо, по панели, вдоль Штаба, Государя; затѣмъ едва успѣлъ я отойти отъ окна, какъ мой слухъ былъ пораженъ нѣсколькими выстрѣлами. Не понимая, что бы это значило, я опять подошелъ къ окну—и увидѣлъ, какъ мгновенно часть площади покрылась бѣгущимъ въ разныя стороны народомъ, повидимому, находящимся въ ужасномъ возбужденіи; въ толпѣ меня поразилъ между прочимъ старый солдатъ дворцовой роты, бѣжавшій съ обнаженною шпагою. Государя я уже не видѣлъ—оказалось, что совершенно покушеніе на его жизнь. Немедленно, только-что извѣстіе объ этомъ гнусномъ происшествіи успѣло распространиться, какъ весь офиціальный Петербургъ поспѣшилъ во дворецъ—я тоже поспѣшилъ надѣть мундиръ и отправиться туда же.

Тамъ я засталъ всѣхъ, въ ожиданіи выхода Государя, возбужденно бесѣдовавшихъ о только-что случившемся. Наконецъ, вышелъ Государь, встрѣченный громкими криками „ура!“; онъ казался спокойнымъ и обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, въ которой онъ приглашалъ благомыслящихъ людей сплотиться около него, чтобы трудиться на пользу Россіи. Затѣмъ всѣ послѣдовали за Государемъ въ церковь, гдѣ началось благодарственное молебствіе по случаю спасенія жизни Государя.

Въ этомъ же году была учреждена такъ называемая Барановская желѣзнодорожная комиссія, и мнѣ было предложено принять въ ней участіе.

Министромъ путей сообщенія былъ въ то время Посъетъ. Хорошій морякъ и достойный по своимъ нравственнымъ качествамъ человекъ, онъ немного понималъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, а потому желѣзнодорожное хозяйство шло у насъ очень плохо, со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы на залежи и вообще на неустройство желѣзнодорожного сообщенія. При такихъ условіяхъ, возникла мысль образовать особую комиссію для обсужденія положенія желѣзнодорожного дѣла. Во главѣ комиссіи былъ поставленъ графъ Э. Пет. Барановъ, предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта, человекъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и отличавшійся какъ благородствомъ и особымъ достоинствомъ характера, такъ и административнымъ тактомъ и опытностью. Управляющимъ дѣлами комиссіи былъ назначенъ М. Н. Анненковъ. Послѣдній былъ въ сущности иниціаторомъ образованія Барановской комиссіи. Михаилъ Николаевичъ всегда интересовался желѣзнодорожнымъ дѣломъ и усиленно занимался этими вопросами. Находясь въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Барановымъ, который весьма цѣнилъ его энергическія способности, М. Н. Анненковъ, кажется, и подалъ мысль графу Баранову возбудить вопросъ объ образованіи такой комиссіи. Комиссія была составлена какъ изъ лицъ администраціи, такъ и изъ нѣкоторыхъ представителей частныхъ желѣзныхъ дорогъ, большихъ землевладѣльцевъ и другихъ лицъ, заинтересованныхъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ. Имѣлось въ виду учрежденіе въ средѣ комиссіи ряда подкомиссій для изслѣдованія на мѣстахъ главнѣйшихъ линій мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ. Для такой анкеты, вся желѣзнодорожная сѣть была раздѣлена на шесть группъ—изслѣдованіе на мѣстахъ каждой группы было возложено на отдѣльныя подкомиссіи. Мнѣ было предложено стать во главѣ Риги-Царицынской подкомиссіи, изслѣдованію которой подлежали дороги: Риги-Динабургская, Орловская, Грязская и Царицынская. Членами моей подкомиссіи были назначены: генералъ

баронъ Будбергъ, баронъ Каульбарсъ, служившій на Московской желѣзной дорогѣ, Юшковъ, служившій не помню на какой ж. дор., и инженеръ Штида.

Предварительно изслѣдованія на мѣстахъ, всѣмъ правленіямъ жел. дорогъ были разосланы списки съ рядомъ вопросовъ, по которымъ требовалось доставленіе отъ нихъ объясненій. Каждой подкомиссіи предстояло, предварительно приступленія къ своему изслѣдованію, проштудировать отвѣты, полученные отъ соотвѣствующихъ ей желѣзныхъ дорогъ.

Затѣмъ данныя, добытыя подкомиссіями, должны были уже составить окончательный матеріалъ сужденій главной комиссіи — съ цѣлью выработки нормальнаго желѣзнодорожнаго закона.

Дѣло было такимъ образомъ обставлено очень основательно; графъ Барановъ, горячо принимавшій его къ сердцу, не могъ однако не сознавать, что не достаточно выработать желѣзнодорожный законъ и начертить необходимыя дополнителныя мѣропріятія, но необходима еще личность, которая была бы въ состояніи провести всѣ предположенія комиссіи въ жизнь, чего отъ Посѣта никакъ нельзя было ожидать. Поэтому графъ Барановъ считалъ своею задачею, кромѣ составленія нормальнаго желѣзнодорожнаго закона, подготовить и будущаго министра путей сообщенія, который бы могъ приводить въ исполненіе всѣ предположенія комиссіи. Такимъ кандидатомъ въ министры путей сообщенія онъ намѣтилъ М. Н. Анненкова и прямо это высказывалъ. Не разъ мнѣ приходилось слышать въ засѣданіяхъ комиссіи, какъ графъ обращался къ Анненкову со словами: „вотъ, когда вы будете министромъ путей сообщенія, вы сдѣлаете то-то и то-то“...

Графу Баранову не суждено было однако довести столь полезное дѣло до благополучнаго окончанія. Въ теченіе послѣдующихъ занятій комиссіи, посвященныхъ разработкѣ матеріаловъ, добытыхъ подкомиссіями, графъ Эдуардъ Трофимовичъ внезапно заболѣлъ: съ нимъ сдѣлался родъ удара, совершенно помрачившій даже его умственныя способности — и затѣмъ послѣ нѣкотораго времени графъ скончался... Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились планы графа Баранова.

Только много лѣтъ спустя мнѣ удалось узнать причину катастрофы, постигшей графа Баранова. Баронъ Велію, членъ Государственнаго Совѣта, рассказалъ мнѣ, однажды, когда я его посѣтилъ за нѣсколько дней до его смерти, по этому поводу слѣдующее.

Въ то время, подъ предсѣдательствомъ Государя Александра II, въ Царскомъ Селѣ происходило засѣданіе по одному очень важному желѣзнодорожному вопросу, имѣлось въ виду коренное измѣненіе постановки этого дѣла.

Въ этомъ засѣданіи участвовали графъ Лорисъ-Меликовъ, А. А. Абаза, Д. А. Милютинъ, графъ Барановъ и Посыетъ. Послѣдній энергически возражалъ противъ принятія мѣры, которая должна была нѣсколько ограничить свободу распоряженій министра путей сообщенія. Всѣ остальные члены доказывали необходимость принятія обсуждаемой мѣры, такъ какъ они видѣли въ ней существенное условіе болѣе раціональной постановки у насъ желѣзнодорожнаго дѣла. Государь согласился съ большинствомъ. Повидимому, дѣло было рѣшено въ удовлетворительномъ смыслѣ. Послѣ засѣданія всѣ члены вернулись въ Петербургъ, одинъ только Посыетъ остался въ Царскомъ Селѣ. На другой день утромъ, зная, въ какое время Государь гуляетъ по парку, Посыетъ отправился тоже гулять въ паркъ и, встрѣтившись съ Государемъ, сталъ его упрашивать не порочить стараго и вѣрнаго слугу—такъ какъ принятіе вышеуказанной мѣры могло быть истолковано, въ смыслѣ недовѣрія къ нему Государя. По мягкости сердца, Государь не устоялъ противъ ходатайства Посыета—рѣшеніе предшествовавшаго дня было отмѣнено. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до графа Баранова, то это на него такъ подѣйствовало, что съ нимъ сдѣлался ударъ, внезапно прервавшій и его столь полезную дѣятельность и его жизнь.

Посыетъ же оставался еще долгое время министромъ. Замѣчательно, что самый неспособный, въ своей части, изъ министровъ, онъ почти долѣе всѣхъ министровъ оставался на своемъ посту. Онъ оставилъ министерство только послѣ желѣзнодорожной катастрофы въ Боркахъ.

Что же касается М. Н. Анненкова, то предположеніе графа Баранова о назначеніи его впослѣдствіи министромъ путей сообщенія, также никогда не осуществилось. Какъ извѣстно, его дальнѣйшая дѣятельность по желѣзнодорожной части ограничилась сооруженіемъ Полѣсскихъ и Закаспійской желѣзныхъ дорогъ. Хотя эти постройки были совершены очень быстро и относительно не дорого, но такъ какъ онъ при постройкѣ дорогъ часто уклонялся отъ точнаго примѣненія контрольных правилъ, то впослѣдствіи на него со стороны Государственного Контроля былъ возбужденъ рядъ нареканій. Примѣромъ преобладавшаго при томъ формализма можетъ служить между прочимъ слѣдующій фактъ. По Закаспійской желѣзной дорогѣ ему была ассигнована извѣстная сумма на сооруженіе плавучей переправы черезъ рѣку Амуръ-Дарью. Въмѣсто предположенной плавучей переправы Анненкову удалось соорудить на эти деньги постоянный мостъ черезъ Амуръ-Дарью. Казалось, что за такую распорядительность онъ могъ заслуживать только выраженіе признательности, а между тѣмъ Государственный Конт-

роль, на чисто формальной почвѣ, возбудилъ противъ него нареканіе за превышеніе власти. Когда нѣсколько времени спустя въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, въ которомъ я присутствовалъ въ качествѣ товарища министра, разбирался вопросъ о начетахъ и обвиненіяхъ, которые возводились контролемъ на Анненкова, я счелъ долгомъ поставить вопросъ ребромъ. Указавъ на то, что можетъ быть именно вслѣдствіе уклоненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ строгаго примѣненія контрольных правилъ Анненкову удалось достигнуть, по свѣдѣніямъ самого контроля, такой дешевизны поверстной стоимости (считая и дополнительные работы, такъ какъ его упрекали въ томъ, что дороги въ нѣкоторыхъ частностяхъ не были окончательно достроены), до которой не доходила постройка ни одной изъ другихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ,—я высказалъ мнѣніе, что сущность вопроса несомнѣнно важнѣе формальной его стороны, и что потому возбужденныя противъ него пререканія Государственнаго Контроля едва-ли заслуживаютъ вниманія. На вопросъ поставленный такимъ образомъ, всѣ члены присоединились къ моему мнѣнію, и отчетъ Анненкова былъ утвержденъ.

Затѣмъ во время голода, постигшаго Россію въ 1892 году, на Анненкова было возложено устройство работъ для голодающаго населенія, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 10 милліоновъ рублей. Работы предполагались самыя разнообразныя—и рубка лѣса, и сооруженіе шоссе на западномъ берегу Кавказа, и постройка школъ часовень, и проведеніе въ разныхъ мѣстностяхъ осушительныхъ и оросительныхъ каналовъ и т. д. Анненковъ имѣлъ неосторожность принять на себя веденіе этого дѣла, которое по своей сложности и разнообразности одновременно въ разныхъ краяхъ Россіи едва ли было подъ силу одному человѣку. А такъ какъ къ тому же Михаилъ Николаевичъ не отличался большою аккуратностью,—то хотя въ сущности главною задачею было кормленіе голодающаго населенія,—его все же впослѣдствіи стали упрекать въ томъ, что всѣ эти работы были произведены не вполне удовлетворительно, кромѣ того, онъ запутался при сложности дѣла, въ счетахъ,—и потому Государственный Контроль предъявилъ на него рядъ начетовъ. Между тѣмъ Анненковъ неоднократно, при недостаткѣ ассигнованныхъ кредитовъ, прибѣгалъ къ затратамъ собственныхъ средствъ и, вслѣдствіе того, совершенно разстроилъ свое большое состояніе. Послѣдовавшая затѣмъ его внезапная кончина, по всей вѣроятности, была вызвана заботами и совершеннымъ раззореніемъ своей семьи.

Возвращаюсь теперь, послѣ этого отклоненія, къ занятіямъ подкомиссіи, во главѣ которой я былъ поставленъ. Передъ отпра-

вленіемъ изъ Петербурга пришлось составить планъ работъ, ознакомиться со всѣми подробностями желѣзнодорожныхъ операцій и стовориться по дѣлу съ другими членами подкомиссіи. По этому случаю я совершилъ между Петербургомъ и Колпиномъ поѣздку на локомотивѣ, желая ознакомиться съ дѣятельностью машиниста во время пути.

Въ концѣ апрѣля моя подкомиссія въ полномъ составѣ—Штида, бар. Будбергъ, бар. Каульбарсъ, Юшковъ и Андерсъ—отправилась въ путь, черезъ Динабургъ въ Ригу.

Я прежде въ Ригѣ никогда не бывалъ; городъ поразилъ меня своими красивыми постройками, особенно по Alexander-Strasse, изящными бульварами и элегантными скверами; сохранившіяся въ прежнемъ видѣ, старинныя постройки придаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторымъ частямъ его характеръ древняго историческаго города.

Въ Ригѣ мы пробыли около недѣли, занимаясь разсмотрѣніемъ отвѣтовъ, полученныхъ отъ разныхъ желѣзныхъ дорогъ, на посланные имъ вопросы. Этимъ же временемъ мы воспользовались для посѣщенія сосѣднихъ дачныхъ приморскихъ мѣстностей, Дубельнъ, Кеммернъ, Майоренгофъ—замѣчательныхъ по ихъ красивому мѣстоположенію.

Изъ Риги мы отправились черезъ Туккумъ въ Митаву, чтобы ознакомиться съ состояніемъ Митавской желѣзной дороги.

Туккумъ чисто еврейскій городъ; Митава, напротивъ того, древній историческій городъ, бывшая столица Курляндскихъ герцоговъ, носить съ своими древними замками совершенно характеръ небольшихъ феодальныхъ германскихъ городовъ.

Губернаторомъ въ Митавѣ былъ тогда П. Э. Лиліенфельдъ. Лиліенфельдъ составилъ себѣ имя въ нашей экономической литературѣ статьями по земскому и крестьянскому вопросу, подъ псевдонимомъ Лилѣвъ. Ко времени моего посѣщенія Митавы, онъ былъ занятъ сочиненіемъ о социологіи общества. Этотъ обширный трудъ вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ въ трехъ томахъ и обратилъ на себя вниманіе иностранныхъ ученыхъ. При участіи Лиліенфельда, нѣсколько времени спустя въ Парижѣ образовалось социологическое общество, для изученія социологическихъ вопросовъ, устраивающее ежегодно социологическіе конгрессы. На одномъ изъ послѣднихъ конгрессовъ, Павелъ Ѳеодоровичъ былъ избранъ предсѣдателемъ.

Павелъ Ѳеодоровичъ, жившій въ древнемъ бироновскомъ замкѣ, принялъ меня очень любезно. Я у него обѣдалъ, и мы много бесѣдовали съ нимъ объ его ученыхъ работахъ. Тогда только-что вышелъ въ свѣтъ первый томъ его социологіи; извѣстный лифляндскій богословъ, и философъ бар. Этингенъ встрѣтилъ его сочиненіе доволь-

но рѣзкою критикою, и между ними по этому поводу завязалась оживленная полемика, послужившая обильнымъ матеріаломъ для нашихъ разговоровъ.

Затѣмъ онъ мнѣ показывалъ комнаты бироновскаго помѣщенія, заключавшія много интересныхъ историческихъ воспоминаній; въ нихъ между прочимъ сохранилась почти вся прежняя меблировка, какою она была при Курляндскихъ герцогахъ; между прочимъ, Лиліенфельдъ показывалъ мнѣ въ одной комнатѣ на стѣнѣ большой гобеленъ, шитый, кажется, самою курляндскою герцогиней.

Я уже прежде встрѣчался съ Лиліенфельдомъ въ Петербургѣ, но послѣ этого проведеннаго у него дня въ интимныхъ разговорахъ, я еще болѣе съ нимъ сблизился. Нѣсколько времени спустя, когда Лиліенфельдъ, назначенный сенаторомъ, переселился на житье въ Петербургъ, наши сношенія съ нимъ сдѣлались совершенно интимными и продолжались до самой его смерти, тѣмъ болѣе, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ нашихъ экономическихъ собраніяхъ.

Это былъ человѣкъ замѣчательно благородный и прямой, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на свои ученые заслуги, человѣкъ замѣчательно скромный, но преисполненный внутренняго достоинства.

По возвращеніи въ Ригу, я познакомился тамъ съ мѣстнымъ преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ рижскимъ и митавскимъ. Послѣ моего визита, онъ посѣтилъ меня въ гостиницѣ и пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Преосвященный жилъ за городомъ въ Штиндзѣ, на монастырской дачѣ, окруженной большимъ, хотя и нѣсколько запущеннымъ паркомъ. Преосвященный говорилъ мнѣ, какое удовольствіе доставляютъ ему ежедневныя прогулки по парку. По принятому у насъ обычаю, преосвященные, въ виду важности сана¹⁾, въ городахъ не ходятъ пѣшкомъ по улицамъ, а разъѣзжаютъ только въ экипажѣ. Этотъ обычай очень стѣснялъ преосвященнаго Филарета, такъ какъ движеніе на воздухъ составляло потребность для его здоровья, и вотъ почему лѣтнее пребываніе на дачѣ, съ ежедневными прогулками по парку, представляло для него истинное отдохновеніе.

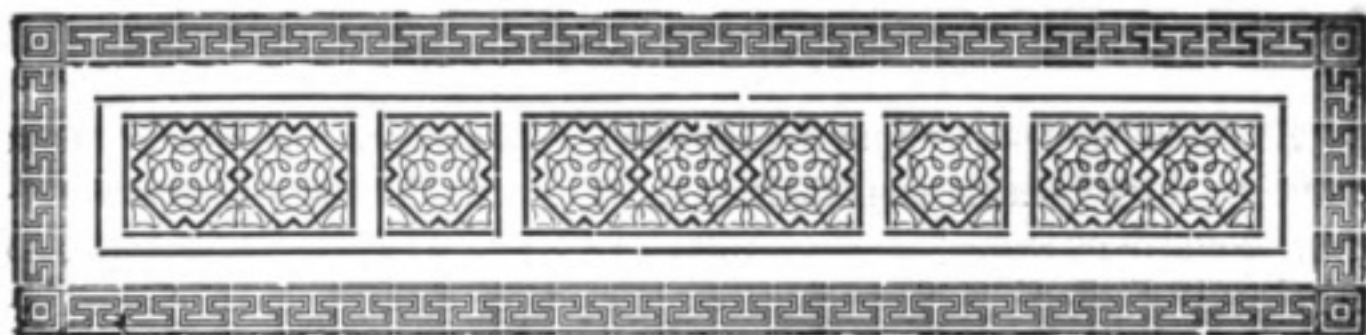
За чашкою чая я провелъ у него цѣлый вечеръ, бесѣдуя о разныхъ религіозныхъ предметахъ. Между прочимъ у насъ зашелъ разговоръ объ аскетизмѣ. Я никогда не былъ особымъ поклонни-

¹⁾ а вѣроятно и потому, что имъ приходилось бы постоянно останавливаться, такъ какъ каждый изъ встрѣчныхъ обращался бы къ нимъ за благословленіемъ.

комъ аскетизма и отшельничества, такъ какъ ни Христосъ, ни апостолы не удалились совершенно отъ міра, отыскивая только временно одиночество для уединенной молитвы. Аскетизмъ и отшельничество вошли въ христіанскую жизнь подъ вліяніемъ египетскаго и индійскаго аскетизма. Въ отвѣтъ на эти мои слова, преосвященный высказалъ мнѣ замѣчательное воззрѣніе на аскетизмъ, которое я, вернувшись домой, немедленно занесъ въ мою записную книжку, а именно, онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „аскетичество есть духовное воспитаніе себя. Вотъ почему аскеты такъ снисходительны на исповѣди къ грѣхамъ другихъ, потому что они знаютъ—что значить воспитать себя“.

Преосвященный Филаретъ произвелъ на меня вообще очень симпатичное впечатлѣніе—человѣкъ, державшій себя просто, не позирующий, очень умный и обладавшій очевидно глубокимъ познаніемъ человѣческаго сердца.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Усталые и измученные турки не долго выдерживали этотъ огонь и скоро отступили. Они всегда прибѣгаютъ къ этому средству, когда противникъ выказываетъ долгое сопротивленіе ихъ натиску. Первый моментъ нападенія ихъ дѣйствительно ужасенъ, но если съумѣютъ его выдержать, то они болѣе уже не опасны.

Ихъ лошади были до того утомлены, что они, несмотря на отрытый огонь, должны были двигаться только шагомъ, при томъ иные вынуждены были слѣзть съ своихъ лошадей и вести ихъ въ поводу.

Если бы, въ эту минуту, 15 эскадроновъ праваго фланга нашей кавалеріи начали бы атаку, успѣхъ былъ бы полный, но Войновъ, поведеніе котораго, въ этомъ сраженіи, представляется для меня совершенной загадкой, рѣшительно ничего не сдѣлалъ.

Гр. Мантейфель, Лисаневичъ, Дехтеревъ тоже оставались въ полномъ бездѣйствіи и, такимъ образомъ, пропустили удобный случай покрыть славой армію и себя.

Кутузовъ долженъ бы былъ лично прибыть сюда и руководить ходомъ сраженія, но для этого онъ слишкомъ старъ, тяжелъ и лѣнивъ.

Турки же преспокойно впрягли своихъ лошадей въ наши орудія и зарядные ящики, которые они сначала оставили на мѣстѣ, и увезли ихъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюль 1910 г.

Я все это видѣлъ, но ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ кавалерія была не подъ моимъ начальствомъ. Я могъ бы преслѣдовать турокъ только пѣхотою; я даже приказалъ перейти въ наступленіе, но нашъ противникъ, несмотря на утомленіе, удалялся все-таки настолько поспѣшно, что пѣхота не въ состояніи была догнать его.

Центръ турецкой арміи, какъ только опредѣлилось, что оба ихъ фланги обратились въ бѣгство, тотчасъ же послѣдовалъ ихъ примѣру, и непріятельская артиллерія удалялась съ возможною быстротой.

Если бы я могъ располагать хоть 5-ю эскадронами кавалеріи, я бы сумѣлъ овладѣть всей артиллеріей турокъ съ ихъ измученными лошадьми. Я попробовалъ употребить еще одно усиліе, чтобы повліять на нашихъ кавалеристовъ, но оно было такъ же безплодно, какъ и предыдущее.

Я положительно не могу объяснить себѣ поведеніе этихъ генераловъ! Безъ сомнѣнія и Дехтеревъ и гр. Мантейфель были одними изъ самыхъ храбрыхъ и мужественныхъ офицеровъ, они легко могли бы себя покрыть славою, но, тѣмъ не менѣе, они только обезчестили себя. Я утверждаю, что если бы наша кавалерія исполнила бы свой долгъ, мы отняли бы у турокъ всѣ ихъ 32 пушки (которыми впослѣдствіи завладѣли янычары, причинившіе имъ потери въ 500 или 600 чел.).

Въ этотъ день Войновъ совсѣмъ не выказалъ себя генераломъ, несмотря на свою храбрость, которая никогда не оставляла его; на этотъ разъ онъ совершенно потерялъ голову. Кутузовъ, со свойственными ему мѣткостью и умомъ, вѣрно замѣтилъ, что Войновъ скорѣе неустойчивъ и безстрашенъ, какъ гренадеръ, и что онъ всегда спѣшитъ къ сражающемуся эскадрону, совершенно забывая въ то время о другихъ.

Кавалерія наша не только не бросалась преслѣдовать турокъ, но начала свое движеніе только тогда, когда я съ двумя линіями пѣхоты уже сдѣлалъ двѣ версты. Это меня страшно раздражало, и я виѣ себя отъ гнѣва какъ противъ кавалеріи, такъ и противъ ея начальника, не сумѣвшаго заставить ее двигаться.

Единственно, только полковникъ Уманецъ, Кинбургскій полкъ котораго былъ первымъ атакованъ и много потерпѣлъ отъ этого натиска турокъ, собралъ оставшихся людей и явился ко мнѣ на помощь, но было уже поздно¹⁾.

¹⁾ Въ сраженіи подъ Рущукомъ, я вторично вижу нашу кавалерію не слѣдующею за пѣхотой и потому пропускающей удобные случаи для атаки. Въ сраженіи при Мачинѣ (1791 г.) она поступила такъ же.

Въ трехъ верстахъ отъ поля сраженія мы увидѣли укрѣпленіе, какъ видно начатое только утромъ и уже оконченное въ продолженіе 5 часовъ. Укрѣпленіе это имѣло очень длинное очертаніе и вокругъ него шелъ ровъ, въ иныхъ мѣстахъ доведенный даже до порядочной глубины. Вѣроятно, турки, для сооруженія этого ретраншамента употребили огромное число мѣстныхъ жителей, которые, затѣмъ, скрылись вмѣстѣ съ янычарами, оставивъ на мѣстѣ всѣ свои инструменты, которыми мы и воспользовались во множествѣ.

Мы прошли около 5 верстъ, но турокъ все еще не было видно, несмотря на то, что мы были уже въ 4-хъ верстахъ отъ ихъ лагеря. Это привело насъ къ убѣжденію, что ихъ тамъ вовсе нѣтъ ¹⁾.

Мы не ждали найти этотъ лагерь укрѣпленнымъ, но оказалось, что его укрѣпили только 5-ю редутами, построенными впереди фронта и расположенными въ видѣ квадратовъ.

Я не сомнѣвался въ томъ, что мы легко можемъ снести этотъ лагерь и, завладѣвъ орудіями (такъ какъ наша кавалерія подошла наконецъ къ намъ), окончательно довершить побѣду.

Но Кутузовъ судилъ совсѣмъ иначе и несмотря на всѣ мои старанія склонить его къ этому предпріятію, успѣхъ котораго такъ легко достижимъ, онъ остановилъ всѣ войска, а затѣмъ повернулъ назадъ и возвратился въ свой лагерь.

На всѣ мои доводы, онъ отвѣтилъ такъ: „Вы знаете, что наши люди не умѣютъ хорошо ходить въ атаку, а я, будучи отброшенъ съ перемѣшанными въ безпорядкѣ частями, легко могу понести полное пораженіе. Подумайте, вѣдь у меня только одна армія!“—Трудно было разсуждать болѣе односторонне, руководствуясь лишь излишней предосторожностью, болѣе чѣмъ неумѣстной. Настоящей же причиной его нерѣшительности, главнымъ образомъ, была его обычная трусливость, старость и тучность, всегда мѣшавшія ему въ подобныхъ случаяхъ. Онъ изнемогалъ отъ усталости и жары, хотя послѣдняя и дѣйствительно была невыносима; около 4-хъ часовъ дня, я нашелъ Кутузова лежащимъ на горячей землѣ, задыхающимся отъ жары. Онъ былъ не въ состояніи не только дѣйствовать, но даже и думать.

Мы ему сдѣлали изъ турецкихъ флаговъ маленькую палатку и когда онъ отдохнулъ и могъ говорить, онъ искренно и въ трогательныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ пѣхотныхъ генераловъ, дѣйствительно заслужившихъ ее; тогда какъ кавалерійскіе генералы

¹⁾ И дѣйствительно въ лагерь никого не было.

не только не получили никакой благодарности, но даже были очень дурно приняты. Въ данномъ случаѣ Кутузовъ былъ совершенно правъ.

Въ 10 ч. вечера мы уже были въ своемъ лагерѣ.

Мы разбили всѣ планы турокъ, но къ сожалѣнію не только не завладѣли ихъ пушками, а даже потеряли одну свою, что служило нѣкоторымъ помраченіемъ нашего успѣха.

Въ этомъ сраженіи русская пѣхота снова заслужила названіе „стѣны“, которое ей далъ прусскій король въ Семилѣтнюю войну.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ мои каре выдержали 3 или 4 кавалерійскихъ атаки; какъ они, въ промежуткахъ между атаками, подвергались страшному огню; какъ люди, пораженные пулями или снарядами, падали, но прочіе стояли неподвижно. Артиллерія также ни въ чемъ не уступала пѣхотѣ.

Это сраженіе произвело большую сенсацію въ Европѣ, и газеты говорили о немъ съ большимъ энтузіазмомъ, чего впрочемъ оно не заслуживало по славѣ. Не знаю, кто мнѣ оказалъ дурную услугу, напечатавъ во французской газетѣ (Четвергъ, 5 дек. 1811 г.), что будто-бы это сраженіе выиграно только благодаря моимъ распоряженіямъ. Такъ какъ это сообщеніе было не совсѣмъ вѣрно, то оно меня очень опечалило. Въ этотъ день я исполнилъ только свой долгъ, и дѣйствительно я не смѣю ни въ чемъ себя упрекать, мнѣ удалось совершить то, чего мнѣ такъ хотѣлось, и чего бы я легко достигъ, имѣя при себѣ кавалерію.

Въ войнѣ съ турками, генералы, командующіе пѣхотою, заключенною въ каре, имѣютъ мало средствъ отличиться; тогда какъ кавалерійскіе генералы могутъ сдѣлать рѣшительно все, что только захотятъ. Но наши генералы, въ этомъ сраженіи, не захотѣли ничего дѣлать. Я могу смѣло сказать про себя, не боясь быть обвиненнымъ въ самохвальствѣ, что если бы я командовалъ арміей, побѣда была бы полная и, можетъ быть, этимъ сраженіемъ окончилась вся кампанія, такъ какъ я бы овладѣлъ всѣмъ лагеремъ и пушками турокъ, а черезъ 4 дня отправился бы въ Шумлу. Турки навѣрное бы испугались и разбѣжались, а великій визирь, уже черезъ 8 дней, не собралъ бы и половины своей арміи.

Мы потеряли 1.180 чел. Потери же турокъ равнялись 2.000 убитыхъ; особенно они пострадали отъ огня нашей артиллеріи, которая сильно поражала ихъ, когда они переходили черезъ наши каре.

Поведеніе нашей кавалеріи не осталось неизвѣстнымъ и въ Петербургѣ. Государь приказалъ Кутузову представить объ этомъ офиціальнѣйшій отчетъ и указать виновныхъ, но нашъ старый вождь возсталъ противъ этихъ строгихъ мѣръ. Хотя кавалеристы были

дѣйствительно виноваты, но ихъ прежнія заслуги и долговременныя службы говорили за нихъ, и потому Кутузовъ, на запросъ Государя, отвѣчалъ, что тѣ, которыхъ непредвидѣнныя обстоятельства сдѣлали виноватыми, уже достаточно наказаны лишеніемъ наградъ, которыхъ онъ просилъ для нихъ. Получивъ такой отвѣтъ, Государь не забылъ о немъ и, когда, черезъ 4 мѣсяца, Кутузовъ вновь представилъ за боевые подвиги 7-ой егерскій и Бѣлорусскій гусарскій полки, то Государь пожаловалъ егерямъ серебряныя трубы, а гусарамъ въ наградѣ отказалъ; при чемъ повелѣлъ передать Кутузову, что только новыя удачи гусаръ могутъ изгладить воспоминанія объ ихъ прежнемъ поведеніи ¹⁾).

Государь также повелѣлъ запросить Кутузова, что правда ли, что многіе изъ рекрутовъ еще не получили обмундированія.

Такъ какъ рекруты были въ моемъ вѣдѣніи, то я смѣло отвѣчаю, что если хотять, чтобы они были одѣты, то обмундировальная комиссія должна была выслать вещи заранѣе, по крайней мѣрѣ въ іюнѣ, когда кампанія еще только началась. На этомъ дѣло и кончилось.

Всѣ эти мелкія подробности и пустяки были сообщены волонтерами. Адъютантъ Кутузова, гвардіи капитанъ Кайсаровъ, отвозившій въ Петербургъ донесеніе объ окончаніи сраженія, повезъ также съ собою и письма, но не прочиталъ ни одного изъ нихъ (какъ видно, Кутузовъ не обладалъ слабостью гр. Каменскаго), хотя военный министръ Барклай и предупреждалъ его, чтобы онъ относился съ большою осторожностью ко всему, что писали изъ арміи. Между этими письмами было письмо и Ланского, гдѣ онъ описывалъ разныя происшествія, не пощадивъ никого. Его письмо облетѣло весь Петербургъ и стало примѣромъ неосторожности и причиной многихъ сплетенъ.

Занятое нами расположеніе послѣ сраженія, потеря одной пушки и двухъ зарядныхъ ящиковъ дали возможность туркамъ составить реляцію въ свою пользу. Г-нъ де-ла-Туръ передалъ намъ секретъ Наполеоновскихъ бюллетеней, и вскорѣ мы увидѣли во всѣхъ фран-

¹⁾ Бѣлорусскій полкъ, дѣйствуя еще подъ начальствомъ Михельсона, приобрѣлъ славную репутацію. Имъ командовалъ тогда генер. Павелъ Кутузовъ, а въ 1811 г. имъ командовалъ Ланской, извѣстный своимъ мужествомъ и военными доблестями; при немъ-то полкъ и потерялъ всю свою славу, хотя въ сраженіи подъ Рушукомъ самого Ланского и не было при полку; онъ тогда лежалъ больнымъ лихорадкой въ Журжевѣ. Быть можетъ, если бы онъ былъ со своимъ полкомъ, то и результатъ былъ бы совсѣмъ другой.

цузскихъ газетахъ извѣстія о томъ, что будто бы мы повсюду были разбиты и потеряли всю нашу артиллерію, что одинъ изъ нашихъ генераловъ былъ убитъ въ своей каретѣ, и что послѣ трехъ приступовъ Рушукъ былъ снесенъ и т. д... Когда, черезъ 4 мѣсяца, объ этомъ заговорили съ великимъ визиремъ, то онъ отвѣчалъ, что онъ не причастенъ ни къ одной изъ этихъ реляцій, а что они фабриковались въ Константинополѣ.

Реляція Кутузова была очень коротка и скромна для насъ, даже слишкомъ скромна, такъ какъ онъ тамъ говорилъ только о себѣ, не упомянувъ даже имени ни одного изъ генераловъ. Можно себѣ представить, какъ мы были этимъ шокированы. Онъ понялъ это, почувствовалъ свою ошибку и съ тѣхъ поръ измѣнилъ уже тонъ своихъ реляцій.

Онъ ужасно беспокоился, какъ примутъ въ Петербургѣ его реляцію; по убѣжденіямъ ли изъ-за политики, но реляція была принята прекрасно, и Кутузовъ получилъ портретъ Государя, и всѣ генералы (исключая кавалерійскихъ) и многіе изъ офицеровъ—награды, которыя, впрочемъ, были очень дурно распределены и сдѣлали больше недовольныхъ, чѣмъ счастливыхъ.

Я получилъ золотую шпагу, украшенную брилліантами, но отказался отъ нея. Государь повысилъ въ чинъ генералъ-лейтенанта 9 генераловъ, бывшихъ моложе меня, изъ которыхъ только двое были надеждой арміи ¹⁾, два даже ея стыдомъ ²⁾, а остальные служили меньше меня ³⁾. Государь, давно, еще въ Петербургѣ, обѣщалъ мнѣ дать, при первой возможности, чинъ генералъ-аншефа, и я написалъ ему, прося обѣщанный мнѣ чинъ, который я долженъ былъ получить еще два года назадъ.

Нѣсколько времени спустя, послѣ этого сраженія, одинъ турокъ, Мустафа-Ага, приближенный великаго визиря, обыкновенно исполнявшій всѣ его порученія, явился къ Кутузову, чтобы выразить извѣстный знакъ вѣжливости. Замѣтивъ, у Кутузова въ петлицѣ портретъ Императора и узнавъ, что онъ пожалованъ ему за Рушукское сраженіе, онъ, съ нескрываемой ироніей и очень ипокритическимъ тономъ произнесъ:... „я въ восторгѣ, такъ какъ нашъ великій визирь тоже получилъ брилліантовую эгретку за то же сраженіе“...

23 іюня мы чувствовали себя совершенно покойно, и Кутузовъ отдалъ приказаніе начать постройку укрѣпленія, которое пересѣ-

¹⁾ Барклай-де-Толли и князь Багратионъ.

²⁾ Графъ Сергѣй Каменскій и Милорадовичъ.

³⁾ Платовъ, Дохтуровъ, Ламсдорфъ, гр. Николай Каменскій и друг.

кало бы какъ Черноводскую дорогу, такъ и равнину, по которой турки обошли нашъ лѣвый флангъ. 24 числа, въ 11 час. вечера, онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ генераловъ и передалъ мнѣ приказаніе, чтобы я, вмѣстѣ съ своимъ корпусомъ и кавалеріей, немедленно перешелъ бы Дунай, и генер. Эссену онъ приказалъ остаться временно въ Рушукъ, вывезти всю артиллерію и продукты, а затѣмъ сжечь городъ и 26-го вечеромъ присоединиться ко мнѣ.

Все это было исполнено въ необыкновенномъ порядкѣ и въ точности, что дѣлаетъ ген. Эссену большую честь.

Въ 2 часа ночи всѣ войска были уже на своихъ мѣстахъ, а 25-го, вечеромъ, вся артиллерія, несмотря на то, что было болѣе 150 пушекъ, была вывезена.

Несчастные болгарскіе жители Рушука и нѣкоторые валахскіе купцы никакъ не ожидали, чтобы мы покинули городъ; многіе изъ нихъ имѣли цѣнное имущество, богатые товары, и все это они должны были потерять. Такъ какъ они нигдѣ не могли достать себѣ повозокъ для перевозки вещей, то, несмотря на невыносимую жару, они сами, на своихъ спинахъ, перетаскивали все болѣе цѣнное изъ Рушука въ Журжево, а это составляло около 4 верстъ пути. Мы съ грустью смотрѣли на это печальное зрѣлище ¹⁾.

Кутузовъ присутствовалъ лично при нашемъ переходѣ черезъ Дунай и все время выказывалъ ужасное волненіе и нетерпѣніе. Онъ до такой степени забылся, что позволилъ себѣ ударить шпалгой одного офицера 29-го егерскаго полка. Къ счастью этотъ офицеръ былъ на дурномъ счету, но во всякомъ случаѣ поступокъ Кутузова остается такимъ же нетактичнымъ, чтобы не сказать болѣе ²⁾.

Наконецъ, 26 іюня, въ 8 ч. вечера, въ городѣ никого не осталось, кромѣ гарнизона. Подъ прикрытіемъ постовъ и при пушечныхъ выстрѣлахъ, возвѣщавшихъ наше отступленіе, всѣ войска корпуса Эссена перешли мостъ и построились въ боевомъ порядкѣ на лѣвомъ берегу Дуная.

¹⁾ Судьба этихъ несчастныхъ снова была поручена ст. сов. Коронели который такъ отлично устроилъ свои дѣла черезъ нихъ въ Болгаріи въ 1809 г. и въ Силистріи въ 1810 г. Гр. Каменскій, врагъ всѣхъ этихъ грабежей, выгналъ его, а Кутузовъ снова его принялъ. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей его, дворъ котораго состоялъ изъ подобныхъ личностей.

²⁾ Подъ большимъ секретомъ Кутузовъ, черезъ нѣсколько времени, просилъ меня отправить эгого офицера въ Рушукъ. Я не понималъ причины и не могъ исполнить его желанія, такъ какъ такого офицера не нашлось среди сражавшихся.

Валы Рущука вовсе не были разрушены, потому что нужно было употребить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, чтобы ихъ уничтожить, а то, что было тамъ испорчено, въ очень короткое время возстановлено было турками. Земляные валы, по своей давности постройки, стали такъ тверды, какъ будто сдѣланы изъ камня.

Городъ долженъ былъ быть подоженъ со всѣхъ сторонъ только тогда, когда уже всѣ войска будутъ выведены. Порученіе это было возложено на ген. Гартинга, но этотъ бѣдный генералъ, которому, кажется, всегда суждено быть неловкимъ и несчастливымъ во всякомъ дѣлѣ, за которое онъ принимался, и здѣсь поступилъ неудачно. Вслѣдствіе его неточныхъ распоряженій, огонь сталъ распространяться раньше, чѣмъ войска начали выступленіе, такъ что 7-ой егерскій полкъ, который выступалъ послѣднимъ, проходилъ по улицамъ среди пылающихъ домовъ. Не удался ему также и взрывъ миной цитадели. Городъ сгорѣлъ почти совсѣмъ до тла, и мы были свидѣтелями этого зрѣлища, чуднаго и ужаснаго въ одно и то же время. Дунай отражалъ въ своихъ водахъ пламя пожара, свѣтъ котораго былъ сильнѣе свѣта луны, бывшей тогда во второй фазѣ.

Ген. Эссенъ пробылъ въ городѣ, пока всѣ оттуда не вышли, и самъ ушелъ послѣднимъ. Какъ только онъ перешелъ мостъ, въ одну минуту подняли, всѣ якоря, и мостъ теченіемъ стало относить на нашу сторону.

И такъ, проникнувъ съ войсками почти до самыхъ Балканъ, мы вдругъ покинули правый берегъ Дуная, и теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, миръ казался намъ дѣломъ далекаго будущаго.

Это отступленіе отъ Рущука многіе сильно критиковали; мы даже читали во французскихъ газетахъ длинныя разсужденія по этому событію, гдѣ Кутузова не очень щадили. Но я далеко не раздѣляю этого мнѣнія. Кутузовъ поступилъ очень умно, покинувъ Рущукъ; во-первыхъ, эта крѣпость, какъ я уже замѣтилъ, не вмѣститъ всю ту массу пѣхоты, которая была съ нами, а во-вторыхъ, если бы мы даже тамъ какъ-нибудь и размѣстились, то при нападеніи турокъ (что дѣйствительно они намѣревались сдѣлать), мы слишкомъ мало имѣли средствъ къ оборонѣ. Если бы мы начали отступленіе тогда, то это дало бы имъ возможность окружить Рущукъ и Журжево, и мы могли бы потерять путь отступленія. Единственная вина Кутузова состоитъ въ томъ, что онъ не успѣлъ воспользоваться уничтоженіемъ турокъ послѣ Рущукскаго сраженія. Преслѣдуя ихъ безостановочно, онъ могъ бы дойти до Шумлы и тамъ уже совершенно разсѣять ихъ; тогда бы окончилась война, и были бы разрушены всѣ турецкія укрѣпленія, построенныя великимъ визиремъ. Тогда бы и дефиле у Пизанцы не были бы для насъ препятствіемъ,

такъ какъ ихъ некому было бы защищать. Кутузовъ долженъ былъ знать, что такое турецкая армія, когда она побита или ожидаетъ этого.

Сначала мы думали, что при оставленіи Рушука, Кутузовъ руководился только указаніями Двора, но затѣмъ мы узнали, что такое умное распоряженіе было отдано имъ самимъ и что онъ сильно волновался, не зная, какъ будетъ принято въ Петербургѣ извѣстіе о его дѣйствіяхъ.

Послѣ нашего отступленія отъ Рушука, Кутузовъ послалъ въ Слободзею генер. Войнова съ Бѣлорусскимъ и 39 егерскимъ полками; Олонецкій полкъ возвратился въ Турно, а остальная армія расположилась лагеремъ на лѣвомъ берегу Дуная; при чемъ, лѣвый флангъ занялъ прежнія Слободзейскія укрѣпленія, что около Журжева, а правый около самой деревни. Главная квартира размѣстилась въ Журжево.

Великій визирь, собравъ сколько могъ войскъ, подошелъ къ Рушуку, занялъ его и расположился около города; палатку его разбили въ Маріатинской равнинѣ.

Кутузовъ, зная энергію и предприимчивость визиря, не сомнѣвался въ томъ, что послѣдній непременно захочетъ попробовать перейти Дунай, но, также какъ и мы всѣ, онъ предполагалъ, что мѣсто для переправы будетъ выбрано около Виддина или около Ольты и Жін, но никто не ожидалъ, что все это произойдетъ передъ самими нашими глазами.

Предположеніе Кутузова еще болѣе подтвердилось, когда онъ узналъ, что Измаиль-Бей съ 15.000 (часть которыхъ была изъ арміи великаго визиря) дѣствительно перешелъ Дунай у Виддина. Тогда онъ отправилъ въ Валахію Шлиссельбургскій полкъ, Выборгскій и 5 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ, подъ командою Бенкендорфа. Къ этимъ силамъ онъ присоединилъ казаковъ Кутейникова полка, вызванныхъ изъ Бессарабіи.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ мы оставались въ полномъ бездѣйствіи. Корпуса Эссена и мой составляли, такъ называемыя, главные силы, въ которыхъ вооруженныхъ не было и 15 тысячъ чел.

Сначала предполагали, что корпусъ Эссена перейдетъ въ Турно, а конница займетъ Ольту, но великій визирь предупредилъ насъ и занялъ эти мѣста. Кутузовъ же, не желая ослаблять себя новыми стычками, перемѣнилъ дислокацію и послалъ Эссена въ Слободзею, на мѣсто Войнова. За послѣднее время, Войновъ сталъ хворать лихорадкою, и хотя эта болѣзнь, сама по себѣ, совсѣмъ не тяжелая, онъ уже давно рѣшилъ оставить службу.

Вызовъ его изъ Краіова еще болѣе утвердилъ его въ этомъ рѣ-

шеніи. Онъ попросилъ перевода въ Яссы и тамъ подалъ въ отставку, которая и была ему дана, къ большому сожалѣнію всей арміи, любившей его за энергію, дѣятельность, доброту и честность.

Съ назначеніемъ Эссена вмѣсто Вейнова, корпусъ Эссена былъ порученъ генер. Булатову, но въ уменьшенномъ, на 5 эскадроновъ и на 5 баталіоновъ, составѣ.

Флотилію расположили за 4 версты отъ Журжева, и казаковъ Грекова и Астахова помѣстили бивакомъ, на возвышенностяхъ, передъ Маріатинской равниной, влѣво отъ Журжева.

Тѣмъ не менѣе, Гамидъ-Ефенди все время велъ въ Бухарестѣ съ Италинскимъ переговоры о мирѣ, но такъ какъ мы не сходились на первомъ же пунктѣ, т. е. о границахъ (турки хотѣли, чтобы границей былъ Днѣстръ, а мы—Дунай, въ чемъ огромная разница), то Кутузовъ, къ своему крайнему сожалѣнію, долженъ былъ заставить прекратить эти переговоры, и Гамидъ-Ефенди возвратился въ лагерь великаго визиря.

Время двухмѣсячнаго нашего бездѣйствія было для насъ невыгодно, такъ какъ мы страдали отъ ужасной жары. Я не припомню въ Молдавіи подобнаго лѣта, оно мнѣ скорѣе напоминало климатъ въ С.-Донато, но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ другими годами, въ этомъ году у насъ было мало больныхъ. Причиной такого благополучія вѣроятно было хорошее продовольствіе солдатъ, тщательный за ними надзоръ, а главное—ихъ не утомляли строевыми занятіями (что сильно опечалило ближайшее начальство). Благодаря этимъ заботамъ, вся армія провела въ Валахіи рѣдко счастливое лѣто, оцѣнивъ заботы Кутузова, она еще сильнѣе привязалась къ нему.

Нашъ главнокомандующій и великій визирь посылали другъ другу подарки, въ видѣ плодовъ и проч. Отъ визиря ихъ приносили къ намъ его довѣренный и приближенный Мустафа-Ага, а съ нашей стороны это посольство исполнялъ молодой Антонъ Фонтенъ. Въ одно изъ посѣщеній его лагеря великаго визиря, онъ имѣлъ съ нимъ очень интересный и необыкновенный разговоръ, который я не могу не занести на эти страницы.

Когда Фонтонъ явился къ намъ, чтобы рассказать свою бесѣду съ визиремъ, я, несмотря на все мое къ нему довѣріе, не могъ не усумниться въ истинѣ рассказываемаго, но черезъ 3 мѣсяца, самъ визирь, передавая мнѣ это происшествіе, почти повторилъ слова Фонтонна. Привожу весь ихъ разговоръ дословно.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о политикѣ, великій визирь обратился къ Фонтону со слѣдующими словами: „Передайте генералу

Кутузову, что я уже давно¹⁾ чувствую, насколько сильно я его люблю и уважаю; такъ же какъ и я, онъ честный человѣкъ, и мы оба хотимъ блага для нашей родины, но наши повелители еще молоды и наше дѣло руководить ихъ интересами. Давно пора покончить эту раззорительную войну, которая оба государства ведетъ къ паденію. Всякая наша потеря невыразимо радуется нашего общаго врага и врага всего человѣчества, ужаснаго Наполеона, потому что это обѣщаетъ ему болѣе легкую побѣду. Придетъ и до насъ очередь бороться съ нимъ, но начнетъ онъ съ васъ; развѣ вы это не чувствуете? Кутузовъ это отлично знаетъ, но въ Петербургѣ у васъ есть врагъ болѣе злѣйшій, чѣмъ Латуръ-Мабуръ въ Константинополѣ, это вашъ Румянцевъ, который обманываетъ своего повелителя и измѣняетъ своей родинѣ²⁾. Неужели онъ думаетъ, или хочетъ думать, что французы интересуются вами? Я вамъ сейчасъ покажу послѣднюю телеграмму, полученную мною отъ Латуръ-Мабура, гдѣ онъ совѣтуетъ мнѣ не заключать мира и увѣряетъ, что правый берегъ Днѣстра и Крымъ будутъ нашей границей“.

За этой депешей онъ обратился къ Раю-Габель-Эфенди, который, вѣроятно, былъ очень пораженъ такой нескромностью визиря и, сдѣлавъ дипломатическую гримасу, которая, навѣрно, ни одному изъ министровъ такъ хорошо не удавалась, отвѣчалъ, что онъ отослалъ эту депешу въ Константинополь.

„Очень сожалѣю,—прибавилъ великій визирь,—что ея нѣтъ при мнѣ, а то бы я вамъ доказалъ, что все, что я говорилъ—истинная правда. Теперь же передайте Кутузову, что я перейду Дунай, опустошу всю Валахію³⁾, хотя мнѣ и очень жаль ея несчастныхъ жителей; я не буду останавливаться у крѣпостей, но длинными переходами и недостаткомъ продовольствія доведу васъ до утомленія и погублю всю вашу армію. Не правда ли, что ужъ лучше заключить миръ. Удовлетворитесь малымъ, и тогда мы можемъ быть союзниками. Это единственное средство спастись намъ обоимъ. Все равно, Дунай никогда не будетъ вашимъ, лучше мы будемъ воевать 10 лѣтъ, чѣмъ уступить его. Передайте все это Кутузову, моему другу, и не забудьте также ему сказать, что отъ насъ зависитъ счастье и безопасность двухъ государствъ“.

¹⁾ Когда Кутузовъ былъ въ Константинопольскомъ посольствѣ, то Ахметъ часто сопровождалъ его въ прогулкахъ.

²⁾ Хотя это и не правда, но этому легко можно вѣрить.

³⁾ Тогда можно было смотрѣть на эту угрозу, какъ на фанфаронство, достойное только береговъ Гаронны, но, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ все такъ, какъ говорилъ.

Трудно говорить съ большимъ умомъ, ловкостью и прямою. Кутузовъ, выслушавъ разсказъ Фонтонна, который передавалъ его при мнѣ, воскликнулъ: „Гдѣ, чортъ возьми, этотъ Лазскій пиратъ, неумѣющій писать, научился всему этому?“ Дѣйствительно, это было очень странно, такъ какъ многіе изъ самыхъ цивилизованныхъ министровъ этой страны не настолько образованы. Кутузовъ, человѣкъ умный и умѣющій предвидѣть всѣ событія, очень желалъ мира; онъ прекрасно понималъ, что граница Дуная, которую Румянцевъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлать нашей, являлась для насъ непреодолимымъ препятствіемъ и, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились тогда, это желаніе было положительной химерой. Кутузовъ не могъ противиться желаніямъ Румянцева, такъ какъ былъ увѣренъ, что послѣдній дѣйствуетъ въ силу приказаній Государя, но онъ ошибался. Для такого человѣка, какъ Кутузова, куртизана и боявшагося сдѣлать что-либо, могущее не понравиться Двору, эта увѣренность имѣла сильное вліяніе на все его поведеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки донесъ Государю весь разговоръ великаго визиря съ Фонтонномъ, выпустилъ только все, что касалось Румянцева. Онъ самъ мнѣ сказалъ объ этомъ; при чемъ добавилъ, что въ письмѣ этомъ онъ не выразилъ своего взгляда и мнѣнія. Тогда я признался ему, что я написалъ письмо полковнику Воейкову (которое онъ, вѣроятно, показалъ военному министру), гдѣ я говорилъ, что Бессарабія и часть Молдавіи для насъ необходимы и вполнѣ могутъ насъ удовлетворить и что турки, вѣроятно, согласятся уступить намъ ихъ, я прибавилъ, что я зналъ, что герцогъ Ришелье, бывшій въ перепискѣ съ Государемъ, писалъ ему уже объ этомъ. Сначала я опасался, чтобы Кутузовъ не разсердился за это сообщеніе, но вышло наоборотъ, онъ былъ въ восторгѣ; у него самого не хватило бы характера и энергіи на подобный шагъ, но, узнавъ, что этотъ щекотливый вопросъ уже затронутъ, онъ, не колеблясь, повелъ дѣло въ томъ же направленіи и собственноручно написалъ письмо военному министру.

Такъ какъ визирь выставилъ гораздо больше силъ и выказалъ больше энергіи, чѣмъ мы могли отъ него ожидать, то Кутузовъ принялъ разумныя предосторожности, чтобы быть въ состояніи отразить нападеніе непріятеля. Онъ испросилъ у Государя разрѣшенія передвинуть къ себѣ 9-ю и 15-ю дивизіи, первую подъ начальствомъ Ермолова, а вторую—Маркова, а также бывшій на Днѣстрѣ 6-й казачій полкъ отважнаго Сысоева.

Ходатайство Кутузова было удовлетворено, и онъ получилъ разрѣшеніе располагать этими войсками, если въ томъ явится надобность.

Видя, что нечего опасаться за свой лѣвый флангъ, и зная, что визирь не собирается проникнуть въ Бессарабію и что онъ никого не оставилъ въ Силистріи, Кутузовъ приказалъ отряду ген. Денисова подойти изъ с. Табакъ къ Слободзеѣ, гдѣ тогда находился Эсенъ. Всѣ мѣры, которыя принялъ Кутузовъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, дѣлаютъ ему большую честь; онъ такъ осторожно и обдуманно велъ дѣло и дѣйствовалъ такъ хорошо, что у него все было готово въ-время.

Но увѣренность Кутузова, что турки никогда не посмѣютъ, въ его присутствіи, перейти Дунай, заставила его упустить нѣкоторыя предосторожности, соблюдать которыя было необходимо.

Я уже говорилъ, что Кутузовъ довольно хорошо организовалъ шпионство, но у насъ былъ еще вѣрнѣе способъ узнавать, что дѣлалось въ лагерѣ визиря — это посылать туда своихъ людей съ приказаніемъ захватывать ихъ пикеты. 7 разъ мы предпринимали это и каждый разъ оно кончалось полнымъ успѣхомъ. Казаки Грекова производили эти нападенія съ необыкновенной смѣлостью и отвагой. Дѣлалось это такъ: въ три маленькія лодочки садились 10 казаковъ со своими лошадьми; ночью они переплывали Дунай и входили въ турецкій лагерь. Послѣ каждого такого нападенія, они приводили намъ двухъ-трехъ турокъ. Нѣсколько разъ наши казаки производили даже безпокойство въ непріятельскомъ лагерѣ, и мы слышали стрѣльбу, продолжавшуюся очень долго, тогда какъ казаки съ плѣнниками были уже дома.

Всѣ эти набѣги поручались уряднику Увалову, который, въ награду за свою службу, получилъ офицерскій чинъ и орденъ Св. Анны 4-ой степени.

Во время нашего бездѣйствія, подъ предлогомъ повидать своихъ старыхъ товарищей, пріѣхалъ въ армію, изъ Царства Польскаго, ген. Уваровъ и прожилъ у насъ цѣлую недѣлю. Мы никакъ не могли понять настоящей цѣли его пріѣзда, но подозрѣвали, что онъ былъ секретно посланъ Государемъ, чтобы разузнать о недостойномъ поведеніи нашей кавалеріи въ дѣлѣ подъ Рущукомъ, такъ какъ онъ часто возвращался къ вопросу объ этомъ дѣлѣ.

Сраженіе при Слободзеѣ.

Спустя нѣкоторое время, въ Бухарестѣ начали сильно говорить о переходѣ турками Дуная. Въ этомъ городѣ всѣ знали о намѣреніяхъ турокъ, но, въ свою очередь, старались всегда въ-время предупредить и турокъ о нашихъ преднамѣреніяхъ.

Зассъ также сообщилъ, что объ этомъ идутъ дѣятельные разговоры и въ Виддинѣ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ переходъ казался немислимымъ вслѣдствіе недостатка у визиря средствъ для исполненія этого намѣренія. У него было только 2 или 3 большихъ судна и 10 маленькихъ лодокъ, которыя онъ соорудилъ у насъ передъ глазами, на р. Ломъ. Мы должны бы уничтожить или захватить эти суда, но сдѣлать это пренебрегли, такъ какъ были твердо увѣрены, что визирь, будучи такъ близко отъ насъ, не посмѣетъ на что-либо рѣшиться безъ того, чтобы у насъ не приняли бы всѣхъ мѣръ предосторожности. Если бы наша флотилія, скрытая за островами Дуная, была бы размѣщена выше нашего лагеря, то, двигаясь по теченію, она, при первомъ же извѣстіи о намѣреніи турокъ перейти Дунай, могла бы помѣшать исполненію ихъ плава.

Если бы мы построили 3 или 4 редута въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ болѣе удобенъ для высадки, и если бы у насъ было побольше казачьихъ постовъ, я не сомнѣваюсь, что тогда мы бы избѣгли того стыда и опасности, которые были послѣдствіемъ нашей безпечности. Но въ этихъ безпорядкахъ я никакъ не могу винить одного Кутузова, такъ какъ мы всѣ, въ данномъ случаѣ, виноваты. Самъ такъ мало ожидалъ какихъ-либо военныхъ дѣйствій и такъ былъ увѣренъ въ скоромъ окончаніи кампаніи, что уже занялся вопросомъ о зимнихъ квартирахъ, на которыя я долженъ перебраться 1-го октября.

Хотя мы, съ своей стороны, сдѣлали все, чтобы облегчить визирю переходъ черезъ Дунай, но надо отдать справедливость, что всѣ его распоряженія и приготовленія были такъ обдуманно и рассчитаны, что я смѣло могу сказать, что это было одно изъ самыхъ блестящихъ дѣйствій турокъ, которыя мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Если бы этотъ смѣлый и энергичный мусульманинъ воспользовался своими первыми успѣхами и если бы онъ начальствовалъ надъ дисциплинированнымъ войскомъ, то онъ заставилъ бы насъ удалиться отъ Дуная и могъ бы войти въ Валахію.

Лѣвый берегъ Дуная вообще низокъ, а правый, напротивъ, высокъ, особенно вправо отъ Рушукъ, къ западу. Въ пяти верстахъ отъ Журжева и въ одной верстѣ отъ Дуная находится небольшая возвышенность, на которой расположена деревня Слободзея. Возвышенность, удлиннаясь отъ Дуная, тянется вправо и въ пяти верстахъ отъ Слободзеи упирается въ д. Милке, около которой протекаетъ ручей того же имени, впадающій въ Дунай. Между этимъ ручьемъ, Дунаемъ и возвышенностью тянется болотистая поляна, часто затопляемая, окраина которой покрыта лѣскомъ и мелкимъ кустарникомъ. Въ этомъ мѣстѣ Дунай очень узокъ и по срединѣ

рѣки лежитъ островокъ, такъ что для перехода рѣки нѣтъ болѣе удобнаго мѣста, а его-то мы и пренебрегли укрѣпить.

Вотъ на этой-то полянѣ, весной совершенно затопленной, а тогда сухой и твердой, произошли интереснѣйшія событія этой кампаніи. Въ ночь съ 27-го на 28-е августа визирь отправилъ нѣсколькихъ кирджалиевъ (разбойники, пропавшіе люди) на лѣвый берегъ Дуная, въ четырехъ верстахъ отъ нашего праваго фланга лагеря и въ одной или двухъ верстахъ отъ редута, который мы построили передъ р. Ломъ. Казаки, находившіеся на аванпостахъ, увидѣвъ высаживавшихся турокъ, оставили свои посты и поскакали къ мѣсту высадки. Полковникъ Васильчиковъ, завѣдывавшій въ этотъ день аванпостами, захвативъ съ собой резервъ, поспѣшилъ къ указанному казаками мѣсту, а за нимъ спѣшно двинулся со Староингерманландскимъ полкомъ и генералъ Сабанѣевъ. Я тоже бѣгомъ поспѣшилъ туда, но дѣло было уже окончено. Наши выгнали этихъ 300 человекъ, посланныхъ съ цѣлью только привлечь наше вниманіе и погибнуть тутъ же. Многіе изъ нихъ были убиты, а остальные успѣли вскочить въ лодки и спастись. У насъ тоже было пять человекъ убито и ранено, изъ нихъ особенно сильно былъ раненъ майоръ Архангелогородскаго полка Риманъ.

Предполагали, что этимъ все и кончится, но около пяти часовъ утра, когда наши казаки снова хотѣли занять свои посты, они застали тамъ турокъ, преспокойно расположившихся на лѣвомъ берегу.

Въ двухъ верстахъ выше того мѣста, гдѣ была ихъ первая высадка, находился старый, полуразвалившійся редутъ, построенный въ прошломъ году Зассомъ, для защиты праваго фланга корпуса, участвовавшаго въ блокадѣ Журжева. Великому визирю удалось въ эту ночь перевезти на своихъ трехъ большихъ судахъ и шести маленькихъ лодкахъ 4—5 тысячъ янычаръ, которые, будучи увѣрены, что они обречены на гибель, стали противиться его приказанію, но тогда визирь велѣлъ силою усадить ихъ въ лодки съ помощью страшныхъ угрозъ и даже побоевъ отправилъ ихъ. Переправившись на лѣвый берегъ, янычары сейчасъ же приступили къ приведенію стараго редута въ оборонительное положеніе.

Кутузовъ, узнавъ, что около его лагеря находятся турки, отправилъ на рекогносцировку Булатова съ пятью баталіонами войскъ, уже утомленныхъ ночной тревогой. Люди эти были мало способны на что-либо серьезное, и это была большая ошибка со стороны Кутузова. Въ этомъ случаѣ онъ отступилъ отъ своихъ разсудительныхъ правилъ, о которыхъ Фолордъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „Я ничего не считаю такимъ труднымъ, какъ переходъ черезъ

большія рѣки, будь то исполнено хитростью или силою, особенно когда имѣютъ дѣло съ врагомъ неусыпно бдительнымъ; но, тѣмъ не менѣе, ихъ переходятъ, и рѣдко случается, чтобы эти предприятия не удавались“.

Мы не были особенно бдительны, и великому визирю легче удалось провести насъ.

Мнѣ кажется, что въ этихъ случаяхъ нужно непременно принимать одну предосторожность, которая, по-моему, должна дать превосходные результаты. Необходимо имѣть въ разныхъ мѣстахъ небольшія, легкія лодочки, въ которыхъ можно было бы незамѣтно переправиться на другую сторону и узнать, что дѣлается у непріятеля. Еще лучше разставлять небольшіе отряды, въ 200—300 человекъ, на близкомъ одинъ отъ другого разстояніи. Эти маленькіе отряды должны имѣть постоянныя между собою сношенія и, при помощи сигналовъ, быстро соединяться къ мѣсту непріятельской высадки. Если непріятель высаживается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то никогда не надо высылать противъ него слабыя силы, такъ какъ онѣ одинѣ ничего не могутъ сдѣлать непріятелю, сами же рискуютъ быть разбитыми. Въ этихъ случаяхъ, когда успѣхъ для насъ такъ важенъ и необходимъ, надо атаковать непріятеля своими лучшими войсками и непременно значительными силами. Въ данномъ случаѣ, мы, имѣя главные силы собранными, посылали полки одинъ за другимъ и всѣ они были разбиты.

Я находился въ это время въ Журжевѣ у Кутузова, который былъ недоволенъ, что я участвовалъ въ первомъ ночномъ дѣлѣ и приказалъ мнѣ остаться съ нимъ. Мнѣ показалось, что ему хотѣлось, чтобы героемъ этого сраженія былъ Булатовъ, которому онъ очень протезировалъ и хотѣлъ его произвести въ генералъ-лейтенанты. Я вполне раздѣлялъ его желаніе, но мнѣ казалось, что онъ не долженъ былъ скрывать это отъ меня и лишать мой корпусъ возможности поддержать Булатова. Самъ же я могъ остаться при немъ.

Генералъ Булатовъ, человекъ смѣлый и предприимчивый, видя, что мы потеряли слишкомъ много времени и что теперь для насъ каждая минута дорога, отдалъ приказаніе атаковать непріятельскій редутъ тремя колоннами: съ праваго фланга — 37-мъ егерскимъ полкомъ и Архангелогородскимъ, въ центрѣ — Староингерманландскимъ полкомъ и съ лѣваго фланга — Старооскольскимъ полкомъ. Атака производилась фронтальная; но если бы они знали лучше мѣстность и изучили бы начертаніе укрѣпленій, которыя во многихъ мѣстахъ были начаты, но не были доведены до Дуная, то они увидѣли бы, что ихъ можно было обойти съ фланга, вдоль Дуная.

Этотъ ретраншаментъ былъ построенъ на небольшой, довольно длинной, но узкой возвышенности и подойти къ нему очень трудно, такъ какъ лѣсъ и мелкіе кусты, покрывавшіе эту мѣстность, разстроили весь порядокъ наступленія нашихъ колоннъ и помѣшали имъ прибыть одновременно.

Булатовъ, вслѣдствіе ли своей поспѣшности или оплошности, не измѣнилъ диспозиціи, и полки, построившись въ карэ, начали атаку, потащивъ за собой, между кустарниковъ, и свои пушки.

Полковникъ Шкайскій добрался до лѣваго фланга по гребню ретраншаментовъ, которые онъ легко могъ бы снести, если бы за нимъ слѣдовала центральная колонна, но подполковникъ Жабокрицкій, командовавшій Старонингерманландскимъ полкомъ, былъ убитъ ударомъ сабли, и его полкъ, считавшійся однимъ изъ очень хорошихъ, отступилъ, потерявъ одно знамя.

Турки, преслѣдуя ихъ, выскочили изъ своихъ укрѣпленій и зашли во флангъ другимъ колоннамъ. Во время этого нападенія особенно пострадалъ Старооскольскій полкъ: у него была отнята пушка, которой они совсѣмъ не должны были брать съ собой; 3 или 4 офицера полка были опасно ранены.

Въ это время, предприимчивый Шкайскій, пробираясь по гребню укрѣпленій, продолжалъ свое наступленіе, и Булатовъ, видя это, приказалъ только-что прибывшему 7-му егерскому полку поддерживать Шкайскаго и начать новую атаку. Но атака не удалась, а командиръ полка Лаптевъ былъ сильно раненъ. Тогда Булатовъ задумалъ предпринять въ третій разъ атаку, но на ея успѣхъ никакъ нельзя было рассчитывать, такъ какъ наши люди были уже сильно утомлены и не обладали уже той энергіей для нападенія, каковой одушевлены были турки для обороны себя.

Послѣ этихъ трехъ неудачныхъ атакъ, Булатовъ, подкрѣпленный всѣми своими войсками, отдалъ приказаніе егерямъ засѣсть въ лѣсъ, находившійся въ 50 шагахъ отъ непріятельскаго укрѣпленія; затѣмъ, по берегу Дуная расположилъ батареи, которыя анфилировали турокъ и заставили ихъ понести большія потери, и, наконецъ, остальные войска поставилъ фронтомъ и открылъ огонь.

Отъ безконечнаго огня 25 орудій, большого калибра, которыя визирь успѣлъ поставить на возвышенностяхъ лѣваго берега Дуная и изъ которыхъ стрѣляли въ продолженіе 10 часовъ, наши войска тоже сильно пострадали.

Ахметъ, слѣдуя своему обѣщанію, отослалъ всѣ лодки на правый берегъ и этимъ отнялъ всякую надежду на возможность возврата или бѣгства, чѣмъ и возбудилъ нѣкоторое мужество своихъ войскъ; нѣсколько янычаръ, взятыхъ нами въ плѣнъ, имѣли непрости-

тельную неосторожность выразить неудовольствіе противъ визиря, сильно осуждая его за то, что, будто условясь съ нами, онъ нарочно хочетъ всѣхъ ихъ погубить¹⁾).

Между тѣмъ, нашей артиллеріи удалось взорвать два турецкихъ зарядныхъ ящика, и взрывъ этотъ произвелъ такое ужасное разрушеніе, что начальникъ турецкаго отряда Эдинъ-паша, опасно раненый, рѣшился бѣжать и на единственной лодкѣ, оставшейся у лѣваго берега, переплылъ Дунай на другую сторону.

Въ этотъ день погибло до 1.500 турокъ, изъ которыхъ часть были убиты нами, а остальные, въ началѣ дѣла, кинулись въ рѣку и потонули. Нѣкоторые пробовали переплыть Дунай на фашинахъ, но наша артиллерія тщательно оберегала берегъ, не допуская ихъ къ рѣкѣ, даже за водой. Положеніе турокъ было дотого безвыходно, что прибывшій изъ Петрикъ, съ пятью казачьими полками, полковникъ Сысоевъ самъ послалъ имъ предложеніе о сдачѣ. На это они отвѣчали, что они явились сюда, чтобы побить насъ, а не для того, чтобы складывать оружіе. Эта тирада не улучшила ихъ положенія, и они не могли избѣгнуть той судьбы, которая ихъ ожидала вслѣдствіе ихъ необдуманныхъ и слишкомъ смѣлыхъ дѣйствій.

Если бы мы остались на тѣхъ же мѣстахъ еще 24 часа, занявши лѣсъ стрѣлками и выстроивъ на флангахъ сильныя батареи, для защиты береговъ Дуная отъ новаго десанта и не допуская ни одной лодки переплыть его,—можно не сомнѣваться, на слѣдующій день всѣ турки сдались бы. Такого мнѣнія держались Сабанѣевъ и я, а съ нами соглашались всѣ артиллерійскіе офицеры (Леонтовичъ, Шереметевъ, Силичъ и др.), поведеніе которыхъ въ этомъ дѣлѣ выше всякой похвалы.

Но меня удивило, что Булатовъ не былъ одного мнѣнія съ

¹⁾ Я уже говорилъ, что визирь Ахметъ, какъ и султанъ, были величайшими врагами янычаръ. Самъ повелитель уже нѣсколько разъ подвергалъ ихъ наказанію и отобралъ все имущество у большинства этой мятежной милиціи. Поэтому въ Константинополѣ всегда можно было ожидать кровавой революціи.

Одинъ изъ янычарскихъ начальниковъ Лагеръ-Агасси былъ убитъ нами въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ мы оказали великому визирю и султану неоцѣненную услугу, такъ какъ уничтожили одного изъ самыхъ буйныхъ мятежниковъ и убійцъ.

1827 г. Революція дѣйствительно произошла, но не тамъ, гдѣ я предполагалъ. Теперь янычары больше не существуютъ. Султанъ отдалъ приказъ ихъ всѣхъ уничтожить.

нами; это тѣмъ болѣе странно, что онъ всегда былъ скорѣе склоненъ на слишкомъ смѣлыя предпріятія.

Въ 5 ч. вечера онъ прибылъ къ Кутузову и передалъ ему свои опасенія потерять слишкомъ много людей. Дѣйствительно, огонь батарей съ турецкой стороны Дуная и перестрѣлки въ лѣсу стоили намъ очень дорого. Но теперь, когда успѣхъ былъ такъ обезпеченъ, было не время жалѣть нѣсколько людей. Кутузовъ долженъ былъ бы самъ осмотрѣть мѣстоположеніе, которое находилось отъ него всего въ двухъ верстахъ. Но онъ былъ слишкомъ утомленъ, плохо выспался, наконецъ, онъ не любилъ пугъ.

У него его сонъ, лѣнь, изнѣженность стоятъ выше всего, даже выше долга. Смѣлый переходъ турокъ на лѣвый берегъ Дуная заставилъ его совершенно потерять голову, и Кутузовъ, обезпокоенный нашимъ положеніемъ, цѣлые дни проводилъ въ своей палаткѣ, грустный и молчаливый.

Не желая обращать вниманія на то, что мы были гораздо сильнѣе турокъ и что мы могли, дня черезъ два, три, ожидать еще подкрѣпленій, Кутузовъ началъ поговаривать объ отступленіи въ Петрикп, куда онъ уже и отправилъ свой вагенбургъ.

Если бы Кутузовъ отступилъ, то этимъ онъ открылъ бы Валахию туркамъ, и тогда онъ долженъ бы былъ оставить Бухарестъ. Никогда еще мысль болѣе малодушная и лишенная всякаго здраваго смысла не приходила въ голову главнокомандующему и, не вмѣшайся въ это дѣло Сабанѣевъ и я, онъ бы пожалуй привелъ ее въ исполненіе. Кутузовъ, хотя и отказался вскорѣ отъ своего намѣренія, но все-таки никакъ не хотѣлъ оставлять войска на прежнихъ позиціяхъ. Роковой проектъ Булатова слишкомъ согласовался съ нерѣшительнымъ и трусливымъ характеромъ Кутузова.

Къ нашему сожалѣнію, мы получили приказъ занять позицію полукругомъ, позади турецкаго укрѣпленія, на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла, на пустынномъ, тогда высохшемъ болотѣ, гдѣ мы и остановились бивакомъ, построенные въ каре, въ самомъ непріятномъ ожиданіи. Черезъ нѣсколько дней мы получили подкрѣпленіе и стали на много сильнѣе турокъ.

Въ помощь къ намъ прибыли: 8 баталіоновъ 9-й дивизіи (2 остались въ вагенбургѣ, 2—въ Бухарестѣ, а 6 резервныхъ—въ Одессѣ), а затѣмъ и 15-я дивизія.

Генералъ-маіоръ Сергѣй Ермоловъ, командовавшій 9-й дивизіей, весьма уважаемый, достойный, хорошаго характера, но, пожалуй, не совсѣмъ подходящій для самостоятельнаго командованія отдѣльнымъ отрядомъ.

Генералъ-лейтенантъ Евгеній Марковъ, командовавшій 15 ди-

визіей, былъ одаренъ природнымъ умомъ и находчивостію; онъ обладалъ искусствомъ держать свои войска въ необыкновенномъ порядкѣ; онъ хотя и не получилъ большого военнаго образованія, но имѣлъ привычку къ службѣ и войнѣ, что многимъ военнымъ исполнѣ замѣняетъ знанія. Марковъ былъ нѣсколько разъ раненъ и, опасаясь еще разъ быть контуженнымъ, очень берегъ свою особу.

Его характеръ не отличался особенными положительными качествами, и онъ имѣлъ много недостатковъ; грубый, рѣзкій, несправедливый съ подчиненными, завистливый къ товарищамъ; интриганъ съ высшими лицами, всегда готовый испортить предпріятіе начальника, съ цѣлью достигъ какихъ-нибудь выгодъ для себя, считающій интересы арміи за ничто, а свои личные—все, наконецъ, онъ, ради выгодъ для себя готовъ былъ причинять зло другимъ. Онъ всѣмъ былъ презираемъ и не любимъ. Онъ былъ страстный игрокъ и мало пренебрегалъ средствами, могущими добыть ему деньги.

Въ кампаніи 1806 г. съ французами онъ потерпѣлъ полное пораженіе въ Морунгенскомъ дѣлѣ, не выказавъ ни храбрости, ни способностей. Въ этомъ дѣлѣ, по его винѣ, былъ убитъ полковникъ Оренто, прибывшій въ помощь къ нему и чтобы поправить сдѣланныя имъ глупости. По справедливости его надлежало бы отдать подъ судъ за такой поступокъ, какъ это было сдѣлано съ Сакеномъ за его поступокъ подъ Гутштатомъ, но Марковъ обладалъ умѣньемъ, силою разныхъ низостей и интригъ, пріобрѣтать расположеніе адъютантовъ, директоровъ канцелярій и вообще всѣхъ тѣхъ, которые пользуются довѣріемъ начальствующихъ генераловъ. Благодаря этимъ своимъ способностямъ, ему удалось избѣжать слѣдствія, назначеннаго военнымъ министромъ, по розыску внезапно исчезнувшихъ въ Псковскомъ полку, которымъ командовалъ Марковъ, суммъ въ 80 т. р. Но ни при гр. Каменскомъ, ни при Кутузовѣ, приказаніе это не исполнялось и дѣло на этомъ и покончилось.

Между тѣмъ изъ Бухареста прибылъ Камчатскій полкъ, изъ М. Валахій подошелъ гр. Паленъ съ своими Дерптскими драгунами и Выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ, который Кутузовъ долженъ бы былъ отправить на усиленіе ген. Засса, какъ имѣвшаго слабыя силы, подошелъ изъ Обилешти ген. Эссенъ съ 8 егерскимъ Украинскимъ, Бѣлорусскимъ гусарскимъ и 8-ю двѣнадцати фунт. пушками. Такимъ образомъ, все это вмѣстѣ составляло массу въ 22—23 тысячи человекъ, начальствовать надъ которыми Кутузовъ назначилъ меня.

Затѣмъ я вскорѣ получилъ, наконецъ, чинъ генерала-отъ-инфантеріи, но больше всего меня радовало участіе, которое при-

нимали мои товарищи, подчиненные и солдаты въ моемъ повышеніи. Это еще болѣе заставляло меня цѣнить милость Государя¹⁾.

И такъ, я составилъ два корпуса: первый, правый—былъ подъ начальствомъ Эссена, а второй, лѣвый—подъ начальствомъ Маркова. Я также усилилъ отрядъ ген. Гартинга, который занималъ четыре редута, прилегавшихъ къ самому лѣвому флангу. Первый редутъ былъ на берегу Дуная, противъ р. Лохъ, а послѣдній находился на возвышенностяхъ Слободзеи; между этими двумя я построилъ еще два.

Послѣ Слободзейскаго сраженія, турки, какъ и слѣдовало ожидать, перевезли черезъ Дунай, на лѣвый берегъ, свою кавалерію и артиллерію и расположились вдоль всего берега, начавъ строить укрѣпленія. У нихъ оказалось около 15 или 20 тысячъ человѣкъ, между которыми 3—4 тысячи было кавалеріи. Визирь со всей остальной арміей, оставивъ лагерь у Рущука, перебрався на самый берегъ Дуная (правый), чтобы самому руководить операціями съ занятыхъ возвышенностей.

Если бы визирь воспользовался своимъ преимуществомъ, т. е. тѣмъ, что онъ въ первую же ночь послѣ сраженія при Слободзеѣ перевезъ черезъ рѣку большую часть своихъ войскъ и атаковалъ бы насъ на слѣдующій день битвы, весьма возможно, что ему удалось бы насъ отбросить. Тогда Журжево осталось бы подъ защитой только слабаго гарнизона и турки, занявъ его, легко могли бы проникнуть въ Валахію. Мы были бы отрѣзаны отъ корпуса Засса и вездѣ они внесли бы опасенія и даже панику.

Но паника и безъ того уже проникла въ Бухарестъ, гдѣ ей способствовалъ распространяться плохой надзоръ и французская и греческая партіи. Много бояръ, по обыкновенію, исчезли въ Трансильванію (куда они прекрасно знали дороги), и остальные готовились слѣдовать ихъ примѣру.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Я очень люблю русскихъ солдатъ и самъ я всегда былъ любимъ какъ ими, такъ и подчиненными офицерами. Отношенія же мои къ генераламъ оставляли желать многого, такъ какъ я всегда требовалъ отъ нихъ очень многого, а они не привыкли къ этому. Тѣмъ не менѣе, среди нихъ, у меня были настоящіе друзья, какъ-то: Петръ Эссенъ, Александръ Войновъ, Павелъ Иловайскій, съ которыми я близко сошелся во время этой турецкой кампаніи.

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 3 февраля по 18-го мая 1910 г.**

Аксаковъ, С. Т. Собраніе сочиненій.—Научно установленный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложенія и проч.—Подъ ред. А. Г. Горнфельда. Томъ четвертый. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва „Просвѣщенія“ (Забалканскій пр., д. 75). 12° (12×18). 503 стр. Съ 5 рис. Ц. 1 р. Вѣсь 28 л. 5.000 экз.

Антоновъ, М. Н. Г. Чернышевскій. Соціально-философскій этюдъ. М. 1910. Изд. Сотрудничества (Б. Никитская, 20). Тип. А. Мамонтова (Леонтьевскій пер., св. д.). 8° (17×25). 326 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 8 л. 1.000 экз.

Баженовъ, Н. Н., д-ръ. Исторія Московскаго Доллгауза, нынѣ Московской городской Преображенской больницы для душевно больныхъ. Глава изъ исторіи русской медицины и культурно бытовой исторіи Москвы. М. 1910. Изд. Городек. Общ. Управл. Тип. Городская. 8° (17×26). 191 стр. Съ рис. и 1 табл. Вѣсь 1 ф. 7 л. 1.200 экз.

Глокке, Н. Э. Гоголь, Н. В. и „Грѣшники“. Рѣчь въ день столѣтняго юбилея Н. В. Гоголя. Кіевъ. 1910. Тип. Р. К. Лубковскаго (Б. Владимірская, 46). 8° (17×26). 8 стр. Вѣсь 1 л. 60 экз.

Гоголь, Н. В. Сочиненія и письма. Редакція, біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія и указатели В. В. Каллаша. Томъ девятый: Письма. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва „Просвѣщеніе“ (Забалканскій пр., 75). 12° (13×18). 358 стр.+4 рис. Ц. 1 р. Вѣсь 21 л. 5.000 экз.

Исаковъ, Левъ. Пугачевщина. (Изъ дневника моего дѣда). Оренбургъ. 1910. Тип. Ѳ. Яковлева. 16° (12×18). 54 стр. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Каталогъ выставки въ память А. В. Кольцова въ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1909. Изд. 2-е и тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., 12). 8° (15×22). 35 стр. Вѣсь 5 л. 212 экз.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. V: кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. М. 1910. Изд. ред. журн. Русская Мысль. Тип. Т-ва Н. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (13×19). 71 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 5 л. 3.500 экз.

Леонтьевъ, Д. А. Краткій историческій очеркъ аптечнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1910. Тип. „Я. Трей“ (Разъѣзжая, 43). 8° (16×24). 80 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 10 л. 1.000 экз.

Лѣтопись Историко-филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ. Византійско-Славянское отдѣленіе. IX. Одесса. 1910. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (17×26). 16+15+13+56+II+164+51+42+12+4+32+99 стр. Вѣсь 1 ф. 25 л. 200 экз.

Содержаніе: **Истринъ, В. М.** Исторія Сербской Александрии въ русской литературѣ.—**П. Истринъ, В. М.** 5-я кв. хроники I. Малалы.—**П. Рыстенко, А. В.** Парижскіе списки „Стефанита и Ихнилата“.—**IV. Ляпуновъ, Б. М. М. С. Дриновъ, V. Кагаровъ, Евг.** Теорія происхожденія религіи.—**Мисирковъ, К. М.** Эпическія сказанія о женитьбѣ короля Марка.

Памятная книжка Виленской губерніи на 1910 г. Вильна. 1910. Изд. Губ. Статист. Комит. Тип. губернская. 8° (15×23). XV+175+124+67+58+6 нен.+102 стр. Ц. 1 р. 35 к. Въсь 1 ф. 9 л. 1.500 экз.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1910 г. Съ приложеніемъ Адресъ-календаря губерніи. Кіевъ. 1909. Изд. Губ. Статистич. Комитета. Тип. Губ. Правл. (Софійская пл., зд. Присут. мѣстъ). 8° (16×23). XVI+252+289+63 стр. Ц. 1 р. 30 к. Въсь 1 ф. 20 л. 2.200 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Учебникъ Русской Исторіи для средней школы. Часть II. (Отъ Петра Великаго). Спб. 1910. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 8° (17×24). 490 стр. Складъ: Спб., Мал. Посадская, 26, у автора. Ц. 90 к. Въсь 24 л. 10.000 экз.

Пѣвницкій, В. Ѳ., проф. Мои воспоминанія. Годы дѣтства. Училищная и семинарская жизнь. 1832—1851 г. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (15×24). 262 стр. Въсь 20 л. 25 экз.

Словарь русскаго языка. Составленный II отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. IV тома вып. 3-й. Качалка—Класться. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (20×29). VI+641—960 стр. Ц. 75 к. Въсь 30 л. 6.000 экз.

Смирновъ, Павелъ. Орловскій уѣздъ въ концѣ XVI вѣка по писцевой книгѣ 1594—5 г.г. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8° (18×29). II+334 стр. Ц. 1 р. Въсь 1 ф. 2 л. 200 экз.

Томилинь, С. Набѣгъ партизанскаго отряда Чернышева на Кассель, столицу Вестфалии въ 1813 году. Спб. 1910. Изд. Ред. журн. „Вѣстн. русской конницы“. Тип. т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигород., 11). 4° (20×28). 35 стр. Съ рис. и план. Ц. 65 к. Въсь 9 л. 1.000 экз.

Тройницкій, С. Н. Гербовые девизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтійскаго дворянства. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8° (15×22). 54 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 8 л. 150 экз.

Уваровъ, Алексѣй Сергѣевичъ, гр. Сборникъ мелкихъ трудовъ. Изд. ко дню 25-лѣтія со дня кончины, подъ ред. гр. П. С. Уваровой. Томъ 1 и 2-й. М. 1910. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздв. пер., д. Лисснера). 4° (23×30). IX+408+249 стр. Съ CXX+XLII табл. Въсь 9 ф. 11 л. по 625 экз.

Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ. Составленъ **Е. В. Арцимовичъ, М. В. Имшенецкой, О. І. Капица, Б. Г. Кнатцъ, Е. Э. Кнатцъ, М. Н. Страховой.** Подъ ред. **Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова.** Спб. 1910. Изд. Имп. Рус. Техническаго общ. (Спб., Прилукская, д. 10). Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (16×23). VIII+555+57+7 стр. Ц. 2 р. 60 к. Въсь 1 ф. 17 л. 2.000 экз.

Ученыя записки Имп. Лицея въ память Цесаревича Николая. Вып. 4-й. М. 1910. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій, св. д.). 8° (18×26). 18+46+9+17+209—249+65—213 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 5 л. 600 экз.

Содержаніе: Чистяковъ, П. И. Къ вопросу о нормативномъ положеніи врачебной помощи фабрично-заводскимъ рабочимъ. — Добрянскій, С. Ф. Къ исторіи сношеній Рагузской республики съ Россіей въ XVIII и XIX в.в. — Чистяковъ, П. Критика взглядовъ К. Маркса. — Познышевъ, С. Коалиція рабочихъ и предпринимателей съ точки зрѣнія уголовного права. — Тарасовъ, И. Т. Полицейское право. — Юшкевичъ, В. А. Изслѣдованіе изъ области ученія о владѣніи.

Фарфоровскій, С. Ф. Ногайцы Ставропольской губ. Историко-этнографическій очеркъ. Тифлисъ. 1909. Изд. Кавк. Импер. Геогр. Общ. Тип. К. Козловскаго (Головинскій, 12). 8° (15×23). 36 стр. Въсь 3 л. 600 экз.

Александровъ, М. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (17×25), 175 стр. Ц. 1 р. Въсь 27 л. 2.000 экз.

Бончъ-Бруевичъ, Владиміръ. Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Оттискъ изъ III выпуска „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества“. Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 120). 8° (16×25). 6+2 нен. стр. Въсь 1 ф. 300 экз.

Васинъ, Н. Демидовы. Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи. М. 1910. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 18° (13×18). 32 стр. Въсь 2 л. 24.000 экз.

Григорьевъ, А. Д. Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя въ 1899—1901 г.—съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. III. Мезень. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (21×29). XIV+732 стр.+1 карта. Ц. 3 р. Въсь 3 ф. 31 л. 1.212 экз.

Два юбилея учено-литературной и служебной дѣятельности Ивана Егоровича Забѣлина. L—LXX. М. 1910. Тип. Синодальная. 4° (22×32). 88 стр. Съ портр. и рис. Въсь 1 ф. 13 л. 525 экз.

Девель, Н. М. Царицыно. Спб. 1910. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (16×25). 31 стр. Въсь 5 л. 50 экз.

Истоминъ, В. К. Адмиралъ Иванъ Семеновичъ Унковской. Воспоминанія. М. 1909. Изд. автора. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ (Пименовская, св. д.). 16° (13×18). 124 стр. Ц. 50 к. Въсь 10 л. 1.200 экз.

Кизеветтеръ, А. А. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. IX—XIX ст. Историческій очеркъ. М. 1910. Изд. журн. Русская Мысль. Тип. Университетская. 8° (14×20). 155 стр. Ц. 50 к. Въсь 16 л. 2.000 экз.

Кизеветтеръ, А. А. Петръ Великій за границей. М. 1910. Изд. Школа, 2-ое. Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8° (14×18). 30 стр. Съ портр. и рис. Ц. 10 к. Въсь 2 л. 3.000 экз.

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. 3. Современники. Вып. 2. М. 1910. Изд. Заря. Тип. Общественная Польза (Б. Тверск.-Ямск., 26). 8° (16×23). 161 стр. Ц. 1 р. Въсь 24 л. 5.000 экз.

Марти, Ю. Ю. и Шкорпилъ, В. В. Керамическія надписи, хранящіяся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ, въ гор. Керчи. Одесса. 1910. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20×28). 49 стр. Въсь 9 л. 50 экз.

Нордманъ, Н. Н. Статистическій методъ въ изслѣдованіяхъ древне-русскаго хозяйственнаго быта. Труды студентовъ экономическаго отдѣленія спб. политехническаго института № 2. Спб. 1909. Изд. Спб. политехниче-

скаго института. Тип. Шредера (Гороховая, 49). 8° (16×24). 85 стр. Ц. 65 к. Въсь 11 л. 400 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. II, ч. 1-я и 2-я Спб. Ц. 5 р. Въсь 2 ф. 31 л. 3.000 экз.

Петровская. Е. Н. Изъ жизни крестьянъ села Кургуль. Отд. отт. зъ XXVI т. Изв. о-ва археологій, исторіи и этнографіи за 1910 годъ. Казань. 1910. Тип. Университетская. 8° (17×25). 48 стр. Въсь 8 л. 50 экз.

Рудинскій, І., свящ. Историческій очеркъ церковныхъ школъ, Ростовскаго у. Ярославской губ., по случаю исполнявшагося двадцатипятилѣтія ихъ существованія. Ростовъ. 1909. Тип. С. П. Сорокина. 8° (15×23). 32 стр. Въсь 4 л. 200 экз.

Сборникъ статей, посвященныхъ Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности въ Московскомъ Университетѣ (5-го декабря 1879—5-го декабря 1909 года). Съ приложеніемъ списка трудовъ его. М. 1909. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковский пер., св. д.). 8° (17×24). X+828+III стр. Съ 3 портр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 23 л. 4.000 экз.

Геккель, А. И. Трофен войнъ 1812—1813—1814 годовъ, хранящіеся въ Казанскомъ соборѣ. Спб. 1909. Изд. О. И. Геккель. Тип. Т-ва Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (25×37). 44 стр. Съ 106 рис. Въсь 3 ф. 1 л. 1.500 экз.

Гриппенбергъ, О. Изнанка „Операціи охвата лѣваго фланга расположенія арміи Оку“ въ январѣ 1905 года. Спб. 1910. Изд. 4-е испр. и доп. Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Бол. просп., 61). 8° (18×25). 55 стр. и 1 карта. Въсь 15 л. 3.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1909 г. Т. XIV. Кн. 3-я. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (17×24). 354 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Въсь 1 ф. 10 л. 813 экз.

Содержаніе: Арнаутъ, В. А. Кіевская лѣтопись Супрасльскаго сборника. II. Некрасовъ, Н. П. Род.—вин. падежъ. III. Петровскій, Н. М. „Откровенія Меѳодія Патарскаго“ въ зап.-славян. литер. IV. Вольтеръ, Э. А. Городъ Мендовга, или гдѣ искать Летовію XIII в. V. Яцимирскій, А. И. Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славян. письменности. VI. Вольдемаръ, А. І. Національная борьба въ Вел. Кн. Литовскомъ въ XV и XIV вв. VII. Жуковичъ, П. Н. Неизд. сочин. Іосафата Кунцевича. VIII. Кашинъ, Н. П. Исторія текста произв. А. Н. Островскаго. IX. Даниловъ, В. З. „Кіевлянинъ“ М. А. Максимовича.

Калужская старина. Томъ 5-й. Подъ ред. И. Ѳ. Цвѣткова. Калуга. 1910. Изд. истор.-археол. о-ва. Тип. Губ. Зем. управы. 8° (18×28). 11+83+59+VIII+171—258+70+63—74+III стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 4 л. 800 экз.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Т. IV. Пушкинъ. Спб. Изд. и тип. т-ва Общественная Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×24). 214 стр. Ц. 1 р. Въсь 25 л. 4.000 экз.

Перетцъ, В. Н. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы и палеографіи. Критико-библіографическій обзоръ. 2-ая серія. XI—XIV. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×25). 47 стр. Въсь 6 л. 200 экз.

Путинцевъ, А. Иванъ Саввичъ Никитинъ. Спб. 1910. Изд. комис. народ. чтеній. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ, 4). 16° (13×18). 40 стр. 8 к. Въсь 3 л. 6.000 экз.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.). Т. П. (1671—1739). Спб. 1910. Изд. Еврейскаго Истор. Этнографич. Общ. Тип. Розенъ (Театральная пл., 2). 8° (20×28). П+386 стр. Въсь 1 ф. 19 л. 1.000 экз.

Сиверсъ, А. А. Матеріалы къ родословію Мухановыхъ (не для продажи). Спб. 1909. Изд. Н. Н. Муханова. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×28). 376 стр. Въсь 1 ф. 30 л. 110 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть I. Вып. 2. Съ XI—XVIII вв. Спб. 1910. Изд. 4-е, бр. Башмаковыхъ. Тип. Трудъ (Фонтанка, 86). 8° (17×24). XVI+250 стр. Ц. 1 р. Въсь 25 л. 1.000 экз.

Божеряновъ, Н. Невскій проспектъ. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за 2 вѣка—XVIII и XIX. Спб. 1910. Тип. Голике (Звенигородская, 11). 4° (28×37). X+467 стр. Съ рис. Въсь 10 ф. 24 л. 2.000 экз.

Древности. Труды Имп. Археологическаго Общества. Томъ 22-й. Подъ ред. В. К. Трутовскаго. М. 1910. Изд. Археологич. общества. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (26×35). 313 стр. Съ рис. и таб. Въсь 3 ф. 650 экз.

Древности. Труды комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Имп. московскаго археологическаго общества. Посвящается памяти ея основателя графа А. С. Уварова. Изданы подъ ред. В. П. Машкова. Томъ III. М. 1910. Изд. Археологич. Общ. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (26×35). 411 стр. Съ рис. Въсь 7 ф. 14 л. 625 экз.

Матеріалы по этнографіи Россіи. Подъ ред. Ѳ. К. Волкова. Т. I Спб. 1910. Изд. Этнографич. Отдѣл. Музея Имп. Александра III. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). XVII+215+5+IX стр. Съ рис. Ц. 7 р. 50 к. Въсь 3 ф. 10 л. 2.100 экз.

Миловидовъ, А. Рукописное Отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки. Его исторія и составъ. Вильна. 1910. Тип. Русскій начинъ (Сиротская, 20). 8° (17×26). 54 стр. Въсь 8 л. 200 экз.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ третій, Л. Н. Толстой. Спб. 1910. Изд. „Прометей“ и Обществ. Польза. Тип. Обществ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×24). 272+IX стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 30 л. 4.000 экз.

Памяти Гоголя. Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія Н. В. Гоголя въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа. Подъ ред. Н. В. Посадскаго. Варшава. 1909. Изд. и тип. учебн. округа (Краковское-Предм., 3). 8° (16×24). 410 стр. Въсь 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Памяти Н. В. Гоголя. Сборникъ рѣчей, рефератовъ и стихотвореній, читанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго Учебн. Окр. во время 1910. Изд. Кавк. Учебн. окр. Тип. Кавц. Намѣстника. 8° (16×23). 271 стр. Въсь 26 л. 2.400 экз.

Романовъ, Е. Р. Побѣда Императора Петра I надъ шведами 28-го сент. 1708 г. при деревнѣ Лѣсной. Могилевъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (17×25). 92 стр. Въсь 8 л. 260 экз.

Се ливановъ, Н. Ф. Очерки русскаго иконописанія. (На правахъ рукописи). Спб. 1910. Тип. Усманова (Вознесенск., 47). 8° (17×25). 40 стр. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Θеоктистовъ, В. К. Пятидесятилѣтіе Саратовской Маріинской женской гимназій. Саратовъ. 1910. Изд. журн. Духовный Вѣстникъ. Тип. Союза печатнаго дѣла. 8° (15×21). 48 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Анучинъ, Д. Н. И. Е. Забѣлинъ, какъ археологъ въ первую половину его научной дѣятельности (1842—1876). Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Имп. Московскаго Археологическаго О-ва 10 февр. 1910 года. М. 1909. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (26×35). 41 стр. Вѣсъ 13 л. 100 экз.

Бимманъ, А. Лекціи по Русской исторіи. Листъ 2-й. Харьковъ. 1910. Изд. автора (Пассажъ). Тип. Х. М. Аршавской (Ярославская ул. № 18). 4° (27×35). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Волжинскій. 300-лѣтній юбилей снятія осады съ Свято-Троицкой Сергіевской Лавры 12 января 1610 г.—12 января 1910 г. Сообщение, прочитанное въ офицерскомъ собраніи 4 артиллерійской бригады. Варшава. 1910. Тип. Губ. Правленія (Медовая, 20). 8° (15×22). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 6 и 7. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×28). 401—430+1—122 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 9 л. по 2.000 экз.

Нуссбаумъ. Критическіе матеріалы по литературѣ. Лишніе люди и женскіе типы въ произведеніяхъ Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Островскаго. Вып. 1-й. Житомиръ. 1910. Тип. М. М. Катерберга (Михайловская, 3). 8° (15×22). 52 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 5 л. 1.200 экз.

Павловскій, И. Ф. Полтава. Историческій очеркъ ея, какъ губернскаго города въ эпоху управленія генераль-губернаторами (1802—1856). По архивнымъ даннымъ. Полтава. 1910. Изд. автора (Пушкинская, 48). Тип. П. А. Дохманъ. 8° (18×27). XXVIII+416+1 неч. стр. съ рис.+1 планъ. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 17 л. 1.000 экз.

Покровскій, М. Н., при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Томъ I. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, д. 13). Тип. т-ва ч. Чичеринъ (Марьинскій уч., св. д.). 8° 148 стр. Вѣсъ 26 л. 5.000 экз.

Путинцевъ, А. М. Введеніе въ исторію русской словесности. Казань. 1910. Тип. Центральная. 8° (17×26). 15 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Рыбинковъ, П. Н. Пѣсни. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Въ 3-хъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей и указателемъ. Т. 2-й. М. 1910. Изд. „Сотрудникъ школъ“, 2-е. Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовск., св. д.). 8° (16×24). IV+727 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 3.100 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, вып. 1-й. Русская литература XVIII—XIX в.в. Спб. 1910. Изд. Ер. Башмаковыхъ, 2-е. Тип. Трудъ (Фонтанка, 86). 8° (17×23). 191 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 21 л. 3.000 экз.

Сиротининъ, Андрей. Бесѣды о русской словесности. Спб. 1910. Изд. 2-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 8° (16×24). XI+345 стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 1.500 экз.

Успенскій, А. И. Стѣнопись Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ (По поводу реставраціи 1884 года). М. 1910. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (28×37). 25 стр. Вѣсь 10 л. 50 экз.

Абрамовичъ, Н. Я. Дѣтскіе годы А. П. Чехова. М. 1910. Изд. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 24). Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій, 21). 8° (13×19). 62 стр. Съ рис. и портр. Ц. 12 к. Вѣсь 4 л. 3.600 экз.

Брюсовъ, Валерій. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Докладъ, прочитанный на торжественномъ засѣданіи О-ва любителей російской словесности 27-го апрѣля 1909 года. М. 1910. Изд. Скорпионъ, 2-е. Тип. В. Вороновъ (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (14×20). 54 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 7 л. 600 экз.

Гершензонъ, М. Жизнь В. С. Печерина. Историческія записки о русскомъ обществѣ. М. 1910. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ (Пименовская, св. д.). 8° (16×24). 226 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 7 л. 2.000 экз.

Голубевъ, С. Москва и первый самозванецъ. По поводу статьи академика А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 9 стр. Вѣсь 1 л. 120 экз.

Грабаръ, Игорь. Исторія русскаго искусства. Томъ I. Исторія архитектуры. Вып. I. До-Петровская эпоха. Спб. 1910. Изд. I. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×32). 170 стр. Съ рис. Вѣсь 2 ф. 14 л. 16.000 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 31. Спб. 1910. Изд. бр. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Кушнеревъ (Фонтанка, 117). 8° (20×28). 129—208 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсь 19 л. 15.400 экз.

Исторія русскаго права. Московскій періодъ. Извлеченіе изъ книги проф. Мрочекъ-Дроздовскаго. М. 1910. Тип. А. И. Петцманъ (Пятницкій пр., 2). 8° (15×22). 51 стр. Вѣсь 6 л. 200 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго. Вып. 8, 9 и 10-й. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×28). 129—208+209—288+289—368 стр. Съ портр. Вѣсь 1 ф. 22 л. по 2.000 экз.

Лернеръ, Н. О. Бѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. Для учащихся. М. 1910. Изд. и тип. Н. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (16×22). 168 стр. Съ портр. Ц. 50 к. Вѣсь 17 л. 3.500 экз.

Отчетъ Церковно-Историческаго и археологическаго о-ва при Кіевской Духовной Академіи за 1909 годъ. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 14 стр. Вѣсь 2 л. 165 экз.

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Феодализмъ въ удѣльной Руси. Исслѣдованія. Собраніе сочиненій, т. III. Спб. 1910. Тип. Стасюлевича (5 л., № 28). 8° (16×24). XVI+506 стр.+1 портр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 21 л. 1.600 экз.

Соллертинскій, прот., проф. Опытъ исторической записки о состояніи Спб. Дух. Академіи. По случаю столѣтняго ея юбилея 1809—1909. Спб. 1910. Тип. А. Улыбина (Загородн. пр., 8). 8° (15×21). 100 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 9 л. 1.200 экз.

Апушкинъ, В. А. Русско-японская война 1904—1905 г. М. 1910. Изд. книгоизд. Образованіе (Долгоруковская, 85). Тип. Русскаго Т-ва (Мыльниковъ пер., св. д.). 8° (18×26). IV+213 стр. Съ рис. и 2 картами. Вѣсь 1 ф. 25 л. 7.000 экз.

Бендеръ. Каталогъ военно-ученаго архива Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Томъ III. Отдѣлы III—X. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8° (16×23). IV+468 стр. Вѣсь 2 ф. 1 л. 500 экз.

Виноградскій, А. Н. Исторія Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Вып. II. Спб. 1909. Изд. Общ. ревнит. военныхъ знаній. Тип. Н. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (19×27). 197 стр. и 14 плановъ-схемъ. Складъ: Кирочная, 1. Адр. издат. тамъ же. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 15 л. 3.000 экз.

Городцовъ, В. А. Бытовая археологія. Курсъ лекцій, читанный въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. М. 1910. Изд. Археолог. Инст. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (19×27). IV+473 стр. Съ картой. Вѣсь 2 ф. 20 л. 600 экз.

Изданія Имп. Археографической Комиссіи, имѣющіяся въ продажѣ. 1 Января 1910 г. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8° (17×25). IX стр. Вѣсь 2 л. 300 экз.

Нарциссовъ, Петръ, прот. Историческія записки по устроению Колычевскаго Казанскаго женскаго монастыря, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи. М. 1910. Тип. Губернская (Никольская, св. д.). 8° (15×22). 110 стр. Вѣсь 9 л. 1.000 экз.

Новгородскія писцовыя книги, изданныя Имп. Археографическою комиссіею. Т. IV. Книги Бѣжецкой Пятины. I—1501 г., II—1545 г., III—1551 г., IV—1564 г. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 4° (25×34). I+1.074 столб. (въ 2 ст.). Ц. 3 р. Вѣсь 4 ф. 7 л. 500 экз.

Острогорскій, Викторъ. Этюды о русскихъ писателяхъ. И. А. Гончаровъ. Спб. 1910. Изд. Н. В. Ельманова, 2-е. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (14×21). VI+150 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 14 л. 2.000 экз.

Савченко, П. Исторія 1-й конно-артиллерійской батареи 1806—1906 гг. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 4° (25×32). VII+283+42 стр. Съ портр., рисун. и план. Вѣсь 4 ф. 19 л. 200 экз.

Сборникъ воспоминаній. Незабвенному Владиміру Васильевичу Стасову. Спб. 1910. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (18×25). XV+289+XXVI+14 стр. Съ 14 рис. и портр. Скл.: Спб., Поварской, 10. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 5 л. 1.100 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 65. Журналы и дневники военныхъ дѣйствій частей 2-й гв. кав. дивизіи и гв. конныхъ батарей. Спб. 1910. Изд. Воен. Истор. Комис. Глав. Упр. Генер. Штаба. Тип. Русская скоропечатня (Екатер. каваль, 94). 8° (20×29). 598 стр. и 3 плана. Вѣсь 3 ф. 28 л. 1.200 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 92. Дневники частей 13 арм. корпуса. Спб. 1910. Изд. Воен. Истор. Комиссіи Гл. Упр. Генер. Штаба. Тип. Альтшулера (Фонтанка, 96). 8° (19×28). 116+17 стр. Вѣсь 1 ф. 12 л. 1.200 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Мѣстечко Бѣлгородка—древній Бѣлгородъ. (По поводу современныхъ археологическихъ раскопокъ въ м. Бѣлгородкѣ). Кіевъ. 1910. Изд. Кіев. Св.-Владимір. Братства. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). (16×24). 23 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсь 3 л. 450 экз.

Тростянскій, М. И. Осада Троице-Сергіевской Лавры въ русской

поэзіи. Кіевъ. 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (18×26). 19 стр. Вѣсь 3 л. 300 экз.

Адарюковъ, В. Я. Степанъ Филипповичъ Галактіоновъ и его произведенія. Спб. 1910. Изд. Кружка любителей изящныхъ изд. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (17×24). 80 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсь 26 л. 400 экз.

Андреевъ, Ник. Удѣльная или княжеская Русь. — Культурно-историческіе очерки Россіи. № 1. Спб. 1910. Изд. В. И. Яковенко. Тип. М. А. Александрова (Надежд., 43). 8° (14×20). 88 стр. Съ рис. и 2 картами. Ц. 25 к. Вѣсь 7 л. 5.100 экз.

Горталовъ, Н. К. Изъ прошлаго Имп. Казанской 1-й гимназіи. Казань. 1910. Тип. университетская. 8° (17×25). 48 стр. Съ портр. Ц. 45 к. Вѣсь 6 л. 350 экз.

Жураковскій, Евгеній. Краткій курсъ исторіи русской живописи XIX вѣка. М. 1910. Изд. Консерваторіи. Тип. Об-ва распр. полезн. книгъ, преимн. Вороновъ (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (14×20). IV+92 стр. Вѣсь 9 л. 600 экз.

Исторія русской литературы, подъ ред. Е. В. Аничкова, проф. А. К. Бороздина и проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго. Т. I. Русская Литература до XIX в. М. 1910. Изд. Т-ва Н. Д. Сытина и Т-ва Міръ. Тип. Т-ва Н. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 4° (20×29). 464 стр. Съ рис. Ц. 6 р. Вѣсь 5 ф. 2 л. 2.000 экз.

Кіевская Русь. Сборникъ статей, подъ ред. В. Н. Сторожева Томъ 1-й. Библіотека для самообразованія XIII. М. 1910. Изд. и тип. Т-ва Н. Д. Сытина, 2-е, испр. (Пятницкая, св. д.). 8° (14×21). XXI+664 стр. Вѣсь 1 ф. 25 л. 2.600 экз.

Назаревскій, В. В. Русская исторія. Вып. XII. М. 1910. Тип. Н. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (18×27). 156 стр. Съ рис. Вѣсь 24 л. 2.000 экз.

Памятная книжка Кіевской епархіи на 1910 годъ. Подъ ред. прот. С. Трегубова. Кіевъ. 1910. Тип. Т-ва Н. Н. Кушнерева и К^о (Караваевская, 5). 8° (15×23). 552 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсь 1 ф. 17 л. 1.720 экз.

Памятники законодательства Петра Великаго. Подъ ред. М. М. Богословскаго. Памятники русской исторіи. М. 1910. Изд. Н. Н. Ключкова (Моховая, 20). Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8° (18×27). 117 стр. Ц. 80 к. Вѣсь 15 л. 2.000 экз.

Петерсъ. Полтавская побѣда. Одесса. 1910. Тип. Штаба военн. округа. 8° (17×24). 64 стр. Съ картами. Вѣсь 7 л. 1.000 экз.

Прасановъ, В. Мургабскій походъ 1885 года, завершившійся боемъ съ Афганцами на Кушкѣ 18 Марта. Спб. 1910. Тип. Военная. 8° (19×28). 168 стр. Съ рис. и 6 картами. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 10 л. 2.110 экз.

Родословная рода Демидовыхъ, ихъ благотворительная дѣятельность и медали въ память ихъ рода. Житомиръ. 1910. Тип. Губернская. 4° (19×26). 64 стр. Вѣсь 11 л. 209 экз.

Соловьевъ, Евгеній. Н. С. Тургеневъ. — Его жизнь и литературная дѣятельность. — Біографическій очеркъ. — Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб. 1910. Изд. Ф. Павленкова, 2-е (Лештуковъ пер., 2). Тип. М. А. Александрова (Надежд., 43). 8° (12×19). 96 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Вѣсь 7 л. 2.100 экз.

Тевяшовъ, Е. Н. Матеріалы для библіографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Вып. III. № 401—600. Спб. 1910. Изд. Кружка любителей рус. изящн. изд. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4^о (26×35). 75 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 350 экз.

Аксаковъ, С. Т. Собраніе сочиненій. Томъ 5-й. Записки объ уженъѣ рыбы. Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи. Подъ ред. А. Г. Горнфельда. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва Просвѣщеніе (Забалканскій, 45). 8^о (13×19). VII+332 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 19 л. 5.000 экз.

Александровъ, А. Н. Ивановское Городище. (Изъ XIX т. сборн. Харьков. Историко-Филологич. Общ. въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьков. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Клочковская, 5). 8^о (17×26). 16 стр. Вѣсь 2 л. 200 экз.

Заозерскій, Н. А. А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. Историко-литературная библіотека. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. IV. М. 1910. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8^о (16×22). 211 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 24 л. 3.500 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянникова-Куликовскаго. Вып. 17. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовская, соб. д.). 8^о (19×27). 433 — 497 стр. Съ портр. Вѣсь 19 л. 9.000 экз.

Назаревскій, В. В. Русская исторія. V. Вып. 2-й. 1855—1881. М. 1910. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8^о (16×24). 156 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсь 20 л. 1.000 экз.

Назаревскій, В. В. Царствованіе Императора Александра II. 1855—1881. М. 1910. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8^о (16×24). 156 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсь 20 л. 4.000 экз.

Описаніе медалей и монетъ, хранящихся въ нумизматическомъ кабинетѣ Имп. Харьковскаго университета. Харьков. 1910. Тип. Адольфа Дарре (Московская, 19). 8^о (16×25). 1.062 стр. Вѣсь 2 ф. 24 л. 200 экз.

Суринъ, В. Личность и Государство въ Русской литературѣ второй половины XVIII вѣка. Харьков. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Клочковская, 5). 8^о (17×26). 19 стр. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Уманецъ, Ѳ. М. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910. Тип. Ломковского (Думская, 5). 8^о (14×22). 169 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 13 л. 2.000 экз.

Шеманскій, А. Д. Бой на Кушкѣ и его 25-лѣтній юбилей (18/ш 1885—18/ш 1910). Военное сообщеніе. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14). Тип. Рус. скоропечатня (Екатер. кан., 94). 8^о (16×22). 80 стр. Съ рис. Съ портр. и картой. Ц. 60 к. Вѣсь 11 л. 2.000 экз.

Довгялло, Дм. Ив. Поневѣжская старина (1585—1587 гг.). Вильна. 1910. Тип. Бр. Д. и Х. Яловцерь (Трокская). 8^о (15×23). 18 стр. Вѣсь 2 л. 200 экз.

Модзалевскій, В. Л. Малороссійскій родословникъ. Т. II. Е.—К. Кіевъ 1910. Изд. автора (Спб. В. О., 3 л., № 18). Тип. Г. Л. Фронкевича и К^о (Крещатикъ, 42). 8^о (19×27). 720 + 20 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 3 ф. 2 л. 825 экз.

Острогорскій, Викторъ. Эгюды о русскихъ писателяхъ. Мотивы лермонтовской поэзіи. Спб. 1910. Изд. Н. В. Ельманова. 2-е. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8^о (14×20). 87 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 8 л. 3.000 экз.

Пflugъ-Гартунгъ. Всемирная Исторія отъ Вѣнскаго Конгресса до нашихъ дней (1815—1910). Переводъ съ дополненіями подъ ред. проф. Н. И. Карѣева и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи написанъ А. А. Корниловымъ. Спб. 1910. Изд. и тип. Брокгаузъ-Эфронъ (Прачешный, 6). 8° (21×28). 2+811 стр. Съ 83 рис. Ц. 10 р. Вѣсъ 7 ф. 8 л. 5.000 экз.

Пыпинъ, А. Н. Мои замѣтки, съ приложеніемъ статей: „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Гавка“. Подъ ред. В. А. Ляцкой. М. 1910. Изд. А. Э. Бухгеймъ. Тип. т-ва И. Н. Кушнерова (Пименовская, соб. д.). 8° (13×22). 312 стр. Ц. 2 р. В. 1 ф. 10 л. 1.000 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 129. Спб. 1910. Изд. Рус. Историч. Общества. Тип. Яковлева (2 Рождественская, 7). 8° (20×29). VII+544+20+VIII стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 1.200 экз.

Юбилейный сборникъ литературнаго фонда. 1859 — 1909. Спб. Тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 27). VIII + 630 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 4.000 экз.

Андріанова, В. П. Къ литературной исторіи Толковой Палаты. Изъ филологическаго семинарія проф. В. Н. Перетца. Кіевъ. 1910. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 77 стр. Вѣсъ 8 л. 165 экз.

Барсуковъ, Николай П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 22-я, съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ 22-мъ книгамъ. Спб. 1910. Тип. Стасюлевича. 8° (17×25). VII+385 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.200 экз.

Бѣдновъ, В. А. Преосвященный Феодосій, Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій и его труды по исторіи Екатеринославщины. Отд. оттискъ изъ №№ 6 и 7 Екатер. Епархіальн. Вѣдомостей за 1910 годъ. Екатеринославъ. 1910. Тип. С. И. Барановскаго. 8° (18×29). 24 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 110 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ IX. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 25). 521 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 5.000 экз.

Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Спб. 1910. Изд. юридическ. кн. склада „Право“, 3-е испр. и доп. Тип. А. Г. Розена (Театральная площ., 2). 8° (17×24). XVI+522 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 2.000 экз.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VIII. Съ указателемъ статей, рефератовъ и пр. въ „дѣйствіяхъ“ и „сборникахъ“ комиссіи (т. II—V и журналахъ I—XIII). Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Н. К. Владимірскаго. 8° (17 × 26). 419 + 26 + 2 + 4 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 450 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Вып. 34-й. (Вопросы реставраціи, вып. 5-й). Спб. 1910. Изд. Археологич. Комиссіи. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20×28). 92 стр. Съ рис. Вѣсъ 23 л. 900 экз.

Клячицъ, В. П. Трехсотлѣтіе со дня снятія осады Троице-Сергіевской Лавры. Кіевъ. 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (18 × 26). 37 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Котляревскій, Н. А. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Съ рис. П. Д. Шмарова. Спб. 1910. Изд. Спб. О-ва Грамотности, 57. Тип. Я. Бальянского (Загородный пр., 74). 8° (14×21). 58 стр. Съ 11-ю рис. Ц. 10 к. Въсь 4 л. 5.000 экз.

Краткая исторія Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго Его Величества полка. Спб. 1910. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (20 × 28). 4 стр. Въсь 1 л. 2.000 экз.

Николай Михайловичъ, Великій Князь. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. V. Вып. 4-й и Указатели. Спб. 1909. Тип. Экспедиціи Заготовленія Гос. бумагъ. 4° (27×35). 160 стр.+25 л. порт.+99 стр. указателя. Въсь 5 ф. 20 л. 700 экз.

Памятная книжка Императорской Академіи Наукъ на 1910 г., исправлена по 15 сентября 1910. Спб. 1910. Изд. и тип. Импер. Акад. Наукъ. 16° (12×15). 272 стр. Въсь 17 л. 216 экз.

Русская историческая бібліотека Т. XXVI. Донскія дѣла. Книга третья. Спб. 1909. Изд. археографической комиссіи. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20×29). 56 стр.+1022 столб.+83 стр. Ц. 2 р. Въсь 4 ф. 11 л. 500 экз.

Тростянскій, М. И. Осада Троице-Сергіевской лавры въ русской поэзіи. Кіевъ, 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (18 × 26). 20 стр. Въсь 4 л. 100 экз.

Труды Псковскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Псковская Старина. Т. I. Псковъ. 1910. Изд. Псковскаго Ц.-Ист.-Арх. Общества. Тип. Губ. Земства. 8° (17 × 25). 202 + 50 стр. Съ 3-мя табл. Ц. 2 р. Въсь 29 л. 600 экз.

Щербина, Ф. А. Исторія кубанскаго казачьяго войска. Томъ I. Исторія края. Екатеринодаръ. 1910. Тип. Кубанскаго областного правленія. 8° (18×27). XV+700+V+6 стр. Съ рис. Въсь 2 ф. 8 л. 5.000 экз.

Александровскій, Г. В. Памяти великаго русскаго критика В. Г. Бѣлинскаго. Къ столѣтію со дня рожденія. Для учащихся и самообразованія. Кіевъ. 1910. Изд. книгоизд. Гонгъ (Прорѣзная, 12). Тип. 1-й кiev. артели печ. дѣла (Трехсвятит., 5). 8° (15×20). 61 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Въсь 6 л. 3.000 экз.

Андреевъ, В. л. Роль Н. В. Гоголя въ русской литературѣ. (Рѣчь инспектора на литературномъ утрѣ памяти Гоголя, 11 апр. 1909 г.). Кіевъ. 1910. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17×25). 12 стр. Въсь 2 л. 40 экз.

Васильевичъ, Сергѣй. Титулованные роды Россійской Имперіи. Опытъ подробнаго перечисленія всѣхъ титулованныхъ русскіихъ дворянскихъ фамилій, съ указаніемъ происхожденія каждой фамиліи, а также времени полученія титула и утвержденія въ немъ. Спб. 1910. Тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (14×19). VIII+296 стр. Въсь 27 л. 500 экз.

Габаевъ, Г. С. О способахъ ознаменованія столѣтней годовщины священной памяти 12-го года. (Докладъ. Авт. оттискъ изъ кн. 2-й журн. Имп. рус. воен.-истор. общества). Спб. 1910 г. Изд. ред. журн. Имп. рус. воен.-истор. общества. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 4° (21×27). 19 стр. Въсь 7 л. 150 экз.

Демковъ, М. И. Исторія русской педагогіи. Ч. II. Новая русская педагогія (XVIII в.). М. 1910. Изд. автора, 2-е (Б. Полянка, 60). Тип.

Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиженская, св. д.). 8° (17×24). VII+627 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 20 л. 2.000 экз.

Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера Главнаго Штаба Афанасія Даниловича Соломко, состоявшаго при особѣ Государя безотлучно 11 лѣтъ съ 1814 по 1825 годъ, и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Бозѣ почивающей Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Спб. 1910. Тип. Морского Министерства. 8° (18×27). 111 стр. Съ 15 рис. Вѣсь 28 л. 1.000 экз.

Жигаревъ, С. А. Россія въ средѣ европейскихъ народовъ по даннымъ исторіи международныхъ общенія и права въ XVIII и XIX вв. Историко-юридическіе очерки. Спб. 1910. Тип. Морского Министерства. 8° (16×25). VII+327 стр. Вѣсь 1 ф. 5 л. 600 экз.

Захарьевскій, П., прот. Церковныя школы Казанской епархіи за 25 лѣтъ ихъ существованія (1884—1909). (Историко-статистическій обзоръ). Казань. 1910. Тип. Центральная. 8° (14×22). 66 стр. Вѣсь 4 л. 200 экз.

Ивановъ, М. М. Исторія музыкальнаго развитія Россіи, въ 2-хъ томахъ. Съ рисунками и нотными примѣрами. Т. I. Спб. 1910. Тип. Суворина. 8° (16×24). 400 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 22 л. 1.000 экз.

Иллюстровъ, І. И. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ. Сборникъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Спб. 1910. Изд. 2-е испр. и доп. Тип. Губернская. 8° (18×26). XCVIII+469 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 11 л. 1.000 экз.

Историческій очеркъ возникновенія Симбирскаго Областнаго Музея и отчетъ о его дѣятельности за 1909 годъ. Симбирскъ. 1910. Тип. А. Токарева. 8° (12×22). 39 стр. Вѣсь 5 л. 1.000 экз.

Нивѣ, П. А. Русско-Шведская война 1808—09 г.г. Спб. 1910. Тип. Военная (възд. Глав. Штаба). 8° (18×26). 420 стр. Съ 27 черт. и схемъ карта. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 14 л. 1.010 экз.

Поповъ, А. В. Холера 1829—1833 годовъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческое изслѣдованіе. Вып. XXI. Оренбургъ. 1910. Изд. Труды Оренб. Учен. Архивн. Ком. Тип. Каримовъ, Хусаиновъ и К°. 8° (19×25). IV+361 стр. Съ таб. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 11 л. 400 экз.

Поповъ, Н. Рукописи синодальной Московской (патріаршей) бібліотеки. Вып. II. Симоновское собраніе. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (18×27). VII+214 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 7 л. 500 экз.

Строевъ, В., прив.-доц. Бироновщина и Кабинетъ Министровъ. Очеркъ внутренней политики Императрицы Анны. Историческое изслѣдованіе. Ч. II, вып. 1. Спб. 1910. Тип. Акад. Наукъ. 8° (18×26). 76 стр. Вѣсь 12 л. 410 экз.

Фриче, В. М. Отъ Чернышевскаго къ „Вѣхамъ“. М. 1910. Изд. Современныя проблемы (Садовники, 9). Тип. Печатное Дѣло (Тверской бул., 80). 8° (14×20). 75 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 7 л. 2.000 экз.

Штыкъ, К. Памятка 97-го пѣхотнаго лифляндскаго генералъ-фельд-маршала графа Шереметева полка (1700—1909 гг.). Двинскъ. 1910. Тип. Двинскаго Листка. 8° (16×22). 43 стр. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Баклановскій сборникъ. Новочеркасскъ. 1910. Изд. Областнаго войска Донскаго статист. комит. Тип. Частная Донская. 8° (18×27). 168 стр. Съ рис. Вѣсь 20 л. 850 экз.

Балаклѣевъ, Иванъ. И. С. Аксаковъ (1823—1886 гг.). (Опытъ характеристики). Харьковъ. 1910. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 43 стр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Буслаевъ, Ѳ. И. Сочиненія, т. II. Сочиненія по археологii и исторii искусства. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Спб. 1910. Изд. Отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ. Тип. Академіи Наукъ 8° (20×27). 455 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 7 л. 1.014 экз.

Бычковъ, И. А. Отрывокъ Новгородской Кабальной Книги 1597 г. Изъ XXII т. Лѣтописи Занятій. Спб. 1910. Изд. Археографич. Комиссіи. Тип. Александрова (Надеждинск., 43). 8° (17×25). 6 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Григоровичъ, А. Дополненіе къ части I перечня исторiй и памятковъ войсковыхъ частей. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8° (16×23). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIV, кн. 4-я. Спб. 1910. Изд. Ак. Наукъ. Тип. Академіи Наукъ. 8° (17×25). 356 стр. Складъ: Академія Наукъ. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 13 л. 813 экз.

Содержаніе: I. Кони, А. Ѳ.—Тургеневъ. II. Соболевскій, А. И.—Кольцовъ. III. Веселовскій, А. А.—Кольцовъ. IV. Наконечный В. К.—Слѣды вліянія Крылова. V. Виноградовъ, Н. Н.—Екатерина Великая. VI. Лернеръ, Н. И.—Стихотворенія Н. Ѳ. Щербины. VII. Козминъ, Н. К.—Научн. дѣят. Н. И. Надеждина. VIII. Голоскевичъ, Г. К.—Говоръ с. Бодачевки. IX. Тиандеръ, К. Ѳ.—П. И. Вейнбергъ. X. Соболевскій, А. И.—Два слова. XI. Кунцевичъ, Г. З.—Сказаніе о Макаріѣ. XII. Некрасовъ, Н. П.—Замѣтка. XIII. Коробка, Н. И.—Образъ птицы. XIV. Щерба, Л. В.—Субъект. и объект. методъ. XV. Петровскій, Н. М.—Библиогр. мелочи. XVI. Ончуковъ, Н. Е.—Народн. драма. XVII. Бертенсонъ, С. Л.—Библиогр. указатель. XVIII. Библиографія: Перетцъ, В. Н.—П. А. Заболотскій. XIX. Приложеніе: Бенешевичъ В. Н.—Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію.

Каталогъ Екатеринославскаго Областного музея имени А. Н. Поля. Археологія и этнографія. Екатеринославъ. 1910. Тип. Губ. Правленія. 8° (16×26). 426 стр. Вѣсъ 25 л. 1.500 экз.

Лѣтопись занятій Императорской Археографической комиссіи за 1909 г. Вып. 22-й, подъ ред. В. Г. Дружинина. Спб. 1910. Изд. Археографической комиссіи (Надеждинская, 27). Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×27). 54+276+6+68 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 400 экз.

Максимейко, Н. А., проф. Лекціи по исторii Русскаго государственнаго права. Харьковъ. 1910. Тип. Б. Бенгисъ (Петровскій, 9). 8° (17×25). 159 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 800 экз.

Мартыновъ, Е. И. Воспоминанія о Японской войнѣ командира пѣхотнаго полка. Плоцкъ. 1910. Тип. губ. правленія. 8° (17×24). VIII+402 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 2.800 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе, посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. М. 1910. Изд. Тов. „Образованіе“ (Долгоруковская, д. 82, кв. 1). Тип. „Русскаго товарищества“ (Мыльниковъ пер., св. д.). 4° (25×35). 128 стр. Съ 24 отд. фотогипсиями. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 8.000 экз.

Памятка Астраханскаго Кирасирскаго 22-го Драгунскаго, а нынѣ 8-го Драгунскаго Астраханскаго Генераль-Фельдмаршала Великаго Князя

Николая Николаевича полка. 1798—1910. Одесса. 1910. Тип. Одесскаго Листка (Ланжероновская, св. д.). 8° (15×22). 72 стр. Въсь 8 л. 1.000 экз.

Сильванскій, Н. П. Акты о посадскихъ людяхъ-закладчикахъ. Спб. 1909. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×26). XXI+276 стр. Въсь 1 ф. 2 л. 150 экз.

Спасскій, Константинъ. Димитріевскій Херсоно-Одесскій епархіальный домъ. (Историческая записка). Одесса. 1910. Тип. Е. И. Фесенко (Ришельевская, 49). 8° (18×27). 140+II стр. Съ рис. и портр. Въсь 21 л. 200 экз.

Сперанскій, М. Барышня-крестьянка Пушкина и Урокъ любви Г-жи Монтолье. (Библиографическая справка). Харьковъ. 1910. Изд. О-ва въ память Рѣдина. Тип. Печатное Дѣло (Клочковская, 5). 8° (17×26). 11 стр. Въсь 2 л. 200 экз.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи. 1909 годъ. Вып. II—III. Вятка. 1910. Тип. Губернская. 8° (16×24). II+106+68+144+XII стр. Въсь 1 ф. 800 экз.

Хвостовъ, В. М. Историческое міровоззрѣніе В. О. Ключевского М. 1910. Тип. Университетская. 18° (12×18). 66 стр. Въсь 4 л. 100 экз.

Цвѣтаевъ, Д. В., проф. Къ исторіи смутнаго времени. Собраніе документовъ. Вып. первый. Варшава. 1910. Тип. Учеб. округа. 8° (16×26). 33 стр. Въсь 6 л. 820 экз.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Матеріалы для лексической разработки заимствованныхъ словъ въ русской литературной рѣчи. Спб. 1910. Изд. В. И. Губинскаго, 3-е. Тип. Спб. тюрьмы (Арсенальная набер., 5). 8° (18×26). X+676 стр. Ц. 2 р. 75 к. Въсь 2 ф. 13 л. 8.500 экз.

Шахматовъ, А. Лѣтописецъ Успенскаго Каменскаго дѣвичьяго монастыря Новозыбковскаго уѣзда Черниговской епархіи. Изъ XXII т. „Лѣтописи Занятій“. Спб. 1910. Изд. Археографич. Комиссіи. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×25). 2 стр. Въсь 2 л. 100 экз.

Шоловъ, А. А. Описанія рукописей, содержащихъ лѣтописные тексты (Матеріалы для полнаго собранія русскихъ лѣтописей). Вып. I. Изъ XXII тома Лѣтописи занятій. Спб. 1910. Изд. археографическ. комиссіи. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×24). 68 стр. Въсь 9 л. 100 экз.

Янжулъ, И. И. Воспоминанія о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 годъ. Выпускъ первый. Спб. 1910. Тип. т-ва Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (17×25). 191 стр. Съ портр. Въсь 19 л. 600 экз.

Бенуа, Александръ. Царское Село въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны. (Матеріалы для исторіи искусства въ Россіи въ XVIII в. по главнѣйшимъ архитектурнымъ памятникамъ). Спб. 1910. Изд. и тип. т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. 4° (27 × 34). 264+XLV+59 стр. Съ 244 рис. Ц. 100 р. Въсь 9 ф. 24 л. 600 экз.

Бобринская, А. А., гр., Народныя русскія деревянныя издѣлія-предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. М. 1910. Тип. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., св. д.), 4° (30×40). 3 стр. Съ 13 таб.+3 (текста). Въсь 29 л. 200 экз.

Богатенко, Я. Черты нравственнаго символизма въ русской иконографіи. (Въ нѣкотор. произвед. XVIII и XIX в.в.). Лекція, прочтенная въ

Московскомъ Археологическомъ институтѣ 6 февраля 1910 года. М. 1910. Тип. П. Рябушинскаго (Страстной бульваръ, св. д.). 16° (14×18). 39 стр. Съ рис. Ц 25 к. Въсь 3 л. 500 экз.

Бродскій, Н. Л. Ранніе славянофилы А. С. Хомяковъ, И. В. Кирѣевскій, К. С. и И. С. Аксаковы. Историко-литературная библіотека. Вып. V. М. 1910. Изд. и тип. т-ва Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (16×21) VIII+206 стр. Ц. 1 р. Въсь 26 л. 3.600 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 32. Спб. 1910. Изд. бр. Граватъ (Загородный, 14). Тип. Мин. Путей Сообщенія. 4° (20×27). 273—299+204—262 стр. Съ 5 рис. Ц. 1 р. 35 к. Въсь 20 л. 15.400 экз.

Курдюмовъ, М. Г. Описаніе актовъ, хранящихся въ архивѣ Имп. Археографической Комиссіи. 1. Акты Коряжмского монастыря. 2. Акты Муромскаго Уѣзднаго Суда. 3. Акты Тульскаго Губ. Правленія. Спб. 1910. Изд. Археографич. Комиссіи. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×25). V+513 стр. 100 экз.

Несторъ, іером. Историческая справка о православномъ просвѣщеніи въ Сибири. Спб. 1910. Тип. Отечественная (Шпалерная, 26). 4° (23×35). 32 стр. Въсь 6 л. 300 экз.

Островскій, Д. В., свящ. Изъ исторіи Олонецкаго старообрядческаго раскола. (Лекція). Петрозаводскъ. 1910. Тип. Губернская 16° (18×17). 36 стр. Въсь 2 л. 300.

О Чеховѣ. Воспоминанія и статьи. Чеховская библіотека. М. 1910 Изд. Книжн. маг. Званіе Тип. А. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., св. д.). 8° (15×21). XII+340 стр. Съ портр. и рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 17 л. 3.100 экз.

Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Доклады и рѣчи. Спб. 1910. Изд. III Отд. Имп. Вольн.-Экон. общ. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16×24). 55 стр. Ц. 50 к. Въсь 6 л. 300 экз.

Памятная книжка Новгородской губерніи на 1910 годъ. Новгородъ. 1910. Изд. Новг. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская 8° (16×23). VI+14+246+44+72 стр. Ц. 1 р. Въсь 1 ф. 2 л. 600 экз.

Податная инспекція въ Россіи (1886—1910 гг.). Очеркъ дѣятельности податной инспекціи за 25 лѣтъ ея существованія въ связи съ развитіемъ прямого обложенія. Спб. 1910. Изд. Деп. Окладныхъ Сборовъ. Тип. Сойкина (Стремянная, 12). 8° (17×25). 210 стр. Въсь 26 л. 3.500 экз.

Покровскій, В. И. Екатерина II, ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 2-е, доп. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., св. д.). 8° (17×25). 221 стр. Ц. 50 к. Въсь 22 л. 36.000 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою археологическою комиссіею Т. XX. Первая половина.—Львовская лѣтопись. Часть первая. Спб. 1910 Изд. археографич. комиссіи (Надеждинская, 27). Тип. Александрова (Надеждинская, 43) 4° (19×25) IV+418 стр. Ц. 2 р. Въсь 3 ф. 4 л. 500 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XXIII. Ермолинская лѣтопись. Спб. 1910. Изд. археологической комиссіи (Надеждинская, 27). Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (25×35). V+239 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 29 л. 500 экз.

Преображенскій, А. Очеркъ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. Спб. 1910. Изд. Регентскаго Училища, учр. Смоленскимъ, С. В., 2-е (Мойка, 20). Тип. Спб. Тюремъ; обложка тип. Труженикъ. (Вознес., 6). 8° (17×25). 63+8 стр. Съ 40 рис. Ц. 60 к. Въсь 12 л. 2.000 экз.

Разумовскій, В. В. Къ исторіи университетовъ и медицинскихъ факультетовъ. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8° (16×25). 36 стр. Въсь 6 л. 1.000 экз.

Русско-японская война 1904—1905. Томъ VII. Тылъ дѣйствующей арміи. Часть 2-я. Пути сообщенія. Средства передвиженій и сношеній. Спб. 1910. Тип. Тренке и Фюсно. (Максим. пер., 13). 8° (20×29). VI+400+125+28 стр. 4.050 экз.

Саводникъ, В. Очеркъ по исторіи русской литературы XIX вѣка. Часть 1-я. М. 1910. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. пер., 9). 8° (16×23). 406+II стр. Складъ: Моховая, д. Баранова. Ц. 1 р. 35 к. Въсь 1 ф. 18.000 экз.

Сборникъ любовной лирики XVIII вѣка. Съ біо-библіографическими примѣчаніями Анны Веселовской, статей барона Н. Врангеля „Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII вѣка и приложеніемъ текста и нотъ пѣсенъ XVIII вѣка. Спб. 1910. Изд. „Пантеонъ“, Тип. „Сиріусъ“ (Смоляной пер., 7). (8° 19×23). XVIII+194 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 8 л. 1.550 экз.

Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. III. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская 8° (17×24). 18+3+15+4+8+12+12+19+18+14+4 таб.+5+1 таб.+11+2 таб.+24+2 таб.+10+4+19 стр. Съ рис. Складъ: Новгородъ, Н. Николаевская, д. Романцевой. Ц. 1 р. Въсь 25 л. 500 экз.

Юбилей Гродненской Женской Гимназіи Вѣд. Учрежденій Императрицы Маріи. Гродна. 1910. Тип. Губернская. 8° (14×21). 56 стр. Въсь 5 л. 500 экз.

Абрамовичъ, Д. В. Описаніе рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи. Софійская Библіотека. Вып. III. Сборники. Спб. 1910. Изд. Спб. Духовной Академіи. Тип. Академіи Наукъ. 8° (20×28). 408 стр. Въсь 2 ф. 2 л. 1.212 экз.

Андріевскій, А. Первый русскій книгопечатникъ. † 1583 г. Посмертное изданіе съ дополненіемъ проф. А. М. Лободы. Кіевъ. 1910. Изд. книгоизд. „Сотрудникъ“, 4-е (Кіевъ, Александровская, 27). Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (13×21). 30 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 5.550 экз.

Вандаль, Альбертъ. Наполеонъ и Александръ I, Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. I—отъ Тильзита до Эрфурта. Пер. съ 6 франц. изданія В. Шиловой. Спб. 1910. Изд. Тов. „Знаніе“ (Невскій, 92). Тип. „Слово“ (ул. Жуковскаго, 21). 8° (17×23). II+XX+534 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Въсь 2 ф. 14 л. 3.000 экз.

Варакниъ, Д. С. Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи, при бывшемъ патріархѣ Никоѣ. Библіотека „Старообрядческая мысль“ подъ ред. В. О. Макарова и И. В. Галкина. М. 1910. Тип. И. Ф. Смирнова (Б. Дмитровка, д. № 10). 8° (15×23). 44 стр. Складъ: Моховая, д. 14, кв. 2. Ц. 30 к. Въсь 5 л. 2.500 экз.

Высочайше утвержденное 31 января 1907 года положеніе о Москов-

скомъ Археологическомъ институтѣ. М. 1910. Тип. А. Сенигиревой. 32° (9×13) 15 стр. Въсь 1 л. 1.000 экз.

Голубевъ, С. Т. Спорные вопросы о древней топографіи Кіева. Кіевъ. 1910. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 32 стр. Въсь 4 л. 120 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Съ портретами писателей. Вып. 11. М. 1910. Изд. т-ва „Міръ“ (Знаменская, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовск. св. д.). 8° (19×28). 369—431+32 стр. Съ рис. Въсь 21 л. 3.250 экз.

Кадобновъ, Ѳ. И. Краткій очеркъ возникновенія города Череповца, Новгородской губ., и его героическій ростъ за время 50-лѣтней дѣятельности городского головы Н. А. Мялутина. Калуга. 1910. Тип. Калужскаго Губ. Земства. 8° (13×22). 71 стр. Съ 2 портр. и планомъ. Скланъ: у автора въ Калугѣ, Проломная ул., д. Неробкова. Ц. 40 к. Въсь 8 л. 1.000 экз.

Лактинъ, М. Бѣсоудержимость въ современной деревнѣ. Историко-психологическое изслѣдованіе. М. 1910. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, соб. д.). 8° (16×24). 46 стр. Въсь 5 л. 100 экз.

Момонтъ, И. В. Къ вопросу о Творчество Гоголя, какъ общественной силѣ. (Изъ рѣчи, произнесенной въ Перновскомъ педагогическомъ кружкѣ 22 апрѣля 1909 г., въ день празднованія столѣтней годовщины со дня рожденія писателя-поэта). Перновъ. 1910. Тип. Г. Ланге. 8° (17×22). 16 стр. Въсь 2 л. 200 экз.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1909 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія. М. 1910. Тип. А. И. Сенигиревой. 8° (16×24). 30+124+24 стр. Въсь 24 л. 600 экз.

Ростовцевъ Ѳеодоръ. 4-я Донская казачья дивизія въ Русско-Японскую войну. Изслѣдованіе военно-историческое. Кіевъ. 1910. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 4° (25×33). XII+487 стр. Съ рис. и картой. Въсь 3 ф. 30 л. 550 экз.

Соколовъ, Леонидъ, А. В. Кольцовъ (3 окт. 1809 г.—3 окт. 1909 г.) и его поэзія природы, труда и цѣсни. (Къ столѣтію со дня рожденія поэта). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8° (15×24). 34 стр. Въсь 4 л. 85 экз.

Сперанскій, М. Н., проф. Исторія новой русской литературы. Лекціи, читанныя въ Имп. Моск. Унив. въ 1909/10 г. Записки студ. Н. Н. Фатова, исправл. г. професоромъ. М. 1910. Изд. Об-ва взаимпом. студентовъ филологовъ. Тип. И. И. Любимова (Шокровка, 4). 8° (17×25). 508 стр. Въсь 2 ф. 500 экз.

Титовъ, Ѳ. И., проф. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви. Вып. VIII. Кіевъ. 1910. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 23 стр. Ц. 20 к. Въсь 3 л. 115 экз.

Уставъ Имп. русскаго историческаго общества. Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (17×23). 13 стр. Въсь 4 л. 150 экз.

Фотинскій, О. А. Очерки изъ исторіи быта монастырскихъ крестьянъ на Волынѣ въ XVII—XVIII вв. Оттискъ изъ „Трудовъ О-ва Изслѣдователей Волыни“, т. III. 1910. Житомиръ. 1910. Изд. О-ва Изслѣдователей Волыни. Тип. М. Дененмана (Михайловская, 6). 8° (15×24). 46+112 стр. Въсь 12 л. 300 экз.

Цвѣтаевъ, Д. В., проф. Цар. Василій Шуйскій, мѣсто погребенія его въ Польшѣ. 1610—1910 г.г. I томъ. Историческое изслѣдованіе. Варшава. 1910. Тип. Варшав. учеб. округа. 8° (17×26). XX+1 нел. 610 стр. Ц. 6 р. Вѣс. 3 ф. 28 л. 820 экз.

Шупинскій, Конспектъ-записки по исторіи русскаго военнаго искусства. Часть. I. Древніе славяне. Велико-Княжеская и Царская Русь. Тверь. 1910. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятск., д. Шикавова). 8° (16×23). 231+IV стр. Съ рис. Вѣсъ 30 л. 350 экз.

Шербина, В. О Кіевской старинѣ. Два чтенія. Кіевъ. 1910. Изд. Книг. „Сотрудникъ“, 3-е испр. и доп. (Кіевъ, Александровская, 27). Тип. С. П. Яковлева (Золотоворотская, 11). 8° (13×21). 46 стр. Съ 6 рис. и 2 плана. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 5.100 экз.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Карлъ мчится на разныя стороны, и повсюду дорогу заграждаетъ ему превосходная армія Петра, но въ бой не вступаетъ со шведами.

Наконецъ Карлъ XII рѣшается идти въ Малороссію къ Батурину, столицѣ измѣнившаго Петру Мазепы, гдѣ были сосредоточены обильные запасы, и бросаетъ на произволъ судьбы Левенгаупта, вѣдущаго съ нимъ изъ Риги съ громаднымъ транспортомъ запасовъ. Петръ съ меньшими чѣмъ у шведовъ силами разбиваетъ на голову Левенгаупта у д. Лѣсной, а Меншиковъ, опередивъ шведовъ, беретъ Батуринъ штурмомъ и уничтожаетъ запасы. Конецъ 1708 г. застигаетъ обѣ арміи на зимнихъ квартирахъ въ Украинѣ. Была лютая зима, въ которую русская конница не давала шведамъ покою. Весною 1909 г. при наступленіи тепла шведы двинулись къ Полтавѣ, неоднократно штурмовали и вели подступы къ крѣпости, но энергичный комендантъ Келенъ отбивалъ всѣ попытки шведовъ овладѣть крѣпостью, расположенной на лѣвомъ берегу р. Ворсклы. Шведы, обложивъ Полтаву, были на лѣвомъ берегу, а главная русская армія на правомъ.

Подготовка къ Полтавѣ и описаніе самаго боя читаются въ изслѣдованіи г. Юнакова съ захватывающимъ интересомъ.

Хотя попытки шведовъ овладѣть Полтавою и не удались, но Петръ I получилъ отъ Келена грозное извѣщеніе, что у гарнизона всѣ запасы истощены.

„Для спасенія храбрыхъ защитниковъ Полтавы, пишетъ г. Юнаковъ, необходимо рѣшиться теперь же на „генеральную баталію“.

Девять долгихъ лѣтъ тянулась борьба между Россіей и Швеціей...

Девять долгихъ лѣтъ Государь старательно избѣгалъ встрѣчи съ Карломъ XII и все это время хотя и медленно, но настойчиво стремился къ тому, чтобы создать себѣ обстановку, способную обезпечить побѣду.

Теперь, наконецъ, настала минута, когда можно и нужно было положить на вѣсы счастья судьбу Россіи.

Передъ превосходной по силамъ и отличной по качествамъ русской регулярной арміей стоялъ противникъ когда-то грозный, но въ настоящее время ослабленный и измученный тяжелымъ походомъ, унававший духомъ, страдавшій отъ недостатка продовольствія, вуждавшійся въ боевыхъ припасахъ...

Позволить Карлу XII овладѣть Полтавою, несомнѣнно близкой къ паденію, — это значило передать въ его руки сильную оборонительную линію р. Ворсклы, а главное, это значило поднять духъ шведской арміи и способствовать распространенію въ колеблющейся Украинѣ вѣры въ необходимость шведскаго короля.

Крѣпость необходимо было снасти во что бы то ни стало, а такъ какъ всѣ побочныя средства для выручки Полтавы были уже исчерпаны и оказались недостаточными, то оставалось лишь рѣшиться на самое рискованное средство — бой.

И Петръ Великій рѣшился...

Понимая однако, что отъ результатовъ задуманнаго боя со шведами зависѣло все будущее Россіи, Государь, несмотря на то, что русская армія была на 20 тысячъ сильнѣе шведской (50 тысячъ противъ 30-ти) назначилъ для атаки противника лишь 29 іюня, когда на присоединеніе къ намъ должны были уже прибыть калмыки хана Аюки. Но такъ какъ съ другой стороны гарнизонъ Полтавы могъ не выдержать осады до 29 іюня, то Петръ Великій рѣшился теперь же перевести армію на правый берегъ Ворсклы, съ тѣмъ, чтобы, расположившись по близости отъ крѣпости, быть въ состояніи, въ случаѣ надобности, подать ей въ любую минуту руку помощи. Талантливое изложеніе Н. Д. Юнаковымъ Полтавскаго боя по тѣмъ же источникамъ напечатано въ „Русской Старинѣ“ въ іюльской книгѣ за 1909 г.

Столѣтіе военного министерства. Ч. III. Память о членахъ военнаго совѣта.

Портреты и біографическіе очерки. Подъ редакціей Д. А. Скалона. Составилъ Н. М. Затворницкій. Книга состоитъ изъ прекрасно и обстоятельно составленныхъ біографій всѣхъ членовъ военнаго совѣта съ приложеніемъ ихъ портретовъ.

Столѣтіе военного министерства. Вып. I. Систематическій указатель. Составилъ Н. М. Затворницкій подъ редакціей Д. А. Скалона.

Указатель составленъ крайне добросовѣстно ко всѣмъ вышедшимъ томамъ этого колоссальнаго труда и необходимъ для русскаго историка.

Столѣтіе военного министерства. Приложение III. Составилъ Н. М. Затворницкій.

Въ этомъ томѣ напечатана „Инструкція государственной военной коллегіи эзекутору“, долгое время служившая руководствомъ для внутренняго порядка въ канцеляріи, а затѣмъ помѣщены біографіи министровъ, директоровъ, начальниковъ канцелярій и другихъ замѣчательныхъ лицъ, служившихъ въ канцеляріи военнаго министерства.

Всѣ біографіи читаются съ интересомъ. Наиболѣе интересны біографіи М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. В. Кукольника и А. В. Дружинина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго
союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20.
„Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ
Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ,
№ 1). Въ Саратовѣ при книж. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
дѣлахъ эпохъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства:
переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
V. Отрывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Редословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ-
лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за
слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г.,
1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,**ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъячская ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

СЕНТЯБРЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Наброски изъ моей жизни. С. П. Зыкова. 381—412	листахъ на престольнаго евангелія 1833 года въ Андреевскомъ соборѣ села Грузино. Н. А. Лашкова. 491—498
II. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г. Е. А. Рагозиной. 413—426	X. Письмо И. Д. Якушкина къ Михаилу Яковлевичу Чаадаеву. Сообщилъ Ки. Андрей Звенигородскій. 499—503
III. Тестъ А. С. Грибоѣдова — князь Александръ Чавчавадзе — въ характеристикѣ армянскаго историка. (Материалы для біографіи А. С. Грибоѣдова). Сообщилъ съ дополненіями М. Я. Алавердианцъ. 427—432	XI. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера. 507—525
IV. Андрей Денисьевичъ Виніусъ. (Историческіе материалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ). Е. Вильчинскаго. 433—440	XII. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806 — 1812 г. г.). Сообщ. Е. Каменскій. 526—546
V. Изъ недавняго прошлаго. (Бытовые очерки). С. В. 441—459	XIII. Володимірія. А. Ф. Риттиха. (Съ планомъ). 547—557
VI. Изъ прошлаго деревни. (Воспоминаніе). М. У—а. 460—483	XIV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 іюня по 3 августа 1910 г. 558—566
VII. Свиданіе съ Маццини. В. Лугинина. 484—488	XV. Изъ записной книжки „Русской Старины“:
VIII. Севастопольскія воспоминанія. В. Лугинина. 489—490	а) Приходскіе нравы половины XVII вѣка. Сообщ. Ил. Суворовъ 501—506
IX. „Завѣщательныя распоряженія“ графа А. А. Аракчеева, собственноручно написанныя на	XVI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 мая по 15 іюня 1910 г. (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Портретъ Андрея Денисьевича Виніуса.
2) Планъ Гродненской губ. (Володимірія).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва и. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы

съ 18 мая по 15-е іюня 1910 г.

Грaбapь, Игopь. Иcтopія Pycceкaгo Иcкyccтвa. Bып. 2. Cпб. 1910. Изд. I. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 111 стр. Съ 81 рис. Bъсѣ 1 ф. 18 л. 15.000 экз.

Дpобининъ, К. М. „Pазcкaзъ Mapeы Гopдѣевны Чeгoдaевoй, ypoждeннoй Cамpoтинoй, дepeвни Лyжкoвoй, Oчepcкoй вoлocти, Oхaнcкaгo yѣздa, Пepмcкoй гyбepнiи“ и „Иcкaтeль иcтины“. Oттиcкъ изъ III вып. „Mатepиaлoвъ къ иcтopіи и изyчeнiю pyccкaгo ceктaнтcтвa и cтapooбpядчecтвa“. Cпб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Hевcкiй, 126). 8° (16×25). 9+7 нeн. cтp. Bъсѣ 2 л. 70 экз.

За чeтвepтѣ вѣкa. Къ иcтopіи цepкoвнo-пpиxoдcкиxъ шкoлъ. 1884—1909. М. 1910. Тип. Cинoдaльнaя. 8° (18×27). 344 стр. Съ пopтp., pиc. и 14 тaб. Ц. 2 p. Bъсѣ 2 ф. 29 л. 2.000 экз.

Игнaтoвичъ, И. И. Пoмѣщичьи кpѣcтьянe нaкaнyнѣ oсвoбoждeнiя. М. 1910. Изд. и тип. 2-е, т-вa И. Д. Cытинa (Пятницкaя, cв. д.). 8° (14×21). 312 стр. Ц. 1 p. Bъсѣ 27 л. 3.000 экз.

Иcтopія pyccкoй литepaтypы XIX вѣкa. Пoдъ peд. Д. Н. Oвceяннкo-Кyликoвcкaгo. Bып. 18. М. 1910. Изд. Т-вa Мipъ (Знaмeнкa, 13). Тип. И. Кyшнepевъ и К° (Пимeнoвcкaя, cв. д.). 8° (19×27). 80 стр. Съ пopтp. Bъсѣ 16 л. 10.000 экз.

Кaтaевъ, П. М. Cмyтa Мoскoвcкaгo Гocyдapcтвa и oтpажeнiе eя въ Н.-Hовгopодѣ. Иcтopичecкiй oчepкъ. Къ 300-лѣтiю Cмyтнaгo вpeмeни. Н.-Hовгopодъ. 1910. Изд. Yчeнoй Apxивнoй Кoмисcии. Тип. Т-вa пeч. дѣлa Н. И. Boлкoвъ и К°. 8° (13×19). 69 стр. Ц. 10 к. Bъсѣ 5 л. 3.000 экз.

Мaслoвcкiй, С. Д. Cиcтeмaтичecкiй yкaзaтeль книгъ (1832—1910) въ библiотекѣ Импepaтopcкoй Никoлaевcкoй вoennoй aкaдeмiи. Bып. 1. Boennaя иcтopія. Cпб. 1910. Тип. Бepeжливocтѣ (Hевcк. пp., 139). 8° (19×26). XI+639+XXVI стр. Bъсѣ 4 ф. 10 л. 500 экз.

Матepиaлы къ иcтopіи и изyчeнiю pyccкaгo ceктaнтcтвa и cтapooбpядчecтвa. Пoдъ peд. Bлaдимipa Бoнчъ-Бpyевичa. Bып. III. Штyндисты-Пocтpики. Cвoбoдныe xриcтиaнe. Дyxoвныe cкoпцы. Cтapooбpядцы. Cпб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Hевcкiй, 126). 8° (18×25). IV+311 стр. Cклaдъ: Hевcкiй пp., д. 126. Ц. 2 p. Bъсѣ 1 ф. 17 л. 2.500 экз.

Нaзapeвcкiй, В. В. Pyccкaя иcтopія. VI. 1881—1894. М. 1910. Тип. И. Д. Cытинa (Пятницк., cв. д.). 8° (16×24). 92 стр. Съ 63 pиc. Ц. 50 к. Bъсѣ 12 л. 4.000 экз.

Нaзapeвcкiй, В. В. Цapcтвoвaнiе Импepaтopa Aлeкcaндpa III. 1881—1894. М. 1910. Тип. И. Д. Cытинa (Пятницк., cв. д.). 8° (16×24). 92 стр. Съ 63 pиc. Ц. 50 к. Bъсѣ 12 л. 4.000 экз.

Плaтoнoвъ, С. Ѳ., пpoф. Yчeбникъ Pyccкoй Иcтopіи для cpeднeй шкoлы. Кypcъ cиcтeмaтичecкiй въ двyxъ чacтяxъ. Cпб. 1910. Изд. 2-е. Тип. Aлeкcaндрoвa (Haдeждинcк., 43). 8° (17×24). 486 стр. Cклaдъ: Я. Bашмaкoвъ и К° (Итaльянcк., 31). Ц. 1 p. 80 к. Bъсѣ 1 ф. 16 л. 10.000 экз.

Пoгoдинъ, Н. Н. Г. Пoмaлoвcкiй. Кpитикo биoгpафичecкiй этюдъ. Бeзпл. пpил. къ „Cовpeмeн. жypнaлy“. Cпб. 1910. Тип. Экoнoмiя (Eкaтepинoгoфcкiй, 69). 8° (14×20). 12 стр. Bъсѣ 2 л.

Пoгoдинъ, Н. А. П. Чeхoвъ. Литepaтypнaя xapaктepиcтикa. Бeзпл. пpил. къ „Cовpeмeн. жypнaлy“. Cпб. 1910. Изд. 2-е. Тип. Экoнoмiя (Eкaтepинoгoфcкiй, 69). 8° (14×20). 24 стр. Bъсѣ 2 л.

Pyccкiе cамopoдки въ жизнeoписaнiяхъ и изoбpaжeнiяхъ. Bып. I. Иcтopики Гoликoвъ, Зaбѣлинъ, Пoгoдинъ. Cпб. 1910. Изд. Yчилищнaгo Cовѣтa пpи Cв. Cинoдѣ. Тип. Cинoдaльнaя (Кaбинeтcкaя, 15). 8° (15×22). 44 стр. Съ 3 пopтp. и pиc. Bъсѣ 5 л. 5.000 экз.

Pyccкiе cамopoдки въ жизнeoписaнiяхъ и изoбpaжeнiяхъ. Bып. II. Yчeныe Ceмeнoвъ, Cкoвopoдa, Тeзикoвъ. Cпб. 1910. Изд. Yчилищн. Cовѣтa пpи Cв. Cинoдѣ. Тип. Cинoдaльнaя (Кaбинeтcкaя, 15). 8° (15×22). 55 стр. Съ 3 пopтp. и pиc. Bъсѣ 5 л. 5.000 экз.

Pyccкiе cамopoдки въ жизнeoписaнiяхъ и изoбpaжeнiяхъ. Bып. III. Пyтeшecтвeнники и пpoмышлeнники Дeжнeвъ, Дeмидoвъ, Xaбapoвъ. Cпб. 1910. Изд. Yчилищн. Cовѣтa пpи Cв. Cинoдѣ. Тип. Cинoдaльнaя (Кaбинeтcкaя, 15). 8° (15×22). 52 стр. Съ 3 пopтp., pиc. и кapтoй. Bъсѣ 5 л. 5.000 экз.

Pyccкiе cамopoдки въ жизнeoписaнiяхъ и изoбpaжeнiяхъ. Bып. IV. Изoбpѣтaтeли Bлacoвъ, Bолocoвъ, Kyлибинъ, Тeлyшкинъ. Cпб. 1910. Изд. Yчилищн. пpи Cв. Cинoдѣ Cовѣтa. Тип. Cинoдaльнaя (Кaбинeтcкaя, 15). 8° (15×22). 51 стр. Съ 3 пopтp. и pиc. Bъсѣ 5 л. 5.000 экз.

Pyccкo-Япoнcкaя вoйнa 1904—1905. Тoмъ VII. Тылъ дѣйcтвyющeй Aрмii. Чacть I. Oргaнизaцiя и дѣятeльнocтѣ yпpaвлeнiй дѣйcтвyющeй aрмii. Cпб. 1910. Тип. Тpeнкe и Фycнo (Mакcим. пep., 13). 8° (20×28). VI+396+175+20 стр. Bъсѣ 3 ф. 19 л. 4.050 экз.

Cтaшeвcкiй, Е. Д. Смѣтa вoенныxъ cилъ Мoскoвcкaгo гocyдapcтвa въ 1663 гoдy. Кiевъ. 1910. Тип. Н. Т. Кopчaкъ-Нoвицкaгo (Мepингoвcкaя). 8° (16×26). 29 стр. Bъсѣ 4 л. 150 экз.

Тoмилинъ, С. Гpюнвaльдcкaя Битвa 1410 гoдa. Boеннo-иcтopичecкiй oчepкъ къ 500-лѣтiю. Вильнa. 1910. Тип. Штaбa Вил. Boен. Oкp. 8° (14×22). 24+1 стр.+2 кapтy. Cклaдъ: Яpocлaвcкaя, 33, кв. 12. Bъсѣ 4 л. 1.000 экз.

Абpaмoвъ, И. С. Пoѣздкa въ Cтapoдyбѣe. Oттиcкъ изъ III вып. „Mатepиaлoвъ къ иcтopіи и изyчeнiю pyccкaгo ceктaнтcтвa и cтapooбpядчecтвa“. Cпб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Hевcкiй, 126). 8° (16×25). 16 стр. Bъсѣ 2 л. 100 экз.

Андрей . Денисьевичъ
Виніусъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поѣздка въ Самборъ“. **П. М. Ковалевскаго**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ө. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринъ“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. **Е. А. Рагозиной** — „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг.“. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Сянюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г.“. — Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія Д. Сангле-на, Леваковскаго, Семенова и др. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

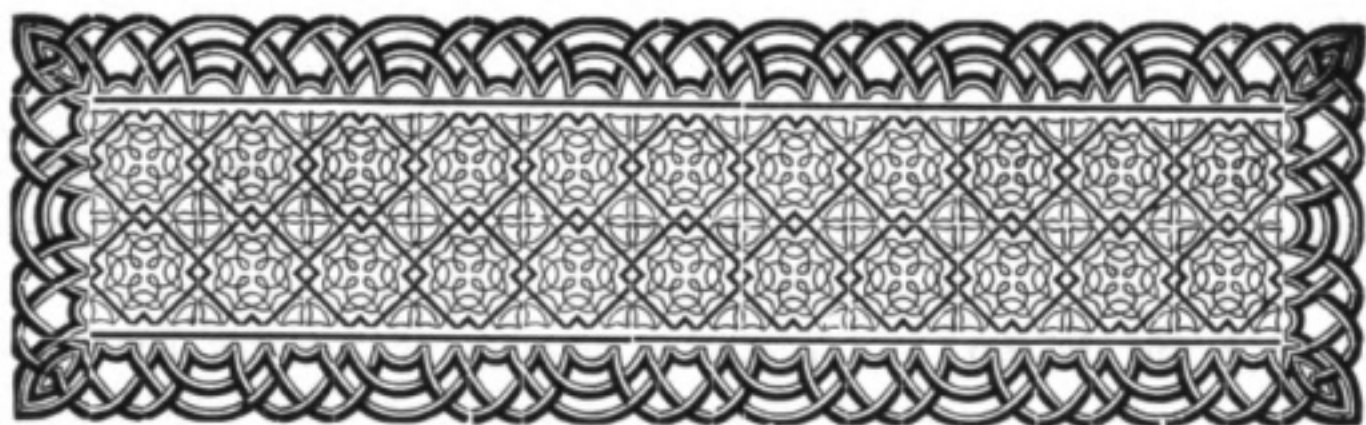
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Наброски изъ моей жизни¹⁾.

Вокончивъ съ казенною издательскою дѣятельностью и оставаясь по-прежнему только членомъ военно-ученаго комитета, гдѣ не предстояло ежедневной срочной работы, я думалъ, на что бы направить свою дѣятельность, кромѣ служебной обязанности. Но мнѣ не пришлось долго раздумывать потому, что въ началѣ уже 1869 года начальникъ главнаго штаба, графъ Гейденъ, во время засѣданія комитета обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Дмитрій Алексѣевичъ поручилъ мнѣ спросить васъ, не желаете ли вы поѣхать членомъ отъ военнаго министерства въ комиссію, которую предполагается послать на Амуръ и на Сахалинъ.

Такое неожиданное предложеніе отправиться съ какою-то комиссіею, о которой никто еще ничего не зналъ, меня не только что не смутило, но очень порадовало, и я, не задумавшись, отвѣчалъ:

— Поѣду куда угодно и буду очень радъ, если военному министру не вздумается почему-либо измѣнить моего назначенія.

— Если онъ назвалъ васъ, то уже конечно перемѣны ожидать нельзя. Готовьтесь.

— Но что же это за комиссія и кто ея предсѣдатель? спросилъ я.

— Предсѣдатель генераль-адъютантъ Сколковъ, а члены отъ другихъ министерствъ еще неизвѣстны.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюль 1910 г.

Поводомъ къ назначенію комиссіи былъ всеподданнѣйшій докладъ генераль-губернатора Восточной Сибири о необходимости самыхъ коренныхъ измѣненій по всѣмъ отраслямъ управленій какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и морскихъ.

Съ этою цѣлью въ составъ комиссіи вошли: отъ военнаго министерства я; отъ морского В. И. Поповъ, внутреннихъ дѣлъ В. Д. Карповъ, государственныхъ имуществъ Людоговскій, министерства финансовъ (горнаго департамента) Дейхманъ и Осиповъ отъ департамента удѣловъ.

Эта комиссія, образованная по Высочайшему повелѣнію, отправилась въ Сибирь въ концѣ апрѣля, а вернулась въ Петербургъ въ декабрѣ.

Въ теченіе почти 9 мѣсяцевъ она прошла на пароходѣ все теченіе Амура, останавливаясь для изслѣдованія почти въ каждой станицѣ и въ крестьянскихъ деревняхъ вплоть до Николаевска, была и на Сахалинѣ, а по возвращеніи зимою въ Иркутскъ приступила къ составленію всеподданнѣйшаго отчета, въ которомъ изложила весьма подробно общее положеніе Амурскаго края и указала на тѣ измѣненія, которыя необходимо привести въ исполненіе для дальнѣйшаго развитія этого богатаго, но мало населеннаго края. Комиссія старалась въ подробности изобразить этотъ край, начиная съ его характеристикъ.

Мысль о занятіи устьевъ Амура всецѣло принадлежитъ сибирскому начальству въ лицѣ сибирскаго губернатора Лавинскаго, управлявшаго Сибирью въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Но идея, полная государственнаго смысла, по обыкновенію нашла горячихъ противниковъ въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Къ счастью для Россіи Николай Павловичъ взялъ въ свои руки это дѣло и приказалъ снарядить для изслѣдованія особую экспедицію¹⁾, которая своими неумѣлыми дѣйствіями ввела въ заблужденіе Императора, написавшаго на докладѣ о ней: „Весьма сожалью. Вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ бесполезной, оставить“.

Съ назначеніемъ сибирскимъ генераль-губернаторомъ Муравьева, картина рѣзко измѣняется. Къ уму и энергіи Муравьева присоединяется въ 1847 году умъ, энергія и гражданское мужество простого командира транспорта, назначеннаго для перевозки продовольствія изъ одного пункта въ другой. Этому командиру транспорта суждено было вмѣстѣ съ Муравьевымъ занять имя въ исторіи Россіи. Отправляясь въ плаваніе съ специально назначенною цѣлью, онъ имѣлъ въ виду совершенно другое—изслѣдованіе

¹ Барона Врангеля.

Амура. Много трудовъ, хлопотъ и энергіи стоило ему, чтобы добиться полученія двусмысленной инструкціи, въ которой, однако, слово Амуръ было вовсе исключено. Но и эта двусмысленность, грозившая Невельскому въ случаѣ неудачи большою отвѣтственностью, не устрасила доблестнаго моряка, который 12-го іюня 1849 года на транспортѣ „Байкалъ“ былъ уже въ Татарскомъ проливѣ, пробиваясь между льдами, а 27 сталъ на якорь въ лиманѣ Амура. Вслѣдъ затѣмъ съ утра до ночи начались изслѣдованія устьевъ, что было сопряжено съ величайшимъ трудомъ и опасностью. Результатомъ этого оказалось, что Сахалинъ, вопреки увѣренію прежнихъ мореходовъ оказался не полуостровомъ, а островомъ; что входъ въ Амурскій лиманъ доступенъ судамъ, для военныхъ судовъ, а фарватеры имѣютъ 12 и 15 ф. глубины.

Когда все это было добыто трудами Невельскаго и его экипажа, то гр. Нессельроде рѣшилъ возможнымъ обсуждать вопросъ объ устьяхъ Амура. Но и тутъ онъ проявилъ свою трусость. Собранный по этому поводу комитетъ онъ не смѣлъ назвать Амурскимъ, а назвалъ его Гиляцкимъ, а героя, положившаго начало присоединенія къ Россіи громаднѣйшей и богатѣйшей территоріи онъ совѣтовалъ Государю не только не награждать, но отдать подъ судъ и разжаловать въ матросы. Таковъ былъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Въ концѣ-концовъ Николай Павловичъ рѣшилъ оставить на Амурѣ въ Николаевскѣ военный постъ, заявивъ, что, гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Невельскій не только не былъ разжалованъ въ солдаты, но даже былъ награжденъ Владимірскимъ крестомъ.

Пріамурскій край, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ областей: Амурской и Приморской, пространство въ точности неизвѣстно ни той, ни другой; длина же Амурской области по Амуру доходитъ до 1.697 верстъ. Эта обширная и весьма мало населенная страна, начинаясь отъ слиянія Шилки съ Аргунью, ограничивается въ главныхъ чертахъ Яблоновымъ хребтомъ, Ледовитомъ океаномъ до Берингова пролива, Восточнымъ океаномъ и Японскимъ моремъ. Понятно, что на такомъ огромномъ протяженіи, какъ рѣка Амуръ, такъ и самыя области представляютъ весьма разнообразный характеръ.

Начиная отъ Усть-Стрѣлки Амурскій берегъ стѣсненъ горами, подходящими во многихъ мѣстахъ къ самому рѣчному ложу, въ рѣдкихъ мѣстахъ горы эти отходятъ едва на полверсты отъ берега, образуя въ перпендикулярномъ направленіи къ рѣкѣ весьма узкія

долины, въ которыхъ только и возможно земледѣліе. Подобный характеръ имѣетъ Амуръ до устья Кумары. За устьемъ этой рѣки до Благовѣщенска общій характеръ мѣстности тотъ же самый, но только съ тѣмъ различіемъ, что горы отходятъ отъ берега нѣсколько далѣе; боковыя долины болѣе широки и встрѣчаются нѣсколько чаще.

За Благовѣщенскомъ лежитъ лучшая часть всего Амура; горы здѣсь удаляются отъ берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верстъ на двѣсти; между русломъ рѣки и удалившимися горами лежитъ обширная степь, орошаемая на значительномъ протяженіи рѣками Зею съ ея притоками. Только эта мѣстность и удобна вполне для хлѣбопашества, которое здѣсь можетъ дойти до степени процвѣтанія. Но это пространство не такъ велико въ сравненіи со всѣмъ теченіемъ Амура. Не въ дальнемъ разстояніи за устьемъ рѣки Буреи начинается Хинганскій хребетъ, горы котораго, стѣсняя русло Амура, опять подходятъ къ самому берегу и образуютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ весьма узкія долины. Здѣсь хлѣбопашество не только не можетъ процвѣтать, но самое существованіе населенія поддерживается уже другимъ промысломъ—звѣринымъ.

За Хинганомъ между станицами Союзною и Головиною на протяженіи 269 вер. идетъ опять степная мѣстность; отсюда до Хабаровки мѣстность хотя степного характера, но низка и затопляется. Этотъ характеръ продолжается верстъ на двѣсти за Хабаровку, а затѣмъ начинаются горные хребты, подходя къ самому берегу, образуя узкія долины, лѣсистыя и болотистыя пространства до самаго устья.

Климатъ Пріамурскаго края по преимуществу континентальный, отличающійся болѣе суровыми зимами и болѣе жаркимъ лѣтомъ, нежели климатъ соотвѣствующихъ географической широтѣ мѣстностей Европейской Россіи. Эта характеристическая черта мѣстнаго климата выражается весьма замѣчательными отступленіями отъ нормальнаго распредѣленія растеній и животныхъ. Такъ, напримѣръ, многія изъ произведеній растительнаго царства, свойственныхъ средней полосѣ Россіи, не достигаютъ на Амурѣ того развитія, котораго слѣдовало бы ожидать по географическому положенію мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же самой мѣстности и рядомъ даже съ хвойными лѣсами находятся въ дикомъ состояніи представители флоры и болѣе теплыхъ поясовъ, какъ, напримѣръ, дикая виноградная лоза и пробковое дерево. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что ягоды виноградныхъ лозъ рождаются на Амурѣ мелкими и кислыми, а пробка весьма рыхлая и вообще дурного качества.

Что же касается болѣе теплыхъ мѣстностей—часть Амурской

области, между Благовѣщенскомъ и Хабаровкою, отъ Хабаровки до Софійска, Уссурійскій и Южно-Уссурійскій край, то здѣсь климатъ позволяетъ воздѣлывать болѣе нѣжныя растенія, какъ сахарная свекловица.

Почва Амурской области въ однихъ мѣстахъ степная, въ другихъ, а именно въ береговыхъ долинахъ—лѣсная, трудно поддающаяся расчисткѣ, а отъ этого условія зависитъ успѣхъ колонизаціи. Трудность расчистки имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ то, что переселенцы не въ состояніи приготовить подъ пашню пространство земли, необходимое для продовольствія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого, новое населеніе впадаетъ въ нужду и для своего прокормленія нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ орудій своего производства, преимущественно скота.

Къ числу неудобствъ Амурской области необходимо отнести частую затопляемость; однѣ мѣстности затопляются при каждомъ половодіи, другія во время слишкомъ высокой воды; наконецъ, есть мѣстности совершенно безопасныя отъ наводненій. Къ послѣднимъ принадлежатъ степныя пространства Благовѣщенскаго района и земли Южно-Уссурійскаго края.

Первая причина затопляемости заключается естественно въ томъ, что первоначально при выборѣ мѣстъ подъ поселенія руководились условіемъ, чтобы выбираемое мѣсто представляло менѣе препятствій и требовало по возможности менѣе труда. Понятно, что подобнымъ условіямъ удовлетворяли мѣста, если не низменныя, то, по крайней мѣрѣ, весьма не высокія, поросшія по большей части не густымъ кустарникомъ. Такія мѣста въ особенности, если они находились въ устьѣ рѣчки, впадающей въ Амуръ, въ полную воду затоплялись и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огороды и даже пашни по необходимости переносились подалѣе отъ берега, и кустарникъ расчищался позади деревни до самаго лѣса. Расчистка кустарника довела хозяйство до того, что нѣкоторые хозяева во время пребыванія на мѣстѣ комиссіи имѣли уже болѣе десяти десятинъ. Дальнѣйшее хозяйство, понятно, потребовало расчистки уже не кустарника, а лѣса, что сопряжено съ большимъ трудомъ. Поэтому начали заявлять желаніе переселиться на новыя мѣста, при чемъ всегда рассчитывали, если не на денежную помощь, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторое правительственное содѣйствіе къ переселенію, какъ, на примѣръ, на даровую перевозку на пароходахъ и т. п.

Вся оборона Пріамурскаго края до 1869 года лежала на шести батальонахъ, одной крѣпостной командѣ, пяти постовыхъ командахъ, одной сотнѣ и одной ротѣ крѣпостной артиллеріи, горнаго дивизіона и горнаго взвода на Сахалинѣ. Въ численномъ отношеніи это была

ничтожная сила, особенно въ виду постоянной разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ войскъ. До какой степени эта разница была велика, можно судить по тому, что во время пребыванія въ краѣ комиссіи въ линейномъ № 3 батальонѣ изъ числящихся по списку 6.407 было на лицо только 1.497 человекъ.

Причина этой разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ батальоновъ, главнымъ образомъ, зависѣла отъ того положенія, въ которое были поставлены войска въ Пріамурской области. Занявъ край совершенно новый, вовсе лишенный рабочихъ рукъ, войска, по необходимости, кромѣ охраны края должны были нести на себѣ такія заботы и обязанности, которыя вовсе неизвѣстны войскамъ, расположеннымъ въ другихъ частяхъ имперіи.

Все то, что до прибытія комиссіи, то есть до 1869 года, построено въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ, Софійскѣ, Маріинскѣ, Николаевскѣ, въ де-Кастро, во Владивостокѣ, Посѣетѣ, въ Никольскомъ и на Камнѣ-Рыболовѣ, есть результатъ трудовъ войскъ, которыя кромѣ того построили всѣ дороги, сдѣлали телеграфныя просѣки, служатъ ящиками на почтовыхъ трактахъ, ловятъ и заготавливаютъ рыбу для продовольствія и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрабатываютъ каменный уголь.

Понятно, что при такихъ трудахъ военное образованіе войскъ не могло быть высоко. И дѣйствительно исключеніе составляла только артиллерія на границѣ въ Новокіевскомъ урочищѣ.

Въ особенности въ крайне плохомъ положеніи находились всѣ поставыя команды. Здѣсь не только хромало военное образованіе, но и все остальное было въ невозможно плачевномъ положеніи. Вслѣдствіе большого расхода людей постройка одежды почти никогда не оканчивалась въ срокъ, почему обмундированіе, можно сказать, находилось въ самомъ безобразномъ видѣ. На смотрѣ генерала Сколкова люди выходили на половину въ сапогахъ и въ старой истрепанной форменной одеждѣ.

Постовая команда на Камнѣ-Рыболовѣ, осмотровіная мною, вышла частью въ лаптяхъ, другая часть въ изорванныхъ шинеляхъ; а остальные въ какихъ-то ватныхъ казакинахъ.

Слѣдствіе этого было то, что военный министръ Д. А. Милютинъ три года подрядъ посылалъ генерала Тимофеева для приведенія въ порядокъ.

Но кромѣ регулярныхъ войскъ оборона края лежала на казакахъ. Казачье войско состояло изъ Амурской конной бригады; Амурскаго казачьяго пѣшаго батальона и Уссурійскаго пѣшаго батальона.

Вся численность казачьяго населенія составляла 18.519 душъ о. п. Въ частности населеніе казаковъ было: въ Амурской конной бри-

гадѣ 7.548 д. о. п.; въ Амурскомъ пѣшемъ батальонѣ 5.661 д. и въ Уссурійскомъ пѣшемъ батальонѣ 5.310 д. од. п.

Эти казачьи войска, какъ въ военномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи были удовлетворительны за исключеніемъ пѣшаго Уссурійскаго батальона. Конная бригада и пѣшій Амурскій батальонъ успѣли со времени своего переселенія уплатить часть долга казнѣ. Первая изъ долга 56.423 р. уплатила 17.254 р., а второй изъ 43.541 р.—29.107 р.

Казаки въ обѣихъ этихъ воинскихъ частяхъ развили здѣсь хлѣбопашество до такой степени, что нѣкоторый избытокъ своего хлѣба продаютъ на сторону.

Но едва не въ отчаянномъ положеніи нашла комиссія пѣшій Уссурійскій батальонъ. Причина этого заключается въ слѣдующемъ.

По присоединеніи Амурскаго края къ Россіи генераль-губернаторомъ Восточной Сибири было предположено для фактическаго занятія края и въ видахъ защиты его поселить на границѣ его казачье войско. Это было сдѣлано Муравьевымъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 года. При предположеніи этомъ представлены были и соображенія о способахъ и расходахъ передвиженія казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска для сформированія изъ нихъ четырехъ пѣшихъ батальоновъ, расчетъ, сколько семействъ необходимо переселить для того, чтобы казачьи войска могли выставять, въ случаѣ надобности, необходимое число дѣйствующихъ и резервныхъ войскъ, и проектъ Положенія Амурскаго казачьяго войска.

Предположеніе это, пройдя черезъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, было утверждено Государемъ Императоромъ въ октябрѣ 1856 года, и постановлено было образовать четыре пѣшихъ казачьихъ батальона для заселенія и для защиты нашей пограничной линіи.

Переселеніе 4-хъ батальоновъ началось въ навигацію 1858 года.

Въ томъ же году состоялось Высочайшее повелѣніе о перечисленіи штрафованныхъ нижнихъ чиновъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи въ казаки Забайкальскаго и Амурскаго казачьяго войска. Этою мѣрою было положено усилить рабочую силу сказанныхъ войскъ. Въ 1858 году послѣдовалъ проектъ новаго устройства и положенія Амурскаго войска. Конная казачья войска должны были сформировать 2 полка 4-хъ сотеннаго состава и составить Амурскую конную бригаду; пѣшія же войска предполагалось раздѣлить на два батальона, съ наименованіемъ ихъ Амурскимъ и Уссурійскимъ пѣшими казачьими батальонами. Въ видахъ недостаточности коренного казачьяго населенія, для охраненія границы и поддержанія внутренняго порядка на обширной территоріи, предположено было

усилить батальонъ поселеніемъ 1.000 человекъ изъ нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ батальоновъ, перечисленныхъ въ казаки.

Дальнѣйшее движеніе изъ Забайкальской области казаковъ, назначенныхъ въ Уссурійскій батальонъ, происходило въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Въ октябрѣ 1861 года военный губернаторъ Амурской области доносилъ о неуспѣхѣ въ водвореніи нижнихъ чиновъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ, перечисленныхъ въ казаки, съ изложеніемъ тому слѣдующихъ причинъ. Общее число перечисленныхъ достигало въ Амурской области: холостяковъ 1.068, женатыхъ, не имѣющихъ женъ при себѣ, 24, женатыхъ съ семействами 171, всего 1.263 человека. По общему исчисленію народонаселенія области, число душъ мужского пола превышало число душъ женскаго пола всего на 1.260 душъ. Такимъ образомъ предвидѣлось, что большая часть холостыхъ нижнихъ чиновъ навсегда останутся таковыми. Вредный результатъ этого состоитъ въ томъ, что они будутъ оставаться безъ всякой помощи въ старости и никогда не упрочатъ своего хозяйства. Впрочемъ, эта безсемейность нижнихъ чиновъ еще не такъ вредна, какъ дурное нравственное вліяніе ихъ на населеніе. Неспособность ихъ къ труду приводитъ ихъ къ безвыходной нищетѣ и служитъ причиною мелкаго воровства и даже грабежа у инородцевъ и казаковъ.

Семейные казаки не принимали нижнихъ чиновъ въ работники въ свои семьи, вслѣдствіе неспособности ихъ къ земледѣльческому труду; въ г. Благовѣщенскѣ же требуются только мастеровые, часть которыхъ между перечисленными въ казаки весьма незначительна. Вслѣдствіе этихъ причинъ, люди эти, въ массѣ, не имѣютъ заработковъ и средствъ къ пропитанію.

Между перечисленными изъ гарнизонныхъ батальоновъ были трудолюбивые и хорошіе хозяева, но они составляли незначительную часть всего ихъ числа и терпѣли большой недостатокъ въ средствахъ. Опираясь на приведенное положеніе дѣлъ, военный губернаторъ Амурской области, въ видахъ устраненія вреднаго вліянія и безвыходнаго положенія вновь зачисленныхъ казаковъ, просилъ генералъ-губернатора удалить всѣхъ ихъ изъ области, за исключеніемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ.

Въ 1866 году крайне бѣдственное положеніе нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ батальоновъ, зачисленныхъ въ казаки Уссурійскаго батальона, побудило военного губернатора Приморской области просить генералъ-губернатора объ учрежденіи при названномъ батальонѣ общественной займки (фермы), съ производствомъ на ней земледѣльческихъ работъ артелью изъ перечисленныхъ въ казаки

нижнихъ чиновъ. Этою мѣрою онъ предполагалъ дать имъ средство существованія и противодѣйствовать вредному и безнравственному ихъ вліянію на народонаселеніе. Хотя означенная мѣра и допущена была генералъ-губернаторомъ, но какъ заимка не исполняла ожиданія, возложенныя на нее, то и была уничтожена въ 1868 году. Инструменты, скоть и сѣмянныя хлѣбы были розданы нуждающимся, хорошимъ хозяевамъ изъ казаковъ того же батальона.

Неудовлетворительное экономическое развитіе казачьяго населенія Уссурийскаго батальона побудило генералъ-губернатора въ 1868 году возложить на командированнаго въ томъ году для инспектированія войскъ Приморской области, генералъ-маіора Клейна, подробно изслѣдовать причины такого упадка батальона, а равно обревизовать названный батальонъ и его управленіе.

По ревизіи оказалось, что обмундированіе Уссурийскихъ казаковъ, состоящихъ на службѣ, крайне неисправно, многіе изъ нихъ не только не имѣли форменнаго платья, но были даже безъ верхней одежды. Нарядъ на службу не производился по существующимъ для сего правиламъ, такъ какъ онъ происходилъ по приговорамъ самого общества, подъ наблюденіемъ только командира. Отчетность въ денежныхъ суммахъ до такой степени запутана, что средства батальона совершенно неизвѣстны, даже не приведены въ ясность счета должниковъ и кредиторовъ батальона и займообразныхъ пособій казакамъ скотомъ и разными матеріалами.

Населеніе батальона въ 28 станицахъ состоитъ изъ 792-хъ семействъ въ числѣ 4.648 душъ обоего пола, изъ нихъ 41 семейство не имѣетъ домовъ. Батальонъ весьма бѣденъ скотомъ, такъ что 208 семействъ не имѣютъ его вовсе.

Причины плохого экономическаго развитія батальона суть нерадѣніе и лѣнь самихъ казаковъ, недостаточно строгій присмотръ за ними; а главное незаботливость мѣстной власти.

Всѣ эти вышележащія переформированія и измѣненія, чуть не ежегодныя, не могли не отразиться, какъ на хозяйственное, такъ и на военное положеніе Уссурийскихъ казаковъ. Поэтому коммиссія заявила, что здѣсь населеніе находится въ гораздо худшемъ положеніи сравнительно даже съ крестьянами, водворенными въ низовьяхъ Амура.

Причина такого исключительнаго положенія Уссурийскихъ казаковъ заключается отчасти въ неудобствѣ топографическихъ условій занятой ими мѣстности и существеннымъ образомъ опредѣляется ошибками и неудачами при первоначальномъ водвореніи ихъ, а также, къ сожалѣнію, и характеромъ самаго населенія.

Первоначальное распредѣленіе казаковъ на Уссури было про-

изведено по непосредственному указанію администраціи, которая, по совершенному незнакомству своему съ мѣстными условіями края, руководствовалась въ этомъ случаѣ весьма обманчивымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее поверхностнымъ осмотромъ Уссурійскаго побережья. Умѣренность климата, богатство и сила растительности ввели распорядителей переселенія въ полное заблужденіе относительно выгодъ колонизаціи, и вслѣдствіе этого первые переселенцы были размѣщены безъ надлежащаго вниманія съ соблюденіемъ лишь произвольно опредѣленныхъ, между вновь учрежденными поселеніями, разстояній.

Другая важная ошибка, допущенная администраціею при первоначальномъ заселеніи Уссурійскаго края, заключалась въ неудачномъ выборѣ самыхъ элементовъ населенія. Не говоря уже о томъ, что значительная часть уссурійскихъ переселенцевъ взята была изъ такихъ мѣстностей Забайкалья, гдѣ земледѣльческій трудъ былъ только побочнымъ занятіемъ жителей, но и самый способъ назначенія этихъ переселенцевъ имѣлъ впослѣдствіи весьма вредное вліяніе на успѣхъ водворенія ихъ въ новомъ краѣ.

Порядокъ, установленный въ то время, для наряда Забайкальскихъ казаковъ къ переселенію въ Пріамурскій край, былъ жеребьевый. Отъ этого порядка формированія пѣшаго Уссурійскаго баталіона сдѣлано было отступленіе въ томъ смыслѣ, что тому, на кого падалъ жребій, было предоставлено замѣнять себя охотниками. Вслѣдствіе этого, многіе зажиточные хозяева, для которыхъ переселеніе въ неизвѣстный и далекій край было особенно чувствительно въ матеріальномъ отношеніи, предпочли вмѣсто себя нанимать и снаряжать на свой счетъ бѣдняковъ, которымъ нечего было терять при переселеніи, чѣмъ самимъ удалиться изъ родины. По этой причинѣ, ни одна часть амурскихъ обязательныхъ переселенцевъ не имѣла въ средѣ своей такъ мало зажиточныхъ хозяевъ и такъ много бѣдняковъ, какъ Уссурійскій баталіонъ.

Съ другой стороны необходимо прибавить, что обманчивое предположеніе о чрезвычайныхъ богатствахъ Уссурійскаго края побудило начальство Восточной Сибири во избѣжаніе излишняго ослабленія казачьяго населенія въ Забайкальской области пополнить контингентъ уссурійскихъ переселенцевъ такими личностями, которыя помимо совершенной бѣдности своей представлялись весьма неблагонадежными и въ нравственномъ отношеніи. То были штрафованные нижніе чины бывшихъ баталіоновъ внутренней стражи, которые, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, были переведены въ Восточную Сибирь для причисленія ихъ къ мѣстнымъ казачьимъ войскамъ. Такъ какъ люди эти въ мѣстахъ новаго причисленія свое-

го служили только обремененіемъ для старожиловъ, вовсе не нуждавшихся въ такихъ нравственно неблагонадежныхъ товарищахъ, то главное начальство края увидало въ переселеніи ихъ на Амуръ весьма удобный способъ ихъ сбыта, рассчитывая при этомъ, что благопріятныя климатическія условія и предполагаемая легкость водворенія въ Пріамурскомъ краѣ, въ связи съ предоставленными переселенцамъ льготами и пособіями, дадутъ новымъ казакамъ больше возможности къ матеріальному обезпеченію, нежели при водвореніи ихъ въ Забайкальской области. Вслѣдствіе этого часть штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и была переселена на Амуръ вмѣстѣ съ казаками. Въ Уссурійскій же пѣшій баталіонъ ихъ зачислено гораздо больше сравнительно отчасти потому, что ими въ качествѣ охотниковъ замѣстились казаки, пожелавшіе остаться на родинѣ.

Весьма понятно, что при такомъ составѣ уссурійскаго населенія значительная часть котораго состояла изъ людей порочныхъ и никогда земледѣліемъ не занимавшихся, оно съ гораздо меньшимъ успѣхомъ могло бороться противъ встрѣченныхъ имъ трудностей при водвореніи на новыхъ мѣстахъ.

Самый способъ препровожденія казаковъ изъ Забайкалья посредствомъ бывшихъ сплавовъ не могъ остаться безъ вреднаго вліянія на ихъ будущность. Обыкновенно казаковъ и ихъ семейства, если не всегда, то по большей части сплавляли отдѣльно отъ ихъ имущества, которое слѣдовало далеко позади, подъ присмотромъ только нѣкоторыхъ казаковъ. Естественнo, что самый надзоръ за имуществомъ постороннихъ лицъ не могъ быть такъ хорошъ, какъ въ томъ случаѣ, если бы за нимъ присматривали сами хозяева. Отъ такого порядка нерѣдко имущество утрачивалось, и скотъ погибалъ въ большомъ числѣ. Наконецъ, въ первое время, при маломъ знакомствѣ съ фарватеромъ рѣки Амура и съ свойствами ея теченія баржи и плоты погибали въ весьма значительномъ количествѣ, лишая казаковъ ихъ имущества, хлѣба и скота.

Придя на мѣсто, казаки заняли тѣ станицы, которыя были выбраны заранѣе безъ всякаго знакомства, какъ съ характеромъ рѣки и ея береговъ, такъ и со свойствами выбранной подъ поселеніе мѣстности.

Между тѣмъ первоначально оказанная помощь, при отсутствіи настойчивости со стороны начальства, приказанія перенести пашни на болѣе высокія мѣста, имѣла весьма вредное вліяніе на казаковъ и на ихъ послѣдующую будущность.

Получивъ увѣренность въ томъ, что и впредь они будутъ пользоваться пособіемъ отъ казны, казаки, не взирая на ежегодную

затопляемость своихъ поселеній, получая ежегодно хлѣбъ отъ казны, продолжали обрабатывать свои поля на затопляемыхъ мѣстахъ.

Кромѣ этихъ причинъ есть и другія, въ которыхъ слѣдуетъ обвинять исключительно однихъ только казаковъ. Они были твердо увѣрены, во-первыхъ, что рано или поздно имъ будетъ разрѣшено опять вернуться въ Забайкалье, а во-вторыхъ, что они безусловно должны получать изъ казны продовольствіе и всякаго рода помощь какъ потому, что они казаки, такъ и потому, что поселены на Уссури не по своему желанію, а по вызову отъ правительства. Обѣ эти причины довели казаковъ до того, что въ 1866 году многіе изъ нихъ, считавшіе въ своей семьѣ по девяти душъ, имѣли по $\frac{3}{8}$ десятины запаханной земли.

Къ сказаннымъ причинамъ необходимо присоединить во многихъ случаяхъ замѣчательную апатію казаковъ къ результатамъ своего труда, апатію, отчасти происходящую отъ вышеуказанныхъ причинъ. Какъ бы плохъ ни былъ хозяинъ, но трудно предположить, чтобы онъ не замѣчалъ плохихъ результатовъ своего труда.

Что касается до хозяйственныхъ помѣщеній, то они находились въ самомъ жалкомъ видѣ. Издали каждая станица представлялась обыкновеннымъ русскимъ селеніемъ, по приближеніи же картина измѣнялась совершенно и деревня являлась въ своемъ настоящемъ видѣ: крайне ветхія постройки, преимущественно изъ осинового дерева, дырявыя крыши, отсутствіе почти всякихъ пристроекъ для хозяйства и скота, тѣсное жилое помѣщеніе, грязь и нечистота внутри,—вотъ видъ большей части станицъ. Въ одной изъ станицъ есть жилое помѣщеніе, въ которомъ сѣни стояли безъ крыши, со времени первоначальнаго поселенія на Уссури. Хозяинъ въ теченіе десяти лѣтъ не крылъ сѣней въ ожиданіи разрѣшенія возвращенія въ Забайкалье. О крытыхъ ригахъ для молотбы и сушенія нѣтъ и рѣчи. Такія постройки не могутъ не отражаться непосредственно на самихъ казакахъ. Наружный видъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, давали самое невыгодное понятіе о населеніи: изможденные, желтыя лица свидѣтельствовали о дурномъ состояніи здоровья. Недостатокъ хлѣба, праздный образъ жизни, дурныя постройки, нечистота помѣщеній, породили въ зиму съ 1868 на 1869 г.г. тифъ и возвратную горячку, свирѣпствовавшую съ такой силой, что въ рѣдкомъ домѣ оставались здоровые люди.

Послѣ всего описаннаго можно себѣ представить въ чьихъ рукахъ находилась охрана двухъ обширѣйшихъ областей Россійской Имперіи. На наше счастье сосѣдняя Японія только-что совершила свою революцію и не думала еще объ азіатскомъ материкѣ. Наши

силы состояли въ это время изъ Амурской конной бригады, гдѣ были иногда только сборы, и изъ пѣшихъ баталіоновъ: Амурскаго и Уссурийскаго, гдѣ никогда и никакихъ сборовъ не было. Вслѣдствіе этого въ обоихъ баталіонахъ и никакого военного образованія не было. Жители станицъ Амурскаго баталіона, расположенные въ Хинганскомъ хребтѣ и промышляющіе звѣриною охотою, по крайней мѣрѣ имѣли понятіе объ оружіи, чего вовсе нельзя сказать объ Уссурийскомъ баталіонѣ.

Лучше всего можетъ характеризовать слѣдующее обстоятельство. Въ 1868 году по случаю происшедшихъ въ краѣ безпорядковъ Уссурийскимъ казакамъ были розданы превосходнѣйшіе штуцера. Люди, бывшіе въ отрядѣ, отъ неумѣнья обращаться съ оружіемъ испортили его совершенно. Получивъ ружья по станицамъ, казаки даже не распаковывали ящиковъ, а просто оставляли ихъ на дворахъ, подъ дождемъ и сыростью, почему штуцера покрылись ржавчиною, и мѣстное начальство, въ предупрежденіе окончательной порчи, отобрало оружіе въ цейхгаузъ, оставивъ у казаковъ старыя кремневые ружья.

Русское населеніе, состоящее изъ казаковъ и добровольныхъ переселенцевъ изъ Россіи, расположено исключительно по лѣвому берегу Амура и по берегамъ нѣкоторыхъ его притоковъ. Вся же остальная территорія представляетъ незаселенное пространство съ небольшимъ числомъ кочующихъ народовъ тунгузскаго племени.

Главная масса русскаго населенія состоитъ изъ казаковъ, положившихъ начало колонизаціи края, и русскихъ переселенцевъ изъ внутренней Россіи; всѣ казачьи станицы лежатъ или на самомъ берегу Амура или не вдалекѣ отъ него; большая же часть крестьянскихъ деревень расположена по берегамъ притоковъ Амура и только весьма немногія находятся на берегу послѣдняго.

Инородцы состоятъ изъ трехъ племенъ: ороченъ, манегровъ и гольдовъ, принадлежащихъ къ тунгузскому племени, стоящихъ на первобытной степени гражданской жизни и не отличающихся другъ отъ друга по степени цивилизаціи. Всѣ они не имѣютъ осѣлости и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто въ занятыхъ ими районахъ.

Для полноты слѣдуетъ упомянуть, что въ Амурской области между православными живутъ и сектанты, которые впрочемъ не оказываютъ никакого вліянія на православныхъ. Всѣ они живутъ хорошо, и не бываетъ случаевъ совращенія православныхъ. Впрочемъ, если бы они и вздумали пропагандировать свое вѣроученіе, то врядъ ли бы нашли удобную для того почву. Большая часть переселенцевъ состоитъ изъ живущихъ въ малороссійскихъ губерніяхъ, твер-

до сохраняющихъ свои обычаи и не легко поддающихся какому бы то ни было ученію.

Что касается до хозяйства ихъ, то оно не только не отличается отъ хозяйства православныхъ, но весьма близко къ нему подходитъ, и только молокане, выходцы изъ Таврической губерніи, принесли сюда нѣкоторыя улучшенія, заимствованныя ими у своихъ бывшихъ сосѣдей-менонитовъ.

Успѣхъ мѣстной колонизаціи много зависитъ отъ большей или меньшей трудности расчистки первобытной земли подъ полевую почву. Трудность расчистки имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что переселенцы не въ состояніи приготовить подъ пашню пространство земли, необходимое для продовольствія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого новое населеніе впадаетъ въ нужду и для прокормленія своего нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ орудій своего производства, преимущественно скота.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе тяжкія условія выпадаютъ на долю тѣхъ мѣстностей, которыя и по климату и по качеству почвы принадлежатъ къ наименѣе одареннымъ природою.

Въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ относительно расчистки земель находится степное пространство Благовѣщенскаго района, прибрежная къ Амуру мѣстность, между Хинганомъ и станицею Головина и въ особенности Южно-Уссурийская область. Здѣсь новыя земли представляютъ собою или совершенно чистые луга, которые можно прямо поднимать плугомъ или же луга, покрытые мелкимъ кустарникомъ.

Для болѣе полнаго разъясненія сельскохозяйственныхъ условій Пріамурскаго края, необходимо коснуться еще нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, которыми въ значительной степени опредѣляется сельскохозяйственный бытъ населенія. Обстоятельства эти суть: изобиліе лѣсныхъ угодій и существованіе въ странѣ разнаго рода промысловъ.

Обращаясь къ существующимъ въ Пріамурскомъ краѣ промысламъ, какъ къ средству обезпеченія быта мѣстныхъ сельскихъ обывателей, необходимо раздѣлить ихъ на двѣ категоріи: на промыслы, возникновеніе коихъ опредѣляется естественною производительностью края, и на промыслы, зависящіе отъ заводскихъ производствъ и вообще отъ усиленія промышленнаго или торговаго движенія въ краѣ.

Къ первой категоріи прежде всего должны быть отнесены промыслы: лѣсной, рыболовный и звѣриный.

Что касается до лѣсныхъ богатствъ, находящихся въ районѣ казачьихъ земель, то слѣдуетъ замѣтить, что обиліе и разнообразіе

лѣсныхъ породъ не предоставляетъ казакамъ особыхъ промышленныхъ выгодъ, да и не можетъ быть для нихъ предметомъ эксплуатаціи. Лѣсъ, находящійся у береговъ, не отличается большими достоинствами и имѣетъ много недостатковъ; хорошій же лѣсъ растетъ вдали отъ береговъ, преимущественно по горнымъ хребтамъ. Лѣсъ, ближайшій къ станицамъ, уже вырубленъ казаками для построекъ и для ихъ собственной надобности, растущій же въ дальнемъ разстояніи отъ станицъ не можетъ быть вырубленъ и перевозимъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ и лошадей, а вслѣдствіе того, за дороговизною доставки къ пунктамъ сбыта.

Можно сказать, что огромные здѣшніе лѣса, которые при хорошемъ населеніи и обиліи рабочихъ рукъ составляли бы замѣчательный источникъ богатства, истребляются только лѣсными пожарами и дикимъ манзомъ при усердномъ содѣйствіи уссурійскаго казака.

Нельзя не упомянуть объ одномъ довольно выгодномъ занятіи, свойственномъ нѣкоторымъ лѣсистымъ мѣстностямъ—о сборѣ кедровыхъ орѣховъ въ станицахъ около Хингана. Особаго значенія этотъ промыселъ не можетъ имѣть, какъ по ничтожности самаго продукта, такъ и по ограниченности спроса. Необходимо только указать на варварскій способъ добыванія. Для того, чтобы набрать орѣховъ легкимъ способомъ, рубятъ цѣлыя деревья.

Хотя на Уссуріи и не бываетъ повсемѣстныхъ падежей и эпидемическихъ болѣзней на скотѣ, однако, по общему отзыву, какъ самихъ казаковъ, такъ и мѣстнаго начальства, скотъ, приведенный изъ Забайкалья, не держится на Уссуріи и страдаетъ какою-то особою болѣзнью. По имѣющимся свѣдѣніямъ оказывается, что двадцать процентовъ погибаетъ отъ разныхъ причинъ, въ томъ числѣ отъ мѣстнаго корма, вредное качество котораго усиливается отсутствіемъ солонцевъ въ илѣ, остающемся на лугахъ вслѣдствіе разлива Уссуріи.

Въ заключеніе необходимо сказать о причинѣ, которая, если и не представляетъ препятствія для скотоводства, то все-таки проявляетъ себя съ невыгодной стороны,—это истребленіе скота тиграми. Такъ въ 1866 году тигры истребили 11 лошадей, 9 коровъ и 12 овецъ, не считая большого числа свиней.

Амуръ, Уссуріи, Сунгари и ихъ притоки необыкновенно богаты рыбою и при томъ самою разнообразною. Въ изобиліи ловятся осетры, таймень, щука, сазанъ, кѣта, горбуша, судакъ и др. Въ нѣкоторые годы обиліе рыбы бываетъ изумительное; такъ въ 1868 году на Уссуріи, въ станицѣ Нижне-Никольской осенью, во время рѣкостава, изъ одной тони за одинъ разъ вынуто было рыбы 2.800

пудовъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ рыба эта была бы не только подспорьемъ, но и предметомъ промысла, между тѣмъ какъ здѣсь она ловится въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ Уссурійскомъ баталіонѣ, въ рѣдкой станицѣ можно встрѣтить хорошія рыболовные снасти.

Рыболовство въ Пріамурскомъ краѣ, какъ видно, составляетъ повсемѣстное побочное занятіе мѣстныхъ обывателей, снабжающее ихъ рыбною пищею. Какъ самостоятельный промыселъ, оно существуетъ лишь въ немногихъ мѣстахъ теченія нижняго Амура. Изобиліе рыбы почти совершенно исключаетъ возможность неудачнаго улова.

Звѣринный промыселъ совпадаетъ съ распредѣленіемъ въ краѣ прибрежныхъ горъ и лѣсовъ. Вслѣдствіе этого, онъ существуетъ повсюду на Амурѣ и Уссури, за исключеніемъ лишь степной области Благовѣщенскаго района; особенно же звѣроловство развито въ верховьяхъ Амура въ Хинганскомъ хребтѣ и въ Уссурійской рѣчной области, такъ какъ независимо отъ обилія пушного и краснаго звѣря въ лѣсной тайгѣ, подступающей вплоть къ заселеннымъ пунктамъ, сами мѣстные жители, переселенные сюда изъ звѣропромышленныхъ мѣстностей Забайкалья, имѣютъ природную склонность и всѣ качества, необходимыя для успѣшнаго занятія звѣриннымъ промысломъ. А между тѣмъ въ области водится по всему Амуру множество самыхъ разнообразныхъ животныхъ, здѣсь встрѣчаются: соболь, бѣлка, лисица, волкъ, выдра, дикая коза, медвѣди, кабаны, изюбры, еноты, а на Уссури тигры и барсы. При обиліи дичины въ районѣ расположенія Амурскаго батальона звѣропромышленность могла быть важнымъ подспорьемъ для жителей. Въ то время, какъ гольды добываютъ соболей тысячами, казаки въ теченіе цѣлой зимы набираютъ ихъ десятками и рѣдко двѣ, три сотни. Причина этого заключается въ томъ, что казаки, несмотря на долгое пребываніе въ краѣ, не умѣютъ подобно гольдамъ ходить на лыжахъ.

Изъ всѣхъ мѣстностей Пріамурскаго края только двѣ привлекаютъ къ себѣ вольныхъ переселенцевъ: степная область Благовѣщенскаго района и Южно-Уссурійскій край, въ особенности послѣдній, куда стремятся многіе крестьяне, уже совершенно устроившіе свое хозяйство въ хлѣбородномъ Зейскомъ округѣ. Это стремленіе переселенцевъ въ этотъ край какъ нельзя болѣе соответствуетъ и ближайшимъ видамъ правительства относительно усиленія мѣстнаго производства хлѣба и условіямъ будущаго экономическаго устройства страны. вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеніе морскихъ учреждений въ одной изъ южныхъ гаваней только тогда можетъ прійти къ полезнымъ результатамъ, когда учрежденія эти будутъ опираться на производительное и многочисленное населеніе.

Поэтому переселеніе въ Южно-Уссурійскій край заслуживаетъ исключительной поддержки правительства. Комиссія находила совершенно необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры для облегченія трудностей передвиженія въ самыхъ предѣлахъ Амурской области. Надо припомнить, что въ то время о желѣзныхъ дорогахъ на востокъ отъ Нижняго-Новгорода и въ поминѣ не было. Слѣдующіе въ Южно-Уссурійскій край переселенцы совершали свой путь по Амуру на сплавныхъ баржахъ и плотахъ до Хабаровки. Здѣсь комиссія увидѣла оригинальное зрѣлище: на огромномъ пространствѣ по берегу и вглубь отъ него была тысячная толпа людей, между которыми виднѣлись мужчины, женщины, дѣти, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, лошади и коровы. Все это не имѣло кровли надъ собою, ютилось подъ открытымъ небомъ въ ожиданіи баржъ. Хотя на длинномъ пути изъ Россіи до Хабаровки они подвергались многимъ лишеніямъ и рисковали потерять свое имущество и скоть отъ разныхъ случайностей, но доходящіе благополучно до Хабаровки сохраняли и свои физическія силы, и свои матеріальныя средства.

Начиная отъ Хабаровки, переселенцы должны были подниматься вверхъ по Уссури и Сунгарѣ, что уже совершенно недоступно для нихъ безъ посторонней помощи. Единственное средство для этого составляли казенные пароходы съ баржами, но такъ какъ пароходы эти заняты всегда исполненіемъ служебныхъ обязанностей, изъ которыхъ одна доставка провіанта въ казачьи станицы и въ мѣста расположенія регулярныхъ частей требуетъ нѣсколькихъ рейсовъ, то очевидно, что помощь эта не удовлетворяетъ ихъ. Дѣйствительно, по опросѣ ихъ оказалось, что они ждали очереди два и три мѣсяца, въ теченіе которыхъ издерживались на пропитаніе, для чего продавали часть своего имущества; если затѣмъ и оставался скоть, то они должны гнать его болотистыми берегами, иногда совершенно затопляемыми, почему скоть доходитъ до мѣста изнуреннымъ, а часть его и вовсе пропадаетъ. Сами переселенцы приходятъ на мѣсто водворенія уже позднею осенью, когда нельзя заготовлять хорошаго корма для скота и устроить себѣ сколько-нибудь сносное жилище.

Для усиленія колонизаціи Пріамурскаго края, по мнѣнію комиссій, была бы весьма дѣйствительна другая мѣра—именно обезпеченіе переселенцамъ-раскольникамъ полной религіозной свободы съ правомъ публичнаго отправленія богослуженія по обрядамъ ихъ секты. Но такъ какъ осуществленіе этой мѣры затрогивало слишкомъ важныя интересы государства и россійской православной церкви, то комиссія не считала себя въ правѣ входить въ даль-

нѣйшее соображеніе этого вопроса, а ограничилась лишь однимъ краткимъ указаніемъ на означенную мѣру.

Говоря о необходимыхъ мѣрахъ для улучшенія положенія крестьянъ, нельзя опустить изъ виду еще одного весьма важнаго обстоятельства, имѣющаго самое вредное вліяніе на ихъ дѣятельность. Обстоятельство это заключается въ значительномъ накопленіи на нихъ казенныхъ долговъ, вслѣдствіе выданныхъ имъ въ разное время займообразныхъ пособій. При крайне недостаточномъ состояніи мѣстнаго населенія взысканіе этихъ долговъ представляется совершенно безнадежнымъ, а между тѣмъ сознаніе неоплатности долга и постоянное опасеніе, что начальство не преминетъ воспользоваться всякимъ улучшеніемъ средствъ жителей для пополненія числящейся на нихъ недоимки, невольно удерживаютъ послѣднихъ отъ энергической заботы объ улучшеніи и расширеніи своего хозяйства.

Къ этому необходимо присовокупить, что какъ на Уссурийскихъ казакахъ, такъ и на крестьянахъ Приморской области тягость лежащаго на нихъ долга увеличивается еще болѣе отъ неизвѣстности имъ точнаго размѣра долга. При распредѣленіи пособій и займообразныхъ выдачъ между хозяевами не было надлежащей аккуратности и точности, вслѣдствіе чего чрезъ нѣкоторое время начальствомъ сумма долга была опредѣлена приблизительно, но сколько изъ общаго долга причитается на cadaго отдѣльнаго хозяина, это, въ большинствѣ случаевъ, осталось неопредѣленнымъ. Тогда начальство распредѣлило казенную недоимку между отдѣльными лицами и, при томъ не принявъ во вниманіе тѣхъ, которые дѣйствительно получили пособія.

При такой неправильности распредѣленія между населеніемъ низовьевъ Амура и Уссурийскаго края казенной недоимки, при безнадежности взысканія большей части ея, и при томъ вредномъ вліяніи, которое имѣетъ на дѣятельность населенія тяготѣніе надъ нимъ неоплатнаго долга, комиссія полагала, что необходимо сложить этотъ долгъ со счетовъ и доставить такимъ образомъ мѣстному населенію надежное ручательство въ безпрепятственномъ пользованіи результатами своей хозяйственной дѣятельности.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

Въ основу преобразованій Пріамурскаго края должны быть положены слѣдующія главные начала:

1. Перенесеніе административнаго центра изъ Иркутска на Амуръ.

2. Предоставленіе мѣстной администраціи необходимой самостоятельности, обусловливаемой какъ организаторскимъ характеромъ ея, такъ и отдаленностью края отъ центральныхъ государственныхъ учреждений.

3. Въ виду важнаго морского значенія побережья Восточнаго океана, обезпеченіе свободнаго развитія мѣстныхъ морскихъ учреждений.

Для достиженія этихъ цѣлей комиссія предполагала:

1. Управление Пріамурскимъ краемъ изъять изъ вѣдѣнія генераль-губернатора Восточной Сибири, оставивъ подъ его управленіемъ Енисейскую и Иркутскую губерніи и Якутскую и Забайкальскую области.

2. Упразднить Амурскую область, которая ни по числу населенія, ни по экономическому своему положенію не можетъ составлять самостоятельной административной единицы. Изъ всего же Пріамурскаго края, за исключеніемъ морского побережья, образовать одну область подъ названіемъ Пріамурской.

3. Морскую часть въ Амурскомъ краѣ поручить отдѣльному морскому начальнику съ званіемъ главнаго командира портовъ Восточнаго океана съ мѣстопребываніемъ во Владивостокѣ.

Затѣмъ комиссія проектировала измѣненія относительно гражданскаго управленія.

Я, какъ членъ отъ военнаго министерства, подалъ особое мнѣніе, которое состояло въ слѣдующемъ:

1. Изъ областей Забайкальской и Пріамурской (Амурская и Приморская) образовать одно генераль-губернаторство съ административнымъ центромъ въ Благовѣщенскѣ.

2. Генераль-губернатору предоставить въ военномъ отношеніи права командующихъ войсками въ округахъ.

3. Главному командиру портовъ подчинить войска, расположенныя въ прибрежныхъ пунктахъ, не имѣющихъ сухопутнаго сообщенія, въ портѣ и на Сахалинѣ только въ командномъ отношеніи на правахъ военнаго губернатора.

Эти соображенія комиссіи были разсмотрѣны въ 1871 году въ особомъ совѣщаніи, которое однако не рѣшило вопроса окончательно.

И вотъ съ тѣхъ поръ дѣло кануло, если не въ вѣчность, то по крайней мѣрѣ затормозилось надолго. Уже совершенно независимо отъ комиссіи, министерство внутреннихъ дѣлъ составило свой собственный проектъ; ввело новые вопросы о среднеазіатскихъ областяхъ въ связи съ Амурскими и запросило чуть не всѣхъ генераль-губернаторовъ, изъ которыхъ каждый рекомендовалъ свою панацею. А такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ кромѣ опыта и знанія было не-

мало личныхъ интересовъ и честолюбій, то въ 1873 году опять была гдѣ-то образована комиссія, которой было поручено выработать окончательное заключеніе на основаніи высказанныхъ мнѣній. По отношенію къ Восточной Сибири выводъ этой комиссіи состоялъ въ томъ, что тогдашнее генераль-губернаторство должно быть упразднено, а изъ Приморской, Амурской и Забайкальской областей образовано Амурское генераль-губернаторство. Насколько бывшіе генераль-губернаторы были знакомы съ управляемымъ ими краемъ, можетъ служить то обстоятельство, что четыре изъ нихъ, управлявшіе краемъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, не пришли къ одинаковымъ заключеніямъ, хотя они не могли относиться къ этому вопросу иначе, какъ съ точки зрѣнія и знанія мѣстныхъ интересовъ.

Только въ апрѣлѣ 1876 года, то есть черезъ семь лѣтъ послѣ комиссіи, рѣшено было дѣло объ Амурскомъ краѣ.

Сдѣланный мною набросокъ составляетъ, такъ сказать, второй періодъ исторіи Пріамурскаго края; первый же, отъ перваго появленія русскихъ на Амурѣ до появленія тамъ комиссіи, очень хорошо разработанъ г. Тимченко-Рубанъ ¹⁾. Было бы крайне желательно разработать второй періодъ до настоящаго времени, когда условія передвиженія переселенцевъ радикально измѣнились, когда прошло болѣе сорока лѣтъ, въ теченіе которыхъ край при благопріятныхъ административныхъ условіяхъ долженъ бы былъ нынѣ процвѣтать, пользоваться богатыми дарами природы и богатѣть, не отдавая своихъ богатствъ въ чужія руки.

Въ 1881 году Дмитрій Алексѣевичъ оставилъ министерство. Имя его было настолько популярно, что не только въ однихъ военныхъ сферахъ, но и во всемъ русскомъ обществѣ интересовались вопросомъ, кто его замѣнитъ? Всѣмъ казалось самымъ естественнымъ, что его замѣнитъ человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ все время работавшій, принимавшій подъ его руководствомъ участіе во всѣхъ военныхъ преобразованіяхъ, человѣкъ большого ума организаторской складки, посланный въ тяжелую минуту на Кавказъ, къ Великому Князю Михаилу Николаевичу и заслужившій за это георгіевскій крестъ 3 степени. Всѣ называли Обручева. Правда, нѣкоторые думали, что это назначеніе встрѣтитъ препятствіе потому, что Обручевъ многими считался краснымъ, какими въ то время считались всѣ тѣ, которые, вмѣстѣ съ Милутинымъ, были поборниками того освободительнаго направленія, которымъ было ознаменовано царствованіе Императора Александра II.

¹⁾ „Военный Сборникъ“ 1909.

И вотъ въ одинъ прекрасный день военные узнали, что военнымъ министромъ назначенъ генералъ Ванновскій. Какъ могло случиться такое назначеніе? Такъ какъ никто не зналъ навѣрно содержанія разговора, происходившаго между Государемъ съ Милютинымъ, по поводу назначенія Ванновскаго, то всѣмъ; а въ томъ числѣ и князю Мещерскому, приходится говорить по слухамъ, исходящимъ съ разныхъ сторонъ. Такъ онъ говоритъ:

„Когда состоялось назначеніе Ванновскаго, говорили въ военныхъ и политическихъ сферахъ, что выборъ исходилъ всецѣло и исключительно отъ самого Государя. Оно оказалось, какъ мнѣ потомъ разъяснили, такъ, но не совсѣмъ. Мысль о Ванновскомъ, какъ о преемникѣ графа Милютина, впервые была высказана самимъ графомъ Милютинымъ въ отвѣтъ будто бы на вопросъ, который задалъ Государь, Александръ III гр. Милютину послѣ того, что имъ было высказано желаніе оставить должность военного министра. Графъ Милютинъ всегда былъ умный человѣкъ, всегда любезный человѣкъ и всегда тонкій дипломатъ. Во всѣхъ отношеніяхъ гр. Милютинъ и Ванновскій были антиподами и паче всего по военнымъ и политическимъ взглядамъ. Гр. Милютинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова либераль, но не въ смыслѣ пошлаго или демократа-либерала, а въ смыслѣ убѣжденнаго прогрессиста и противника николаевскаго режима, и этотъ либерализмъ вносилъ и въ сферу всего военного дѣла. Ванновскій напротивъ былъ фанатическій воспитаникъ николаевскаго режима и либерализма въ военномъ дѣлѣ не допускалъ. Слѣдовательно, было совершенно естественно думать, что внутри себя ни графъ Милютинъ къ Ванновскому, ни Ванновскій къ графу Милютину не питали симпатій. Но графъ Милютинъ зналъ отлично, что въ Рушукѣ, во время командованія отрядомъ Цесаревичъ Александръ, вообще мало демонстративный въ проявленіи симпатій и довѣрія, сблизился съ генераломъ Ванновскимъ настолько, что еще въ Рушукѣ говорили о немъ, какъ о военномъ министрѣ въ будущее царствованіе. И вотъ почему съ дипломатическимъ чутьемъ, ему всегда присущимъ, гр. Милютинъ былъ увѣренъ, что, назвавъ своимъ преемникомъ Ванновскаго, онъ сдѣлаетъ Государю большое удовольствіе тѣмъ, что дастъ ему право опереть свой выборъ Ванновскаго ссылкой на рекомендацію гр. Милютина. Зналъ ли это Ванновскій или не зналъ, не знаю, но одно несомнѣнно: Ванновскій не любилъ, вѣроятно, быть благодарнымъ, ибо за все время своего управленія военнымъ министерствомъ онъ не любилъ все, что имѣло запахъ духа гр. Милютина“.

Мнѣ кажется, что князь Мещерскій напрасно взялся за чтеніе чужихъ мыслей такъ логично и подробно, но врядъ ли справедливо

описалъ тайныя мысли Милютина при разговорѣ Государя съ нимъ. Милютинъ былъ не такой человѣкъ, чтобы подлаживаться къ кому бы то ни было, и раньше онъ не дорожилъ министерскимъ портфелемъ и всегда готовъ былъ имъ пожертвовать, а отнюдь не подлаживаться. Онъ доказалъ это еще ранѣе, бывъ товарищемъ Сухозанета.

Въ одномъ только отношеніи правъ князь Мещерскій, назвавъ Ванновскаго и Милютина антиподами и указавъ на то, что всѣ, пользовавшіеся болѣе или менѣе вниманіемъ Милютина, были не въ авантажѣ у Ванновскаго, начиная съ его ближайшаго помощника—Обручева и другихъ.

Новый военный министръ былъ человѣкъ здравомыслящій, умный, твердаго характера и желѣзной воли. Таковы были положительныя качества Ванновскаго. Что же касается до отрицательной стороны, то она состояла въ томъ, что онъ былъ грубъ до чрезвычайности не только съ служащими, но и съ просителями; при его вспыльчивости многіе и часто должны были выслушивать дерзкія выходки. Онъ самъ говорилъ П. А. Крыжановскому: „Вѣдь я собака, не правда ли, я всѣхъ кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядокъ такой... Когда и вы будете начальникомъ, совѣтую также быть собакой“.

Но самую худшую стороною его характера, какъ военнаго министра, было то, что онъ развелъ повсемѣстно кляузничество и анонимые доносы, которые поощрялъ, дѣлая тайныя разслѣдованія вмѣсто явныхъ ревизій. Вѣрно или нѣтъ, но говорили, что за это жестоко поплатился одинъ изъ его приближенныхъ адъютантовъ.

Не могу не упомянуть еще объ одной черточкѣ его характера—мстительности, которую я испыталъ на себѣ. Дѣло происходило такъ.

Въ 1879 г. Дмитрій Алексѣевичъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Было бы желательно, Сергѣй Павловичъ, чтобы матеріалы, касающіеся послѣдней войны, не утратились, а сохранились бы для будущаго историка этой войны. Я полагаю, что лучше всего было бы сосредоточить всѣ дѣла въ Ученомъ Комитетѣ и составить описаніе войны.

— А кто же будетъ писать? спросилъ я.

Надо составить комиссію, и я думаю назначить васъ председателемъ; объ организаціи ея я переговорю съ графомъ Гейденомъ. Вамъ отчасти это дѣло не новое, ибо вы уже работали у Тотлебена.

Никогда до тѣхъ поръ не отказывался я ни отъ одного поруче-

нія; послали меня въ чинѣ капитана сплавлять войска на Кавказъ, и я нѣсколько мѣсяцевъ плавалъ между Бердянскомъ и Темрюкомъ; неожиданно послали меня въ 1863 году въ Могилевъ на Днѣпрѣ — и я поѣхалъ; предложили въ комиссію Тотлебена—я принялъ; назначили редакторомъ „Русскаго Инвалида“—я не отказался; предложили отправиться въ Сибирь и на Сахалинъ—я съ радостью согласился. Но послѣднее предложеніе вовсе мнѣ не улыбалось. Я хорошо понималъ разницу между работою единоличною и комиссіонною и съ гораздо большимъ удовольствіемъ и рвеніемъ согласился бы работать одинъ. Но не успѣлъ я одуматься, какъ получилъ копию съ всеподданнѣйшаго доклада, на основаніи котораго кромѣ предсѣдателя полагалось 4 офицера: 2 для европейской войны, 1 для азіатской и 1 для общаго дѣлопроизводства. Кромѣ того предлагалось приглашать временно сотрудниковъ для отдѣльныхъ работъ. Словомъ, задумано было широко, но, какъ всегда, налаживаться начало съ величайшимъ трудомъ. Прежде всего въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ понадобилось два Высочайшихъ повелѣнія о присылкѣ въ Главный штабъ всѣхъ документовъ; каждый, повидимому, многіе документы считалъ своей собственностью, и работа замедлялась. Кромѣ того самые документы, если и присылались, то безпорядочно, неполные, съ вырванными страницами, перепутанными, съ самыми разнородными содержаніями. Словомъ, былъ невообразимый хаосъ.

Это съ матеріалами, а вотъ съ временными сотрудниками. Обращаюсь къ графу Гейдену и говорю: Ваше Сіятельство, дайте такого-то въ комиссію.

— Берите кого-нибудь другого, а этотъ нуженъ такому-то.

Когда же начальникомъ Главнаго штаба сдѣлался мой товарищъ, Обручевъ, то я на свою просьбу получалъ болѣе энергическій отвѣтъ.

— Откуда я найду тебѣ офицеровъ, когда мнѣ самому не хватаетъ.

Такъ продолжалось года три, въ теченіе которыхъ удалось составить, и то весьма бѣгло, нѣсколько статей—двѣ или три.

— Ну, какъ идутъ у васъ дѣла по исторіи войны? спросилъ однажды у меня Дмитрій Алексѣевичъ.

— Очень плохо, просто не знаю, что дѣлать,—отвѣчалъ я и рассказалъ ему ходъ дѣла.

— Удивительно, какъ это у насъ все, что ни предпримемъ, не удастся, сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ, какъ бы съ досадою.

Принявъ это за упрекъ въ медленности, я ему отвѣтилъ:

— Но вы сами, Дмитрій Алексѣевичъ, рассказывали мнѣ, какъ васъ Мольтке водилъ по архиву прусскаго главнаго штаба и показывалъ вамъ, на какихъ полкахъ находятся полковые и другіе дневники каждой части войскъ. Тогда легко писать исторію.

И вѣроятно изъ деликатности министръ добавилъ:

— Да, это правда; иногда для установленія какого-нибудь факта приходится терять много времени. Я помню, какого труда мнѣ стоило, чтобы установить мѣсто пребыванія Суворова, когда я писалъ исторію кампаніи 1799 года. Послѣ долгихъ усилій я наконецъ нашелъ и при томъ вовсе не тамъ, гдѣ можно было ожидать ¹⁾.

По вступленіи въ министерство П. С. Ваниовскаго взглядъ на это дѣло совершенно измѣнился. Новый военный министръ вѣроятно полагалъ, что написать исторію войны такъ же легко, какъ какой-нибудь докладъ, и однажды обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скоро вы, Ваше Превосходительство, окончите свою работу?

— Врядъ ли скоро, Ваше Высокопревосходительство,—отвѣчалъ я.

— Однако пора было бы кончать; времени, кажется, было довольно.

Принявъ это за намекъ, что я тяну работу изъ-за личной своей выгоды, я на другой день составилъ подробную записку о ходѣ работы, указавъ на всѣ препятствія, которыя мѣшали и мѣшаютъ успѣшному исполненію работы, и въ заключеніе просилъ освободить меня отъ предсѣдательства.

Вотъ тутъ-то и отомстилъ мнѣ за отказъ Петръ Семеновичъ.

По Высочайшему повелѣнію Императора Александра II мнѣ производилось жалованье и квартирные деньги по чину. Слѣдовательно, при производствѣ моемъ изъ генераль-маіоровъ въ генераль-лейтенанты я долженъ былъ получать квартирныхъ денегъ на 500 р. въ годъ больше. Но министръ именемъ Государя квартирные деньги оставилъ въ прежнемъ размѣрѣ. Понятно, что не Государь же это сдѣлалъ, а Ваниовскій, чтобы наказать меня за отказъ.

Д. А. Милютинъ, какъ ученый военный историкъ, хорошо понималъ трудность, при нашихъ порядкахъ, писать исторію; Ваниовскій же не задумывался надъ этою задачею и воображалъ, что онъ, какъ военный министръ, только своею властью заставить исполнить эту работу ускореннымъ способомъ. Однако это ему не удалось; я оставилъ военно-историческую комиссію въ 1885 году, а первый томъ былъ выпущенъ въ 1901 году, то есть чрезъ 16 лѣтъ послѣ меня. Вотъ сколько понадобилось времени, чтобы такъ добросовѣстно составить историческій очеркъ, какъ онъ появился, благодаря трудамъ комиссіи. Да и теперь комиссія находитъ, что „многіе существенные историческіе вопросы не находятъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта“ по неполнотѣ матеріала. Самое же описаніе еще не доведено до конца.

Впрочемъ, я долженъ тутъ же указать на другую черту Ваниов-

¹⁾ Я не могу припомнить самаго эпизода, о которомъ шла рѣчь.

скаго, которая показываетъ, что когда шло дѣло, по его понятіямъ, заслуживающее вниманія, то онъ при обсужденіи дѣла не бралъ въ расчетъ личности. Это я также испыталъ на себѣ.

Въ 1870 годахъ, оставаясь членомъ военно-ученаго комитета, я, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Предсѣдателемъ комитета былъ Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ, а помощникомъ его генералъ-адъютантъ Чертковъ. Появленіе въ тѣ времена въ казармахъ разныхъ сочиненій и брошюръ противоправительственнаго содержанія обратило на себя вниманіе военного начальства. Рѣшено было помимо разныхъ запретительныхъ мѣръ къ тому, чтобы вредныя изданія не проникали въ казармы, дать нижнимъ чинамъ нѣкоторое удовлетвореніе, создавъ для нихъ какое-нибудь періодическое изданіе, приуроченное къ ихъ понятіямъ. Въ основу этого изданія, понятно, должно было лечь, помимо статей образовательнаго содержанія, главнымъ образомъ внушеніе солдату любви и преданности къ Государю, какъ къ своему вождю, любви къ родинѣ и въ важности исполненія воинскаго долга во всѣхъ случаяхъ.

До того времени существовало два изданія для нижнихъ чиновъ: „Солдатское Чтеніе“, выходившее шесть разъ въ годъ и „Досугъ и Дѣло“; первое издавалось генераломъ Гейротомъ, а второе А. О. Погосскимъ. „Досугъ и Дѣло“ хотя и считался періодическимъ изданіемъ, но выходилъ весьма неправильно и наполнялся статьями самого Погосскаго. По смерти его журналъ этотъ былъ пріобрѣтенъ мною. Я расширилъ программу и также началъ издавать его правильно шесть разъ въ годъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, комитетъ рѣшилъ остановиться на журналѣ „Досугъ и Дѣло“, но съ условіемъ, чтобы это былъ журналъ ежемѣсячный, а такъ какъ я заявилъ, что для увеличенія его объема вдвое я не имѣю средствъ, то рѣшено было войти съ всеподаннѣйшимъ докладомъ о назначеніи субсидіи, которую я получалъ до тѣхъ поръ, пока журналъ могъ издаваться на свои средства. И во все это время П. С. Ванновскій, слишкомъ скупой на казенные расходы, ни разу не отказалъ въ субсидіи.

Имѣя въ виду собрать всѣ матеріалы, касавшіеся войны 1877—78 годовъ, какъ на европейскомъ театрѣ войны, такъ и на азіатскомъ, Дмитрій Алексѣевичъ предложилъ мнѣ отправиться на Кавказъ и условиться съ В. К. Михайломъ Николаевичемъ на счетъ совместной работы и присылки матеріаловъ въ Петербургъ.

Великій Князь принялъ меня въ своемъ имѣніи, въ Боржомѣ, пригласилъ меня на обѣдъ, а слѣдующій день назначилъ для дѣлового разговора.

— Скажите, пожалуйста, началъ Великій Князь, повидимому, не безъ ироніи, чего желаетъ Дмитрій Алексѣевичъ, вѣроятно, онъ, по примѣру Мольтке, хочетъ писать исторію.

— Далеко не то, Ваше Высочество; онъ просто желаетъ сохранить всѣ матеріалы, чтобы облегчить трудъ будущему историку, для чего и проситъ, чтобы все, касающееся этой войны, было прислано въ Петербургъ въ военно-историческую комиссію.

Категорическаго отвѣта на мои слова я не получилъ. Послѣ нѣкотораго молчанія Великій Князь сказалъ:

— Ну, хорошо, я пришлю вамъ завтра полковника Астафьева. Вы съ нимъ и сговоритесь.

О чемъ было сговариваться послѣ категорическаго заявленія о присылкѣ матеріаловъ въ Главный штабъ я не понималъ, а только догадывался, что кавказское начальство желаетъ само писать исторію, что чрезъ нѣкоторое время и осуществилъ г. Кишмишевъ.

Товарищъ мой А. А. Ильинъ открылъ литографію и вмѣстѣ съ В. А. Полторацкимъ началъ издавать для военно-учебныхъ заведеній карты военныхъ дѣйствій. Скоро Полторацкій отказался, и Ильинъ предложилъ занять его мѣсто мнѣ. Но такъ какъ я по совершенно незнакомому мнѣ дѣлу ничего не могъ внести своимъ трудомъ, то я отказался. Впослѣдствіи Ильинъ такъ расширилъ свое дѣло, издавая учебныя географическія карты, что простая литографія своими многоразличными работами обратилась въ обширное картографическое заведеніе. Тогда я посовѣтовалъ Ильину не ограничиваться одною картографіею, но присоединить и подходящую литературу, издавая замѣчательные труды по части географіи и въ особенности путешествій. Получивъ на то его согласіе, я приступилъ къ изданію замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Могу смѣло сказать, что изъ вышедшихъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ иностранныхъ географическихъ сочиненій и путешествій, сколько-нибудь замѣчательныхъ, ни одно мною пропущено не было. Всѣ они прошли чрезъ мой выборъ и мою редакцію; а это, при нашемъ всеобщемъ незнаніи ни русскаго, ни иностранныхъ языковъ, составляло не малый трудъ. Всякій, занимавшійся редакціею, хорошо знаетъ, что стоитъ найти грамотнаго переводчика, хотя по численности своей этотъ родъ дѣятелей составляетъ тысячи.

Кромѣ того, пользуясь официальными свѣдѣніями, опубликованными въ „Русскомъ Инвалидѣ“, и многочисленными корреспонденціями частныхъ газетъ, я составилъ и издалъ въ 1881 году три большихъ тома „Описаніе войны въ 1877—78 г.г.“ какъ европейской, такъ и азіатской, съ иллюстраціями.

Въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ такимъ образомъ было издано болѣе пятидесяти сочиненій, относящихся къ разряду путешествій и географіи вообще. Между ними были два капитальныя изданія: одно—Всеобщая Географія Клёдена, а другое Всеобщая Географія Реклю; первое сочиненіе ограничилось только переводомъ перваго тома, Физическая Географія. Такъ какъ въ это время въ Парижѣ появилось сочиненіе Реклю, пріобрѣтшее европейскую извѣстность, то я съ Ильинымъ рѣшили у Гашета купить право перевода и всѣ клише для изданія на русскомъ языкѣ.

Въ числѣ переводчиковъ были двое, изъ которыхъ оба заслуживаютъ вниманія; оба они образованные, прекрасно знающіе иностранные языки, оба пошли по совершенно разному пути. Одинъ изъ нихъ Кравчинскій сдѣлался убійцею Мезенцова, бѣжалъ изъ Россіи и въ Англіи былъ раздавленъ поѣздомъ, а другой былъ въ Россіи нелегальнымъ, оставленъ на свободѣ подъ надзоромъ и сдѣлался русскимъ министромъ. Случилась же эта метаморфоза ради бывшаго нечаевского процесса по поводу убійства студента Иванова въ Петровскомъ Разумовскомъ въ Москвѣ ¹⁾).

Нечаевъ былъ мѣщанинъ города Шуя, а по своему соціальному положенію—учитель Сергіевского приходскаго училища и въ то же время числился вольнослушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ.

При самомъ началѣ своей дѣятельности онъ былъ арестованъ, но ему удалось убѣжать за границу, гдѣ онъ прежде всего явился къ Герцену, который, не симпатизируя ему, описалъ его очень мѣтко.

„Нечаевъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и выказываетъ себя столь же беспощаднымъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Онъ не мошенникъ; это не правда. Это фанатикъ преданный, но въ то же время очень опасный; способъ дѣйствій его отвратительный. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять

¹⁾ Суть и подробности этого дѣла см. Глинскій. Крамола, реакція и терроръ.

за основу политику Макиавеля и вполне усвоить систему иезуитовъ: для тѣла—насиліе, а для души ложь... но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сила потому, что это огромная энергія ¹⁾...

Но если Герценъ нашелъ качества Нечаева сомнительными и не совсѣмъ чистыми, то знаменитый революціонеръ Бакунинъ нашелъ его вполне подходящимъ для крайнихъ проявленій революціонныхъ дѣйствій. Прежде всего Нечаевъ напечаталъ за границей распространявшуюся и въ Россіи самую возмутительную прокламацію такъ называемой „народной расправы“ для руководства студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этой прокламаціи говорилось между прочимъ, что будутъ издаваться листки, цѣль которыхъ не литературная и не ученая ²⁾.

„Пусть люди у которыхъ остается много времени отъ бездѣлья, продолжаютъ тѣшить себя и другихъ, праздноглагольствуя о литературѣ и о наукѣ, о просвѣщеніи и воспитаніи, о прогрессѣ и цивилизаціи! Намъ некогда“...

„Мы хотимъ народной мужицкой революціи“...

„Мы имѣемъ только одинъ отрицательный планъ—общаго разрушенія. Мы прямо отказываемся отъ выработки будущихъ жизненныхъ условій, какъ несовмѣстной съ нашей дѣятельностью, и потому считаемъ безплоднымъ всякую исключительную теоретическую работу ума“...

„Дѣло Каракозова надо разсматривать какъ прологъ, стараемся скорѣе, друзья, чтобы наступила и самая драма“...

Для достиженія окончательной цѣли, то есть для уничтоженія государства, рекомендовалось прежде всего обратить все вниманіе и силы на уничтоженіе всѣхъ тѣхъ, ясно бросающихся въ глаза препятствій, которыя могутъ особенно помѣшать возстанію и затруднить его ходъ. Главнѣйшія изъ этихъ условій суть:

1. „Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ высшими силами, которыя особенно усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.“

2. Люди, обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія или для пособій государству.

3. Люди, разсуждающіе и пишущіе по найму, то есть, публицисты, подкупленные правительствомъ и литераторы, лестью

¹⁾ Глинскій. Крамола, реакція и терроръ. „Ист. Вѣс.“ 1909 іюль.

²⁾ Глинскій.

и доносами, надѣющіеся добиться до административныхъ подачекъ.

Первыхъ надо положительно истреблять безъ всякихъ разсужденій.

У вторыхъ надо отбирать ихъ экономическія силы и средства и употребить для дѣла народнаго освобожденія, а въ случаѣ невозможности отобрать, слѣдуетъ — уничтожить эти силы и средства.

Третьихъ заставить молчать тѣми или другими способами (хотя бы лишеніемъ языка). Теперь опредѣленіе и ближе къ сущности, а главное къ началу дѣла“.

Но Нечаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ не дюжиннымъ организаторомъ. Для общества Народной воли имъ былъ составленъ подробный уставъ, въ который входятъ: 1. Общія правила организаціи. 2. Общія сѣти для отдѣленій. Отношенія революціонера къ самому себѣ. 3. Отношенія революціонера къ товарищамъ по революціи. 4. Отношенія революціонера къ обществу. 5. Отношенія товарищества къ народу.

По возвращеніи изъ-за границы, онъ занялся пропагандой между студентами высшихъ учебныхъ заведеній и между прочимъ и въ Петровско-Разумовской академіи въ Москвѣ.

Не стѣсняясь никакими средствами, онъ устранялъ съ своего пути всякаго, кто казался ему подозрительнымъ и даже просто сомнѣвающимся въ его главенствѣ среди партіи. И за это прежде всего заплатился одинъ изъ студентовъ Петровско-Разумовской академіи, Ивановъ, который не только не вѣрилъ главенству Нечаева въ партіи, но даже сомнѣвался въ самомъ существованіи партіи.

И вотъ несчастнаго Иванова, приговореннаго Нечаевымъ къ смерти, Николаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ обманомъ ведутъ подъ предводительствомъ Нечаева въ глухую часть парка и тамъ безжалостно душатъ его на смерть, а трупъ бросаютъ въ прудъ.

Совершивъ это злодѣяніе, Нечаеву удалось бѣжать въ Швейцарію, откуда онъ однако былъ выданъ и заключенъ въ крѣпость.

Представъ передъ судомъ, онъ держалъ себя крайне дерзко, утверждалъ, что онъ выданъ вопреки международному праву, почему судъ не имѣетъ права судить его.

Сидя въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, онъ умудрился войти въ сношеніе съ революціонерами внѣ крѣпости, намѣревавшимися убить Императора Александра II, писалъ прокламацію къ войскамъ и рекомендовалъ для революціонныхъ дѣйствій Желябова, отличавшагося особою энергіею.

Въ нечаевскомъ процесѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, фигурировали 87 человекъ, изъ которыхъ четыре лица приговорены къ каторжной работѣ, двое къ ссылкѣ, двадцать семь къ тюремному заключенію, а остальные оправданы за недостаткомъ юридическихъ уликъ. Но и оправданные все-таки заплатились: кто былъ административно высланнымъ, а кто получилъ такую аттестацію, что нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ нѣкто К., человекъ умный и образованный и очень способный. Посидѣвъ въ крѣпости и очутившись на свободѣ, онъ нигдѣ не могъ пристроиться. Хотя судомъ онъ не былъ обвиненъ, но какъ имя его было на судѣ, и онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ крѣпости, то сдѣлался человекомъ съ волчьимъ паспортомъ. И вотъ однажды, придя ко мнѣ, онъ завелъ такую рѣчь:

— Я, Сергѣй Павловичъ, имѣю къ вамъ большую просьбу, и если вы исполните, то я буду очень вамъ благодаренъ.

— Что же именно вамъ угодно?

Разсказавъ свое положеніе и добавивъ, что даже люди близкіе отказываются принять въ немъ участіе, онъ сказалъ:

— Не можете ли вы мнѣ оказать какое-нибудь содѣйствіе, чтобы вывести меня изъ этого положенія.

Признаюсь, что меня сначала это очень озадачило; что я могъ сдѣлать человеку, судьба котораго зависѣла исключительно отъ III отдѣленія, съ которымъ я не имѣлъ никакого дѣла.

— Просьба ваша, Вл. Ив., ставитъ меня въ тупикъ. Генераль Дрентельнъ не находится со мною въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Разсчитывать, что онъ исполнитъ мою просьбу, съ моей стороны было бы самонадѣянностію, а получить отказъ всегда непріятно. Я убѣжденъ, что просьба моя будетъ совершенно бесполезна.

— Но отчего вы не хотите попробовать? вѣдь вамъ это ничего не стоитъ. Попробуйте.

— Ну хорошо, я попробую; только не ласкайте себя надеждою.

На слѣдующій день, надѣвъ мундиръ, я отправился въ III отдѣленіе. По докладѣ обо мнѣ, я былъ тотчасъ же принятъ генераломъ Дрентельномъ.

— Что вамъ отъ меня угодно? спросилъ онъ.

— Я имѣю просьбу къ Вашему Высокопревосходительству объ одномъ политическомъ преступникѣ.

— А именно?

— О К., который былъ судимъ по Нечаевскому дѣлу, обвиненъ не былъ, сидѣлъ въ крѣпости и теперь ему всюду закрыта дорога, а между тѣмъ до этого дѣла онъ состоялъ на службѣ.

Генераль Дрентельнъ, подумавъ немного, спросилъ:

— А вы, Ваше Превосходительство, можете за него поручиться?

— Вамъ извѣстно, отвѣчалъ я, что теперь такое время, что если мои собственныя дѣти не были бы при мнѣ, то я затруднился бы отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Но вѣдь если вы за него просите, то должны знать, что это за человѣкъ.

— Я его знаю, какъ добросовѣстнаго и образованнаго человѣка, и слышалъ въ этомъ отношеніи одобрительные отзывы о немъ въ мѣстѣ бывшей его службы¹⁾. Словомъ, Ваше Высокопревосходительство, Ковалевскому предстоятъ двѣ дороги: или къ намъ или къ нимъ, третьяго выбора нѣтъ, и отъ васъ зависитъ направить на ту или другую дорогу.

— Ну, хорошо, сказалъ Дрентельнъ, дайте записку, я велю навести справку, и если Ковалевскій послѣ своего дѣла ни въ чемъ замѣченъ не былъ, то я не буду препятствовать поступить ему на службу. А васъ я увѣдомлю.

Записка была подана 23 ноября, а 28 ноября я уже получилъ слѣдующую бумагу.

3 Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярія, 3 Экспедиція, 28 ноября 1878 г. № 4940.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ!

По докладѣ Г. Главному Начальнику III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярія записки Вашего Превосходительства отъ 23 ноября на счетъ кандидата сельскаго хозяйства Владиміра Ивановича Ковалевскаго Его Высокопревосходительство поручилъ мнѣ сообщить Вамъ, что если Ковалевскій будетъ принятъ къмъ-либо на службу, то со стороны III Отдѣленія препятствій не будетъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ учебная часть и прокуратура, куда Ковалевскій вслѣдствіе своего прошлаго допущенъ быть не можетъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

II. Черевинъ.

Получивъ такое удовольствіе, я тотчасъ же самъ повезъ эту бумагу директору департамента В. И. Вешнякову.

— Вотъ вамъ разрѣшеніе принять на службу Ковалевскаго.

Прочитавъ бумагу, Вешняковъ сказалъ:

— Я очень радъ за него; это очень полезный работникъ, дайте мнѣ письмо Черевина, я пошлю его Валуеву, чтобы онъ могъ безъ опасенія принять въ министерство Ковалевскаго.

¹⁾ Я зналъ директора департамента В. И. Вешнякова.

Больше мѣсяца прошло времени, а я не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ 5 января 1879 года я получилъ бумагу:

М. Г. И. Директоръ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, 5 января 1879 г. № 17.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ!

По докладѣ мною Господину Министру Государственныхъ имуществъ возвращаемаго при семъ письма къ Вашему Превосходительству свиты Его Величества генерала Черевина отъ 28 ноября 1878 г. за № 4940, Его Высокопревосходительство изъявилъ согласіе принять кандидата сельскаго хозяйства, отставного прапорщика Владиміра Ковалевскаго на службу въ департаментъ Земледѣлія и Сельскаго Хозяйства, но предварительно распоряженія по этому предмету вошелъ въ сношеніе съ Г. Главнымъ Начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Имѣю честь увѣдомить о семъ Ваше Превосходительство, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

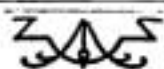
В. Вешняковъ.

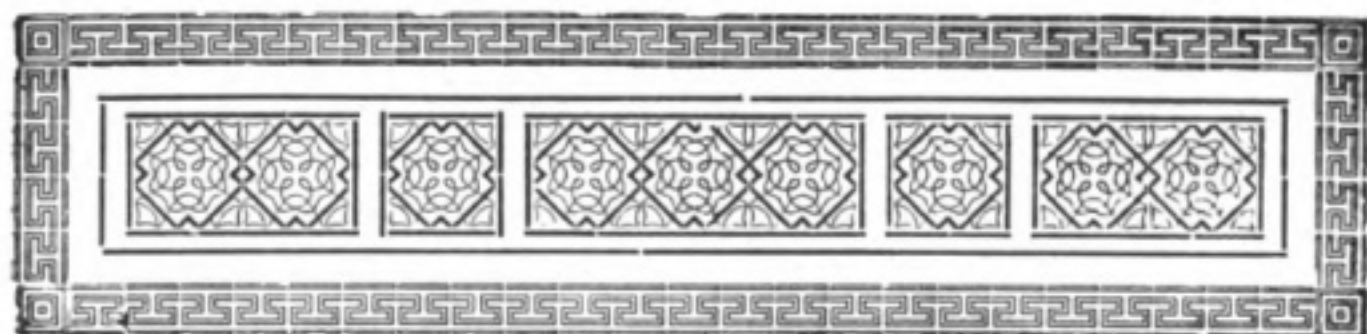
Неизвѣстно, почему Валуеву понадобилась вторичная справка, когда онъ имѣлъ уже въ рукахъ письмо Черевина. Но какъ бы то ни было, результатомъ дѣла Ковалевскаго было то, что онъ принять на службу и впослѣдствіи былъ товарищемъ министра.

Въ 1898 году Ванновскій оставилъ министерскій постъ, и всѣ были увѣрены, что на этотъ разъ постъ этотъ займетъ вполнѣ его достойный Обручевъ. Можно представить себѣ всеобщее изумленіе, когда узнали, что министерское кресло занялъ не Обручевъ, а Куропаткинъ, котораго до тѣхъ поръ знали, какъ слѣпого исполнителя распоряженій Скобелева, при которомъ онъ состоялъ во время войны 1877—78 гг. Затѣмъ являлся другой вопросъ: кто могъ его рекомендовать? И общій голосъ называлъ Ванновскаго, который однако до самой своей смерти отрекался и даже сердился, когда ему это ставили въ вину.

При Куропаткинѣ я оставилъ службу, почему и оканчиваю свои наброски, ибо имя г. Куропаткина уже и безъ меня занесено на скрижали Русской Исторіи.

С. П. Зыковъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXX ¹⁾.

Въ настоящей главѣ мнѣ придется вернуться къ тому, о чемъ я уже говорила раньше, а именно по поводу столкновений турокъ съ христіанами на религіозной почвѣ и утверждать, что прискорбныя событія эти обыкновенно вызываются или армянами или греками.

Замѣчено также было мною, что колонисты западныхъ расъ, если и подвергались опасности въ моменты взрыва мусульманскаго фанатизма, то чисто по стихійнымъ причинамъ. Отсюда легко понять, что сказанное явленіе обуславливается болѣе культурнымъ отношеніемъ послѣднихъ къ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ другихъ.

Это вовсе не мое личное мнѣніе, а существующій фактъ.

Такъ уже принято съ незапамятныхъ временъ считать турка гонителемъ христіанскихъ народностей, вошедшихъ въ составъ его государства.

Что было раньше, въ отдаленнѣйшія эпохи его историческаго существованія, то уже миновало безвозвратно — съ тѣхъ поръ все измѣнилось по иному, а сейчасъ господствующій народъ Оттоманской имперіи болѣе угнетенъ у себя же на родинѣ, чѣмъ подвластныя ему племена, далеко перешедшія за предѣлы бывшей зависимости.

Кровавое происшествіе, о которомъ я намѣрена рассказать здѣсь, въ достаточной степени опредѣляетъ характеръ грека и турка

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1910 г.

и можетъ также послужить нѣкоторымъ образомъ иллюстраціей къ тѣмъ отношеніямъ, которыя сложились между ними.

Вотъ, какъ примѣръ, сценка, гдѣ наглядно выступаетъ несимпатичная черта аллина по отношенію къ набожному мусульманину.

Въ галлерейхъ и колоннадахъ, окружающихъ дворы мечетей, всегда можно видѣть множество всякаго люда разныхъ національностей, толкающихся здѣсь, кто по дѣламъ торговли, а кто и такъ, любопытства ради.

Молодые греки или „паликаріи“ ¹⁾, какъ зовутъ ихъ тамъ, также являются сюда погулять и за неимѣніемъ болѣе интересныхъ развлеченій, а вѣрнѣе отъ избытка удалства и задора, нерѣдко устраиваютъ себѣ такого рода потѣху.

Магометане, какъ извѣстно, входятъ въ мечети босикомъ, а обувь кладутъ возлѣ себя рядомъ на коверъ или цыновку, покрывающіе мраморный полъ храма.

Съ лицомъ, обращеннымъ въ сторону Мекки, и ритмически раскачиваясь въ тактъ каждой строкѣ священнаго писанія, читаемаго муллою, исламить пламенно молится пророку и весь уходитъ въ небеса. Охваченный религіознымъ экстазомъ, онъ дѣлается чуждъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и готовъ скорѣе согласиться умереть, чѣмъ не исполнить хотя бы одного изъ обрядовъ намаза ²⁾, установленныхъ Кораномъ.

Пользуясь этимъ, нѣсколько сорванцовъ, специалистовъ по части скандаловъ, украдкой проникаютъ черезъ боковыя двери въ мечеть и, выждавъ минуту наивысшаго подъема восторженнаго настроенія молящихся, начинаютъ безобразничать: кладутъ на склоненныя головы бумажки, щепки и что попало, а затѣмъ ускользаютъ, какъ тѣни, захвативъ съ собою обувь богомольцевъ, и разбрасываютъ ее по улицамъ.

Видятъ ли мусульмане продѣлки эти, или ничего не замѣчаютъ, погруженные въ самосозерцаніе—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ знаютъ о нихъ. Понятно, что такія непристойныя выходки молодцовъ также способствуютъ нарастанію недобрыхъ чувствъ къ грекамъ, такъ какъ только они, да еще армяне разрѣшаютъ себѣ подобныя забавы.

Но вернемся къ обѣщанному мною разсказу.

Въ Турецкой имперіи, какъ для охраны посольствъ, такъ и

¹⁾ Молодцы, парни, а прежде такъ вазывали наемныхъ солдатъ для турецкихъ войскъ.

²⁾ Ежедневныя молитвы и омовенія, обязательныя пять разъ въ день.

консуловъ, принято нанимать магометанъ вообще: арнаутовъ, албанцевъ, турокъ изъ запасныхъ и др.

У моего дяди былъ всего одинъ кавасъ, малоазіатскій уроженецъ изъ разбойничьяго племени Лазовъ. Звали его Али. Любилъ онъ насъ до фанатизма и преданъ былъ всей душой. За всю долготную службу свою при нашемъ консульствѣ, онъ единственный разъ позволилъ себѣ выразить неудовольствіе по поводу слѣдующаго смѣшнаго совпаденія.

Какъ-то Мидхадъ-паша, возвращаясь изъ Багдада, привезъ оттуда въ подарокъ намъ громаднаго бѣлаго кота съ разноцвѣтными глазами: голубымъ и зеленымъ. Надо же было случиться тому, что и кота звали „Али“.

Узнавъ объ этомъ, самолюбивый азіатецъ обидѣлся и тотчасъ же заявилъ намъ, что животное не имѣетъ права носить одинакое имя съ правовѣрнымъ мусульманиномъ, и тутъ же выразилъ опасеніе, что благодаря такому досадному случаю, онъ рискуетъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ со стороны своихъ коллегъ при другихъ консулахъ, а также и домашней прислуги.

Тогда рѣшено было назвать четвероногого тезку нашего каваса какъ-нибудь иначе; провести такую важную реформу оказалось не совѣмъ-то легко: новоприбывшій не отзывался на другія клички и видимо дорожилъ даннымъ ему при рожденіи именемъ.

Послѣ долгихъ обсужденій и споровъ мы подошли, наконецъ, къ компромиссу и мужское „Али“ замѣнили женскимъ „Лили“. Такой простѣйшій пріемъ уладилъ дѣло къ общему удовольствію: котъ даже не замѣтилъ фальсификаціи, а вѣрный стражъ нашего дома успокоился.

Въ правы послѣдователей Ислама вошло такое правило: „чей хлѣбъ ты ѣшь и кому служишь, того береги, какъ душу свою“. Судите сами, что на людей съ подобными убѣжденіями можно положиться вполне. Вотъ почему всѣ агенты дипломатіи въ Оттоманскомъ государствѣ берутъ тѣлохранителями къ себѣ непременно магометанъ.

Однажды съ балкона я замѣтила необычайное движеніе по всему протяженію дороги, примыкающей къ крѣпости, и вскорѣ мимо нашего дома скакали всадники, сидя верхами по-мужски на ослахъ и мулахъ, поспѣшно направляясь къ югу въ сторону горъ. То были турчанки изъ цитадели и предмѣстій. Видъ ихъ казался очень страннымъ: всѣ безъ исключенія держали въ объятіяхъ кто дѣтей, кто узлы съ подушками, направляя бѣгъ животныхъ ударами ногъ по ихъ бокамъ, а привязанная къ сѣдламъ кухонная батарея мѣдныхъ тазовъ и кастрюль оглушительно звенѣла и тарахтѣла.

Сначала можно было подумать, что дракону опять пришла фантазія учинить новую каверзу на небесахъ; но солнце еще не закатилось, и въ ближайшемъ будущемъ не предвидѣлось затменія луны.

Вдругъ издали донесся залпъ ружейнаго огня въ перемежку съ громкими воплями множества голосовъ, а съ крѣпостныхъ валовъ, не взирая на сіяніе дня, треща, взвились ракеты.

— Господи, спаси насъ!—закричала вбѣжавшая на балконъ Marie,—да вѣдь это сигналы къ избіенію христіанъ!...

Какъ бы въ отвѣтъ на сказанное ею, снова раздались оглушительные выстрѣлы, и эхо яростныхъ криковъ покатилося оттуда.

Въ то же время вернулся съ базара нашъ поваръ-французъ и, еле дыша отъ испуга, подтвердилъ, что въ городѣ вспыхнуло волненіе, и что турецкіе солдаты стрѣляютъ въ христіанъ; но изъ чего собственно произошло все это—онъ не зналъ.

— А гдѣ же мужъ мой?!—оглянулась Marie и въ ужасѣ заметалась по комнатамъ. Но послѣдняго и слѣдъ простылъ: выдавшій всякіе виды и положенія за многіе годы жизни своей на мусульманскомъ востоцѣ, дядя не растерялся и по первой же тревогѣ немедленно бросился къ губернатору.

Узнавъ объ этомъ отъ прислуги, тетя, рыдая, вернулась ко мнѣ и трепетнымъ голосомъ проговорила: „идемъ, умоляю тебя, и умремъ вмѣстѣ съ нимъ“.

Я повиновалась, и мы, что было силы, полетѣли, какъ на крыльяхъ къ мѣсту происшествія.

Изнемогая и задыхаясь, намъ приходилось еще и наталкиваться на множество препятствій нашему стремительному бѣгу: все населеніе Хіоса было на ногахъ и толпилось въ проходахъ узенькихъ улицъ и по набережной, загораживая путь.

Невообразимая сумятица царила здѣсь: всѣ, даже женщины, тащили съ берега кто что могъ: лодки, бревна, камни, бочки и тутъ же воздвигали баррикады.

Окна заколачивались досками.

Кто-то крикнулъ, что шейхи собрались на тайное совѣщаніе въ главной крѣпостной мечети, и возгласъ этотъ произвелъ страшный переполохъ: жители странъ полумѣсяца прекрасно знаютъ, чего можно ожидать послѣ такихъ собраній...

Мы двинулись дальше.

— Боже мой!—думалось мнѣ,—идемъ на вѣрную смерть подъ выстрѣлы озвѣрѣвшихъ солдатъ, а жизнь такъ хороша!... Горькія слезы отчаянія хлынули изъ глазъ, и безумная тоска сжала сердце.

„Нѣтъ, такъ не должно быть, еще есть надежда“,—мелькало не-

ясно въ головѣ: „мы встрѣтимъ Тафти-бея—онъ, конечно, тамъ по долгу службы—и отдадимся подъ его защиту“, ухватила я за эту мысль; но сейчасъ же и оставила ее, вспомнивъ, что наши взаимныя съ нимъ отношенія уже были не тѣ со времени печальнаго инцидента съ Августомъ Жаба.

Еще одно обстоятельство увеличивало опасность для насъ: на рейдѣ кромѣ греческаго паруснаго флота коммерсантовъ не стояло на якорѣ ни одного военнаго корабля подъ европейскимъ флагомъ; но зато сильная турецкая эскадра имѣла здѣсь постоянную станцію.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, намъ удалось все-таки добраться до той стѣны цитадели, противъ которой находился конакъ пашалыка, и то, что мы увидѣли здѣсь, обѣщало мало хорошаго: изъ крѣпостныхъ воротъ выѣзжала артиллерія съ шестью пушками—положеніе, какъ видно, обострялось.

Мы смѣшались съ толпой и бодро пошли впередъ, намѣреваясь проникнуть въ резиденцію губернатора.

Изъ говора вокругъ можно было понять, что не далѣе, какъ часъ тому назадъ, въ горячей схваткѣ съ греками турки разстрѣляли здѣсь на площади какихъ-то прохожихъ изъ европейскаго квартала.

Не могу выразить чувство смертельнаго ужаса, охватившаго насъ при этомъ: мы рванулись далѣе, разспрашивая по пути, не видалъ ли кто-нибудь русскаго консула? Но магометане отвѣчали негодующими взглядами и отворачивались, а левантинцы, пришедшіе сюда изъ католической колоніи, ничего не знали о немъ.

У входа въ конакъ намъ пришлось остановиться: часовые и отрядъ моряковъ, окруживъ дворецъ вплотную, не пропускали туда никого, кромѣ консуловъ; но между ними не было дяди.

Не оказалось здѣсь и того, къ кому лѣзли сейчасъ мои мечты и надежды.

— Вотъ и права Marie, — вздохнула я, — утверждая, что никогда мстительное сердце азіата не проститъ женщинѣ даже минутнаго заблужденія—а вѣдь любилъ-то какъ!...

Кругомъ зловѣще рокотали людскія волны и грозили опрокинуть насъ въ бездны.

Въ толпѣ военныхъ я встрѣтилась глазами со старичкомъ-офицеромъ изъ артиллерійскаго парка, Хассаномъ-Эфенди. Этотъ бѣдняга былъ обязанъ лично мнѣ матеріальной помощью въ трудную минуту жизни, и я, при случаѣ, расскажу его грустную повѣсть. Но, видно, онъ не рѣшался на глазахъ охваченной буйнымъ порывомъ толпы солдатъ оказать мнѣ знаки участія и, скрививъ ротъ на подобіе улыбки, поспѣшно отошелъ въ сторону.

Но странной психологія вещей, человѣку, находящемуся въ самыхъ опасяемыхъ и критическихъ положеніяхъ, всегда лѣзутъ въ голову совершенно постороннія и неумѣстныя мысли—это извѣстно каждому. Таково было и мое настроеніе тогда.

Окруженная массой враждебно настроенныхъ людей и сознавая весь ужасъ подобной обстановки, я въ то же время незамѣтно углублялась въ размышленія о томъ, что не мѣшало бы воспользо-ваться столь удобнымъ случаемъ и прославить себя какимъ-нибудь удивительнымъ, подвигомъ, въ родѣ, напримѣръ, Жанны д'Аркъ, и разгоряченное воображеніе уже рисовало мнѣ авансомъ заманчивыя картины овацій, энтузіазма спасенныхъ мною христіанъ, восхваленій на газетныхъ столбцахъ мужества, энергіи, находчивости, которыя я собиралась еще проявить при дальнѣйшемъ ходѣ настоящаго событія, какъ вдругъ восклицаніе Marie вернуло мою уже „знаменитую“ особу изъ области фантазій къ дѣйствительности:

— Смотри! на балконѣ адъютантъ—ахъ, если бы позвать его!

Но Тафта уже замѣтилъ насъ и поспѣшилъ сойти внизъ. Недобрая! усмѣшка скользнула по лицу его, когда наши взгляды встрѣтились, но онъ тотчасъ же отвернулся отъ меня. Затѣмъ, раскланиваясь съ теткой, бей очень вѣжливо проговорилъ:

— Вашъ мужъ у Кіамиль-паши—если угодно, я проведу васъ туда же?

Marie со слезами на глазахъ поблагодарила его.

По данному имъ знаку цѣпь караула разомкнулась и, пропустивъ насъ, вновь сомкнулась.

Мы проворно взбѣжали наверхъ и вошли въ пріемную.

Тамъ происходило нѣчто странное: окруженный мѣстными агентами дипломатівъ, въ числѣ которыхъ мы, наконецъ, увидѣли того, кого такъ страстно искали, губернаторъ стоялъ посреди комнаты, и видъ его былъ достоинъ глубокаго состраданія: всей фигурой своей онъ напоминалъ человѣка, пришибленнаго ужаснымъ несчастіемъ, глаза растерянно блуждали, а черты лица носили слѣды чрезвычайной усталости и болѣзненнаго состоянія.

Консула, также крайне взволнованные, горячились и видимо угрожали ему чѣмъ-то. Онъ же безпомощно разводилъ руками и призывалъ во свидѣтели имя Аллаха.

Послѣ довольно продолжительныхъ преній и обсужденій вопроса, Кіамиль-паша въ рѣшительномъ тонѣ заявилъ, что беретъ на себя всю отвѣтственность и ручается за безопасность христіанскаго населенія во ввѣренномъ ему пашалыкѣ.

Желая во что бы то ни стало выступить въ роли героини, какъ было задумано мной, я, съ невольнымъ порывомъ высокихъ

чувствъ,—хотя и не лишенныхъ въ глубинахъ своихъ честолюбивыхъ поползновеній на славу Орлеанской дѣвы,—бросилась къ намъ и, обливаясь потокомъ горячихъ слезъ, стала умолять его о защитѣ всѣхъ насъ, христіанъ, и доказывать ему, что таковы, вообще, обязанности мудраго и справедливаго правителя страны.

Турки почему-то считаютъ ниже своего достоинства обнаруживать чувство удивленія, и эта характерная черта сказалась и здѣсь: мое развязное обращеніе съ нимъ, да еще въ присутствіи столькихъ мужчинъ, что уже само по себѣ съ мусульманской точки зрѣнія заслуживало порицанія, тѣмъ не менѣе, не вызвало ни малѣйшаго измѣненія въ выраженіи его лица: тихо, вѣжливо и не волнуясь, онъ отвѣтилъ:

— Богъ съ вами, *mademoiselle*! успокойтесь, мы не звѣри.... но какова подлость и дерзость тѣхъ.... И Кіамиль-наша замолчалъ, не договоривъ чего-то.

Засимъ, повторивъ обѣщаніе уладить все, какъ слѣдуетъ, онъ спустился внизъ, на плацъ и явился передъ толпой бушевавшихъ солдатъ.

О чемъ бесѣдовалъ съ ними начальникъ края—не извѣстно; но мы сами видѣли изъ оконъ его кабинета, какъ гарнизонъ безъ всякихъ колебаній снялся съ мѣста и мѣрнымъ шагомъ сталъ удаляться по направленію казармъ.

Вернувшись обратно наверхъ, губернаторъ увѣренно объявилъ намъ, что требованія г.г. представителей державъ онъ выполнилъ въ точности, самолично успокоивъ взволнованные умы и уговоривъ не въ мѣру расходившіяся страсти, такъ что бояться новыхъ вспышекъ фанатизма не имѣлось къ тому, по его словамъ, никакихъ основаній, а потому, молъ, онъ и предлагаетъ почтенному собранію разойтись по домамъ, чтобы отдохнуть послѣ тревогъ протекшаго дня.

Тогда мы всѣ вмѣстѣ покинули конакъ и вышли на опустѣвшую площадь. Красные лучи заката уже догорали, скользя по вершинамъ горнаго хребта, а на море и землю ложилась темная, южная ночь; отдаленные звуки затихающей городской жизни таяли и умирали въ прозрачномъ воздухѣ, и только одинъ протяжный голосъ муэдзина, призывавшаго къ вечерней молитвѣ, нарушалъ загадочное безмолвіе, царившее надъ ареной кроваваго столкновенія османъ съ эллиномъ, этихъ вѣковыхъ сожителей на цвѣтущей, прекрасной родинѣ Гомера.

Паша сказалъ правду: все обстояло благополучно.

Но мы заблуждались: то было только начало, а продолженіе не замедлило наступить.

Г л а в а XXXI.

Отъ нашихъ спутниковъ по дорогѣ я узнала, наконецъ, изъ-за чего собственно возникло прискорбное недоразумѣніе, результатомъ котораго было столько жертвъ.

Взрывъ негодованія мусульманъ произошелъ, какъ и всегда, на религіозной почвѣ; но съ нашей европейской точки зрѣнія поводомъ къ тому, что случилось, послужилъ прямо таки анекдотъ, о которомъ говорить-то нельзя безъ смѣха, и сказавшій это, греческій консулъ, г. Мильтіади закатился хохотомъ.

Дѣло было такъ. На базаръ пришелъ грекъ и купилъ у турецкаго мясника кусокъ баранины. Разговорились и заспорили о преимуществахъ религій. Православный хвалилъ свою вѣру, а магометанинъ съ глубокимъ убѣжденіемъ возражалъ, что Исламъ выше и что Магометъ самый главный пророкъ Аллаха.

Глупый грекъ отвѣтилъ, что Магометъ вовсе и не пророкъ, а „мошенникъ“ и „дуракъ“....

Назови онъ своего собесѣдника дуракомъ или еще болѣе обиднымъ прозвищемъ, турокъ отвѣтилъ бы ему тѣмъ же, и ссора ихъ не пошла бы дальше обыкновенной перебранки, а затѣмъ оба разошлись бы какъ ни въ чемъ не бывало до новой, пріятной встрѣчи.

Но пламенная душа османа не вынесла поношенія невѣрнымъ величайшей святыни Ислама и съ воплемъ: „гяуръ ругаетъ нашего пророка“—вонзилъ ему въ сердце тотъ самый ножъ, которымъ рѣзалъ баранину.

Этого возгласа мясника было достаточно, чтобы разбудить въ сердцахъ мусульманъ звѣря. Сосѣдніе торговцы турки, а также пришедшіе сюда матросы военной эскадры съ грозными криками бросились на покупателей-христіанъ и принялись съ ожесточеніемъ ихъ бить.

По роковой случайности въ сказанный моментъ шелъ мимо базара къ таможенѣ караулъ часовыхъ на смѣну. Шумъ и суматоха привлекли вниманіе ихъ. Съ прижатыми штыками и ускореннымъ шагомъ они тотчасъ же прибыли къ мѣсту происшествія; но вмѣсто того, чтобы помочь избиваемымъ, солдаты сами пришли въ ярость и учинили форменную рѣзню.

Нѣсколько человѣкъ было убито и много ранено.

Греки, хотя и большіе задиры, но все-таки очень храбрый народъ, моментально сьорганизовались и при помощи подоспѣвшихъ съ набережной паликаровъ дали туркамъ внушительный отпоръ.

Одновременно на другомъ концѣ города разыгралась другая не менѣ ужасная драма.

Въ крѣпость къ старьевщикамъ, которые тамъ всегда торговали, пришли два греческихъ священника; пока шла купля и продажа тряпья, прибѣжалъ сюда же избитый паликарами турокъ и началъ вопить, что греки издѣваются надъ именемъ пророка и рѣжутъ правовѣрныхъ.

Гарнизонъ вспыхнулъ, какъ порохъ, и въ первую голову опрокинулся на нѣ въ чемъ неповинныхъ стариковъ. Обвиняя послѣднихъ въ подстрекательствѣ народа противъ религіи Магомета, турки принялась съ ожесточеніемъ рвать имъ бороды, волосы и безпощадно мучить ихъ.

Обезумѣвъ окончательно и не слушая увѣщаній коменданта и офицеровъ, солдаты съ оружіемъ въ рукахъ кинулись на площадь и подняли отчаянную стрѣльбу по всѣмъ безъ разбора прохожимъ, которыхъ бывало здѣсь всегда очень много въ базарные часы дня, такъ какъ мимо цитадели шли дороги къ предмѣстьямъ и во внутрь страны.

— Да неужели же,—спросить, вѣроятно, будущій читатель этихъ строкъ,—могло возникнуть такое серьезное волненіе, благодаря только нелѣпой выходкѣ невѣжественнаго грека?

— Да!—будетъ мой отвѣтъ,—такъ оно и было въ дѣйствительности, и такова жизнь вообще, что изъ мелочей нерѣдко создаются великія драмы. Но во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ, и я передаю его на этихъ страницахъ.

Раскаты ружейнаго огня подняли тревогу и вызвали панику въ гаремахъ. Тогда на арену событія выступили представители духовной власти, шейхи и улемы. Но вмѣсто того, чтобы успокоить разгорѣвшіяся страсти, они сами прониклись настроеніемъ толпы и стали во главѣ движенія.

Слишкомъ опытные въ такихъ дѣлахъ и очень дальновидные, хитроумные руководители мусульманской совѣсти тотчасъ же учли количественный перевѣсъ греческаго населенія, а отсюда вѣроятность активнаго выступленія послѣднихъ и приняли къ тому соответствующія мѣры.

По ихъ указаніямъ женщины и дѣти были поспѣшно отправлены въ горы и деревни на южную сторону острова, а съ валовъ крѣпости даны сигнальныя ракеты. Значеніе послѣднихъ знаютъ всѣ, живущіе на магометанскомъ Востокѣ: въ моментъ взрыва религіознаго фанатизма обыкновенно ими призываются исламиты къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ невѣрныхъ гяуровъ.

Дядя мой показался на площади въ самый разгаръ буйной

вспышки солдатъ; но ему удалось пробраться къ конаку и подняться наверхъ къ губернатору, котораго онъ засталъ въ состояніи полнѣйшей растерянности и недоумѣнія, но нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ на ухо смущенному до потери сознанія начальнику края, было достаточно, чтобы вывести его изъ столбняка и заставить дѣйствовать.

Магическое средство, такъ быстро отрезвившее нашу, было хорошо извѣстно тогда всѣмъ сановникамъ Высокой Порты и называлось оно „генераль Игнатъевъ“—только и всего!

Вернувшись домой, Магіе стала звать зачѣмъ-то нашего каваса; но его не оказалось. Это обстоятельство удивило всѣхъ, такъ какъ Али никогда не отлучался безъ разрѣшенія на то.

Дядя, по обязанности вице-консула, отправился на телеграфную станцію, чтобы сообщить въ Посольство о происшествіи.

Мы подошли къ окнамъ, выходившимъ на море, открыли ихъ и тотчасъ же замѣтили, что съ берега Малой Азіи пускали ракеты: видимо шелъ обмѣнъ сигнализациі съ Чесмой, также подвластной Хюссескому пашалыку.

— Странно!—думалось намъ,—къ чему же сейчасъ эти условные знаки, когда, по словамъ Кіамиль-паши, инцидентъ уже былъ исчерпанъ и продолженіе его не предвидѣлось?

Магіе взяла подзорную трубку, а я вооружилась очень сильнымъ биноклемъ, и обѣ мы углубились въ наблюденіе за рейдомъ.

На сколько глазъ обнималъ водное пространство, отдѣлявшее насъ отъ материка, не видно было, чтобы оттуда спѣшили къ острову. Также оставалось загадкой, о чемъ собственно берегъ увѣдомлялъ соседа? Вскорѣ, однако, погасли яркія точки ракетъ, шумъ жизни умолкъ, и нѣмая тишина ночи водарилась подъ небесами.

Только видъ броненосной эскадры, неподвижно стоящей на якоряхъ у стѣнъ цитадели, не соответствовалъ данной минутѣ наступившаго покоя въ мусульманскомъ мірѣ — восточные народы ложатся спать вмѣстѣ съ закатомъ солнца, въ силу чего и на корабляхъ Оттоманскаго флота послѣ удара вечерней пушки весь экипажъ, кромѣ вахты, отходитъ ко сну. Но въ сказанный моментъ то, что происходило тамъ, привлекло къ себѣ наше усиленное вниманіе: по неосвѣщеннымъ палубамъ и вышкамъ морскихъ гигантовъ, выступая изъ темноты, скользили, подобно призракамъ, въ неясныхъ очертаніяхъ человѣческія фигуры, то внезапно исчезая съ поля зрѣнія, то появляясь вновь.

При слабомъ свѣтѣ народившейся луны, намъ все-таки удалось разсмотрѣть, что блуждающіе силуэты прятались за борта, опускаая

въ море концы веревокъ и вантъ, но для какой цѣли это дѣлалось—мы не могли понять.

Вдругъ серпъ мѣсяца нырнулъ за облака, и черный мракъ окуталъ атмосферу.

Волна робко взбѣжала на отмель, проснулася вѣтерокъ и снялъ вуаль, за которымъ скрывалась молодая луна.

— Ахъ!—слабо вскрикнула Marie—береговые башибузуки! ну, теперь смотри, — указала она на черную громаду одного изъ фрегатовъ, у кормы котораго качалась на вспѣнной водѣ цѣлая флотилія быстрокрылыхъ, малоазіатскихъ кайковъ.

Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ мы стали слѣдить изъ темной комнаты за эволюціями неожиданныхъ визитеровъ.

Тогда мнѣ стало казаться, что все это сонъ или фантасмагорія какая-то: въ невѣрномъ сіяніи лучей полумѣсяца, сквозь дымки теплыхъ испареній я видѣла, какъ со дна лодокъ поднимались на воздухъ тѣни, сливаясь въ безформенныя массы, дрожали, погружаясь въ туманъ и безслѣдно пропадали.

— Просто бредъ разстроеннаго воображенія или я во власти кошмара, — проносилося въ головѣ, — явились неизвѣстно откуда, точно изъ глубины морской, и растаяли на глазахъ...

— Башибузуки,—какое страшное слово!—говорила я, протирая себѣ глаза,—и что имъ здѣсь надо?...

— Къ несчастію, мы узнаемъ объ этомъ, вѣроятно, сегодня же ночью,—отвѣтила Marie.

Но какъ случилось, что анатолійскіе посѣтители ускользнули отъ нашихъ наблюденій и такъ незамѣтно подкрались къ рейду—осталось нерѣшеннымъ вопросомъ.

Когда же мы вновь навели бинокли по прежнему направленію, то оказалось, что „феерія“ уже была закончена, и занавѣсъ опущенъ: корабли, отбрасывая черныя тѣни, спали безмятежнымъ сномъ на своихъ якоряхъ, и ничто не указывало на присутствіе за ихъ стальными бортами живыхъ существъ, а по гребнямъ взволнованнаго легкою зыбью моря двигались еле замѣтныя точки, убѣгая въ даль, и мы знали, что то была легкая флотилія, спѣшившая къ роднымъ берегамъ, но уже безъ пассажировъ, которые остались погостить на безмолвной, неподвижной эскадрѣ... Тогда я убѣдилась, что это не сонъ и не бредъ, и что предстоитъ нѣчто весьма важное.

Г л а в а XXXII.

Вскорѣ затѣмъ вернулся дядя и сообщилъ, что на основаніи распоряженія губернатора, телеграфъ не принялъ его шифрованной депеши. Тогда онъ, сохраняя текстъ на русскомъ языкѣ, переписалъ ее латинскимъ шрифтомъ. И въ этомъ также отказали. А на заявленное имъ желаніе снестись съ нашимъ консуломъ въ Смирнѣ, ему отвѣтили, что телеграфировать можно кому угодно, но только съ открытымъ содержаніемъ и по-французски.

Подчиниться требованію турецкаго цензора было бы совсѣмъ неудобно, такъ какъ въ донесеніи заключалась просьба прислать военное судно подъ европейскимъ флагомъ. Такой шагъ со стороны агента дипломатіи означалъ бы недостатокъ довѣрія къ общаніямъ Кіамиль-паши успокоить населеніе и могъ бы оскорбить его. Такъ и пришлось уйти ни съ чѣмъ.

Тогда было рѣшено не спать до утра и ждать событій. На всякій случай надо было подумать и о самозащитѣ: позвали всѣхъ служащихъ въ конторѣ и роздали имъ запасъ оружія, который имѣлся всегда въ консульствѣ.

Около 3-хъ часовъ ночи возвратился неизвѣстно откуда и нашъ тѣлохранитель. Онъ былъ задумчивъ и видимо чѣмъ-то сильно озабоченъ. Послѣ замѣтнаго колебанія Али улыбнулся и ласково заговорилъ:

— Но почему коконы ¹⁾ не спятъ еще? развѣ можно ночью сидѣть у оконъ—долго ли заболѣть, да охранить ихъ Аллахъ!—И, обращаясь ко мнѣ, немедленно перешелъ въ ворчливый тонъ по установившейся въ немъ привычкѣ распекать меня:

— Иди ²⁾ къ себѣ, коковица ³⁾, и отдохни,—произнесъ онъ строго и повелительно,—и не бойся ничего: Али будетъ смотрѣть, чтобы злые люди не разбудили тебя,—и онъ приложилъ ладонь къ щекѣ и закрылъ глаза, выражая этимъ, что я могу ввѣриться его защитѣ.

Тогда мы догадались, что нашъ добрый, вѣрный кавасъ былъ на тайномъ совѣщаніи, и прекрасно поняли значеніе сказаннаго имъ: за текущую ночь онъ ручался, а иначе преданный намъ всей душой Али говорилъ бы совсѣмъ другое. Несомнѣнно, что онъ на-

¹⁾ Коконъ по-новогречески—госпожа; но и турки называютъ такъ европейскихъ дамъ.

²⁾ Въ турецкомъ языкѣ не существуетъ форма обращенія къ единичному лицу на „вы“.

³⁾ Уменьшительное отъ „коконы“, т. е. „маленькая госпожа“.

ходилъ въ курсъ дѣла, и ему былъ извѣстенъ планъ, принятый въ секретномъ засѣданіи. Но невольно являлось такого рода соображеніе: если нападеніе на христіанъ не стояло въ программѣ, то для чего же собственно вызваны съ берега банды горцевъ и скрыты въ нѣдрахъ эскадры?

Затѣмъ кавасъ выразилъ желаніе остаться съ своимъ господиномъ вдвоемъ. Мы съ Магіе вышли въ сосѣднюю комнату, откуда намъ все было слышно.

Дядя спросилъ его, почему онъ самъ до сихъ поръ не легъ спать, такъ какъ завтра наступалъ канунъ праздника „Рожденія Магомета“, а, слѣдовательно, надо было встать рано къ утренней молитвѣ въ мечети?

На это Али дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ, прибѣгая по обычаю турокъ къ своеобразнымъ оборотамъ рѣчи:

— Эфендимъ ¹⁾! у меня на сердцѣ тяжелая мысль и большая забота о нашихъ коконахъ: старшая давно не видѣлась съ родными—это не хорошо! а маленькая—охъ, какъ ей скучно здѣсь! Въ Хіосѣ ничего нѣтъ хорошаго, гадкій грекъ—мошенникъ, только и всего!—При этомъ онъ даже презрительно сплюнулъ и продолжалъ:

— Ни музыки хорошей, ни красивыхъ кавалеровъ—ничего нѣтъ, и наша коконица, вотъ увидишь, похудѣетъ и умретъ! Эфендимъ, будь милостивъ, успокой ты меня, стараго слугу: отправь ихъ обѣихъ въ Смирну, а зато Аллахъ сохранитъ тебя отъ всякой бѣды и злыхъ враговъ...

Хитрость его была шита по черному бѣлымъ, и мы поняли, что намъ угрожало что-то, а потому онъ такъ усердно хлопоталъ удалить насъ изъ Хіоса, надѣясь, что его начальникъ, не связанный семьей, отстоятъ себя, какъ и случалось не разъ въ прежніе годы службы моего дяди въ Сиріи, переполненной арабскими разбойниками.

Долго еще убѣждалъ и кланялся Али, прикладывая руку къ сердцу и вытирая украдкой набѣгавшія слезы.

— А когда по-твоему удобнѣе отправить ихъ?—какъ бы наивно спросилъ его дядя.

— На слѣдующій день нашего праздника,—радостно отвѣтилъ онъ,—я буду тогда свободенъ, самъ уложу вещи и отвезу ихъ на пароходъ.

Успокоенный на счетъ нашей участи вѣрный слуга ушелъ къ себѣ.

¹⁾ Благородный господинъ мой.

Чтобы закончить главу, я намѣреваюсь сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое принадлежитъ духовенству въ жизни Ислама. Это будетъ и своевременно, такъ какъ читатель пойметъ тогда, почему, напримѣръ, Кіамиль-паша при всей доброй волѣ не могъ бы остановить хода кроваваго событія.

Мусульмане, какъ извѣстно, не признаютъ нашего дѣленія на гражданскія и церковныя законодательства.

Сводъ законовъ у нихъ только одинъ—это Коранъ, а вся полнота абсолютной власти находится въ рукахъ истолкователей вѣлній пророка, и даже свѣтскія прерогативы султана были бы миражомъ, если бъ не калифатъ его, т. е. главенство надъ религіей.

Всѣ эти шейхи, улемы, имамы—вотъ истинные и дѣйствительные властелины душъ и сердецъ послѣдователей Магомета. Отъ нихъ зависитъ въ желанный часъ объединить народныя массы въ одинъ порывъ и въ одно стремленіе.

Этимъ-то и обусловливается тотъ жуткій страхъ, который овладѣваетъ христіанскимъ населеніемъ, когда становится извѣстнымъ, что правовѣрные собрались на тайное совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ духовныхъ лицъ.

Обыкновенно такія засѣданія открываются въ случаяхъ исключительной важности, напримѣръ, когда вспыхиваютъ страсти религіознаго фанатизма.

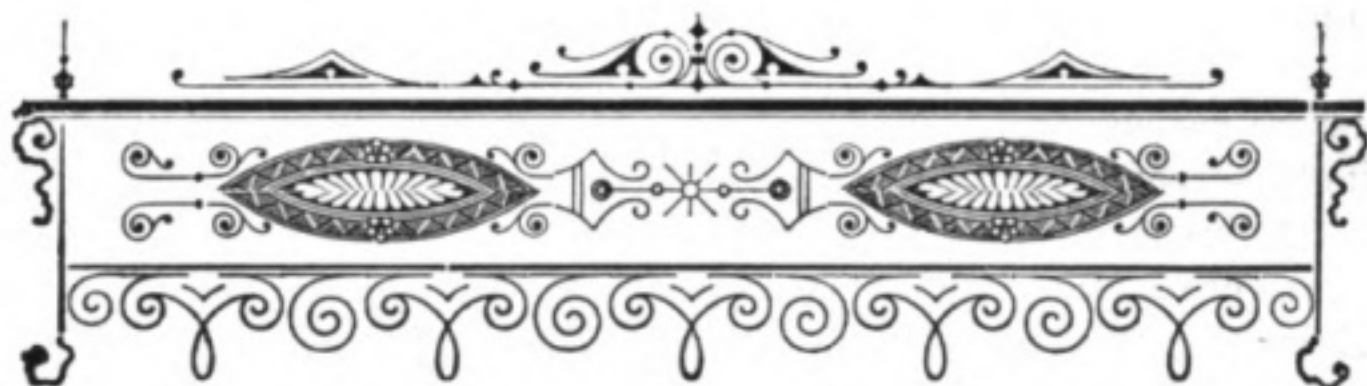
Тогда руководители и воспитатели Ислама приглашаютъ своихъ духовныхъ чадъ въ мечети и при закрытыхъ, строго охраняемыхъ, входахъ приступаютъ къ совмѣстному обсужденію способовъ воздѣйствія на невѣрныхъ.

Конечнымъ результатомъ этихъ собраній бываетъ въ большинствѣ случаевъ нападеніе на христіанъ и жестокая рѣзня.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тестъ А. С. Грибоѣдова—князь Александръ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка.

(Материалы для біографіи А. С. Грибоѣдова) ¹⁾.

воливъ Красовскаго отъ должности эриванскаго губернатора, Паскевичъ на его мѣсто назначилъ генераль-маіора грузинскаго князя Александра Чавчавадзе.

Онъ былъ сынъ знаменитаго Герсевана Чавчавадзе, котораго царь Ираклій послалъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II, какъ

¹⁾ Сравнительно недавно, въ 1907 году, въ Парижѣ вышло на французскомъ языкѣ обширное изслѣдованіе, озаглавленное: „Alexandre Sergiévitch Griboïedov. Sa vie—ses oeuvres“. Thèse pour le doctorat, présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris par Olga Kramareva.

Эта интересная ученая работа, въ достаточной степени охватывающая всю литературу вопроса, разбросанную въ старыхъ журналахъ и отдѣльных изданіяхъ, касающуюся жизни и трудовъ А. С. Грибоѣдова, начиная съ 1829 года по день изданія диссертациі, не лишена однако и нѣкоторыхъ пробѣловъ, касающихся характеристики тѣхъ или другихъ лицъ, имѣющихъ косвенное или прямое отношеніе къ жизни и дѣятельности знаменитаго автора комедіи „Горе отъ ума“. Напримѣръ, тестю А. С. Грибоѣдова—князю Александру Чавчавадзе—удѣлено всего нѣсколько строкъ на страницахъ 122 и 123, между тѣмъ какъ эта высокочаровитая личность заслуживаетъ гораздо большаго вниманія со стороны біографовъ знаменитаго писателя, хотя бы за ту любовь и дружбу, которыя князь Александръ Чавчавадзе питалъ къ своему зятю.

Интересуясь всѣмъ тѣмъ въ армянской литературѣ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ личности А. С. Грибоѣдова (см. нашу статью въ журналѣ „Русская Старина“ за 1901 годъ, № 10.—„Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ“), мы по мѣрѣ возможности будемъ

своего полномочнаго министра для переговоровъ о принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи ¹⁾).

Александръ родился ²⁾ въ С.-Петербургѣ во время пребыванія тамъ его отца, и крестною матерью его была сама Императрица Екатерина Великая.

Первоначальное воспитаніе Александръ получилъ въ одномъ изъ столичныхъ пансіоновъ, и вотъ, когда Грузія присоединилась къ Россіи, онъ съ своими родителями вернулся въ Тифлисъ.

Здѣсь, еще въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, юноша Александръ примкнулъ къ тому тайному сообществу грузинскихъ патріотовъ, которое во время Циціанова, въ 1804 году, стремилось возстановить Грузинское царство и провозгласить царемъ принца Фарнаоза.

Тайно бѣжавъ отъ родителей, онъ присоединился къ группѣ повстанцевъ, но эта группа скоро была перехвачена и, тогда какъ всѣхъ подвергали высылкамъ и тяжелымъ наказаніямъ, юноша Александръ, благодаря своей молодости и вліянію отца, былъ освобожденъ отъ наказанія.

Государь не только простилъ его юношеское увлеченіе, но и приказалъ ему ѣхать въ С.-Петербургъ учиться.

Окончивъ ученіе, Александръ поступилъ въ кавалерійскій полкъ и въ 1811 году вновь вернулся на свою родину уже офицеромъ-адъютантомъ вмѣстѣ съ маркизомъ Паулуччи ³⁾).

сообщать изъ армянской литературы все мало извѣстное или совершенно неизвѣстное до сихъ поръ о Грибоѣдовѣ.

Въ настоящей статьѣ, какъ въ матеріалѣ для будущихъ біографовъ А. С. Грибоѣдова, мы сообщаемъ характеристику тестя его—князя Александра Герсевановича Чавчавадзе. Ее мы перевели изъ перваго тома изслѣдованія армянскаго историка и археолога Ал. Д. Ерицова (Ериціана): „Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи“.

О многополезной и правдивой дѣятельности этого армянскаго писателя мы уже имѣли случай подробно говорить въ „Русской Старинѣ“ за 1909 г., кн. VII. (См. нашу статью—„Пребываніе Императора Николая I въ Эчмиадзинѣ и въ Тифлисъ по даннымъ армянскаго археолога“).

М. Я. А.

¹⁾ Князь Герсеванъ Чавчавадзе вмѣстѣ съ Багратиономъ-Мухранскимъ подписали трактатъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи 24 іюля 1783 года; съ этой поры царь Ираклій II открыто объявилъ себя русскимъ вассаломъ.

Примѣчаніе переводчика.

²⁾ Князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе родился въ С.-Петербургѣ въ 1784 году.

Примѣчаніе переводчика.

³⁾ Маркизь Филиппъ Осиповичъ Паулуччи, бывшій главнокомандующій войсками въ Грузіи съ 22 сентября 1811 года, извѣстенъ—какъ одинъ изъ кавказскихъ героевъ.

Личная храбрость его была такъ велика, что онъ заслужилъ ею подъ

Спустя нѣкоторое время съ тѣмъ же маркизомъ отправился въ Россію, гдѣ участвовалъ въ войнахъ противъ Наполеона и на восьмомъ году своей службы уже получилъ чинъ полковника.

Въ 1817 году онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и, вскорѣ выйдя въ отставку, поселился на той улицѣ, которая и до настоящаго времени въ честь его называется „Чавчавадзе-вской улицей“.

Владѣтель крупныхъ имѣній, сынъ богатыхъ родителей, хорошо воспитанный, прекрасный знатокъ грузинскаго, русскаго, французскаго, нѣмецкаго и персидскаго языковъ, энергичный и пылкій патриотъ—Александръ снискалъ любовь и уваженіе какъ своихъ сородичей, такъ и инородцевъ.

Онъ былъ женатъ на княжнѣ Орбеліани и имѣлъ четверо дѣтей: старшая дочь Нина вышла замужъ за знаменитаго Грибоѣдова ¹⁾, другая сдѣлалась супругою мингрельскаго князя Дадіани, младшая вступила въ бракъ съ барономъ Николаи ²⁾.

Ахалкалаками и чинъ генералъ-лейтенанта, и искреннее уваженіе кавказскихъ храбрецовъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, чѣмъ сумѣлъ стать маркизъ Паулуччи для Грузіи, является уже то, что, когда въ Грузію пришло извѣстіе объ отозваніи Паулуччи въ С.-Петербургъ, грузинское дворянство послало къ Императору Александру Павловичу депутацію съ просьбой объ оставленіи маркиза въ Закавказьѣ.

Государь не призналъ возможнымъ измѣнить свое рѣшеніе, и въ Грузію былъ назначенъ Н. Ф. Ртищевъ.

Близость князя Александра Чавчавадзе съ такимъ выдающимся героемъ, какъ Паулуччи, безусловно повліяла на его военныя доблести сначала въ войнахъ противъ Наполеона, а затѣмъ въ походахъ противъ персовъ и турокъ.

Примѣчаніе переводчика.

¹⁾ Извѣстно, что 22 августа 1828 года въ Тифлисъ на бракосочетаніи А. С. Грибоѣдова съ Ниною Чавчавадзе не присутствовалъ его тесть—князь Александръ Чавчавадзе—въ то время бывший въ Эривани; но онъ скоро прислалъ свое письменное согласіе и благословеніе.

Въ письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину по этому поводу Грибоѣдовъ пишетъ слѣдующее: „Въ Гумрахъ же нагналъ меня отвѣтъ отъ князя Чавчавадзе—отца изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину, и радуется нашей любви“. (См. „Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова“ подъ редакціей Н. А. Шляпкина. Томъ I, Спб. 1889 г., стр. 267).

Примѣчаніе переводчика.

²⁾ (Ср. А. Берже. Нина Александровна Чавчавадзе, „Русская Старина“ 1883 года, томъ XXXVIII, стр. 659, прим. А. Б.).

„Александръ Чавчавадзе умеръ въ 1846 году, оставивъ, кромѣ Нины Александровны, еще двухъ дочерей: Екатерину въ супружествѣ съ владѣтелемъ Мингреліи кн. Давидомъ Дадіани; Софію—за членомъ Государственнаго Совѣта барономъ Николаи Александромъ Павловичемъ, и сына Давида, свиты Е. В. генералъ-маіора“.

Примѣчаніе переводчика.

Его единственнымъ наслѣдникомъ былъ князь Давидъ, семью котораго въ 1854 году Шамиль взялъ въ плѣнъ изъ большой деревни Цинандалы.

Домъ князя Александра Герсевановича Чавчавадзе славился гостепріимствомъ, но гораздо большею славою пользовался самъ хозяинъ своими литературными трудами. Онъ перевелъ на грузинскій языкъ классическія произведенія Корнея и Расина и много другихъ сочиненій ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ его трудовъ не можетъ сравниться съ тѣми превосходными и возвышенными, поэтическими и патріотическими пѣснями, которыя на второй же день послѣ написанія распространялись и до сегодняшняго дня въ пѣсняхъ сохраняются, какъ вѣковѣчная память объ этомъ благородномъ грузинскомъ поэтѣ-патріотѣ ²⁾.

Война съ персами разстроила литературныя занятія князя Чавчавадзе; онъ сдѣлался командиромъ грузинскаго добровольнаго от-

¹⁾ Ольга Крамарева въ своей диссертациі (Alexandre Sergiévitch Griboïédov. Sa vie—ses oeuvres par Olga Kramareva. Paris 1907 an., page 122, 123) о князѣ Александрѣ Чавчавадзе пишетъ слѣдующее: „Le père de Nina était fils de Guersevane Tchavtchavadzé, qui avait beaucoup contribué à l'annexion de la Géorgie à la Russie.

Né à Saint-Petersbourg, il était le filleul de Catherine II, il avait reçu une bonne éducation, et pris part à la guerre de 1812.

Outre qu'il était bon officier et bon administrateur, il aimait passionnément sa patrie; doué d'heureux dons poétiques, il a laissé plusieurs œuvres originales, ainsi que des traductions de poètes russes, de Pouchkine par exemple, en langue géorgienne. Sa maison était ouverte à tous: russes et géorgiens y trouvaient un accueil aimable, qui contribuait à resserrer l'union des deux nations“.

Переводъ: „Отецъ Нины былъ сынъ Герсевана Чавчавадзе, который много способствовалъ присоединенію Грузіи къ Россіи.

Родившись въ С.-Петербургѣ, онъ былъ крестникомъ Екатерины II: получилъ хорошее воспитаніе и участвовалъ въ войнѣ 1812 года.

Мало того, что онъ былъ хорошій офицеръ и хорошій администраторъ, онъ страстно любилъ свою родину; одаренный счастливымъ поэтическимъ даромъ, онъ оставилъ нѣсколько оригинальныхъ трудовъ, какъ и переводы русскихъ поэтовъ на грузинскій языкъ, напримѣръ Пушкина.

Его домъ былъ открытъ для всѣхъ: русскіе и грузины тамъ находили радушный пріемъ, который способствовалъ тѣсному единенію двухъ націй.

Примѣчаніе переводчика.

²⁾ Намъ извѣстны отличные переводы князя Александра Герсевановича Чавчавадзе на грузинскій языкъ произведеній европейскихъ писателей—Гёте, Виктора Гюго и Вольтера; кромѣ переводовъ стихотвореній Пушкина, князь Александръ Чавчавадзе оставилъ очень недурные переводы произведеній персидскихъ поэтовъ XIII и XIV столѣтій—Гафиза и Саади.

Примѣчаніе переводчика.

ряда, получилъ чинъ генераль-маіора и по уходѣ Красовскаго былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Армянской области.

Съ этого поста пошелъ походомъ, взялъ Баязетъ ¹⁾, Алашкертъ, вступилъ въ Мушъ и множество армянъ выселилъ, привелъ въ Ара-ратскую страну.

По прекращеніи турецкой войны, князь Александръ Чавчавадзе вышелъ въ отставку и вновь занялся литературой.

Извѣстно, что въ 1832 году нѣкоторые изъ пылкихъ молодыхъ людей—грузинскихъ дворянъ, еще интересующихся прежней свободой своей родины, составили обширный заговоръ противъ русскихъ.

Они готовились устроить въ Тифлисѣ роскошный вечеръ, во время котораго внезапно должны были избить всѣхъ знатныхъ русскихъ людей и поднять знамя возстанія.

Но это не удалось: за часъ передъ тѣмъ заговоръ открылся, и участвующіе были арестованы и высланы.

Хотя князь Чавчавадзе былъ противъ заговора и не участвовалъ въ этомъ движеніи своихъ сородичей, но его тоже отравили въ ссылку въ Костромскую губернію.

¹⁾ По поводу взятія Баязета А. Г. Чавчавадзе—самъ А. С. Грибовдовъ въ „письмѣ отъ 31 августа 1828 года къ издателю „Сѣверной Пчелы“ о взятіи Баязета“ пишетъ слѣдующее: „Баязетъ. Уже четвертый день, что русскіе вошли съ побѣдоноснымъ оружіемъ своимъ въ неприступную отъ природы турецкую крѣпость Баязетъ. Малочисленный отрядъ войска, назначенный подъ командою исправляющаго должность армянскаго областного начальника, генераль-маіора князя А. Г. Чавчавадзе, къ занятію сей крѣпости, двинувшись 25-го сего августа изъ лагеря при селеніи Хошкаръ, находящемся въ Армянской области, недалеко отъ границъ нашихъ съ турецкими владѣніями, перешедъ по весьма трудной дорогѣ ночью черезъ горы Агаджигъ, 27-го числа явился близъ Баязета, и послѣ сраженія съ турецкою конницею, спасшеюся бѣгствомъ въ крѣпость и увезшею съ собою равное знамя, занялъ находящееся въ двухъ верстахъ отъ города укрѣпленіе Зангезоръ. На другой день часть отряда нашего пошла для занятія города, несмотря на пушечную пальбу, производимую довольно удачно изъ крѣпости, и двухъ-бунчужный Баязетскій Балюль-паша, видя таковую рѣшительность русскихъ, вынужденъ былъ, по стремительномъ обращеніи въ бѣгство турецкой конницы, сдать крѣпость и участь свою намъ, приславъ для сего къ отрядному начальнику перламентера. Нельзя описать восторга здѣшнихъ жителей, большею частью армянъ, вышедшихъ навстрѣчу побѣдителямъ и благословлявшихъ неллиемѣрными привѣтствіями Русскаго Царя, оружіемъ котораго исторгнуты они отъ столь долгаго томленія подъ игомъ мусульманъ“. (См. „Полн. собр. соч. А. С. Грибовдова, подъ ред. Н. А. Шляпкина“. Томъ I, Спб. 1889 г., стр. 128 и 129).

Примѣчаніе переводчика.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда выяснилась его невинность, Государь пригласилъ князя въ С.-Петербургъ и затѣмъ, вернувъ въ Тифлисъ, пожаловалъ ему чинъ генералъ-лейтенанта.

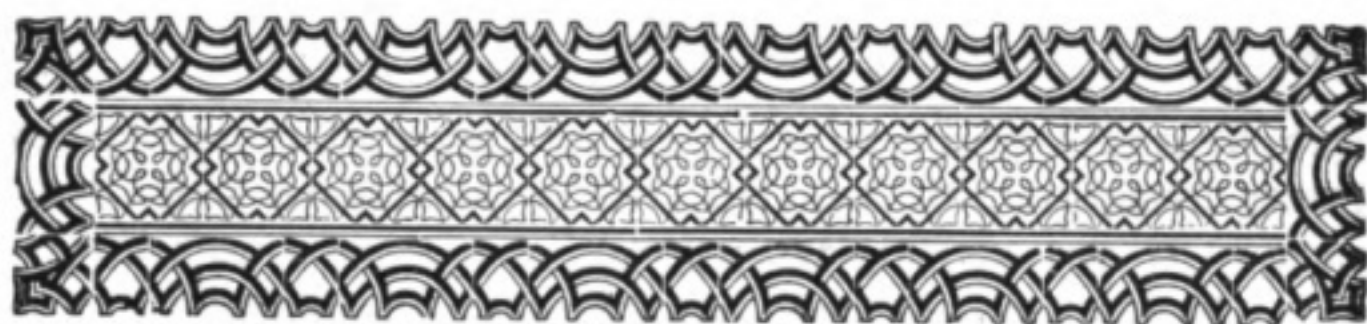
Въ 1846 году, 5 ноября, князь изъ дому выѣхалъ въ экипажѣ; лошади понесли, и князь Чавчавадзе, упавъ изъ экипажа, ударился головою о камень и скончался.

Въ Эриванской губерніи переселенцы-армяне до сихъ поръ съ любовью вспоминаютъ доброе имя князя Александра Чавчавадзе...

Сообщилъ съ дополненіями

М. Я. Алавердянцъ.

Андрей Денисьевич Виниусъ.

(Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ) ¹⁾.

1644 г.

Андрей Денисовичъ Виниусъ, гость Голландской земли, счастливо велъ обороты по продажѣ московскаго казеннаго хлѣба въ Голландіи и за то добился (31 марта 1633 г.) обмѣна своей прежней торговой грамоты (1631 г.) на новую, такую же, какую имѣлъ его соотечественникъ Карпъ Демулинъ, въ силу которой онъ могъ свободно торговать по русскимъ городамъ всякими привозными товарами, строить дома въ другихъ городахъ, гдѣ ему пришлось бы жить по торговымъ дѣламъ; по суду, за исключеніемъ дѣлъ по душегубству и татѣбѣ, со всѣми своими людьми подлежалъ одному Посольскому приказу, въ судебныхъ дѣлахъ крестнымъ цѣлованіемъ вѣрились его люди; Посольскій приказъ долженъ выдавать ему, когда понадобится, проѣзжія грамоты на безпрепятственный выѣздъ изъ Россіи и возвращеніе въ нее и т. п. Затѣмъ, совмѣстно съ двоими компаніонами, получилъ онъ право „промышлять въ Русскомъ Государствѣ, на десять лѣтъ безоброчно и впредь съ оброкомъ, желѣзнымъ заводомъ и промыслами“, при казенной субсидіи и общаніи правительства не разрѣшать желѣзнаго промысла инымъ иноземцамъ, пока не истекутъ урочные годы, съ своей стороны товарищество обязывалось поставлять въ казну по выговоренной цѣнѣ определенное количество пушекъ, ядеръ и проч. и „людей Государевыхъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не таять“. Поставивъ въ 12 верстахъ отъ Тулы на

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

рѣкъ Тулицѣ Городищевскіе, чугунные заводы, Виніусъ, бывшій душою предпріятія, принялъ (1637 г.) въ компаніоны Петра Марселіса и голландскаго купца Филимона Филимонова Акему (Thieleman Lus Askema); по ихъ челобитью къ Тульскимъ заводамъ приписана была большая Соломенская волость. Этимъ новые товарищи не довольствовались. Опираясь на свое значеніе при дворѣ, Марселісъ задумалъ оттѣснить Виніуса: вмѣстѣ съ Акемою, онъ получилъ право (5 апрѣля 1644 г.) строить другіе заводы на рѣкахъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ и гдѣ только сыщутся удобныя мѣста, безъ платежа оброка съ заводовъ въ теченіе 20 лѣтъ и обязательствомъ дѣлать пушки, ядра, котлы, проволоку, жести и всему тому обучать русскихъ; ненужныя казнѣ издѣлія могъ вывозить за границу. Выдавая эту двадцатилѣтнюю привилегію, правительство нарушило свой прежній контрактъ съ Виніусомъ¹⁾.

1645 г.

Отписка Ив. Пустынникова на Тулу воеводѣ Якову Куденетовичу Черкасскому объ исправленіи „сруба для пищальнаго прострѣла“.

Иванъ Пустынниковъ и дьякъ Иванъ Ломакинъ въ отпискѣ князю Якову Черкасскому съ товарищами доносили: іюля въ 11 д. въ памяти за приписью дьяка Дмитрія Жеребилова, написано къ намъ, что билъ челомъ Государю гость Андрей Виніусъ, а сказалъ, что для пищальнаго прострѣла велѣно поставить срубъ и землей насыпать Государевыми людьми; и нынѣ де тотъ срубъ и землей насыпать Государевыми людьми; и нынѣ де тотъ срубъ велѣтъ поставить и землей насыпать пушкарю ему, Андрею, и намъ бы тотъ срубъ велѣтъ поставить и землей насыпать тѣми людьми противъ наказа. А въ наказѣ написано: для пищальнаго прострѣла велѣно поставить срубъ и землей насыпать, а какими людьми, и того именно не написано и Государевой казнѣ денегъ на ту подѣлку не дано; и при Дорошеѣ Астафьева для того прострѣла дѣланъ срубъ въ гору трехъ стѣнъ, въ готовомъ лѣсу, который лежалъ въ тѣхъ мѣстахъ, Государевыми людьми, стрѣльцами и пушкарями, и того сруба стѣна выбита; и нынѣ для той подѣлки лѣсъ и лубья на щиты и гвозди взяты у Андрея Виніуса, и та разбитая стѣна подѣлана прислономъ, и щитъ учиненъ и земля къ прежней насыпкѣ съ горы по застѣнью къ той новой стѣнѣ прибавлена попрежнему Государевыми людьми, стрѣльцами и пушкарями, и стрѣльба будетъ іюля въ 17 д. (Моск. ст. № 200 л. 102)²⁾.

¹⁾ Цвѣтаевъ, Протест. и прот. въ Рос., ст. 396.

²⁾ Акты Моск. Гос. II. с. 153.

1645 г.

Эти привилегіи (Марселису и Акемѣ) поссорили Виніуса съ Марселиусомъ и Акемою и первый въ 1645 году, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, подалъ на товарищей доносъ, вслѣдствіе котораго велѣно было послу Илью Даниловичу Милославскому объявить нидерландскимъ штатамъ о „многихъ неправдахъ“ Акемы и Марселиуса; но штаты не признали ихъ голландцами и въ дѣло не вмѣшались ¹⁾).

Нидерландскіе штаты убѣдились, что Акема и Марселиусъ дѣйстви-тельно голландскіе подданные, и хлопотали за нихъ предъ царемъ чрезъ посла Альберта Бурга; датскій король Христіанъ также писалъ объ нихъ Царю Алексѣю Михайловичу ²⁾).

1645 г.

Отписка Тульскаго воеводы съ товарищами о пріемѣ пищалей у Андрея Виніуса.

(начала отписки нѣтъ).

. учили которыя пищали въ вѣсѣ: которыя противъ твоего Государева указа и росписей мастерской сказки не сошлись осьми и семи гривенокъ, ядра вѣсомъ больше или меньше тремя пуды; а которыя пищали не сошлись больше или меньше трехъ пудъ, и тѣ пищали велѣли класти особно себѣ статьею. И сколько, Государь, пищалей они апрѣля по 24 числа приняли, и сколько пищалей складено особно себѣ статьею, и они де о тѣхъ пищалѣхъ, какъ пищали впредь принимать, о томъ къ тебѣ Государю писали и роспись пищалемъ послали жъ. И въ другой твоей Государь грамотѣ къ нимъ, Дорофеею и къ дьяку Ивану, написано: велѣно имъ пищали принимать напередъ съ меньшихъ статей съ тройника, и съ четверика, и съ пятака и съ шестерика, а вдополнокъ въ 566 пищалей доняти семи и осьми гривенокъ ядра противъ прежней твоей Государевой грамоты, которыя пищали вѣсомъ и мѣрою и ядромъ, а противъ росписей и мастерской сказки малымъ чѣмъ не сошлись, а которыя пищали чѣмъ не сошлись многимъ, и тѣхъ не принимать. А по росписи Пушкарскаго приказа и Андрея Виніуса съ малыхъ статей трехъ гривенокъ, и 4-хъ и 5-ти гривенокъ ядра которымъ пищалемъ написана мѣра, а вѣсу не указано, и про тѣ пищали Дорофеей Астафьевъ да дьякъ Иванъ Ломакинъ на допросѣ намъ сказали, что тѣхъ статей пищали, которыя вѣшаны, всѣ вѣсомъ

¹⁾ Пам. книж. для рус. горн. людей 1862 г., с. 197.

²⁾ Пам. книж. для рус. горн. людей 1862 г., с. 197.

неравны: иныя больше, а иныя меньше пудомъ и двумя, и тремя, и четырьмя, и пятью и шестью пуды, а мѣрою многія не доходятъ и полу вершкомъ. И сколько у нихъ какихъ статей пищалей принято, которыя противъ твоего Государева указа и росписи чѣмъ не сошлись, и они тому всему подали намъ роспись за руками. И которыя пищали противъ твоего Государева указа и росписей не сойдутся малымъ чѣмъ больше, или малымъ чѣмъ меньше въ гривенкахъ, или пудомъ или двумя или тремя пуды, и которыя пищали прииманы напередъ того больше и меньше тремя пуды и по росписямъ изъ Пушкарскаго приказа и Андрея Виніуса пищаламъ указана мѣра, а вѣса имъ не указано, а нынѣ они вѣсомъ и мѣрою все неравны, а о томъ, Государь, намъ какъ ты, Государь, укажешь ¹⁾).

1645 г.

Наказная память Ив. Л. Пустынникову о приѣмѣ пищалей у прострѣла ихъ.

Лѣта 7153 іюля во 2 д. по государеву... указу, память Ивану Лукьяновичу Пустынникову.

Быти ему у государева дѣла въ Тульскомъ уѣздѣ у пищальнаго приѣма и у прострѣла нѣмецкаго желѣзнаго дѣла на Дорошеево мѣсто Астафьева, а дьяку Ивану Ломакину быть у того пищальнаго прострѣла и у приѣма по прежнему, для того: въ нынѣшнемъ въ 153 году іюня дня 25 государь... указалъ стольнику и воеводамъ князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ товарищи, которыя пищали приняты у иноземцевъ, у Андрея Виніуса съ товарищи, 233, пищали и тѣ пищали велѣно устроить, а 61 пищаль велѣно принять и отвѣтитъ потому жъ, и устроить въ сарай, а достальныя пищали принимать вѣсомъ противъ мастерской сказки, тяжелѣй или легче пудомъ или двумя и тремя, а мѣрою каковы будутъ вершками больше или меньше; а будетъ которыя пищали тяжелѣ того, мѣрою, длиною или короче многимъ, и тѣхъ пищалей принимать не велѣно. И по государеву... указу да дьяку Ивану Ломакину, пріѣхавъ въ Тульскій уѣздъ къ заводу пищальнаго и желѣзнаго дѣла, по прежнему государеву указу, каковъ данъ Дорофею Астафьеву и дьяку Ивану и по сему государеву указу: которыя пищали приняты у иноземцемъ у Андрея Виніуса съ товарищи, 233 пищали устроить въ сарай, а 61 пищаль прострѣленныхъ принять, и отвѣсить и потому жъ тѣ пищали устроить; а достальныя пищали принимать вѣсомъ противъ мастерской сказки тяжелѣй или легче пудомъ и

¹⁾ Акты Моск. Гос. т. II Разр. Прик. Моск. Ст., стр. 147.

двумя и тремя, а мѣрою каковы будутъ вершкомъ или двумя вершками больше или меньше. А сколько желѣзныхъ пищалей у Андрея Виніуса принято и съ тѣми, что взято въ Пушкарскій приказъ, и что нынѣ велѣно принять и что по Государеву указу, впередъ къ старому взятыю. А какъ Степанъ Чариковъ и дьякъ Иванъ у иноземца у Андрея Виніуса, пищали противъ государева указа совѣмъ примутъ, и сколько какихъ пищалей ядромъ въ пріемъ будетъ порознь, и что въ которой пищали вѣсу, и въ какову мѣру длиною, и что на прострѣлку зелья и ядеръ выйдетъ, и гдѣ тѣ пищали устроятъ и во что сарай станетъ и... дьяку то все велѣтъ написать въ книги, порознь по статьямъ, да тѣ книги, за своими руками, привести на Тулу къ стольнику и воеводамъ ко князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ товарищи. Роспись желѣзнымъ пищалемъ, сколько принято и съ тѣми, что взято въ Пушкарскій приказъ, и что нынѣ велѣно принять и сколько по государеву указу впередъ ко взятію пищалей донять. 8—гривенокъ ядро, принятыхъ и съ тѣми, которыя указано нынѣ принять, 35 пищалей, а къ тому донять 15 пищалей; 7-ми гривенокъ ядро принятыхъ и съ тѣми, что нынѣ велѣно принять, 88 пищалей, а къ тому донять 12 пищалей; 6-ти гривенокъ ядро, принято 29 пищалей, а къ тому донять 71 пищаль; 5-ти гривенокъ ядро, принято у желѣзнаго дѣла 34 пищали, да въ Пушкарскій Приказъ взято 19 пищалей, обоего 53 пищали, а къ тому донять 47 пищалей; 4-хъ гривенокъ ядро, принято у желѣзнаго дѣла 34 пищали, да въ Пушкарской Приказъ взято 15 пищалей обоего 49 пищалей, а къ тому донять 51 пищаль; 3-хъ гривенокъ принято 74 пищали, а къ тому донять 74 пищалей. И всего принято у желѣзнаго дѣла и съ тѣми, которыя нынѣ велѣно принять, и что взято въ Пушкарскій Приказъ, 328 пищалей а къ тому всѣхъ статей противъ государева указа донять 272 пищали ¹⁾).

1645 г.

Отписка Тульского воеводы Я. К. Черкаскаго о посылкѣ въ Москву съ книгами пищального дѣла Ив. Пустынникова.

Тульскій воевода Яковъ Куденетовичъ Черкасскій съ товарищами въ отпискѣ въ Розрядъ доносили: іюня въ 25 д. по указу отца твоего государева... изъ приказу Большой Казны за приписью дьяка Назарья Чистого, велѣно намъ на Тулѣ къ пищальному пріему на Дороеево мѣсто Астаѣева выбрать изъ дворянъ, а велѣтъ тому дворянину да дьяку Ивану Ломакину: которыя пищали приняты у

¹⁾ Москв. Столб. № 200 лл. 80—82, стр. 152.

нѣмчина у Андрея Виніуса 233 пищали, да 16 пищалей прострѣленныхъ принять и отвѣсивъ устроить въ сарай, а достальныя пищали велѣть принимать вѣсомъ противъ мастерской сказки тяжелѣй или легче пудомъ и двумя и тремя, а мѣрою каковы будутъ вершкомъ или двумя вершками больше или меньше; а будетъ которыя пищали тяжелѣй того, мѣрою или длиннѣй или короче многимъ, и тѣхъ пищалей принимать не велѣть; а кого именемъ на Дорощеево мѣсто Астафьева мы выберемъ и котораго числа къ пищальному приему пошлемъ, и намъ о томъ велѣно отписать къ отцу твоему государеву. И мы по указу отца твоего государева, на Дорощеево мѣсто Астафьева къ пищальному приему послали изъ дворянъ Московскихъ Ивана Лукьянова сына Пустынникова іюля во 2 д., и велѣли Ивану Пустынникову да дьяку Ивану Ломакину пищали, которыя приняты, 233 пищали, да 61 пищаль прострѣленныхъ принять, и отвѣсивъ устроить въ сарай, достальныя пищали приказали мы принимать вѣсомъ противъ мастерской сказки; что по приему Дорощея Астафьева и при Иванѣ Пустынниковѣ и при дьякѣ Иванѣ Ломакинѣ какихъ статей пищали порознь мѣрою принято и что въ которой пищали вѣсу, и что на тѣ пищали на прострѣлкѣ зелья, и поскони и на мѣшки холстовъ въ расходъ вышло, и сколько какихъ пищалей и зачѣмъ не принято, и кто именемъ и какіе люди у пушечнаго приѣма у вѣсу и у прострѣла были, и Иванъ Пустынниковъ и Иванъ Ломакинъ тому вѣсу принесли къ намъ книги, за своими руками. И мы тѣ книги послали къ тебѣ Государю къ Москвѣ съ Иваномъ Пустынниковымъ да съ дьякомъ Иваномъ Ломакинымъ августа въ 25 день и велѣли имъ явиться и книги подать въ Приказѣ Большой Казны твоему Государеву боярину Ѳеодору Ивановичу Шереметеву да дьяку Назарью Чистому. А пищали принятыя и прострѣленные, которыя устроены въ сарай, велѣли замкнуть и запечатать и приказали беречь Тульскому стрѣльцкому головѣ Максиму Маслову до твоего государева указу, а для береженія у сарая велѣли быть его Максимова приказа стрѣльцамъ и пушкарямъ тремъ человѣкамъ ¹⁾).

1646 г.

Тогда назначенный въ первоначальной, Виніусу данной Грамотѣ десятилѣтній срокъ на владѣніе Городищенскими заводами кончился. (Сказано было въ Грамотѣ чтобъ считать годы со времени дѣйствія заводовъ, и полагали, что первая Городищенская домна начала дѣйствовать съ 1637 года; но Акема и Марселіусъ увѣряли,

¹⁾ Моск. Стб. № 200 л. 277—279.

что она пущена въ надлежащій ходъ не прежде 1640 года.—Я нашелъ въ старыхъ дѣлахъ, что Виніусъ уже въ 1636 году „объявилъ Государю перваго своего дѣла желѣза прутаваго 100 $\frac{3}{4}$ пудовъ, да дощатаго 43 $\frac{1}{2}$ пуда и получилъ за сіе количество деньги по уговорной цѣнѣ“. Можетъ быть, желѣзо сіе, за недостройкою домны, изготовлено было въ горну по прежнему способу. Гам. Опис. Тул. Ор. Зав. въ ссылкѣ с. 15) и Государь (1 декабря) указалъ оныя заводы у Виніуса, Акемы и Марселиуса отнять и вѣдать ихъ вмѣстѣ съ Соломенскою волостію боярину и Оружейничему Григорію Гавриловичу Пушкину.

Лишившись такимъ образомъ Городищенскихъ заводовъ, Акема и Марселиусъ немедленно начали строить на рѣкѣ Вагѣ (въ Вологодской губерніи) чугунно-плавильный заводъ, въ которомъ и Виніусу дали участокъ. Заводъ сей началъ дѣйствовать 6 октября 1648 года. На ономъ отливались однѣ только пушечныя ядра ¹⁾).

1646 г.

Широкая привилегія сильно поссорила новыхъ товарищей съ основателемъ заводовъ, съ которымъ у нихъ и безъ того завязались нелады. Иноземцы подмѣтили, что Виніусъ „преданъ болѣе Русскимъ, нежели Нѣмцамъ“; онъ представилъ (1646 г.) свои соображенія объ укрѣпленіи Архангельска, чтобъ не могли вторгнуться въ него враги, и иностранные корабли тайно проходятъ по Двинѣ, совѣтывалъ возвысить пошлины съ иноземныхъ товаровъ и задумалъ даже принять православіе. Его уклоненія на сторону русскихъ интересовъ и въ особенности намѣреніе перемѣнить вѣроисповѣданіе крайне не нравилось Марселиусу. За желаніе Виніуса перекреститься Марселиусу всего удобнѣе было ронять его въ глазахъ единовѣрцевъ и тѣмъ среди нихъ подорвать всякій кредитъ. Пока былъ живъ Михайлъ Ѳедоровичъ и находился въ Москвѣ привезенный Марселисомъ королевичъ Вальдемаръ, Виніусъ молчалъ; при Алексѣѣ Михайловичѣ обстоятельства первоначально сложились болѣе въ его пользу, отъ него принимали совѣты такія лица, какъ Морозовъ, Чистой и др. Поднять судебный процессъ теперь ему казалось своевременнымъ, и онъ изложилъ Марселисовы вѣны въ особомъ „письмѣ“, назначенномъ къ подачѣ правительству.

Марселисъ и Акема, передавалось въ запискѣ, били челомъ государю Михаилу Ѳедоровичу о привилегіи на стройку новыхъ заводовъ безъ вѣдома его, Виніуса, и устранили его отъ своего товарищества подъ предлогомъ, что „онъ мало моченъ и что онъ-де самъ

¹⁾ Гам. О. Т. О. З. с. 15.

не хочетъ быть съ ними въ товарищахъ при заведеніи новыхъ заводовъ“. Спрошенный о томъ въ приказѣ Большой казны, онъ, Виніусъ, отвѣтилъ, что хочетъ отстоять свою прежнюю грамоту, но еще строить заводовъ онъ не можетъ. Говорить такъ его вынуждали различныя притѣсненія Марселиса и обѣщанія, что новые заводы они будутъ имѣть на общихъ паяхъ, и что Марселисъ будетъ все увеличивать количество заводовъ, но они всѣ, какъ новые, такъ и старые, постоянно будутъ общіе. Условіе было внесено въ запись между ними. Они обязывались также безъ укрывательства учить Русскихъ людей мастерству. Между тѣмъ Марселисъ и Акема новыхъ заводовъ не строятъ, Виніуса во всемъ тѣснятъ; равно, умышленно скрываютъ и мастерство отъ Русскихъ людей. Пусть будетъ опрошенъ, по своей вѣрѣ, плавильный мастеръ Христіанъ Вильде, который, несомнѣнно, признается, что его они приговорили мастерству плавильнаго дѣла научать однихъ Нѣмцевъ, а не Русскихъ, и потому онъ, по повелѣнію Марселиса, и взялъ къ себѣ для обученія этого мастерства Марселисова человѣка Якова.

Свою записку Виніусъ какъ-то обронилъ, бывши у Акемы, которому она и попала въ руки. Больше прежняго стали теперь нападать на ея автора компаніоны, и въ глаза и заочно, такъ что Виніусъ обратился къ Государю съ челобитной, въ которой, изложивъ обстоятельства дѣла, просилъ, чтобы записка у нихъ была взята и чтобъ они предъ судомъ показали, на какомъ основаніи они всюду „лаютъ“ его: тогда на судѣ обнаружится неправда, и онъ больше не будетъ отъ нихъ въ огласкѣ и позорѣ¹⁾.

1646 г.

По свидѣтельству одного современника (голландскаго гостя Андрея Виніуса) „многажды бывало, что корабельщики чрезъ городъ стрѣляли и всякое дурно съ нихъ бывало, а унять ихъ воевода не смѣлъ²⁾“.

1646 г.

М. Гл. Архивъ М. И. Д., Голландскія дѣла 1646 г. іюня 8: „Дѣло по челобитьямъ голландскаго гостя Андрея Виніуса съ иноземцами Петромъ Марселисомъ съ товарищи въ ссорѣ и брани между собой³⁾“.

Е. Вильчинскій.

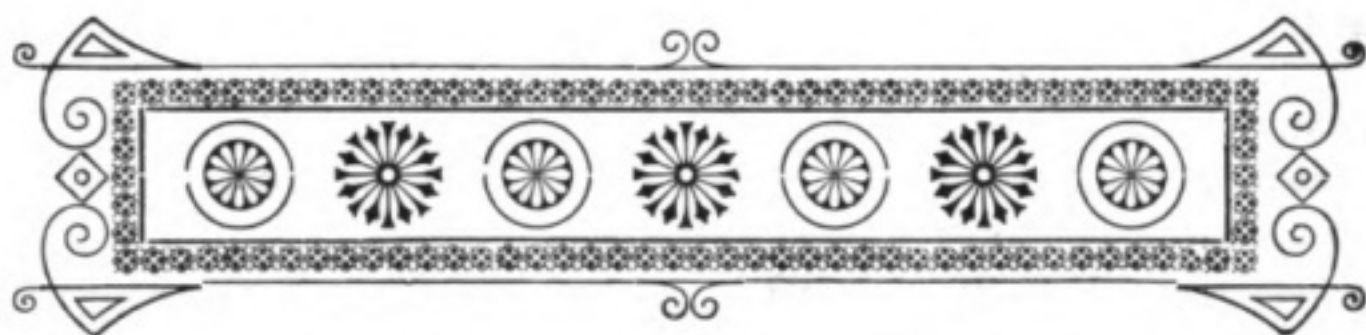
(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 397.

²⁾ Веселаго, Оч. Рус. Морск. Ист. т. I, ст. 65.

³⁾ Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 394.

Изъ недавняго прошлаго.

(Бытовые очерки).

Домъ дяди ¹⁾.

прочемъ, мы не безвыѣздно жили въ деревнѣ. Почти каждую зиму мы мѣсяца на два покидали свою красивую родину и уѣзжали въ Петербургъ, гдѣ ждалъ насъ радушный пріемъ въ гостепріимномъ домѣ дяди.

Какъ памятенъ мнѣ этотъ переѣздъ въ городъ, совершавшійся обыкновенно къ концу зимы, въ самое морозное и вьюжное время. Насъ снаряжали во все теплое, что имѣлось подъ рукою: шубу, валенки, платки, рукавицы, и закрывали медвѣжьей полостью. Низенькія саночки были запряжены гусемъ; кучеръ Матвѣй завязывалъ уши платкомъ, чтобы не отморозить ихъ, и бралъ въ руки длинный кнутъ, которымъ могъ достать переднюю лошадь и который тащился по снѣгу далеко за санями. Ну, милыя! кричалъ онъ, и поѣздъ трогался. Дорога въ это время года очень узка, по обѣ стороны сугробы снѣга. Бѣда встрѣтиться съ обозомъ! Приходится сворачивать въ рыхлый снѣгъ; лошади погружаются по шею, бьются, постромки путаются, санки часто опрокидываются, чемоданы, одѣяла, подушки, все летитъ въ сугробъ! Обыкновенно мы сами заблаговременно вылѣзали и, цѣпляясь за оглобли и вozy чужихъ повозокъ, пробирались пѣшкомъ впередъ, предоставляя кучеру и возчикамъ распутываться и вытаскивать лошадей изъ рыхлой пропасти. Но вотъ вылѣзли несчастныя, запыхались, вспотѣли, устали больше,

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

чѣмъ отъ пятиверстнаго бѣга; успѣли мы, укрылись отсырѣвшими, заиндевѣвшими одѣялами, тронулись—вдали звенить колокольчикъ, навстрѣчу ѣдетъ кибитка, начинай все сначала...

На этотъ разъ Матвѣй не хочетъ уступать дорогу. Пусть тотъ лѣзетъ въ снѣгъ, говорятъ онъ, моя лошади притомились. Кибитка останавливается; кучера спорятъ и бранятся, никто не хочетъ уступить, утверждая, что его лошади устали. Наконецъ, рѣшаются осторожно, однимъ бокомъ проѣхать мимо другого.

Кучера вылѣзаютъ, берутъ подъ уздцы ту лошадь, которая въ уносѣ, и проводятъ ее мимо чужихъ саней. Лошади сердятся, визжать, стараются укусить другъ друга. Вотъ тронулись сани, одна сторона на краю дороги, другая въ мягкомъ снѣгу; санки скривились на бокъ, либо задѣваютъ другъ за дружку, либо не выдерживаютъ равновѣсія и опрокидываются въ глубокой снѣгъ со всѣмъ своимъ живымъ содержаніемъ. Вылѣзешь, стряхнешься; валенки полны снѣга, шуба намочена, за воротникомъ сидитъ цѣлый комъ и, медленно тая, сочится холодной струей. Холодно, тяжело, утомительно. Сядешь, съежишься, чтобы не ощущать прикосновенія мокраго воротника. Еще хорошо, если погода тихая, стужа не слишкомъ велика. Но когда вѣтеръ гуляетъ по чистому полю и нагоняетъ тебѣ въ лицо, въ рукава, въ прорѣхи полости снѣжную пыль, тогда прямо застываешь, коченѣешь отъ стужи. Лошади бѣгутъ, санки „ухаютъ“ по ухабамъ, ударяя въ спину. Голова нестерпимо болитъ при каждомъ толчкѣ. Наконецъ достигаешь города. Тамъ пересадка. Свои лошади оттуда отправляются обратно, а мы заказываемъ себѣ ямщицкую тройку и, пока запрягаютъ, сидимъ въ жарко истопленномъ почтовомъ дворѣ, гдѣ черезъ стеклянную дверь выглядываютъ три—четыре любопытныя головки дѣтей содержателя станціи. Намъ предлагаютъ самоваръ и баранковъ; другой провизіи нѣтъ; ее мы вынимаемъ изъ своего чемодана: курица, пирожки, котлеты, все застыло. Самоваръ приноситъ взрослая дочь; она васъ разглядываетъ наивно и начинаетъ допросъ: вы откуда? въ Питеръ? что у васъ тамъ родные есть? на долго? Она подходитъ къ вамъ и беретъ васъ за подолъ вашего платья. Шерстяное? сколько платили за аршинъ? И обшивка шелковая? Косынка какая нарядная, небось дорого заплатили? Она усаживается на краюшекъ стула, или упирается на косякъ двери и продолжаетъ безцеремонный осмотръ вашей особы. Если головная боль прониимаетъ совсѣмъ нестерпимо, то приляжешь на грязный диванъ и дремлешь, пока не придутъ сказать, что лошади поданы.

Кибитка просторная, крытая и по большой дорогѣ ѣхать удобнѣе, чѣмъ по проселку. Колокольчикъ громко звенить и каждый

его ударъ болѣзненно отзывается на больную голову. Вотъ потянулись версты, одна за другою; переѣзжаемъ по льду черезъ большое озеро. Совсѣмъ возлѣ дороги въ маленькихъ прорубяхъ, мальчишки совочками вылавливаютъ мелкую рыбу, столпившуюся подышать около отверстія. Или рыбаки пробиваютъ ледъ, устанавливаютъ сѣти и тянутъ ихъ; въ петляхъ мелькаютъ серебристыя чешуйки и красныя перья окуней, лещей, щукъ и др. Все это было бы чрезвычайно интересно, если бы не болѣла такъ нестерпимо голова, если бы не были окоченѣвшія руки и ноги, если бы вьюга не засыпала бы лицо мелкимъ, колючимъ снѣгомъ. А теперь на все смотришь, какъ сквозь сонъ, и только томительно ждешь станціи, до которой еще 35 верстъ. Уже ночь, когда издали замелькаютъ станціонные огни. Лошади останавливаются предъ постояннымъ дворомъ. Содержатель его, Осипъ Васильевъ, самъ слуга и хозяинъ, выбѣгаетъ намъ навстрѣчу, вытаскиваетъ насъ, полусонныхъ, окоченѣлыхъ и тащитъ въ „чистую комнату“, гдѣ стоитъ одна неопрятная кровать, столъ съ клѣтчатой скатертью и три стула. Намъ подають опять чаю и баранковъ. Послѣ осмотра кровати, всѣ отказываются ею пользоваться, намъ приносятъ сѣна, накрываютъ нашими еще сырыми одѣялами, и мы кидаемся на наше душистое и колючее ложе, чтобы немного отдохнуть. Въ четыре часа насъ будятъ; поѣздъ идетъ въ 5 часовъ.

О, какъ не хочется вставать! всѣ косточки болятъ отъ вчерашняго переѣзда, а тутъ иди опять по морозу до вокзала. Осипъ тащитъ нашъ багажъ; беремъ билеты и спѣшимъ влѣзть въ вагоны; но еще не окончены наши мытарства; найти мѣста не такъ легко: всѣ ночью разлеглись, иные крѣпко спятъ, другіе притворяются спящими, чтобы ихъ не заставили уступить мѣсто. Кондукторъ толкаетъ, будитъ, проситъ, бранится. Наконецъ, кое-какъ размѣстились и мы ѣдемъ, ѣдемъ двѣнадцать часовъ. Зато съ какою радостью привѣтствуемъ мы появленіе загородныхъ построекъ и наконецъ послѣднюю остановку!

Дядя мой жилъ въ собственномъ домѣ своемъ, на Фонтанкѣ.

Въѣзжали черезъ огромныя ворота на широкій дворъ. Тамъ рядомъ было три подѣзда. Боковые вели въ квартиры двухъ тетюшекъ, средній открывался на роскошную переднюю, откуда двѣ широкія каменныя лѣстницы шли въ нарядный бель-этажъ. Дядя самъ занималъ его весь. Нижній этажъ состоялъ изъ двухъ квартиръ его сестеръ, во флигелѣ жила вдова-невѣстка. Мы останавливались внизу, у тети Кати, маминой родной сестры, которая радушно предоставляла намъ свой салонъ. Обѣдать же весь домъ собирался на верхъ, въ большую столовую. Рядомъ съ этой сто-

ловой была большая бильярдная, гдѣ дядя ежедневно послѣ обѣда игралъ въ бильярдъ три партіи; съ другой стороны столовой былъ огромный залъ съ бѣлыми подъ мраморъ стѣнами, съ голубой шелковой мебелью и портъерами и съ хорошенькими рельефными мальчиками по угламъ потолка. Но тамъ сидѣли только изрѣдка, когда былъ большой пріемъ. Обыкновенно, пройдя еще двѣ гостиныя, общество располагалось въ двухъ уютныхъ кабинетахъ, гдѣ стоялъ любимый диванъ дяди, въ углу котораго онъ постоянно сидѣлъ большую часть дня; тамъ же былъ каминъ, который дядя любилъ самъ растапливать, часто приговаривая, что, вѣрно, кто-нибудь изъ его предковъ былъ истопникомъ, потому что это занятіе доставляло ему такое удовольствіе.

Дядя мой былъ красивый старичекъ, съ совершенно бѣлыми волосами, черными бровями и черными глазами. Его тонкія черты носили печать доброты и ясности духа. Его руки были необыкновенно нѣжны и бѣлы. Одѣвался онъ дома въ черный бархатный сюртучекъ, бѣлый жилетъ и военные брюки. Мундиръ свой онъ носилъ только, когда выѣзжалъ изъ дому. Этотъ мундиръ былъ покрытъ множествомъ орденовъ, которые на насъ дѣлали большое впечатлѣніе; никогда мнѣ не удавалось запомнить имена этихъ крестиковъ и звѣздъ на лентахъ черезъ плечо, на шеѣ и въ петлицѣ. Хотя дядя самъ былъ очень мало честолюбивъ, но никакъ не могъ примириться съ нашимъ невѣжествомъ относительно орденовъ и, когда мы въ десятый разъ спрашивали у него названіе какой-нибудь звѣзды, съ досадою отвѣчалъ: св. Мееодія.

Онъ былъ добръ и кротокъ и рѣдко сердился. Но мы боялись его и почти никогда не рѣшались заговаривать съ нимъ. Этотъ ни на чемъ не основанный страхъ происходилъ отъ того благоговѣнія, которымъ окружали его сестры. Онѣ всѣ были гораздо моложе его и привыкли смотрѣть на него, какъ на патріарха семьи, даже говорили ему „Вы“ и называли его: „Николай Васильевичъ“. Онъ былъ человѣкъ очень строгихъ нравовъ и неподкупной прямоты. Живя при дворѣ, онъ никогда не покривилъ душой, никогда не скрасилъ неправды, не похвалилъ дурное, хотя бы сдѣланное высокопоставленнымъ лицомъ, никогда ни на кого не клеветалъ, и не принималъ участія ни въ какой интригѣ. Всѣ его уважали, не всѣ любили, и многіе опасались и стѣснялись его, особенно тѣ, у которыхъ было „рыльце въ пуху“.

Помню я, однажды, онъ былъ особенно въ ударѣ и рассказывалъ намъ разныя происшествія изъ своей молодости. Вдругъ одна молодая, шаловливая дама сказала: — Дядюшка, расскажите намъ какое-нибудь свое похождение. Были ли вы когда-нибудь пьяны?

Неодобрительный ропотъ раздался со стороны тетушекъ. Дядю покорило, но онъ скоро успокоился и сказалъ:

— Хорошо, я расскажу вамъ всю правду. Это было во время первой турецкой войны. Я долженъ былъ наблюдать за земляными работами; цѣлый день я простоялъ на палящемъ солнцѣ; я не смѣлъ отлучиться никуда, не ѣлъ и не пилъ до заката солнца. По окончаніи работъ, на обратномъ пути въ лагерь, меня зазвали товарищи въ свою палатку и предложили мнѣ вина. Не подумавъ, что я отощалъ за цѣлый день, я выпилъ сразу двѣ или три рюмки и тотчасъ почувствовалъ, что голова моя кружится. Мнѣ стало ужасно стыдно; я боялся, что товарищи замѣтятъ, что я пьянъ; я скорѣй простился и поспѣшилъ въ свою палатку. Тамъ я подъ какимъ-то предлогомъ отослалъ своего денщика, боясь, чтобы онъ не замѣтилъ, что я нетвердъ на ногахъ, съ нѣкоторымъ трудомъ самъ раздѣлся и скорѣе улегся. Вотъ это былъ первый и послѣдній разъ въ жизни, что я былъ пьянъ.

Всѣ пристыженно молчали. Не того ожидала смѣшливая молодежь. Можетъ быть, невольно племянники сравнили дядину молодость со своею и застыдились, хотя бы на минуту. Эту прямоту, искренность и душевную чистоту цѣнилъ въ дядѣ Императоръ Николай I, самъ рыцарь въ душѣ, любившій правдивость въ окружающихъ. Онъ назначилъ дядю воспитателемъ къ своимъ тремъ старшимъ внукамъ. Нельзя было найти лучшаго руководителя для молодыхъ великихъ князей. Высокое сознаніе долга и горячая любовь къ родинѣ стараго наставника отзывалась особенно на Великомъ Князѣ Александрѣ, будущемъ Императорѣ Александрѣ III. Онъ на всю жизнь привязался къ благородному старику и впослѣдствіи охотно дѣлился съ нимъ заботами и мыслями своими.

Не было въ дядѣ ни лести, ни заискиванія, но не могло быть болѣе горячей, искренней преданности своему Монарху и его семьѣ. Онъ, будучи уже маститымъ старцемъ, ѣздилъ иногда во дворецъ въ церковь и оставался тамъ завтракать, при чемъ любовался царскими дѣтьми, шутилъ съ ними и дома любилъ повторять ихъ слова; въ его спальнѣ, въ рамкѣ, висѣли бумажныя фигурки, которыя вырѣзали и наклеили для него маленькіе Великіе Князья Николай и Георгій. Подъ его немного строгой военной выправкой и нѣсколько сухомъ, формальномъ обращеніи скрывалось самое гуманное сердце, отзывчивое на всякое добро. Богатствомъ своимъ онъ пользовался, какъ истинный христіанинъ—на благо ближнихъ, много помогалъ бѣднымъ родственникамъ, много воспитывалъ по разнымъ заведеніямъ сиротъ, много поддерживалъ бѣдняковъ. Много и злоупотребляли его простотой и щедростью и вымогали у него

пособія совершенно не нуждающіеся въ помощи люди. Жилъ онъ хотя богато, но не роскошно и далеко не все тратилъ, что получалъ. Онъ держалъ двѣ пары чудныхъ лошадей и при нихъ трехъ кучеровъ. Въ домѣ была масса прислуги: два повара съ кухоннымъ мужикомъ и пять или шесть лакеевъ, между которыми были распределены домашнія работы. Одинъ былъ ламповщикомъ, другой буфетчикомъ, третій выезднымъ, четвертый камердинеромъ, пятый цирюльникомъ и т. д. Всѣ живущіе у него въ домѣ родственники собирались къ пяти часамъ за общій обѣдъ. Но и всѣ остальные родственники и пріятели могли являться къ обѣду безъ приглашенія. Обѣдъ состоялъ изъ пяти блюдъ. Бутылка краснаго и бутылка бѣлаго вина обносилась вокругъ стола. Но при обиліи всего, никогда не допускалось за дядинымъ столомъ излишества или шикарства особенно дорогими и рѣдкими яствами и питіемъ. Разъ два въ годъ онъ дѣлалъ особенно изысканный обѣдъ для членовъ одного комитета, председателемъ котораго онъ состоялъ. Къ этому дню готовились особенно тщательно; тетя Катя, ведшая его хозяйство послѣ смерти его жены, подолгу совѣщалась съ нимъ. (Обыкновенно онъ не вмѣшивался въ ея распоряженія). Покупалась живая стерлядь, и тетя ходила на кухню, чтобы убѣдиться, что она действительно живая; это былъ единственный случай, когда я видѣла, что тетушка была на кухнѣ. Потомъ выбирались какія-нибудь *primeurs*, т. е. рѣдкія по времени года овощи и особенно хорошее вино. Молодежь на эти обѣды не допускалась, исключая насъ, живущихъ въ домѣ.

Кромѣ этого, дѣлался парадный обѣдъ въ Николинъ день, когда вся семья отъ мала до велика собиралась чествовать именинника. Но и тутъ царствовала умѣренность и сравнительная простота. Зато въ концѣ года оставалась значительная сумма денегъ, которая откладывалась въ пользу какого-нибудь любимаго назначенія. Помню я, какъ любилъ старикъ заниматься распределеніемъ своихъ доходовъ. Утромъ, бывало, тетя Катя поднималась съ нами въ третій этажъ, въ его частныя комнаты. Онъ принималъ насъ въ халатѣ; тетушка собственноручно варила ему кофе на спиртовой лампочкѣ; ему подавали къ нему нѣсколько ломтиковъ булки и крошечный кусочекъ масла. Этого ему было довольно до самаго обѣда.

Позавтракавши, звали Михайлу, цирюльника, особеннаго довереннаго дяди. Онъ снималъ со стѣны карту, подъ которой скрывалось отверстіе замка въ нестерраемый стѣнной шкафъ. Оттуда вынимали кипу разныхъ бумагъ, тетушка брала ножницы и отрѣзала купоны, а дядя ходилъ по комнатамъ и, весело улыбаясь, рассказывалъ, сколько онъ отложилъ въ прошедшій годъ, сколько

надѣется отложить въ нынѣшній и на что назначаетъ свои сбереженія. Ни сестры, ни племянники не были забыты. Но кромѣ того оставалась значительная сумма, назначенная на благотворительныя дѣла. Эта сумма росла съ каждымъ годомъ, и по мѣрѣ того дядя измѣнялъ свое духовное завѣщаніе.

Въ двѣ церкви, при двухъ имѣніяхъ, назначался капиталъ, процентами котораго должны были пользоваться священники этихъ особенно бѣдныхъ приходовъ. Огромный капиталъ былъ назначенъ для пріобрѣтенія земли, на которую предполагалось переселить крестьянъ одного изъ его имѣній въ черноземной полосѣ, взявшихъ при освобожденіи своемъ сиротскій надѣлъ и потому сильно бѣдствовавшихъ впослѣдствіи. (Сиротскимъ надѣломъ назывался минимумъ земли, взявъ который крестьяне освобождались отъ платежа выкупной ссуды. Это соблазнило крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и они отказались отъ полного надѣла, а потомъ имъ пришлось горько раскаяться въ этомъ).

А сколько ежедневно тратилось изъ дядиной кассы на добрыя дѣла! Тетушка имѣла право брать и раздавать кому и сколько почитала нужнымъ. Если требуемая сумма была нѣсколько значительна, то тетушка все-таки не смотрѣла на это разрѣшеніе, являлась къ дядѣ и просила его позволенія, при чемъ подробно рассказывала, куда и какъ требовалось расходовать такую-то сумму, и всегда получала тотъ же отвѣтъ: Бери, бери, Катенька, или даже: да дай ужъ побольше! И тетушка сіяла, а потомъ приходила рассказывать, какую радость доставили дядины деньги. Тихое удовольствіе разливалось при этомъ на красивомъ лицѣ кроткаго старика.

Единственною роскошью, которую онъ себѣ позволялъ, была игра въ карты. Но и при этомъ онъ не терялъ душевнаго равновѣсія. Разъ въ недѣлю, въ семь часовъ, онъ надѣвалъ мундиръ и ѣхалъ въ Англійскій клубъ. Тетушка приносила ему бумажникъ съ пятьюстами рублей. Въ клубѣ встрѣчался онъ съ нѣсколькими знакомыми, тоже, какъ онъ, пожилыми и спокойными людьми; покалякавъ о томъ, о семъ, они садились за *свой* привычный столъ и мѣрно и спокойно играли установленное число *партій*. Въ двѣнадцать часовъ онъ былъ уже дома. Тетушка ждала его въ кабинетѣ и выслушивала повѣствованіе о его удачахъ или неудачахъ. Потомъ результатъ записывался въ записную книжку. И удивительно, подсчетъ многихъ лѣтъ показалъ совершенный балансъ прихода и расхода, такъ что въ концѣ его жизни онъ оказался въ выигрышѣ на 500 рублей.

Иногда за нимъ присылали изъ дворца камерлакея, и тогда его

камердинеръ, толстый, сѣдой Кондратій, торжественно объявлялъ: Государь Императоръ просятъ Васъ къ восьми часамъ играть въ карты. Мы, дѣти, съ затаеннымъ восторгомъ глядѣли тогда, какъ дядя облакался въ свой самый новый мундиръ и ѣхалъ къ Государю. Но и оттуда онъ возвращался рано. Тетушка никогда не ложилась, не дождавшись его.

Тетя Катя была высокая, худошавая старушка, съ строгимъ выраженіемъ лица, въ гладкомъ, прилегающемъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ длинными развѣвающимися лентами. Она держалась необыкновенно прямо, говорила медленно и внимательно. Всѣ ее боялись, не исключая и ея сестеръ, которыя очень дорожили ея мнѣніемъ. Мы, дѣти, трепетали передъ ея строгимъ взглядомъ и скупались, слушая ея длинныя нравоученія. Никто изъ насъ не догадывался, что подъ этой наружной строгостью и доктринерствомъ крылось горячее сердце, наболѣвшее одиночествомъ, неудовлетворенное жизнью и страстно тоскующее по отвѣтному чувству. Потомъ уже, гораздо позже, я узнала, что тетушка очень страдала отъ сознанія, что вся молодежь семьи ея больше боялась, чѣмъ любила. Судьба отказала ей въ семейныхъ радостяхъ, а въ душѣ ея былъ огромный запасъ любви, самоотверженія и нѣжности.

Брату своему она посвятила всю свою жизнь. Она выходила изъ дому только, когда онъ былъ занятъ чтеніемъ или когда выѣзжалъ въ клубъ. Остальное время она или занималась распоряженіями по хозяйству, сводила счета, что особенно трудно давалось ей, или сидѣла съ работой около дяди.

И онъ любилъ ее, хотя болѣе эгоистической любовью. Онъ нуждался въ ея присутствіи, какъ дитя нуждается въ нянѣ. Гдѣ Екатерина Васильевна?—былъ первый вопросъ его, если ея хотя полчаса не было въ комнатѣ.

Такъ онъ нуждался въ ея нѣжной заботѣ, что пережилъ ее только нѣсколькими мѣсяцами. Жизнь его потеряла все содержаніе, душа его не находила своей поддержки, какъ ни старались оставшіяся сестры окружать его всевозможнымъ вниманіемъ.

Насъ, дѣтей, она любила горячо, вмѣшивалась въ наше воспитаніе, часто читала намъ строгія нравоученія и восторженно излагала намъ свои идеалы: строгое, неуклонное исполненіе долга, служеніе Богу и родинѣ и самоотверженіе.

Въ случаяхъ какихъ-нибудь нравственныхъ провинностей доставалось не только маленькимъ, но и взрослымъ. Тетушка приглашала виновнаго въ свой кабинетъ, запиралась съ нимъ и отчитывала долго и основательно.

Прямота и правдивость, характеризовавшія всю эту семью,

дошли у нея до высшей степени и были предметомъ цѣлаго ряда юмористическихъ анекдотовъ.

Однажды пріятельницы моихъ тетушекъ въ шутливой бесѣдѣ начали сравнивать людей съ разными животными, проводя параллель между свойствами тѣхъ и другихъ. Тетя Катя замѣтила, что всѣхъ людей можно раздѣлить на двѣ категоріи, собакъ и кошекъ, т. е. людей прямыхъ и вѣрныхъ своему долгу, и людей хитрыхъ и коварныхъ. Но что воспитаніе можетъ привить обратныя качества, такъ что собака, воспитанная кошкой, будетъ имѣть нѣкоторый кошачій оттѣнокъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала одна остроумная дама, Catherine можно назвать дворовой собакой (*Un chien de cour élevé par un chien de cour*).

Эту неуклонную прямоту испыталъ на себѣ даже Императоръ Александръ II.

Государь имѣлъ обыкновеніе раза два—три въ зиму посѣщать бывшаго воспитателя своихъ сыновей. Обычай требовалъ, чтобы члены семьи удалялись и оставляли наединѣ посѣщаемого съ высокимъ посѣтителемъ. Но однажды Государь такъ быстро вошелъ, что тетушка не успѣла въ-время скрыться. Государь, всегда любезный и пріветливый, просилъ ее остаться. Говорили о погодѣ, холодной и непріятной, о большомъ количествѣ больныхъ въ городѣ. Государь сказалъ, что ужъ давно чувствуетъ себя нехорошо, кашляетъ, но перемогается. Тетушка выпрямилась, какъ она всегда дѣлала, когда собиралась выразить свои чувства.

— Ваше Величество! воскликнула она. Какъ можете Вы быть такимъ неразумнымъ! Вы должны беречься; подумайте, Вы обязаны передъ Россіей заботиться о своемъ здоровьѣ. Ваши силы, Ваша жизнь принадлежатъ Вашему народу. Обѣщайте мнѣ, что Вы будете серьезно лѣчиться и сидѣть дома, пока не поправитесь.

Государь улыбнулся и обѣщалъ беречься. Съ тѣхъ поръ, когда онъ пріѣзжалъ къ дядѣ, онъ всегда просилъ позвать Екатерину Васильевну, а когда встрѣчался съ нимъ, то спрашивалъ о ея здоровьѣ: „Я никогда не забуду, какъ она меня отчитала“, говаривалъ онъ, смѣясь.

Тетушка была пламенной патріоткой и намъ, дѣтямъ, проповѣдывала любовь къ родинѣ и жизнь въ пользу нашихъ братьевъ.

Она участвовала въ одномъ благотворительномъ обществѣ, давала уроки въ пріютѣ бѣдныхъ дѣтей и ѣздила на общія собранія членовъ, откуда всегда пріѣзжала крайне возбужденная; дядя ласково выслушивалъ ея длинныя, подробныя повѣствованія и шутя замѣчалъ, что Катенькинъ чепецъ всегда сидитъ на боку, когда она возвращается изъ собранія, вѣрно оно было очень бурно.

Тетушка давала въ пріютѣ уроки Закона Божія и въ пламенныхъ словахъ изливала передъ дѣтьми свою горячую любовь къ Богу и къ родинѣ, приглашая и ихъ отдаться высокому служенію. Къ сожалѣнію, она говорила языкомъ слишкомъ высокимъ и ученымъ для своихъ неразвитыхъ слушателей, которые врядъ ли оцѣнили ея возвышенныя чувства и еще менѣе усвоили себѣ ея великодушныя порывы. Послѣдніе годы я стала предметомъ ея особенной любви и заботы, благодаря маленькой школѣ, которую я основала въ деревнѣ для крестьянскихъ дѣтей. Родители моихъ учениковъ вовсе не дорожили грамотностью и отпускали дѣтей очень неправильно, иныхъ даже только по воскреснымъ днямъ и то потому, что ребята сами очень рвались ко мнѣ. Неправильныя занятія, конечно, давали очень не блестящіе результаты, но все же это было начало. Теперь, черезъ тридцать лѣтъ, мои бывшіе ученики обучаютъ своихъ дѣтей сами, или нанимаютъ для нихъ учителя каждую зиму въ складчину, т. к. еще не имѣютъ въ своей деревнѣ настоящей школы.

Обстановка моей импровизованной классной была очень невыгодна: комнатка была крошечная, холодная, а подъ конецъ уроковъ становилось въ ней такъ душно и жарко, что приходилось открывать дверь и впускать немного чистаго воздуха.

Тетушка принимала самое живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи. Она снабжала меня книгами и учебными пособіями, шерстью и матеріей, чтобъ обучать дѣвочекъ кройкѣ, шитью и вязанью; она выпросила у дяди маленькій фисгармоніумъ, чтобъ обучать дѣтей пѣнію. Она интересовалась мельчайшими подробностями моихъ занятій, требовала подробно характеристики отдѣльныхъ дѣтей, описанія ихъ домашняго быта. Она принимала участіе въ ихъ радостяхъ и горестяхъ, въ ихъ бѣдности и въ ихъ успѣхахъ. Она вязала имъ сама косынки и шарфы, чтобы облегчить имъ хожденіе въ школу зимою. Она даже разъ дала мнѣ денегъ на покупку коровы въ бѣдную семью, лишившуюся единственной коровы.

Однажды ей пришло на мысль, что было бы очень полезно обучать дѣвочекъ стряпнѣ.

«Мужья, писала она мнѣ, часто оттого недовольны дома, что жены нехорошія хозяйки; если жена сѣумѣетъ устроить домъ уютно, сварить вкусно и экономно, то мужъ будетъ имѣть къ ней больше любви и уваженія».

Напрасно увѣряла я ее, что сама не умѣю стряпать, что у меня нѣтъ въ комнатѣ плиты и что изъ того малаго времени, которое дается ребятамъ на обученіе грамотѣ, невозможно еще удѣлать часть на изученіе кулинарнаго искусства. Все было напрасно; мысль зашла крѣпко. Я получила чугунный котелокъ, сковороду и значи-

тельное число крупъ, макаронъ и т. п. Нечего было дѣлать, надо было уступить непрактичной затѣѣ тетушки. Кое-какъ спихивали мы чугуны въ печь, варили перловый супъ или манную кашу, что доставляло огромное удовольствіе моей неизбалованной публикѣ. Супъ съѣдался при веселой болтовнѣ, и получалось что-то вродѣ пикника, хотя и вовсе не достигающаго цѣли, намѣченной тетушкой. Все же она осталась мною довольна. Какъ сердечно она относилась къ моему предпріятію, покажетъ слѣдующее письмо, которое такъ характерно, что перевожу его цѣликомъ съ французскаго, (тетушка не свободно писала по-русски).

„Дорогая племянница! Вчера я ходила покупать кое-что для себя въ гостинный дворъ, сильно озябла и устала. Пришла домой, напилась чаю и легла на кровать, чтобы отдохнуть и согрѣться. Тутъ вспомнила я, какъ ты зябнешь въ своей неудобной комнаткѣ—и мнѣ стало стыдно своего эгоизма, стыдно, что мнѣ хорошо и тепло, и что я давно не озаботилась о томъ, чтобы облегчить тебѣ исполненіе твоихъ обязанностей. Я поспѣшила сегодня отправиться опять въ гостинный дворъ и запаслась тамъ разными вещами, которыя я считала полезными для тебя, и тотчасъ отправила тебѣ ящикъ. Рада буду по крайней мѣрѣ этимъ способствовать высокой цѣли, которой ты служишь. Горячо любящая тебя тетка“.

Совсѣмъ особое впечатлѣніе производилъ великій постъ въ этомъ домѣ. Дядя всегда говѣлъ на первой недѣлѣ, а съ нимъ говѣла вся семья. Два раза въ день въ домѣ была служба. Въ десять часовъ, въ убранной для этого случая столовой, собиралась вся семья; дамы были въ черныхъ платьяхъ; на всѣхъ лежалъ какой-то особенный отпечатокъ не то озабоченности, не то сосредоточенности. Въ одномъ углу ставился столикъ, замѣняющій аналой; на немъ горѣли въ высокихъ подсвѣчникахъ толстыя восковыя свѣчи; со стѣны снимался образъ снятія со Креста, писанный какимъ-то итальянскимъ маэстро.

Старикъ-священникъ приходилъ съ псаломщикомъ и шестью пѣвчими. Дядя становился въ дверяхъ зала, прислоняясь къ косячку; трудно ему было отстоять всю службу, однако онъ никогда не садился.

Насъ, дѣтей, ставили впереди. Позади собиралась вся прислуга. Тетушка молилась страстно, восторженно; мы часто наблюдали за сосредоточеннымъ выраженіемъ ея лица. Она забывала все кругомъ, она жила въ другомъ мірѣ, который ей давалъ все, въ чемъ отказывалъ ей настоящій міръ. Служба продолжалась около часу, потомъ всѣ собирались въ кабинетъ дяди и вмѣстѣ пили чай съ миндальнымъ молокомъ или вареньемъ изъ черной смородины. Какое-то торжественное настроеніе было разлито вокругъ; даже стро-

гій камердинеръ Кондратій, котораго я очень боялась, былъ добрѣе и мягче обыкновеннаго. Дѣти молча сидѣли по угламъ и старались быть серьезными и важными, какъ большіе. Вечеромъ въ девять часовъ богослуженіе повторялось. Тетушка и мамаша говорили съ нами на религіозныя темы или читали намъ книжки духовнаго содержанія, готовя и насъ и себя самихъ къ исповѣди.

Въ субботу вечеромъ пріѣзжалъ къ дядѣ его духовникъ, придворный священникъ. Помню я жуткое чувство, которое охватывало всю душу.

Дядя просилъ у всѣхъ прощеніе, даже у насъ, маленькихъ, что ужасно насъ смущало, потомъ первымъ удалялся. По его возвращеніи уходила тетушка; она оставалась особенно долго и возвращалась всегда заплаканная и необыкновенно мягкая. Мы, глядя на нихъ, дивились, что за грѣхи могли имѣть эти люди, по нашему мнѣнію не имѣвшіе никакого несовершенства. Для насъ пріѣзжалъ нашъ законоучитель. И теперь еще трепеть охватываетъ при воспоминаніи, какъ мы по очереди входили въ завѣтную комнату.

Отецъ Дмитрій такъ торжественно говорилъ о необходимости покаянія для христіанина, объ очищеніи души, о приближеніи ея къ Богу, о стремленіи къ совершенству. Онъ приглашалъ внимательно взглянуться въ свою внутреннюю жизнь въ свѣтъ Божіемъ, разбиралъ всѣ недостатки по заповѣдямъ, сводя ихъ всѣхъ къ одному— недостатку любви къ Богу.

Сознаніе своего недостойнства, глубокая печаль о своихъ грѣхахъ и жажда обновленія охватывала душу. Потомъ онъ давалъ высказаться, выслушивалъ дѣтскія признанія: невниманіе къ молитвѣ, ссора съ братьями, недостатокъ почтенія къ матери, неправда, сказанная когда-то, все припоминалось, все онъ терпѣливо выслушивалъ, давалъ совѣты, какъ исправиться. Потомъ читалъ разрѣшительную молитву и отпускалъ. Боже, какъ легко было, выходя отъ него, точно тяжелое бремя сняли съ плечъ! Весь этотъ вечеръ и большіе и малые сидѣли молча, или читали про себя какую-нибудь духовную книгу. Какъ-то страшно было сказать или подумать что-либо, могущее нарушить душевную чистоту, съ которой завтра хотѣлось предстать передъ чашей Господней. Даже братецъ Вася, черноглазый шалунъ, сидѣлъ молча и не дерзалъ играть.

На слѣдующее утро всѣ вставали рано; тетушка одѣвалась въ бѣлое платье и была особенно торжественна. Подавали двѣ кареты. Въ одной ѣхалъ дядя съ тетушкой, въ другую садились мы и тетя Вѣра съ своей дочерью. Маленькаго братца, который еще не исповѣдывался, привозили къ Херувимской, чтобъ онъ не утомился. Приоб-

щались всегда въ церкви Пажескаго корпуса. Этотъ день всѣ были въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи, дѣти не усорились, не шумѣли; и тихая радость была написана на всѣхъ лицахъ.

Тетушка постилась весь постъ, но дядѣ не позволяла этого. Первую, четвертую и послѣднюю недѣлю постились всѣ, и дядя и дѣти. При этомъ не допускалось того извращенія, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ богатыхъ семействахъ, гдѣ постъ обращается въ своего рода лакомство и по случаю поста выдумываются особенно изысканныя кушанья.

На страстной до четверга опять бывали богослуженія въ домѣ; въ четвергъ вечеромъ читались двѣнадцать Евангелій дома; чтобы не утомлять дядю долгимъ стояніемъ въ церкви. Мы очень любили это чтеніе, для котораго намъ раздавали толстыя восковыя свѣчи. Особенно же интересовала насъ вербная всеобщая, на которой мы получали вербы съ высокими, краснощежими херувимчиками, которые, равно какъ и свѣчи, мы долго потомъ сохраняли.

Съ пятницы начинали ѣздить въ церковь. Плащаницу всегда выносили четыре старые генерала, между ними и дядя, всѣ бывшіе директора Пажескаго корпуса. Горячее религіозное чувство тетушки дѣйствовало увлекательно на всѣхъ. Она молилась съ страстнымъ восторгомъ, со слезами, совершенно отрываясь отъ всего окружающаго; къ выносу Плащаницы она привозила живыхъ цвѣтовъ и стклянку съ душистымъ масломъ, которое она выливали на ноги Распятаго и походила на одну изъ мироносицъ, стоявшихъ у гроба Спасителя.

Въ субботу мы красили яйца. Тети Катя и Вѣра покупали у своей модистки шелковыхъ тряпочекъ, которыя расщипывали на корпію, завертывали въ нее яйца и тогда варили ихъ; получались очень пестрые и разнообразные оттѣнки. Красили и чернилами, и луковыми „перьями“, т. е. очистками. Такихъ разнообразныхъ красокъ для крашенія яицъ, какія имѣемъ мы теперь, тогда не знали.

Всѣ принимали участіе въ крашеніи яицъ, исключая дядю, который, заложивъ руки въ карманы, улыбаясь, наблюдалъ за забавой молодежи. Дядя любилъ, когда около него былолюдно и весело; когда молодежь хохотала и шутила, онъ нерѣдко тоже смѣялся и любилъ приговаривать: *comme c'est drôle quand on a dix huit ans.* (Какъ смѣшно, когда восемнадцать лѣтъ).

Послѣ обѣда всѣ ложились отдыхать, чтобы бодрѣе отстоять заутреню. Въ 11 часовъ, всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, дѣти; трепещущія отъ волненія, собирались въ залу. Дядя, какъ генераль-адъютантъ, долженъ былъ встрѣчать Пасху во дворцѣ; насъ же въ двухъ каретахъ везли въ Пажескій корпусъ. Ничто не можетъ

сравниться съ ощущеніемъ, съ которымъ входили мы въ церковь въ эту ночь, съ которымъ наблюдали за всѣмъ, что дѣлалось: какъ уносили Плащаницу, одѣвали свѣтлые покровы, зажигали люстры; какъ духовенство собиралось съ крестами и хоругвями, за ними пѣвчіе, пажи и всѣ присутствующіе съ горящими свѣчами. Насъ не пускали за крестнымъ ходомъ, боясь сквозняковъ, и какъ же мы рвались за нимъ, съ какимъ біеніемъ сердца прислушивались къ удаляющемуся пѣнію. Тихо, грустно, какъ плачь мироносицъ, звучали мотивы молитвъ; шествіе трогалось изъ церкви по огромнымъ заламъ и корридорамъ Корпуса; двери затворялись; вдали замирали послѣдніе звуки; но вотъ они опять слышались, и все ближе, ближе. Жутко, томительно ждать! И вдругъ громко, радостно, у самой двери раздается: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!“ и откликается во всѣхъ сердцахъ и повторяется все громче и громче. Дверь распахивается и по церкви разливается ликующій плачь и много разъ повторяется; радостно откликаются на него сердца всѣхъ присутствующихъ.

Настаетъ перерывъ. Священникъ христосуетъ съ прихожанами, родные и знакомые между собою. Тетя Катя особенно нѣжно, почти восторженно цѣлуетъ насъ.

Идемъ домой. Въ столовой накрытъ столъ, на которомъ стоятъ ветчина, телятина, пасха, яйца и много разныхъ холодныхъ кушаній. Подаютъ чай, и всѣ разговляются, весело и шумно болтая въ ожиданіи хозяина дома, который опаздываетъ, такъ какъ долженъ поздравить Государя и разговѣться за его столомъ. Около трехъ часовъ пріѣзжаетъ и онъ, веселый и усталый, христосуетъ со всѣми и прямо уходитъ спать. Идемъ и мы, но долго, долго не спится, все чудится радостное „Христосъ воскресъ“, и видятся сотни горящихъ свѣчей.

На другой день тетя Катя дарила насъ шоколадными и фарфоровыми яичками. Цѣлое утро приходили родные и знакомые поздравлять дядю и тетю.

Цѣлый сонмъ бѣдняковъ атаковалъ прихожую со своими поздравленіями и выпрашиваніями; иные приносили въ подарокъ какую-нибудь дрянную вышивку, кружева или письмо на цвѣтной бумагѣ, писанное вычурнымъ языкомъ, въ надеждѣ тронуть сердце тетушки и вырвать отъ нея лишнюю подачку.

У подъѣзда и у воротъ стояли двѣ—три старушки въ старомодныхъ салопахъ, съ потертымъ сакъ-вояжемъ въ рукѣ, и ждали, не выѣдетъ ли генералъ на прогулку, чтобъ при выходѣ выпросить у него рублика три—четыре.

Тетя Катя проводила все утро въ чтеніи писемъ и прошеній

этихъ бѣдныхъ и въ распредѣленіи суммъ, назначенныхъ на удовлетвореніе ихъ нуждъ. Это было очень несимпатичное занятіе. Никто не умѣлъ отличать настоящей нужды отъ назойливости и обмана разныхъ бездѣльниковъ и дармоѣдовъ; давалось много, но безъ довѣрія и безъ дѣйствительнаго участія. Иногда посылали дворецкаго ревизовать, правда ли нуждается просящій, но и это не ко многому вело. Бывали даже очень непріятныя объясненія съ бѣдными, приходилось выслушивать порядочныя дерзости.

Веселѣе было тетушкѣ надѣлять учениковъ и ученицъ своего пріюта, которыхъ она знала лично и въ нужды которыхъ входила со всей теплотой своего великодушнаго сердца. Надзирательница пріюта приводила дѣтей къ тетушкѣ на поздравленія и сама тоже получала очень сердечный пріемъ.

Съ новыми вѣяніями мои милые старики пробовали считаться, но это плохо удавалось имъ. Реалистическое направленіе не вязалось съ тѣми идеалами, въ которыхъ ихъ воспитали и которыми питалась душа ихъ. Имъ не пришлось сталкиваться съ дѣйствительной жизнью, какъ, напримѣръ, пришлось моей матери; они остались при томъ рыцарски-сентиментальномъ духѣ, въ которомъ выросли. Новые писатели, Достоевскій и Левъ Толстой, были имъ непонятны и приводили ихъ въ ужасъ. Ихъ нельзя было и касаться. Но, несмотря на нѣкоторую узкость ихъ, столько было искренности, тепла и дѣйствительнаго рыцарства въ ихъ міросозерцаніи, что какъ-то и не хотѣлось разрушать его болѣе реальными образами.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ появился молодой философъ Владиміръ Соловьевъ. Онъ читалъ публичныя лекціи о Богочеловѣчествѣ. Молодежь толпами сходилась его слушать. Въ первый разъ съ кафедръ раздавалась защита Слову крестному, вопреки общему направленію невѣрія. Чтенія эти вызывали бурные споры и пренія. Очень заинтересовались ими и дядюшка и тетушка, и рѣшили ѣздить на эти чтенія. Странный контрастъ представляли между пестрой передовой молодежью, длинноволосыми студентами безъ крахмальнаго бѣлья и курсистками съ короткими волосами и синими очками (въ которыхъ тогда полагался особенный отпечатокъ учености),—эти два почтенные старика—бѣлый, какъ лунь, генералъ и строгая, чопорная старушка въ бѣломъ чепцѣ и шелковой пелеринѣ. Внимательно, напряженно слушали они, что говорилъ молодой ученый о Христѣ, Котораго такъ горячо любили они. Но скоро убѣдились они, что не по силамъ имъ слѣдовать за мыслью оратора.

— Знаешь, Катенька, сказалъ дядя:—останемся мы дома. Не для

насъ онъ читаетъ. Пусть молодежь старается, ищетъ Бога путемъ умозрѣнія. Намъ доказательствъ не надо. Мы и такъ вѣримъ и нашей вѣры никто у насъ не отниметъ.

Дорогіе старики! ихъ давно уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Не дожили они до бурнаго настоящаго, съ его ломкой прошлыхъ понятій, съ его неустановившимся будущимъ.

Новыя настали вѣянія; новое поколѣніе спѣшитъ къ новымъ цѣлямъ, отрицая „то, что было“. И благо имъ, что они не видятъ этого; они не могли бы перенести...

Но неужели же высокія понятія о чести, о родинѣ, о чувствѣ долга, воодушевлявшія ихъ, были только фикціи старомодныхъ романтиковъ отживающаго поколѣнія? Нѣтъ, твердо вѣримъ, что мѣняется только форма. Суть же, содержаніе остаются неизмѣнны; истинны идеалы, которымъ они служили, и въ новомъ поколѣніи найдутся благородныя души, которыя будутъ продолжать ихъ дѣло.

Какой науки вы преимущество предъ всѣми прочими даете?

У сына сидя, окруженъ ученостію, со стыдомъ на свое незнаніе смотрю; вспомнилъ онъ мнѣ нынче о Пифагорѣ, который мимоходомъ сказать по моему мненію отмѣнный человѣкъ и не могу согласиться чтобы приписуемое ему мнѣніе толь безразсудное, о переходѣ нашихъ душъ, было точно такъ имъ преподаваемо какъ оное сказываютъ: человѣкъ, который толь истинное понятіе имѣлъ о Богѣ, человѣкъ который толь почитаемъ былъ своими современниками, своими учениками, человѣкъ такой не можетъ имѣть, говорю я, толь смѣха достойнаго мненія какъ сказываютъ, мненія о толь важномъ предмѣтѣ какъ наша душа: но оставимъ сіе и посмотримъ, что Пифагоръ требовалъ отъ желающихъ быть его учениками? пятилѣтнее молчаніе; тяжкая сія петимья дѣлаетъ честь терпѣнію людей того времени, которую оные выдерживали но и служить также доказательствомъ что познаніи которые Пифагоръ потомъ многочисленнымъ своимъ ученикамъ сообщалъ, были достойны толь строгаго искуса. Вижу что тѣ которые меня слушаютъ дивятся какое отношеніе имѣетъ то, что я сказалъ съ отвѣтомъ который я долженъ дать на заданный вопросъ. Всякой, надѣюсь со мною согласенъ, что знаніи добрую душу украшаютъ, дѣлаютъ ее способнейшую образовать въ добрѣ себя подобныхъ, злой же душѣ науки даютъ острые ножи искоренять въ своемъ и другихъ сердцахъ послѣдніи остатки добра. Все не отвѣтъ на вопросъ! вотъ онъ, наука по моему мнѣнію первейшая, единая достойная главнейшаго вниманія человѣка есть наука познанія самого себя, она единственно

насъ увѣряетъ въ неисчисленныхъ нашихъ недостаткахъ, она намъ подаетъ познаніе о милосердіи Творца нашего, по собственному опыту узнаемъ въ какой тесной связи мы находимся съ неостижимымъ симъ существомъ и сіе только можетъ насъ щастливыми здѣлать; наука сія, скажутъ мнѣ, ни на какой кафедрѣ не преподается, и следственно въ число наукъ не можетъ быть помѣщена, что же назову я Теологію какъ главнейшую науку? ой, ой, вздохнувъ изъ глубины сердца вопію: Спаситель нашъ Іисусе Христе, единый настоящій учитель буди намъ милостивъ! а паче тѣмъ, которые хотятъ возбудить въ сердцахъ собратіевъ своихъ настоящую къ тебѣ любовь, дать ли преимущество Философій? нѣтъ, какъ она преподается то она служитъ часто искоренію имени которое она себѣ присвоила. Юриспруденція? со вздохомъ скажу нужная наука. Врачебная наука, обѣ онѣ служатъ доказательствомъ жестокаго паденія чадъ Святейшаго и всемогущаго Отца; признавъ себя таковымъ же несчастнымъ, даю я по своему разположенію между всѣми науками преимущество полной наукѣ хозяйства, на которую когда бы мнѣ время и лѣты позволяли я бы съ охотою посвятился, не съ тѣмъ только намереніемъ чтобъ умножать жатвы, сенокосы, леса, скотоводство, по правиламъ большей части хозяевъ, но чтобъ удобрять всякіе хозяйственные заведенія, а чтобъ лучше въ ономъ успѣть старался бы приобрести сверхъ обыкновенныхъ познаній, познаніе Физики, нужную часть для сего предмета Химіи, Механики и Гидраулики, въ надеждѣ чрезъ то сдѣлаться совершеннымъ хозяиномъ и заведеніями своими, умножая и распространяя изобиліе, дѣлить съ нуждающими пріобретенное именіе, и давъ себя подъ полное управленіе отцу моему небесному, вести себя во всемъ какъ чаду его пристойно въ угодность Ему.

(Написано дѣдомъ моимъ и списано со всѣми особенностями его ореографіи).

Для чего надобно знать исторію и какъ ей обучаться?

Я признаться ни когда о семъ не разсуждала, а училась исторіи чтобъ знать и не думая о ея пользѣ, однако слыхала и читала мненіе другихъ и присвоила себѣ оное къ оправданію желанія моего знать исторію. Говорятъ, что полезнейшее знаніе есть познаніе человѣковъ а сіе доставляется чрезъ познаніе исторіи которая вписывая дѣянія людей всякаго рода и во всякихъ положеніяхъ, показываетъ намъ сердце человѣковъ со всѣми его страстями и слабостями, и раскрываетъ оныя гораздо лучше нежели обращеніе людей, которые всегда болѣе или менѣе отъ другихъ скрываютъ

свои чувства, а часто и самихъ себя обманываютъ имѣя о себѣ со всѣмъ ложное мненіе. Зная же по исторіи характеръ людей подобныхъ людямъ нашихъ временъ, зная причину ихъ дѣяній и сравнивая ихъ съ дѣяніями нашихъ современниковъ, узнаемъ разположеніе сихъ последнихъ, можемъ предвидѣть слѣдствія оныхъ а иногда находясь въ такихъ обстоятельствахъ что должны сами дѣйствовать или совѣтовать другимъ въ важномъ дѣлѣ, пользуемся памятнымъ, заимствуя у предковъ нашихъ то чего намъ недостаетъ, для чего я и думаю что познаніе исторіи еще гораздо нужнее для властителей и полководцевъ нежели для частныхъ людей, однако и для сихъ оно можетъ быть полезно, ибо они чрезъ оное могутъ познакомиться съ истиннымъ состояніемъ человѣческаго рода, съ непостоянствомъ щастія сей земли, съ нищетою и перемѣнчивостію всѣхъ мирскихъ выгодъ, и чрезъ то утвердиться въ сей истинѣ что всѣ труды наши должны единственно обращаться къ пріобретенію того блаженства которое послѣ смерти будетъ награжденіемъ добродѣтели, и котораго ни случай ни человѣки у насъ отнять не могутъ.

(Написано бабушкой-иностранкой).

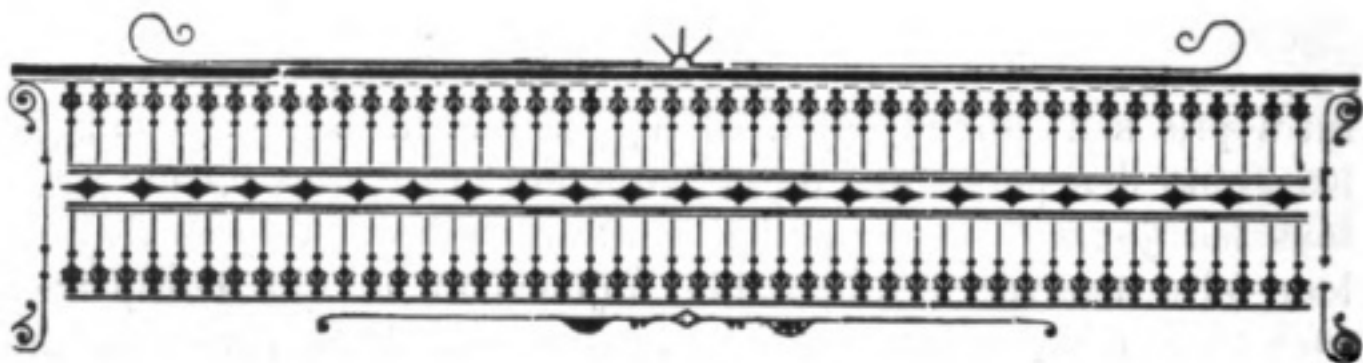
Quel est le défaut le plus insupportable?

Il suffit d'imaginer un défaut quelconque pour avoir l'idée d'une chose insupportable, car ils le sont tous plus ou moins, mais il n'y en a pas selon moi de plus difficile à supporter, que les caprices. Pour tout autre défaut, surtout lorsqu'il se trouve dans une personne qui a d'ailleurs des qualités aimables, on peut trouver les moyens d'éviter ou de diminuer les effets désagréables qui en résultent; avec une personne querelleuse, on cherche à éviter les disputes, on ne la contredit pas, on est de son avis, quand on peut, ou du moins on se tait; avec les gens emportés on prend garde de ne point exciter leur colère et quand elle est allumée, en leur montrant de la douceur, le regret de les avoir fâchées, on les ramène bien vite; enfin il n'est presque pas de défaut que la patience, la complaisance, la douceur ne viennent à bout de rendre supportable; mais il n'en est pas de même des caprices, aucune prévoyance, aucune précaution ne sauraient nous mettre à l'abri des désagréemens que ce défaut vous fera souffrir si un sort malheureux vous force à passer votre vie avec une personne qui y est sujette; c'est souvent lorsque vous vous y attendez le moins, lorsque vous l'avez le moins mérité, quand vous avez mis tous vos soins à lui plaire, qu'elle vous fait sentir tout le poids de l'humeur subite qui

lui a pris sans aucun sujet. Il n'y a pas moyens de connaître les goûts des personnes de ce caractère, car elles en changent tous les jours et une petite contrariété inévitable suffit pour leur faire trouver insoutenable aujourd'hui ce qui leur plaisait hier. Une personne comme cela vous reçoit à bras ouverts et une heure après vous boude sans que vous puissiez, en deviner la raison. Les prévenances loin de diminuer son humeur, ne font souvent qu'augmenter son caprice; une personne sujette à ce défaut est incapable de complaisance, puisqu'elle est trop peu maîtresse d'elle même pour plier sa volonté à celle d'autrui et si dans son bon moment elle se trouve dans une société ou elle veut bien céder aux désirs des autres, vous n'êtes jamais sûr qu'elle se soutienne jusqu'à la fin dans cette heureuse disposition, puisqu'un rien peut tout changer et lui faire vouloir justement le contraire. Que je plains ceux qui sont obligés de vivre avec de pareilles gens et que je plains plus encore les malheureux qui se laissent aller à ce vilain défaut qui les rend insupportables aux autres et à charge à eux mêmes.

C. B.

Изъ прошлаго деревни.

(Воспоминаніе).

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ пришлось мнѣ поселиться въ одной изъ малороссійскихъ губерній, гдѣ я купилъ небольшое имѣніе, состоящее изъ нѣсколькихъ кусковъ земли, разбросанныхъ вокругъ большого села Ф.

Имѣніе это принадлежало когда-то, въ цѣломъ его составѣ, довольно крупному владѣльцу П., который, по рассказамъ, былъ человѣкъ недюжиннаго ума, большой энергіи, хорошій хозяинъ и такой же воспитатель своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, между которыми, рядомъ съ грамотностью, процвѣтали всякія искусства (мастерства). Въ мое время въ этомъ большомъ селѣ, состоящемъ чуть не изъ тысячи душъ, можно было встрѣтить и хорошихъ плотниковъ, столяровъ, слесарей, механиковъ до лудильщиковъ самоваровъ включительно. Все это обучалось на счетъ своего владѣльца, который на свой счетъ содержалъ соотвѣтствующія мастерскія и учителей инструкторовъ. Память о себѣ онъ оставилъ среди крестьянъ хорошую, а, умирая, оставилъ вполне благоустроенное имѣніе тремъ своимъ сыновьямъ, людямъ уже семейнымъ, служащимъ, по обычаю старыхъ дворянскихъ традицій, въ военной службѣ. Подѣлившись этимъ имѣніемъ, поселились они въ деревнѣ, но, не приспособившись къ дѣлу сельскаго хозяйства, черезъ нѣсколько уже лѣтъ разорились окончательно. Земли ихъ, обремененныя чрезмѣрными долгами, проданы были съ торговъ. У двухъ изъ братьевъ остались только усадьбы съ нѣсколькими десятинами земли при нихъ. У старшаго изъ братьевъ осталась еще отцовская усадьба съ огромнымъ полутораэтажнымъ домомъ и небольшими каменными службами при немъ, а у млад-

наго небольшой домъ стариннаго типа домовъ помѣщика средней руки съ такими же остальными постройками. Земля младшаго брата была куплена съ торговъ однимъ отставнымъ полковникомъ польскаго происхожденія, бывшимъ воспитателемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ. Полковникъ построилъ себѣ усадьбу съ „вентиляціоннымъ домомъ“, какъ выражался онъ, гдѣ свѣжій воздухъ имѣлъ первенствующее значеніе. Высокія досчатые стѣны этого дома съ положеннымъ на нихъ тонкимъ слоемъ глины, съ огромными венеціанскими окнами, чуть не до потолка, съ отсутствіемъ передней съ параднаго хода, когда дверь изъ комнаты, служащей и для гостей и спальней самого полковника, выходила прямо во дворъ, строеніе это въ зимнюю стужу представляло изъ себя нестерпимо холодное помѣщеніе. Холодный зимній вѣтеръ, какъ говорится, „ходуномъ ходилъ“ по комнатамъ. Температура тогда въ спальнѣ полковника падала до нуля, и борода его, какъ говорили потомъ мнѣ, примерзала къ подушкѣ. Полковникъ воздвигъ остальные хозяйственные постройки-мазанки и переѣхалъ съ семьей своею въ имѣніе это, чтобы на лонѣ природы отдохнуть отъ трудовъ своихъ. Немного лѣтъ, прожитыхъ въ имѣніи этомъ, не дали бывшему воспитателю того покоя, который представляла въ воображеніи его жизнь сельскаго хозяина. Вѣчные споры, нелады съ сосѣдними мужиками, антагонизмъ между нимъ и бывшимъ имѣніи этого владѣльцемъ, который не могъ выносить того, что полковникъ „сидитъ“ на его землѣ, дѣлали жизнь для него и безпокойной, и непріятной до высшей степени, и полковникъ объявилъ имѣніе въ продажу. Вотъ это имѣніе и купилъ я, предоставивъ полковнику право проживания въ немъ въ теченіе извѣстнаго срока уже по совершеніи купчей крѣпости; самъ же я отъ времени до времени наѣзжалъ въ это имѣніе. Наѣзды свои я совершалъ со станціи ж. д. на извозчикѣ.

Въ одну изъ такихъ обратныхъ моихъ изъ имѣніи этого поѣздокъ извозчикъ мой обратился ко мнѣ съ просьбой разрѣшить ему взять совмѣстно со мною „какого-то барина“—дачника одного изъ братьевъ П. Я согласился.

Въ поданномъ къ крыльцу дома извозничьемъ экипажѣ уже сидѣлъ довольно тощій господинъ съ небольшою клинообразною сѣдою бородкою. Надвинутая на лобъ его шляпа „котелокъ“ бросала тѣнь на его худое, блѣдное лицо, уже сильно испещренное морщинами; большіе глаза его изъ-подъ темныхъ нависшихъ бровей смотрѣли куда-то вдаль. Онъ какъ-бы не замѣчалъ приближенія моего къ экипажу.

Я обратился къ нему съ привѣтствіемъ, назвавъ свою фамилію.

Господинъ этотъ сдѣлалъ движеніе въ мою сторону и, протягивая

мнѣ свою худую руку, отрекомендовался мнѣ отставнымъ чиновникомъ, не помню какого-то вѣдомства, назвавъ при этомъ свою фамилію. Пожавъ другъ другу руки, я усѣлся съ нимъ рядомъ, чтобы держать свой путь на станцію Г.

Прекрасное раннее лѣтнее утро не соотвѣтствовало, повидимому, настроенію души моего случайнаго попутчика.

Надвинувъ еще больше свою шляпу на лобъ, сидѣлъ онъ какъ-то угрюмо, мрачно, затягиваясь непрерывно своею толстою папиросою, которую одну за другою вынималъ онъ изъ бокового кармана своего сильно уже поношеннаго пальто цвѣта гаванна. Отбрасывая отъ себя докуренную уже папиросу, онъ снова зажигалъ другую, словно въ этомъ дыму табачномъ хотѣлъ разсѣять свои мрачныя думы.

Въ молчаніи мы проѣхали уже нѣсколько верстъ, когда незнакомецъ мой, повернувшись ко мнѣ всѣмъ своимъ тощимъ туловищемъ, заговорилъ со мной.

— Вы что же, новый владѣлецъ имѣнія этого?

— Да,—утвердительно отвѣтилъ я ему.—А вы?—въ свою очередь спросилъ я его.

— Я былъ, къ счастью, не долгимъ обывателемъ-дачникомъ сосѣда вашего, господина П., съ которымъ, какъ слыхалъ я, вы еще не успѣли познакомиться, и съ которымъ, если угодно вамъ, я могу познакомить васъ, чтобы вы имѣли, такъ сказать, нѣкоторое представленіе о вашемъ будущемъ сосѣдѣ.

Меня это очень заинтересовало, и я охотно согласился слушать своего попутчика.

— Расскажу вамъ по порядку,—началъ мой собесѣдникъ,—какъ я попалъ въ эти захолустныя мѣста, куда тридцатипятиверстное разстояніе отъ станціи ж. д. приходится на мужичьей клячѣ ѣхать чуть не цѣлый день.

— Я одесситъ, гдѣ я началъ и закончилъ свою тридцатипятилѣтнюю службу въ одномъ изъ казенныхъ учрежденій. Чиновъ я невеликихъ и по рангу моему и пенсію таковую получаю. Мнѣ, одинокому, старому холостяку, едва приходится сводить концы съ концами, а ужъ о какихъ-то тамъ дачныхъ поѣздкахъ и рѣчи быть не могло. Живя на окраинѣ города, въ лѣтнее время и пыли и жары, вотъ какъ иной разъ захочется и простора деревенскаго и чистаго воздуха полей...

Прочиталъ я въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, что живетъ въ такой-то губерніи, въ имѣніи своемъ, нѣкій великій благодѣтель, что и нашему брату, отставному чиновнику, обрѣсть можно тамъ на лѣтнее время и пріютъ и комфортъ всякій, и все это дается.

благодѣтелемъ даромъ, изъ челоуѣколюбія... Пріѣзжай, молъ, живи и наслаждайся... Къ твоимъ услугамъ и хорошій деревенскій столъ, и катанье на лодкахъ, и охота на всякую дичь, и рыбныя ловли, и все прочее. Прочиталъ я въ газеткѣ этотъ призывъ благодѣтеля еще далеко до весны; по газетному адресу написалъ я владѣльцу письмо, заранѣе уже поблагодаривъ его за благодѣянія, которыя сулилъ онъ нашему брату-голышу. Владѣлецъ не замедлилъ отвѣтить мнѣ, что все написанное въ газетѣ—сущая правда. Сталъ я со своей убогой пенсіи копить деньжонокъ, чтобы хватило проѣхать туда и обратно,—жизнь вѣдь тамъ, по газетному сообщенію, ничего не стоила. Много мѣсяцевъ пришлось мнѣ перебиваться, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ...

Нужно вамъ сказать, что все дѣтство мое проведено было мною въ деревнѣ среди простора степей южной Россіи. Отецъ мой былъ владѣльцемъ довольно крупнаго имѣнія Х—ской губерніи, но, женившись вторично на красавицѣ изъ бѣдныхъ дворянъ, онъ все свое состояніе оставилъ нашей мачехѣ съ ея двумя дѣтьми, прижитыми ею отъ отца моего, а намъ съ сестрою, дѣтьямъ его отъ перваго брака, ничего не оставилъ. Сестра еще малою дѣвочкою умерла, а я съ шестнадцатилѣтняго возраста пошелъ служить. Отецъ въ это время уже умеръ, и я, какъ видите, съ ранняго возраста лишился и ласки родительской и помощи матеріальной...

Долгая тридцатипятилѣтняя служба нелегкаго труда и забота о насущномъ кускѣ хлѣба—оставили слѣдъ на здоровьи моемъ. Почувствовалъ я это, когда ушелъ уже на покой. Такъ бываетъ съ выработанною, заѣзженною клячею: запряженная въ телѣгу, она не замѣчаетъ и искалѣченныхъ, подорванныхъ ногъ своихъ и обезсиленнаго тяжкимъ трудомъ тѣла своего; какъ-бы по инерціи она двигается вмѣстѣ со своею тяжестью и поставленная уже въ свое стойло почувствуетъ она тогда всю немощь, всю слабость своего надорваннаго здоровья: то ляжетъ, то встанетъ, то подберетъ ноги подъ себя, то опять ихъ вытянетъ..., то протянетъ свою тонкую шею, то голову приложитъ къ животу и... глубоко, глубоко вздохнетъ... Я наблюдалъ это не разъ. Не знаю, удачно ли, но я часто себя сравниваю съ такимъ животнымъ... Впрочемъ, я отвлекся отъ своей первоначальной мысли.

Впечатлѣніе дѣтства оставило неизгладимый слѣдъ въ душѣ моей. Мнѣ казалось, что я снова, на старости лѣтъ, заживу, хотя и временно, тою былою жизнью юнаго возраста... и не могу выразить вамъ того состоянія души моей, когда я сѣлъ въ поѣздъ, чтобы ѣхать въ обѣтованную землю.

Дорога со станціи ж. д. до сего мѣста, какъ уже и вамъ извѣстно

не коротка. Проѣхать тридцатипятиверстное разстояніе въ жарѣ и пыли, да еще на мужичьей повозкѣ, гдѣ все нутро изъ тебя вытрясетъ, не легко, но, проѣзжая среди казачьихъ малороссійскихъ хуторковъ, съ ихъ симпатичными бѣленькими хатками-мазанками, среди этихъ „и млиновъ, и гайковъ и вишневыхъ садковъ“ отрадно какъ-то становилось на душѣ, и я, какъ бы незамѣтно, доѣхалъ до цѣли своей поѣздки.

На порогѣ обветшавшаго уже крыльца встрѣчаетъ меня широкоплечій господинъ высокаго роста, съ большою продолговатою сѣдою бородою, съ надѣтой на немъ ситцевой блузой, подпоясанной ремешкомъ, въ ботфортахъ. Первое, что господинъ этотъ любезно предупредилъ меня, чтобы я былъ остороженъ, такъ какъ ступеньки крыльца не совсѣмъ исправны и чтобы, восходя по нимъ, я придерживался бы больше краевъ ихъ, а не середины.

— Бывали случаи нападенія, — произнесъ господинъ этотъ своимъ густымъ басомъ, глядя на меня въ упоръ изъ-подъ своихъ еще темныхъ, густыхъ бровей. Подавая мнѣ свою руку, господинъ этотъ отрекомендовался мнѣ владѣльцемъ имѣнія.

— Вы, конечно, обо мнѣ, думаю, много слышали, — ведя меня подъ руку въ домъ, произнесъ владѣлецъ. — О моей культурной миссіи среди неразвитаго, темнаго народа, который я стараюсь всячески развивать; о моихъ благотворительно-гуманныхъ начинаніяхъ; объ идеѣ моей, которую я первый примѣнилъ здѣсь на дѣлѣ — устройство лѣтняго, каникулярнаго пріюта для слабыхъ, болѣзненныхъ дѣтей школьнаго возраста, для физическаго развитія которыхъ имѣются у меня всякія приспособленія; пріюта и для взрослыхъ интеллигентовъ, здоровье которыхъ требуетъ отдыха на чистомъ воздухѣ, а не въ тѣсныхъ, душныхъ улицахъ города. Все это, думаю, извѣстно вамъ и по газетамъ, гдѣ и я пописываю. Последнія слова владѣлецъ произнесъ какъ-то многозначительно, склонивъ голову немного на бокъ, словно онъ самъ прислушивался къ словамъ своимъ. Лицо же его при этомъ словѣ „я“ изобразило самодовольную улыбку.

Чего, чего только не наговорилъ онъ мнѣ, ведя меня по цѣлой амфиладѣ громадныхъ почти пустыхъ комнатъ съ изрѣдка попадавшимися въ нихъ ветхими стульями, безногими столами припертыми къ стѣнкѣ и съ полуразвалившимися диванами. Дошли мы съ нимъ до одной изъ комнатъ, на дверяхъ которой была прибита визитная карточка съ инициалами владѣльца, съ золотою короною надъ ними, символизирующею происхожденіе владѣльца.

Послѣ довольно большихъ усилій дверь открылась, и мы вошли въ большую, свѣтлую комнату, съ длинными библиотечными пол-

ками вдоль стѣны, съ громаднымъ, некрашеннаго дерева, письменнымъ столомъ, съ единственнымъ стуломъ, стоявшимъ передъ нимъ, и съ широкою, двухспальною кроватью.

— Комната эта—святая святыхъ для меня, — пояснилъ владѣлецъ.—Она бываетъ свидѣтелемъ и моихъ тяжелыхъ думъ, и свѣтлыхъ мыслей—въ ночи безсонныя. Здѣсь отдыхаю я и отъ трудовъ своихъ, здѣсь я черпаю и вдохновенія свои... Вотъ они—свидѣтели моихъ сокровенныхъ думъ, собесѣдники мои въ долгія осеннія ночи, — сказалъ владѣлецъ, указавъ на груды книгъ и журналовъ, валяющихся въ безпорядкѣ на полкахъ шкафа.—Я вѣдь не чуждъ, — продолжалъ онъ, — и литературы. Здѣсь вы найдете, — указывая на массу газетъ, сложенныхъ въ кучу на полу, — и статьи мои о воспитаніи дѣтей школьнаго возраста.—При этомъ владѣлецъ началъ подробно развивать свою мысль на этотъ счетъ. Слова его сыпались какъ изъ рога изобилія. Ушинскій, Спенсеръ чередовались съ другими именами до Бокля включительно... Я чувствовалъ, что голова моя кругомъ уже пошла, что дальше выдержать я уже не могу, что усталый, голодный, я уже пересталъ разбираться въ этихъ ученыхъ трактатахъ... Я не выдержалъ и въ изнеможеніи опустился на кровать, а владѣлецъ, стоя предо мною, продолжалъ все цитировать ученыхъ авторовъ, то похваляя ихъ, то критикуя ихъ. Солнце уже опустилось за горизонтъ, а рацеямъ этимъ и конца не предвидѣлось, если бы не случилось нѣчто неожиданное.

Со стороны сада услышали мы сначала одинъ, а потомъ другой выстрѣлы... Ораторъ мой мгновенно прервалъ свою рѣчь и затѣмъ, какъ бы что-то обдумавъ, бросился къ выходу изъ комнаты, увлекая и меня за собою.

Мы шли скоро по густымъ заросшимъ аллеямъ этого заброшеннаго парка, пока не увидѣли на одной изъ аллей группу молодыхъ людей обоюго пола, о чемъ-то шумно разговаривающихъ между собою. Отъ группы этой отдѣлилась одна молодая особа, которая, почти подбѣжавъ къ намъ, сообщила, что произошла дуэль между двумя молодыми людьми, такимъ-то и такимъ-то, изъ-за госпожи К., молодой, довольно красивой дѣвицы какихъ-то не то фельдшерскихъ, не то акушерскихъ курсовъ. Дуэлистами же были совсѣмъ юные молодые люди, изъ коихъ одинъ былъ студентомъ первокурсникомъ, кажется, нашего университета, а другой—ученикъ техническаго училища. Госпожа К. была не то еврейка, не то молдаванка, какъ казалось мнѣ. Дуэль эта закончилась вполнѣ благополучно, никто ей значенія не придавалъ, относя ее къ шуткѣ молодыхъ людей и дальше, въ теченіе моей недѣльной

— Желаніе молодежи...,—какъ бы понявъ меня, подсказалъ мнѣ хозяинъ.—Общая спальня и все прочее...—захихикалъ онъ, какъ-то себѣ подъ носъ.—И я это вполне понимаю,—уже серьезно сказалъ онъ.—*A la guèrre—comme à la guèrre...* На лонѣ природы—должно быть все естественно, натурально... Здѣсь ничто не должно напоминать городскую жизнь съ ея давящею тѣснотою, съ ея шаблонной обстановкой. Здѣсь сама натура, простая, непринужденная, и какъ это по душѣ пришлось молодежи...

— Всѣ они, какъ могли уже замѣтить и вы, и бодры и веселы... Колонія моя существуетъ уже не первое лѣто, и я покажу вамъ—сколько уже писемъ получилъ я, писемъ умиленно-восторженныхъ, признательныхъ. Впрочемъ, не отъ одной молодежи. Живали у меня люди и вашего возраста, и всѣ они съ большою признательностью уѣзжали отъ меня.

— Какъ примѣръ—владѣлецъ припомнилъ себѣ одну пожилую уже даму, которая пріѣхала къ нему съ разстроенными нервами, съ разбитымъ здоровьемъ, и какъ она потомъ оправилась, окрѣпла, помолодѣла и душой и тѣломъ.

— Это тщедушное, изможденное, несчастное существо, какимъ она пріѣхала ко мнѣ,—пояснялъ владѣлецъ—уже чрезъ мѣсяць была и здорова, и бодра, и весела... Повѣрите ли, что дама эта уже къ концу мѣсяца, прожитаго ею у меня, взапуски бѣгала съ молодежью, участвуя во всѣхъ играхъ ихъ. Въ этомъ и заключается идея моя—предоставить такую обстановку, гдѣ каждый могъ бы свободно, непринужденно чувствовать себя; гдѣ между членами общества не было бы различія въ возрастѣ и желаніяхъ. Усталый мозгъ, работой непосильной ослабленное тѣло—должны снова воспрянуть въ моемъ убѣжищѣ... Вопросы политическаго, соціальнаго характера не должны имѣть мѣста въ этомъ мѣстѣ отдыха. Взаимная любовь, взаимное уваженіе, взаимная непринужденность, свобода воли, свобода дѣйствій—вотъ тѣ принципы, которые положилъ я въ основу своего общежитія.

Я улыбнулся... но улыбнулся я не этимъ красивымъ словамъ вдохновеннаго оратора, какимъ онъ былъ въ данный моментъ, а той метаморфозѣ, которая произошла съ пожилой дамой, бѣгающей взапуски съ молодежью.

— Вы улыбаетесь... Вы этому не вѣрите,—замѣтилъ владѣлецъ. Поживите—увидите и на себѣ испытаете все это,—убѣжденно закончилъ владѣлецъ.

— Ну-съ, какъ вамъ нравится такая идея молодежи?—спросилъ меня владѣлецъ, указывая на всю эту обстановку.

впроголодь, а лѣтомъ питается на счетъ дачниковъ, что эти дачники даютъ старухѣ въ складчину деньги, и на нихъ старуха закупаетъ у бабъ на селѣ всякую снѣдь. Словоохотливая старуха поразказала мнѣ и еще многое, чего я никакъ уже не ожидалъ, и я понялъ тогда, что мы всѣ собравшіеся сюда, люди разнаго положенія, возраста—введены были въ заблужденіе, благодаря газетной рекламѣ. Молодежи, конечно, подобная жизнь на какихъ-то коммунистическихъ началахъ могла и по вкусу прійтись, но мнѣ, человеку, какъ выразился владѣлецъ, „умудренному опытомъ и убѣленному сѣдинами“, жизнь такая не могла быть по вкусу, и я, проживши въ этомъ хаосѣ съ недѣлю, уѣзжаю обратно далеко не съ признательностью въ душѣ. За этотъ короткій промежутокъ времени мнѣ приходилось иной день и поголодать, такъ какъ старуха, эта универсальная прислуга, имѣла большую склонность къ спиртнымъ напиткамъ, а по-просту—къ водкѣ, и были дни, когда она возвращалась съ села, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ, и тогда нѣкоторые изъ молодежи отправлялись сами добывать себѣ пищу какую, а деньги, полученные старухой на провизію, такъ и значились за нею, какъ безвозвратная ссуда.

— Да... странный человекъ этотъ господи́нь П., началъ опять мой попутчикъ послѣ нѣкотораго молчанія. Маньякъ, изъ такого сорта людей, которые, одержимые до извѣстной степени маніей не свойственнаго имъ величія, стремятся имя свое сдѣлать интереснымъ, замѣтнымъ... Краснобай, фразеръ и даже не очень и умный, человекъ этотъ вообразилъ себя нѣкімъ геніемъ, который можетъ внести въ жизнь человѣческую нѣчто новое, раньше небывалое. Воспитавъ въ себѣ извѣстную определенную имъ идею, онъ убѣжденно увѣровалъ въ нее и фантастическое, совершенно не осуществимое въ силу разныхъ жизненныхъ условій, вообразилъ онъ какъ нѣчто реальное и уже осуществленное, т. е. приложенное уже къ жизни. Этимъ я объясняю себѣ всѣ его нелѣпыя пустыя публикаціи, противорѣчащія тому, что есть на самомъ дѣлѣ. Этимъ я объясняю и всѣ его и дѣйствія, и поступки, идущіе въ полный разрѣзъ со словами его... Мыльный пузырь—вотъ тотъ, что выпускаютъ дѣтишки изъ соломенки... Выпущенный изъ нея—онъ такъ красиво, величественно поднимается въ высь, онъ такъ красиво отражаетъ въ себѣ всѣ радужные цвѣта преломленныхъ въ немъ лучей солнца, и какъ ничтоженъ онъ дѣлается при прикосновеніи къ нему—разлетается въ прахъ, будто его и не было. Однако я увлекся, а вотъ уже и станція скоро.

Вдали замѣтенъ уже былъ дымокъ приближающагося поѣзда. Извозчикъ нашъ все энергичнѣе началъ понукать своихъ уже до-

вольно уставшихъ лошадокъ, и мы въ одно время съ поѣздомъ подъѣхали къ станціи. Дороги наши шли въ противоположныя стороны. Мой поѣздъ подошелъ раньше, и я, взявъ наскоро билетъ, распрощался со своимъ случайнымъ попутчикомъ. Отъ него я получилъ довольно полное представленіе о моемъ столь близкомъ сосѣдѣ, и въ душѣ своей я тогда же рѣшилъ не наносить ему обычнаго сосѣдскаго визита прежде, чѣмъ я не поразспрошу про него и еще у кого-нибудь и главнымъ образомъ у сельскаго батюшки, который, соприкасаясь такъ близко со своими прихожанами, всегда могъ знать всю, что называется, подноготную ихъ жизни. Чрезъ мѣсяць уже у меня состоялось знакомство съ нимъ, когда онъ былъ приглашенъ мною отслужить молебенъ въ домѣ по случаю моего водворенія тамъ.

Громаднаго роста, съ плечами въ косую сажень, съ окладистою вьющеюся сѣдою бородою, съ густою шевелюрой черныхъ, но уже съ сильною просѣдою волосъ на головѣ, съ умнымъ, проницательнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ—человѣкъ этотъ при знакомствѣ съ нимъ производилъ впечатлѣніе какого-то средне-вѣковаго легендарнаго витязя, которому не доставало только соответствующихъ доспѣховъ въ видѣ шлема и проч.

— Въ этомъ домѣ пришлось быть мнѣ всего одинъ разъ,—переступая порогъ дома, произнесъ батюшка своимъ густымъ басомъ. Вашъ предшественникъ, какъ католикъ, недолюбливалъ нашего брата православнаго попа и относился ко мнѣ, если и не враждебно, то и не совсѣмъ дружелюбно. Я нанесъ ему тогда чисто дѣловой визитъ и съ тѣхъ поръ я не былъ... Очень, очень радъ водворенію вашему здѣсь, и давай Богъ, чтобы вамъ жилось здѣсь и радостно, и безпечально. Мира, всего міра и благодати Божьей пожелаю Вамъ и съ этимъ моимъ душевнымъ словомъ и приступимъ къ молитвѣ.

Молебенъ начался. Послѣ окончанія его я предложилъ батюшкѣ отобѣдать съ нами, на что онъ охотно согласился. На предложеніе мое—выпить чего-нибудь передъ ѣдою батюшка наотрѣзъ отказался.

— Не пью. Бросилъ уже нѣсколько лѣтъ, а прежде пилъ и даже изрядно. Со мною былъ одинъ случай въ жизни моей, случай, чуть не закончившійся для меня очень печально, и съ тѣхъ поръ я и бросилъ. Тогда я состоялъ настоятелемъ церкви въ М. уѣздѣ. Бѣдный, совершенно убогій приходъ тотъ отличался особеннымъ пристрастіемъ къ пагубному наптку. Пили водку тамъ всѣ поголовно—и старъ, и младъ, и женщины, и дѣвки.

Еврей, содержащій въ селѣ томъ постоянный дворъ и корчму,

уже чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ „дѣла“ своего нажилъ изрядное состояніе, и вотъ мнѣ, тогда еще юному, только что надѣвшему рясу священника, человѣку дали приходъ этотъ. Съ лучшими возвышенными порывами молодости я взялся усердно и горячо искоренять въ народѣ его пагубную страсть. И съ церковнаго амвона, и въ частной бесѣдѣ я старался вразумить народъ и наставить его на путь истины. Жена моя въ этомъ дѣлѣ была моимъ вѣрнымъ помощникомъ. Много лѣтъ боролись мы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ, и дѣло будто начало налаживаться, какъ умираетъ подруга моей жизни, и остался я съ пятью малыми дѣтьми одинокій... Тоска тяжелая, безысходная томила душу мою, и прежде здоровый и тѣломъ и духомъ я сталъ слабѣть въ борьбѣ съ постигшимъ меня несчастіемъ... Я чувствовалъ тогда, какъ духъ бодръ уходитъ отъ меня, какъ безволіе и малодушіе беретъ верхъ надъ силою разсудка... и я разрѣшилъ.

— Пійте, батюшка, горілку (водку), пійте, якъ и мы пьемъ,—говорили мнѣ мужики—пійте, и за гірку долю, пійте и за счастье...—И я сталъ пить.

— Исцѣли меня, Благость предвѣчная! Исцѣли мои раны сердечныя!—повторялъ я не разъ слова молитвы... но рана моя слишкомъ глубока была и не поддавалась заживленію... Я пилъ, чтобы забыться, и долго бы я это дѣлалъ, если бы случай, о которомъ я упомянулъ, не заставилъ меня придти въ себя. Объ этомъ я расскажу вамъ когда-нибудь на досугѣ, а теперь спрошу васъ—какъ чувствуете вы себя въ болотахъ нашихъ? Я не думалъ, что вы купите имѣніе это и, обратись вы ко мнѣ—я бы никогда не посоветывалъ вамъ сдѣлать это. И мѣсто сырое, болотистое, нездоровое, неудобное, да и сосѣдство наипаче того, а хорошій сосѣдъ—великое дѣло.

— А вотъ и кстати о сосѣдствѣ, батюшка.—Я рассказалъ ему про свою поѣздку съ дачникомъ и все то, что слыхалъ я отъ дачника этого.

— Да! это такъ,—отвѣтилъ батюшка.—Человѣкъ пустой, но съ большимъ самоимѣніемъ и къ тому же большой кляузникъ. Владѣя перомъ, онъ, за неимѣніемъ средствъ къ жизни, обратился въ какого-то деревенскаго писаку, ходатая по разнымъ крестьянскимъ дѣламъ; за какой-нибудь десятокъ яиць, али за курицу, пишетъ онъ мужикамъ всякія прошенія, жалобы и проч. Все это ведетъ ни къ чему, но мужики вѣрятъ ему и наипаче силѣ написанной имъ бумаги. Состояніе отъ отца получилъ хорошее, да провелъ его самымъ безразсуднымъ способомъ. Дачниковъ теперь завелъ... Да что много говорить,—поживите—увидите сами. Былъ

онъ у насъ и церковнымъ старостою, но я замѣтилъ непорядки въ отчетности денегъ и предложилъ обществу выбрать другого; за это онъ меня невзлюбилъ и сталъ писать на меня всякіе доносы, кляузы. Писалъ и инспектору народныхъ училищъ, а наипаче владыкѣ, который не разъ вызывалъ меня для объясненій и только благодаря моему стихотворству владыка положилъ гнѣвъ на милость и оставилъ меня на мѣстѣ.

— Какому стихотворству? — поинтересовался я узнать.

— Да видите ли, я немного поэтъ. И сколько разъ въ жизни поэзія эта выручала меня изъ всякихъ бѣдъ моихъ. Когда я священнослужителемъ въ М. уѣздѣ, приходъ тамъ, какъ я уже и докладывалъ вамъ, былъ очень убогій. Брать съ бѣднаго народа было и нечего, и грѣшно, и я, обремененный большою семьей, таковую же и нужду претерпѣвалъ. Стали подростать дѣти, и нужда еще болѣе увеличилась. Тщетно я просилъ владыку перевести меня въ лучшій приходъ, и только когда я написалъ ему прошеніе въ стихахъ, изобразивъ въ нихъ картину своей жизни, владыка внялъ моей просьбѣ и далъ мнѣ вотъ этотъ приходъ, гдѣ я обрѣтаюсь и понынѣ. Второй разъ въ жизни моей поэзія выручила меня изъ бѣды, когда я долженъ былъ объясняться съ владыкой по поводу многократныхъ донесеній на меня сосѣда вашего, господина П. Я преподнесъ владыкѣ басню, гдѣ господинъ П. изображенъ волкомъ, а я волкомъ.

— Да..., и знаете что, басня эта на владыку произвела сильное впечатлѣніе. Пересталъ вѣрить кляузамъ господина П. Но господинъ этотъ и послѣ того не унимался. Ѣздилъ самолично къ владыкѣ. Просилъ его удалить меня съ занимаемаго мною прихода и представилъ ему даже подписи на этотъ счетъ отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, клеветниковъ своихъ. Владыка, какъ сказывали мнѣ, обошелся съ нимъ сурово и даже, какъ сказывалъ мнѣ секретарь, просилъ его оставить его, владыку, въ покоѣ... Да! человѣкъ этотъ не важный. Поживите—убѣдитесь сами,—закончилъ батюшка.

Послѣ и батюшкинова отзыва я уже окончательно рѣшилъ визита сосѣду моему не наносить и вообще держать себя отъ него на почтительномъ разстояніи, несмотря на предупрежденіе моего предшественника, который совѣтовалъ мнѣ всячески быть предупредительнымъ и любезнымъ по отношенію этихъ братьевъ сосѣдей моихъ, такъ какъ народъ, молъ, „опасный и мстительный“.

— Если вы не будете заискивать въ нихъ, они будутъ дѣлать вамъ массу непріятностей,—убѣждалъ меня старый полковникъ. Словамъ полковника я не придавалъ тогда значенія, а потомъ въ продолженіе четырехлѣтней моей жизни въ этомъ имѣніи, мнѣ не разъ

приходилось убѣждаться въ правотѣ словъ моего предшественника.

Братья вступили со мною сразу во враждебныя отношенія, стараясь всякимъ способомъ „выкурить“ меня изъ этого имѣнія. Возстановляли противъ меня крестьянъ, распускали про меня всякіе нелѣпыя слухи и проч. Борьба шла не прямо—въ открытую, а какъ-то исподтишка, неуловимо: то кто-то дворовыхъ собакъ перетравить, то кто-то лошадь на лугу подстрѣлить, то кто-тодохлую кошку въ колодезь бросить..., но кто именно—доказательствъ на лицо не было, а молва указывала на младшаго изъ братьевъ, который со своимъ сыномъ-подросткомъ всегда отличались, какъ говорилъ мнѣ батюшка, озорничествомъ. Явнаго врага не видно было, и тѣмъ несноснѣе становилась жизнь среди враждебнаго лагеря. Рѣшилъ я терпѣть всѣ эти невзгоды до случая, когда я буду увѣренъ въ томъ, кто дѣлаетъ мнѣ всѣ эти непріятности. Случай вскорѣ и представился.

Изъ уничтоженныхъ кѣмъ-то всѣхъ моихъ дворовыхъ собакъ осталась только одна. Собака эта была очень цѣнна. Вывезенная еще щенкомъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири, она унаслѣдовала отъ предковъ своихъ всѣ лучшія качества своей породы. Стойкая, выносливая къ зимней стужѣ, она, несмотря на трескучіе морозы, на снѣжную метель, всю ночь, бывало, сидитъ среди двора, прислушиваясь къ малѣйшему шороху: то на скотный дворъ побѣжить, то къ конюшнѣ навѣдаться, то кругомъ дома обѣжить и, провѣривъ, что все обстоитъ благополучно, сидеть опять на свое мѣсто среди двора и затянетъ опять свое монотонное:—гавъ, гавъ... Кромѣ того это умное животное оказалось еще способнымъ, понятливымъ къ запряжкѣ. Одинъ изъ служащихъ у меня мальчиковъ-подростковъ легко подучилъ ее запрягаться въ санки и пользовался ею для подвоза топлива къ дому и зерна на сушилку. Животное это охотно исполняло свою обязанность и съ нетерпѣніемъ ждало того момента, когда мальчикъ отвяжетъ его отъ столба, къ которому она привязывалась на день, и возьметъ ее для работы. Хохликъ мой прямо таки привязывался къ этому животному, питалъ къ нему особенно нѣжныя чувства и иначе не называлъ его, какъ „товарищъ мой“.

И по своей породистости, и по своимъ достоинствамъ это бѣлое косматое существо съ маленькими остроконечными ушками, съ типичнымъ косматымъ хвостомъ, закрученнымъ бубликомъ, со своими черными, какъ уголь, небольшими глазами, съ его остроконечной мордой было очень дорого для меня; утрата животнаго этого была незамѣнимой потерей. Братья сосѣди мои знали это, и одинъ изъ

нихъ задумалъ уничтожить его и съ этой цѣлью искалъ только удобнаго случая.

Открылась въ селѣ нашемъ обыденная весенняя ярмарка. Наѣхало много и торговаго народа, нашло много и празднаго хулиганствующаго, бродячаго. Разгулъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, пошелъ, что называется, во всю. Толпы празднаго народа всю ночь ходили по улицѣ около дома то съ пѣснями, то съ криками... Случай былъ подходящий, чтобы убить животное, свернувъ поступокъ этотъ на кого-нибудь изъ этихъ пришлыхъ людей.

Около полуночи, когда во дворѣ все, какъ говорятъ хохлы, „обиспало“, я услышалъ на улицѣ два выстрѣла одинъ за другимъ. Я по чутью бросился изъ комнатъ во дворъ розыскать своего „сибиряка“. Мѣсто его около столба было пусто и на зовъ мой „товарищъ“ не откликался; а на утро мнѣ сообщили, что сибирка лежитъ убитая на улицѣ въ канавѣ и сообщили также, что собака убита однимъ изъ братьевъ П.

Я подалъ жалобу мировому судѣ.

На судъ явился не самъ отвѣтчикъ, а старшій братъ по довѣренности отъ него.

Свидѣтельскими показаніями фактъ убійства собаки младшимъ изъ братьевъ былъ установленъ и, прежде постановленія рѣшенія судья предложилъ сторонамъ помириться.

Я не соглашался, требуя уплаты за животное, но деньги тѣ просилъ взыскать съ отвѣтника въ пользу земскаго арестнаго дома.

Судья постановилъ соотвѣтствующее рѣшеніе.

— Я не ожидалъ такого рѣшенія, оно противорѣчитъ моему нравственному чувству,—сказалъ господинъ П., поднимаясь со своего мѣста и принявъ соотвѣтствующую позу.—Я по природѣ своей альтруистъ, а здѣсь идетъ дѣло объ удовлетвореніи только одного эгоистическаго чувства. Животное, приносявшее пользу только одному лицу, становилось вреднымъ для цѣлаго общества и какъ вреднаго члена общества удаляютъ изъ своей среды, такъ и вредное животное удаляютъ съ улицы. Мораль здѣсь ясна.

При словахъ этихъ господинъ П. вынулъ изъ кармана записную книжку и сталъ цитировать изреченія древнихъ философовъ о морали, особенно подчеркивая нѣкоторыя мѣста изъ нихъ.

— При чемъ тутъ мораль,—замѣтилъ судья. Здѣсь дѣло идетъ о вознагражденіи одного лица на счетъ другого.

— Нѣтъ, именно мораль, не унимался господинъ П., и если бы судья былъ проникнутъ ею, то онъ не постановилъ бы такого вопіющаго рѣшенія.

Судья едва сдерживалъ себя, но, пересиливъ себя, произнесъ:—

„Если вы находите рѣшеніе мое неправильнымъ, вы можете обжаловать его въ двухнедѣльный срокъ, получивъ отъ меня копію рѣшенія“.

— Обжаловать!—отвѣтилъ господинъ П.,— нѣтъ, этого я не сдѣлаю... Какъ корреспондентъ многихъ журналовъ и газетъ,—при этихъ словахъ онъ круто обернулся ко мнѣ,—предамъ я все это гласности. Да..., именно гласности, которая одна только можетъ вывести изъ мрака къ свѣту всѣ уродливыя явленія нашей жизни.

— Довольно, довольно,—уже не сдерживая себя, сказалъ судья, задвигавшись какъ-то нервно на стулѣ. Все это къ дѣлу не относится... Еще разъ предлагаю сторонамъ помириться.

Двадцать пять рублей, присужденныхъ судьей за убитое животное, привели врага моего въ большое замѣшательство. Такъ какъ денегъ у братьевъ не водилось, а добыть ихъ у кого-либо, хотя бы у тѣхъ же дачниковъ, представлялось очень затруднительнымъ, то „мораль“ г-на П. свелась къ тому, что онъ сталъ меня просить прекратить это дѣло за примиреніемъ сторонъ. Я протянулъ ему руку.

Пріѣхавши домой, я засталъ тамъ батюшку, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня.

— Ну, какъ... познакомились?

— Да..., познакомился.

— Ну, что..., каковъ гусь?

— Какой-то странный господинъ, отвѣтилъ я.

— И болѣе того, замѣтилъ батюшка. Прямо вредоносенъ...

— А онъ-то и проводилъ на судѣ мораль на счетъ вредоносныхъ членовъ общества.

— Ого! на счетъ всякихъ моралей онъ великій мастеръ. Краснобай..., ужъ какъ разведетъ свою мораль, такъ только уши развѣшивай. Конечно, насъ съ вами этимъ онъ не удивить, а вотъ на прочій людъ, наипаче простой народъ, дѣйствуетъ и зѣло. Мужикъ вообще, а нашъ малороссъ особливо, по природѣ своей крайне недоувѣрчивъ, а ему вѣрятъ, и слова его рѣчей дѣйствуютъ на нихъ. Прошое лѣто въ саду своемъ онъ подстрѣлилъ одну тутъ бабу, Маріей Прудченковой звали ее... Баба полѣзла на дерево обрывать ягоды, онъ ее замѣтилъ, да и всадилъ ей зарядъ изъ ружья. Но зарядъ былъ изъ мелкой дроби, бекасинника, угодилъ онъ ей въ мягкія части тѣла..., поранилъ ее только, а вреда существеннаго не нанесъ. Ну, баба давай кричать, выть...; собрались мужики—къ отвѣту тянуть его, и что же?—вывернулся; сказалъ, что стрѣлялъ онъ въ шпаковъ, а не бабу; да такъ рассказалъ убѣдительно, что

мужики и повѣрили ему, да еще и бабу ругать стали, что лавить по чужимъ садамъ.

— Да..., моралистъ..., но мораль его дѣйствуетъ развращающимъ способомъ на людей. Вѣдь вотъ чему онъ учитъ:— „любовь, говорить, какъ даръ свыше, должна быть свободна во всѣхъ ея проявленіяхъ“.—А отсюда у него, какъ это ни странно, вытекаетъ и свобода дѣйствій, поступковъ и свободный взглядъ на вѣнѣбрачное сожителство... Мнѣ, какъ духовному пастырю, всѣ эти его философствованія крайне не нравятся, что я открыто и высказываю и за что онъ наипаче не взлюбилъ меня. Моралистъ..., а мораль-то его сводится къ тому только, чтобы поучать молодежь „свободной любви“, а молодежь, и наипаче дѣвицы, прямо въ восторгѣ отъ него.

— Была у насъ здѣсь сельская учительница, Вѣрой Степановной ее звали. Дочь когда-то состоятельныхъ, но обѣднѣвшихъ родителей, нынѣ уже умершихъ, эта стройная, красивая, молодая дѣвушка лѣтъ 17—18, прямо со школьной скамьи прислана была въ школу нашу. Съ великимъ усердіемъ принялась она за дѣло обученія и воспитанія дѣтей. Умная, религіозная, дѣвушка эта имѣла хорошее нравственное вліяніе на школьниковъ своихъ, которые любили ее всѣми силами своей дѣтской души. Мы вмѣстѣ съ народомъ нахвалиться не могли нашею молодою учительницею. Дѣло это шло такъ года два. Упала ли у нея прежняя энергія, или другая какая причина была, но молодое это существо стало скучать. Міръ простого человѣка съ его взглядами, нравами, обычаями были все-таки чужды ей; она начала тяготиться своимъ одиночествомъ, стала искать подходящаго для себя общества... и оно нашлось для нея и въ лицѣ дачниковъ, и въ лицѣ самого „моралиста“.

— Какой умный, развитой, начитанный человѣкъ, — какъ-то разъ сказала она мнѣ про него, познакомившись съ нимъ въ школѣ, куда пришелъ онъ послушать ея преподаваніе.

— Бойтесь волка въ овечьей шкурѣ, — сказалъ я ей, но слова его „умной“ рѣчи, его ласкающее обращеніе съ нею завладѣли уже воображеніемъ этого молодого существа, и слова мои, какъ пенялъ я, стали гласомъ вошющаго въ пустынь. Я сталъ замѣчать, что учительница наша уже не съ такимъ рвеніемъ занимается съ дѣтьми, уже по временамъ стала и манкировать уроками, а потомъ съѣхались дачники, вступила и она въ круговоротъ ихъ жизни, а съ отѣздомъ ихъ переѣхала въ домъ „моралиста“. Наступила зима съ ея обычною школьною жизнью, но для школы она уже не существовала. Походила въ школу что-то съ мѣсяць, другой, да и совсѣмъ прекратила занятія. И слава ей, какъ талантливой учительницы, разсѣялась, какъ утренній туманъ послѣ восхода свѣтила

небеснаго. А жаль и велико прискорбно стало и за нее саму, какъ многоспособную и многообщающую особу, и за ея искалѣченную жизнь. Слыхалъ и потомъ, что она, проживши у него что-то съ годъ, исчезла съ нашего горизонта.

— Поразскажалъ бы я вамъ и еще кое-что, да нора мнѣ уже и „до ясу“, какъ любилъ выражаться вашъ предшественникъ.

Батюшка сдѣлалъ уже движеніе къ выходу, но я его остановилъ, предложивъ ему одинъ вопросъ, который меня занималъ всю дорогу, и отвѣтъ на него меня очень интересовалъ.

— Не сумѣете ли, батюшка, объяснить мнѣ — почему на судѣ онъ отрекомендовался мнѣ Николаемъ Николаевичемъ старшимъ?

— А видите ли, у него есть сынъ того же имени. Старикъ съ женою своею жилъ плохо. Она уже много лѣтъ какъ бросила его, удалившись, какъ сказывали, отъ сего грѣховнаго, суетнаго міра въ одинъ изъ монастырей. При немъ остался тогда мальчикъ лѣтъ 7—8, единственный ребенокъ отъ его законнаго сожителства. Мальчикъ выросъ, обратился уже въ юношу, и стало въ домѣ два Николая Николаевича. Такъ и въ письмахъ обозначали—Н. Н. старшему, Н. Н. младшему. Со временемъ, будучи уже совершенно взрослымъ молодымъ человѣкомъ, младшій покинулъ свой отчій домъ, поступивъ, какъ сказывали, въ труппу какихъ-то странствующихъ артистовъ, а съ уходомъ его прекратилось и различіе наименованій, а почему онъ нынѣ такъ отрекомендовался вамъ—Христосъ его знаетъ. Больше для важности, изъ подражанія великимъ особамъ. Психопать..., чистой пробы,—закончилъ батюшка, прощаясь со мною.

На другой день посланный отъ „старшаго“ принесъ мнѣ цѣлую кипу какихъ-то книгъ и газетъ съ короткимъ письмомъ отъ него такого содержанія:

„М. Г.! Отъ вчерашняго знакомства съ Вами—къ сожалѣнію въ камерѣ судьи,—я понялъ, что я имѣю дѣло съ просвѣщеннымъ и гуманнымъ, въ силу отношеній Вашихъ къ меньшему брату, человѣкомъ. Гордыня духа не свойственна Вамъ. Умъ и душа Ваши, въ соединеніи съ Вашей симпатичной наружностью, произвели на меня наилучшее впечатлѣніе. Я не смотрю на людей сквозь призму увеличительнаго стекла, а понимаю ихъ такъ, какъ они есть на самомъ дѣлѣ. Меня называютъ послѣдователемъ незабвеннаго Льва Николаевича, но „о непротивленіи злу“ я понимаю нѣсколько иначе, что Вы и замѣтите изъ статей моихъ въ научномъ отдѣлѣ присылаемыхъ при этомъ Вамъ газетъ.

Вашъ Н. Н. П.

НВ. Мои дачники просятъ Васъ отпускать имъ хлѣбъ и молоко,

второй разъ. Всѣ случаи въ моей жизни бывають со мною по два раза. Два раза рождался, — такъ въ метрическихъ записяхъ значится, — два раза вѣнчался, два раза тонулъ, два раза...“, но ямщикъ не далъ договорить приставу, ударилъ по лошадямъ, зазвонилъ оглушительно колокольчикъ, и приставъ, держа все время руку подъ козырекъ, выѣхалъ со двора. Вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и я.

Возвратившись домой, я засталъ тамъ цѣлую кину всякой корреспонденціи, доставленной мнѣ со станціи ж. д. почтаремъ моимъ. Среди нея были и письма, адресованныя на имя моего сосѣда.

Между ними было одно открытое письмо, обратившее мое вниманіе своею надписью на адресѣ: станція такая-то, такой-то ж. д. Его Свѣтлости, князю Н. Н. П.

— Что за притча?—подумалъ я.—Вѣдь онъ же не княжескаго роду, а тутъ еще и „Свѣтлости“. Имя и отчество и фамилія—его, но при чемъ же тутъ „Свѣтлость“? Содержаніе письма, вѣроятно, подумалъ я, объяснить мнѣ это недоразумѣніе.

Мелкимъ, женскимъ почеркомъ было написано.

„М. Г. князь Н. Н.! Въ № (такомъ-то) газеты (такой-то) я прочла, что Вы, князь, съ чисто гуманною цѣлью устроили въ усадьбѣ имѣнія своего безплатный пріютъ-школу для дѣтей школьнаго возраста. Я бы очень желала помѣстить на лѣтнее каникулярное время на Ваше попеченіе сына моего — мальчика 10 лѣтъ. Если у Васъ еще имѣются свободныя мѣста, то сообщите, князь, чѣмъ премного обяжете меня“. Дальше слѣдовала подпись.

Я прямо руками развелъ отъ удивленія. Два года я уже проживалъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ господиномъ П. и ни о „свѣтломъ“ происхожденіи его, ни о какой-то школѣ-пріютѣ я не слыхалъ. Письмо я передалъ по назначенію.

Прошло, вѣроятно, съ недѣлю времени. Сидѣли мы въ палисадникѣ, выходящемъ на улицу. Невысокая рѣшетка отдѣляла улицу отъ нашего садика, такъ что и мы свободно видѣли всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ по улицѣ и можно было видѣть и насъ, находящихся въ палисадникѣ.

Солнце уже склонялось къ горизонту, когда увидѣли мы ѣдущій шагомъ извозчикій экипажъ; въ немъ сидѣли двѣ дамы съ мальчикомъ. Дамы нерѣшительно оглядывались по сторонамъ, словно онѣ чего-то или кого-то розыскивали. Увидѣвъ насъ, сидящихъ въ палисадникѣ, извозчикъ остановился и что-то шепнулъ дамамъ.

— Будьте такъ любезны,—обратилась къ намъ одна изъ дамъ,—не можете ли сказать намъ—какъ проѣхать къ господину Н. Н. П? Я указалъ дорогу.

— А не знаете ли—можемъ мы рассчитывать тамъ на гостепріим-

ство и удобный ночлегъ, такъ какъ возвращаться на станцію уже поздно?

— А поѣсть намъ тамъ дадутъ?—обозвался мальчикъ.

— А сѣна дадутъ тамъ для коней?—спросилъ извозчикъ.

— Хотя деревня,—отвѣтилъ я путешественникамъ,—находится, по обычаю, на особомъ положеніи гостепріимства, но въ данномъ случаѣ, какъ мнѣ извѣстно, такого гостепріимства, о которомъ вы запрашиваете меня, вы тамъ не найдете. Ни удобствъ ночлега, ни сытнаго ужина, ни сѣна для лошадей тамъ не найдется.

— Ну, а какъ же быть намъ?—заговорили всѣ разомъ.

— Милости просимъ къ намъ,—отвѣтилъ я. У насъ подночуете, а завтра утромъ вы и побываете тамъ.

Послѣ нѣкотораго замѣшательства дамы согласились на наше предложеніе.

— Жена инспектора Х-ской гимназіи,—отрекомендовалась дама постарше.—Это моя бонна, а это сыночекъ мой. Здоровья онъ слабаго. Нужны ему и чистый воздухъ, и хорошее питаніе, и физическія упражненія... Мы съ мужемъ уѣзжаемъ на два мѣсяца на одинъ изъ заграничныхъ курортовъ и сына своего хотѣли бы пристроить такъ, чтобы онъ могъ съ пользою для своего здоровья провести это время. Вашъ князь все это предоставляетъ дѣтямъ, какъ пишетъ онъ въ газетахъ. Вотъ, не угодно ли вамъ прочесть.

Дама вынула изъ саквояжа своего № Губернскихъ Вѣдомостей и, подавая мнѣ, прибавила:—„вотъ вы тутъ все найдете“.

— Я прямо удивленъ и пораженъ, сударыня, сказалъ я, прочитавъ извѣщеніе моего сосѣда.—До этого времени я только зналъ, что къ нему съѣзжается молодежь для лѣтняго пребыванія, а о школѣ для дѣтей я положительно ничего не слыхалъ. Если бы школа, о которой идетъ рѣчь въ газетѣ, открылась на-дняхъ только, то и тогда священникъ нашъ зналъ бы объ этомъ, такъ какъ онъ всегда находится въ курсѣ дѣлъ, касающихся моего сосѣда. Быть можетъ, что и онъ проглядѣлъ это, своего рода, событіе... Завтра отправитесь къ нему и убѣдитесь въ правильности сообщенія.

Утромъ вся эта компанія отправилась пѣшкомъ къ сосѣду моему, а, возвратившись отъ него, инспекторша сообщила мнѣ, что „ничего подобнаго у него нѣтъ“, что онъ только объ этомъ мечтаетъ.

— Пусть, говоритъ, сынъ вашъ остается у меня и положить начало осуществленія моей великой идеи.—Но, помилуйте, заявила дама, могу ли оставить сына при такой ужасной обстановкѣ. Я вѣдь вообразила себѣ, что сынъ мой будетъ жить въ имѣніи у состоятельнаго помѣщика, гдѣ онъ будетъ окруженъ и заботливостью, и удобствами, и комфортомъ, а упражняясь физическимъ трудомъ на чи-

отомъ воздухъ, будетъ набираться и силъ и здоровья. Я думала, что князь; вельможа...

— Да съ чего вы, сударыня, взяли, что онъ князь? спросилъ я у наивной дамы, которая повѣрила, и такъ легко, газетной рекламѣ.

— Да какъ же? такая фамилія только бываетъ княжеская. И только князья могутъ развивать такъ далеко свою благотворительность. И было написано такъ хорошо, такъ все ясно, что я и повѣрила... Мой мужъ инспекторъ гимназій. На его попеченіи сотни дѣтей и вдругъ—такой обманъ, такой обманъ...—волновалась дама. Все это я предамъ гласности, напишу опроверженіе въ той же газетѣ и ужъ раздѣлаю его, этого, съ позволенія сказать...—Отъ волненія жена инспектора не могла подобрать соответствующаго эпитета для моего бѣднаго сосѣда и съ этимъ и уѣхала.

Въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній, послѣ обѣдни, я зашелъ къ батюшкѣ на „чашку чая“. Разказалъ я ему про визитъ инспекторши и весь этотъ разговоръ съ нею послѣ посѣщенія ею господина П.

— Какъ же это такъ, что я не освѣдомленъ былъ объ этомъ, удивился батюшка. Должно быть, старуха его опять зашла и на село не ходитъ, а то вѣдь она—нашъ неизмѣнный репортеръ. Ну, однако, куда нашъ „князь“ хватилъ. Помѣстить въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такого большого города, какъ Х., вотъ этакое-то „приглашеніе“. Нѣтъ, этотъ номеръ у него не пройдетъ, а вотъ на счетъ танцъ-класса, такъ, кажется, дѣло у него тамъ обстоитъ иначе.

— Какого танцъ-класса?—полюбопытствовалъ я.

— Да развѣ вы не слыхали? Да? Ну такъ поразспросите у вашей бывшей горничной Маріи Гайдебуровой. Она частенько мимо же вашихъ оконъ ходитъ къ нему на уроки. Поговорите-ка съ нею, она можетъ многое вамъ поразсказать. Съ дачниками у него что-то не ладится, да и полиція ужъ очень напираетъ на него; того и гляди, что съ дачниками произойдетъ крахъ. Со школой-пріютомъ, очевидно, тоже не ладится дѣло, но вотъ онъ и придумалъ новое дѣло—поставлять крестьянскихъ дѣвицъ въ какое-то увеселительное заведеніе города Одессы, а предварительно сталъ обучать ихъ танцевальному искусству и пріятному, обходительному обращенію съ мужчинами. Завелъ у себя что-то вродѣ танцъ-класса. Сказываетъ, что преподавательницею этого милаго искусства состоитъ одна изъ дачницъ одесситокъ. Женщина, какъ сказываютъ, права и взгляда свободныхъ. Туда учиться ходитъ не одна Гайдебурова, но и еще кое-кто изъ дѣвицъ нашего села. Я уже и баткамъ ихъ нотацію читалъ на счетъ ихъ дочекъ, да и не знаю—поможетъ ли это.

Я ужасно заинтересовался этимъ новымъ дѣломъ моего сосѣда и съ нетерпѣніемъ ждалъ момента увидѣть мою бывшую горничную и поразспросить у нея подробности этой затѣи „моралиста“.

Марія Гайдебурова—дѣвушка высокая, стройная, съ толстою длинною русою косою, съ темными бровями на румянѣ лицѣ, производила впечатлѣніе довольно красивой дѣвушки. Лѣтъ была она 19. Прослужила она у насъ что-то около году и по невѣдомой для насъ причинѣ ушла, а теперь эта невѣдомая причина стала ясна.

Изъ опроса своей ворчуньи кухарки я узналъ правду: „дівчата ходять до него (П.) танцювати яку-то катрель (кадриль), да пісень якихъ-то співати (пѣть), не нашихъ простыхъ, а паньскихъ, шо бѣ уміли вони співати (пѣть) по благородному“.

Старуха моя передала, какъ потомъ выяснилось, вѣсти очень правдоподобныя, такъ какъ на второй же день послѣ разговора моего со старухой проходилъ я вечеромъ по нашей улицѣ и услышалъ гдѣ-то вдали, вблизи усадьбы П., пѣніе знакомаго мнѣ голоса бывшей нашей горничной.

Она пѣла тихо и за отдаленностью разстоянія нельзя было разслышать словъ, но по мѣрѣ приближенія ея къ усадьбѣ моей, слова пѣсни той становились все яснѣе, и я уже отчетливо услышалъ: „не страдать, а любить я готова тебя“. На этомъ голосѣ ея оборвался, а потомъ грустная мелодія пѣсни снова возобновилась, и опять услышалъ я послѣднія слова ея: „мнѣ не жить одной, безъ тебя, другъ ты мой“.

Голосъ снова замолкъ и съ большею силою возобновился уже на мотивъ какой-то веселой, забубенной пѣсни.

Дѣвушка замѣтила меня.

Опустивъ глаза внизъ, немного согнувшись, она старалась пройти мимо меня съ видомъ скромности, невинности... Я остановилъ ее.

— Отъ Н. Н.? прямо предложилъ я ей вопросъ.

— Да..—отвѣтила она тихо, съ опущенными, по обыкновенію, глазами внизъ.

На этотъ разъ мнѣ не удалось получить отъ нея отвѣта на интересующіе меня вопросы, а уже не скоро, послѣ цѣлаго ряда встрѣчъ и разговоровъ съ нею я узналъ, что дѣйствительно она ходитъ къ нему брать уроки танцевъ и пѣнія, и что посулилъ онъ ей большую будущность и славу въ Одессѣ, гдѣ она будетъ зарабатывать и деньги большія.

— Да и еще говорилъ мнѣ, поясняла она: при твоей красотѣ, да при твоємъ голосѣ, да развѣ тебѣ мѣсто въ деревнѣ, гдѣ гибнутъ таланты въ жизни безпросвѣтной. Слова эти, такъ по вкусу

пришедшіяся молодой дѣвушкѣ, произвели на нее, очевидно, сильное впечатлѣніе, и она ихъ, какъ видно, заучила наизусть, не давая, конечно, себѣ яснаго представленія о понятіяхъ—„талантъ“ и „жизнь безпроевѣтная“.

Мнѣ стало ужасно жаль этой молодой дѣвушки, вступающей такъ охотно и такъ безотчетно на ложный путь. Все ея существо было проникнуто стремленіемъ къ жизни лучшей, безъ труда и нужды, къ жизни—гдѣ и слава, и богатство сулилось ей. Охваченная этимъ чувствомъ, стремилась она на этотъ торный путь, и ни въ чьихъ, конечно, силахъ было остановить ее.

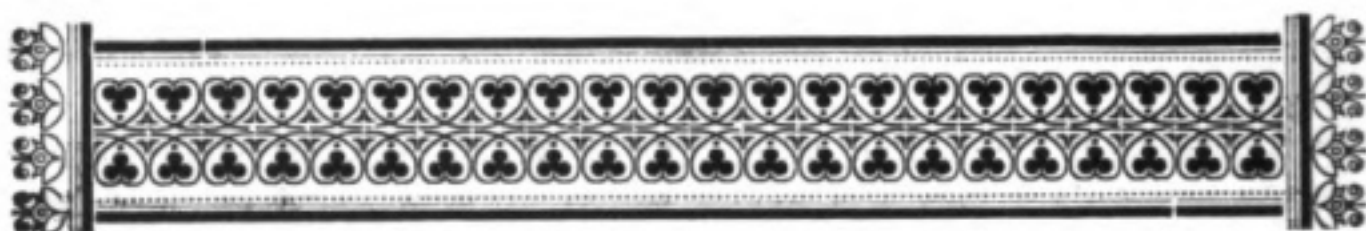
Потомъ я слыхалъ, что она съ одною изъ дачницъ уѣхала таки въ Одессу; а еще позднѣе отецъ ея съ радостью сообщалъ сосѣдямъ своимъ, что дочка его много денегъ зарабатываетъ въ Одессѣ и „мнѣ прислала уже двадцать пять рублей“..

— Ну, а двухъ мнѣ таки удалось задержать,—сказалъ мнѣ батюшка въ одну изъ встрѣчъ съ нимъ.—Батьки ихъ все-таки послушали меня и не пустили ихъ туда. Да... что подѣлаешь... ужъ очень соблазнъ великъ. Денегъ, сказываютъ, Марія много шлетъ домой. Вѣдь это такой аргументъ, что мужичку и не совладать съ нимъ. Соблазнъ великъ—не въ мѣру.

— Ну, слава Богу, наступило уже затишье, ибо дачники стали ужъ разъѣзжаться по домамъ, а тамъ наступитъ зима, „моралистъ“ останется одинъ, и ужъ ему будетъ тогда не до „танцъ-классовъ“....

М. С—ъ.

Свиданіе съ Маццини.

В то время, къ которому относится моя встрѣча съ Маццини, я проводилъ большую часть моего времени въ Гейдельбергѣ, усердно работая въ лабораторіи Бунзена и слушая лекціи Кирхгофа по нѣкоторымъ отдѣламъ теоретической физики. Наука всецѣло увлекала меня, а политика скорѣе отталкивала, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ въ то время ее проповѣдывали тогдашніе корифеи нашего движенія. Конечно, я былъ, какъ и большинство моихъ современниковъ, горячій сторонникъ представительной формы правленія и мирнаго разрѣшенія нашего вѣкового спора съ Польшей. При этомъ, сколько я себя помню, я всегда враждебно относился къ такъ называемому социальному движенію, то есть насильственному разрѣшенію социального вопроса, вполнѣ сочувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ всякому успѣху

Отъ Редакціи.

Авторъ воспоминаній Владиміръ Ѳедоровичъ Лугининъ, участвовалъ въ Севастопольской кампаніи въ качествѣ офицера, только что выпущеннаго изъ артилерійскаго училища, которое окончилъ первымъ ученикомъ. По окончаніи Севастопольской войны, онъ поступилъ въ артилерійскую академію, которую окончилъ тоже блистательно. По выходѣ изъ академіи, на военной службѣ оставался, однако, не долго, а выйдя въ отставку, уѣхалъ за границу, для спеціальнаго изученія химіи. Къ этому пребыванію за границей и относится упомянутый рассказъ „Свиданіе съ Маццини“. Впоследствии онъ получилъ въ Россіи степень почетнаго доктора химіи и былъ довольно продолжительное время профессоромъ Московскаго университета по термехиміи.

Теперь онъ—почтенный старикъ—проживаетъ, по болѣзни, за границей, гдѣ, насколько позволяетъ здоровье,—продолжаетъ занятія химіей.

Ред.

кооперативнаго движенія. Эти нѣсколько словъ я принужденъ привести для разъясненія послѣдующаго разсказа, сущность котораго, впрочемъ, мало касается меня лично, въ немъ приводится лишь описаніе моего свиданія съ однимъ изъ создателей современной Італіи, съ Маццини.

Упоминая о современныхъ дѣятеляхъ русскаго движенія, я долженъ оговориться относительно одного изъ нихъ, а именно—Александра Ивановича Герцена, съ которымъ я уже давно былъ знакомъ, въ то время, къ которому относится настоящій разсказъ. Личность Герцена имѣла на меня всегда огромное обаятельное вліяніе. Я говорю о личности, а не о теоріяхъ его, съ которыми я никогда не могъ согласиться. Меня увлекала его благородная чистая личность, его художественная рѣчь и въ общемъ благородный протестъ противъ господствовавшаго тогда у насъ произвола.

Очень понятно поэтому, что я пользовался всякимъ случаемъ для свиданія съ Герценомъ для того, чтобы провести нѣсколько вечеровъ съ нимъ, слушая его обаятельную рѣчь. Университетскіе порядки Гейдельбергскаго университета дѣлали свиданія эти возможными, благодаря продолжительнымъ вакаціямъ, которыми прерывалось преподаваніе въ университетѣ, весною и осенью. Я это время обыкновенно проводилъ въ Лондонѣ, гдѣ жилъ Герценъ, и оставался тамъ нѣсколько недѣль, а однажды даже записался на это время въ лабораторію Гофмана, который преподавалъ химию въ Лондонской горной школѣ. Одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Лондонъ совпалъ съ появленіемъ тамъ знаменитаго Бакунина, только что бѣжавшаго изъ Сибири. Посѣщая очень часто Герцена, у котораго Бакунинъ бывалъ чуть ли не каждый день, я, очевидно, не могъ не познакомиться съ нимъ, но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, было совершенно противоположно тому, которое всегда производилъ на меня Герценъ. Ни изящной личности, ни увлекательной рѣчи Герцена я не находилъ у Бакунина. Я находилъ у него всѣ особенности узкаго сектанта, озлобленнаго жизнью, но, какъ казалось мнѣ, совершенно неспособнаго имѣть вліяніе на сколько-нибудь развитаго человѣка. Что касается до меня, то если бы не престижъ долгихъ пережитыхъ страданій въ тюрьмахъ Саксоніи, Австріи и, наконецъ, Россіи, то я, конечно, очень скоро удалился бы отъ него. Между разными особенностями Бакунина мнѣ въ самомъ началѣ нашего знакомства указывали на его страсть утилизировать для цѣлей своей пропаганды всякаго человѣка, съ которымъ онъ сталкивался. Особенность эту мнѣ вскорѣ пришлось испытать на себѣ. Послѣ немногихъ дней знакомства онъ вздумалъ предложить мнѣ отправиться на Кавказъ изучить настроеніе тамошнихъ войскъ.

нашихъ въ политическомъ отношеніи. Когда онъ дѣлалъ мнѣ это предложеніе, онъ совершенно не зналъ, какъ я отношусь къ политической дѣятельности и даже къ какому направленію принадлежу и вообще, желаю ли я принимать участіе въ активной политической дѣятельности. Онъ зналъ только, чрезъ Герцена, что я воспитывался въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній Петербурга. Я, разумѣется, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ это предложеніе Бакунина. Но этимъ предложеніемъ утилизировать меня для своихъ революціонныхъ цѣлей дѣло не окончилось, и, встрѣтивъ меня черезъ нѣсколько дней, онъ сдѣлалъ мнѣ новое предложеніе, которое меня очень соблазнило. На этотъ разъ дѣло шло не о русскомъ революціонномъ движеніи, не о братьяхъ славянахъ, въ то время излюбленныхъ дѣтищахъ Бакунина, а объ участіи въ ожидаемомъ новомъ покушеніи Гарибальди высадиться гдѣ-нибудь въ южной Италіи и двинуться на Римъ. Оказывалось, что ему нужны были офицеры, особенно артиллеристы, и таковыхъ вербовалъ ему жившій тогда въ Лондонѣ Маццини. Мысль примкнуть къ экспедиціи Гарибальди меня чрезвычайно соблазняла, какъ по дѣлу, которому я готовъ былъ служить, такъ и благодаря имени Гарибальди. Но исполненію этого проекта представлялось очень серьезное препятствіе, а именно — недостатокъ денегъ. Какъ я уже упоминалъ, я пріѣхалъ въ Лондонъ на время вакацій Гейдельбергскаго университета и взялъ съ собою только незначительное количество денегъ, какое было нужно для кратковременнаго пребыванія; къ тому жъ деньги эти были уже на исходѣ. А для того, чтобъ выписать денегъ изъ Петербурга, требовалось довольно продолжительное время, по крайней мѣрѣ двѣ недѣли; ѣхать же къ Гарибальди надобно было спѣшно — черезъ два, много три дня. Бакунинъ, впрочемъ, отнесся къ этому затрудненію очень легко. Увѣривъ меня, что Герценъ ссудитъ меня нужными деньгами, благо, онъ давно знаетъ меня, что терять нечего времени и что завтра же надобно отправиться къ Маццини. Не помню, по какой причинѣ мы не могли въ тотъ же вечеръ переговорить съ Герценомъ о нужныхъ мнѣ деньгахъ и объ условіяхъ, на которыхъ я желалъ сдѣлать у него заемъ, по всей вѣроятности его въ это время не было дома. Во всякомъ случаѣ я повѣрилъ увѣреніямъ Бакунина, и на другой день мы отправились къ Маццини, котораго Бакунинъ предупредилъ о цѣли нашего посѣщенія. Маццини, когда я былъ представленъ ему, имѣлъ видъ бодрого, далеко не стараго человѣка, очень сухощавъ, держался чрезвычайно прямо и вообще имѣлъ видъ, нѣсколько напоминавшій отставного военнаго, какіе довольно часто встрѣчаются за границей, особенно во Франціи. Онъ все время говорилъ на фран-

пузскомъ языкѣ, на которомъ объяснялся совершенно свободно, и, на сколько я могъ замѣтить, безъ всякаго акцента. Говорилъ онъ скорѣе медленно, а не какъ южанинъ-италианецъ. Бакунина онъ встрѣтилъ очень любезно, какъ хорошаго знакомаго. Меня—также очень любезно, особенно когда я объяснилъ ему мое желаніе по-сильно служить дѣлу Италіи, подъ знаменами великаго Гарибальди, но что въ настоящее время я не могу еще взять опредѣленнаго обязательства, по причинѣ, не зависящей отъ моей воли; а именно—препятствіемъ, какъ я надѣюсь, временнымъ, является недостатокъ денегъ, но что Бакунинъ положительно обѣщалъ мнѣ доставить нужную небольшую сумму, и не позже завтрашняго дня, а слѣдовательно для того, чтобы дать ему положительный отвѣтъ, я просилъ у него нѣсколько часовъ времени. Тутъ Маццини прервалъ меня, сказавъ: Такъ мы и будемъ говорить о Вашей поѣздкѣ пока условно; а пока объясню Вамъ, въ чемъ будетъ состоять Ваше порученіе. Васъ же прошу только хранить пока въ тайнѣ то, что я сообщу Вамъ. Затѣмъ онъ подробно сообщилъ мнѣ тотъ маршрутъ, которымъ я долженъ былъ слѣдовать, для того чтобы достичь мѣста высадки Гарибальди. Для этого я долженъ былъ сперва отправиться въ Миланъ, чтобы передать записку отъ Маццини бывшему диктатору Римской республики 1848 года Аурелію Саффи и получить отъ него подробное указаніе того пути, которымъ я долженъ былъ слѣдовать, для того чтобы присоединиться къ высаживавшемуся уже отряду Гарибальди, о которомъ въ то время у Маццини были только смутныя свѣдѣнія. Въ заключеніе Маццини вручилъ мнѣ краткую записку къ Саффи, въ которой, если я не ошибаюсь, онъ упоминалъ о какихъ-то пушкахъ, которыя должны были быть при отрядѣ Гарибальди. Этимъ окончилась дѣловая часть нашего разговора. Но вслѣдъ за нимъ онъ рассказалъ намъ, то есть Бакунину и мнѣ, чрезвычайно интересный эпизодъ, который и побудилъ меня сообщить всѣ эти замѣтки. Вопреки своей обычной сдержанности, онъ рассказалъ намъ, что во время Восточной войны онъ получилъ отъ Императора Николая Павловича предложеніе начать политическое движеніе въ Ломбардо-Венеціанскихъ областяхъ Австріи. Не знаю точно, къ какому времени это предложеніе относится, но, очевидно, что Императоръ Николай уже предчувствовалъ въ Австріи противника и готовилъ ему диверсію.

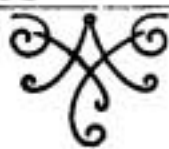
Одно условіе, поставленное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для ссуды Маццини очень значительной суммы, кажется, нѣсколькихъ милліоновъ, было—чтобы движеніе имѣло характеръ монархическій, и на этомъ условіи все дѣло не состоялось. Маццини ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы предполагаемое движеніе имѣло рес-

публиканскій характеръ, а Императоръ Николай напротивъ соглашался оказать поддержку Маццини только въ томъ случаѣ, если оно будетъ сдѣлано въ пользу монархіи, именно—Савойскаго дома. Онъ ставилъ это необходимымъ условіемъ, несмотря на то, что враждебныя отношенія Сардиніи уже выяснились. На этомъ дѣло и разстроилось. Маццини говорилъ намъ, что онъ не имѣлъ никакого предубѣжденія противу дѣйствія совмѣстно съ Императоромъ Николаемъ, и что онъ готовъ былъ бы дѣйствовать, съ кѣмъ угодно, лишь бы это было въ пользу Италіи и противъ коренныхъ враговъ Италіи, противъ Австріи и папы.

Маццини окончилъ свой любопытный рассказъ, назвавъ и того главнаго агента, чрезъ котораго всѣ эти переговоры происходили; это былъ знаменитый въ то время итальянскій пѣвецъ, теноръ итальянской оперы въ Петербургѣ, Тамберликъ. Мое первое впечатлѣніе, услышавъ это имя, было удивленіе, но короткаго размышленія было достаточно для того, чтобы согласиться съ Маццини, что выборъ Тамберлика тайнымъ агентомъ при этихъ переговорахъ, требовавшихъ полной тайны и большой ловкости, былъ очень удаченъ.

Къ этому же долженъ добавить, что какъ личность Маццини, такъ и та обстановка, при которой онъ рассказалъ намъ этотъ эпизодъ, совершенно исключаютъ возможность какой-либо неправды. Таково было впечатлѣніе, которое онъ произвелъ и на Бакунина. Я долженъ добавить, что предполагавшаяся экспедиція не могла состояться, вслѣдствіе недостатка денегъ. Герценъ ихъ не далъ, объясняя свой отказъ самою ненужностію поѣздки, о чемъ рассказъ въ посмертныхъ своихъ сочиненіяхъ. Я долженъ былъ отправиться къ Маццини вторично и возвратить ему данные имъ мнѣ документы.

В. Лугининъ.

Севастопольскія воспоминанія.

1853 г.

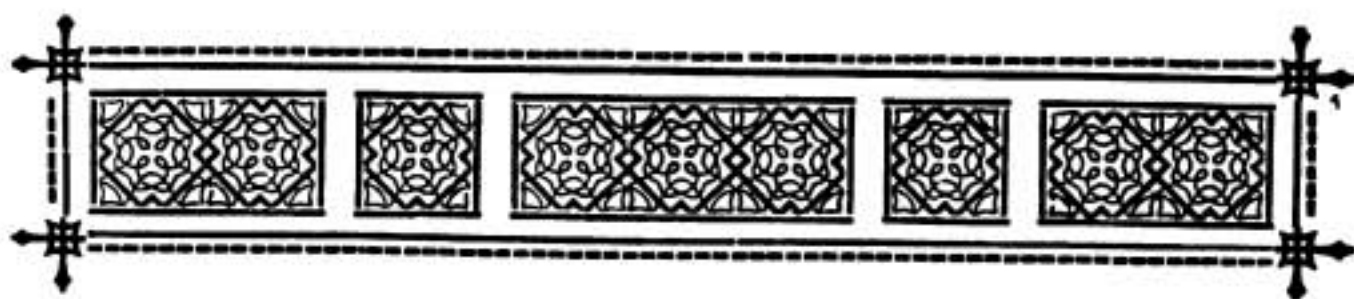

Въ теченіе мая, іюня, іюля и начала августа изъ артиллерійскаго главнаго управленія командировали въ Севастополь по одному офицеру въ распоряженіе начальника артиллеріи, генерала Шейдемана, въ качествѣ ординарца, срокомъ на двое сутокъ. Такимъ образомъ и на мою долю выпало дежурить у генерала Шейдемана дни, непосредственно слѣдовавшіе послѣ отбитаго штурма, и я полагаю не безынтереснымъ рассказать маленькій эпизодъ, послѣдовавшій за этимъ славнымъ и, кажется, единственнымъ утѣшительнымъ эпизодомъ геройской обороны. Штурмъ былъ отбитъ раннимъ утромъ, и усиленная пальба почти совершенно прекратилась. Мы возвращались съ генераломъ Шейдеманомъ на нашу главную квартиру недалеко отъ площади. На душѣ было радостно, какъ-то даже празднично, радостно, ибо мы съ успѣхомъ вышли изъ тяжелаго испытанія. Пріятно было и то, что лично мы чувствовали себя въ сравнительной безопасности и могли отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ. Вдругъ навстрѣчу намъ скачетъ во всю прыть казакъ. Поровнявшись съ генераломъ, онъ осадилъ лошадь и подалъ какую-то бумагу. Генералъ прочелъ ее и, обращаясь ко мнѣ, объявилъ, что на насъ выпала новая бѣда: на одинъ изъ бараконъ, построенныхъ вдоль канала, въ довольно пустынномъ мѣстѣ и въ которомъ обыкновенно хранились снаряды, упала граната; крыша загорѣлась, и всѣмъ снарядамъ, числомъ около 6 тысячъ, грозила гибель. Вскорѣ мы приблизились къ берегу канала, гдѣ находился горящій баракъ. Глазамъ нашимъ представился совершенно пустынный берегъ, занимающаяся крыша досчатаго зданія и отъ времени разрывающіяся гранаты. Средствъ для тушенія никакихъ. Разумный человѣкъ постарался бы спасти ящики со снарядами, а такихъ ящиковъ въ баракѣ было немало, но мой генералъ рѣшился взять

быка за рога. Съ нами было четыре казака. Двухъ онъ взялъ съ собою, а двухъ командировалъ со мною и послалъ меня съ двумя казаками съ приказаніемъ начать тушить крышу съ одного конца, а самъ съ двумя казаками принялся за то же дѣло съ другого конца. Въ усиленіе онъ приказалъ мнѣ, по мѣрѣ силъ, собрать людей съ ближайшихъ улицъ и стараться тушить, чѣмъ попало. Въ концѣ барака было нѣсколько извилистыхъ переулковъ, въ которыхъ въ то время уже была кой-какая жизнь: въ лавкахъ торговали, возлѣ стояли кадки съ квасомъ, и кое-гдѣ бродилъ народъ. Въѣхавши въ одну изъ такихъ улицъ, я обратился къ толпѣ и старался уговорить помочь мнѣ тушить горящую крышу; должно быть, мое рвеніе было такъ сильно, что человекъ десять присоединились къ нашей небольшой кучкѣ; опростали нѣсколько чановъ съ квасомъ и двинулись къ выходу изъ кривого переулка на берегъ канала, у котораго все болѣе и болѣе разгорался баракъ. Мы постарались захватить воды изъ канала въ наши кадки и плескали изъ нихъ въ горящую крышу, но, очевидно, безъ всякаго результата. Между тѣмъ пожаръ все усиливался, и осколки все чаще пролетали мимо насъ; наконецъ, случилось неизбежное: осколкомъ задѣло одного изъ нашей кучки, онъ растянулся, и въ одно мгновеніе моей кучки какъ бы не стало. И добровольцы и казаки—все исчезло. Мы съ трудомъ подняли раненаго, къ счастью, не особенно опасно, и изъ переулка, откуда начался нашъ походъ, отнесли въ ближній лазаретъ. Послѣ такого неизбежнаго результата я съ моими вернувшимися казаками отправился на противоположный конецъ горящаго барака отыскивать генерала. Его эпопея была похожа на мою, но только у него не было раненыхъ. Мы направились домой. На счастье, почти вслѣдъ за нами, къ горящему бараку подоспѣла серьезная сила съ пожарной трубой. Быстро принялись не только тушить крышу, но и освобождать баракъ отъ ящиковъ съ патронами, съ чего и намъ бы слѣдовало начать.

В. Лугининъ.

„Завѣщательныя распоряженія” графа А. А. Аракчеева, собственноручно написанныя на листахъ напрестольнаго Евангелія 1833 года въ Андреевскомъ соборѣ села Грузино.

Въ статьѣ г. С. Никольскаго „Аракчеевская премія“ ¹⁾ сказано, что подлинникъ завѣщанія графа А. А. Аракчеева хранится въ Императорской Академіи Наукъ, а копія съ него въ дѣлахъ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія; между тѣмъ, есть еще вторая копія съ этого завѣщанія, которая собственноручно написана графомъ Аракчеевымъ на листахъ одного напрестольнаго Евангелія въ Андреевскомъ соборѣ села Грузино. Судя по тому, что эта копія написана въ напрестольномъ Евангеліи подъ печатнымъ текстомъ съ обѣихъ сторонъ листа, нужно думать, что графъ Аракчеевъ нарочно такъ сдѣлалъ, чтобы сохранить одну изъ копій со своего завѣщанія, если будетъ потеряна та, о которой говорится въ 17 пунктѣ его завѣщанія.

Копія Аракчеевскаго завѣщанія въ Евангеліи отличается отъ завѣщанія въ статьѣ г. С. Никольскаго тѣмъ, что имѣетъ такое заглавіе:

„Завѣщательное распоряженіе

о

предназначаемой наградѣ за лучшее сочиненіе исторіи царствованія императора всероссійскаго Александра I-го“ и такую приписку: „На подлинномъ завѣщаніи хранящемся въ Россійской Академіи наукъ и въ копіи находящейся у моего потомка владѣющаго Грузинскою отчиною: высочайшее Его Императорскаго Величества Го-

¹⁾ „Русская Старина“ январь 1910 г. стр. 74—80.

сударя Императора Николая Павловича утвержденіе чрезъ министерство народнаго просвѣщенія слѣдующее: Его Императорское Величество изволилъ изъявить на сіе высочайшее свое согласіе 10 апрѣля 1833 года. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Тайный совѣтникъ Сергѣй Норовъ. Съ подлиннымъ вѣрно: Генералъ Графъ Аракчеевъ; все сіе писано собственною графа Аракчеева рукою“. Кромѣ того, это же Евангеліе интересно еще двумя другими собственноручными записями графа Аракчеева: Высочайшаго доклада о Новгородскомъ Аракчеевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и описанія памятника Императору Александру I въ селѣ Грузино, а также и своимъ оригинальнымъ серебрянымъ окладомъ. Копія Высочайшаго доклада объ Аракчеевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ начинается чрезъ 2 страницы послѣ копій съ Аракчеевскаго завѣщанія. Текстъ этого доклада таковъ: „Высочайше Конфирмованный Докладъ и рескриптъ Императора Николая Павловича на имя графа Аракчеева о внесеніи на проценты суммы для содержанія Кадѣтъ въ Новгородскомъ Кадѣтскомъ Корпусѣ въ 1833 году. Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйшій Государь! Внезапная кончина въ бозѣ почивающаго Императора Александра Благословеннаго опечалило не только наше отечество, но даже и целую Европу помнящую его Благодѣяніе при освобожденіи оной отъ владычества Наполеона, носивши на себѣ все его отеческіе милости и пользовавши полною его довѣренностью по свойству человѣческому Я не предполагалъ возможнымъ пережить сего несчастнаго событія и въ тоже время здѣлалъ распоряженіе о устройствѣ моему Благодѣтелю и Государю памятника въ селѣ моемъ Грузинѣ, какъ мѣстѣ, которое посѣщаемо имъ было десять лѣтъ сряду. Господу Богу угодно было продлить мою жизнь и я наслаждаюсь пріятнымъ исполненіемъ моего желанія, открывая въ нынѣшнемъ году памятникъ моему Благодѣтелю Императору Александру Благословенному. Въ благодарность за сію милость Господа Бога Моего ко мнѣ рабу Его, я имею желаніе призрѣть нѣсколько юныхъ Дворянъ, и посему испрашиваю вашего Императорскаго величества соизволенія и высочайшаго утвержденія на слѣдующія мои предположенія:

1. Въ нынѣшнемъ году въ день открытія въ Грузинѣ монумента вношу я въ Императорскую сохранную Казну Государственными ассигнаціями 300.000 рублей на вѣчныя времена неприкосновенно.

2. Ежегодные съ онаго капитала проценты 12.000 рублей я назначаю въ Новгородскій Кадѣтскій Корпусъ.

3. Испрашиваю высочайшей вашего Императорскаго величества Милости, приказать по числу всей суммы, сверхъ казеннаго штатомъ опредѣленнаго числа Кадѣтъ, содержать при ономъ Корпусѣ

Кадетъ, подъ названіемъ Грузинскихъ, что самое и внести въ издаваемый штатъ онаго Корпуса.

4. Кадѣтъ содержать во всѣхъ частяхъ наравнѣ со штатными.

5. Въ Кадѣты сіи помѣщаются бѣдные дворяне Новгородской и Тверской губерніи на общихъ правилахъ какія для Новгородскаго Корпуса предписаны будутъ.

6. При жизни моей помѣщеніе сихъ дворянъ представить мнѣ. А по смерти моей наслѣдникамъ моимъ, тому Кто грузинской отчиною владѣть будетъ.

7. Еслиже паче чаянія мною или наслѣдниками моими, не будутъ представлены въ законное время къ опредѣленію дворяне, то назначаются къ опредѣленію губернскими предводителями Новгородской и Тверской губерніи по равному числу изъ Бѣдныхъ дворянъ.

8. Если въ которомъ году, по какому нибудь случаю будетъ остатокъ процентовой суммы, и равномерно, и всѣ проценты до открытія Корпуса остающіеся присоединятся къ капиталу, дабы оной могъ увеличиться, на случай возвышенія въ ценѣ годового содержанія Кадетъ, или измѣненія въ процентахъ на отданной капиталъ.

9. Въ случае же недостатка годовыхъ съ капитала процентовъ на содержаніе назначеннаго числа пансіонеровъ Кадетъ, то число оныхъ должно быть убавлено по числу суммы, дабы ни въ какомъ случае положенный капиталъ не убавлялся.

10. Переводъ означенныхъ пенсіонеровъ Кадѣтъ изъ губерніи въ высшіе курсы, ежелибы таковой былъ назначенъ производиться на общихъ правилахъ, на казенный счетъ вмѣстѣ со штатными Кадѣтами, гдѣ уже онѣ и поступаютъ на казенное содержаніе.

Если въ послѣдствіи времени по распоряженію Правительства уничтоженъ будетъ Новгородскій Кадетскій Корпусъ, то основатель сего капитала, всеподданнѣйше испрашиваетъ дабы оной капиталъ былъ на слѣхъ же самыхъ правилахъ переданъ въ другое военное воспитательное училище, гдѣ должны быть на проценты онаго содержимы бѣдные дворянѣ означенныхъ Новгородской и Тверской губерній. Высочайшее утвержденіе сего моего желанія, Я сочту себѣ новою вашего Императорскаго величества къ подданому старику милостью, и буду молить Господа Бога, дабы Благословилъ и наставилъ Его премудростью юныхъ Грузинскихъ воспитанниковъ быть безъ лести преданными слугами своему Государю. Пребуду до конца моей жизни съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностью всемилостивѣйшій Государь Вашего Императорскаго величества вѣрнѣйшій вѣрноподданный графъ Аракчеевъ. Село Грузино 30 августа 1833 года въ день тезоименитства покойнаго Императора Александра Благословеннаго.

На семъ докладѣ послѣдовала собственноручная Императора Николая Павловича слѣдующая надпись: Быть по сему. Николай. Царское Село 30 сентября 1833 года. Вѣрно: генераль графъ Аракчеевъ.

При семъ докладѣ послѣдовалъ рескриптъ отъ Императора Николая Павловича на имя графа Аракчеева слѣдующаго содержания: „Графъ Алексѣй Андреевичъ! Съ удовольствіемъ соглашаясь съ желаніемъ Вашимъ по предмету воспитанія въ Новгородскомъ Кадетскомъ Корпусѣ дѣтей дворянъ Новгородской и Тверской губерній на проценты вносимыхъ вами въ Императорскую сохранную Казну на вѣчныя времена 300.000 рублей, Я утвердилъ всѣ предположенія ваши, о семъ въ прошеніи ко мнѣ изъясненныя и повелѣлъ по открытіи упомянутаго корпуса привести оныя въ исполненіе, съ тѣмъ чтобы каждый изъ воспитанниковъ, насчетъ капитала сего содержимыхъ имѣлъ на кровати надпись „Грузинскій воспитанникъ“ и гербъ вашъ. Столь благодѣтельнымъ пожертвованіемъ на пользу общую, вы пріобретете право на мою признательность и мнѣ весьма пріятно изъяснить вамъ оную.

Пребывая вамъ всегда благосклонный. На подлинномъ рескриптъ подписано собственною Его Величества рукою Николай. С.-Петербургъ 4 октября 1833 года. Вѣрно: генераль графъ Аракчеевъ“.

Далѣе, чрезъ листъ, слѣдуетъ описаніе памятника императору Александру I, сооруженнаго въ селѣ Грузинѣ 19 ноября 1833 года:

„Памятникъ въ память въ Божѣ почивающему покойному Государю Императору Благодѣтелю моему Александру Благословенному 19 ноября 1833 года.

Три фигуры: вѣра, надежда и милосердіе, поднимаютъ бюстъ Императора, а милосердіе одною рукою коронуетъ Его небеснымъ вѣнкомъ съ сіяніемъ; каждая изъ сихъ фигуръ одною рукою поднимаетъ бюстъ какъ бы желая передать оный небу, и другою держитъ свой отличительный признакъ, какъ-то: вѣра съ таинственнымъ покрываломъ на головѣ и священнымъ именемъ Іеговы на персяхъ, правой рукою обнимаетъ крестъ. Надежда, чистая, съ открытою грудью, и твердая, стоитъ, опершись на свой якорь. Милосердіе имѣетъ вѣнокъ изъ листьевъ гранатоваго дерева, и позади себя стоящую подлѣ ногъ пелликана птицу, почитающуюся истиннымъ образомъ чадолубія или любви Государя къ своему народу. Милосердіе стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, дабы она свободно могла возлагать вѣнецъ: равносторонній четырехугольный камень служа для сего, означаетъ въ то же время правильность и неизмѣнность въ ея основаніи. Вѣнецъ, которымъ она коронуется состоитъ изъ семи звѣздъ, коихъ лучи сіяютъ на бюстъ Благосло-

веннаго. Внизу сихъ фигуръ на верхней части пьедестала, лежатъ на подушкѣ императорскія регаліи: корона, скипетръ и держава. Сія регаліи, находясь ниже фигуръ, означаютъ, что онѣ остаются здѣсь въ матеріальномъ мірѣ, а три небесныя добродѣтели, отсюду однимъ воздухомъ окруженныя, возносятся бюстъ Благословеннаго. У подножія памятника сидятъ двѣ фигуры: россійскій воинъ и освобожденная Европа, въ печальномъ видѣ обратя взоры свои на возносящійся бюстъ. Россійскій воинъ, на правой сторонѣ бюста сидитъ на опрокинутой мортире, подлѣ коей лежатъ нѣсколько ядеръ; одежду его составляетъ національная русская рубаха, опоясанная двумя воинскими ремнями, обувь—короткія тѣсно переплетенныя сандаліи, оружіе его, шлемъ, мечъ, и за спиною лукъ и колчанъ. Подлѣ него стоитъ щитъ съ гербомъ и девизомъ подданнаго слуги покойнаго императора. По другую сторону пьедестала Европа, со скипетромъ въ рукѣ и съ городской короной на головѣ, какъ повелительница надъ другими частями земли нашей, сидитъ на двухъ рогахъ изобилія, опершись лѣвой рукой на лежащій подлѣ нея книги, глобусъ и нѣкоторые инструменты, извѣстные признаки многообразнаго ея плодородія и промышленности и особеннаго просвѣщенія. Одѣяніе ея древнее греческое: хламида на плечахъ означаетъ воинскій духъ обитателей. Освобожденіе ея представлено переломаннымъ ярмомъ, которое она попираетъ ногой. На гранитномъ пьедесталѣ, съ передней стороны, находится высѣченный барельефомъ въ гранитѣ вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, а въ серединѣ онаго вензель императора Александра I, а подъ нимъ слѣдующая въ гранитѣ высѣченная надпись

„Государю благодѣтелю
по кончинѣ Его“.

На другой сторонѣ гранитнаго пьедестала слѣдующая надпись:

„Отъ подданнаго
въ 1833 году
царствовалъ
25 лѣтъ“.

По открытіи памятника надѣтъ на русскаго воина на цѣпочкѣ бронзовый крестъ, изъ тѣхъ крестовъ, которые въ оный день розданы народу, въ память сего священнаго дѣла, размѣръ памятника: средній пьедесталъ, на которомъ стоятъ 3 фигуры: Вѣра, Надежда и Милосердіе, цѣльный изъ полированнаго гранита величиною въ длину и ширину $2\frac{1}{2}$ аршина, вышиною въ 3 аршина весу 700 пудовъ. Оный пьедесталъ и съ двумя таковыми же боковыми возвышенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ на трехъ гранитныхъ цѣльныхъ

ступеняхъ. Основаніе сего памятника съ каждой стороны составляетъ 4 сажени; высота онаго съ фигурами 3 сажени. Весъ бронзовыхъ фигуръ: средній 250 пудовъ и обѣихъ боковыхъ, каждая въ 50 пудовъ, всего 350 пудовъ“.

Окладъ Евангелія, помимо своей художественной работы, замѣчателенъ еще своими превосходными финифтевыми образками, различными надписями и арматурами, напоминающими кончину императора Александра I-го.

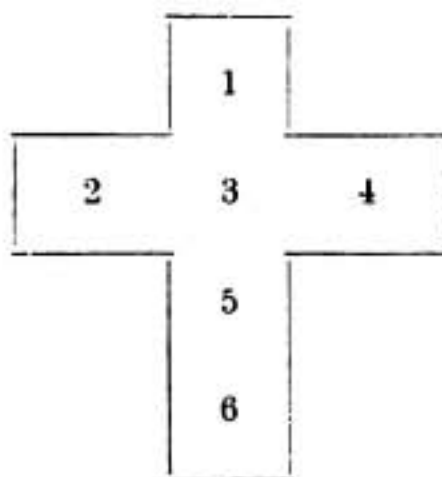
Верхняя доска оклада гладкая и полированная съ 5 большими финифтевыми образками въ рамкахъ изъ тонкаго бордюра, при чемъ бордюръ средняго образца шире другихъ и иного рисунка; кромѣ того, всѣ образки окружены еще тонкимъ бордюромъ; образки расположены такъ: средній больше другихъ и продолговатой формы; на немъ изображена копія съ картины Леонарда-де-Винчи „Тайная Вечеря“; на остальныхъ образкахъ квадратной формы изображены 4 евангелиста, сидящіе на облакахъ, со своими символами; евангелисты Іоаннъ и Матѣей надъ „Тайной Вечерей“, а Лука съ Маркомъ подъ ней. По самому краю верхней доски идетъ широкій и красивый бордюръ: на доскѣ, между среднимъ узкимъ бордюромъ и крайнимъ широкимъ находятся слѣдующія чеканныя изображенія: сверху и снизу образковъ буква $\frac{\Lambda}{I}$ съ императорской короной наверху (иниціалъ имени Императора Александра I), справа и слѣва средняго образца по два пылающихъ факела, перевитыхъ лентой и опущенныхъ внизъ въ знакъ печали, надъ факелами римскія цифры XI, подъ ними арабскія: 19 (эти цифры обозначаютъ день и мѣсяцъ кончины Императора Александра I: 19 ноября). По угламъ доски находятся 4 двуглавыхъ орла съ полуопущенными крыльями и съ императорской короной надъ головами; въ правой лапѣ орлы держатъ опущенные пылающіе факелы, а въ лѣвой поднятые лавровые вѣнки. (Двуглавые орлы въ такомъ видѣ тоже обозначаютъ печаль).

Нижняя доска оклада гладкая и полированная съ широкимъ бордюромъ, какъ на верхней доскѣ, по краямъ и 4 ножками по угламъ. По срединѣ доски накладной четырехконечный вызолоченный крестъ латинской формы съ 6 крупными финифтевыми образками различныхъ святыхъ въ ростъ, превосходной работы, въ круглыхъ золоченыхъ рамкахъ изъ красиваго бордюра, а средній образокъ, кромѣ того, окруженъ со всѣхъ сторонъ 12 золотыми звѣздами. На каждомъ образкѣ написано названіе его святого, а на крестѣ сбоку образка, или подъ нимъ, смотря по мѣстонахожденію образка, надписи особыхъ дней, памятныхъ почему либо графу Аракчееву, такимъ образомъ празднованіе памяти какого-либо

святого напоминало графу Аракчееву известное событіе, имѣвшее для него особенное значеніе. Подъ самымъ нижнимъ образкомъ и его подписью, на концѣ креста, изображенъ херувимъ и подъ нимъ двѣ переплетающіяся лавровыя вѣтви, перевязанныя лентой. По обѣ стороны креста, въ нижнихъ углахъ оклада, нацированы: справа надпись:

Графъ Алексѣй
Аракчеевъ
въ Грузинской
Соборъ
въ 1833 году.

Слѣва большой гербъ графа Аракчеева, и подъ крестомъ надпись: чистаго серебра 20 ф. 36 зол. Образки и надписи на крестѣ расположены такимъ образомъ, (для наглядности прилагаю чертежъ креста, обозначая образки № и выписывая ихъ названія и надписи подъ чертежемъ).

№ 1. Святой Спиридонъ, епископъ Тримифунтскій, внизу надпись: „12 декабря 1777 года“.

№ 2. Святой Оеофанъ исповѣдникъ, справа надпись: „12 марта 1801 года“.

№ 3. Святые Александръ Невскій и Алексѣй, митрополитъ Московскій, внизу надпись: „30 августа/5 октября“.

№ 4. Святой пророкъ Авдій, слѣва надпись: „19 ноября 1825 года“.

№ 5. Зачатіе святого пророка и крестителя Господня Іоанна (изображено явленіе архангела Гавріила пророку Захаріи въ храмѣ), внизу надпись: „23 сентября 1769 года“.

№ 6. Святые: священномученикъ Януарій, мученикъ Александръ и священномученикъ Оеодоръ, внизу надпись: „21 апрѣля 1834 года“.

Всѣ вышеприведенныя надписи съ обозначеніемъ чиселъ, мѣсяцевъ и лѣтъ должны напоминать о слѣдующихъ событіяхъ, особенно знаменательныхъ для графа Аракчеева:

№ 1. 12 декабря 1777 года—рожденіе Императора Александра I.

№ 2. 12 марта 1809 года—присоединеніе Финляндіи къ Россіи.

№ 3. 30 августа — именины Императора Александра I. 5 октября — именины графа Аракчеева.

№ 4. 19 ноября 1825 года — кончина Императора Александра I.

№ 5. 23 сентября 1769 года — рожденіе графа Аракчеева.

№ 6. 21 апрѣля 1834 года. — Последняя надпись, очевидно, вырѣзана не самимъ графомъ... Это дата смерти всесильнаго когда-то временщика!

Корешокъ Евангелія тоже гладкій и полированный съ такимъ же бордюромъ по краямъ, какъ на обѣихъ доскахъ переплета, но раздѣленный поперечнымъ бордюромъ на 5 частей съ слѣдующими чеканными изображеніями: вверху и внизу корешка по двуглавному орлу, подъ верхнимъ орломъ и надъ нижнимъ по Всевидающему Оку въ сіяніи, потомъ римская цифра XI, ниже ея пара опущенныхъ и пылающихъ факеловъ, перевитыхъ лентой, сверху и снизу ихъ по георгіевскому кресту съ сіяніемъ и наконецъ арабская цифра 19. Оба орла, факелы и цифры совершенно тождественны съ таковыми же на верхней доскѣ переплета евангелія.

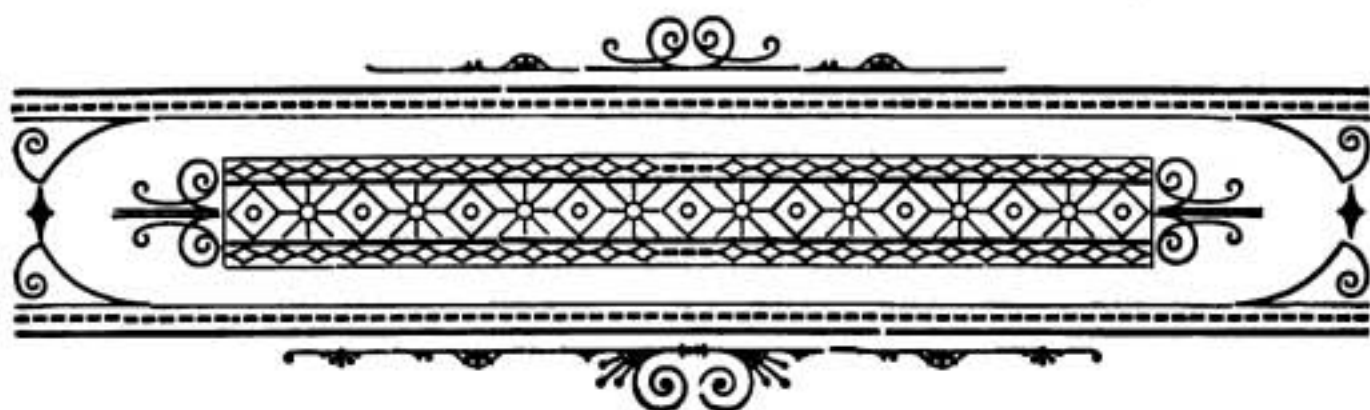
Застежки у Евангелія гладкія.

Изъ описанія оклада ясно видно, что онъ сдѣланъ въ память кончины Императора Александра I 19 ноября 1825 года и въ память открытія памятника Императору Александру I въ селѣ Грузино 19 ноября 1833 года.

На нижней доскѣ оклада за послѣднимъ листомъ текста книги былъ сдѣланъ секретный карманъ, нынѣ разорванный, въ которомъ хранились важные государственные документы; документы эти по смерти графа Аракчеева, по Высочайшему повелѣнію Императора Николая I, были взяты графомъ Клейнмихелемъ, нарочно для этого командированнымъ Государемъ въ Грузино, и доставлены въ Петербургъ. Что это были за документы, остается тайной и до сихъ поръ; въ Грузинѣ говорятъ, что графъ Клейнмихель, при-скакавъ изъ Петербурга, прошелъ прямо въ соборъ, разорвалъ карманъ, взялъ документы и опять ускакалъ въ Петербургъ. До „освободительнаго движенія“ 1905 года евангеліе это лежало на аналоѣ у могилы графа Аракчеева въ головахъ и было доступно для осмотра всякому посѣтителю храма, ибо на евангеліи нѣтъ драгоценныхъ камней, но теперь оно убрано въ ризницу, помѣщающуюся на хорахъ Андреевскаго собора.

Н. А. Лашковъ.

Письмо И. Д. Якушкина къ Михаилу Яковлевичу Чаадаеву¹⁾.

19-го іюня.

Очень ты меня порадовалъ своимъ письмомъ мой старый и добрый другъ. Твой почеркъ напомнилъ мнѣ бывшее, и я увѣрился изъ строкъ твоихъ, что если бы мы какимъ нибудь образомъ увидѣлись съ тобой, то намъ не пришлось бы знакомиться вновь. Здоровье мое все еще довольно плохо, на ногахъ множество ранъ и въ тѣлѣ никакой силы, несмотря на это пора ѣхать, и я на дняхъ собираюсь пуститься въ дальній путь.

¹⁾ Михаилъ Яковлевичъ Чаадаевъ (1792—1866), братъ знаменитаго философа Петра Яковлевича Чаадаева, съ 1834 года жилъ безвыѣздно до самой своей смерти въ родовой вотчинѣ Чаадаевыхъ селѣ Хрипуновѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Въ своемъ добровольномъ изгнаніи велъ дневникъ, незначительная часть котораго сохранилась. Изъ записи въ дневникѣ отъ 28 декабря 1854 г. мы узнаемъ, что существовалъ особый пакетъ съ перепиской двухъ друзей, но въ бумагахъ, оставшихся послѣ Мих. Як., его не оказалось. Надо полагать, что пакетъ погибъ въ годъ смерти жены Мих. Як. Ольги Захаровны Чаадаевой († 1893 г.), когда обширная библіотека Мих. Як. была расхищена. Только небольшую часть бумагъ Чаадаева удалось спасти мѣстному священнику Александру Алексѣевичу Вилкову. Такимъ образомъ изъ всей переписки М. Я. Чаадаева съ И. Д. Якушкинымъ уцѣлѣло лишь нынѣ печатаемое письмо Якушкина.

См. Сборникъ т. VIII Нижегородской Архивной Комиссіи, гдѣ помѣщены „Матеріалы для біографіи М. Я. Чаадаева“.

Князь Андрей Звенигородскій.

Вячеславъ мнѣ сопутствуетъ, онъ поступилъ на службу въ Восточную Сибирь и его начальникъ Ник. Ник. Муравьевъ¹⁾ позволилъ ему остаться со мной до моего выздоровленія. Старшій этотъ сынъ гостить у меня уже слишкомъ три мѣсяца, и если я доѣду до Иркутска, то и тамъ мы проживемъ съ нимъ вмѣстѣ. Прошлою осенью Евгенийъ прїѣзжалъ ревизовать межевую часть Западной Сибири и онъ прожилъ со мной около двухъ мѣсяцевъ. Оба мои сыновья добрые неглупые ребята и къ тому же довольно образованные, и я очень былъ доволенъ, что съ ними познакомился. У Вячеслава огромная память, но онъ не помнитъ своего пребыванія въ Ярославль, когда и ты былъ тамъ съ ними вмѣстѣ²⁾. Тебѣ, пожалуй, покажется глупо съ моей стороны признаніе, что я и до сихъ поръ вспоминаю съ особенно прїятнымъ чувствомъ то, что ты проводилъ жену и дѣтей моихъ въ Ярославль и прожилъ съ ними тамъ почти мѣсяць. Тебѣ можетъ и не въ догадъ, что ты въ этомъ дѣлѣ совершилъ прекрасный подвигъ, совершенно достойный тебя.

Но довольно на этотъ ладъ, а то чего добраго ты и въ самомъ дѣлѣ на меня прогнѣваешься. Ты пишешь, что не очень понимаешь, какъ это случилось, что мои финансы и финансы моихъ сыновей въ плохомъ состояніи, но что за то положеніе жуковскихъ крестьянъ удовлетворительно. Постараюсь объяснить тебѣ это дѣло вкратцѣ. Принявши Жуково³⁾ въ управленіе, я уменьшилъ господскую пашню

¹⁾ См. книгу „Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій“ Ивана Барсукова.

Кн. А. З.

²⁾ Объ этой поѣздкѣ Михаила Яковлевича Чаадаева въ Ярославль И. Д. Якушкинъ не позабылъ упомянуть и въ своихъ „Запискахъ“. На стр. 109 мы читаемъ: „Дежурный г-ль Потаповъ зналъ всякій разъ, когда требовался фельдъегерь для перемѣщенія насъ изъ крѣпостей въ Сибирь, и всякій разъ извѣщалъ объ этомъ мою тещу; но кого именно повезутъ изъ насъ, онъ и самъ не зналъ. По этой причинѣ семейство нѣсколько разъ прїѣзжало изъ Москвы въ Ярославль; первоначально оно было тутъ мѣсяць въ томительномъ ожиданіи меня; потомъ опять жена моя съ дѣтьми, въ сопровожденіи знакомой дамы и короткаго моего прїятеля Михаила Яковлевича Чаадаева, прїѣзжала въ Ярославль и они въ продолженіе почти мѣсяца напрасно ожидали моего прибытія“. „Записки И. Д. Якушкина“ М. 1908 г.

Князь А. Звенигородскій.

³⁾ Село Жуково—имѣніе И. Д. Якушкина Смоленской губерніи Вяземскаго уѣзда.

Кн. А. З.

на половину и половину эту обрабатывалъ вольнонаемными работниками и собственными своими средствами; такое распоряженіе облегчило крестьянъ и независимо отъ нихъ должно было современемъ, по моему расчету, дать мнѣ порядочный доходъ.

Единственный способъ жуковскихъ крестьянъ добывать деньги на заплату податей и покупку необходимаго въ домѣ состоянія въ добываніи извести, которая на мѣстѣ почти нипочемъ, и въ извозѣ зимой; но эти средства сами по себѣ ничтожныя часто оказывались недостаточными, особенно когда урожаи хлѣба бывали скудны. Въ первый годъ моего управленія я набралъ двѣнадцать мальчиковъ, которыхъ обучивши грамотѣ, я отвезъ въ Москву и роздалъ въ ученье мастерствамъ наиболѣе требуемымъ моими сосѣдями помѣщиками. Послѣ меня распоряженія мои остались въ прежней ихъ силѣ: мальчиковъ продолжали съ согласія ихъ родителей отдавать въ разныя мастерства. Въ этомъ случаѣ мой расчетъ оказался очень вѣрнымъ. Обучившіеся мастерству, возвратясь во-свояси, имѣли возможность не отлучаясь изъ дому добывать деньги и быть полезными своимъ семействамъ. Теперь жуковскіе крестьяне сами отдають своихъ сыновей учиться грамотѣ и мастерствамъ. Послѣ меня Надежда Николаевна¹⁾ нѣжно пеклась о жуковскихъ крестьянахъ, зная что тѣмъ сдѣлаетъ мнѣ пріятное. И теперь въ Жуковѣ ни одного нѣтъ бѣднаго семейства, и есть крестьяне очень зажиточные, торгующіе или которые берутъ подряды на десятки тысячъ, тогда какъ при началѣ моего управленія этимъ имѣніемъ оно было въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ немъ считалось по ревизіи 12-го года 126 мужскихъ душъ, по послѣдней ревизіи ихъ оказалось 185. Но собственное мое хозяйство послѣ меня пришло въ совершенный упадокъ; по кончинѣ жены моей²⁾ остались долги, для уплаты которыхъ необходимо было заложить Жуково. Теперь оно на оброкѣ,

¹⁾ Надежда Николаевна Шереметева—теща И. Д. Якушкина. См. ея біографію въ трудѣ Н. Барсукова „Письма Филарета къ Н. Н. Шереметевой“. С.-Петербургъ. 1900, а также два ея письма къ Мих. Як. Чаадаеву отъ 1833 г. и 1839 г., напечатанныя въ VIII т. Сбор. Нижегород. Арх. Ком.

Кн. А. З.

²⁾ Анастасія Васильевна Якушкина, урожденная Шереметева, скончалась въ 1846 г. Была женщина замѣчательной красоты. Въ память ея И. Д. Якушкинъ открылъ женскую школу въ городѣ Ялуторовскѣ, Тобольской губерніи, гдѣ отбывалъ ссылку.

Кн. А. З.

и крестьяне платятъ 1.200 р. сер., изъ которыхъ 600 идутъ въ опекунскій совѣтъ. Пока я былъ здоровъ, я получалъ отъ Евгенія 300 р. сер. въ годъ, которыхъ для меня было достаточно, но въ нынѣшнемъ году при моей болѣзни расходы мои сдѣлались значительнѣе прежнихъ, и я рѣшился кликнуть кличъ къ моимъ друзьямъ. Благодарить тебя за присланныя тобой мнѣ деньги было бы непристойно.

Прости мой добрый другъ—будь здоровъ и если вздумаешь меня побаловать напиши ко мнѣ въ Иркутскъ на имя Вячеслава. Напиши хоть что-нибудь о своемъ житьѣ бытѣ. Матвѣй¹⁾ тебѣ кланяется.

Завтра я выѣзжаю, а когда доберусь до Иркутска Богъ знаетъ.

Письмо это должно было отправиться къ тебѣ въ день моего отъѣзда изъ Ялутуровска, но я внезапно простудился и прохворалъ три недѣли. Теперь я нѣсколько оправился и опять собираюсь въ путь. Если ты получишь мое письмо, которое должно отправиться на другой день моего отъѣзда, то ты будешь уже знать, что я въ

¹⁾ Рѣчь идетъ о декабристѣ Матвѣѣ Ивановичѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, который вмѣстѣ съ Якушкинымъ отбывалъ ссылку въ г. Ялутуровскѣ. Михаилъ Чаадаевъ былъ коротко знакомъ съ Матвѣемъ Муравьевымъ. Среди бумагъ М. Я. Ч. сохранилось письмо Матвѣя Муравьева отъ 5 іюля 1823 г. писанное изъ Кронштадта къ Михаилу Чаадаеву въ село Хрицуново, во время проводовъ Петра Яковлевича Чаадаева, уѣзжавшаго за границу. Въ этомъ письмѣ Матвѣй Муравьевъ высказываетъ пожеланія Михаилу Чаадаеву увидаться съ нимъ предстоящей зимой въ Москвѣ. („J'aurai bien voulu que vous ayez l'idée de venir cet hiver à Moscou“). Письмо написано на французскомъ языкѣ, начинается: „S'il n'est permis, monsieur, de me rappeler à notre souvenir... и т. д. Михаилъ Чаадаевъ зналъ также и брата Матвѣя Ивановича Сергѣя Муравьева-Апостола, что можно видѣть изъ имѣющей въ дневникѣ М. Я. Ч. интересной записи отъ 9 іюля 1856 г.: „Когда въ старину на С.-Петербургскомъ театрѣ игравали французскіе актеры оперу *Deserteur*, то одинъ изъ хоровъ исполнялся русскими хористами слѣдующимъ образомъ (слыхалъ отъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола):

Oublions jusqu'à la trace
D'un malheur peu fait pour nous.
Quel bonheur! il a sa grace
C'est nous la donner à tous.

Заблеётъ желтый матраца,
Дай маляръ полфута льну,
Кинь бояръ Илья саврасый,
Сѣна, ладона, картузь*.

Князь Андрей Звенигородскій.

дорогѣ. Нисколько не сомнѣваюсь въ участіи, которое ты принимаешь во мнѣ; если доѣду благополучно до Иркутска, то оттуда непременно извѣщу тебя о себѣ¹⁾.

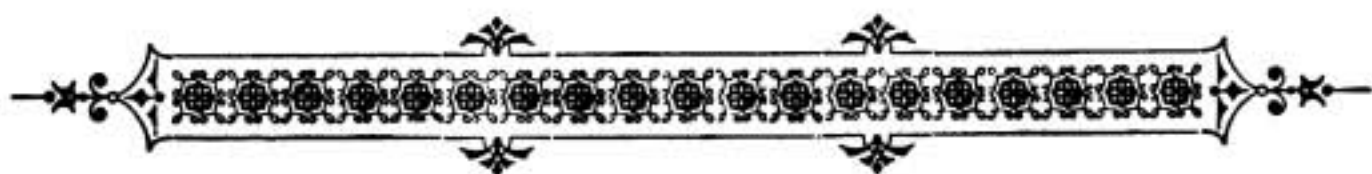
іюля 8-го.

. Сообщилъ Князь Андрей Звенигородскій.

¹⁾ Внизу письма рукою Мих. Як. Ч. написано: „Получено 1854 г. іюля 24 въ с. Хрипуновѣ, изъ Ардатовской Почтовой Конторы (въ конвертѣ съ адресомъ неизвѣстной руки: „Его Высокоблагородію Михаилу Яковлевичу Чаадаеву, Нижегородской губерніи въ г. Ардатовѣ, для доставленія въ с. Хрипуново. На конвертѣ не было казен. штемпеля). Этотъ полулистокъ принадлежитъ къ листку почт. бумаги, на которомъ написано письмо съ надписью вверху „19 іюня“.

Кн. А. З.

ПРИХОДСКІЕ НРАВЫ ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА.

Государю преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и Бѣлозерскому, бѣють челомъ извѣщаютъ Пошехонского уѣзда Великого Государя дворцовой езовой Самосорские волости Покровсково приходу церковной староста Анисимко Ѳедоровъ да Покровские прихожане, кои къ церква Божии радеють, того жъ Покрова Пресвятѣи Богородицы на бывшаго вдовово попа на Игнатия Максимова и на ево советники и заговорщики и на церковные расколники. И какъ онъ попъ Игнатей былъ у церкви Покрова Пресвятѣи Богородицы, и радения ево не было къ церкви Божіи: стояла бесѣдѣнія в воскресные и в госпоцкіе праздники, и в великий постъ мирские люди придемъ къ церкви Божіи помолитися, у нево церковновоѣдѣнія нетъ: в зимѣ скажетъ за стужею, а в лѣте за рыбной ловлею. Мы, мирские люди, придемъ в праздникъ госпоцкой или в воскресной день къ савтрени, а онъ, попъ Игнатей, в реке рыбу продить, а ѣдѣнія церковнаго нѣтъ, а человекъ онъ угрюмой былъ, а дичковъ и пономаревъ, какова миромъ приговоримъ, а онъ, попъ, съ сыномъ и не подпуститъ, а насъ мирскихъ людей ни во что ставилъ, не слушалъ, а какъ в году придетъ великого Государя, ц. и в. кн. Алексѣя Михайловича всеа в. и м. и б. Росіи самодержца на имении молебновъ не ѣхвал, а въ 174-мъ году марта въ 16 день на праздникъ преподобнаго Алексѣя человека Божия за Государя, ц. и в. кн. А. М.—ча всеа в. и м. и б. Росіи самодержца у нево попа Игнатия молебнаго ѣдѣнія не было, а мертвеца похоронялъ и панвхиды ѣлъ. А какъ отъ тебя святителя приходили богомольные грамоты къ нему попу тожъ и молебнаго ѣдѣнія не бывало; мирские сойдутся, и онъ въ бане парится, а намъ, мирскимъ людямъ скажетъ: заздравные молебны на Москве да на городахъ в соборахъ поють, и тамо нашей братии и почестъ идетъ. Да онъ

же попъ Игнатей въ церкви ризы и стихари перепортилъ, оплечья посниманы, а рукавы обрѣзаны, а въ миръ не явлено, да казенную книгу Еѳрема продалъ печатную, а денги въ казну не далъ, да другую книгу обиходиикъ с собою увезъ. Да какъ у нево попа Игнатия попада въ померла, и мы мирскіе люди, не попомня ево церковнаго нерадѣнія о пѣнии, дали было миромъ сыну ево попову Глѣбу выборъ—стать в попы, и онъ Глѣбъ къ тебѣ святителю великому вдвою ставится в попы, и ты великий святитель ево Глѣба не благословилъ в попы, не поставилъ, а церковь Божія стояла пуста бес пѣнія. И мирскіе люди, посовѣтовавъ межъ собою, и приговорили к Покрову Богородицы въ попы дьяка Михаила Иванова сына попова, и выборъ ему мирской дали, и ты, великий святитель, пожаловалі ево дьякона Михаила, благословилъ в попы поставилъ. И какъ онъ попъ Михайло пришелъ отъ твоего святительскаго благословенія къ намъ, и онъ, попъ Игнатей, собрався со вои и соведники, а съ церковными расколни, ево попа Михаила и насъ, мирскихъ людей, в церковь не пустилъ и ключей не далъ. И мы мирскіе люди посылали бить челомъ къ тебѣ великому святителю мирсково челоуѣка Петрушку Иванова, и ты великий святитель пожаловалъ ево попа Михаила и насъ, приходскихъ людей, далъ свою святительскую грамоту на поповсково старосту Николсково попа Цетра—ему попу Игнатию отъ церкви отказать и ключи у нево взять, ево попа выслать въ монастырь на обѣщаніе да постричь. И онъ, попъ Игнатей, выехалъ въ деревню и с сыномъ своимъ Глѣбомъ и нанасъ, мирскихъ людей, и на отца нашего духовнаго на попа Михаила онъ, попъ Игнатей, съ своими совѣтники стакався и з заговорщики, и пишуть сыну ево Глѣбу выборъ ложно, и тебѣ, великому святителю, приходя, биятъ челомъ ложножъ. А мы мирскіе люди про то не вѣдали, что онъ сына своего Глѣба смелъ къ тебѣ великому святителю в попы ставить. А у насъ Покрова Богородицы двумъ попамъ быть не у чево: приходъ не болшей, и преже сего церковь у нихъ стояла бес пѣнія. Да люди онѣ упрямые и руками дерзливые: онъ, попъ Игнатей, билъ сосѣда своего крестьянина Гаврила въ празной день послѣ заутрени до полусмерти до крови, да послѣ битья и обѣдню пѣлъ, а сынъ ево поповъ Глѣбъ пришедъ на погостъ въ келию старцу билъ же до полусмерти, и она старица, нанявъ подъ ся подводу и съехавъ къ родимцомъ, послѣ ево Глѣбовыхъ побой в третій день и в землю пошла. А нынѣ у Божіи церкви Покрова Пресвятѣи Богородицы твоимъ святительскимъ благословеніемъ въ церкви просвѣтилось, а служба церковная у отца нашего всеневная, а насъ, приходскихъ людей, словомъ Божиимъ на истинный путь наставляеть.

Государь преосвященный Симонъ, архиепископъ Вологодцкии и Белозерскии, пожалуй насъ, вели наше извѣстие принять и челобитие записать. Государь, смилуйся, пожалуй. *На оборотъ:* „К сему извѣту Поровской попъ Михаило вмѣсто дидей своихъ духовныхъ руку приложилъ“.

Сообщилъ Ив. Суворовъ.

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

Изъ Риги мы отправились въ Динабургъ, гдѣ провели день, посвященный конференціи съ мѣстнымъ управляющимъ желѣзной дорогой Фриде, у котораго я и обѣдалъ. Изъ Динабурга мы отправились въ Полоцкъ, гдѣ я провелъ ночь въ вагонѣ. Утромъ я пошелъ осматривать городъ. Въ Полоцкѣ величественный соборъ, изящной архитектуры, въ которомъ находится хорошая картина Сальватора Розы, изображающая мученичество св. Стефана.

Замѣчательно, что вездѣ на Западѣ у насъ церкви отличаются красивой архитектурой, въ стилѣ Renaissance, остатки западнаго зодчества,—подъ вліяніемъ вѣроятно итальянскихъ архитекторовъ. Многія изъ этихъ церквей напоминаютъ, по стилю, нашу церковь въ Смольномъ монастырѣ, построенную Растрелли.

Изъ Полоцка черезъ Смоленскъ и Рославль мы отправились въ Орелъ. Въ Рославлѣ при желѣзной дорогѣ устроено хорошее техническое училище, которое я осматривалъ. На память моего посѣщенія училища, мнѣ впослѣдствіи прислали небольшой инструментъ, клещи, сдѣланный для меня однимъ изъ учениковъ, на немъ были выгравированы слова „Ученикъ 1 спеціального класса Р. Т. І. Игнатьевъ, Рославль 1879“. При вторичномъ посѣщеніи моемъ Рославля, я взамѣнъ подарилъ Игнатьеву изящный рисовальный приборъ.

Въ Орлѣ мы пробыли нѣсколько дней, посвященныхъ разработкѣ собраннаго дорогою матеріала.

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

Городъ лежитъ версты три отъ станціи, съ которой онъ соединяется довольно плохой дорогой, хотя и мощеною, что составляетъ большое неудобство, особенно потому, что въ сухую погоду приходилось ѣхать въ облакъ пыли. Въ настоящее время, со станціи въ городъ идетъ, кажется, удобный трамвай. Самый городъ раскинутъ на большомъ пространствѣ, улицы широкія, какъ площади, красивыхъ строеній не было видно. Вблизи города находится большой городской паркъ, который тогда былъ однако очень запущенъ. Въ Орлѣ оказалась хорошая гостиница, содержавшаяся французомъ, Мг. Totien, въ частномъ домѣ. Гостиница содержалась очень чисто, комнаты были просто, но комфортабельно устроены, а кухня превосходная. Можно было удивляться, что въ губернскомъ городѣ оказалась такая хорошая гостиница. Затѣмъ мы посѣтили городъ Ливны, напоминающій, по красивому мѣстоположенію, нѣсколько австрійскія горныя мѣстечки. Въ гостиницѣ мы очень пріятно пообѣдали на балконѣ съ красивыми видами. Для пріема мѣстнаго купечества, по дѣламъ желѣзной дороги, для насъ было приготовлено помѣщеніе въ думѣ, какъ меня о томъ увѣдомилъ губернаторъ. По прибытіи въ думу, насъ ввели въ присутствіе, гдѣ насъ встрѣтилъ городской голова съ цѣпью на шеѣ, на столѣ стояло зеркало. Вышла довольно курьезная сцена: городской голова, какъ таковой, занялъ въ присутствіи председательское мѣсто—не понимая, что председательство принадлежитъ въ засѣданіи такого рода председателю Высочайше учрежденной Комиссіи. Чтобы не возбуждать споровъ, я сѣлъ просто у стола, съ другими членами Комиссіи; но фактически, разумѣется, взялъ все руководство дебатами въ свои руки; такимъ образомъ оказывался официально председатель присутствія, на долю котораго выпала молчаливая роль, и дѣйствительный председатель, не занимавшій председательскаго мѣста и руководившій преніями.

Изъ Ливны мы отправились въ Брянскъ, чтобы посѣтить оттуда близъ лежащіе Мальцевскіе и Брянскій заводы. Орловская губернія распадается какъ бы на двѣ части, одна половина ея совершенно безлѣсна, другая же богата чудными лѣсами. Въ этой второй половинѣ находились имѣнія Мальцова—Дѣтково, Людиново и Песочное. Посреди этихъ имѣній были раскинуты его многочисленные заводы: вагонный, рельсовый, стеклянный и др.; главнѣйшіе заводы были соединены между собою желѣзной дорогой.

Вотъ какъ типично описываетъ Скальковскій ¹⁾ тогдашній бытъ мальцовской крѣпостной республики:

¹⁾ „Нов. Время“, май 1905, — „По морю житейскому“.

„Тогда подъ свѣжими остатками крѣпостного права, его владѣнія, занимавшія значительную часть Живдринскаго и Брянскаго уѣздовъ, представляли курьезное зрѣлище какой-то крѣпостной республики, государства въ государствѣ. Мальцовъ небольшого роста, крѣпкій старикъ, живой, краснорѣчивый, всѣмъ интересовавшійся, но деспотъ и самодуръ, былъ нѣчто среднее между парагвайскимъ докторомъ Франсіей и гоголевскимъ полковникомъ Кашкаревымъ. Всѣ письма распечатывались, и было организовано шпіонство, а съ другой стороны миеологическіе нравы...

„Самъ Мальцевъ, какъ и его служащіе, почти всѣ изъ крѣпостныхъ, ходили въ сѣрыхъ казакинахъ и ѣздили на безрессорныхъ экипажахъ, сидя какъ на эшафотѣ, спиною къ кучеру. Все было свое, даже мѣры, „Мальцовская сажень“ дѣлилась не на аршины, а на четыре „палки“. Въ домѣ была самодѣльная мебель и простота во всемъ. Сыновья закладывали лошадей, дочери доили коровъ.

„Онъ былъ однако въ извѣстной степени прогрессистъ, много читалъ, часто ѣздилъ за границу и привозилъ оттуда техническія новости. Страстью его было устройство новыхъ заводовъ и фабрикъ; въ мое время ихъ насчитывалось 70, большею частью работавшихъ въ убытокъ, была даже выдѣлка вновь открытаго фотогена. Чтобы пополнить дефициты, Мальцовъ ничто не сумнявшеся выпускалъ собственныя бумажки, такъ называемыя „мальцевскія деньги“, подъ видомъ квитанцій на полученіе припасовъ изъ его конторы.

„Были квитанціи даже въ 5 рублей, всѣ на картонѣ, грубо сдѣланныя, было не мало и фальшивыхъ, но довѣріе къ генералу было такъ велико, тѣмъ болѣе, что онъ спихнулъ либеральнаго губернатора Арцымовича—что деньгами этими можно было расплачиваться на всѣхъ станціяхъ Калужской губерніи.

„Въ концѣ концовъ мальцевскихъ денегъ было выпущено на три милліона рублей, и правительство ликвидировало ихъ потомъ съ порядочной приплатой, а всего, за свое своеобразное хозяйство, Мальцовъ надѣлалъ чуть ли не 12 милліоновъ руб. долга. Заводы его однако послужили школою, приготовившею огромное мастеровое населеніе, и до сихъ поръ часть ихъ продолжаетъ работать, благодаря превосходному положенію на границѣ земледѣльской полосы“.

Пріѣхавъ въ имѣніе, я представился Мальцеву, и онъ сталъ мнѣ лично показывать свое заводское устройство. Мальцевъ былъ несомнѣнно человѣкъ замѣчательный; нужна была большая энергія и техническое знаніе, чтобы создать и вести такое громадное фабричное дѣло. Но одного этого было не достаточно, нужно было

дѣловое знаніе, а его именно не оказывалось, все дѣло велось совершенно по-помѣщичьи, какъ на это и указываетъ Скальковскій, патріархально—и такое веденіе дѣла не могло не отозваться на немъ. Мальцевъ все болѣе и болѣе расширялъ свое производство, безъ всякаго разсчета, и это между прочимъ должно было повести къ разстройству всего дѣла. При такомъ громадномъ предпріятіи—бухгалтерія находилась у него въ совершенно эмбріональномъ состояніи. Когда я пожелалъ ознакомиться съ его книгами, мнѣ показали застѣнокъ въ одномъ изъ фабричныхъ помѣщеній, въ которомъ на конторкѣ валялось нѣсколько тетрадей съ цифрами; разсчеты съ рабочими происходили чуть ли не на биркѣ. Результатомъ такого веденія дѣла оказалось подъ конецъ совершенное его разстройство, что и повело къ передачѣ всего дѣла въ казенное управленіе.

Особенно красивымъ мѣстоположеніемъ отличалось имѣніе Людиново, лежащее на берегу живописнаго озера, по которому ходилъ пароходъ. Эта мѣстность, окруженная заводами, мнѣ нѣсколько напоминала Нефшатель.

Вернувшись отъ Мальцева въ Брянскъ, я посѣтилъ Брянскій сталелитейный заводъ кн. Тенишева.

На Брянскомъ заводѣ приготовлялась литая сталь по системѣ Бессемера,—производство, которое кн. Тенишевъ, кажется, первый ввелъ у насъ въ Россіи. Процессъ приготовленія литой стали представлялъ чрезвычайно живописное зрѣлище. Все внутреннее помѣщеніе завода находилось въ какомъ-то полумракѣ, среди котораго машинально двигались рабочіе, освѣщаемые отраженіемъ отъ калильной печи. Но вотъ сталь расплавилась, ее спускаютъ изъ горнила печи огненною струею въ большіе глиняные чаны, нѣсколько рабочихъ захватываютъ ихъ длинными рычагами, несутъ къ формѣ и вливаютъ въ нее жидкую сталь. Въ этотъ моментъ происходитъ что-то необычайное, все помѣщеніе завода освѣщается внезапно яркимъ краснымъ свѣтомъ и миллионы искръ разлетаются по всѣмъ направленіямъ. Это такой фейерверкъ, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Это былъ какой-то адъ, въ которомъ, среди краснаго пламени, двигались и орудовали какіе-то гномы...

Въ Брянскѣ мы заключили первую часть нашего путешествія и возвратились въ Петербургъ черезъ Смоленскъ, въ которомъ мы остановились на день. Городъ окруженъ еще старинными стѣнами съ башнями, около которыхъ расположенъ родъ бульвара, представлявшій крайне живописный видъ. Въ Смоленскѣ находится красивый соборъ, также въ стилѣ Renaissance.

По возвращеніи въ Петербургъ, я провелъ все лѣто у себя въ

деревнѣ въ Захонѣ. Занятія по разработкѣ собранныхъ въ пути матеріаловъ, прогулки по красивымъ мѣстностямъ, занятіе съ дѣтьми въ школѣ и по временамъ чтеніе крестьянамъ Евангелія, въ праздничные дни—все это представляло очень пріятное и мирное препровожденіе времени. Однажды въ праздникъ утромъ ко мнѣ пришла кучка крестьянъ, прося въ этотъ день Евангеліе не читать, такъ какъ они подгулявши — очевидно въ такомъ состояніи они считали себя недостойными слушать Слово Божіе. Нѣсколько времени спустя ко мнѣ пришли нѣкоторые другіе крестьяне и сообщили, что они положили зарокъ не пить вина, а потому просили почитать имъ, трезвымъ, Евангеліе.

Передъ отъѣздомъ изъ деревни, крестьяне пришли благодарить меня за то, что я въ теченіе лѣта училъ ихъ дѣтей, и сообщили мнѣ, что изъ благодарности они исправили часть дороги, которая проходила по моей землѣ и которую, по земской раскладкѣ, я былъ обязанъ исправить и кромѣ того намѣрены вычистить мой лѣсъ. Это совершенно свободное изъясненіе благодарности доставило мнѣ истинное удовольствіе. Кто знаетъ, какъ крестьяне обыкновенно жадны къ деньгамъ и всегда рады возможности что-либо заработать—тотъ пойметъ нравственное значеніе такого дарового труда, принятаго ими на себя, по собственной инициативѣ.

Въ срединѣ сентября, я опять съ моею подкомиссіей отправился въ путь тою же дорогою на Орелъ, а оттуда черезъ Елецъ, Ливны, Грязи, Борисоглѣбскъ и Александрово въ Царицынъ, для изслѣдованія Орловско-Грязской и Грязе-Царицынской жел. дорогъ.

Въ Ливнахъ цѣлебныя минеральныя воды, устроенныя, впрочемъ, очень примитивнымъ образомъ; тамъ сохранилось воспоминаніе о Петрѣ Великомъ, который самъ былъ въ Ливнахъ; въ память его посѣщенія, у источника, сколько помню, сооруженъ его бюстъ, или надпись.

Станція Грязи, пунктъ скрещенія нѣсколькихъ дорогъ, какъ уже показывало ея названіе, тонула въ мягкомъ черноземѣ.

На станціи Мордово, передъ Борисоглѣбскомъ, мы застали большіе склады хлѣба, вслѣдствіе залежи, которые мокли подъ дождемъ. Начальникъ желѣзной дороги Кульджинскій обѣщалъ сдѣлать необходимое распоряженіе о доставленіи прикрытія, и дѣйствительно, на обратномъ пути мы увидѣли эти склады значительно уменьшившіеся, покрытые брезентами.

Въ Царицынъ мы прибыли утромъ. Погода была чудная, солнце ярко свѣтило, и передъ нами открылась картина города, совершенно не похожаго на другіе русскіе города, напминавшаго скорѣе — по своей разбросанности, разнообразію мелкихъ построекъ, широкимъ

улицамъ и площадямъ и поразительному торговому движенію во всѣ стороны—молодые американскіе города. Передъ станціей стоялъ рядъ красивыхъ амбаровъ съ свѣтлыми зелеными крышами для рыбныхъ складовъ. Внизу на рѣкѣ пристань, соединенная вѣткой со станціей желѣзной дороги, по которой постоянно передвигались товарные поѣзда. На самой пристани амбары съ хлѣбомъ, а на рѣкѣ суда разной величины, отъ парохода до мелкихъ шаландъ. Вся эта мѣстность была наполнена рабочимъ людомъ, который таскалъ товары по разнымъ направленіямъ; вездѣ жизнь, вездѣ кипѣло движеніе, шумъ и говоръ—и весь этотъ народъ держалъ себя какъ-то свободно, непринужденно, даже халатно, полиціи было почти не видно — однимъ словомъ, по виду совершенно не русскій городъ.

Въ Царицынѣ мы сѣли на пароходъ для слѣдованія въ Астрахань, такъ какъ мы рѣшились проѣхать въ Баку, для осмотра нефтяныхъ мѣстностей. Въ этой южной части Волга имѣетъ совершенно особенный характеръ. Рѣка чрезвычайно широка и течетъ въ почти пустынныхъ, низменныхъ берегахъ, которые она мѣстами затопляетъ на большое пространство; отъ времени до времени посреди рѣки попадаются острова, покрытые зарослями, на которыхъ ютится масса самыхъ разнообразныхъ дикихъ водяныхъ птицъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ Россіи — эта картина напоминала мнѣ поѣздку по Суэцкому каналу въ Египтъ.

Волжскіе пароходы очень хорошо устроены, помѣщенія удобныя и хорошая кухня. Разумѣется, главная пища стерлядь — эта столь рѣдкая рыба въ Россіи, здѣсь въ изобиліи — намъ подавали за обѣдомъ стерляжью уху, вареную стерлядь, жареную стерлядь...

Въ Астрахани мы пробыли нѣсколько дней. Рыбные и соляные промыслы и торговля съ Персіей — главное занятіе города. Почти всѣ рабочіе калмыки, народъ до крайности бѣдный и загнанный; едва прикрытые дырявыми рубахами, калмыки работаютъ на тоняхъ, на соляныхъ промыслахъ, таскаютъ товары;—по всему было видно, что они во всемъ находятся, какъ низшая раса, въ полномъ подчиненіи у русскихъ.

На другой день мѣстные власти устроили намъ поѣздку на пароходъ „Ловецъ“, для осмотра достопримѣчательностей Астрахани; мы посѣтили соляные промысла, калмыцкій храмъ и рыбные промысла, носившіе названіе „Самодѣлки“.

Самое интересное было послѣднее. Тутъ приготовлялась для отправки внутрь Россіи разная рыба. Вдоль рѣки стояли длинныя столы, за которыми работала масса дѣвушекъ, всѣ въ бѣлыхъ панталонахъ (для опрятности), въ которыя были засунуты ихъ юбки

и рубашки; онѣ вслѣдствіе того представлялись какими-то курьезными фигурами-пузырями. У каждого стола была навалена масса еще живой рыбы: бѣлорыбца, осетрина и др.,—всѣ очень большой величины. Эти рыбы клались на столъ одна за другой и тутъ же, еще живыя, вскрывались дѣвушками-работницами, потрошились, разрѣзывались на пласты, солились и складывались въ бочки. Сознаюсь, что такое разрѣзываніе крупной живой рыбы—производить довольно непріятное впечатлѣніе. Затѣмъ намъ показывали способъ укладки въ вагоны мелкой рыбы, астраханской сельди, воблы и др. Рыба, тоже живая еще, клалась въ вагонъ рядами, и каждый рядъ покрывался мелко разрубленнымъ льдомъ. Какъ мнѣ говорили, при такой упаковкѣ, рыба доходитъ полу-сонная, полу-живая до мѣста назначенія. Какимъ мученіямъ человѣкъ подвергаетъ животныхъ для большаго удобства своего питанія!

Послѣ осмотра Самодѣлки, мы поѣхали на рыбную ловлю и тамъ на мое имя забросили тоню. Сѣти тащили въ водѣ тоже калмыки. По доставленіи сѣти на берегъ, въ ней оказалась чудная большая стерлядь. Ее тутъ же вскрыли, выпотрошили изъ живой рыбы икру и, посыпавъ солью, предложили ее мнѣ. Столь свѣжей икры мнѣ еще никогда не приходилось кушать, но вся эта операція произвела на меня столь непріятное впечатлѣніе, что я отказался ѣсть эту икру, въ виду еще живой и бившейся около нея рыбы, изъ которой ее добыли.

Осмотрѣвъ затѣмъ городъ, мы вошли въ соборъ, довольно значительной величины, съ трехъяруснымъ, сколько помню, стариннымъ иконостасомъ. Въ церкви съ потолка висѣли два старинныя громадныя темно-бронзовыя или чугуныя, не помню, паникадила-люстры и двѣ золоченыя бронзовыя люстры самаго обыкновеннаго фасона, представлявшія очень niezыщный контрастъ. Мнѣ объяснили, что старинныхъ люстръ было четыре, но что двѣ изъ нихъ продали въ ломъ, и за эти деньги пріобрѣли новыя золоченыя люстры. Съ остальными двумя еще не успѣли такъ поступить. Я былъ пораженъ такимъ варварскимъ обращеніемъ съ предметомъ древности, имѣвшимъ несомнѣнно историческое значеніе. Эти люстры должны бы найти мѣсто, если ихъ уже не сохранять въ соборѣ, въ какомъ-нибудь музеѣ.

Изъ Астрахани мы рѣшились отправиться въ Баку для осмотра нефтяныхъ промысловъ. Хотя это не входило прямо въ задачу нашей коммисіи, но осмотръ этой замѣчательной мѣстности, отъ которой насъ отдѣляло только Каспійское море, представлялъ такой интересъ, что мы не могли отказаться отъ желанія посѣтить Бакинскіе промыслы, тѣмъ болѣе, что и въ Баку была уже желѣзная до-

рога, осмотръ которой могъ служить предлогомъ для такой поѣздки.

По мелководью устьевъ Волги въ Астраханскомъ портѣ, морскія суда не могутъ доходить до города. Приходится отправляться изъ Астрахани на рѣчномъ пароходѣ до устья Волги къ мѣсту, называемому „девять футовъ“, и тамъ пересѣсть на морской пароходъ.

Мы выѣхали изъ Астрахани ночью; проснувшись утромъ, мы къ удивленію увидѣли, что мы еще въ Волгѣ. Оказалось, что ночью былъ такой туманъ, что нашему пароходу пришлось всю ночь простоять на якорѣ. Только къ вечеру слѣдующаго дня мы причалили къ „девяти футамъ“ и застали тамъ ожидавшій насъ пароходъ „Каспій“ Каспійскаго товарищества.

Пароходъ оказался небольшой и переполненный особенно палубными пассажирами 3-го класса, такъ что первое впечатлѣніе было не очень привѣтливо. Однако, благодаря любезности капитана, мы скоро удобно устроились. Погода была ясная, но вслѣдствіе предшествовавшей бури, въ морѣ ходила сильная, мертвая зыбь. Это самая непріятная качка. Пароходъ такъ сильно, хотя и медленно качало (кренило) то въ ту, то въ другую сторону, то вдоль, то поперекъ, что концы рей на главной мачтѣ почти прикасались къ горизонту воды. Я не страдалъ отъ морской болѣзни, но все время ощущалъ очень непріятное чувство.

Къ вечеру мы пришли къ Петровскому порту на Кавказѣ. Миниатюрный бассейнъ порта образуется двумя искусственными молами (брекватерами), концы которыхъ представляютъ какъ-бы створныя ворота для входа въ портъ. Издали было видно что, въ портѣ вода совершенно спокойна, но какъ-то не хотѣлось вѣрить, что моментъ,—и качка, отъ которой мы страдали весь день, внезапно прекратится, и вотъ, пройдя ворота, это чудо мгновенно осуществилось; внезапное прекращеніе качки вызвало удивительно пріятное чувство.

Пароходъ долженъ былъ отправиться далѣе въ 5 часовъ утра. Мы съѣхали на берегъ, чтобы погулять по этому маленькому городу, и зашли между прочимъ въ офицерскій клубъ, который произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе. Такъ какъ все общество Петровска состоитъ изъ небольшого числа офицеровъ и чиновниковъ, то клубъ служитъ *point de réunion* всему мѣстному обществу. Помѣщеніе клуба скромное, но чистое и опрятное—и все въ клубѣ носило характеръ порядочности, который не всегда можно застать въ такихъ мелкихъ городахъ.

Мы еще спали, когда пароходъ двинулся въ путь. Погода совершенно прояснилась, качка сдѣлалась гораздо слабѣе, такъ что все слѣдованіе отъ Петровска до Баку оказалось очень пріятнымъ. Мы

прошли мимо Дербента не останавливаясь, такъ какъ у входа въ портъ кипѣли еще довольно сильныя буруны,—сильный прибой не позволялъ пристать къ берегу. Въ Дербентѣ нѣтъ устроеннаго порта, и потому нерѣдко случается, что въ свѣжую погоду невозможно съѣхать на берегъ, и пассажирамъ, ѣдущимъ въ Дербентъ, приходится проѣзжать мимо и иногда даже не разъ. Это несомнѣнно большое неудобство, особенно для рабочихъ и неимущаго люда. Въ такихъ случаяхъ капитанъ парохода кормитъ ихъ обыкновенно бесплатно, до момента съѣзда на берегъ въ Дербентъ. Въ числѣ нашихъ третьеклассныхъ пассажировъ были также ѣхавшіе въ Дербентъ, и они чуть не плакали, когда мы прошли не останавливаясь мимо Дербента,—имъ пришлось поневолѣ ѣхать въ Баку и ждать обратнаго рейса.

Въ Баку мы прибыли около 4-хъ часовъ дня. Видъ на портъ и городъ очень живописенъ. Чудное южное солнце, лазуревое море—представляли картину отчасти южнаго востока, отчасти Италіи. Одно, что поражаетъ въ Баку, это совершенное отсутствіе всякой растительности. На берегу красивое впечатлѣніе мѣстности значительно уменьшилось. Въ Баку преобладаетъ несомнѣнно характеръ востока, но и восточной грязи и безпорядка, а къ тому вѣтеръ поднимаетъ облака бѣлой известковой пыли, которая обдаётъ васъ со всѣхъ сторонъ.

Мы помѣстились въ довольно хорошей гостиницѣ Hôtel de l'Eugore и немедленно приступили къ осмотру мѣстныхъ промышленныхъ заведеній. Прежде всего мы отправились въ такъ называемый Черный Городокъ; это часть города, наполненная мелкими заведеніями, выдѣлывающими довольно первобытнымъ способомъ изъ мѣстной нефти керосинъ. Вся почва, стѣны и крыши строеній, однимъ словомъ, все было покрыто черною копотью, такъ что общій видъ этой части города вполне оправдывалъ названіе Чернаго города. Почва пропитана до нѣкоторой глубины нефтью, и эта смѣсь земли съ нефтью и образуетъ то, что называютъ мазутъ.

Затѣмъ мы отправились въ мѣстность нефтяныхъ фонтановъ за городомъ—т. е. въ Балаханы, Сабунчи и Сураханы. Надъ всѣми мѣсторожденіями нефти, которая первоначально была фонтанами, устроены вышки, родъ деревянныхъ довольно высокихъ прозрачныхъ башенъ изъ бревенъ, въ которыхъ помѣщается приводъ для выкачиванія нефти. Когда открывается новое мѣсторожденіе, то нефть начинаетъ бить фонтаномъ, струя нефти выбрасывается довольно высоко вверхъ, и на первое время количество выбрасываемой нефти бываетъ такъ значительно, что ее не удастся каптировать, и она образуетъ даже около фонтана цѣлое озеро нефти; такимъ образомъ

теряется не мало матеріала. Затѣмъ когда сила фонтана начинаетъ ослабѣвать, приступаютъ къ каптаціи струи, въ отверстіе вставляется чугунная труба, къ которой придѣлана стальная крышка, и тогда оказывается возможнымъ регулировать истокъ нефти, допуская къ выходу только такое количество, которое немедленно можетъ пойти на переработку. Новые фонтаны иногда сами пробиваются изъ земли, но большею частью производятъ буреніе, пока не дойдутъ до мѣста залежи нефти, которая тогда и выбрасывается съ особенною силой.

При нашемъ посѣщеніи билъ только одинъ фонтанъ; всѣ остальные были каптированы, черно-бурая струя нефти, большой толщины поднималась однако уже не высоко, всего аршина на два, разбрасывая кругомъ брызги на довольно большомъ разстояніи.

По пути мы осмотрѣли заводъ Кокорева, на которомъ выдѣлывалась сѣрная кислота. Вездѣ господствовало удивительное оживленіе и дѣятельность, видно было, что это мѣстность, въ которой родятся милліоны. Владелецъ небольшого клочка земли, стоимостью въ какія-нибудь тысячи рублей, когда вдругъ на ней открывается фонтанъ, становится со дня на день милліонеромъ.

На краю города находится прежній Ханскій дворецъ, довольно хорошо сохранный. Это большое бѣлое зданіе, съ замѣчательными по стѣнамъ украшеніями—арабесками *en bas relief*. Отдѣльные камни, довольно значительной величины, украшенные также изящными арабесками, высѣченными по ихъ поверхности, входившіе вѣроятно тоже въ ту или другую часть дворца, валялись въ пыли, на площади передъ дворцомъ; я удивлялся, какъ мало вниманія обращалось на эти изящные остатки древней восточной архитектуры. Одинъ изъ членовъ нашей подкомиссіи, Сергѣй Серг. Юшковъ, замѣтивъ мой интересъ къ этимъ камнямъ, любезно снялъ рисунокъ съ одного изъ нихъ, и по прибытіи въ Петербургъ вырѣзалъ эти арабески на черномъ палисандровомъ деревѣ и поднесъ мнѣ свое изящное издѣліе въ воспоминаніе нашего пребыванія въ Баку, съ обозначеніемъ на немъ дня и года. Бѣднаго Серг. Серг. давно уже нѣтъ въ живыхъ, но его изящное издѣліе до сихъ поръ красуется на моемъ письменномъ столѣ.

Въ Баку въ то время еще оставалось нѣсколько огнепоклонниковъ, гебровъ (кажется не болѣе двухъ), у которыхъ даже сохранился небольшой храмъ за городомъ, который мы, разумѣется, посѣтили. Это было небольшое, невысокое открытое каменное строеніе, выбѣленное известкой, внутри его на дворѣ изъ почвы выходилъ постоянный огонь—т. е. горящіе нефтяные пары. Вышеуказанные два огнепоклонника, состоявшіе при храмѣ, священнодѣйствовали

передъ нами, творя разныя молитвы, и подъ конецъ стали разносить всѣмъ присутствующимъ на поднось измельченные куски красной карамели, представлявшіе, какъ намъ объяснили, родъ жертвоприношенія.

Нефтяныя пары, выходящіе изъ поверхности земли, проявляются впрочемъ въ разныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Баку, и ими пользуются иногда для освѣщенія. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ главныхъ керосиновыхъ заводовъ при входѣ у воротъ тоже постоянно горѣли двѣ струи нефтяного газа, въ видѣ громаднхъ свѣточей. Не только изъ почвы, но и черезъ море проникаютъ нефтяныя газы и самая нефть, которая, плавая на поверхности воды, покрываетъ довольно большія пространства моря. Эту нефть иногда зажигаютъ, а иногда она и сама случайно воспламеняется, представляя чудное зрѣлище горящаго моря. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть этого замѣчательнаго явленія, такъ какъ при насъ не происходило выдѣленія нефти на поверхность моря.

Интересная поѣздка была также предпринята нами на нефтяныя промысла Тагіева, лежавшіе на нѣкоторомъ разстояніи къ востоку отъ Баку. Дорога все время шла по берегу моря, вдоль красивой *plage*, эта мѣстность, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи и лазуревомъ цвѣтѣ моря, вполнѣ напоминаетъ берегъ Средиземнаго моря въ Италіи. На пути, на самомъ берегу моря, находится башня Bibi-Eibat, про которую сохранилась легенда, что въ ней когда-то была заключена какая-то восточная принцесса, которая изъ нея бросилась въ море. Тагіевъ одинъ изъ видныхъ представителей мѣстныхъ капиталистовъ. Это персіанинъ, который владѣлъ небольшимъ участкомъ земли на берегу моря. Въ одинъ прекрасный день на его участкѣ открылся большой нефтяной фонтанъ, и никому неизвѣстный Тагіевъ сдѣлался милліонеромъ;—это совершенное повтореніе исторіи съ американскими нефтяными крезами.

Во время нашего пребыванія въ Баку, тамъ происходило засѣданіе мѣстнаго Техническаго Общества, которое мы и посѣтили. Въ засѣданіи велись оживленныя и основательныя пренія о мѣстныхъ интересахъ; разумѣется, весь интересъ сосредоточивался на нефтяномъ дѣлѣ. Секретаремъ общества былъ молодой армянинъ Гулишамбаровъ, человѣкъ очень развитой и хорошо знакомый съ положеніемъ мѣстной промышленности, я съ нимъ много бесѣдовалъ, и онъ сообщилъ мнѣ много интересныхъ данныхъ. Съ тѣхъ поръ Гулишамбаровъ составилъ себѣ имя въ экономической литературѣ.

Свободное отъ занятій время было посвящено прогулкамъ по городу и ознакомленію съ мѣстными достопримѣчательностями, между прочимъ посѣщеніе рынка, который совершенно напоминалъ,

хотя и въ маломъ видѣ, Константинопольскій Караванъ-Сарай. Всѣ восточные рынки имѣютъ одинъ и тотъ же типъ, скученныхъ вмѣстѣ мелкихъ лавченокъ, нерѣдко богатыхъ очень драгоцѣнными издѣліями. Бакинскій рынокъ изобиловалъ восточными коврами, которыхъ я нѣсколько пріобрѣлъ. Замѣчательную особенность Баку составляютъ винные погреба. Мѣстное вино очень хорошаго качества, оно легкое, но очень вкусное, особенно бѣлое, оно доставляется впрочемъ изъ болѣе отдаленныхъ окрестностей Баку, напр. изъ Ленкорана. При входѣ въ Бакинскій погребъ посѣтителю представляется вмѣсто бочекъ и бутылокъ складъ бурдюковъ, родъ мѣшковъ изъ козьей кожи, наполненныхъ разными винами; къ одному изъ угловъ бурдюка, гдѣ была нога животнаго, придѣланъ деревянный кранъ—и изъ этого крана вино наливается прямо въ стаканы для посѣтителей. Вино, какъ я уже замѣтилъ, очень хорошее, но оно получаетъ отъ бурдюка нѣкоторый запахъ кожи.

Въ октябрѣ мы оставили Баку на пароходѣ „Цесаревичъ“ и отправились въ обратный путь. Нашъ любезный капитанъ съ „Каспія“, съ которымъ мы подружились во время переѣзда въ Баку, пришелъ проститься съ нами и пожелать намъ хорошаго пути.

Въ то время только что окончилась наша первая неудачная Туркменская война, на которой мы потерпѣли столь чувствительное пораженіе при Ахаль-Теке. На пароходѣ съ нами ѣхало нѣсколько офицеровъ и юнкеровъ кавказскаго драгунскаго полка, возвращавшіеся изъ арміи. У насъ, разумѣется, съ ними завязался живой разговоръ, и они много рассказывали подробностей о неудачномъ боѣ и о страданіяхъ арміи въ безводной степи. Изъ всѣхъ этихъ рассказовъ можно было заключить, что вся кампанія была затѣяна крайне легкомысленно и ведена безъ знанія дѣла.

На томъ же пароходѣ возвращался изъ Кавказа въ Россію военный врачъ Малининъ, съ которымъ я много бесѣдовалъ. Между прочимъ, такъ какъ я курилъ сигару, мы разговорились о куреніи вообще, и онъ сталъ мнѣ доказывать вредъ табака для организма. Я ему возражалъ, что я привыкъ курить и не думаю, чтобы мнѣ куреніе приносило вредъ; на это онъ мнѣ возразилъ, что „вы только себя успокаиваете, потому что вы не имѣете достаточной силы характера, чтобы перестать курить“. Тогда раззадоренный этимъ замѣчаніемъ я сказалъ ему, что въ доказательство противнаго, я съ этого же момента перестану курить и не буду курить 6 недѣль, но потомъ опять вернусь къ куренію, затѣмъ я тутъ же бросилъ свою сигару. Этотъ искусъ я дѣйствительно выдержалъ, но сознаюсь, что въ первое время, особенно на морѣ, когда какъ-то особенно хочется курить, довольно трудно было выдержать абстиненцію.

По прибытіи въ Царицынъ, мы отправились по Волго-Донской желѣзной дороги въ Калачъ. На эту небольшую линію, соединяющую Волгу съ Дономъ, одно время сильно рассчитывали, полагая, что по ней разовьется значительное движеніе товара. Но эти ожиданія не оправдались, вѣроятно вслѣдствіе необходимости двойной перегрузки товара, на Волгѣ и на Дону; торговля пошла по другимъ прямымъ линіямъ, и эта вѣтка потеряла всякое значеніе. Она потому и имѣла какой-то совершенно заброшенный видъ; снѣжная мятель и сильный вѣтеръ, сопровождавшіе насъ въ пути, не содѣйствовали пріятному впечатлѣнію, особенно послѣ чуднаго южнаго солнца въ Баку, которымъ мы наслаждались еще нѣсколько дней тому назадъ.

На обратномъ пути мы осматривали въ Борисоглѣбскѣ большія машинныя и мастерскія заведенія, устроенныя при желѣзной дорогѣ.

Въ Грязяхъ мы расстались съ сопровождавшимъ насъ управляющимъ Грязе-Царицынской жел. дорогой Кульджинскимъ, и сознаюсь, расстались съ нимъ безъ сожалѣнія. Исслѣдованіе нашей подкомиссіи, въ которой онъ усматривалъ нѣкоторымъ образомъ надзоръ надъ его дѣятельностью, явно было ему непріятно, и онъ давалъ это чувствовать при всякомъ случаѣ; его самолюбіе техника-инженера возставало противъ оцѣнки постороннихъ лицъ.

Въ Орлѣ мы расстались съ управляющимъ Орлово-Грязской жел. дорогой Хлуденевымъ, который, напротивъ того, оказался чрезвычайно любезнымъ и пріятнымъ спутникомъ, безъ всякаго неудовольствія обсуждавшимъ съ нами всѣ вопросы, которые встрѣчались на пути. Наконецъ въ Витебскѣ мы распрощались съ управляющими Динабургъ-Витебской и Риги-Динабургской жел. дорогъ, Беке-ромъ и Карлейлемъ (послѣдній совершенно обрусѣвшій англичанинъ).

Закончивъ наше странствованіе, по прибытіи въ Петербургъ, я нашелъ много писемъ и между прочимъ одно, которое меня и удивило и обрадовало. Это мнѣ писалъ неизвѣстный мнѣ священникъ Яндошевскій, недавно овдовѣвшій, сообщая о томъ утѣшеніи, которое онъ нашелъ въ горѣ, причиненномъ ему недавною тяжкою потерей, при чтеніи моихъ лекцій о философіи и христіанствѣ. Это письмо доставило мнѣ истинное удовольствіе. Сознаніе, что такимъ образомъ мнѣ оказалось возможнымъ доставить миръ и утѣшеніе постороннему мнѣ, даже совершенно неизвѣстному лицу, порождало отрадное чувство, въ смыслѣ удостовѣренія того, что живешь и дѣйствуешь не безъ пользы—между тѣмъ какъ часто приходилось испытывать моменты разочарованія, когда въ самомъ себѣ не находишь ни довольствія, ни мира. Во время послѣдней поѣздки я имѣлъ случай познакомиться съ настоятелемъ Донского монастыря

игуменомъ Николаемъ ¹⁾; въ разговорѣ съ нимъ я коснулся вопроса о моментахъ подобнаго разочарованія въ своей дѣятельности,—по этому поводу онъ сказалъ мнѣ „о томъ, на сколько вашъ трудъ дѣйствительно дѣйствующъ, предоставьте судить Господу, которому вы посвятили себя. Продолжайте дѣлать въ простотѣ сердца...“

Затѣмъ я нашелъ еще два письма какой-то молодой дѣвушки безъ подписи, которая жаловалась на разныхъ лицъ и на разные обстоятельства—изъ которыхъ я рѣшительно ничего не могъ понять, но долженъ былъ полагать, что и эти письма были вызваны вѣроятно чтеніемъ моей книги. А. А. Кирѣевъ, которому я впоследствии показывалъ эти письма, объяснилъ мнѣ, что эта дѣвушка Долгова-Сабурова, нѣсколько помѣшанная, вслѣдствіе постигшихъ ее несчастій.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія, я получилъ приглашеніе отъ Грейга у него позавтракать и передъ завтракомъ доложилъ ему о результатахъ поѣздки моей подкомиссіи. Изъ того, какъ онъ принялъ мой докладъ, я могъ замѣтить, что онъ относился ко всей нашей анкетѣ очень неблагоклонно, усматривая вѣроятно въ этомъ вмѣшательство графа Баранова въ дѣла министра финансовъ. Замѣтивъ это, я старался его переубѣдить, объясняя ему всю пользу собиранія этимъ путемъ свѣдѣній о состояніи желѣзныхъ дорогъ и указывая на совершенное отсутствіе въ этомъ предпріятіи какого-либо посягательства на сферу дѣйствія м-ва финансовъ. При хорошихъ моихъ отношеніяхъ съ Самуиломъ Алексѣвичемъ, мнѣ удалось его въ этомъ убѣдить. Я передалъ нашъ разговоръ графу Баранову, затѣмъ послѣдовало совѣщаніе между графомъ и Грейгомъ, которые до тѣхъ поръ были нѣсколько *en froid*, при чемъ между ними возстановилась полная гармонія. Какъ мнѣ говорилъ впоследствии М. Н. Анненковъ, графъ Барановъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что, благодаря моему случайному вмѣшательству, возстановились между ними и Грейгомъ хорошія отношенія.

Выше я уже упоминалъ, что среди лицъ религіознаго и философскаго круга, послѣ моихъ чтеній, возникла идея образовать философское общество, въ которомъ читались бы рефераты и возбуждались бы сужденія по религіозно-философскимъ вопросамъ. Съ этою цѣлію, послѣ моего возвращенія состоялось у меня собраніе, въ которомъ приняли участіе А. А. Кирѣевъ, князь Цертелевъ, Бе-

¹⁾ Отецъ Николай былъ впоследствии переведенъ настоятелемъ въ одинъ изъ Западныхъ монастырей, кажется Почаевскій, и мы долгое время продолжали съ нимъ видѣться, такъ какъ при каждомъ пріѣздѣ въ Петербургъ онъ посѣщалъ меня.

стужевъ, Свѣтилинь и Осиния. Въ одномъ изъ послѣдующихъ за-сѣданій у меня участвовалъ и Соловьевъ. Затѣмъ такое же собраніе происходило и у М. Н. Островскаго.

Мы составили проектъ устава общества, къ которому присоеди-нился и Т. И. Филипповъ. Проектъ устава былъ представленъ на утвержденіе въ министерство вн. д., но тамъ онъ какъ-то застрялъ—я далѣе объ этомъ не справлялся и потому не могу сказать, по ка-кой причинѣ онъ не былъ утвержденъ.

Въ послѣдній день этого года, 31-го декабря, поздно вечеромъ я былъ пріятно удивленъ неожиданною присылкою мнѣ ордена Вла-димира 2-ой ст., чего я совершенно не ожидалъ.

5-го февраля 1880-го года я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ и читалъ; вдругъ послышался сильный взрывъ и произошло такое сотря-сеніе, что я былъ даже подброшенъ на диванѣ. Въ первую минуту я по-думалъ, что у насъ на лѣстницѣ произошелъ взрывъ газа. Я выбѣ-жалъ на лѣстницу, но тамъ ничего не оказалось, и когда я былъ еще въ недоумѣніи, что бы это значило, ко мнѣ вошелъ мой лакей и возбужденнымъ голосомъ сообщилъ, что произошелъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, что изъ дворца несутъ множество убитыхъ и ра-неныхъ, и что что-то очень плохо,—очевидно въ первыя минуты было опасеніе, не пострадалъ ли кто изъ Царской Фамиліи. Какая была сила взрыва, можно усмотрѣть изъ того, что у себя въ ком-натѣ, въ домѣ, который былъ отдѣленъ отъ дворца Мойкой и пло-щадью, я могъ до такой степени почувствовать сотрясеніе.

Царская Фамилія спаслась, можно сказать, только благодаря счаст-ливой случайности.

Какъ потомъ оказалось, одному изъ анархистовъ удалось подъ видомъ столяра получить доступъ въ подвалъ Зимняго Дворца, гдѣ жили рабочіе. Онъ расположилъ адскую машину подъ столовой за-лой дворца, гдѣ въ то время долженъ былъ обѣдать Государь, окру-женный членами своего семейства. По приведеніи въ движеніе ча-сового механизма адской машины, который черезъ нѣсколько вре-мени долженъ былъ произвести ея взрывъ, злоумышленникъ уда-лился изъ дворца. Къ счастью, взрывъ произошелъ за нѣсколько ми-нутъ до того времени, когда Царская Фамилія должна была собраться въ столовой, такъ что хотя полъ столовой былъ взорванъ, и кажет-ся, люстры упали съ потолка, никто изъ Царской Фамиліи не по-страдалъ, но въ числѣ солдатъ, составлявшихъ караулъ дворца, ока-залось довольно много раненыхъ и, кажется, даже нѣсколько уби-тыхъ. Разсказывали, что нѣкоторое время тому назадъ изъ Берли-

на было сообщено полиціи, что въ рукахъ анархистовъ имѣется планъ Зимняго Дворца, на которомъ одно мѣсто помѣчено краснымъ крестомъ—это было именно то мѣсто, гдѣ была заложена адская машина; удивительно, что такое сообщеніе не привело у насъ къ раскрытію подготовлявшагося злодѣйскаго замысла.

Это дерзкое покушеніе произвело ужасающее впечатлѣніе и побудило правительство принять самыя рѣшительныя мѣры противъ анархій. Въ этихъ видахъ была образована Верховная Распорядительная Комиссія; главнымъ начальникомъ ея былъ назначенъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Затѣмъ въ августѣ Верховная Комиссія была упразднена, и гр. Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. До того времени гр. Л.-Меликовъ, стяжавшій громкое имя во время турецкой войны, въ гражданскомъ управленіи не принималъ участія. Нѣкоторое время передъ тѣмъ на него было возложено порученіе, во время появленія чумы въ Ветлянкѣ, принять мѣры къ предупрежденію ея распространенія за предѣлы зачумленной мѣстности, о чемъ уже было упомянуто выше. Его распоряженія по этому случаю вызвали общее одобреніе, такъ что когда стало извѣстно объ учрежденіи Верховной Комиссіи и шла рѣчь о выборѣ предсѣдателя, общественное мнѣніе стало указывать на графа Лорисъ-Меликова, и когда онъ дѣйствительно былъ поставленъ во главѣ Комиссіи, это назначеніе было встрѣчено повсюду съ полнѣйшимъ одобреніемъ.

Къ сожалѣнію, и ему не удалось предупредить окончательную катастрофу, совершившуюся ровно годъ спустя.

Дня три послѣ его назначенія, на него было произведено покушеніе. Въ моментъ, когда онъ выходилъ изъ квартиры министра внутреннихъ дѣлъ, на подъѣздѣ какой-то еврей, фамиліи котораго не помню, выстрѣлилъ въ него, но промахнулся. Графъ Лорисъ-Меликовъ самъ схватилъ преступника, сказавъ хладнокровно: „для меня пуля еще не отлита“. Преступникъ былъ преданъ военному суду, въ 24 часа сужденъ, осужденъ и казненъ.

Политика, которую сталъ проводить графъ Л.-Меликовъ, заключалась въ энергическомъ преслѣдованіи анархистовъ, при одновременномъ введеніи либеральнаго направленія въ административную жизнь страны. Прессѣ была предоставлена значительная свобода при обсужденіи внутреннихъ вопросовъ. Лорисъ-Меликовъ взялъ себѣ въ товарищи М. С. Каханова, пользовавшагося извѣстностью, какъ государственный человѣкъ съ либеральнымъ направленіемъ, и подъ его предсѣдательствомъ учредилъ комиссію для пересмотра крестьянскихъ и мѣстныхъ губернскихъ учреждений. Предварительно онъ командировалъ четырехъ изъ наиболѣе выдававшихся моло-

дыхъ сенаторовъ: И. И. Шамшина, С. А. Мордвинова, А. А. Половцова и М. Е. Ковалевскаго для производства ревизіи мѣстныхъ дѣлъ въ разныхъ губерніяхъ. Эта сенаторская ревизія производила тогда большое впечатлѣніе въ Россіи, о ней всѣ говорили. Матеріалы, собранные ревизіею, послужили основаніемъ для работъ Кахановской комиссіи. Эта послѣдняя комиссія засѣдала все время до назначенія м. в. д. графа Толстого,—она работала по очень обширной программѣ, приглашая въ свои засѣданія ученыхъ и специалистовъ, пользовавшихся извѣстностію въ публикѣ. Кахановской комиссіи не суждено было привести свои полезные труды къ окончанію; ее можно было упрекнуть только въ томъ, что она слишкомъ широко раскинула свои занятія, принявъ отчасти болѣе теоретическое, чѣмъ практическое направленіе, подъ вліяніемъ рѣчей профессоровъ, принимавшихъ въ ней участіе. Доказательствомъ того, что Кахановская комиссія выработала, несмотря на то, не мало цѣннаго, можетъ служить то, что много лѣтъ спустя, при разныхъ реформахъ постоянно производились ссылки на труды Кахановской комиссіи.

Когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Толстой, находившійся по своимъ воззрѣніямъ въ крайней противоположности съ предшествовавшимъ направленіемъ, онъ первымъ дѣломъ закрылъ Кахановскую комиссію, передавъ всѣ ея матеріалы и труды въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ картонахъ котораго это полезное дѣло окончательно заглохло.

Подъ скромнымъ названіемъ министра вн. д., графъ Лорисъ-Меликовъ былъ въ сущности первымъ министромъ. Онъ особенно сошелся съ А. А. Абазой и Д. А. Милутинымъ, такъ что можно сказать, въ рукахъ этихъ трехъ лицъ находилось все управленіе страны.

Главныя мѣропріятія гр. Лорисъ-Меликова были направлены къ тому, какъ уже выше замѣчено, чтобы вызвать либеральнымъ направленіемъ правительства сочувствіе въ кругахъ интеллигентнаго общества и этимъ путемъ создать оплотъ противъ дѣятельности анархистовъ. „Новое Время“ назвало его систему диктатурой сердца. Съ этой точки зрѣнія онъ считалъ нужнымъ, чтобы во главѣ отдѣльныхъ министерствъ находились люди, пользующіеся особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ общества. По его мнѣнію, С. А. Грейгъ, находившійся во главѣ одного изъ самыхъ важныхъ министерствъ, финансоваго, не вполне соответствовалъ этому требованію; онъ предложилъ Государю назначить министромъ финансовъ А. А. Абазу, придавъ ему въ товарищи извѣстнаго ученаго, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ обществѣ, Н. Х. Бунге, соединивъ такимъ образомъ въ этой комбинаціи государственный умъ извѣстнаго го-

сударственнаго дѣятеля, съ учеными свѣдѣніями извѣстнаго профессора. Въ видѣ переходной мѣры, и чтобы приготовить Николая Христіановича къ новой сферѣ дѣятельности, было рѣшено пріостановиться временно назначеніемъ Александра Аггѣевича въ министры, ограничившись пока назначеніемъ Н. Х. Бунге товарищемъ къ С. А. Грейгу. И вотъ почему, когда послѣ смерти Гирса, Грейгъ поѣхалъ къ Государю съ докладомъ о назначеніи товарищемъ м. ф. директора кредитной канцеляріи Ал. В. Цимсена, Государь не согласился на его назначеніе и объявилъ ему, что онъ на это мѣсто имѣетъ въ виду Н. Х. Бунге. Грейгъ, разумѣется, былъ крайне удивленъ этимъ эпизодомъ, такъ какъ ничего не подозрѣвалъ о подводимой подъ него самого интригѣ. При такихъ обстоятельствахъ отношенія между министромъ финансовъ и его товарищемъ не могли быть особенно близки. Состоя товарищемъ м-ра ф., Н. Х. Бунге печаталъ въ Сборникѣ Госуд. Знаній Безобразова, статьи о мѣрахъ къ улучшенію нашего финансоваго положенія.

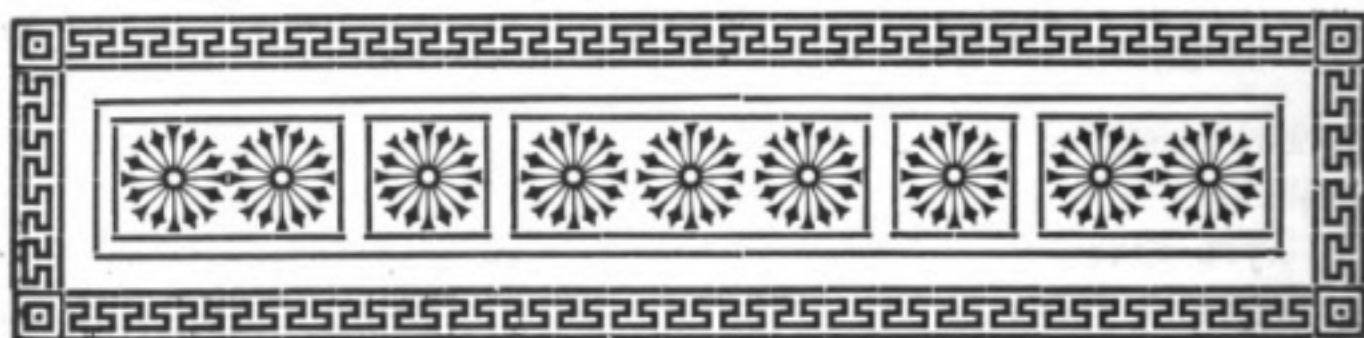
Нѣсколько мѣсяцевъ спустя совершилась подготовлявшаяся перемѣна, о которой гр. Лорисъ-Меликовъ самъ сообщилъ Самуилу Алексѣевичу, заѣхавъ къ нему. Грейгъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а А. А. Абаза—министромъ финансовъ.

Въ теченіе всего этого времени продолжались работы Барановской комиссіи по разработкѣ матеріаловъ, добытыхъ подготовительными комиссіями. Не доведенныя до конца, эти работы были прерваны внезапно тяжкою болѣзнію и отъѣздомъ за границу графа Баранова, о причинахъ которой я уже выше упоминалъ. Но еще до этой катастрофы, по поводу работъ, происходившихъ въ комиссіи, для обсужденія одного изъ предполагавшихся мѣропріятій было назначено частное совѣщаніе на квартирѣ А. А. Абазы. Предполагавшееся мѣропріятіе не могло быть пріятно Посѣту, такъ какъ этимъ нѣсколько ограничивалось его вліяніе на жел.-дорожное дѣло, и вотъ почему въ это засѣданіе кромѣ А. А. Абазы, гр. Лорисъ-Меликова, графа Баранова и самого Посѣта никто изъ другихъ министровъ приглашенъ не былъ, чтобы избавить Посѣта отъ непріятности выслушивать въ большомъ собраніи критику его дѣятельности. А. А. Абаза пригласилъ и меня пріѣхать къ нему на это совѣщаніе, но не для того, чтобы участвовать въ немъ, а для составленія, по окончаніи засѣданія, протокола, по указанію Абазы. Въ составленіи протокола однако не оказалось надобности. Такъ какъ я не участвовалъ въ самомъ засѣданіи, то и не могу сказать, привело ли оно къ какому-либо заключенію, а также не находилось ли оно въ связи съ послѣдующимъ засѣданіемъ, которое происходило въ Царскомъ Селѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, ко-

торое имѣло столь неожиданное для графа Баранова послѣдствіе.

Тутъ единственный разъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ гр. Лорисъ-Меликовымъ и говорить съ нимъ. Когда члены засѣданія вышли изъ залы, въ которой происходило совѣщаніе, и пришли въ кабинетъ А. А., въ которомъ я ожидалъ результатовъ совѣщанія, кто-то изъ присутствующихъ, кажется, графъ Барановъ или А. А. Абаза представилъ меня гр. Лор.-Меликову. По этому случаю гр. Лорисъ-Меликовъ высказалъ мнѣ разныя любезности, что онъ уже очень много обо мнѣ слышалъ отъ своего товарища Каханова, что онъ даже думаетъ пригласить меня къ участию въ трудахъ Кахановской комиссіи и т. д., и, разумѣется, произвелъ на меня своею привѣтливостію очень пріятное впечатлѣніе.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Второе сраженіе при Слободзеѣ.

3-го сентября, турки, большими толпами, вышли съ лѣваго фланга своего лагеря и, казалось, имѣли намѣреніе направиться на дер. Мальку, находившуюся на возвышенности, въ 4-хъ верстахъ отъ нашего праваго фланга, гдѣ они ясно видѣли, какъ мы заготовляли фуражъ и складывали сѣно въ большіе стога, что вызывало у нихъ большую зависть. Но наши казаки замѣтили ихъ и, тогда, ген. Булатовъ, съ тремя каре корпуса Эссена, отправился къ нимъ навстрѣчу и, послѣ трехъ-часового сраженія, въ которомъ мы потеряли около 50 человекъ, турки были принуждены отступить.

5-го сентября, вечеромъ, 2 или 3 турка, вообразивъ, что наши казаки хотятъ отбить ихъ лошадей, которыя, за недостаткомъ фуража, должны были пастись на лугу, передъ лагеремъ, произвели нѣсколько выстрѣловъ; казаки имъ отвѣтили, и вскорѣ, какъ обыкновенно, на нашемъ правомъ флангѣ возгорѣлось довольно живое дѣло ²⁾. Я взялъ съ собою три каре Булатова и, вмѣстѣ съ Эссеномъ, двинулся противъ турецкой конницы. Въ это время, наши казаки, такъ мало проявившіе свою дѣятельность 3-го числа и получившіе

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

²⁾ Если захотятъ начать дѣло съ турками, стоитъ только 2-мъ или 3-мъ казакамъ нѣсколько разъ выстрѣлить изъ пистолетовъ, и можно быть увѣреннымъ, что они сейчасъ же все выскочатъ изъ укрѣпленія. Я уже это замѣчалъ нѣсколько разъ.

за это выговоръ отъ Эссена, подъ начальствомъ храбраго Сысоева, которому не нужно было два раза повторять объ атакѣ, произвели великолѣпную атаку, какую мнѣ рѣдко приходилось видѣть у казаковъ. Они въ одинъ моментъ опрокинули турокъ, взяли много плѣнныхъ, захватили 3 знамени и порубили до 500 человекъ, среди которыхъ погибъ племянникъ визиря Гійжъ-ага, командовавшій сначала въ Никополѣ, а теперь пріѣхавшій сюда, чтобы повидаться съ дядей. Наша потеря состояла въ 70 казакахъ.

10 сентября у насъ произошло серьезное дѣло. Въ ночь съ 9-го на 10-е число турки построили сильный редутъ, передъ центромъ своего укрѣпленія, очень близко отъ нашей первой линіи. Эта постройка производилась такъ тихо, что мы узнали о ней только утромъ. Тогда мы, не ожидая никакихъ приказаній отъ главнокомандующаго, совершенно произвольно начали наступательное движеніе, вызвавшее генеральное сраженіе, которое могло бы обратиться въ рѣшительное, если бы того захотѣлъ Кутузовъ.

Замѣтивъ, что значительный по размѣрамъ турецкій редутъ не былъ еще оконченъ, и турки не успѣютъ закрыть его съ тыла, я рѣшилъ его захватить.

Когда вся первая моя линія начала наступленіе, то турки толпою вышли изъ своего лагеря и напали на нашъ лѣвый флангъ. Эссенъ и Булатовъ не успѣли подойти на помощь, и тутъ-то началось кровопролитное дѣло, затянувшееся очень долго. Наши казаки произвели двѣ блестящихъ атаки и причинили туркамъ большія потери, но и мы немало пострадали отъ огня непріятельскихъ батарей, особенно отъ расположенныхъ по ту сторону Дуная, причинившихъ намъ не мало потерь.

Вслѣдъ за симъ, взявъ съ собою Старо-Ингерманландскій полкъ и Петербургскихъ драгунъ, я направился къ редуту и занялъ передовую позицію, на разстояніи половины выстрѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ, я выставилъ 22-хъ пушечную батарею (изъ коихъ 6 были 12-ти фунтовые) и открылъ огонь.

Видя это, Кутузовъ послалъ мнѣ приказаніе отойти оттуда, а когда я явился къ нему на возвышенность, онъ велѣлъ мнѣ снова начать атаку. Тогда я приказалъ ген. Энгельгардту наступать съ Старо-Ингерманландскимъ полкомъ, который такъ же, какъ и его командиръ, во время всей кампаніи велъ себя необыкновенно смѣло и энергично. Впереди я снова выставилъ 22-хъ пушечную батарею и, въ первый разъ, присоединилъ къ нимъ 8 полковыхъ пушекъ; въ общемъ это составило 30 орудій, которыя, будучи хорошо направленными, причинили туркамъ огромныя потери. На наши залпы турки отвѣчали выстрѣлами изъ своихъ 8 пушекъ, которыя имъ

удалось протащить въ редутъ вмѣстѣ съ пушками изъ стараго укрѣпленія и съ батарей лѣваго берега. Отъ этой массы выстрѣловъ, въ воздухѣ стоялъ почти непроницаемый дымъ, а снаряды падали, какъ градъ.

Во всей моей военной жизни я рѣдко испытывалъ то, что я пережилъ въ этотъ день. Можетъ быть я былъ не на своемъ мѣстѣ, но я чувствовалъ, что здѣсь было пропущено столько удобныхъ и выгодныхъ для насъ моментовъ, что во мнѣ явилась потребность разомъ все покончить; я прямо желалъ раздѣлить участь моихъ храбрыхъ солдатъ. Я давно уже замѣтилъ, что русскій солдатъ, хотя по натурѣ самъ и очень смѣлъ, но любить, когда его генералъ идетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Поставивъ на лѣвомъ флангѣ каре 37-го и 45-го егерскихъ полковъ, лѣвѣе ихъ Ливонскихъ драгунъ, я предложилъ Эссену усилить правый флангъ и стать рядомъ съ Архангелогородскимъ полкомъ. Расположивъ такимъ образомъ войска, я отправился пѣшкомъ осматривать редутъ и, находясь въ 200 шагахъ отъ него, я увидѣлъ, что входъ въ него съ горжи оставался совершенно открытымъ. Тогда у меня быстро родилась мысль приказать Ливонскимъ драгунамъ заскакать большимъ галопомъ въ тылъ редута, а пѣхотѣ въ это время напасть съ фронта на оба фаса его.

Когда есть какая-нибудь возможность войти въ ретраншаментъ, у котораго горжа открыта, то этимъ укрѣпленіемъ можно легко овладѣть съ помощью кавалеріи, что именно я и хотѣлъ сдѣлать.

Я уже отдалъ всѣ распоряженія, какъ вдругъ получаю приказаніе отъ Кутузова отступить. Это уже повторилось во второй разъ!

Никогда еще мнѣ не приходилось такъ сильно сожалѣть о необходимости такого пассивнаго послушанія, которое, тѣмъ не менѣе, составляетъ главнѣйшую заслугу всякаго военнаго. Въ данномъ случаѣ, неисполненіе столь несвоевременно отданнаго приказанія, вызваннаго малодушіемъ, нашло себѣ оправданіе въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, такъ какъ мои дѣла были не только въ блестящемъ положеніи, но они вѣроятно окончились бы полной побѣдой и взятіемъ даже самаго великаго вѣзиря, который находился тогда въ редутѣ и былъ раненъ въ правую руку.

Хотя я и не могъ предполагать, чтобы вѣзирь находился въ такомъ опасномъ мѣстѣ, такъ какъ вообще вѣзиря не имѣли обыкновенія присутствовать на передовыхъ позиціяхъ и подвергать себя опасности, но въ данномъ случаѣ, вѣзирь, въ силу необходи-

мости, былъ во главѣ своего войска, чтобы первому подавать примѣръ мужества, сражаясь среди огня.

И такъ, если бы я не былъ остановленъ Кутузовымъ, то я увѣренъ, что Ахметъ былъ бы убитъ.

Около трехъ часовъ дня, я отдалъ приказаніе объ отступленіи. Турки сдѣлали то же, а на другой день они занялись достройкою своего редута, которую и закончили передъ нашими глазами и закрыли горжу, поставивъ въ редутъ 12 пушекъ. Можно смѣло сказать, что преимущество этого дня оставалось на сторонѣ турокъ ¹⁾).

Вечеромъ я отправился къ Кутузову, жившему въ 8 верстахъ отъ лагеря, куда онъ, кстати, пріѣзжалъ очень рѣдко. Ген. Марковъ и я, мы оба употребили всѣ усилія, чтобы доказать ему весь стыдъ этого дня, и высказали, что для того, чтобы исправить эту ошибку, намъ остается только ночью захватить этотъ редутъ, который не могъ быть совершенно достроеннымъ и, какъ я узналъ, не былъ еще окончательно закрытъ. Мы порѣшили взять съ собой 2.000 человекъ охотниковъ изъ корпусовъ Эссена и Маркова и въ полночь произвести нападеніе, въ успѣхъ котораго мы могли надѣяться, тѣмъ болѣе, что оно должно быть совершенно неожиданнымъ, и турки, обыкновенно, послѣ большого сраженія, отдыхаютъ, не принимая никакихъ предосторожностей для охраненія себя.

Послѣ трехъ-часового старанія съ нашей стороны, чтобы склонить Кутузова на разрѣшеніе этого нападенія, мы добились, наконецъ, что онъ сказалъ намъ (вѣроятно, чтобы имѣть возможность хорошо выспаться), что бы дѣлали, что хотимъ.

Марковъ сейчасъ же отправился собирать своихъ 1.000 охотниковъ, которые въ одну минуту и были готовы; я же медлилъ собрать другую тысячу изъ корпуса Эссена, такъ какъ немного подо-

¹⁾ Въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ моихъ адъютантовъ, баронъ Шульцъ, отличился смѣлымъ подвигомъ, который онъ совершилъ съ полнымъ успѣхомъ. Мы находились вмѣстѣ, когда онъ, вдругъ, увидѣлъ между турецкимъ лагеремъ и ихъ редутомъ какого-то татарина, верхомъ на великолѣпной лошади, гарцующаго по полю. Казалось, что это была какая-то важная личность. Шульцъ летитъ галопомъ въ редутъ, проскакиваетъ среди турокъ, кидается на татарина, ударомъ сабли убиваетъ его и приводитъ ко мнѣ его лошадь. За этотъ лихой подвигъ я наказалъ его 24 часовымъ арестомъ, но я охотно хотѣлъ бы самъ понести такое же наказаніе за подобную храбрость.

1827 г. Шульцъ продолжалъ служить вмѣстѣ со мной, отличаясь своими подвигами въ войнахъ съ Наполеономъ. Онъ былъ произведенъ въ полковники егерскимъ полкомъ, участвовалъ въ Грузинскомъ походѣ и погибъ 27 лѣтъ, отъ выстрѣла изъ ружья, произведеннаго по неосторожности однимъ солдатомъ.

вѣвалъ то, что дѣйствительно и случилось, а именно, Кутузовъ прислалъ мнѣ отмѣну своего разрѣшенія, а самъ уснулъ.

Нѣтъ ничего непріятнѣе для генерала, подчиненнаго другому, какъ имѣть начальникомъ человека безразсуднаго и боязливаго; ужъ лучше начальнику быть менѣе талантливымъ, но непременно болѣе предприимчивымъ.

Я никогда не страдалъ такъ нравственно, какъ въ концѣ этой кампаніи. Кутузовъ заставлялъ меня сожалѣть о кн. Багратіонѣ и даже о гр. Каменскомъ, хотя онъ былъ умнѣе перваго и талантливѣе второго.

Черезъ три, четыре дня, послѣ этого дѣла, турки выстроили еще одинъ редутъ передъ своимъ лѣвымъ флангомъ. Эти два редута прекрасно защищали не только ихъ лагерь отъ какихъ-либо нападеній, но даже и фуражъ, которымъ теперь они могли пользоваться, какъ между редутами, такъ и около большого укрѣпленія.

Ген. Турчаниновъ доказалъ намъ, что производство набѣга на ту сторону Дуная не только возможно, но даже можно рассчитывать и на полный успѣхъ. Самъ онъ стоялъ въ Турно, имѣя предъ собой турецкій отрядъ въ 400 чел. Сначала этимъ отрядомъ командовалъ Гійжъ-Ага, племянникъ визиря, убитый 5 сентября, а затѣмъ, начальство надъ отрядомъ принялъ предводитель разбойничьей банды, составившій себѣ репутацію храбростью; впрочемъ, всѣ его подвиги заключались лишь въ томъ, что онъ, находясь въ редутѣ, построенномъ противъ редута Турчанинова, что при устьѣ р. Ольты, въ продолженіе дня разъ 200 или 300 стрѣлялъ изъ орудій.

15 сентября Турчаниновъ перешелъ Дунай, въ 5 верстахъ ниже Никополя, у с. Муссели, и разрушилъ довольно значительные магазины турокъ, при чемъ разбилъ и турецкій отрядъ, въ 400 чел., охранявшихъ ихъ; изъ нихъ до 100 чел. легло убитыми, и очень много попало въ плѣнъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Турчаниновъ преспокойно вернулся, черезъ Никополь, въ Турно. Вскорѣ послѣ этого, лагерь турокъ сталъ замѣтно уменьшаться и совсѣмъ исчезъ.

При нападеніи, въ отрядѣ Турчанинова находились: 50 чел. Олонецкаго полка, 50 казаковъ и 50 арнаутовъ. Онъ вовсе не обращался къ Кутузову за разрѣшеніемъ этого набѣга, такъ какъ былъ увѣренъ, что не получитъ его.

Что бы отнять у турокъ всякое желаніе проникнуть въ с. Мальки черезъ нашъ правый флангъ и разорить эту деревню, которая была для насъ единственнымъ источникомъ фуражированія, я построилъ 4 редута, изъ коихъ послѣдній былъ самый маленькій, но за то и

самый полезный; онъ былъ построенъ на возвышенности, въ 250 саж. отъ Дуная. Изъ этого редута я сдѣлалъ настоящую крѣпость и поставилъ туда 10 орудій. Возвышенность была покрыта кустарниками и прекрасной травой, весьма заманчивой для турецкой конницы, которая уже давно израсходовала свои запасы фуража и питалась только травой, находившейся около ихъ лагеря. Эти вновь построенные редуты привели турокъ въ полное отчаяніе, и они хотѣли уничтожить мою маленькую крѣпость, построивъ новый редутъ въ 200 саж. отъ нашего, а также выставивъ батарею на правомъ берегу Дуная, съ орудіями большого калибра. Но, видя, что огонь ихъ мало насъ беспокоитъ, рѣшили окружить нашъ холмъ редутами и, затѣмъ, атаковать его.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли 80 чел., изъ которыхъ намъ особенно пришлось сожалѣть о маіорѣ Выборгскаго полка Змѣевѣ, командовавшемъ нашими стрѣлками. Онъ всегда отличался мужествомъ и храбростью и, по своей постоянной неустрашимости, кинулся въ самую середину сражающихся у Дуная и здѣсь былъ сильно раненъ, исколотъ штыками и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ и 30 солдатами. Онъ былъ отведенъ къ визирю, который его хорошо принялъ и приказалъ его лѣчить и ухаживать за нимъ, а также и за его товарищами по несчастью. Какъ бы поступили у насъ, при подобныхъ обстоятельствахъ?

23 сентября турки имѣли дерзость, среди дня, построить редутъ на берегу Дуная, въ 600 шагахъ отъ нашего и въ 300 отъ моей крѣпости, скрытой кустарникомъ. Я извѣстилъ объ этомъ Кутузова, и, не ожидая уже отъ него приказаній (какъ наученный опытомъ), самъ отдалъ приказъ ген. Булатову снести этотъ редутъ. Маіоръ Дренякинъ съ 7-мъ егерскимъ полкомъ и маіоръ Бугнигскій съ 300 солдатъ Архангелогородскаго и Старооскольскаго полковъ, живо снесли его ударомъ въ штыки; а въ то же время Сысоевъ съ казаками, гр. Мантейфель съ Петербургскими драгунами и генер. Ланской съ Бѣлорусскими гусарами, блестящимъ образомъ атаковали турецкую конницу. Этимъ днемъ гр. Мантейфель совершенно искушилъ всѣ свои слабости и ошибки въ Рущукскомъ сраженіи, а Бѣлорусскій гусарскій полкъ вернулъ себѣ снова свою прежнюю репутацію. Въ этомъ дѣлѣ, гдѣ всѣ наши войскаблестяще вели себя, мы потеряли 400 чел., потери же турокъ были весьма значительны, однихъ албанцевъ погибло въ редутѣ и потоплено въ Дунаѣ до 700 чел. Полученная нами добыча была весьма значительна ¹⁾.

¹⁾ Это было то самое дѣло, за которое Кутузовъ просилъ дать драгунамъ и гусарамъ награды за отличіе, но Государь отказалъ ему въ

Ночью, чтобы смѣнить сражавшіяся войска, для охраненія берега Дуная, я послалъ Бѣлостокскій полкъ. По несчастной случайности, патруль нашихъ егерей заблудился и, принявъ Бѣлостокскій полкъ за непріятеля, началъ стрѣлять по немъ. Эта страшная ошибка была сейчасъ же замѣчена офицеромъ, и огонь былъ остановленъ, но жертвой этого заблужденія было 16 убитыхъ солдатъ съ своимъ командиромъ полка генераломъ Гинкуль. Человѣкъ лѣтъ 50, постоянно служившій или комендантомъ или плацъ-маіоромъ, но никогда не бывавшій въ бояхъ, Гинкуль только наканунѣ прибылъ въ полкъ и радовался, что можетъ пріобрѣсти опытность въ военномъ дѣлѣ; но учиться было уже поздно. Одна изъ пуль попала ему въ сердце.

Послѣ дѣла, я велѣлъ построить еще одно сильное укрѣпленіе на Дунаѣ и этимъ отнялъ у турокъ всякую возможность добывать себѣ фуражъ.

Плѣнные и дезертиры турки рѣшительно объявили намъ, что они терпятъ во всемъ лишенія, и что вообще они недовольны своимъ положеніемъ. Визирь ихъ удерживалъ силою на лѣвомъ берегу Дуная, такъ какъ черезъ дезертирство онъ потерялъ чуть не половину своей арміи. Вообще у турокъ мало отдѣльных дезертировъ и недруговъ ¹⁾, но паши и аги, имѣющіе свои собственныя войска, теряютъ цѣлыя банды, которыя уходятъ отъ нихъ, когда къ тому представляется удобный случай, или когда климатъ дѣлается для нихъ слишкомъ суровымъ.

Мухтаръ и Делли-паши, имѣвшіе въ нашей кампаніи 12.000 албанцевъ, не сохранили у себя и 2.500 чел., изъ которыхъ они потеряли большую часть 23 сентября ²⁾. Эти два паши, которыхъ визирь никакъ не могъ принудить перейти на лѣвый берегъ Дуная, расположились около Рушука только съ 300 ч., были вынуждены отдать визирю всѣхъ остальныхъ своихъ людей.

У визиря осталось только 15 тысячъ, изъ которыхъ 3.500 было конницы, лошади которой были очень худы и изнурены.

этомъ, пояснивъ, что они только поправили свои прежнія ошибки. За то Старонингерманландскому полку возвращены были знамена, отнятыя у нихъ за дѣло 28 августа.

¹⁾ Къ непріятелю дезертируютъ только такіе люди, которые совершили какую-нибудь кражу, убійство и др. преступленія и опасаются за свою голову.

²⁾ Это были сыновья знаменитаго Али-паши изъ Яссины, которые такъ же, какъ и Гузиръ, были совершенно обыкновенными людьми для турокъ, но ужасными чудовищами для насъ.

Не проходило ни одного дня безъ того, чтобы у насъ не происходило боя или перестрѣлки, такъ что мы смѣло можемъ сказать, что мы сражались съ самаго перехода турокъ черезъ Дунай до ихъ сдачи; словомъ, 94 дня подрядъ.

Хотя все это время мы были на бивакахъ и почти всегда находились подъ ружьемъ, у насъ было мало больныхъ; въ войска даже присылали на поправку значительное число выздоравливающихъ изъ госпиталей. Никогда, кажется, нашихъ солдатъ такъ хорошо не кормили, не берегли и не утомляли, какъ во времена Кутузова. Благо-состоянію также много содѣйствовала и погода, такъ какъ ужа-сающія жары, бывшія роковыми для нашихъ войскъ, сильно умень-шились.

Первоначально, визирь, совершая свой смѣлый переходъ, имѣлъ цѣлью помѣшать намъ сдѣлать то же самое, но теперь, по прибытіи съ Днѣстра двухъ дивизій и 6 казачьихъ полковъ, онъ опасался, какъ бы мы сами не перешли въ наступленіе. Онъ, конечно, не зналъ, что намъ строго приказано было вести только оборонительную войну, и что самъ Кутузовъ, по своему характеру, не способенъ былъ ни на какое предпріятіе.

Визирь хотѣлъ снова перейти Дунай и занять зимнія квартиры, когда время года уже не позволитъ намъ двигаться; но когда онъ увидѣлъ, что мы совершенно спокойно оставались на нашихъ преж-нихъ позиціяхъ, то онъ рѣшился построить еще нѣсколько редутовъ и подземныхъ галлерей и оставить на зиму, на этой сторонѣ Дуная, 10 тысячъ чел., что для насъ было бы весьма стѣснительно. Такое же приказаніе визирь отдалъ Измаиль-бею, находившемуся около Виддина.

Если бы туркамъ удалось всѣ ихъ планы, то мы были бы при-нуждены окружить ихъ и усиленно наблюдать за ними, что, конечно, было бы слишкомъ утомительно для нашихъ войскъ, и мы бы понесли большія потери; въ другомъ случаѣ, намъ приходилось бы вести правильную осаду противъ этихъ двухъ укрѣпленій. Если бы визирь имѣлъ намѣреніе помѣшать намъ дѣйствовать наступательно, ему не слѣдовало высаживаться у Слободзеи и утверждаться на островѣ Кошара, передъ Рушукомъ, подъ его орудіями, а лучше было бы принудить насъ остаться на мѣстѣ, хотя намъ только и оставалось такъ поступить.

Вотъ уже прошло 6 недѣль, а мы все еще стояли другъ противъ друга. Такое положеніе становилось утомительнымъ, скучнымъ и, наконецъ, прямо постыднымъ, тѣмъ болѣе, что у насъ было много вы-ходовъ и все болѣе или менѣе хорошихъ, но Кутузовъ ни на что не рѣшался. Армія роптала, а генералы были въ полномъ отчаяніи.

Марковъ, Сабанѣвъ и я, мы долго уговаривали нашего стараго главнокомандующаго рѣшиться на наступательное дѣйствіе, такъ какъ мы твердо были увѣрены въ успѣхѣ, что дѣйствительно и случилось, но Кутузовъ ничего не хотѣлъ слушать, и мы только понапрасну теряли время и свой трудъ. Онъ по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своей палатки, проводя время въ ѣдѣ, тратя на свой обѣдъ по 3 часа, а затѣмъ 2 часа давалъ на отдыхъ своимъ глазамъ и такъ пропадалъ весь вечеръ; утромъ было то же самое: онъ вставалъ въ 10 ч., слушалъ важныя бумаги и дѣлалъ разныя замѣтки, что нерѣдко занимало у него время до обѣда. Въ теченіе всей блокады, онъ ни разу не посѣтилъ ни редутовъ, ни войскъ! Такъ нельзя командовать арміей, но за то онъ былъ счастливъ.

Когда подошли послѣдніе эшелоны 15 дивизіи, то они заняли Слободзею, Каларашъ, Обилешти, Родованъ и пр.; всѣ эти отряды были подъ начальствомъ стараго генерала Гампера, отважнаго и дѣятельнаго генерала.

Мы опасались, чтобы турки не перешли Дуная въ Туртукаѣ, гдѣ можно было очень удобно высадиться, а затѣмъ уже по лѣвому берегу Аржицы идти прямо въ Бухарестъ. По дорогѣ туда не было ни одного ручейка, но были возвышенія, которыя могли бы помѣшать движенію конницы. По правому берегу можно было бы также изъ Туртукая попасть въ Петрики, гдѣ былъ нашъ вагенбургъ, и обойдя съ обѣихъ сторонъ понтонный мостъ, который мы имѣли въ Негоешти, занять его 500 всадниками, пройти мимо Ольтеницкаго редута, откуда наша пѣхота не могла бы преслѣдовать турокъ, могли бы сжечь этотъ мостъ и произвести панику въ Бухарестѣ.

Чтобы предотвратить эту катастрофу, Кутузовъ призналъ необходимымъ принять серьезныя мѣры и приказалъ: 8 судамъ нашей флотиліи спуститься по рѣкѣ и стать противъ Туртукая; затѣмъ послалъ въ Корнажи, по правому берегу Аржича, полковника Грекова 8-го съ казачьимъ полкомъ; Гамперъ былъ посланъ въ Лунке, гдѣ ему приказано перейти мостъ и стать въ Негоешти. Такимъ образомъ, отряды Гампера и Грекова соединялись въ Слободзеѣ и въ Каларашѣ также установлено сообщеніе за происходящимъ въ Силистріи.

Вскорѣ мы узнали, что въ этомъ городѣ было не болѣе 300—400 вооруженныхъ людей, а остальные жители города были заняты жатвой; въ Туртукаѣ же оставался лишь слабый отрядъ, не имѣвшій даже пушекъ.

Тогда Кутузовъ поднялъ вопросъ, чтобы Гамперъ съ своими отрядами перешелъ Дунай у Силистріи или у Туртукая и, послѣ того какъ онъ займетъ эти мѣста, двинуться по Шумлинской дорогѣ

до самаго Разграда, занявъ который прекратить сообщеніе обозовъ съ арміей визиря. Такъ какъ это былъ послѣдній городъ, черезъ который турецкій обозъ приходитъ въ лагерь визиря, то такая демонстраціи заставила бы его вернуться.

Планъ этотъ былъ безспорно хорошъ, но все-таки онъ не былъ лучшимъ изъ тѣхъ, которые можно бы составить въ нашемъ положеніи.

Изъ свѣдѣній, которыя имѣлись, видно, что, во-первыхъ, визирь перевелъ всѣ свои войска на лѣвый берегъ Дуная, чтобы остановить дезертирство, вслѣдствіе котораго онъ ежедневно терялъ много людей; во-вторыхъ, что на правомъ берегу остались только купцы, прислуга, члены Дивана и дипломаты со свитой, не столь отважной, сколь малочисленной; въ третьихъ — визирь хотя и оставилъ на правомъ берегу свою палатку и экипажъ, но самъ помѣстился въ лагерь; и въ четвертыхъ — для защиты Дивана и дипломатовъ не было ни редутовъ, ни другихъ укрѣпленій.

На основаніи этихъ данныхъ, мы составили слѣдующій планъ: въ одну ночь прекратить сообщеніе черезъ Дунай; послать корпусъ въ 4—5 тысячъ на правый берегъ Дуная и, съ разсвѣтомъ, самимъ напасть на турецкій лагерь.

Мы долго не могли склонить Кутузова на утвержденіе этого плана; Марковъ безпрестанно являлся ко мнѣ, и мы вдвоемъ шли къ главнокомандующему, который на всѣ наши доводы часто даже ничего не отвѣчалъ. Сабанѣевъ и адъютанты умоляли меня не терять драгоцѣннаго времени. Наконецъ Кутузовъ согласился, но только съ непремѣннымъ условіемъ вернуть отрядъ Гампера.

Это было совершенно лишнее, но разъ уже начальникъ имѣетъ такой слабый и нерѣшительный характеръ, какой былъ у Кутузова, и когда онъ не надѣется на силу своихъ доводовъ, онъ всегда радъ тянуть время, называя это выигрышемъ времени.

Экспедицію эту Кутузовъ поручилъ генер. Маркову, который отправился на рекогносцировку береговъ Дуная и въ 20 верстахъ выше нашего лагеря и въ 5-ти отъ нашей Батинской позиціи, онъ нашелъ сухое мѣсто, весьма удобное для высадки при переправѣ. При тщательномъ осмотрѣ всего берега, онъ не нашелъ ни одного турецкаго пикета ¹⁾.

¹⁾ Я бы могъ принять на себя начальствованіе этой блестящей и почетной экспедиціей и получить за нее Георгія 2-й ст., но я долженъ былъ пожертвовать своимъ честолюбіемъ для общаго блага. Я никакъ не могъ покинуть своего поста, а также и Кутузова, такъ какъ если бы я оставилъ его хоть на минуту, то онъ сейчасъ же послалъ бы отмѣну всѣхъ своихъ приказаній. Послѣ меня, слѣдующимъ былъ Эссенъ, уважаемый всей арміей

Изъ М. Валахін потребовали находившіеся тамъ 6 баркасовъ, которые должны были служить для охраны высадки. Изъ Турно подогнали всѣ, находившіяся на р. Ольтѣ, суда, и когда все уже было готово, мы убѣдились, что со стороны турокъ не было сдѣлано никакихъ препятствій; но мы могли его имѣть со стороны Кутузова.

Въ ночь на 29 сентября, ген. Марковъ уѣхалъ изъ лагеря и еще до разсвѣта прибылъ въ дер. Петрошаны, гдѣ онъ могъ спокойно оставаться, не будучи замѣченнымъ непріятелемъ. Кутузовъ назначилъ ему 14 батальоновъ, 15 эскадроновъ, 2 полка казаковъ и 20 двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, что, въ общемъ, составляло около 9.000 чел., т. е. ровно вдвое больше, чѣмъ было нужно.

Въ ночь на 30 число, онъ долженъ былъ переправиться черезъ Дунай въ д. Петрики и 1 октября, съ разсвѣтомъ, быть уже въ турецкомъ лагерѣ. Но флотилія опоздала, и Марковъ сдѣлалъ большую ошибку, прибывъ на мѣсто раньше ея. Повидимому, онъ составилъ неправильный расчетъ, иначе она должна была прибыть въ-время. Оставаясь совершенно одинъ въ деревнѣ и не будучи скрытъ никакой возвышенностью, за которой, въ случаѣ необходимости, могъ бы укрыться, онъ легко могъ быть замѣченъ турками, но къ счастью у нихъ не было ни пикетовъ, ни патрулей по всему берегу.

Цѣлое утро 1-го октября прошло въ безплодномъ ожиданіи перевозочныхъ средствъ, такъ какъ прибыла только половина назначенныхъ судовъ. Тогда Марковъ, чтобы не терять времени, рѣшилъ начать переправу днемъ, на имѣвшихся судахъ. Казаки переправились вплавъ и увѣрили, что турки не имѣютъ ни малѣйшаго подозрѣнія о нашей переправѣ. Лодки были очень малы и вмѣщали въ себѣ мало людей, вслѣдствіе чего переправа про-

и пользовавшійся расположеніемъ Кутузова, который вѣроятно и выбралъ бы его для этого дѣла, но я направилъ его выборъ на Маркова, который имѣлъ большое вліяніе на Кутузова и непремѣнно бы началъ интриговать противъ этой экспедиціи, если бы вмѣсто него былъ назначенъ кто-нибудь другой. Но такъ какъ начальство надъ этой операціей было поручено ему, то мы были покойны, что онъ не будетъ препятствовать нашему дѣлу. Изъ этого видно, что иногда и злость даетъ нѣкоторыя преимущества. Тѣмъ не менѣе, правда заставляетъ меня сказать, что когда Кутузовъ, наконецъ, рѣшился на эту экспедицію и поручилъ ее Маркову, онъ то и дѣло придумывалъ различные способы, которые могли бы способствовать успѣху дѣла. Мнѣ же онъ разъ 20 повторялъ: „Это Вы меня склонили на рѣшеніе, а разъ вино откупорено, его надо пить“.

Онъ пилъ и находилъ хорошимъ вино, хотя оно могло быть и лучше.

должалась цѣлый день и даже ночь на 2 октября. (Большія суда прибыли только къ вечеру).

На лѣвомъ берегу оставались только: Ливонскій драгунскій полкъ (который Марковъ отослалъ обратно), 8 эскадроновъ гусаръ, и 10 пушекъ. Переправа продолжалась 36 часовъ.

Казаки успѣли уже овладѣть непріятельскимъ обозомъ и фуражемъ, и въ лагерѣ турокъ появились признаки паники. Марковъ началъ сильно опасаться за удачу переправы, которая тянулась слишкомъ долго.

Между тѣмъ, переправившихся ночью 8 баталіоновъ и 600 казаковъ было для него болѣе чѣмъ достаточно; но онъ хотѣлъ дожидаться гусаръ, а тутъ, какъ нарочно, начались разныя неудачи съ судами. Нѣкоторыя изъ нихъ разбивались другъ о друга, другія наполнялись водой и тонули, черезъ это пришлось потерять еще одинъ день, въ который визирь могъ собрать свои войска съ лѣваго берега и построить 3 или 4 редута, которые спасли бы его.

По совѣту ген. Дехтерева, Марковъ двинулся, наконецъ, впередъ. Это было 2-го октября въ 7 час. утра. Въ это время наши казаки захватили турецкаго курьера, посланнаго визиремъ Систовскому коменданту съ благодарственнымъ письмомъ за предупрежденіе, объ отправленіи Зассомъ 6-ти судовъ.

Наши казаки уже заняли возвышенности. Когда же визирь послалъ узнать о положеніи дѣлъ, то посланные имъ или не потрудились хорошенько осмотрѣть, или они дѣйствительно ничего не видѣли (всѣ регулярныя войска Маркова были скрыты въ глубинѣ), но они объявили визирю, что кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, которыхъ они приняли за дозорныхъ флотиліи, другихъ войскъ нѣтъ.

Тогда визирь счелъ совершенно достаточнымъ переправиться съ 500 турокъ черезъ Дунай и прогнать казаковъ. Это и былъ единственный отрядъ, съ которымъ Маркову пришлось сражаться.

Визирь упустилъ изъ вида главное правило, которымъ надо руководиться при переправѣ рѣкъ—т. е. никогда не надо раньше утверждаться на противоположномъ берегу, покуда не будетъ обезпечена переправа съ другимъ берегомъ, т. е. не будетъ занято мѣсто или построено укрѣпленіе для прикрытія переправы.

Если бы визирь построилъ цѣлую цѣпь укрѣпленій отъ Лома до Дуная, то его трудно было бы прорвать, и онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы всегда отступить къ Рушуку.

Марковъ достигъ турецкаго лагеря только около 10 ч. утра; онъ сдѣлалъ 15 верстъ по возвышенностямъ, совершенно на виду у непріятеля, но турки не замѣтили его. Съ такими врагами можно легко стать героемъ, и Марковъ, который по натурѣ своей никогда

не былъ героемъ, сдѣлался таковымъ только благодаря добрымъ османамъ.

Онъ только тогда былъ замѣченъ турками, когда ворвался въ ихъ лагерь. 500 турецкихъ всадниковъ напали было на нашихъ казаковъ, но, увидя подходящую пѣхоту, обратились въ бѣгство, тогда наши гусары бросились ихъ преслѣдовать и настигли въ самомъ лагерѣ.

Въ этомъ маленькомъ дѣлѣ у насъ не было и 30 убитыхъ и раненыхъ¹⁾.

Можно себѣ представить то мучительное безпокойство, которое мы переживали во время этого безконечнаго, какъ намъ казалось, перехода Маркова, и ту радость, которую мы испытали при видѣ его успѣховъ. Никогда еще на войнѣ военнымъ не представлялось зрѣлище болѣе прекрасное и забавное (если можно только такъ выразиться).

Съ того холма, возвышающагося на огромной равнинѣ, по которой протекаетъ Дунай и на которой расположены нашъ и турецкій лагери, было отлично видно, какъ наши каре пѣхоты со всѣхъ сторонъ врывались въ турецкій лагерь, а кавалерія преслѣдовала и рубила саблями 200 или 300 несчастныхъ, спасавшихся, въ своихъ туфляхъ, въ Рушукъ. Лошади, верблюды, экипажи—все это было взято нами. Ужасъ и безпокойство царили среди непріятеля, тогда какъ наша армія громкими криками „ура!“ привѣтствовала побѣдителей.

Добыча была огромная; турки цѣнили ее въ нѣсколько милліоновъ піастровъ. Мы взяли: 8 пушекъ, 3 большихъ мортиры, привезенныя изъ Рушука, которыми они хотѣли бомбардировать нашъ лагерь; множество съѣстныхъ припасовъ, нѣсколько магазиновъ пороха, огромное количество патроновъ, снарядовъ, 50 кладовыхъ съ платьемъ, оружіе, пики и разныя драгоценныя вещи;

¹⁾ Гусарь майоръ Бибиговъ былъ легко раненъ и взятъ въ плѣнъ. Непостижимо, какъ турки, въ этой сумятицѣ, не убили его. Онъ былъ отвезенъ въ Рушукъ, и когда туда прибылъ бѣжавшій визирь и узналъ, что Бибиговъ племянникъ Кутузову, то онъ окружилъ его заботами и черезъ нѣсколько дней отослалъ его къ дядѣ. Онъ бы хорошо сдѣлалъ, если бы оставилъ его у себя, такъ какъ этотъ молодой офицеръ былъ большой интриганъ и весьма опасный человекъ. Благодаря ему и ужасному Николаю Хитрову, зятю Кутузова, произошло несчастіе въ 1809 г. между нимъ и кн. Прозоровскимъ.

1827 г. этотъ молодой Бибиговъ погибъ въ Вильнѣ въ 1812 г. Онъ былъ легко раненъ, но на дворѣ было 28 градусовъ мороза; холодъ растравилъ рану, и Бибиговъ умеръ отъ гангрены.

экипажи и палатки визиря и старшихъ офицеровъ его арміи, министровъ и членовъ Дивана, которые всегда сопровождали визиря; ящики съ золотомъ и серебряными значками, которые визирь раздавалъ солдатамъ за отличіе¹⁾. Мы забрали верблюдовъ, лошадей и даже розовую воду, которую нашли въ изобиліи²⁾.

Теперь, когда лагерь былъ взятъ, позиціи заняты (что было дѣломъ получаса), всѣ лодки турокъ, бывшія на правомъ берегу, были также захвачены, турки, расположенные на лѣвомъ берегу, были окончательно окружены и блокированы.

Послѣ сего, Марковъ долженъ былъ бы оставить 2 батальона съ нѣсколькими казаками и артиллеріей на тѣхъ возвышенностяхъ, гдѣ онъ находился, а самому съ остальными войсками двинуться въ Рушукъ, куда онъ вошелъ бы такъ же легко, какъ и въ лагерь турокъ, такъ какъ ворота были открыты, и въ городѣ никакого гарнизона не было. Мухтаръ и Вели-паша (какъ мы уже видѣли), расположившись лагеремъ около валовъ, удалились и только вечеромъ, убѣдившись, что ни одного русскаго нѣтъ въ городѣ, они вернулись и снова заняли его. Рѣка Ломъ была тогда очень мелка и повсюду приходима вбродъ и, если она и могла составлять какое-либо препятствіе, то единственно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился Марковъ.

Если бы Рушукъ былъ занятъ, то на другой же день весь лагерь, вся непріятельская армія должны бы были сложить оружіе. Визирь не имѣлъ бы никакой возможности спастись, и это былъ бы первый примѣръ взятія въ плѣнъ визиря русскими. Слава и успѣхъ русской арміи достигли бы высшей степени. Аустерлицъ и Фридландъ тогда бы померкли; разнеслась бы молва, что мы взяли всю турецкую армію (конечно, умалчивая, что она состояла изъ 15 тысячъ), такъ какъ всякій предполагалъ бы, что визирь не беретъ съ собой менѣе 100 тысячъ!

Я совѣтовалъ Маркову не терять своихъ преимуществъ и предсказывалъ легкую возможность взятія Рушука, Марковъ отвѣчалъ,

¹⁾ У визиря было 2 палатки; одну изъ нихъ, очень большую, всю вышитую шелками, полковникъ Василій Иловайскій поднесъ Кутузову; но этотъ подарокъ не былъ знакомъ особенной доброты Иловайскаго, такъ какъ онъ себѣ оставилъ тоже палатку, которая была хотя и меньше первой, но зато вся вышитая золотомъ и цѣнилась страшно дорого. Этотъ Иловайскій, братъ Павла, убитаго при Батинѣ, былъ очень хорошій офицеръ, но казакъ въ полномъ смыслѣ слова. Его съ братомъ обвиняли въ томъ, что они силой отняли у казаковъ большую часть ихъ добычи и будто-бы послали на Донъ несмѣтные богатства.

²⁾ Весь нашъ лагерь былъ надушенъ, а солдаты даже напивали розовую воду въ свой супъ.

что таково и его намѣреніе; но этотъ человекъ не былъ способенъ рисковать чѣмъ-либо; онъ былъ счастливъ предшествовавшими удачами и зналъ, что будетъ награжденъ за нихъ, а до остального ему не было никакого дѣла. Изъ этого видно, что на войнѣ характеръ и способности генераловъ могутъ оказывать большое вліяніе на событія.

Какъ часто непонятно слагаются событія и случайности на войнѣ! какъ часто несправедливо и незаслуженно раздаются милости и награды! Кутузовъ и Марковъ были осыпаны ими; правда, эта слава скоро была отнята у нихъ тѣми, которые были въ состояніи ихъ судить и которые знали всѣ подробности этой кампаніи, но, все-таки, сначала ихъ превозносили до небесъ. Кутузовъ, послѣ цѣлаго ряда непростительныхъ ошибокъ, вдругъ видитъ себя увѣнчаннымъ побѣдой, не принимавъ даже участія въ инициативѣ, плодомъ которой была побѣда! Мѣсяць тому назадъ я жаждалъ перехода черезъ Дунай, за что я далъ бы ему фельдмаршальскій жезлъ, и если онъ не удостоился его получить тогда, это не была моя вина, такъ какъ я сдѣлалъ рѣшительно все, чтобы увѣрить его, безъ всякаго труда, не только дѣломъ, но даже и мыслию.

Марковъ, человекъ во многихъ отношеніяхъ не заслуживающій особеннаго уваженія, также и въ отношеніи своей личной отваги и храбрости, одно время стоялъ наравнѣ съ самыми великими генералами не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ. Онъ получилъ высшія военныя награды за то, что, когда представился удобный случай, онъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ, сдѣлалъ все, чтобы пропустить его. Если бы его судили такъ строго, какъ онъ заслуживалъ, то онъ навѣрное не былъ бы такъ награжденъ¹⁾.

Въ плѣнъ было взято около 300 чел., которыхъ отправили въ лагерь къ Кутузову. Среди плѣнныхъ находился и завѣдующій провіантской частью, до сихъ поръ еще никогда не выходившій изъ Константинополя. Этотъ провіантмейстеръ, увѣренный, что у насъ ему непременно отрѣжутъ голову, ужасно волновался; когда же онъ убѣдился, что ему не хотятъ причинить ничего дурного, и Куту-

¹⁾ Для своего оправданія Марковъ всегда имѣлъ секретное приказаніе Кутузова—завладѣть лагеремъ визиря и остановиться тамъ. Но если у Кутузова не хватило настолько энергіи, чтобы приказать взять Руцукъ, то Марковъ долженъ былъ имѣть ее настолько, чтобы безъ всякаго приказанія овладѣть Руцукомъ. Потери, которыя онъ бы понесъ, не могли сравниться съ блестящими результатами успѣха. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ приказаніи Кутузова и, конечно, если бы зналъ, то сдѣлалъ бы все, чтобы отмѣнить его.

зовъ принялъ его очень ласково, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и, задыхаясь отъ смѣха, началъ рассказывать намъ всѣ подробности бѣдствій, постигшихъ его самого и его товарищей по несчастію. Онъ былъ очень опечаленъ извѣстіемъ, что Кайя-бей (Голибъ-Ефенди) и князь Мурузи успѣли спастись¹⁾. Онъ посвятилъ насъ во всѣ мелочи организаціи снабженія турецкой арміи жизненными припасами, что показало намъ, что офицеры этой части у турокъ гораздо искуснѣе нашихъ въ дѣлѣ снабженія войскъ, что воображеніе наше положительно отказывается представить себѣ.

Оказалось, что визирь тоже былъ въ лагерь турокъ, и Марковъ, пропустивъ случай завладѣть Рущукомъ, долженъ былъ бы принять всѣ предосторожности, чтобы не дать бѣжать Ахмету.

Марковъ долженъ бы былъ всѣ турецкія лодки занять егерями и заставить ихъ всю ночь плавать по Дунаю, но онъ не подумалъ объ этомъ, а Кутузовъ не отдалъ никакого приказанія, хотя Сабанѣевъ и я, мы оба просили объ этомъ.

Наша флотилія, посланная для необходимой диверсіи около Мариатина, ниже Рущука, не могла быстро возвратиться обратно, такъ какъ этому мѣшало, теченіе рѣки, и она прибыла только 3-го октября, когда было уже поздно. Визирь бѣжалъ въ Рушукъ въ 9 ч. вечера; погода была туманная и дождливая. Выйдя, никѣмъ не замѣченный, изъ лагеря, онъ бросился въ маленькую лодку и съ помощью двухъ храбрецовъ достигъ города. Я предупредилъ объ этомъ Кутузова, говоря ему, что Ахметъ найдетъ способъ бѣжать, на что Кутузовъ мнѣ отвѣчалъ: „Я бы этого очень желалъ, такъ какъ у меня будетъ съ кѣмъ вести переговоры о мирѣ, котораго я такъ хочу“. Признаюсь, что глубина этихъ политическихъ соображеній была выше моего ума.

Если бы нами командовалъ Суворовъ, можно было бы навѣрное ожидать, что мы бы не были въ такомъ положеніи, какъ теперь, но если бы, даже случайно, мы были бы поставлены въ такое положеніе, то послѣ успѣха Маркова, Суворовъ навѣрное былъ бы въ Шумлѣ, а можетъ быть и дальше.

Вѣсть о взятіи турецкаго лагеря быстро распространилась по всей странѣ и произвела необычайную панику. Невозможно описать все, что творилось тогда у турокъ: многіе жители бѣжали изъ сво-

¹⁾ Мурузи, человекъ болѣе тонкій и осторожный, чѣмъ турки, предвидѣлъ раньше эту катастрофу и потому уже заранѣе отослалъ всѣ свои вещи въ Рушукъ, а самъ, какъ только завидѣлъ русскихъ казаковъ, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ Кадыкію. Голибъ-Ефенди поступилъ такъ же, но только гораздо позднѣе: а потому они оба и не были взяты въ плѣнъ.

ихъ деревень, Шумла оставлена безъ защиты, бѣглецы возвращали транспорты обратно и вернули войска, отправлявшіяся въ лагерь визиря. 20 нашихъ казаковъ въ Разградѣ могли бы изгнать жителей и завладѣть крѣпостями, а черезъ 10 дней наши аванпосты могли бы соединиться съ аванпостами Гампера и Грекова, перешедшими Дунай, одинъ у Силистріи, а другой у Туртукая. Визирь спасся въ Рушукъ, но его легко можно было заставить снова сдаться, если бы только одинъ казачій полкъ, нѣсколько драгунъ и баталіона два пѣхоты, оставленные въ Мариатинѣ, отрѣзали бы ему дорогу изъ Туртукая, а занявъ Пизанцскія дефиле, они также отрѣзали бы ему путь въ Разградъ. Но Кутузовъ не хотѣлъ прибѣгать ни къ одному изъ этихъ способовъ, такъ какъ онъ опять повторялъ, что если визирь будетъ взятъ въ плѣнъ, то некому будетъ вести переговоры о мирѣ.

Спасаясь въ Рушукъ, визирь приказалъ укрѣпить позицію у Кадыкіоя, гдѣ было 5 редутовъ и ни одного защитника. Марковъ, конечно, долженъ былъ отправить туда, въ самый день взятія турецкаго лагеря, 3 или 4 баталіона, но онъ не сдѣлалъ этого.

Визирь, придя въ себя, послѣ первыхъ страховъ, отправилъ туда Джаура-Гассана, который и собралъ тамъ около 2.000 бѣглецовъ и 2 пушки; наши казаки имѣли съ ними небольшое дѣло.

Я посоветовалъ Кутузову приказать Маркову отправить въ Кадыкію ген. Удолина и полковника Иванова, отважныхъ и дѣятельныхъ офицеровъ, съ 38-мъ и 10-мъ егерскими полками. Марковъ послушался, но только онъ непременно хотѣлъ самъ участвовать въ этой экспедиціи. Съ этихъ поръ, я предвидѣлъ, экспедиція не будетъ имѣть успѣха. И я не ошибся. Джауръ покинулъ 4 редута, а самъ заперся въ пятомъ, который легко можно было бы снести, такъ какъ онъ уже былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрушенъ выстрѣлами. Храбрые егеря, воодушевленные воспоминаніемъ о приступѣ Ловчи, просились наступать, но Марковъ, осмотрѣвъ издалека редутъ, рѣшилъ отступить, подъ предлогомъ, что онъ могъ быть отрѣзаннымъ войсками, находящимися въ Тырновѣ, что въ 80 верстахъ отъ Рушука, гдѣ кстати никого не было. Оправданіе было еще болѣе постыдно, чѣмъ самое отступление.

Марковъ приказалъ пѣхотѣ кричать „ура“ и отступилъ на другой день. Армія воспѣла его въ своихъ пѣсняхъ, но вѣдь пѣсня не беретъ Кадыкіоя, который такъ необходимо было занять.

Турецкая армія, остававшаяся на лѣвомъ берегу Дуная, ежедневно получала провизію съ праваго берега, но на другой день перехода Маркова, она осталась безъ фуража, безъ провіанта и безъ дровъ. Послѣ бѣгства визиря и стараго паши Корзли-Али, который

спасся вмѣстѣ съ Ахметомъ, молодой Чапанъ-Оглы остался одинъ командовать арміей ¹⁾).

Мы не сомнѣвались въ томъ, что этотъ блокированный турецкій корпусъ, лишенный подвоза продуктовъ и не имѣющій никакихъ надеждъ на спасеніе, долженъ сдаться намъ черезъ нѣсколько дней, но мы ошиблись въ нашихъ ожиданіяхъ.

Визирь увѣрилъ Чапана-Оглы, что онъ соберетъ войска и отброситъ Маркова; но не такъ-то легко было изгнать 8.000 русскихъ, укрѣпленныхъ на возвышенностяхъ, такъ какъ Марковъ на другой день взятія лагеря, приказалъ выстроить 5 редутовъ, изъ которыхъ одинъ былъ настоящей крѣпостью. Для того чтобы прогнать русскихъ изъ ихъ укрѣпленій, нужно было, по крайней мѣрѣ, 50 тысячъ, а визирь не могъ набрать и пяти.

Я уже довольно часто описывалъ умъ и военную организацію турокъ, чтобы снова повторять, что послѣ такого сильнаго пораженія, которое понесла турецкая армія, ни одинъ паша не рѣшится рисковать чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Нѣсколько турокъ, зная, какъ у насъ обращаются съ плѣнными; бѣжали къ намъ и рассказывали, что всѣ тѣ турки, которые уже сидѣли у насъ въ крѣпостяхъ, не желали бы ничего лучшаго, какъ сдаться, но что всѣ янычары были увѣрены, что мы всѣмъ имъ отрѣжемъ головы ²⁾, или отнимемъ все ихъ имущество и оружіе, составлявшее все ихъ богатство.

Что бы ни руководило турками, заставляя ихъ терпѣть всевозможныя лишенія, чтобы только не сдаваться, мы должны признаться, что стойкость и твердость, съ которой солдаты переносили всѣ страданія, были достойны восхищенія. Никогда еще турецкая армія не была въ такомъ ужасномъ положеніи. Уже черезъ три дня послѣ нашего перехода черезъ Дунай, они стали ѣсть своихъ лошадей, поколѣвшихъ отъ голода; эта отвратительная говядина продавалась

¹⁾ Чапанъ-Оглы былъ молодой человѣкъ, 26 лѣтъ, красивой наружности, хладнокровный по характеру и въ то же время энергичный, мужественный, но въ то же время очень высокомерный и гордый. Его отецъ, отличившійся въ войнѣ съ австрійцами въ 1788 году, имѣлъ 15 чел. дѣтей. Онъ былъ страшно богатъ и могъ вооружить 40 тысячъ чел. Султанъ его боялся и щадилъ его. Его фамилія, также какъ и Саза-Османа, была одна изъ самыхъ первыхъ въ Турціи по древности, богатству и могуществу. Они скорѣе данники, чѣмъ подданные повелителя, и этотъ пашалыкъ переходитъ отъ отца къ сыну. Султанъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы измѣнить этотъ обычай. Это настоящіе азіатскіе типы, очень мало цивилизованные, но великіе во всѣхъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

²⁾ Начальники поддерживали ихъ въ этомъ мнѣніи, чтобы они не приходили въ отчаяніе.

сначала по нѣаству за фунтъ, затѣмъ дороже, и они, не имѣя ни дровъ, ни соли, должны были ѣсть ее сырою.

Слѣдствіемъ этой ужасной пищи была сильная дизентерія, которая ежедневно уносила 40 или 50 человѣкъ. Имъ было трудно бороться съ этой болѣзью, такъ какъ у нихъ въ лагерь не было ни докторовъ, ни медикаментовъ ¹⁾. Умершихъ своихъ они хоронили очень поверхностно, и поэтому отъ могилъ шелъ страшный смрадъ, который, соединившись съ запахомъ, происходящимъ отъ дезинтеріи и отъ гнѣющихъ лошадиныхъ труповъ, былъ настолько силенъ, что невозможно было подойти къ лагерю ихъ, и мы сильно опасались чумы.

Марковъ выставилъ противъ турецкаго лагеря 40 мортиръ и пушекъ, изъ которыхъ производилась безостановочная стрѣльба. Ген. Гартингъ приказалъ выстроить, въ 100 фут. отъ праваго фланга турокъ, батарею на 6 орудій, а флотилію размѣстили поперекъ рѣки въ 60 фут. ²⁾. Гартингъ не покидалъ своей батареи, и хотя его предприимчивость всѣмъ была извѣстна, но онъ отдалъ здѣсь такую диспозицію, которая доказала мнѣ, что насколько онъ хорошій начальникъ отряда, настолько плохой инженеръ.

Флотиліей завѣдывалъ Акимовъ, который, оставаясь одинъ, всегда выказывалъ бездѣтельность и безразсудность, но всегда очень энергичный, когда его принуждаютъ дѣйствовать другіе.

Маленькій островокъ, расположенный по срединѣ рѣки, противъ центра турецкаго лагеря, былъ укрѣпленъ, и на немъ была поставлена батарея, которая была снесена по приказу Маркова отрядомъ 6-го егерскаго полка, подъ начальствомъ капитана Гасса, а находившіяся тамъ пушки намъ оченьгодились. Всѣ наши батареи положительно давили турецкій лагерь, особенно батареи Гартинга и флотилія окружали его съ одного конца до другого.

Когда несчастные турки, чтобы избѣжать нашего ужаснаго

¹⁾ Нельзя себѣ представить то преступное равнодушіе, съ которымъ турки относятся къ своимъ раненымъ и больнымъ, и тотъ недостатокъ заботъ, которыми они ихъ окружаютъ. Мы не видѣли ни докторовъ, ни аптекарей, ни хирурговъ, принадлежащихъ къ ихъ арміи. Паша и греческіе князья, служащіе какъ драгоманъ, тѣ еще имѣютъ такъ называемаго врача, обыкновенно какого-нибудь деревенскаго цирульника, но и эти цирульники занимались только тѣми, кому принадлежали, а несчастные солдаты, покинутые въ своихъ палаткахъ на произволъ судьбы, часто умирали съ голоду.

²⁾ Гартингъ поставилъ флотилію такъ, не смотря на всѣ протесты марковъ, и доказалъ мнѣ, что это было возможно, если теченіе не очень быстро. 4—5 лѣтъ назадъ, всѣ офицеры флота и само адмиралтейство письменно дало противное мнѣніе и я уступилъ.

огня, спасались въ свои редуты, я выставлялъ, по-батарейно, по 50 орудій или гаубицъ и, стрѣляя гранатами въ ихъ массы, истреблялъ людей, заставляя ихъ возвращаться въ лагерь. Наконецъ, они были принуждены вырыть ямы, въ которыхъ и сидѣли дни и ночи, часто умирая съ голода.

Ни одинъ визирь никогда еще не находился въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ Ахметъ. Онъ потерялъ свою армію, все свои запасы, весь обозъ и чувствовалъ, что онъ можетъ потерять нѣкоторыя крѣпости, а затѣмъ и свою голову. Онъ видѣлъ, что онъ никакъ не можетъ намъ сопротивляться, если мы хоть сколько-нибудь двинемся впередъ; но, несмотря на все это, онъ все-таки вышелъ изъ этого положенія, какъ человѣкъ ума. Суворовъ, какъ-то, сказалъ, что никто не можетъ обмануть Кутузова, даже Рибасъ ¹⁾; это было сказано, чтобы польстить его уму. Ахметъ оказался тоньше Рибаса, такъ какъ обманулъ Кутузова; хотя, надо прибавить, нынѣшній Кутузовъ не былъ Кутузовымъ 1786 года.

Какъ странно было видѣть нашего главнокомандующаго, послѣ такого блестящаго успѣха, безпокоющагося за положеніе Маркова. Онъ опасался, чтобы визирь не собралъ свои войска, и чтобы Измаиль-бей не вошелъ въ Видинъ, несмотря на то, что ему нужно было 15 дней для прибытія туда, да онъ и не могъ привести туда болѣе 10 тысячъ чел., которые могли бы угрожать наступленію Маркова. Въ этомъ и состоялъ главный недостатокъ Кутузова, который господствовалъ надъ всѣми его качествами.

Со слѣдующаго дня бѣгства визиря въ Рушукъ, насъ начали одолѣвать посылаемые имъ парламентеры. Я умолялъ Кутузова не принимать ихъ, требовать сдачи лагеря и Рушука или овладѣть ими однимъ смѣлымъ натискомъ, а затѣмъ идти впередъ, взять Шумлу и подписать миръ на барабанѣ, у подножія Балканъ.

Я хорошо зналъ турокъ и зналъ также, что если мы не воспользуемся случаемъ соблюсти свои выгоды (что упустилъ гр. Каменскій, послѣ сраженія при Батинѣ), когда изъ страха они рѣшительно на все согласятся, то выказывать имъ слабость и снисхожденіе значитъ—дать имъ возможность почувствовать себя бодрѣе, и тогда они не легко пойдутъ на уступки.

Всякая нація, будь она даже не цивилизованная, гордая, низкая, пресмыкающаяся или заносчивая или неспособная понимать какія-

¹⁾ Мы видѣли въ журналѣ 1790 г., что адмиралъ Рибасъ игралъ большую роль въ войнѣ 1788 г. Это былъ человѣкъ необыкновенно тонкій и ловкій, но страшно безправственный.

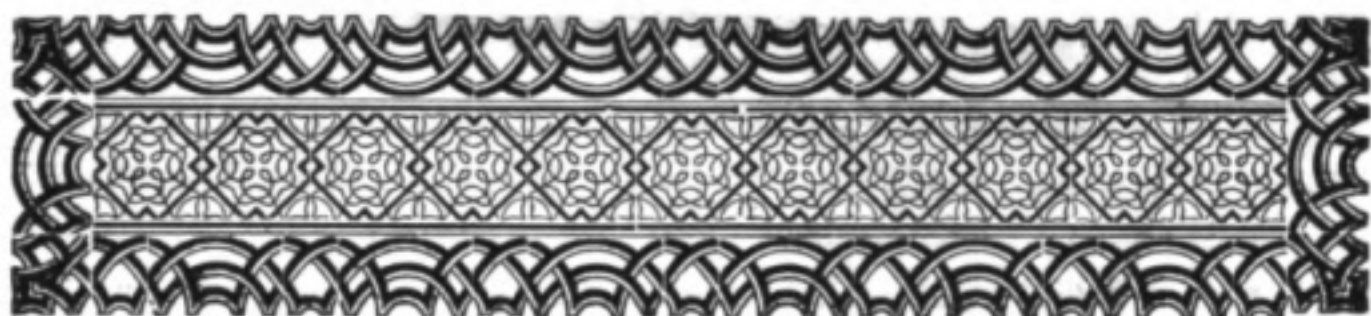
либо деликатныя отношенія, всегда принимаетъ доброту и мягкость только за слабость и безсиліе. Доброта же Кутузова увѣрила визиря, что мы были не такъ сильны, какъ онъ предполагалъ раньше, и онъ рѣшилъ заставить насъ потерять драгоцѣнное для насъ время. Онъ правильно разсудилъ, что позднее время года не позволить намъ предпринимать крупныя операціи, а этого времени будетъ вполне достаточно, чтобы турки оправились отъ страха и снабдить Руцукъ провизіей.

Все это удалось ему только отчасти. Онъ отправлялъ въ Руцукъ все, что онъ могъ достать у вооруженныхъ мѣстныхъ жителей (часто турецкія войска состоятъ только изъ нихъ). Неподвижный Марковъ нисколько не противился его дѣйствіямъ, такъ какъ Кутузовъ ему ничего не приказывалъ, а съ 500 казаками онъ могъ бы войти въ Руцукъ и остановить подвозъ провизіи, но онъ не сдѣлалъ этого и вообще не сдѣлалъ ничего.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В о л о д и м і р і я.

(СЪ ПЛАНОМЪ).

Такъ называлась въ древности земля между рѣками Нѣманомъ, Припетью и З. Бугомъ, когда ею владѣли потомки Рюриковичей, Владиміра Святого и Мономаха. Земля эта, при основаніи Русскаго Государства, была населена славянами, племенами: дреговичей, бужанъ, дулебовъ и на-ревьянъ. По сосѣдству, на сѣверо-западѣ, жили дикіе ятвяги, которыхъ судьба тѣсно связана съ Володимірскимъ княжествомъ. Въ концѣ X вѣка, при Олегѣ, дреговичи были уже подвластны ему и потомъ Кіевскимъ князьямъ, соприкасаясь по сѣверо-западной границѣ съ ляхами и ятвягами. Въ 983 году Володиміръ, добывши Червенскіе города, побѣдилъ ятвяговъ и занялъ ихъ землю, нынѣшнюю Ломжинскую губернію по сосѣдству съ С.-З. съ Гродненскою губерніею. Онъ же распространилъ христіанство въ Червенскихъ городахъ и въ Володиміріи. Въ 1040 году Ярославъ пошелъ на ятвяговъ, но не смогъ ихъ побѣдить окончательно. Онъ плылъ по З. Бугу, и при немъ вся нынѣшняя Гродненская губернія къ востоку отъ З. Буга была уже вотчиннымъ достояніемъ Кіевскихъ великихъ князей, и уже существовалъ укрѣпленный пунктъ Гродно. Изяславъ Владиміровичъ въ 1052 году получилъ въ удѣлъ западную Русь до горъ Карпатскихъ и наслѣдовалъ Кіевъ. Восточная половина Гродненской губерніи управлялась Туровскими удѣльными князьями, а западная Владиміро-Волынскими удѣльными князьями Изгоями Ростиславичами. Когда великій князь Андрей Боголюбскій (1169—1175) отвернулся отъ Кіева и основался во Владимірѣ, западная Русь, Кіевская со всѣми княжествами и удѣлами, осла-

была и въ междоусобной войнѣ, послѣ пораженія Андрея Боголюбскаго, Мстиславомъ Ростиславичемъ Храбрымъ, она сдѣлалась въ 1175 году какъ бы независимою отъ великихъ князей восточной, Владимірско-Московской Руси. Отъ Ярослава до князя Данила Романовича Галичскаго и Червонной Руси, правнука Ярослава, соединившаго западную Русь въ одно цѣлое, подъ именемъ Галицкаго Королевства, Володимірія была русскою землею и управлялась удѣльными князьями изъ рода Ростиславичей, внуковъ Ярослава. Этотъ періодъ отличался, тѣмъ не менѣе, безконечными смутами и войнами, съ одной стороны съ поляками и венгерцами, а съ другой съ литовцами и ятвягами. За это же время случился татарскій погромъ, который въ 1241 году достигъ Карпатъ, разоривъ всю западную Русь до Володимірія включительно. Эти остатки татаръ-мусульманъ и понынѣ живутъ въ Гродненской губерніи почти во всѣхъ уѣздахъ, до 2.355 д. об. п. Ихъ поляки причислили къ шляхтамъ, къ мелкому дворянству, со всѣми правами и преимуществами польской шляхты. Въ 1188 году Галицкій престолъ, по единодушному избранію, былъ переданъ Роману Мстиславичу, который соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ разрозненныя силы Юго-западной Руси. Лѣтописи XI и XII столѣтій упоминаютъ о городахъ Брестъ, Дрогичинъ, Слонимъ и Городкъ. Романъ въ 1200 году ходилъ на Литву и покоренныхъ литовцевъ заставилъ обратиться къ земледѣлію. По смерти Романа въ 1205 году снова было не мало междоусобій и войнъ съ сосѣдями. Собственно Володимірією управляла вдовствующая княгиня до 1213 года, когда престолъ былъ переданъ ею ея сыну Данилу Романовичу. Это царствованіе было тяжелое, какъ изъ-за татарскаго нашествія и разоренія всего края, такъ и враждебнаго отношенія къ нему сосѣднихъ народовъ: нѣмцевъ, ляховъ, венгерцевъ. Пограничный городъ Дрогичинъ въ это время игралъ важную пограничную роль, и тамъ же Данилъ принялъ въ 1254 году королевскую корону. Городъ Холмъ сдѣлался тогда же около 1271 года, послѣ общаго татарскаго погрома, столицею государства Червонной Руси (отъ древняго Червеня близъ Холма). Народъ Червонной Руси и Володимірія, всей Гродненской области, былъ уже въ это время вполне православнымъ, но такъ какъ русскіе князья роднились съ польскими и литовскими князьями, то католичество начало незамѣтно проникать, съ запада, въ русскія земли. Къ концу царствованія Данила Романовича, онъ предпринялъ рѣшительный походъ противъ ятвяговъ, послѣ котораго ятвяги разсѣиваются во всѣ стороны и окончательно исчезаютъ въ 1281 г. Но это, теперь пустое мѣсто, обиталище бывшихъ ятвяговъ, довольно скоро заняли отчасти литовцы, поляки и рыцари, и опять начинается

тревожное время вторженія сосѣдей въ Русско-Галицкое княжество и въ сосѣдственную Володимірію. Последняя во всякомъ случаѣ существовала самостоятельно, хотя подъ татарскимъ игомъ до 1292 г., въ рукахъ Даніилова потомства. Но и послѣ этого князь Юрій I, уже зависимый отъ Литвы, употреблялъ титулъ Короля Русскаго и князя Володимірскаго, а его сыновья Андрей и Левъ подписывались въ 1316 г. князьями земли всея Руси, Галиціи и Володимірін. Далѣе отмѣчается, что въ 1334 и 1335 году Юрій II употреблялъ титулъ князя всей Малой Руси. Соловьевъ говоритъ, что Галицкъ и Володимірь были соединены подъ властью одного князя, назвавшагося Малороссійскимъ, при чемъ бояре и дружины сохраняли по-прежнему свое значеніе. Юрій II умеръ въ 1339 г., и престолъ перешелъ къ его сестрамъ. Въ 1340 г. Галичъ захваченъ образомъ сдѣлался достояніемъ Казимира Польскаго, а Володимірь остался за Любартомъ Мазовецкимъ, женатымъ на сестрѣ Юрія, но съ подчиненіемъ и зависимостью отъ Литвы, которая къ 1315 г. владѣла уже номинально всѣми русскими землями вокругъ Володимірін, при Литовскомъ князѣ Витенесѣ; ему подчинялись уже всѣ русскіе удѣльные князья, потомки Рюрика, въ Пинскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ и Туровскѣ. Русскій народъ вѣрилъ и повиновался литовскимъ князьямъ, которые охраняли церковь, обычаи, нравы и народность; они же были достаточно сильны для отраженія, отъ набѣговъ, татаръ. Но въ 1324 г. Володимірія окончательно упраздняется при Гедеминѣ Литовскомъ, который ее подчиняетъ себѣ вмѣстѣ съ Кіевомъ и всею Западною Русью. Съ этихъ поръ исторія Литвы и ея князей, съ ихъ распрями, поглощаетъ совершенно исторію потомковъ Рюриковичей въ Западномъ краѣ, которые обращаются въ бояръ, хотя бы знатнаго происхожденія, но вполне уже зависимыхъ отъ Литовскихъ великихъ князей. Тѣмъ не менѣе, русская народная, культурная жизнь, какъ стоявшая выше литовской, должна была брать верхъ, и русскіе законы, общественное устройство, самый языкъ и православіе, овидѣтельствовали о томъ, что Литва мало отличалась отъ Западной Руси по единству жизни и управленія. Даже главный городъ Вильно смотрѣлъ русскимъ городомъ по своей жизни, церквамъ и говору. По вступленіи на престолъ Великаго Князя Литовскаго Ягелло, онъ обѣщалъ, за руку польской Королевы Ятвиги, польскому дворянству и католическому духовенству, не только ввести господство Римской церкви во всемъ Литовскомъ государствѣ, но даже и всѣхъ русскихъ подданныхъ обратить къ папскому престолу. Съ этого часу начинаются всѣ несчастія Великаго Княжества Литовскаго и съ нимъ всего русскаго народа Западнаго края. Самостоятельность Великаго

Княжества Литовскаго исчезаетъ по соединеніи Литвы съ Польшею въ 1369 г., а затѣмъ въ 1569, по Люблинской уніи, это уже свершилось окончательно. Тогда же за Польшею, Соборомъ въ Брестѣ, въ 1596 г., былъ утвержденъ преимущественный голосъ управленія и владѣнія Литовско-Польскимъ государствомъ. Въ то же время начало распространяться усиленно, по всей западной Руси, католичество, польскіе обычаи и нравы и водвореніе въ краѣ польскаго землевладѣнія, съ неслыханными злоупотребленіями и окончательнымъ подчиненіемъ Папѣ всей Западо-Русской іерархіи. Какимъ испытаніямъ подвергался русскій православный народъ, видно изъ слѣдующаго: церкви въ большихъ городахъ запечатывались; церковное имѣніе расхищалось; дѣти умирали безъ крещенія; тѣла умершихъ вывозили изъ городовъ, какъ падалъ; народъ умиралъ безъ исповѣди. Монаховъ ловятъ, бьютъ, сажаютъ въ тюрьму. Церкви отдавались евреямъ въ аренду и за всякую службу, за совершеніе таинства, принимали опредѣленную плату. Такое положеніе народа заставило казаковъ взяться за оружіе, и съ этого началось разложеніе Польши по частямъ. Русскіе бояре, прельщенные польскими привилегіями и обѣщаніями, переходили постепенно въ католицизмъ и забросили свой языкъ, свои обычаи и нравы, замѣнявъ все польскимъ и католичествомъ. Только русскій народъ, со своими пастырями, оставались вѣрны православію и своей народности съ языкомъ, поддержанные Кіевомъ и его священствомъ. Послѣ соединенія Литвы съ Польшею, страна между Припетью, З. Бугомъ и Нѣманомъ, до раздѣла Польши въ XVIII столѣтіи, входила въ составъ воеводствъ: Троцкаго, уѣзды Гродненскій и Сокольскій; Новогрудскаго, уѣзды Слонимскій и Волковыскій; Брестскаго, уѣзды Брестскій, Кобринскій и Пружанскій, и Подлясскій, уѣзды Бѣльскій и Бѣлостокскій. Первые три воеводства считались за Литвою и слѣдовали Литовскому статуту и закону, а Подляское было присоединено къ Польшѣ и пользовалось польскими правами и законоположеніями. Въ народѣ уѣзды Гродненскій, Волковысскій, Слонимскій и Пружанскій назывались издавна Черною Русью¹⁾. Уѣзды Кобринскій, Брестскій назывались Полѣсьемъ, а три западные уѣзда: Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій назывались Подлясьемъ. Отъ русской старины, истребленной фанатизмомъ католиковъ и іезуитами, остался къ 60 годамъ XIX столѣтія на берегахъ р. Лѣсны, въ Брест-

¹⁾ По Кояловичу это прозвище произошло отъ черной и бѣлой верхней одежды и овецъ черныхъ и бѣлыхъ въ хозяйствахъ тѣхъ и другихъ. Черною Русью съ XIV ст. называлась Кривская земля, съ населеніемъ кривичей, которая въ половинѣ XIII вѣка вошла въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Южная часть этихъ кривичей жила во Володиміріи.

скомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Каменцѣ, каменный столбъ, воздвигнутый внукомъ Романа, въ XIII столѣтіи; другой памятникъ—это церковь въ Гроднѣ, у устья Родничанки, Коложанская церковь XII столѣтія, воздвигнутая Гродненскимъ княземъ Всеволодомъ, своякомъ Владимира Мономаха. Въ 1851 году въ этомъ храмѣ еще совершалось богослуженіе.

По послѣднему раздѣлу Польши въ 1795 году Гродненская область присоединена къ Россіи, и жители ея сравнены съ прочими подданными имперіи, введеніемъ учрежденія о губерніяхъ. Собственно начало Гродненской губерніи положено въ 1801 году, указомъ о пяти новыхъ губерніяхъ. Бѣлостокская область, принадлежавшая Польшѣ, въ 1807 году была присоединена къ Гродненской губерніи по Тильзитскому миру. Въ 1843 году Гродненская губернія окончательно устроилась такою, какою мы знаемъ ее въ настоящее время ¹⁾; но тутъ не лишнее указать, что еще Царь Алексѣй Михайловичъ, принявъ подданство Малороссіи въ 1654 году, по опредѣленію Соборной Думы, и, объявивъ войну Польшѣ, дойдя побѣдоносно до г. Гродно, принялъ титулъ Великаго князя Литовскаго. Въ смыслѣ собиранія русскихъ земель это очень крупное, хотя и забытое событіе, совершившееся далеко ранѣе раздѣла Польши въ 1772 г. Другое видное событіе свершилось гораздо позже въ 1839 г., когда уніаты Люблинской уніи, въ 1569 г., были воссоединены съ православіемъ при императорѣ Николаѣ I, и Володимірія, сдѣлавшись вновь русскою страной, порвала навсегда связь съ Польшею. Въ 1874 году, уніаты въ Холмщинѣ, въ столицѣ Даніила Романовича, одинаково приняли православіе, которое такимъ образомъ, послѣ 300 лѣтняго отторженія, вновь восстановлено во всемъ Западномъ русскомъ краѣ, въ этомъ достояніи Кіевской Руси и Рюриковичей. Площадь Гродненской губерніи составляетъ 33.901 кв. версту, съ населеніемъ по переписи 1897 г. въ 1.603.000 душъ обоего пола.

10 ноября 1863 года, я имѣлъ счастье повергнуть на воззрѣніе Императора Александра II, только что законченный составленіемъ, атласъ народонаселенія Западно-русскаго края по исповѣданіямъ. Онъ былъ составленъ по приходскимъ спискамъ всѣхъ исповѣданій, при чемъ всѣ приходы, обозначенные на картахъ 10—15 верстнаго масштаба, имѣли на поляхъ картъ, повторительно, перечень тѣхъ же приходовъ, съ показаніемъ числа душъ обоего пола и существующихъ братствъ, этихъ устоевъ древняго православія. Братства

¹⁾ Матеріалы для географіи и статистики Россіи. СІІБ. 1863 г., ч. I. II. Бобровскій.

(братины) существовали издавна. Ихъ назначеніе было праздновать извѣстный церковный праздникъ общимъ братскимъ пиромъ, при томъ въ складчину. Этотъ обычай получилъ широкое примѣненіе и значеніе въ городахъ Западной Руси, жалованныхъ магдебургскимъ правомъ, съ точнымъ опредѣленіемъ общинной формы цехового устройства. Тутъ религіозная сторона соединялась съ ремесленно-цеховою. Братства эти въ XVI столѣтіи, всенародно, защищались отъ католическихъ претензій, имѣли свой домъ, типографію, школу, издавали книги и отстаивали всячески свое православіе. Всѣ они только считались уніатами, оставаясь въ корнѣ вѣрны православію. Кромѣ того каждая карта, губернія имѣла свою статистическую таблицу по исповѣданіямъ и народностямъ. Это дорогое изданіе было выпущено скороспѣлкою въ 100 экземплярахъ и въ виду повстанческой смуты въ 1863 г. было отослано по экземпляру и по указанію князя Горчакова, въ Лондонъ, Парижъ, Римъ, Вѣну и Берлинъ. Второе изданіе, исправленное мною, появилось въ 1864 г. и было, какъ и первое, издано на средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но подъ кличкою дѣйств. ст. сов. П. Н. Батюшкова, завѣдывавшаго постройкою церквей въ Западно-русскомъ краѣ. Одновременно были составлены такого же сорта двѣ карты по исповѣданіямъ и народностямъ всей восточной половины Привислянскаго края по источникамъ, доставленнымъ намъ Н. А. Милутинымъ. Эта полоса оказалась литовско-русскою и уніатскою въ Сувальской, Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, и такое положеніе народа послужило къ тому, что въ 1874 г. уніатовъ Люблинской губерніи было возможно пріобщить также къ православію. Теперь вопросъ объ отдѣленіи Холмщины отъ Привислянскаго края на очереди, и разрѣшеніе его ожидается съ нетерпѣніемъ.

Когда мнѣ пришлось, въ 1862—1864 г., объѣзжать православные приходы, съ цѣлью обновленія и отстройки православныхъ церквей, обнаружилось совершенно ясно, что не имѣя картъ, по которымъ можно было бы ориентироваться, по отношенію къ католическимъ костеламъ, окружавшимъ православные приходы, до тѣхъ поръ трудно было опредѣлить, что сдѣлать: отремонтировать ли церковь или отстроить вновь? Это своего рода стратегическое соображеніе получалось только тогда, когда имѣлась на картѣ цѣльность исповѣднаго вопроса съ его отношеніемъ и расположеніемъ, въ кра-скахъ, всѣхъ приходовъ безразлично, что и было вполне достигнуто и доказало совершенно ясно, что край по большинству площади и населенія вполне православный и русскій и назвать его польскимъ, католическимъ, было бы этнографическимъ преступленіемъ. Исключеніе составляли Ковенская губернія, вся католическая, и западная

половина Виленской губерніи. Восточная половина Виленской губерніи, отъ Свѣнцянъ на Ошмяны и Лиду, исключительно православное населеніе, съ русскимъ типомъ, съ чисто-русскою рѣчью и съ нравами и обычаями, какое встрѣчается въ Смоленскѣ и въ Могилевѣ.

При представленіи Государю Императору этого атласа было обращено особое вниманіе на Гродненскую губернію, которая, какъ Саламандра, не сгорѣла въ католическо-польскомъ огнѣ, а предстала, почти безъ измѣненія, со времени Владиміра Св. и Мономаха. Этимъ она обязана, какъ упомянутому атласу, такъ въ особенности матеріаламъ по географіи и статистикѣ Гродненской губерніи П. Бобровскаго, который своимъ многолѣтнимъ трудомъ въ Гроднѣ доказалъ, что его замѣчательная, многолѣтняя работа посвящена безпристрастно и исключительно преобладающему русскому, православному населенію. Этой побѣдою, этимъ собираніемъ русскихъ земель мы широко воспользовались и доложили объ этомъ Государю Императору. Его Величество заинтересовался и расспрашивалъ о краѣ, коснувшись даже татаръ, тутъ поселенныхъ и нѣкогда громившихъ Россію.

Въ то время, въ 1862 г., считалось въ Гродненской губерніи, по приходскимъ спискамъ:

православныхъ	55,6 ⁰ / ₀
католиковъ	31,4 ⁰ / ₀
іудеевъ	12,26 ⁰ / ₀
Изъ нихъ бѣлоруссовъ и черноруссовъ .	57,9 ⁰ / ₀
Малороссовъ	19,29 ⁰ / ₀
<hr/>	
Всего русскихъ	77,19 ⁰ / ₀
Поляковъ и мазуровъ .	9,52 ⁰ / ₀
Евреевъ	12,26 ⁰ / ₀

Слѣдовательно, окатоличенныхъ русскихъ, но говорившихъ по-русски, было въ 1862 году—21,8⁰/₀.

Православныхъ приходовъ, братствъ и костеловъ было въ 1862 году слѣдующее число, по уѣздамъ:

У ѣ з д ы:	Правосл. приходы.	Братства.	Костелы.
Гродненскій	26	11	20
Брестъ-Литовскій . .	78	44	11
Кобринскій	75	41	8
Слонимскій	61	26	17
Волковысскій	36	20	18

У ѣ з д ы:	Правосл. приходы.	Братства.	Костелы.
Пружанскій	31	8	7
Бѣлостокскій	14	4	18
Бѣльскій	41	24	26
Сокольскій	9	5	16
	321	183	141

Тонкая западная пограничная полоса Гродненской губерніи, уѣзды Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій, съ городомъ Дрогичнымъ во главѣ, указываютъ на потуги поляковъ заселить русскія земли своими людьми, но это удалось въ довольно умѣренныхъ размѣрахъ. А вторженіе банды повстанцевъ у Семятичей въ 1863 г., около всегдашнихъ воротъ всякаго польскаго нашествія, со стороны Дрогичина было остановлено русскими войсками въ самомъ началѣ, въ январѣ 1863 г., и этимъ дѣломъ сразу отстояли Западно-Русскій край отъ всякихъ волненій.

По всенародной переписи 1897 г. вотъ что представляетъ изъ себя Гродненская губернія по народности и исповѣданію:

Русскихъ: Великоруссовъ	4,6%
Малоруссовъ	22,6%
Бѣлоруссовъ и чернорус.	44,0%

Всего русскихъ . . 71,2%

Поляковъ	10%
Евреевъ	17%
Православныхъ	57,3%
Католиковъ	24,1%
Иудеевъ	17,0%

Изъ этого слѣдуетъ, что православныхъ противъ 1862 года почти на 2% больше, католиковъ на 7% меньше, а іудеевъ на 5% больше.

Русскихъ оказалось по переписи меньше на 6%. Поляки прибрѣли 1/2%, а евреи 5%. Совращенныхъ въ католичество русскихъ въ 1897 году оказалось только 122.368 душъ обоего пола или 7,9%.

По уѣздамъ и по языку оказалось слѣдующее распредѣленіе:

У ѣ з д ы.	% Русскихъ.	% Поляковъ.	% Евреевъ.
Гродненскій	72	5,5	14,5
Брестскій	70,4	3,9	20,7

У ѣ з д ы:	% Русскихъ.	% Поляковъ.	% Евреевъ.
Бѣлостокскій . .	33,1	33,9	28,3
Бѣльскій . . .	50,2	35,6	14,9
Волковысскій . .	84	1,5	12,3
Кобринскій . . .	83,5	2,2	13,6
Пружанскій . . .	85,1	1,3	12,8
Слонимскій . . .	82,5	1,5	10,6
Сокольскій . . .	86	1,1	12,1

По исповѣданіямъ получаемъ слѣдующее распредѣленіе по уѣздамъ:

У ѣ з д ы.	% Православ- ныхъ.	% Католиковъ.	% Іудеевъ.
Гродненскій . . .	50,1	26,7	14,5
Брестскій . . .	70,9	6,3	20,7
Бѣлостокскій . .	20,1	47,1	28,3
Бѣльскій . . .	48,2	37	14,9
Волковысскій . .	57,9	29,2	12,3
Кобринскій . . .	82	2,8	13,6
Пружанскій . . .	78,8	7,8	12,8
Слонимскій . . .	74	10,3	10,6
Сокольскій . . .	18,1	69,2	12,1

Изъ этихъ двухъ таблицъ видно, что въ 8 уѣздахъ сильно преобладаетъ русскій элементъ и, какъ было уже указано, Бѣльскій и Бѣлостокскій уѣзды нѣсколько ополячены. Что же касается собственно католичества, то оно преобладаетъ въ Сокольскомъ уѣздѣ, куда при Рѣчи Посполитой ссылались преступники (курпики), и гдѣ когда-то жили ятвяги, земли которыхъ, по ихъ истребленіи, заняли сосѣдственные съ ними мазуры.

Казалось бы, что послѣ этихъ цифровыхъ и историческихъ доводовъ, не можетъ быть сомнѣнія, что Гродненская губернія не менѣе русская, чѣмъ всѣ 6 западно-русскихъ губерній, гдѣ теперь хотятъ ввести земство, и что какіе-то два уѣзда, на крайнемъ западѣ, съ польско-католическимъ населеніемъ, не могли бы этому препятствовать. Должно было полагали, что Гродненская губернія должна быть причислена къ литовскимъ, какъ ближайшая къ Литвѣ и Польшѣ, но оказывается, что литовцевъ тамъ живетъ только 0,2% или 3.893 души, и это на сѣверѣ, по границѣ, въ уголку. О полякахъ уже указано выше, ихъ вѣдь только 10%, а католиковъ, считая русскихъ, соврацѣйныхъ 24%. Значитъ, есть какая-нибудь другая причина. Вводя земство, должно было сомнѣвались, будетъ ли

настолько силенъ русскій элементъ, чтобы при выборахъ, а потомъ въ управахъ, удержать за собою первенство. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только степенью культурности населенія, его грамотностью, что дадутъ слѣдующія данныя: на все населеніе губерніи 1.603.000 душъ обоого пола приходится грамотныхъ обоого пола—русскихъ 16,6%, изъ нихъ въ уѣздахъ безъ городовъ 14,3%, а въ городахъ 2,2%. Поляковъ грамотныхъ въ губерніи приходится 4,2%, въ уѣздахъ 3,1%, а въ городахъ 1,1%. Изъ этого усматривается, что грамотныхъ вообще, поляковъ-католиковъ въ 4 раза меньше русскихъ православныхъ людей, и что они вовсе не составляютъ угрозы для подавленія, униженія, ослабленія русскаго элемента по выборамъ, въ управахъ и по найму лицъ, для исполненія работы въ управахъ и на мѣстѣ (3-й элементъ). Но такое дѣло можетъ случиться въ западныхъ уѣздахъ, гдѣ одна треть католиковъ, однако и тутъ возможны поправки, призвавъ къ земской дѣятельности всегдашнихъ руководителей народа, духовенство, братчиковъ, т. е. тѣ устои нашей государственности, которые сохранили Россію въ этой губерніи, ея обликъ, языкъ и укладъ жизни, съ вѣрою. И это не будетъ исключеніе, а государственная потребность, не менѣе важная, чѣмъ разрѣшеніе финляндскаго вопроса! Нужно быть справедливымъ къ чужимъ, но и себя нельзя забывать! Вѣдь все-то дѣло изъ-за двухъ уѣздовъ и одной трети католиковъ. Замѣтимъ еще слѣдующее: грамотность въ Гродненской губерніи начала подниматься только съ 1863 года, т. е. послѣ повстанія. Населеніе въ возрастѣ отъ 40—49 лѣтъ, т. е. 60-хъ годовъ, считаетъ грамотныхъ въ половину меньше, чѣмъ отъ 30—39 лѣтъ, 70-хъ годовъ (14.601 и 31.166 душъ обоого пола); а въ 20—29 лѣтъ, оно удваивается съ (66.918) 80-хъ годовъ, продолжая повышаться относительно, изъ года въ годъ. И такое повышеніе идетъ равномерно, по всему племенному фронту; а такъ какъ русскихъ несравненно больше въ губерніи, чѣмъ остальныхъ народностей, то слѣдуетъ ожидать, что въ очень скоромъ времени процентъ грамотныхъ, культурныхъ русскихъ людей будетъ настолько великъ, что не будетъ никакой опасности въ перевѣсѣ польско-католическаго натиска и обезличенія нашихъ сородичей въ той исконно русской землѣ, которая по сю пору не забываетъ ни Кіева, ни своихъ Великихъ Князей, тѣмъ болѣе Императора Александра II, даровавшаго населенію, крестьянству, свободу въ 1861 году, а теперь имѣющая защиту своей національности, своего языка, религіи и равноправности, со всѣми панами и нѣкогда угнетавшей его шляхты! Увеличеніе русскихъ школъ, въ особенности ремесленныхъ, это та сила, по сосѣдству поляковъ, которая высоко подниметъ русскую

націонал
ненская
быть спо
жалѣть,
всѣми си
исторія
и имъ
польскихъ
эта Воло
нена по
за нею
къ Литв
кости др
Владиміръ

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 15 іюня по 3 августа 1910 г.**

Верховской, П. В., проф. Исторія и юридическія условія присоединенія Финляндіи къ русской государственной территоріи (Публичная лекція, прочитанная 4-го апрѣля 1910 года въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ и 30-го апрѣля того же года въ Вильнѣ въ Русскомъ общественномъ Собраніи). Варшава. 1910. Тип. Губернская. 8° (13×21). 81 стр. Ц. 30 к. Въсь 7 л. 300 экз.

Грунскій, Н. К., проф. Древне-церковно-славянскіе тексты (Пособіе при практическихъ занятіяхъ). Юрьевъ. 1910. Тип. К. Маттисена. 8° (16×24). 36 стр. Въсь 4 л. 300 экз.

Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матерьялы для исторіи недавняго прошлаго Прибалтійской окраины (1895—1904). Т. III. Спб. 1910. Тип. В. М. Экиксъ (Невскій, 74). 8° (17×25). LIX+334+IX стр. Съ портр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 20 л. 2.000 экз.

Кауфманъ, Н. П. Серебряный рубль въ Россіи отъ его возникновенія до конца XIX вѣка. Опытъ изслѣдованія. Спб. 1910. Тип. В. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (20×28). 268 стр. Ц. 2 р. Въсь 2 ф. 500 экз.

Овсянко-Куликовскій, Д. Н. Собраніе Сочиненій. Томъ VII. Исторія Русской интеллигенціи. Часть 1-я. Спб. 1910. Изд. и тип. Т-ва Общественная польза (Б. Подъячская, 39). 8° (17×24). 324 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 3 л. 4.000 экз.

Пятидесятилѣтній юбилейный сборникъ Кіево-Фундуклеевской женской гимназіи 1860 $\frac{7}{1}$ 1910. Кіевъ. 1910. Тип. Русская Печатня (Михайловск. пр., 20). 8° (16×24) 50 стр. Ц. 30 к. Въсь 7 л. 600 экз.

Романовъ, Е. Извѣщенія Литовскаго Епархіальнаго Древнехранилища. № 2. 15-го марта 1910 г. Вильна. 1910. Тип. Русскій Починъ. 8° (15×23). 17 стр. Въсь 1 л. 250 экз.

Яворскій, Н. Д. Замѣтки по Исторіи Русскаго Права. Пособіе для студентовъ. Одесса. 1910. Тип. Техникъ (Успенская ул., 56). 8° (15×22). 47 стр. Ц. 60 к. Въсь 6 л. 500 экз.

Григорьевъ, Владиміръ. Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II (Учрежденіе о губерніяхъ 7 ноябрия 1775 г.). Спб. 1910. Тип. Русская Скоропечатня (Екатерининскій кан., 94). 8° (16×24). VII+287 стр. Складъ въ книжн. магаз. П. В. Луковникова (Лештуковъ пер., 2). Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 12 л. 1.000 экз.

Ивановъ, И. С. 14-й стрѣлковый батальонъ „Желѣзной бригады“ въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко. Эпизодъ изъ исторіи освободительной войны 1877—1878 гг. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго (Колоколь-

ная, 14). Тип. В. Безобразова (В. О., Бол. пр., 61). 8° (16×23). 130 стр. Съ портр. и 2 картами. Ц. 1 р. Въсь 17 л. 1.000 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 1-я. М. 1910. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковский пер. св. д.). 8° (18×27). 69 стр. Въсь 15 л. 350 экз.

Орбели, І. Каталогъ Анійскаго музея древностей. Вып. 1. Описание предметовъ перваго отдѣленія. Анійская серія № 3. Спб. 1910 Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9., 12). 8° (16×23). XIV+135+V стр. Съ таб. и рис. Ц. 1 р. Въсь 25 л. 610 экз.

Орбели, І. Краткій путеводитель по городищу Ани. Анійская серія, № 4. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16×22). III+45+VI стр. Съ картой. Ц. 40 к. Въсь 12 л. 500 экз.

Романовъ, Е. Извѣщенія Литовскаго Епархіальнаго Древлехранилища. № 3. 1-го мая 1910 года. (Отд. от. изъ № 9 „Вѣстника Братства“ 1910 года). Вильна. 1910. Тип. Русскій Починъ. 8° (13×23). 34 стр. Въсь 1 л. 400 экз.

Синягинъ, Н. К. Матеріалы для бібліографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Вып. IV (№ 601—1000). Спб. 1910. Изд. Кружка любителей рус. изящныхъ изданій. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (26×35). 102 стр. Ц. 3 р. 50 к. Въсь 1 ф. 13 л. 850 экз.

Толь, К. Ѳ., Журналъ о Декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Подъ ред. Е. Н. Толь. Спб. 1910. Изд. Гр. Е. Н. Толь. Тип. Тренке и Фюсно (Максимильяновскій пр., 13). 8° (19×27). 38 стр. Въсь 11 л. 500 экз.

Тройницкій, С. Замѣтка о гербахъ князей Голицыныхъ. Спб. 1910. Тип. „Сиріусъ“. 16° (12×17). 19 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Ѳирсовъ, Н. Н., проф. Императоръ Александръ I и Его душевная драма. Свободное Знаніе. Сборникъ Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 л. 5) 8° (15×22). 53 стр. Съ портр. Въсь 9 л. 3.000 экз.

Алексій, іером. Краткія свѣдѣнія о Кожеозерскомъ монастырѣ, что въ Онежскомъ уѣздѣ, Архангельской епархіи и объ его основателяхъ—подвижникахъ и о св. преподобномъ Никодимѣ. Архангельскъ. 1910 Изд. Кожеозерск. обители. Тип. В. Черепанова. 8° (15×24). 8 стр. Въсь 1 л. 1.000 экз.

Бѣлокуровъ, С. А. „Дѣло Флетчера“ 1848—1864 г. М. 1910. Изд. Им. Общ. Истор. и древн. російскихъ Тип. Синодальная (Никольская, св. д.). 8° (19×29). 39 стр. Въсь 7 л. 300 экз.

Веселовскій, Н. Н. Гератскій бронзовый котелокъ 559 года Гиджры (1163 по Р. Х.) изъ собранія гр. А. А. Бобринскаго. Матеріалы по археології Россіи № 33. Спб. 1910. Изд. Археологич. комис. Тип. Академіи Наукъ. 4° (28×38). 20 стр. Съ рис. Въсь 14 л. 860 экз.

Гейсманъ, П. Польско-русско-литовскій походъ въ Восточную Пруссію и сраженіе при Грюнвальдѣ-Тавненбергѣ 15-го іюля 1410 года. Спб. 1910 Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 46 стр. Въсь 5 л. 100 экз.

Ермиловъ, В. Е. Великій артистъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Біографическій очеркъ. Библіотека для семьи и школы. М. 1910. Изд. Ред. журн. Юной Россіи (Б. Молчановка, 24), 3-е. Тип. К. Л. Меншова (Никольск. пр., 21). 8° (15×20). 110 стр.+2 портр. Ц. 30 к. Въсь 11 л. 3.600 экз.

Кузнецовъ, С. К. Русская историческая географія. Курсъ лекцій

читанных въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. Вып. 1 (мера, мещера, мурома, весь). М. 1910. Изд. Моск. Археол. инст. Тип. Синодальная, 8° (18×27). 3 нел.+197 стр. Въсь 1 ф. 650 экз.

Лермонтова, Е. Д. Похвальное слово Лихудовъ царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ. М. 1910. Изд. Имп. Общ. Исторіи и древн. Россійскихъ. Тип. Синодальная 8° (18×29). 9 стр. Въсь 2 л. 200 экз.

Никольскій, М. В. Новооткрытая въ Эриванской губерніи клинообразная надпись. (Съ фотоинициальной таблицей). (Отд. отт. изъ „Извѣстій Импер. Археол. Комиссіи“, вып. 37). М. 1910. Тип. О. О. Гербахъ (Б. Чернышевск. п., 5). 8° (20×29). XIII стр. Въсь 4 л. 960 экз.

Плано Карпини-де, Іоаннъ. Исторія монологовъ Рубрукъ де, Вильгельмъ. Путешествіе въ восточныя страны. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. І. Маленна. Спб. 1910. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (21×31). XVI+219 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 16 л. 1.200 экз.

Покрышкинъ, П. Краткіе совѣты для производства точныхъ обмѣровъ въ древнихъ зданіяхъ. Спб. 1910. Тип. Главн. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×27). 4 стр. Въсь 1 л. 300 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. IX—X Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16×24). XIX+441 стр. Съ таб. Въсь 1 ф. 22 л. 730 экз.

Русско-Японская война. Т. V. Мукденское сраженіе Ч. I. (1904—1905 гг.). Событія, непосредственно предшествовавшія Мукденскому сраженію, и самое сраженіе до приказанія Главнокомандующаго объ отходѣ III и I арміи въ Хунъ-хэ. Спб. 1910. Изд. Гл. Упр. Ген. Штаб. Тип. Государственная. 4° (19×29). IX+685 стр. Въсь 4 ф. 4.050 экз.

Самоквасовъ Д. Я. Крестьяне древней Россіи по новооткрытымъ документамъ. М. 1910. Тип. Университета (Страстной бульв.). 8° (18×28). IV+141 стр. Въсь 22 л. 600 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балк. полуостровѣ. Вып. 77. Дѣяствія Восточнаго отряда. (Рушукскій и Тырновскій отряды) съ 20 января по 19 февраля 1878 г. Спб. 1910. Изд. Гл. Упр. Ген. Штаба. Тип. Энергія (Загород. прос., 17). 4° (20×29). XXX+395 стр. Въсь 3 ф. 1.250 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 81. Отчетъ о службѣ и дѣятельности частей инженерныхъ войскъ, морскихъ отрядовъ и разныхъ командъ, подвѣдомственныхъ начальнику инженеровъ арміи, во время войны въ Европейской Турціи 1877—78 гг. Спб. 1910. Изд. Воен.-Истор. Комиссіи Гл. Упр. Генер. Штаба. Тип. Рус. Скоронечатня (Екатер. кан., 91). 8° (19×28). 246 стр. Въсь 1 ф. 26 л. 1.210 экз.

Титовъ, А. А. Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь. М. 1910. Изд. П. В. Щетинкина. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (18×27). 161+19 лист. рис. Въсь 27 л. 650 экз.

Бобринской, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. 15 фотографическихъ таблицъ (отъ № 14 до 28 включит.) раб. фот. П. П. Павлова. Вып. II-ой. М. 1910. Тип. Левенсонъ; фотографія Павлова. 4° (31×41). 4 стр.+15 таблицъ. Въсь 1 ф. 5 л. 500 экз.

Болдыревъ, В. Г. Взятіе Риги въ 1710 году. (Къ 200-лѣтней го-

довщинѣ 1710—1910 г.). Рига 1910. Тип. Шкакенбургъ (Конюшенная, 5). 8° (15×23). 45 стр. Съ рис. Въсь 5 л. 2.000 экз.

Болдыревъ, В. Г. Осада и взятіе Риги русскими войсками въ 1709—1710 г.г. (Къ 200-лѣтнему юбилею). Рига 1910. Изд. Риж. гор. обществ. управл. Тип. Мюллера (Гердерова пл., 1). 8° (15×22). 101 стр. Съ рис. + 1 карта. Въсь 10 л. 2.000 экз.

Вишнявскій, А. Н. Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, бывшій Московскій генераль-губернаторъ. Въ память столѣтняго дня его рожденія 3-го іюля 1810—1910 г.г. по историческимъ даннымъ, М. 1910. Тип. А. А. Левенсонъ. 8° (15×22). 79 стр. Съ портр. Въсь 8 л. 1.000 экз.

Высоцкій, И. И. Очерки по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей. (1710—1910 г.г.). Вып. первый. Русская Государственность. Рига. 1910. Тип. А. Нитавскаго (Гертрудинская, 14). 8° (16×24). 42 стр. Складъ: Кв. маг. А. А. Павловъ (Песочная, 32). Ц. 30 к. Въсь 5 л. 1.100 экз.

Голубцовъ, Н. А. Историческій очеркъ Архангельской Публичной Библіотеки. Архангельскъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (18×26). 48 стр. Въсь 7 л. 200 экз.

Городъ Рыбинскъ и Рыбинская пристань сто лѣтъ тому назадъ (1811—1911). Описаніе города Рыбинска печатается по рукописи, написанной въ 1811 году. Рыбинскъ. 1910. Изд. Д. Золотарева. Тип. С. А. Овсяникова. 16° (13×18). 45 стр. + 1 планъ. Ц. 20 к. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Двадцатипятилѣтіе почтово-телеграфнаго вѣдомства 1885—1910. Спб. 1910. Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 8° (17×24). 19 стр. Въсь 6 л. 500 экз.

200 лѣтъ 3-го гренадерскаго Перновскаго короля Фридриха Вильгельма IV полка 29-го іюня 1910 г. М. 1910. Тип. А. А. Левенсона (Трехпрудн. п., с. д.). 8° (17×28). 24 стр. Съ портр. и рис. Въсь 5 л. 3.500 экз.

Евстафьевъ, П. В. Древняя Русская Литература (до Петровскій періодъ). 2-й вып. Книжная словесность. Спб. 1910. Изд. 12-е и тип. Гутзаца (Шпалерная, 26). 8° (18×75). 102+II стр. Съ рис. Ц. 75 к. Въсь 12 л. 1.545 экз.

Зубаревъ, Ѳ. Юбилей Государевыхъ гренадеръ. 1900—1910 г. Памятка 12 гренадерскаго Астраханскаго Императора Александра III полка. Составлено по полковымъ источникамъ. М. 1910. Тип. Б. О. Смирновой (Лубянк. пр., д. политехнич. музея). 8° (15×21). 120 стр. + 6 портр. Въсь 8 л. 3.000 экз.

Каманинъ, И. М. Битва казаковъ съ поляками подъ м. Берестечкомъ въ іюнь 1651 г. Кіевъ. 1910. Тип. Окружнаго Штаба (Банковая, 11). 8° (15×22). 25 стр. Съ картами и рис. Въсь 6 л. 3.000 экз.

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Томъ I. Вып. II. М. 1910. Изд. Заря, 2-е. Тип. Обществ. польза (Тверск.-Ямск., 26). 8° (15×23). 240 стр. Ц. 1 р. Въсь 25 л. 5.000 экз.

Кордтъ, В. Матеріалы по исторіи русской картографіи. Карты всей Россіи и Западныхъ ея областей до конца XVII в. Вып. 2-й. Кіевъ. 1910. Изд. Комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (31×49). 31 стр. Съ 28 картами. Въсь 1 ф. 28 л. 442 экз.

Къ вопросу о клятвахъ Антиохійскаго патріарха Макарія и собора 1656 г. на знаменующихся двуперстно. Спб. 1910. Изд. В. М. Скворцова, Тип. Колоколъ (Невскій, 127). 8° (17×25). 23 стр. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Лукомскій, В. и Тройницкій, С. Указатель къ Высочайше утвержденному общему Гербовнику Дворянскихъ родовъ Имперіи и Гербовнику Дворянскихъ родовъ Царства Польскаго. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8° (17×23). 151 стр. Ц. 1 р. 40 к. Въсь 19 л. 500 экз.

Миклашевскій, Іос. Памяти М. А. Балакирева. Кіевъ. 1910. Тип. С. Г. Слюсаревскаго (Институтская, 14). 16° (12×19). 16 стр. Въсь 2 л. 120 экз.

Нижегородскія платежныя 7116 и 7120 гг. Приготовилъ къ печати и редактировалъ С. Веселовскій. М. 1910. Изд. Имп. О-ва Истор. и Древн. Рос. Тип. Синодальная 8° (19×28). V+284 стр. Въсь 1 ф. 12 л. 300 экз.

Никитинъ, Н. М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Безпл. прил. къ № 4 „Современнаго Журнала“. Спб. 1910. Изд. 2-е, Тип. К. А. Четверикова (Караванная, 7). 8° (14×19). 16 стр. Въсь 2 л.

Отчетъ о первомъ присужденіи преміи А. П. Бахрушина Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (17×27). 32 стр. Въсь 6 л. 100 экз.

Отчетъ Тверского Епархіальнаго Историко-Археологическаго Комитета за 1907, 1908 и 1909 гг. (Перепечат. изъ №№ 22 и 23 за 1910 г. „Тверск. Епарх. Вѣдом.“). Тверь. 1910. Тип. Н. М. Родионова (Трехсвятская, д. Шанканова). 8° (17×25). 18 стр. Въсь 1 л. 300 экз.

Покровскій, А. Очерки исторіи церковнаго цѣнія. Богослужбное цѣніе древней Христіанской Церкви. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (15×22). 20 стр. Ц. 20 к. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Покровскій, В. И. Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 2-е, доп. Тип. Л. Лиснеръ и Д. Собко. 8° (16×25). 173 стр. Съ портр. Ц. 50 к. Въсь 18 л. 3.000 экз.

Рождественскій, С. В. Отзывъ о сочиненіи В. О. Эянгорна. Московское главное народное училище 1786—1804 гг. М. 1910. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. при моск. унив. Тип. Синодальная. 8° (18×27). 14 стр. Въсь 3 л. 200 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть II (Исторія литературы съ эпохи Петра В. до Пушкина). Спб. 1910. Изд. Я. Башмакова и К°, 3-е испр. и доп. Тип. „Трудъ“ (Фонтанка, 86). 8° (16×23). XVIII+33—1 стр. Ц. 1 р. 20 к. Въсь 1 ф. 1 л. 10.000 экз.

Смирновъ, С. И. Отзывъ о сочиненіи Г. Н. Шмелева: Изъ Исторіи Московскаго Успенскаго Собора. М. 1910. Изд. Имп. О-ва Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. Тип. Синодальная. 8° (17×27). 17 стр. Въсь 4 л. 200 экз.

Сочиненія о Россіи на иностранныхъ языкахъ. Антикварный каталогъ № 68. Н. Киммеля. Рига. 1910. Тип. Мюллера (Гердерева пл. 1). 8° (14×21). 172 стр. Въсь 10 л. 3.000 экз.

Страннопріимный домъ Графа Шереметева въ Москвѣ 1810—1910 г. М. 1910. Изд. Юбилейное, составл. по поруч. попечителя Гр. С. Д. Шереметева. Тип. Синодальная. 8° (19×29). 518+VII+74+148+IV' стр.+37 рис. Въсь 6 ф. 8 л. 600 экз.

Васильевъ, Ѳ. Т. Серебряный рубль суздальско-нижегородскаго

князя Василя Кирдяпы. Казань. 1910. Тип. Университета. 8° (17×25) 7 стр. и 1 табл. рис. Въсь 3 л. 50 экз.

Высоцкій, И. И. Очерки по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей (1710—1910 г.г.). Вып. II. Православіе. Часть первая. Рига. 1910. Тип. Н. А. Нитавскаго (Гертрудинская, 14). 8° (16×29). 35 стр. Ц. 30 к. Въсь 4 л. 1.100 экз.

Вышемирскій, З., свящ. Историческая справка. По поводу XXV лѣтія существованія, возрожденной Императоромъ Александромъ III, церковной школы въ Россіи вообще и въ Павлоградскомъ уѣздѣ въ частности (1884—1909 г.). Отд. отт. изъ Екатер. Епарх. Вѣдом. № 13, 14, 15 и 16 за 1910 г. Екатеринославъ. 1910. Тип. С. И. Барановскаго. 8° (17×25). 24 стр. Въсь 2 л. 110 экз.

Гнѣвушевъ, А. М. Писцовая книга Обонежской пятины второй московской описи. Кіевъ 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская) 8° (17×25). II+96 стр. Въсь 11 л. 200 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Вып. 3. Спб. 1910. Изд. I. Кнебель (Москва). Тип. Голике (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 111 стр. и 91 рис. Въсь 1 ф. 18 л. 15.000 экз.

Граціанскій, Н. О памятникахъ идеографическаго письма крестьянокъ Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Казань. 1910. Тип. Университета 8° (16×25). 15 стр.+9 таб. рис. 50 экз.

Ивановъ, кап. Памятка Зарайца о войнѣ съ Японіей въ 1904—1905 гг. М. 1910. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (16×23). 63 стр. Съ портр. Ц. 30 к. Въсь 9 л. 4.000 экз.

Извѣстія Общества археологін, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ. Томъ XXVI, вып. 3 Казань. 1910. Тип. Университета 8° (17×25). 175—294 стр. Съ рис. Ц. 5 р. Въсь 20 л. 300 экз.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ. 1910. Тома XV. Кн. I. Спб. 1910. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ. (В. О., 9 л. 12). 8° (16×24). 324+XXI стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 11 л. 873 экз.

Содержаніе Яцимирскій, А. И. Къ исторіи апокрифовъ.—Бобровъ, Е. А. Изъ ист. рус. литературы XVIII и XIX столѣтій.—Коробка, Н. И. Образъ птицы, творящей міръ.—Трубицынъ, Н. В. Идеализмъ Гоголя.—Марковъ, А. В. Данные по говору Стародубскаго уѣзда.—Веселовскій, А. А. Капнистъ и Горацій.—Щерба, Л. В. Критич. замѣтки.—Кунцевичъ, Г. З. Подлинный списокъ о новыхъ чудотворцахъ.—Некрасовъ, А. Н. Житіе пр. Евфросиніи.—Баженовъ, Н. М. Квитка-Основьяненко.—Чернышевъ, В. И. Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ.—Бенешевичъ, В. Н. Прод. Указателя.

Кульчицкій, В. М. 1810—1910. Памятка 12-го Драгунскаго Стародубовскаго полка о сраженіи и взятіи крѣпости Базарджика въ 1810 г. 22 мая. Харьковъ. 1910. Тип. М. Дрейшпуль и С-вья. 16° (12×16). 16 стр. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Курдиновскій, З. Г. Н. В. Гоголь и его творчество. Кишиневъ. 1910. Тип. Епархіальная. 8° (15×21) 125 стр. Съ портр. Въсь 9 л. 1.000 экз.

Матвѣевъ, М. Л. Бородино 26-го августа 1812 года. Военно-историческій очеркъ съ двумя планами сраженій (издано для офицеровъ и нижнихъ чиновъ 184-го пѣх. рез. Варшавскаго полка). Варшава 1910,

Тип. Русск. Об. (Пл. Св. Александра, 4). 8° (15×21). 48 стр. Съ рис. Въсь 5 л. 1.050 экз.

Нуссбаумъ, И. Критическіе матеріалы по литературѣ. Вып. II. Ложноклассицизмъ. Сентиментализмъ. Романтизмъ. Байронизмъ. Реализмъ. Вып. III. Пушкинъ. Гоголь. Лермонтовъ. Кольцовъ. Тургеневъ. Гончаровъ. Островскій. Житоміръ. 1910. Изд. автора (Пигулевскій пер. д. Бронштейна). Тип. Губернская. 8° (16×21) 88 стр. Ц. 60 к. Въсь 9 л. 1.500 экз.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Томъ XIII. Боевыя дѣйствія въ 1812 г. (Іюнь). Спб. 1910. Изд. Глав. Управ. Генер. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8° (18×25). XXVI+417+XXXII стр. Въсь 2 ф. 500 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1902 г. Спб. 1910. Тип. В. Киршбаума (Дворцовая площ., д. М-ва Финанс.). 8° (18×27). V+247 стр. Въсь 1 ф. 19 л. 500 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1903 г. Спб. 1910. Тип. В. Киршбаума (Дворцовая площ., д. М-ва Финанс.). 8° (18×27). V+154+196+4 неч. стр. Въсь 2 ф. 10 л. 500 экз.

Прибалтійскій Край подъ русской властью. Къ 200-лѣтн. юбилею присоединенія Прибалтійскаго края къ Русской Державѣ. (4 іюля 1710 — 4 іюля 1910 г.). Рига. 1910. Изд. Риж. Петропавл. правосл. бр-ва. Тип. Г. Гемпель и К° (Крѣпостная, 7). 8° (14×22). 24 стр. Съ портр. Ц. 15 к. Въсь 3 л. 3.000 экз.

Пшеничниковъ, П. Г. Русскіе въ Прибалтійскомъ краѣ. Историческій очеркъ. Рига. 1910. Изд. Риж. націон. клуба Русская Бесѣда. Тип. Н. А. Нитовскаго. 8° (16×23). 27 стр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Саратовскій Радищевскій музей, состоящій подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Имп. Выс. Вел. Кн. Георгія Михайловича. XXV. Саратовъ. 1910. Тип. П. С. Феокритова (Никольская ул., св. д.). 4° (21×24). 14 стр. Съ рис. Въсь 11 л. 200 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть I. Вып. I. Народная словесность. Спб. 1910. Изд. Я. Башмакова и К°, 5-е стереотипн. Тип. Спб. Градоначальства (Измайлов. пр., 8-я рота, 20). 8° (16×23). 145+XII стр. Ц. 60 к. Въсь 15 л. 15.000 экз.

Смирнскій, Іоаннъ, свящ. Къ 49-й годовщинѣ великой крестьянской реформы (Изъ воспоминаній и наблюденій скромнаго дѣятеля по введенію Положенія 19-го февраля 1861 года). Харьковъ. 1910. Тип. „Мирный Трудъ“ (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 13 стр. Въсь 2 л. 150 экз.

Токаревъ, П. М. Бельгійскій вопросъ. Краткій Историческій очеркъ. I. Къ 200 лѣтію присоединенія Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи 1710—1910. Рига. 1910. Тип. Г. Гемпель и К° (Крѣпостная, 7). 8° (14×22). 27 стр. Складъ: кн. маг. А. А. Павлова (Песочная, 32). Въсь 3 л. 1.500 экз.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета. Май. 1910 г. Казань. 1910. Тип. Университета. 8° (17×25). 53+76+497—512+33—192+62+369—405+30 стр. Ц. 7 р. Въсь 1 ф. 600 экз.

Арсеньевъ, В. С. Списокъ дворянскихъ родовъ Сѣдлецкой губерніи. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8° (16×22). 31 стр. Ц. 45 к. Въсь 5 л. 250 экз.

Бережковъ, М. А. Ф. Шафонскій и его трудъ: Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе. (Замѣтки къ исторіи Черниговской губерніи и Малороссіи вообще). Нѣжинъ. 1910. Тип. Насл. В. К. Маленевскаго. 8° (18×27). 120 стр. Ц. 75 к. Въсь 17 л. 200 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Коммисіи. Вып. 35. Спб. 1910. Тип. Гл. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×28). 131 стр.+5 табл. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 900 экз.

Содержаніе: Н. И. Веселовскій. Алебастровыя и глиняныя статуэтки домикенской культуры въ курганахъ южной Россіи (съ 4 табл. и 11 рис.).—В. В. Шкорпилъ. Отчетъ о раскопкахъ въ гор. Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ въ 1907 г. (съ 33 рис.).—Графъ А. А. Бобринской.—Исслѣдованія въ Чигиринскомъ у. Кіевской губ. въ 1907 г. (съ 14 рис.) Его же. Отчетъ о раскопкахъ въ Чигиринскомъ у. Кіевской губ. въ 1908 г. (съ 51 рис.).—А. А. Миллеръ. Раскопки въ районѣ древняго Танаиса (съ 1 табл. и 30 рис.).—А. С. Раскопка кургана въ гор. Валуйкахъ (съ 1 рис.).

Ильинскій, Л. Поэзія кладбища. (Изъ наблюденій надъ могильными надписями Казанскаго Арскаго кладбища). Казань. 1910. Изд. Совѣта Общества археологін при Казан. унив. Тип. университета. 8° (17×25). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Никаноръ, арх. Остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у чувашъ. Казань. 1910. Изд. автора 2-е испр. и доп. Тип. университета. 8° (17×25). 38 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Обтемперанскій, А. Безблагодатное и противоканоническое священство Бѣлокриницкаго общества (Историко-каноническая справка объ „Австрійской расколостарообрядческой іерархіи“). Екатеринбургъ. 1910. Тип. А. Р. Вельць. 8° (15×23). 41 стр. Вѣсъ 3 л. 2.400 экз.

Покровскій, К. Этнографическій элементъ въ произведеніяхъ Григоровича. М. 1910. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж., 9). 8° (17×25). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. П. М. 1910. Изд. Москов. Учеб. Книгоизд. (Глиннищевскій пер., 3). Тип. Люндорфъ (Мал. Спасская, 2). 8° (15×23). 439 стр.+2 портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 5.000 экз.

Шереметевъ, Павелъ, графъ. Борисъ Сергѣевичъ Шереметевъ. 1822—1906. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (20×27). 57 стр.+IX отдѣльн. рис. и 15 музыкальн. произведеній. Вѣсъ 1 ф. 400 экз.

Голубевъ, С. Панегирикъ кіево-печерскому архимандриту Елисею, Плетенецкому 1618 года. Кіевъ. 1910. Тип. „Петръ Барскій“ (Крещатикъ. № 40), 8° (17—24). 55 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Егоровъ, Анатолій. Изъ дѣлъ архива Одесскаго цензурнаго комитета. Одесса. 1910. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×27). 6 стр. Вѣсъ 2 л. 25 экз.

Историческое описаніе свято-троицкія Сергіевы Лавры. Сергіевъ Посадъ. 1910. Тип. Троице-Сергіевой Лавры. 8° (18×27). 159 стр. Съ рис. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Исторія Русской Литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго. Вып. 19-й. М. 1910. Изд. Т-ва „Міръ“ (Знаменка, 13). Тип. т-ва Н. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (18×27). 81—160 стр. Съ рис. Вѣсъ 20 л. 10.000 экз.

Орловъ, Н. А. Битва подъ Грюнвальдовъ 15 іюля 1410 г. Калуга. 1910. Тип. Губернская. 16° (11×17). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Покровскій, В. И. Николай Васильевичъ Гоголь. Сборникъ исто-

рико-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 3-е доп. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко. 8° (16×25). VII+421 стр. Ц. 1 р. Въсь 1 ф. 5 л. 6.000 экз.

Самоковасовъ, Д. Я. Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи. М. 1910. Тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (16×25). 16 стр. Въсь 4 л. 400 экз.

Тевяшовъ, Е. Е. О назначеніи боковыхъ отверстій на втулкахъ бронзовыхъ наконечниковъ скиѣскихъ стрѣлъ. (Навлечено изъ журн. Мин. Нар. Просвѣщенія за 1910 годъ). Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8° (16×24). 16 стр. Въсь 3 л. 200 экз.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета № 6. Юрьевъ. 1910. Тип. К. Маттисена. 8° (16×24). 270 стр. Въсь 27 л. 600 экз.

Херсонисскій первоклассный Монастырь Святого Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра въ Херсонисѣ Таврическомъ (древнемъ Корсунѣ). Симферополь. 1910. Тип. Таврич. Губ. Земства. 8° (14×22). 97 стр. Въсь 11 л. 2.500 экз.

Шульгинъ, С. Н. Изъ Дагестанскихъ преданій о Шамилѣ и его сподвижникахъ. Тифлисъ. 1910. Тип. К. П. Козловскаго. 8° (15×22). 36 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Въсь 6 л. 600 экз.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ТРЕТІЙ

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.	СТРАН.
I. Наброски изъ моей жизни. С. П. Зыкова. 3—38,	331—412
II. Командировка дивизіона лейбъ-драгунъ въ Финляндію, въ г. Вильманстрандъ, въ лагерь финскихъ войскъ въ 1888 г. В. А. Кова- левскаго	65—82
III. Изъ давно прошедшаго (1876—1879). Л. Бо- гаевскаго. 115—130,	267—280
IV. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера . 133—166	293—340, 507—525
V. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 г.г. Сообщ. Е. Каменскій . 341—361,	167—182 526—546
VI. Мои воспоминанія. П. А. Ильина	237—239
VII. Страничка изъ исторіи бѣлорускаго духо- венства. (Воспоминанія о протоіерее Павлѣ Ивановичѣ Круковскомъ). Адр. Круков- скаго	240—245
VIII. Парижскія воспоминанія. Алексѣя Плет- нева.	288—292
IX. Изъ прошлаго деревни (воспоминанія). М. С—а	460—483
X. Свиданіе съ Мадцини. В. Лугинина . . .	484—488
XI. Севастопольскія воспоминанія. В. Луги- нина.	489—490

Портреты:

- I. Гр. Александра Ѳедоровича Ланжерона (при 7-й книгѣ).
 II. Андрея Денисьевича Виніуса (при 9-й книгѣ).

Приложеніе:

- Планъ Гродненской губ. (Володимірія) (при 9-й книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разказы.—Матеріалы и замѣтки.

- I. М. Х. Рейтернъ. (Біографическій очеркъ, составленъ А. Н. Куломзиннымъ и гр. В. Г. Рейтернъ—бар. Нолькенъ. Съ приложеніями изъ посмертныхъ записокъ М. Х. Рейтерна). 39— 55
- II. О посѣщеніи Императоромъ Александромъ III, въ бытность его Великимъ Княземъ, въ 1864 г. артезіанскаго колодца въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. А. А.—х а. 56— 58
- III. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1878—1878 г.г. Е. А. Рагозиной 59— 62,
191—202, 413—426
- IV. Изъ архива виленскаго генераль-губернаторства. Къ родословію Скобелевыхъ. Сообщ. Ю. В. Татищевъ 63— 64
- V. Народная легенда. Е. Г. 83— 85
- VI. Какъ прежде собирались иногда историческіе матеріалы въ духовномъ вѣдомствѣ. Сообщ. Л. С. М. 86
- VII. 15 писемъ адмирала А. И. Панфилова. Сообщ. Е. А. Трутъ 87—105
- VIII. Отвѣтъ Ѳ. А. Макшеву. С. Зыкова. 106
- IX. Пребываніе Императора Александра I въ с. Грузино, Новгородскаго у. Новгородской г., 7 іюня 1810 г. Н. А. Лашкова. 107—114
- X. Къ исторіи русскаго флота. (Письмо 1698 г. изъ Воронежа о кумпанствѣ вологодскаго архіепископа). Сообщ. И. Суворовъ. 131—132
- XI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 10 декабря 1909 г. по 3 февраля 1910 г. 183—190

	СТРАН.
XII. Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго. И. П. Козловскаго.	203—219
XIII. Къ исторіи русскихъ суевѣрій. (Челобитная 1685 г.).	220—222
XIV. На могилѣ Батюшкова. (Очеркъ). Г. Добря- кова.	223—226
XV. Изъ разсказовъ дѣдушки. А. К.	227—236
XVI. Изъ недавняго прошлаго. (Бытовые очерки).	246—266 441—459
XVII. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Сооб. А. Чебы- шевъ.	281—287
XVIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи лите- ратуры съ 3 февраля по 18 мая 1910 г.	362—380
XIX. Тестъ А. С. Грибоѣдова—кн. Александръ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка. М. Я. Алавердянца.	426—432
XX. Андрей Денисьевичъ Виніусъ. (Историч. ма- теріалы, собранные Евг. Вильчинскимъ). Е. Вильчинскаго.	433—440
XXI. „Завѣщательныя распоряженія“ графа А. А. Аракчеева, собственноручно написанная на листахъ напрестольнаго евангелія 1833 г. въ Андреевскомъ соборѣ села Грузина. Н. А. Лашкова.	490—498
XXII. Письмо И. Д. Якушкина къ Михаилу Яковле- вичу Чаадаеву. Сообщ. Кн. Андрей Зве- нигородскій.	499—503
XXIII. Приходскіе нравы половины XVII вѣка. Сообщ. Ив. Суворовъ.	504—506
XXIV. Володимірія. А. Ф. Риттиха.	547—557
XXV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи лите- ратуры съ 15 іюня по 3 августа 1910 г.	558—566

Библиографическій листокъ.

1. Изданія Великаго Князя Николая Михайловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ IV (на оберткѣ іюльской книги).
2. Дневныя записки о путешествіи Россійско-Императорскаго

посольства въ Персіи въ 1816 и 1817 г.г., веденныя совѣтникомъ этого посольства Е. А. Соколовымъ (тамъ же).

3. И. Корниловъ. Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа. Изданіе второе, провѣренное и дополненное (посмертное). Выпускъ первый (тамъ же).

4. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двадцать вторая. Съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ. С.-Петербургъ 1910 г. (тамъ же).

5. Труды Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Т. I—IV. -СПБ. 1909 г. (на оберткѣ августовской книги).

6. Столѣтіе Военнаго Министерства Ч. III. Память о членахъ Военнаго Совѣта (тамъ же).

7. Столѣтіе Военнаго Министерства. Вып. I. Систематическій указатель. Составилъ Н. М. Затворницкій подъ редакціей Д. А. Скалона (тамъ же).

8. Столѣтіе Военнаго Министерства. Приложение III. Составилъ Н. М. Затворницкій (тамъ же).

9. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 мая по 15 іюня 1910 г. (на оберткѣ сентябрьской книги).

Поправка: Въ августовской книжкѣ, вкралась ошибка, на обложкѣ журнала и на страницѣ 239 напечатано П. А. Пивинъ, а слѣдуетъ П. А. Ильинъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Мордовцевъ, Д. Л. Полное собраніе сочиненій. Т. П. Замѣчательныя историческія женщины на Руси. Отъ княгини Ольги до нашихъ временъ.—120 Біографій и Характеристикъ. Русскія женщины до Петра. Спб. 1910. Изд. Н. Н. Перевозникова (Банковский пер., 31). Тип. Баянского (Загородный, 74). 8° (15×21). 336 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсѣ 23 л. 3.000 экз.

Никольскій, Викторъ. Русскіе художники. В. И. Суриковъ. Спб. 1910. Изд. Т-ва Огни (7 рота, 26). Тип. Акц. Общ. Тип. дѣла, клише и иллюстр. Ф. Брукманъ въ Мюнхенѣ. 8° (17×23). 95 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Въсѣ 16 л. 2.000 экз.

Труды Псковскаго Археологическаго общества. Вып. 6-й 1909—1910 г. Псковъ. 1910. Тип. Губ. Земства. 8° (15×20). 154 стр. Ц. 50 к. Въсѣ 15 л. 215 экз.

Содержаніе: Помяловскій, М. Историческая памятка событія 1510 г. Окуличъ-Казаринъ, Н. Памятники паденія Псковской независимости. Лебедевъ, А. Къ біографіи Иннокентія (Нечаева), архіепа. Псковскаго. Геропольскій, К. Пѣсни, записанныя въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губ. Елагинъ, В. Припѣвки, собранныя и записанныя въ гор. Холмѣ. Петровъ, В. Сонки, насыи и городища по Опочецкому уѣзду. Окуличъ-Казаринъ, Н. Старинные документы. Его же. Старинные синодвки. Указатель къ синодику Троицкаго собора.

Дмитріевъ, Никодимъ. Памяти М. А. Балакирева. Саратовъ. 1910. Изд. автора. Тип. Союза печатнаго дѣла (Армянская ул.). 8° (14×23). 4 стр. Въсѣ 1 л. 300 экз.

Лаппо Данилевскій А. С. Методологія исторіи. Часть 1-я. Теорія историческаго знанія. Спб. 1910. Тип. В. Везобразова В. О., Больш. пр. 61). 8° (17×25) 291 стр. Въсѣ 28 л. 500 экз.

Лернеръ, Н. О. Труды и дни Пушкина. Спб. 1910. Изд. и тип. Акад. Наукъ П-е испр. и доп. (В. О., 9 л., 12). 8° (17×25) 576 стр. Ц. 3 р. Въсѣ 2 ф. 5 л. 912 экз.

Лицейскій Журналъ. Годъ седьмой. 1909—1910. Спб. 1910. Изд. Л. Е. Кондратьева, Н. Н. Геракова и Ю. В. Ермолова. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8° (17×28). 247—289 стр. Въсѣ 6 л. 150 экз.

Содержаніе: Гаартманъ, Л. Ф. Наполеонъ I. Л. Стихотвореніе. Щербakovъ, И. Стихотвореніе. Мышенскій, Д. Пушкинскій музей и лиценсты. Сухотинъ, А. Стихотвореніе. Ермоловъ Юрій. На лицейскія темы. Ганъ, К. Стихотвореніе.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ двухъ частяхъ. Подъ ред. В. В. Каллаша. Часть 1. Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина. М. 1910. Изд. 18-е, В. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной) Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестов. п., с. д.). 8° (15×22). IV+237 стр. Ц. 1 р. Въсѣ 19 л. 15.000 экз.

Остенъ-Сакенъ, В., бар. Государственно-правовое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. автора. Безпл. прил. къ газ. „Окраина“. Спб. 1910. Тип. Государственная. 8° (19×26). 220 стр. Въсѣ 21 л.

Покровскій, М. Н. Русская исторія. Томъ 1. Книга вторая М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменская, д. 13). Тип. В. В. Чичерина (Марьинскій уч. св. д.). 8° (19×28). 149—259+56+7 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсѣ 31 л. 5.000 экз.

Сборникъ Имп. русскаго историческаго общества. Т. I. 131-й. Переписка Императора Николая Павловича съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ Т. I. (1825—29 гг.). Спб. 1910. Изд. Имп. рус. историч. общества (Загородный, 70). Тип. М. А. Александрова. (Надеждинская, 43) 4° (20×28) II+398 стр. Ц. 3 р. Въсѣ 1 ф. 28 л. 1.258 экз.

Смоленскій, С. В. Мусикійская грамматика Николая Дѣлецкаго. Труды Общ. любителей древней письменности СХХVIII. Спб. 1910. Изд. Общ. любит. древней письменности. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×27). XII+175 стр. Въсѣ 1 ф. 1 л. 450 экз.

Бородкинъ, М. Двухсотлѣтіе взятія Выборга. Спб. 1910. Тип. Государственная. 8° (18×27). 28 стр. Съ рис. и картой. Складъ: маг. Новаго Времени. Въсѣ 7 л. 1.000 экз.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Къ двухсотлѣтію взятія Выборга. Спб. 1910. Тип. Государственная. 4° (21×29). XVIII+337 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Въсѣ 1 ф. 23 л. 1.000 экз.

Бѣлогорскій Свято-Николаевскій православно-миссіонерскій мужской общежительный монастырь (въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи). М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×23). 101 стр. Съ рис. Въсѣ 8 л. 6.000 экз.

Владимірскій, Константинъ, прот. Лѣтопись соборной Христорожественской церкви и прихода заштатнаго города Починокъ, Нижегородской Епархіи. Н.-Новгородъ. 1910. Изд. 2-е доп. Тип. И. К. Владимірскаго. 8° (14×21). 140 стр. Въсѣ 16 л. 200 экз.

Забѣлинъ, И. Е. Какъ жили въ старину русскіе Цари-Государи. Спб. 1910. Изд. общ. грамотности (Театральная ул., 5). Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ, 4). 8° (14×21). 48 стр. Ц. 10 к. Въсѣ 4 л. 5.000 экз.

Романовъ, Е. Извѣщенія Литовскаго Епархіальнаго Древнехранилища. № 1. 15-го февраля 1910 года. Вильна. 1910. Тип. Русскій починъ. 8° (15×23). 5 стр. Въсѣ 1 л. 250 экз.

Семеновъ, Вл. Бой при Цусимѣ. Памяти „Суворова“. Спб. 1910. Изд. 3-е, испр. и доп. Тип. т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5). 8° (13×19). 112 стр. Съ таб. Ц. 60 к. Въсѣ 13 л. 3.000 экз.

Сивинскій, С. Н. Къ двухсотлѣтію русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ 1710—1910 г. Историческій очеркъ Прибалтійскаго края. Сѣверная война въ предѣлахъ Прибалтійскаго края. Осада и взятіе Риги. Рига. 1910. Изд. Риж. педагог. об-ва. Тип. Шнакенбургъ (Конюшенная, 5). 8° (15×23). 47 стр. Съ портр.+1 карта. Складъ: кн. маг. А. Павлова (В. Песочная, 32). Ц. 20 к. Въсѣ 5 л. 2.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ СТАРИНА 1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цена за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящіе въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. е. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

3 0000 108 521 315

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

